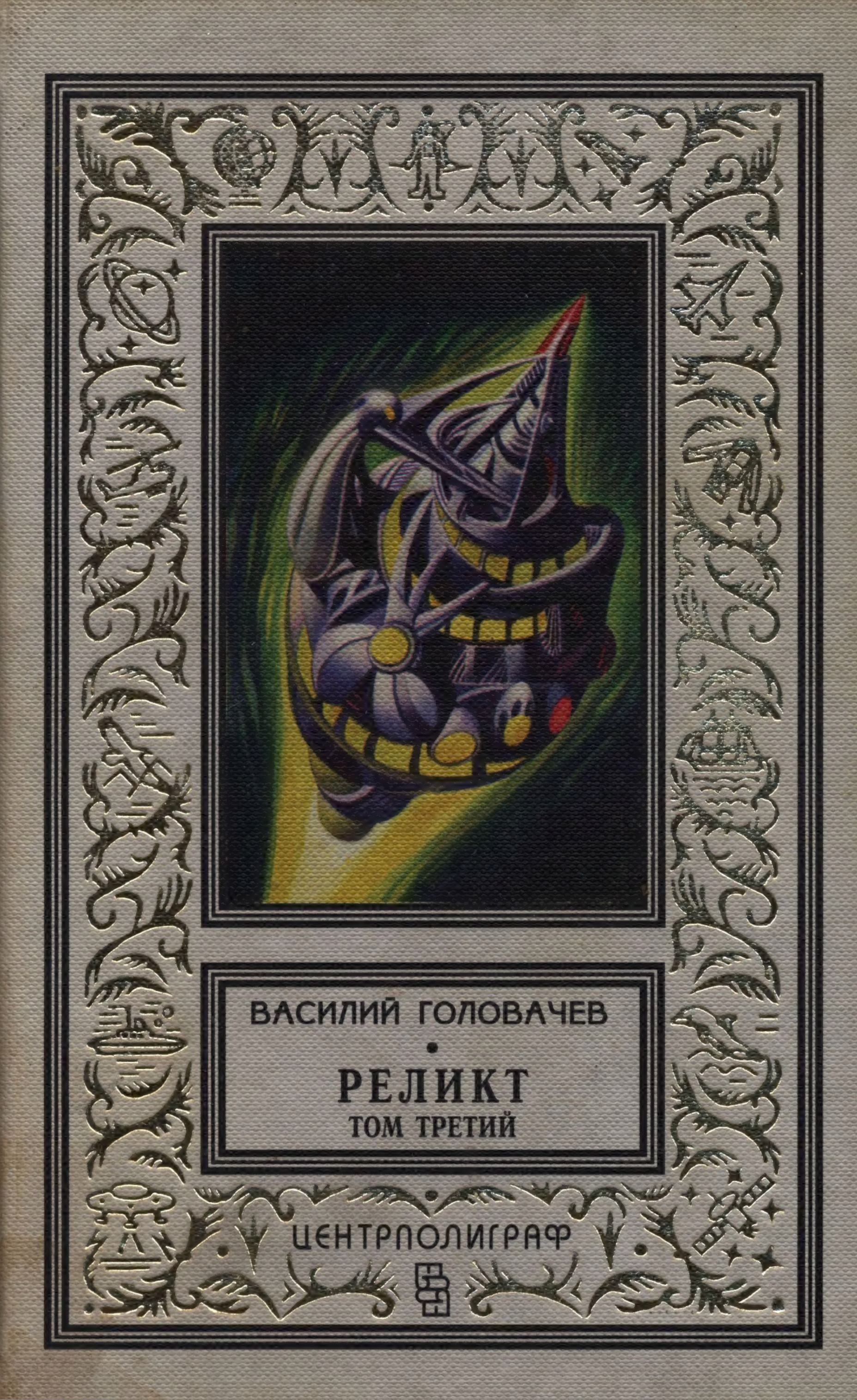

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ
РЕЛИКТ
ТОМ ТРЕТИЙ
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Классическая
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1996

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

РЕЛИКТ

РОМАН В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 3

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

ББК 84.Р7
Г61

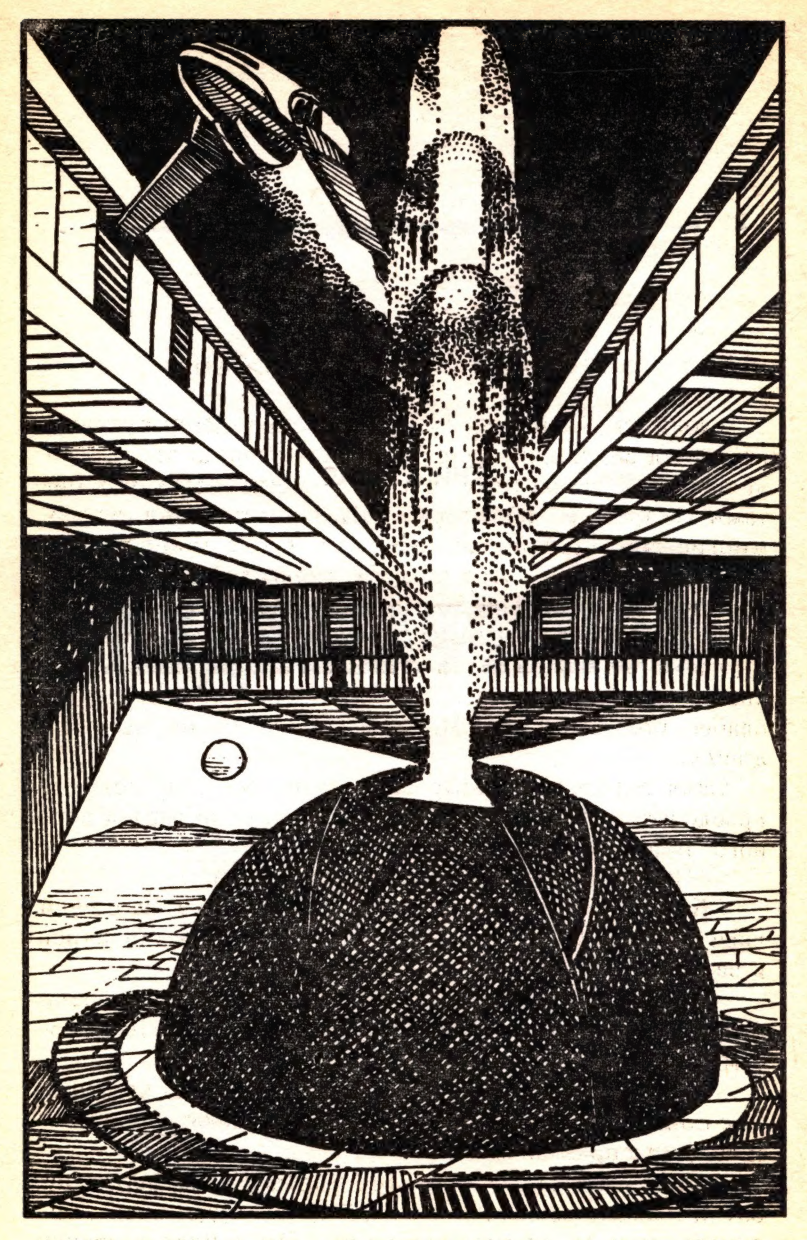
Серия
«Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»

Художник А.Б. Державин

ISBN 5-218-00083-3 (Т. 3)

КНИГА ПЯТАЯ

КОНТРРАЗВЕДКА

Часть 1

ТЕРРОРИСТЫ. СТАВР ПАНКРАТОВ

ПРОРЫВ ИНФЕРНАЛЬНОСТИ

Уходя из Солнечной системы, Конструктор буквально вымел ее, словно дворник — территорию двора. Пояс астероидов при этом, располагавшийся между орбитами Марса и Юпитера, исчез почти полностью, многие спутники внешних планет также пропали или изменили орбиты, зато кометы, порождаемые облаком Оорта за орбитой Плутона, стали появляться в тысячу раз чаще. Зрелище было поистине захватывающим, когда по ночам раз в месяц всходило одно из этих хвостатых чудищ, освещая ночную сторону Земли не слабее полной Луны. Иногда кометы были видны и днем...

Саид очнулся: драйвер-секунда в соседнем коконе-кресле что-то спросил. Заметив отрешенный взгляд первого пилота, повторил вопрос:

— Что с тобой? О чем задумался, детина?

Оба не были интраморфами, как нынче называли людей с паранормальными способностями, и общались в звуковом диапазоне, а не мысленно.

— Что-то мне не по себе, Коля. Да и надоели эти круизы до чертиков! Возим малохольных по Системе...

— Переходи в Даль-разведку, если возьмут, конечно, там поинтереснее будет. Может, откажешься от полета? Я и один справлюсь.

— Одного тебя не выпустит контроль, на борту две сотни пассажиров. Ладно, поехали, еще будет время подумать, менять ли квалификацию. Но в Даль-разведку меня не возьмут, стар. Это тебе еще можно попытать

счастья сдать экзамены, мне уже поздно, малыш. Разве что уйти в инспекцию?

Но Саид ошибался, полагая, что успеет изменить свою судьбу, времени на обдумывание своего положения у него не оставалось.

Туристический лайнер первого класса «Баальбек», биомашина пятого поколения класса «универсал-фараон», с двумя сотнями любителей созерцать красоты Солнечной системы, стартовал с Луны и направился к внешним планетам. Его маршрут пролегал по тем краям, где полсотни лет назад побывал чудовищный «пасынок человечества» — звездный Конструктор, вторгшийся в Систему и радикально изменивший ее космогонический порядок.

Пилоты лайнера неплохо знали историю его появления с того момента, когда в контролируемую землянами область космоса ворвался сверхоборотень — спора Конструктора, проросшая впоследствии на Марсе. Неизвестно, что послужило толчком, спусковым механизмом развития споры, но она ожила, и родившийся «малыш» начал «поедать» планету, чтобы утолить энергетический голод, за что получил кличку Прожорливый Младенец. Сожрав чуть ли не треть Марса, он покинул Солнечную систему, чтобы через сто с лишним лет объявиться снова в образе «пули» Большого Выстрела, нацеленной на Солнце. Остановить его удалось с большим трудом, ценой людских потерь и необратимых изменений в структуре Системы.

Больше всего пострадали внешние планеты, особенно Нептун, спутники которого рассеялись по Системе, а самый большой — Тритон упал на поверхность планеты; к тому же Конструктор содрал с нее и большую часть атмосферы, превратившуюся в глюболл, своеобразный газовый спутник. Но досталось и Урану, и Юпитеру, и Сатурну, окруженному обширной спутниковой семьей. Изменились также орбиты планет, в том числе и внутренних — Марса, Земли, Венеры.

Марс приблизился к Солнцу после «ремонта» его Конструктором, а Земля и Венера чуть отдалились, хотя это почти не сказалось на климате этих планет.

Пояс астероидов между орбитами Юпитера и Марса практически исчез, образовав компактное облако,

похожее на раздробленную планету величиной с Луну. Зато приблизилось к Солнцу облако Оорта, выстреливающее кометы и изливающее метеоритные дожди — потоки мелких небесных камней и песчинок. Одну из комет как раз должен был облететь лайнер «Баальбек», который потом направлялся к астероидному псевдошару, названному Фаэтон-2, а дальше к Юпитеру, Нептуну и за пределы Системы, по вектору подхода Конструктора, оставившего после себя экзотические следы: струи необычных частиц — монополей, кластерные «мешки» — слипшиеся в «ком» кварки, и многое другое...

Драйвер-прима лайнера Саид Мерген махнул рукой второму пилоту, закуклился в кресле, и «Баальбек» рванулся по «струне» в точку выхода, к «раздробленной» планете, к шару из сгрудившихся каменных глыб бывшего астероидного кольца.

Поболтавшись возле кучи камней диаметром в три тысячи километров, лайнер прыгнул к Юпитеру, чтобы пассажиры могли полюбоваться на два его пылевых серпа и электрические сияния в недрах атмосферы. Затем наступила очередь Сатурна и Урана, а дальше «Баальбек» пошел шпугом, то есть в режиме двойного ускорения, так нагляднее были видны изменения в картинке, подаваемой в зал наблюдений и в каюты пассажиров аппаратурой лайнера. Специальные устройства давали возможность увидеть любые объекты в космосе в объеме и в естественной цветовой гамме.

Но пассажиры не долго любовались приближающимся Нептуном: ровно через две минуты после включения шпуга лайнер на скорости, близкой к световой, напоролся на некое небольшое и абсолютно невидимое — ни людям, ни колоссальной чувствительности аппаратуре — препятствие, которое пробило его по всей двухсотметровой длине от носа до кормы.

Удар был тем более страшен, что от него не спасла корабль ни защита, ни автоматика, ни реакция пилотов, которым и реагировать в принципе было не на что. Первый из них погиб сразу, второй успел предотвратить взрыв генератора движения, отстрелив его, и включить вопль «SOS». Перехватить идущий по инерции лайнер спасателям удалось лишь через сутки.

К их удивлению, погибло всего одиннадцать человек. Впечатление было такое, будто людей пронзила одна и та же пуля, выпущенная из крупнокалиберного пулемета по идущему с огромной скоростью кораблю.

Фредерик Фергюссон, кобра погранотряда Примарсианья, одетый в уник[1], изображавший в данный момент комбинезон стармена-пограничника, смотрел с вершины холма на море фиолетово-зеленых мхов до горизонта и размышлял о том, почему эта область Марса, получившая официальное название Плоть Бога, а неофициальное «Коровья Лепешка» и «Плевок Бога», остается незаселенной, несмотря на восстановленную атмосферу красной планеты.

Соорудил эту местность Конструктор во время своего второго пришествия, решив, очевидно, «починить» обкусанную им во времена младенчества планету. Но, во-первых, масса его «плевка», заполнившего котловину в боку Марса, вдвое превзошла массу «съеденных» пород, а во-вторых, материал «ремонтной нашлепки» весьма сильно отличался от пород планеты, что породило множество интересных физических эффектов.

Атмосферу Марса восстановили уже спустя десять лет после ухода Конструктора со свитой из Системы, и люди даже начали было обживать этот район, достаточно ровный, без обычных для Марса гигантских каньонов и чудовищных горных изломов. Однако через некоторое время волна арес-переселенцев схлынула, эмигранты начали покидать «Коровью Лепешку», пока население района не сократилось до нескольких сот человек, в основном ученых, продолжавших исследовать Плоть Бога.

От удара прилепленного Конструктором куска Марс приблизился к Солнцу, и климат его несколько изменился, стал теплее, благоприятнее для жизни человека, и все же на «Коровьей Лепешке» почти никто не жил. Пусто-

---

[1] Уник — универсальный компьютеризованный костюм, способный принимать любую форму по воле владельца в зависимости от программы; заменил стандартный кокос — компенсационный костюм спасателя, как более удобный, комфортно усовершенствованный и обеспечивающий большую безопасность.

вали построенные города и поселки, пустовали комфортабельные кемпинги и дома отдыха, лишь кое-где их занимали редкие жители, в основном интраморфы.

Мощный моховой покров не был единственным представителем земной флоры, освоившим просторы Плоти Бога, но оказался единственным коренным видом растительности, завезенным на Марс с Земли еще три сотни лет назад, в начале его освоения. Остальные виды представляли собой либо мутировавшие до неузнаваемости водоросли, как, например, кладофора, достигавшая здесь пяти метров в высоту, либо не менее изуродованные мутацией грибы. Высшие растения здесь почему-то не прижились, за исключением карликовых пиний, устилавших низины между холмами упругим коростообразным покрывалом.

Фергюссон покосился на ажурную полую башню, торчавшую из склона холма. Высота башни достигала семи с лишним метров, в диаметре у подножия она была не менее метра, а вершину венчал полупрозрачный мутный шар, напоминавший фасетчатый глаз насекомого. Некогда прародителем этого растительного чуда-юда был гриб сморчок. В общем, малоприятное, надо признаться, для человека зрелище.

Фергюссон прошелся по пружинящей под ногами массе мха, услышал тонкий писк вызова в наушнике рации. На связь вышел начальник сектора Малиновский, но, будучи обычным человеком — нормалом, как называли людей интраморфы в своей среде, он не владел слоган-речью[1].

— Фред, в районе Слезы Большого Водопада есть заброшенный кемпинг «Ласточкино гнездо». Там объявилась какая-то подозрительная компания. Проверь — кто, откуда, зачем.

— Принял, — ответил Фергюссон лаконично.

На поясном антиграве он мог добраться до указанного района за час с небольшим, но предпочел воспользоваться патрульным птераном.

Транспортная техника за последние несколько лет изменилась, наступил век органопластики, квазиживых и

---

[1] В наше время слоган — сжатая, ясная и легко воспроизводимая формулировка рекламной идеи.

живых технических систем, зачастую имеющих высокий интеллект. На Земле такси можно было вызвать просто звуковой командой, возбуждающей приемники транспортной сети, или посредством «пискуна», простенькой рации, встраиваемой в любую деталь одежды. Форма и объем воздушной машины подстраивались под количество пассажиров, и машина первой транспортной сети индивидуального пользования — аэр — могла перевозить до десяти человек.

Второй транспортной сетью пользовались специальные службы «Скорой помощи», ГАИ — глобальной аэроинспекции, спасатели, линейщики общественной безопасности; вызвать эти машины — птераны и флайты — можно было уже только будучи специалистом указанных служб.

Третья транспортная сеть включала в себя грузовой транспорт всевозможных классов — нефы, летающие в пределах атмосферы планет, и галионы, имеющие выход в космос.

Но существовали еще сети: четвертая — для пограничников и безопасников, пятая — для работающих в открытом пространстве и шестая — спецмашины для спецслужб, работающие в очень широких диапазонах внешних условий. К седьмой можно было условно отнести транспорт Даль-разведки. Но все эти разноклассовые машины объединялись двумя свойствами: изоморфией, текучестью форм, зависящих лишь от скорости и предлагаемого комфорта, и чрезвычайно малыми габаритами, обусловленными по сути лишь размерами перевозимого груза. В свободном состоянии и одноместный аэр-такси, и переносящий до десяти тонн неф представляли собой отливающую жемчужным блеском метровую лодочку.

На Марсе и других планетах Системы сеть вызова транспорта работала в ином режиме, и ждать такси можно было долго, иной раз и более получаса, хотя специальные службы, конечно, пользовались своим транспортом.

Птеран, ждущий хозяина неподалеку, мог выходить в космос, хотя с виду не выглядел грозной и скоростной машиной четвертого класса.

Фергюссон привычно коснулся рукой борта «лодки», и та в течение двух секунд развернулась в стреловидный

аппарат, упаковав пилота в кокон-кабине. Через шесть минут Фергюссон был на месте.

Слезой Большого Водопада назвали этот хилый водопадик острые на язык марсианские терраформисты, первыми обследовавшие «Коровью Лепешку» на предмет жизнеустройства. Метровой ширины ручей низвергался с высоты в девять с половиной метров в неглубокую ложбину идеально круглой формы. Но для Плоти Бога, перепад высот которой не превышал сотни метров, и этот водопад был чуть ли не равен по эстетике Ниагарскому.

Кемпинг «Ласточкино гнездо», также названный в честь своего земного крымского тезки с известной долей иронии, располагался над обрывом слева от водопада — красивая ажурная постройка, стилизованная под готику, с тремя башенками и центральным куполом со стрельчатыми окнами. Сверху никакого движения в окрестностях водопада и кемпинга Фергюссон не заметил, но по колебаниям пси-фона вычислил, что компания, занимавшая пустующий дом отдыха, состоит из пяти человек. Из них по крайней мере один был паранормом, судя по мощи излучения.

Без особой тревоги пограничник посадил свой патрульный аппарат рядом с галионом, на борту которого красовалась эмблема Всемирной миссии магов и спиритов: светящаяся красная пентаграмма с головой дракона в центре. На всякий случай Фергюссон дал сигнал наверх, дежурному погранзаставы «Деймос»:

— Вышел к объекту, все спокойно, уровень-1.

Ему ответила бесшумная зеленая вспышка, спроецированная перед глазами на стекле шлемных очков.

Оглядываясь, Фергюссон направился через дворик к открытой двери в центральный купол, где по его расчетам находились четверо из компании. Пятый почему-то был виден слабо, то пропадая из пси-поля совсем, то появляясь почти невидимым силуэтом за спиной или сбоку. Однако он и визуально не появлялся в поле зрения, будто надел шапку-невидимку.

Фергюссону шел тридцать шестой год, и был он весьма опытным пограничником, но его подвели два фактора: излишняя самонадеянность и отсутствие тревоги в тоне начальника сектора, пославшего его сюда с провер-

кой. Да и к открытому нападению он готов не был, хотя и знал об отношении людей к интраморфам.

«Компании», о которой говорил Малиновский, не существовало изначально. Те четверо, которых почуял Фергюссон, на самом деле оказались витсами, демонстрирующими для отвлечения внимания пограничника эротическую сцену, и лишь пятый был человеком в маскировочном костюме «хамелеон». Подождав, пока пограничник войдет, он не мешкая атаковал Фергюссона сзади из парализатора на уровне полного пси-подавления воли. Пси-импульс был рассчитан именно на паранорма, обычный человек вообще умер бы тут же, мгновенно, пограничника же лишь оглушило. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы киллер приблизился и набросил на голову Фредерика пси-ловушку, дезорганизующую работу нервной системы.

Пограничник жил еще несколько минут после снятия зонда, разрушающего мозг, и остановки сердца и даже успел выстрелить в потолок из штатного «универсала», но сообщить о нападении на базу уже не смог.

НАГУАЛЬ

Утро выдалось росистым, солнечным и свежим.

Ставр вдохнул воздух всей грудью, задержал выдох на несколько минут и, ощущая желание закричать во все горло, прыгнул с обрыва в озеро. В темпе переплыв его под водой трижды, что составляло чуть больше ста метров, он полежал на воде, затем вернулся обратно на берег и час занимался ежеутренним тренингом с «динго»-двойником. Еще чес медитировал с выходом в поле Сил, то есть общее энергоинформационное поле, просеивая информацию, узнал последние новости и вернулся из странствий на верхние этажи эйдоинформокеана, почти не утратив хорошего настроения. Информации для размышлений хватало, в том числе и в области его интересов, но в настоящее время считалось, что Ставр Панкратов находится в законном отпуске и происшествия любых уровней касаться его не должны. Хотя на самом деле все было наоборот, и он был вызван сюда: а — для получения задания, б — для

встречи с другим агентом класса ультра-си, с которым ему предстояло работать в паре.

Искупавшись в озере еще раз, Ставр позавтракал жареными грибами и земляничным компотом — готовил сам, по старинке, на костре — и завалился в полудреме на лужайке у обреза воды с другой стороны озера, где берег был ниже. Таким образом он проводил время уже третьи сутки, успел загореть, расслабиться и наполнить душу и тело тишиной природы, зная, что подобного кайфа не может себе позволить ни один крутой спец «контр-2». Видимо, кто-то на самом верху властных структур «контр-2» решил дать ему расслабиться перед важным делом, справедливо полагая, что уединенный отдых на лоне природы не надоедает и не приедается. Правда, Ставру дали понять, что в случае непоявления агента он обязан заявиться по месту основной работы не позднее двадцать первого июня, хотя он и сам отлично понимал значение слова «ответственность».

С другой стороны, он мог и не соблюдать закона педантичной точности. Во-первых, потому что его всегда могли найти те, кто был в нем заинтересован, а во-вторых, жить свободно и независимо позволяли принципы современного социума: от каждого — минимальная отдача для обеспечения прожиточного уровня, соблюдение максимального невмешательства в дела соседа, и каждому — максимальная свобода для реализации собственных творческих планов и обеспечения своего благосостояния, не в ущерб, разумеется, живущему рядом. Если бы Ставр Панкратов при этом был нормальным среднестатистическим гражданином Федерального союза Земли, соблюдающим все нормы и законы общежития...

Это скрытое густыми лесами местечко под Владимиром, предназначенное для встречи, на берегу небольшого, но глубокого озера, питаемого родниками и ручьями, недалеко от реки Клязьмы, он отыскал не сразу и справедливо считал своим. Туристы пока еще сей район не облюбовали, а лесники если и посещали, то редко.

Место и в самом деле было исключительным по красоте и покою: склон холма обрывался в озеро, будто отсеченный ножом, а к лужайке под обрывом идеаль-

ным образом была подогнана опушка елового леса с великолепным малинником и земляничной поляной. Озеро, метров сорока в диаметре, было глубоким и совершенно прозрачным до чистейшего песчаного дна, а окружали его столетние ели и клены, так и просившиеся на полотно художника. Ставр художником не был, но толк в красоте и гармонии понимал.

Что-то зажужжало над лицом. Он с любопытством открыл глаз: вредные насекомые облетали его стороной, а для пчел и ос он интереса не представлял.

Это был здоровенный, чуть ли не с кулак величиной, и с огромным жалом шершень, пушистый, золотисто-коричневый, полосатый, сверкающий драгоценными камнями на крыльях.

— С жалом ты переборщил, — лениво пробормотал Ставр вслух и закрыл глаз. Никакой это был не шершень, а терафим, личный инк по имени Фил, Филиппок, пси-защитник, пси-лекарь и блок информации. Терафимы по сути представляли собой сгустки полей, саморегулирующиеся полевые структуры, а функционально — квазиживые информационные преобразователи, обладающие зачатками интеллекта и в некоторых пределах свободой воли. Они могли внедряться в любой предмет, могли быть совсем невидимыми — для обычных людей, конечно, или создавать себе любой облик. Терафим Ставра любил забавляться и нередко преподносил хозяину сюрпризы, а также вечно бурчал по поводу имени, которое ему дали при рождении. Ну не нравилось оно ему.

«Я тут кое-что откопал занятное, — сообщил он в пси-диапазоне. — Не изволите полюбопытствовать? И вообще — хватит спать! Вон пузо уже отрастил».

«Не мешай, — так же мысленно отмахнулся Ставр. — Никакого пуза я себе отрастить не успел. А ты небось наткнулся на муравейник».

«Что я, муравейников не видел? Это какая-то хреновина с морковиной. В моей памяти сведений о подобных объектах не содержится. Пошли посмотрим, хоть жирок растрясешь».

Ставр подумал немного и сел, потом поднялся. Ему действительно стало интересно, что за открытие сделал Фил. Вернее, Филиппок. Такое именно имя дал ему

Панкратов-старший, а Филом он стал, уже служа у Панкратова-младшего, у Ставра.

«Веди, Сусанин».

Идти пришлось метров сто, через малинник и небольшое болотце с крапивой и, как полагается, с комарами. Ставру показалось, что терафим повел его этим путем нарочно, однако проверить догадку не удалось: руку вдруг пронзила мгновенная боль. Ставр инстинктивно «ощетинился» — включил пси-резерв, но ничего необычного не увидел и не ощутил, вообще ничего не увидел, и тем не менее на тыльной стороне ладони красовался длинный порез, словно сделанный острием ножа или бритвы. Ставр закрыл глаза, сосредоточился, о б н я л весь этот район всеми органами чувств, отключая сознание.

Зона максимально ясного сознания в психике человека ограничена анализом всего сто бит информации в секунду, в то время как на бессознательном обрабатывается миллиард бит в секунду, и обычный человек довольствовался этими скромными возможностями, однако Ставр, как и все интраморфы, с рождения владел погружением в подсознание и пользовался им совершенно свободно, как дыханием или зрением. Но даже включив себя в состояние инсайта, погрузившись в поток Сил, он снова ничего подозрительного вокруг себя не заметил, хотя на мгновение пришло ощущение неловкости, некоего неудобства, связанного, однако, не с положением вещей поблизости или вдали, а скорее с внутренней готовностью к опасности.

«Что я говорил?» — торжествующе-назидательно возопил Фил.

Ставр изучил порез, слизнул кровь, подождал, пока царапина затянется, и лишь потом принялся экспериментировать; все это время он простоял в одной позе, совершенно неподвижно, продолжая изучать окрестности и пытаясь найти объяснение непонятному явлению.

Первое же движение рукой вправо вызвало тот же результат: по пальцам словно чиркнули лезвием бритвы! Ставр снова замер, глядя, как из пореза закапала кровь. Мысленным усилием остановил кровотечение, заживил рану, затем попробовал нащупать невидимое «лезвие».

Пальцы наткнулись на нечто кружевное, игольчатое, похожее на осколок гранаты или сросток кораллов с невероятно острыми краями. Размеры предмета, состоящего по сути из одних игл, не превышали десяти сантиметров, а иглы были заточены чуть ли не до молекулярной толщины, потому что ощупать их, не порезавшись при каждом движении, Ставр не смог. «Коралл» не вызвал привычных ощущений тепла или холода, а также не позволил определить материал, из которого был сотворен. Во всяком случае, он не был ни шершавым, ни гладким, ни теплым, ни холодным и вызвал лишь одно ощущение — абсолютной твердости. А главное, он был невидим во всех диапазонах электромагнитных волн, доступных Ставру, и висел в воздухе, ни на что не опираясь! Ставр порезался трижды, прежде чем определил размеры игл «коралла» и его положение — метр тридцать пять над почвой. На всякий случай он поискал невидимые образования на площади в сто квадратных метров, затратив больше часа времени, но ничего похожего больше не обнаружил. Фил кружил над головой, давал советы, пугал, когда Ставр подолгу замирал на месте, восклицая: «Я же говорил!» или «Что же это мы открыли?!». А поскольку Ставр догадывался, что это такое, ему пришлось оборвать терафима, так что тот обиделся и замолчал.

Но сам Ставр никак не рассчитывал встретить «невидимый коралл», известный под названием нагуаль[1], на Земле. Потому что именно такой же «коралл», разве что больший по размерам, имел место быть на Тартаре, за тысячи световых лет от Солнца! Чтобы встретить его на Земле, в лесу, случайно, надо обладать супервезением, если только такие объекты открываются случайно. Как говорил Заратустра: случай — это самая древняя аристократия мира. Откуда же он возник здесь, под Владимиром, черт побери?!

Поразмышлять о загадке нагуаля ему не удалось — изменилась обстановка: у озера, в лагере, появились гости. Однако Панкратов ждал одного, а прибыла це-

---

[1] Нагуаль — то, для чего у человека нет описания, названия, слов, в отличие от тоналя — всего, чему есть название (Кастанеда К. Учение дона Хуана).

лая компания. К тому же гости своевольничали. Когда Ставр вышел к озеру, палатка его оказалась свернутой и уложенной возле аэра, отогнанного к опушке леса. На поляне хозяйничали пять загорелых парней и две девушки, весь костюм которых состоял из бахромчатых парео. Они ставили палатки, подключали индивидуальных слуг к системе «фастфуд», раскладывали гамаки, воздушные матрацы, комплексы видеоиллюзора, бары, душевые кабины с электро- и гидромассажем и прочую технику отдыха, которую, кстати, Ставр никогда с собой не брал, довольствуясь малым.

— А вот и абориген пожаловал, — заметил его один из парней, единственный бледнокожий из них. Второй, с бритыми висками, с огромным гребнем, сооруженным из волос, выглянул из палатки.

Среди молодежи в моду снова пошли птичьи прически, а также фауно- и флорокрас, то есть в определенных пределах трансформация формы черепа и тела, что в сочетании с голографическими эффектами, порожденными компьютерами уников, давало очень своеобразные результаты. Большая часть учащихся теперь походила на представителей животного царства. Особенно нравились крупные формы — тигры, львы, медведи, муравьеды, носороги, орлы, грифы, аисты и реже — растительные формы. Не брезговали фаунокрасом и молодые люди постарше, разве что их претензии не были столь вызывающими.

Этот парень напоминал грифоподобного монстра из романа Герберта Уэллса «Остров доктора Моро».

Компания была, в общем-то, как компания, хотя наглецов Ставр не любил, однако среди них явно находился интраморф с почти наглухо закрытой пси-сферой, и Панкратову этот факт не понравился. По его мнению, паранорму среди этих попугаев делать было нечего. Как, впрочем, и агенту «погран-2».

— Здравствуйте, — очень вежливо сказал он, окидывая поляну взглядом и пытаясь определить, кто из парней является интраморфом. — Не кажется ли вам, джентльмены, что выкидывать хозяина из его дома по крайней мере неэтично? Я ведь нашел и занял сие место раньше.

Парни засмеялись, перекидываясь фразами:

— Слышь, Хинн, он, оказывается, раньше нашел!

— Ага, а как же...

— Мы тут уже полтора года отдыхаем...

— Специально делали, вымеряли.

— Надо было табличку поставить: запретная зона!

— А шел бы он лесом!

Одна из девушек, высокая блондинка с копной золотистых волос, единственная, не носящая никаких птичьих или звериных причесок, грациозно ступая по траве, приблизилась, с холодным любопытством разглядывая Ставра. Сказала с еще более холодной улыбкой:

— Может быть, он не знает, что это персональное владение?

— Какая разница? — повел крутым плечом мускулистый, хорошо сложенный юноша с тигриным украсом. — Это наш район, пусть убирается.

По едва заметным признакам Ставр признал в парнях тревожников — профи тревожных служб, то ли пограничников, то ли безопасников, но его это открытие не смутило, хотя и не обрадовало. К тому же на него смотрела прелестная, с отличной фигурой, длинноногая девица с прозрачно-голубыми, чуть ли не светящимися глазами, и проглядывал в ее взгляде какой-то неадекватный ситуации интерес.

— Вы не вежливы, — скучным голосом сказал Ставр. — Если даже имеете право на этот уголок природы, о чем я, естественно, не имел представления.

— Дело в том, что терраформисты специально конструировали местность для нас... — начала вторая девушка, брюнетка, тоже красивая и стройная, но с прической под морскую звезду.

— Иди, иди, приятель, — не дал ей договорить «гриф», махнул рукой Ставру, — здесь в округе еще есть неосвоенные территории, поищи. Мужики, айда купаться. Спорим, я переплыву озеро под водой за один бросок?

— Последуйте совету, молодой человек, — пренебрежительным тоном подсказала первая девица, в глазах которой мелькнула откровенная насмешка. — И не вздумайте качать права, играть мускулами и спорить. Здесь вам ловить нечего, это профессионалы.

— Да и я вроде не лыком шит, — пожал плечами Ставр, сделав движение, от которого по телу пробежала сверху вниз рябь: мышцы станцевали йой[1].

— Да что вы говорите? — сузила глаза девушка, и Ставру показалось, что его пси-сферу тронули чужие пальцы. — Неужели драться будете?

— Эй, Хинн, абориген возражает, — заорал атлет с тигриным украсом.

— Никак нарывается на неприятности, — отозвался второй атлет, но с прической под гризли.

Обритый до макушки парень оглянулся с недоумением, он уже собирался прыгать с обрыва.

— Ты что, красавец? Не понял, что ли? С тобой по-хорошему, а ты шебуршишься. Собирай свои вещи и гуляй на север. Могу объяснить на пальцах, куда именно.

Ставр молча подошел к своим вещам и развернул палатку на прежнем месте, что вызвало шквал восклицаний среди наблюдавших за ним молодых людей.

— А шевалье-то нахал! — удивленно проговорил самый загорелый из них, с прической под орла и с огромным же носом, поджарый и быстрый. Вероятно, в его жилах текла индейская кровь. — Хинн, можно, я его провожу?

— Лучше я его сделаю, — предложил «тигр».

— Предоставьте эту забаву мне, — хищно улыбнулся бритоголовый: не будучи интраморфом, он тем не менее успешно блокировал свою пси-сферу, что Ставра позабавило и одновременно озадачило. Парень носил «защитника» и был явно тренирован по м а к с и м у м у.

— Мальчик играет в героя-одиночку перед девочками, — продолжал неприятно улыбаться гребневолосый, — и жаждет посмертной славы. Насчет славы не знаю, но урок он получит.

— Полегче, Хинн, — проговорила блондинка.

— Не волнуйся, малышка, он не слабак, это заметно, а мне тренинг не помешает. — С этими словами бритоголовый прыгнул к Ставру, пролетев по воздуху метров шесть, и с ходу выполнил комбинацию в стиле малайского канга: удар ногой в подбородок —

---

[1] В древних воинских искусствах (кэмпо) термин означает «занять позицию готовности».

удар кулаком в лицо — удар ребром ладони по шее — перекат.

Вероятно, никто из обычных людей не смог бы с ним тягаться, парень действительно был подготовлен для боя по самой агрессивной шкале воинских искусств, потому что каждый его удар мог для противника оказаться смертельным. Это еще более озадачило Панкратова, более того, заставило собраться и задуматься о причинах схватки. «Уроки» в таком стиле не преподают, так просто калечат или убивают. Впечатление было такое, будто драка готовилась заранее, хотя выглядело все на первый взгляд вполне естественно.

От атаки Ставр уклонился, как и от второй комбинации, все еще не решаясь действовать в полную силу, прикидывая, как отступить, не теряя лица. В отличие от противника он ж и л боем и мог прервать его в любую секунду. Но... но уж очень это походило на тест для индивера, тест на достойный выход из конфликтной ситуации.

Бритоголовый усилил натиск, ветер от его молниеносных взмахов коснулся лица, виска, груди. Тогда Ставр сделал шаг навстречу, и парень вдруг повалился, как бы продолжая движение. Шоко-болевые точки у него, как и у всех людей, находились в положенных местах.

— Уходите подобру-поздорову, — тихо сказал Ставр, поворачиваясь к зрителям, оцепенело рассматривающим упавшего приятеля.

— Ты что, Хинн, споткнулся, что ли? — вырвалось у «орла». — Вставай, покажи ему!

Бритоголовый и в самом деле сразу же вскочил, всетаки владел он телом великолепно, ударил из неожиданной позиции и... снова упал. Ставр глянул на него равнодушно, покосился на примолкших парней. Вряд ли кто-нибудь из них видел его движения, а в классическую позу мастера боя он никогда не становился, для эр-мастера, эрма, любая поза органично годилась для защиты и контратаки.

— Собирайте манатки. Начал не я, мой терафим это зафиксировал. Не надо заставлять меня сердиться, вычислить вас будет несложно.

Бронзовотелый «орел» бросился на него в стиле всех «пернатых» знатоков рукопашного боя и тоже сел на

землю с удивлением на лице. Остальные зароптали, в нерешительности переглядываясь.

— Что ж вы, бойцы? — с презрительной миной глянула на них девушка с копной русых волос. — Одного испугались?

— Он, наверное, эрм, — хмуро сказал атлет «тигр».

— А вы дилетанты, что ли?

Девица вдруг оказалась рядом со Ставром и нанесла три мгновенных удара, два — пальцами в болевые узлы и один — в грудь, очень приличной мощности «дюбель» с передачей импульса. И все это в течение двух десятых секунды! Если бы Ставр стоял и ждал нападения, все закончилось бы весьма печально, но он не ждал, хотя и на серию «котэ-тэ» не ответил, просто отпрыгнул назад с поднятой ладонью.

— Минуту, мисс. Я бы не хотел повредить вам фигуру, а в ближнем бою, будь вы даже привидением, это неизбежно. Прошу оставить это место.

Девушка (она и есть интраморф с заблокированным пси-обменом!) снова оказалась рядом — реакция у нее была экстра-класса, под стать реакции Ставра, когда он не работал на сверхскорости, — и провела великолепный «танец богомола» с итоговым уколом... от которого Панкратов снова просто ушел, продолжая сомневаться в правильности своих действий. Он уже клял себя, что ввязался в эту историю, довел ситуацию до элементарной драки и все из-за одного-единственного взгляда голубоглазой красотки, явно интересовавшейся его реакцией на предложенный вариант событий. Что-то подсказывало Ставру, что продолжение истории будет неординарным. Но самое плохое крылось в том, что он нарушил кодекс эрмов, один из пунктов которого гласил: не проявлять своей силы без особой нужды.

— Я же сказал — хватит, вы ничего не добьетесь. Помочь собраться или справитесь сами?

— Оставь его, Дана, — сказал «тигр», краснея под взглядом Ставра. — Он действительно эрм. Непонятно лишь, зачем ему вздумалось демонстрировать свой класс. Пошли, ребята. Женя, помоги Хинну. — Он подал руку «орлу», оглянулся через плечо. — Зря вы это устроили, могли бы сразу сказать, что вы эрм. Мы ведь тоже вычислим вас через полчаса, и у вас будут неприятности.

— Не надо было начинать самим, — угрюмо отозвался Ставр. Понаблюдал за сборами компании, не отвечая на взгляды девушек — любопытствующие у брюнетки и уничтожающе-вызывающие у блондинки с прозрачно-голубыми глазами. Потом пошел купаться, хотя настроение было безнадежно испорчено. В принципе он сорвался, на что не имел права, будучи даже на заслуженном отдыхе. Эрм, то есть ратный мастер, профессионал-воин, не должен показывать свое превосходство нигде и никогда, кроме, конечно, тех случаев, когда это необходимо, да и то в рамках устава. Но этот случай в разряд разрешенных не входил. И все же: какого черта надо было Хинну — или как там его? — начинать «урок»? Захотелось самому покрасоваться перед дамами? Или то был особый расчет? Конечно, спору нет, обе — красотки что надо, особенно та, с аквамариновыми глазами. Но драться всерьез...

Ставр вспомнил взгляд девушки, потом ее профессионально исполненные комбинации рукопашного боя. Да, такая спуску не даст никому! Кто она? Как оказалась в компании пограничников? Или тоже работает в службе? Дана... хорошее имя... если только не сокращение.

«Она интраморф, — сказал в пси-интервале терафим, все время круживший неподалеку и переживавший за хозяина. — По-моему, ты ей очень не понравился».

«Она мне тоже», — парировал Ставр, хотя в глубине души был уверен в обратном.

Посидев с очками иллюзора на глазах полчаса, Ставр понял, что пора возвращаться домой. Ждать встречи как ни в чем не бывало после случившегося инцидента мог бы только обросший мхом валун. «Явка», считай, провалена, агент из «погран-2» не придет, это ясно. Надо звонить шефу, докладывать о происшествии, за которое он, надо полагать, по головке не погладит, и каяться, бия себя в грудь коленом. Но не мешало бы прежде разобраться в происшедшем самому, причем начиная с находки нагуаля в лесу и заканчивая кавардаком у озера. Это было в принципе самым странным открытием сегодняшнего дня.

Тихий отчетливый хруст раздался над головой, словно отломилась ледяная сосулька... и упала на голову! Перед глазами вспыхнули звезды, сложились в пента-

грамму, запахло сеном, появилось ощущение легкого подзатыльника, нанесенного твердой, но дружески нежной рукой. Так воспринимался пси-вызов деда.

Ставр открыл канал пси-связи. Перед глазами сформировался образ деда, Ратибора Берестова, в прошлом руководителя одного из отделов СЭКОНа, ныне главы стратегического сектора отдела безопасности и одновременно проконсула синклита старейшин, консультативного органа Всемирного Вече[1]. По глубокому убеждению Ставра, дед, будучи интраморфом, тогда их называли интрасенсами, как родился на вид тридцатилетним — по человеческим меркам, — так и не менялся на протяжении всей жизни, хотя шел ему уже семьдесят седьмой год.

«Что случилось? — проворчал Ратибор, — глядя на внука с прищуром. — Когда мне сообщили, что ты на Земле, я не поверил. Что за отпуск ты себе придумал?»

Вся фраза прозвучала в пси-диапазоне и уложилась в один эйдоимпульс, или слоган. Речевой контакт малоинформативен и не соответствует потребностям интраморфов, поэтому со временем они выработали свой телепатический (пси) язык, каждое «слово» которого представляло собой фантом-образ с огромным эйдетическим — чувственно-информационным наполнением.

«Я решил сменить род деятельности, — почти честно ответил Ставр. — Меня зовут в сектор пограничных проблем отдела безопасности».

«Официально? Я что-то об этом в первый раз слышу».

«Вполне официально. — Ставр насторожился: дед не должен был знать о назначении, но, по всей видимости, з н а л. — Одобряешь?»

«Главное, чтобы выбор был нравственно обоснован и удовлетворял твоим потребностям. СПП ОБ — организация серьезная и потребует известной перестройки ритма жизни».

«Я готов».

«Тогда с Богом! Что у тебя произошло еще?»

Ставр мгновение раздумывал, сообщать ли деду о происшествии, но потом все же решил сказать правду.

---

[1] В с е в е ч е — реорганизованный Высший координационный совет Земли, правительство Солнечной системы.

«Я подрался. Хотя виноватым себя признаю только наполовину. Кроме того, мы с Филом кое-что обнаружили любопытное в лесу, кое-что очень необычное».

«Новый гриб? Двухголового ежа, что ли? Противотанковую мину времен Второй мировой войны?»

«Я не шучу, дед. Оно не фиксируется даже на уровне Сил, но вполне реально ранит тело. — Ставр мысленно показал Берестову свои ощущения во время эксперимента с невидимым «кораллом». — Я думаю, что этот предмет — родной брат нагуаля на Тартаре. Вернусь, поищу по информбанкам совпадения характеристик».

«Это действительно интересно. Я с твоего разрешения записал. Проверю по своим каналам. Пока ничего никому об открытии не говори, ни матери, ни даже будущему шефу. А вот драться, эрм, нехорошо! Не стыдно?»

«Стыдно», — искренне раскаялся Ставр.

«Надеюсь, обидчики не пострадали? Кто они?»

«Крутые парни из погранслужбы. — Ставр подумал и добавил: — С ними была девушка-интраморф с глухим блоком. А почему никому нельзя говорить о нагуале?»

«Это отдельный разговор. Если не передумаешь с переходом в СПП, первым твоим заданием будет работа с нагуалями. Будь здоров».

Контакт прервался. Но за ним последовали еще два: звонили мать и бабушка Анастасия. Обе чувствовали сына и внука везде и всегда, даже если находились далеко от Земли.

Через минуту после этого Ставр свернул палатку и нырнул в утробу аэра, вознесшего пассажира на километровую высоту своей линии. Полюбовавшись золотыми и платиновыми куполами храмов Веры старинного Владимира, Панкратов включил джамп-режим. Домой — а жил он в Рославле — аэр доставил его за десять минут. И все эти десять минут Ставра мучил вопрос: откуда дед узнал о переходе в СПП, а тем более о теме его будущей работы?..

Дом Ставра представлял собой двухэтажный коттедж и стоял на окраине старинного города с миллионным населением. Рославль в эту эпоху превратился в экополис, город сбалансированного развития, в архитектуре

которого сочетались славянские и северные мотивы, а также разумно чередовались районы общественно-компактной и индивидуальной застройки.

Коттедж Панкратова располагался в районе Старгорода с индивид-компоновкой и был выстроен финской фирмой в стиле «березовый ларец». На первом этаже кухня, столовая, библиотека, комплекс видеоигр «Великий комбинатор», тренировочный зал, на втором — спальня, гостиная, кокон операционного инка. Обслуживался коттедж домовым по имени Терентий.

На пороге Ставр остановился, учуяв слабый з а п а х чужого присутствия. Обошел все комнаты. Следов никаких, конечно, не обнаружил, но эйдосфера дома была потревожена, кто-то побывал в нем недавно в отсутствие хозяина.

«Никак его сиятельство вернулись, — встретил хозяина Терентий, который всегда разговаривал со Ставром с интонациями мажордома. — Что-то вы рано из отпуска-то. Аль случилось что?»

— Случилось, — вслух ответил Ставр, проходя в спальню и принюхиваясь. — Никто не заходил?

«Никто. Зато звонят чуть ли не каждый час».

Ставр прошелся по спальне, «ощупывая» ее всей сферой чувств. Но тот, кто тайно посетил дом, оставил только едва ощутимый — на тонком полевом уровне — фон чужеродности.

«Кто звонил?»

«Три девицы, пара эмверов, какой-то крутой индивер — не представился, и некто по имени Степан. Но лишь один из них оставил послание, а именно Степан. Вот оно: пусть Таврик позвонит, когда вернется».

В пси-голосе Терентия присутствовала какая-то неуверенность, да и речь звучала замедленно.

Сердце Ставра екнуло. Его непрошеный гость явно копался в памяти домового, а потом стер следы операции. Интересно, а в память оперативного инка он не заглядывал?

«Знаток, — окликнул инка Ставр, взбегая на второй этаж, — с тобой никто из посторонних не работал?»

«Сведений в памяти не сохранилось, — ответил Знаток, — но, судя по косвенным данным защитного контура, кто-то пытался взломать «сейф».

«Сейфом» инк называл стратегический объем памяти, доступ к которому был разрешен только владельцу компьютера.

«Ну и?..»

«Последний защитный слой, похоже, им пройти не удалось».

«Похоже или не удалось?»

«Я не уверен, информации почти нет, только регистрационные шумы. Проверь сам».

Ставр быстро вошел в память Знатока, опять же никаких следов чужого хозяйничанья не обнаружил, но сам факт копания в компе говорил о многом. Плюс утренняя находка нагуаля. Плюс неспровоцированная драка.

Это цепочка, сказал сам себе Ставр, цепочка одной из вероятностных вариаций закона причинности. Но кому понадобилось сосредоточивать внимание на моей вполне скромной персоне?

ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ

Об этом бункере, запрятанном в толще горных пород хребта Алинг-Гангри, в сердце Тибета, недалеко от озера Нгангларинг-Цо, знали всего несколько человек. Создан он был сто лет назад на дне километровой шахты, в которой автоматы добывали платину, для одной из лабораторий интрасенсов. Затем по каким-то причинам надобность в лаборатории отпала и шахту взорвали, завалив ствол миллионами тонн породы. Однако бункер уцелел, а с ним уцелела и кабина метро, о чем знал всего один человек — Аристарх Железовский, бывший комиссар безопасности, бывший глава СЭКОНа, а ныне проконсул синклита старейшин Всевече. Через него о бункере, защищенном, как оказалось впоследствии, слоями поляризованного вакуума, то есть недоступном никакой регистрирующей аппаратуре и даже интраморфам, владеющим Силой, узнали и те четверо, которых Железовский вызвал на совещание.

Все четверо прибыли сюда одним способом, по каналу метро, код которого не поддавался дешифровке,

но из разных уголков Земли с соблюдением всех мер охраны тайны: Ярополк Баренц, бывший председатель Совета безопасности Земли, а теперь воевода синклита старейшин, — из метро Всевече; Велизар — нынешний архонт Всемирного Вече — из своего кабинета; Пауль Герцог, комиссар-прима службы безопасности, — из дома, где имел кабину личного метро как высокоответственный руководитель; Ратибор Берестов, бывший кобра ОБ, линейный руководитель ОБ, начальник сектора СЭКОНа, затем глава стратегического сектора ОБ, — также из своего кабинета.

Из собравшихся пятерых интраморфов лишь Герцог был молод, ему пошел всего тридцать первый год, остальным перевалило за семьдесят пять, как Берестову, за девяносто — Баренцу, Железовский же и вовсе преодолел стосорокалетний рубеж, а о возрасте Велизара ходили легенды, и все же выглядели эти патриархи не по возрасту молодыми — с точки зрения обычных людей.

Герцог заявился последним, его уже ждали в «гостиной» бункера, где стояли кресла, столик с обязательными фруктами и соками, и пси-вириал инка, обеспечивающего связь и защиту.

«Прошу прощения, милостивые государи, непредвиденные обстоятельства. Вынужден был сменить интерфейс служебного инка, в моем оперативном кто-то копался, хотя и очень умело. Защита выдержала, но я решил перестраховаться».

Разговор шел в пси-интервале и слоганами, в прямой речи никто не нуждался, поэтому длился он недолго, считанные минуты. Адекватная же передача смысла этого разговора потребовала бы гораздо больше времени.

«Итак, хомозавры, начнем, — сказал Железовский. — Общая оценка положения не требуется, я думаю».

«Общая оценка — все плохо, — ответил глава Всевече, похожий на былинного богатыря. Поговаривали, что в молодости Велизар был великолепным спортсменом и даже якобы чемпионом Игр доброй воли по десятиборью, но когда это случилось — никто достоверно не знал. — Человечество сегодня — неуправляемая, неорганизованная стихия, рожденная миллиардами людских

желаний. Светлых эгрегоров[1] все меньше, темных все больше. И все больше криков с высоких трибун: интраморфы, убирайтесь вон! Конечно, мы можем убраться с Земли и вообще из Системы, но это не есть мудрое решение проблемы. Вот и вся оценка. Самое плохое, что кампанию против паранормов, то есть против всех нас, поддерживают невыясненные нами силы. Конфликты между нормалами и паранормами достигли уровня Вече. Три дня назад на Мадагаскаре убит сотрудник СЭКОНа интраморф Сабдил, вчера на Марсе убит инспектор погранзоны Фергюссон. Заметьте, убитые не просто интраморфы, но профессионалы, что говорит о намеренном отборе и отменной подготовленности киллеров. Не так ли, Пауль? А не далее как сегодня утром секретарь эргономического департамента Вече Леонид Жученок нанес оскорбление депутату хозяйственной Думы Бальдеру, интраморфу естественно. Комиссия защиты прав человека вынуждена заниматься подобными делами каждый день. Но уже и сейчас ясно: за спиной Жученка стоит националистический эгрегор южных славян, давно, лет четыреста занимающий деструктивную позицию».

«За спиной Жученка не только темный эгрегор, — сказал Герцог. — Среди его друзей замечены странные личности, идентифицировать которых не удалось. Если бы мы не знали, что К-мигранты ушли с Конструктором пятьдесят лет назад, можно было бы указать на них, особенно в делах с убитыми. Кроме того, есть подозрение, что они — если это они, конечно, — проникли и в безопасность, в некоторые из узловых секторов».

«В какие именно?» — поинтересовался Баренц.

Служба общественной безопасности Земли делилась на секторы: стратегических исследований, оперативно-тактический, связи, информационного обеспечения, разведсистем, кризисных ситуаций, контрразведки, следственный, криминального розыска, планирования и прогноза, эфанализа, пограничных проблем, — но главным безусловно были стратегический и информобеспечения.

---

[1] Эгрегор — своеобразное энергоинформационное пространство, которое образуется за счет мысленной связи тождественных менталитетов людей, замыкающихся на определенный образ.

«Вероятно, стратегический, контрразведки и связи».

«Разв- ты в своем секторе не контролируешь ситуацию? — повернулся к Ратибору Баренц. — Что у тебя там творится?»

«Контролирую, — спокойно ответил Берестов. — Появление агента в моем секторе неизбежно, но лучше иметь одного и контролировать его шаги, чем искать нового после ликвидации первого».

«Именно поэтому я и настоял на столь беспрецедентных мерах секретности, — буркнул Железовский. — В управлении встречаться стало опасно. Уважаемые патриархи, я сделал анализ нарастания напряженности в социуме и пришел к выводу, что мы имеем дело с проявлением новых сил, нам доселе неизвестных. Я бы назвал это вторжением, вернее, просачиванием инфернальности или искусственно создаваемого энтропийного процесса. Как в области чисто физических преобразований, с чего все это и началось, так и в области социальных отношений. Об этом говорят и последние события в Системе: нападения на интраморфов, кампания травли паранормов, разгул терроризма. Все вы уже, наверное, знаете, что катастрофа лайнера «Баальбек» произошла по причине того, что он на скорости в «четыре нуля» наткнулся на двухдециметровый нагуаль. Таких образований найдено уже шесть, на Тартаре, возле Чужой, в пространстве и две в Системе. Размер самого большого — около километра, самого маленького — два дециметра».

«Теперь уже один дециметр, — сказал Ратибор Берестов. — Мой внук сегодня утром обнаружил нагуаль на Земле, отдыхая в лесу под Владимиром. У меня сложилось впечатление, что ему подсказали, где его искать».

Общее оживление присутствующих выразилось «сиреневой» вспышкой пси-фона и разрядилось ворчливо-угрюмым замечанием Железовского:

«На ловца и зверь бежит. Я как раз хотел предложить Ставра Панкратова в качестве опера «свободной охоты» по нашей общей проблеме, которую можно зашифровать словом «Нагуаль».

«Но справится ли младший Панкратов? Он, конечно, неплохой ученый, насколько я знаю, и даже эр-мастер, но ярко выраженный индивер».

Герцог хотел что-то сказать, но передумал. Железовский посмотрел на него с пониманием, он з н а л, кто указал Ставру местонахождение нагуаля и почему это сделал.

«Я тоже в свое время был индивидуалистом до мозга костей. Это со временем проходит», — проворчал Железовский.

«Что он должен будет делать?»

«Кому-то выгодно сталкивать лбами нормалов и паранормов, не говоря уже о заказных убийствах. Так вот, главная цель Панкратова — найти этого «организатора»! Кстати, Ставра пригласили работать в СПП ОБ, где у него появится гораздо больше возможностей».

«Кто его пригласил?» — поинтересовался нахохлившийся Баренц.

«Лично шеф СПП Мигель да Сильва, но по рекомендации его деда Ратибора Берестова».

«Что же ты, старый хрыч, не делишься идеями?» — буркнул Баренц недовольно.

«Не вижу ничего странного, — пожал плечами Велизар. — Дед позаботился о карьере внука, только и всего».

Ратибор серьезно кивнул, в то время как остальные обменялись беглыми улыбками.

«Ну, хорошо, пусть начнет, но ему понадобится напарник плюс оперативная подстраховка. Есть какие-нибудь предложения?»

«Предлагаю ему в пару мою внучку Видану, — сказал Железовский, вызывая общее оживление. — Она работает в наружном секторе погранслужбы у Левашова, очень способный эфаналитик, пошла по стопам бабки, но спектр ее возможностей шире. Чего ржете, черт побери?!»

«А ты будто не понимаешь, — отсмеявшись, сказал Баренц. — По пословице: чем наши хуже ваших? Хороши деды, нечего сказать! Жаль, что у меня нет внуков, а то и я бы своего пристроил».

«Это оттого, что ты не любишь детей».

«Достаточно, проконсулы, — вмешался Велизар. — Все мы любим своих детей и внуков, поэтому я горжусь выбором Ратибора и Аристарха. Они знают, что

такое контрразведка и чем придется рисковать их внукам. Поэтому ребятам потребуется поддержка на А-уровне».

«Я буду подстраховывать, — сказал Берестов. — Все же он мне как-никак внук».

«Тебе сделать это будет этически трудно, — вздохнул Баренц. — Как ты объяснишь свои появления в моменты тревог? Он все поймет. Роль основного исполнителя арьергарда я предлагаю Аристарху, тем более что в паре с Панкратовым будет работать его внучка, а в обойме прикрытия придется поучаствовать всем по очереди, пока не найдем достаточно много молодых исполнителей для эшелонированной поддержки».

«Но станет ли он работать в паре?»

«Попробую уговорить. Они хорошо дополнят друг друга!»

«И все же боюсь, что он откажется, — хмыкнул Ратибор. — Именно с твоей внучкой, Аристарх, он имел конфликт сегодня утром, когда группа ее друзей попыталась выдворить Ставра с места его отдыха в лесу под Владимиром, где он как раз перед этим обнаружил нагуаль. И я не уверен, что это совпадение».

Общий пси-фон собравшихся «окрасился» в фиолетовый «цвет», что означало озадаченное молчание.

Велизар вдруг поднял руку, призывая всех не просто к молчанию, а к пси-блокаде. Все замерли. Потом Железовский, сидевший совершенно неподвижно, шевельнул твердыми, как камень, могучими мышцами.

«Ты что, старина? Над нами километр горных пород!»

«Показалось, что кто-то пытается нас здесь разглядеть».

«Бункер окружен «абсолютным зеркалом», то есть слоем поляризованного вакуума. Ни нас невозможно услышать, ни нам никого. Отсюда проблематично выбраться даже в потоке Сил. Но мы отвлеклись. Ставр Панкратов нам необходим еще и потому, что среди нас, к сожалению, мало высокопрофессиональных ученых, а нам очень нужен анализ cansa prima[1] появления нагуалей и опасности, которую он влечет за собой. По сути,

---

[1] Первопричина *(лат.)*.

их практическая невидимость и неуязвимость наводят на мысль о проявлениях К-физики. Уж не Конструктор ли дает о себе знать?»

«Конструктор ушел окончательно и бесповоротно, в окрестностях Солнечной системы ему делать нечего. Да и его пришествие было бы замечено сразу же и в больших масштабах. Вспомни Большой Выстрел. Другое дело, что нагуали все-таки могут быть следами его былого посещения нашего метагалактического домена».

«Нагуаль обнаружен и у беты Зайца, а Конструктор там не проходил».

«Конструктор не посещал и Тартар, и Чужую, а нагуали там тем не менее объявились».

«Что ж, выбор нами обоснован: команде нужен ученый-паранорм, чтобы определить, так это или нет. Особенно, если мы соприкоснулись с явлениями чужой физики, которую можно назвать Икс-физикой или даже БВ-физикой, если под БВ подразумевать Большую Вселенную».

«А почему бы не привлечь другого человека, Тота Мудрого? — сказал Велизар. — Впрочем, он-то уж точно не согласится работать по заданной теме. Насколько мне известно, его интересы лежат в иных плоскостях, не в планах постижения физических основ мироздания. Но если нагуали, как говорил Аристарх, есть *просачивание* инфернальности, то есть Сил, неизвестных людям, ваш кандидат в оперы не справится с расследованием».

«Он эрм».

«Да пусть будет хоть тысячу раз эрм! Ему придется столкнуться с принципиальной стохастичностью[1] явлений, что выводит проблему за пределы наших возможностей».

«И все же только у эрма есть шанс довести дело до конца. Ставр не только профессионал воинских искусств, он *ратный* профессионал, то есть он живет иначе, чем мы, владея искусством выживания с момента рождения. Должен справиться, хотя ему, конечно, придется туго. Как, впрочем, и всем здесь присутству-

---

[1] *Принципиальная стохастичность* — непредсказуемость внешних воздействий.

ющим. Experto credit[1]. Мы должны помочь ему, быть все время сзади, не выпускать из поля зрения».

«А не посоветоваться ли нам с кем-нибудь поопытней нас?»

«С кем? — Велизар усмехнулся. — С чужанами, орилоунами?»

«С Сеятелями или серыми призраками, например. Они ведь помогали нам в свое время».

«Серые призраки ушли даже с Тартара, где ты собираешься их искать и каким образом? Крикнешь на все метавселенную: ау, Сеятели, отзовитесь?»

«На наши призывы они, скорее всего, не откликнутся, а вот на просьбу одного общего знакомого могут отреагировать положительно. Да и сам он — фигура заметная».

«Ты имеешь в виду Габриэля Грехова? — догадался Берестов. — Хорошая идея, старик!»

«Вот и пусть наш опер попробует отыскать Грехова, а там покумекаем, как выйти на Сеятелей».

Четыре ладони легли одна на другую, породив розовую молнию полевого разряда.

Чужанин шевельнулся, превращаясь в грубо обработанную каменную скульптуру борца сумо, протянул чудовищную, с гипертрофированно развитыми мышцами руку, раскрыл ладонь, и Ставр увидел красивый черный перстень с прозрачно-зеленым камнем, внутри которого разгоралась и гасла яркая изумрудная искра.

— Велено передать, — прогрохотал каменный псевдочеловек. — Если удержишь.

— Кем велено? — поинтересовался Ставр, принимая подарок и... едва не выронил его. Перстень оказался не просто тяжелым, но раскаленным и заряженным электричеством.

Чужанин засмеялся, кривя слепое каменно-металлическое лицо.

— Ну что, не хочешь ли бросить?

Стиснув зубы, Ставр надел перстень на указательный палец. Камень снова полыхнул чистым изумрудным све-

---

[1] Верьте опытному *(лат.)*.

том, и словно в ответ над горой, где встретились человек и роид, прогремел гром, могучая сила мягко качнула пространство, мигнули звезды над головой.

Чужанин снова засмеялся, превратился в кучу камней, которая собралась в нечто, отдаленно напоминающее древнюю ракету, и исчез в фиолетово-черном небе.

Перстень сдавил Ставру палец до боли, он вскрикнул и проснулся. Полежал немного, разглядывая фиолетово-синее струение потолка спальни, поднес к глазам руку: никакого перстня на пальце, естественно, не оказалось. Странный сон. Очень конкретный, словно клип виртуальной реальности. Насколько помнится, в морфейере таких программ нет.

«Терентий, — мысленно позвал Ставр домового. — Что за сон ты мне подсунул только что?»

«Ничего я не подсовывал, — обиделся домовой. — Что было заказано, то и крутил».

«Высвети программу».

Домашний инк послушно выдал программу снов морфейера. Ставр с изумлением и недоверием увидел странный разрыв в цепочке запланированных сновидений. Какой-то из игровых эпизодов, разработанных, кстати, самим хозяином, был стерт, а на его месте красовался багровый значок в форме китайского иероглифа «кун». Кто же это влез в программу? И что он хотел сказать своей видеозарисовкой с чужанином? Что за перстень тот передал?

«Фил, — окликнул Ставр. — Ты из дома никуда не отлучался?»

«С какой стати?» — резонно отозвался терафим. На сей раз он внедрился в старинную саблю, висевшую на стене, которая принадлежала какому-то прадеду Панкратовых в двадцатом колене, лихому рубаке и наезднику.

Интересно, подумал Ставр мимолетно, как отреагировал бы гость из нормалов, обычных людей, заговори с ним сабля. Или другой предмет обихода.

«Никто не приходил в мое отсутствие? С морфейером не баловался?»

«Я не видел».

Ставр хмыкнул, покачал головой. В принципе морфейер можно перепрограммировать и на расстоянии,

не появляясь в доме, но это уже уровень паранорма. А зачем паранорму, кто бы он ни был, вписывать в программу почти ничего не значащий видеоряд? Но скорее всего в аппарате сновидений покопался тот самый таинственный незнакомец, запах которого учуял Ставр после возвращения из леса.

Шел всего пятый час утра, но спать уже не хотелось.

Ставр сделал зарядку, позавтракал, набрал код «контр-2», но тут же стер. Его официальный отпуск на основной работе еще далеко не закончился, что давало основания дней десять без ущерба для дела не появляться на службе, но с другой стороны, отсутствие связи с неизвестным агентом указывало на нестыковку внутри отделов, и только шеф мог разрешить эту проблему. А поскольку шеф молчал, не интересовался новостями и не тревожил напоминаниями, можно было отдыхать дальше, благо уединенных места на Земле еще хватало. А на Марсе и того больше.

Ставр ухватился за эту мысль. Идея посетить Плоть Бога и проникнуться масштабом явлений, связанных с Конструктором, стучалась в душу давно, однако все не хватало времени ее реализовать. А в отпуск — пожалуйста, потому что это и отдых, и тренировка фантазии, и духовный запрос, то есть великолепное сочетание приятного с полезным. Остается открытым вопрос: найдет ли его там агент из «погран-2»?

В гостиной тихо прожужжал вызов консорт-линии. Ставр с некоторой озадаченностью мысленно включил обратку.

«Поступил полный интенсионал по коду АА», — доложил оперативный инк.

«Не понял. Какой еще интенсионал? Я ничего не заказывал!»

Знаток промолчал, не обученный отвечать на риторические вопросы и восклицания.

«Кто передал?»

«Обратного адреса нет».

Ставр почесал затылок, сказал сам себе: жить становится все интересней! Поднялся на второй этаж и развернул в кабинете КПР инка. Интенсионал содержал исчерпывающие сведения о Тартаре и Чужой, планетах и системах, давших жизнь негуманоидным цивилиза-

циям роидов и тартариан, близких друг другу по происхождению.

— Спасибо, приятель, — поблагодарил Ставр неведомого благодетеля. — Но я и так все это знаю по долгу службы.

Кто-то вдруг вошел в дом, бесшумный и опасный. Ни один летательный аппарат мимо не пролетал, а тем более не производил посадку рядом с домом, в радиусе километра вообще никого не было из людей, Ставр засек бы любое живое существо, появись оно возле дома, и все же кто-то проник в дом, словно материализовался прямо из воздуха.

На «экране» внутреннего зрения мелькнул смазанный силуэт — пришелец пересек прихожую в доли секунды и взлетел по лестнице на второй этаж, отлично зная, где сейчас находится хозяин. Его лоцирующая пси-волна столкнулась со «щитом» Панкратова, тут же превратилась в оружие — пси-копье, попытавшееся пробить блок интраморфа. Ставр отбил выпад и встретил гостя у порога, не решив еще, что с ним делать. Прежде надо было попытаться выяснить причину вторжения и атаки.

Они замерли друг против друга. Вернее, замер Ставр. Гость же колебался, двоился, неуловимо быстро меняя форму в пределах человеческого силуэта. Но это был не человек и даже не киб-интеллект с гибким полевым каркасом, это был пси-фантом с весьма серьезной концентрацией энергии, запрограммированный на определенные действия. Выявить всю его программу Ставр не успел, гость начал атаку.

Несколько мгновений длилась их тихая, незаметная со стороны дуэль. Однако фантом, даже с наведенной защитой и широким диапазоном вариантов ответа, не мог тягаться по возможностям с интраморфом, а тем более с эр-мастером. Ставр нащупал его резонансную частоту, и пси-гость лопнул, исчез, породив тусклую вспышку ультрафиолетового света.

По инерции Панкратов «облетел» поле боя всей сферой чувств, больше никого и ничего не обнаружил и вышел из потока Сил. Во время дуэли он выяснил два интересных обстоятельства: во-первых, его хотели не столько убить, сколько напугать, а во-вторых, программировал пси-исполнителя не человек. Или не со-

всем человек. Потому что фантом искал уязвимые места в обороне Ставра не так, как это делали бы люди или паранормы.

— Черт! — в сердцах сказал Ставр. — Это уже переходит все границы!

«А ты всегда будь готов к труду и обороне», — вспомнил терафим старинный афоризм. Он видел все, что происходило в комнате, держа связь с хозяином на фиксированной пси-волне.

«Прошу прощения, — вклинился в разговор домовой. — Только что по треку прошло фантом-сообщение. Включаю запись».

Сообщение звучало примерно так: «Ищите то, чего нет. Найдете — век продлится».

— Очень остроумно, — проворчал Ставр. — Спасибо за совет.

Фантом-сообщения, прозванные Голосом Пустоты, будоражили воображение ученых уже на протяжении полувека, с момента вторжения Конструктора в Солнечную систему. Объяснялись они «эффектом наведенной разумности в компьютерных сетях», но выявить, как и почему возникает этот эффект, не удалось до сих пор никому. Получалось, что в какие-то моменты становится «разумной» вся гигантская система линий связи Земли и этот нечеловеческий разум пытается осознать, что такое он сам, кто такие люди и созданные ими технические комплексы. А сообщения, передаваемые им, были по сути попытками контакта.

Хотел бы я знать, что означает визит фантома, подумал контрразведчик. Равно как и предупреждение «искать то, чего нет». Парень, а ведь ты, видимо, стал объектом чьего-то внимания, лишь слегка завуалированного «случайными совпадениями». Необходимо все же пообщаться с шефом, дабы не наломать дров, а еще лучше с дедом, что-то здесь не чисто.

Отчетливый шепот: «Разрешите?» — коснулся слуха. Вернее, слухового нерва. Потому что был это не шепот, а очень точный, «пеленгирующий», узконаправленный пси-импульс.

Кого там еще несет? — неосторожно подумал Ставр, решая, брать оружие или подождать. Он еще не совсем отошел от нервной встряски после боя с фантомом.

«Калику перехожую несет, — донесся сквозь эйдообраз хмурой улыбки слоган передачи. — Пустите, ради Бога, накормите старца немощного».

Ставр фыркнул, узнав одного из патриархов, друзей деда, Аристарха Железовского. «Немощный старец» Железовский еще и сейчас превосходил молодых интраморфов силой и выносливостью.

«Где вы прячетесь, Аристарх? Заходите, если близко».

«Уже зашел. — Железовский появился в дверях гостиной, громадный, мощный, уверенный и бесшумный. — Я тут случайно проходил мимо... — Он повел носом. — Чую, чую, нерусским духом запахло. Али навещал кто?»

Ставр огорчился.

«Похоже, я вышел из формы, не заметил, как вы здесь оказались».

«Ну, заметить меня, если я этого не хочу, практически невозможно. Хочешь, научу? Есть особые приемы пси-маскировки. Так кто у тебя побывал, говоришь?»

Ставр пригласил гостя сесть, приказал домовому принести фрукты и напитки, сел сам. В отсутствие посторонних интраморфы обычно использовали слоган-речь, переходя на звук в исключительных случаях, только чтобы подчеркнуть сказанное.

— На меня только что напал «динго», пси-фантом, — сказал Панкратов. — Я не был готов к... — Он замолчал, потому что Железовский быстро поднес палец к губам и передал мысленно:

«Отставить звук! Переходи на гиперволну, нас могут подслушать».

«Кто?!» — растерялся Ставр.

Аристарх вместо ответа вырастил из плеч костюма — одет он был в уник — усики антенн с шариками на концах. Шарики тотчас же налились малиновым свечением, и вокруг собеседников замерцал — в пси-диапазоне, естественно, — серо-серебристый туман. В световом интервале электромагнитного спектра этот туман виден не был.

«Пси-фильтр, — пояснил Железовский. — На тот случай, если все же кто-то захочет нас подслушать, а любители такие появились. Рассказывай, что случилось, потом объяснюсь я».

Запинаясь, не сразу совладав с удивлением, Ставр передал смысл своего «диалога» с «динго» — наведенной динамической голографией, обладающей пси-запасом и запрограммированной на убийство.

«Понятно, — кивнул Железовский. — Послать обойму живых бойцов они не решились, боясь провала. Удивительно то, почему они решили заняться тобой, рядовым ученым-интраморфом».

«Зато мне ничего не понятно. Кто они? Зачем кому-то вообще проверять меня на этом уровне? Мало было школы?»

«Ты о чем?»

Ставр рассказал о своей стычке с отдыхающими у озера.

Аристарх помолчал, застыв как изваяние. От него исходила волна такой мощи и такого глубокого спокойствия, что Панкратов почувствовал облегчение и сам.

«За интраморфами началась охота, — изрек наконец «роденовский мыслитель», как прозвали Железовского когда-то. — Это одна из проблем, которой мы сейчас занимаемся. Говорят, тебе предложили работу в СПП?»

«Говорят, — неохотно признал Ставр. — Как быстро распространяются слухи».

Железовский гулко хохотнул.

«Просто я достаточно близко знаком с шефом СПП Мигелем да Сильвой. Он просил передать, чтобы ты послезавтра заявился в отдел и получил официальное задание, как опер исследовательской бригады, которая занимается изучением нагуалей. О причинах твоих стычек вчера и сегодня я обменяюсь мнением кое с кем, сделаю эфанализ, может быть, ты попал в круг устойчивого интереса скрытых пока от нас сил. А это в свою очередь может повлечь за собой ряд эффектов, которые сорвут наши планы и твою работу опера».

Ставра неприятно поразила осведомленность Аристарха о сцене в лесу под Владимиром, но он решил пока воздержаться от подтверждения «слухов».

«Что вы имеете в виду?»

Аристарх пропустил реплику мимо ушей.

«Кроме официального задания синклит старейшин Всевече просит тебя заняться делом более серьезным, по которому с одобрения твоего деда получишь карт-

бланш особых полномочий. И это настолько серьезное дело, что упаси тебя Бог проговориться или даже подумать о нем в присутствии паранорма! Кстати, о находке нагуаля — никому ни слова».

«Меня дед уже предупредил».

«Потому что данный объект напрямую связан с твоим вторым заданием. — Аристарх снова не обратил внимания на мысль собеседника. — Дело в том, что мы регистрируем целенаправленное изменение условий существования в нашем уголке метавселенной. Ни больше ни меньше! Я называю этот процесс просачиванием инфернальности, твой дед выразился более образно: в нашу Вселенную «дышит» другая, со своими законами и принципами бытия. Возможно, это следствие прорыва в наш мир Конструктора полсотни лет назад. Никто не знает точно, мы тоже. Но скорее всего это попытка иного разума, абсолютно чуждого нам, более чуждого, чем негуманы и даже Конструктор, дестабилизировать, перестроить наш метагалактический домен для каких-то своих нужд. Если дело обстоит таким образом, нас ждет самая странная и страшная война — на всех мыслимых уровнях бытия, вплоть до уровня законов, регулирующих взаимоотношения Вселенных, подобных нашей. Уразумел?»

Ставр молчал. Он был потрясен тем, что его «вербовали» для выполнения того же задания, которое он получил в «контр-2»! Пересечение интересов действительно поражало.

«Твое задание — выйти на конкретных исполнителей чужой воли и, если удастся, захватить их. Это могут быть люди, паранормы, витсы, негуманы и черт знает кто еще, поэтому уровень перехвата должен быть высочайшим, вплоть до пятого. То есть до момента задержания никто не должен даже догадываться, что он принципал. Тот, кто контролирует п р о с а ч и в а н и е — мы его назвали Фундаментальным Агрессором, ФАГом, — наверняка предусмотрел способы ликвидации как тех, с кем он работает, так и тех, кто будет работать против. Уразумел?»

«Так это его посланец пытался меня убить?!»

«Скорее всего не убить, а пощупать оборону. Хотя, конечно, уверенными быть мы не можем».

Ставр съел несколько ягод земляники, глянул в непроницаемые глаза Железовского.

«Аристарх, вы сказали мне и слишком много, и слишком мало. Можно, я подумаю?»

Железовский отрицательно качнул головой.

«У нас нет времени на размышления, эрм. И я сказал тебе достаточно».

Ставр доел ягоды, решая, что делать дальше. Соглашаться было смешно, не соглашаться — означало выставить себя если не трусом, то дураком. Интересно, как бы прореагировал шеф на эту «вербовку»? Наверное, просто отстранил бы от задания. Если о суперсекретном деле знает не один и даже не два человека, а трое-четверо, если не больше, то провал неизбежен... Карамба!

«Хорошо, я согласен, — сказал Ставр. — Но если это задание дается мне, вернее, в отдел пограничных проблем, значит, в контрразведке у нас — глаза и уши этого самого Фундаментального Агрессора?»

«Соображаешь. Контрразведка сейчас занята деятельностью негуманов возле Тартара и Чужой, но без увязки с нашей проблемой. О просачивании знаем только мы, эксперты-проконсулы синклита. Но контактировать с контрразведчиками тебе, конечно, придется, у них много интересной информации».

«Между прочим, я получил интенсионал по негуманам, — вспомнил вдруг Ставр, — хотя сам не заказывал. Может быть, кто-то из вас решил упредить события?»

Железовский снова окаменел, и Панкратов понял, что тот пытается установить с кем-то связь через поле Сил. Через полминуты Аристарх расслабился, сказал с сожалением:

«Не могу нащупать канал, наверное, твоего будущего шефа нет в Системе. Но возникает масса неприятных вопросов. Мы тебе никакой деловой информации не посылали, и я даже представить не могу, кто это мог сделать. В таком случае мы поспешили с выбором, и тебе не стоит заниматься этим делом. Жди решения, надо посоветоваться. Уж слишком много случайных событий завязывается вокруг твоей персоны. Но будет жаль, если придется взять в команду другого эрма. — Железовский улыбнулся, разглядывая порозовевшую

физиономию Панкратова. — Как-никак твою кандидатуру выдвинул я. В принципе можно и рискнуть... — Патриарх помолчал немного. — Но в таком случае тебе придется поработать с подстраховкой, в паре».

Ставр нахмурился, хотел было ответить отказом, потому что отказ его был равносилен смене кандидата в оперы, но ему уже не терпелось включиться в этот необычный круговорот, пересечение интересов и контринтересов. Ввяжусь, а потом посмотрим, подумал он словами девиза Наполеона.

«А иначе нельзя? Я всегда работал один».

«Для той роли, которая тебе отводится, нужна двойная, а то и тройная подстраховка. Мы рискуем не столько твоей жизнью, сколько жизнью Вселенной!»

«Очень уж громко звучит. Вселенная не должна зависеть от одного человека. Хорошо, я согласен. Кандидатуру напарника найдете вы или доверите выбор мне?» У Ставра мелькнула надежда взять в напарники одного из друзей, Степана или Рауля.

«Я хотел бы, чтобы с тобой поработала моя внучка, Видана. Она интраморф, естественно, эфаналитик и профессионал воинских искусств. Работает в пограноттряде Левашова».

Смутное подозрение заставило Ставра вглядеться в собеседника пристальнее, но на каменном лице Аристарха прочесть ничего было нельзя, как, впрочем, и прочитать его мысли. Имя Видана вроде бы ему напомнило что-то, хотя и смутно, а вот имя Левашова было знакомо хорошо: известный ученый-фридмонолог Артур Левашов был одновременно и лихим руководителем погранзаставы, располагавшейся в системе звезды Чужая, возле псевдопланеты роидов. К тому же когда-то Ставру посчастливилось поработать с ним на Тартаре.

«Хорошо, — с неудовольствием вслух сказал Ставр. — Я потерплю. Но не слишком ли вы рискуете своей внучкой?

Он хотел сказать иное: не станет ли девица ему обузой? — но Железовский понял его и так, раздвинул губы в едва заметной иронической усмешке.

«Вот и ладушки, опер, потерпи уж для пользы дела, как говорит мой друг Володя Бакан. Ты еще не знаешь

мой внучки. Я сообщил тебе только общие данные, вводную, так сказать, часть, а вот тут — интенсионал по твоей... вернее, по нашей общей проблеме». — Аристарх протянул Ставру золотом просиявший браслет.

В принципе это и был браслет, только изготовлен он был не из золота и вообще не из какого-нибудь материала, потому что представлял собой полевую структуру, «упакованное знание», так сказать.

Ставр молча нацепил браслет на руку.

«Calamitas virtatis occasio[1], — сказал Железовский, вставая. — Удачи тебе, мальчик. И помни, с Фундаментальным Агрессором шутки плохи, ошибок он не прощает. Так погибли многие из наших ребят, прежде чем мы поняли, с кем имеем дело. На него надо выйти чисто, ну, а решать проблему его захвата будем сообща. Возможно, сделают это другие».

«Кто? — поднял голову Ставр. — Отец, дед? Шеф СПП?»

«Если я скажу, ты не поверишь. Впрочем, до захвата надо еще дожить. Может быть, придется выходить на т а к и е просторы Вселенной, что не хватит никакой фантазии. До связи, эрм».

И Железовский, свернув аппаратуру пси-фильтра, исчез.

Машинально Ставр сопроводил его в пси-поле до ближайшей стоянки аэромашин, потом вспомнил о браслете и активировал его. Через несколько секунд браслет исчез, будто всосался под кожу, а на голове Ставра прошумел холодный ветер, распахнул окошко пси-запаса, и вся новая информация осела в глубинах памяти. Теперь Панкратов знал все, что знал по данной проблеме синклит старейшин. Правда, эту информацию ему еще раньше передал начальник «контр-2».

МУЖСКИЕ ИГРЫ

— Надо запретить туристические рейды по Системе, — сказал командор погранслужбы Людвиг Баркович. — Пока мы полностью не очистим ее от К-следов.

---

[1] Бедствие — пробный камень доблести *(лат.)*.

«Вы считаете, что «Баальбек» напоролся на след Конструктора? — осведомился его собеседник, молодой, высокий, с роскошной рыжей шевелюрой без всяких модных украсов.

— А вы так не считаете? — покосился на него Баркович.

Они стояли в центре зала визуального контроля спейсера «Зурбаган», принадлежащего погранслужбе Солнечной системы. Спейсер висел в пустоте между орбитами Урана и Нептуна, в том месте, где лайнер «Баальбек» наткнулся на невидимое препятствие, пробившее его навылет по всей длине.

— Я привык опираться на точные данные, — произнес рыжеволосый. Это был комиссар-прима безопасности Пауль Герцог.

Оба были интраморфами, но Баркович не входил в число друзей Герцога. Командор погранслужбы слыл личностью сильной, но странной, никто из интраморфов ни разу не общался с ним с помощью слоган-речи, которая предполагает открытость мысленного поля. Мозг Барковича всегда находился за блоком, «застегнутый на все пуговицы». Также никому не был известен эгрегор, к которому присоединился Баркович.

Рядом со спейсером висел светящийся «бублик» исследователей и экспертов СЭКОНа, чуть поодаль маневрировал драккар спасателей, еще с десяток зеленоголубых огней обозначали индивидуальные коконы специалистов-безопасников и ученых, занятых изучением нагуаля. Сам нагуаль, естественно, виден не был, но его окружили десятиметровой сферой силового поля, отражавшей свет, и казалось, что рядом висит дымчато-радужный шар миниатюрной планеты. Ультраоптика зала позволяла зрителям видеть все объекты космоса в объеме и с любым разрешением, поэтому возникали любопытные эффекты: казалось, до Солнца, видимого золотым апельсином, до Нептуна, видимого в форме лимона, как и до близких предметов можно дотянуться рукой прямо из зала. Система связи «спрута» то и дело доносила переговоры служб за бортом «Зурбагана», отсеивая их каждому соответственно служебной компетенции, но волну тревожного канала слушали оба. И когда связь принесла вопль: «Какого дья-

вола ты сюда приперся, супер?! Обойдусь без твоей помощи, вали в свой сектор!» — собеседники переглянулись.

— Шаридан нервничает, — обронил Баркович, не оправдывая пограничника, но и не осуждая. — Не надо было включать в общую команду интраморфов. Уже возникали конфликты...

— Конфликты возникают потому, что это кому-то выгодно, — сказал Герцог, сдержанно улыбаясь. — И вы это прекрасно знаете, Людвиг. Но я своих индиверов отзову, им здесь пока нечего делать. Что вы думаете о природе нагуаля?

— Судя по характеристикам, это сгусток частиц с отрицательной энергией...

— Нет, я имел в виду не физическую природу. Появление и рост нагуалей напоминает процесс прорыва в наш метагалактический домен Конструктора.

— Я не думаю, что Конструктор вновь возвращается к нам столь экзотическим способом. Ему здесь тоже делать нечего, как и вашим индиверам.

Комиссар-прима снова улыбнулся, он казался беззаботным и был очень терпелив.

— Тогда, может быть, к нам стучится кто-то еще? Так сказать, близкий родственник Конструктора?

Баркович промолчал, мысленно отвечая какому-то своему корреспонденту. Потом перевел разговор на другую тему:

— Я вышел в Совет безопасности с предложением объявить аврал по Системе. Надо в конце концов вычистить ее до блеска, чтобы не натыкаться босыми ногами на осколки стекла или, что хуже, на мины и бомбы замедленного действия. Даже если это не есть следы Конструктора. Мы сами накопили немало опасного мусора в самых неожиданных местах Системы.

Герцог помолчал, так же как и собеседник общаясь в пси-диапазоне сразу с двумя-тремя абонентами.

— Наверное, я поддержу вас. Но хочу предупредить: наша деятельность в этом направлении может натолкнуться на противодействие... скажем, неких неизвестных сил, поэтому необходим самый жесткий императив подстраховки. Вплоть до варианта «Кольчуга».

Баркович хмыкнул.

— У вас все, комиссар? Как-нибудь разберемся. У меня много дел, до встречи.

Не оглядываясь, командор погранслужбы покинул зал спейсера. Герцог остался один, если не считать двух старменов, тихо переговаривающихся в другом углу зала. Комиссар мысленно позвал одного из них:

«Николай, объяви «Аргус» по треку. Не покидает ощущение, что нас всех «пасут».

«Объявил, — отозвался стармен, он же кобра системы «ланспасад». — Могу включить эшелон».

«Включай, не помешает, я на Землю».

Через несколько минут комиссар вышел из метро управления, чтобы столкнуться с Баренцем.

«Что случилось? У вас вид кролика, загипнотизированного удавом».

«Меня вызвал к себе Хасан Алсаддан».

Двое интраморфов смотрели друг на друга, прекрасно понимая, что означает этот вызов.

«Проигнорировать вызов нельзя?»

«Это покажется странным».

«Подстрахуйтесь эшелоном, могу дать свой».

«Я все время буду в поле Сил. Но не думаю, что Алсаддан перейдет к активным действиям. Он еще не знает того, что знаем мы».

«Но слухи о методах лептонной разведки[1] могут оказаться правдивыми. Он не сможет вас прочитать, прозондировать?»

«Я ношу пси-фильтр и «защитника». Но все же я уверен, что Алсаддан не решится на прощупывание».

Баренц вскинул кулак к плечу и вошел в зал метро. Герцог мысленно пожелал ему удачи.

Резиденция Совета безопасности располагалась в Берне, на площади Трех Великих Художников.

Баренц не поддался искушению пройтись по плитам старой площади, разглядывая скульптурные и

---

[1] Лептоны — класс легких элементарных частиц, в который входят электроны, мезоны, нейтрино и их античастицы.

архитектурные шедевры, созданные две сотни лет назад Гуднессеном, Русаковым и фон Мольтке. Мысли воеводы синклита старейшин были заняты другим. К тому же он чувствовал слежку, несмотря на то что велась она способами, ему неведомыми, столь изощренно, что подсознание «хватало» лишь слабый «шум» чужого пси-присутствия и внимания. Вероятно, вели Баренца на уровне эгрегора, а не индивидуально. Это убеждало в разумности тех неординарных методов секретности, которые разработал Железовский.

Президент Совета безопасности мира Хасан Алсаддан, смуглолицый, седоголовый, с лицом таким неподвижным и гладким, что казалось, оно выточено из цельного куска эбенового дерева, ждал Баренца в своем служебном модуле на сорок пятом этаже здания-кристалла. Баренца трижды проверили на входе на предмет ношения оружия, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы охрана и аппаратура не обнаружили в волосах спецустройства типа «защитник» и встроенный в уник пси-фильтр. Но еще в зале метро совета он ощутил пси-давление эгрегора, к которому принадлежал Алсаддан. Казалось, над головой собралась грозовая туча, искрящаяся множеством мелких молний, готовая разрядить в любого человека под ней свою исполинскую мощь.

Алсаддан носил традиционный белый бурнус, такие же белые шаровары, кожаные сандалии и пахлави — род чалмы, почти скрывающей волосы. Пальцы его украшали перстни, усиливающие пси-поле, а на запястье правой руки красовался браслет из оранжевого металла — родовой знак, говорящий о том, что предки Алсаддана были эмирами Бухары тысячи лет назад.

Слоган-речь президента совета отличалась лаконичностью и отсутствием «мимики» — образных оттенков мыслеформ и создаваемых видеокартин.

«Вы опоздали на четыре минуты, Ярополк. Это не первое проявление неуважения к совету и ко мне лично. Впрочем, к делу, у меня очень мало времени. Я получил сведения, говорящие о недопустимо отвлеченной деятельности синклита старейшин. В тайне от Совета безопасности и подкомиссии Всевече по правам

человека вы создали группу, деятельность которой нарушает вэлфер[1] Системы».

«У нас с вами разные оценки ортобиоза[2], — спокойно ответил Ярополк. — Однако социум болен, и вы это знаете. Но, во-первых, синклит старейшин не занимается никакой противозаконной деятельностью и уж конечно не создавал для этого никаких специальных групп. Во-вторых, синклит есть орган экспертный, рекомендующий, а не управляющий. Не согласны с нашей оценкой — выходите на Собор Вече с предложением создать третейскую комиссию по проверке наших выводов. В-третьих, вы отлично осведомлены о негативных изменениях в социуме Системы, проявляемых в мисонеизме[3] и нетерпимом отношении ко всем инакомыслящим, инакоживущим. Особенно наглядно это было выражено при появлении полсотни лет назад Конструктора. Не так ли? Но главное, о чем вы тоже знаете, тенденции эти сохранились как тенденции общего роста энтропийного фона. Не пора ли Совету безопасности заняться этой проблемой?»

«Позвольте решать мне, чем должен заниматься Совет. Ваши регулятивы[4] опасны для цивилизации, именно они создают тот чреватый конфликтами фон социальных напряжений между нормалами и паранормами. Для оценки опасности исследований и бытия существует СЭКОН, занимайтесь своей непосредственной работой или подайте в отставку, но дальше вашу таинственную возню совет не потерпит. Зарубите это себе на носу».

На мгновение в уши Баренца ударил «шум прибоя» — мощная волна пси-излучения, грозившая «превратить человека в пыль», однако блок интраморфа оказался сильнее.

«Это что, объявление войны?» — холодно осведомился он, все еще чувствуя нависшую над головой тяжелую гору — взгляд эгрегора, состоящего из сотен или тыся-

---

[1] Вэлфер — термин, означающий идеальное состояние государства.

[2] Ортобиоз — здоровый, разумный образ жизни.

[3] Мисонеизм — страх ко всему новому и непознанному.

[4] Регулятивы — социально-этические принципы познания.

чи пси-сфер интраморфов и людей. Теперь уже не оставалось сомнений, что президент Совета безопасности Хасан Алсаддан, инициатор южномусанского эгрегора, охватившего часть Закавказья, Ирак, часть Ирана и Пакистана, у в л е ч е н в действие ФАГом.

«Идите, — сказал Алсаддан. — Вы слишком мелкая сошка, чтобы объявлять вам войну. О человечестве есть кому позаботиться, занимайтесь лучше своими стариковскими делами».

Баренц повернулся и вышел. С Алсадданом он был знаком лет пять, знал все его сильные и слабые стороны, не раз критиковал его решения после избрания на пост президента, и эта последняя стычка просто расставила точки над «і». Было бы смешно затевать с ним перепалку, спорить или вступать в борьбу. Алсаддан был «темным» паранормом по рождению, властолюбивым и презирающим чужое мнение, убедить его в чем-либо не представлялось возможным.

Хотя интересно, подумал Ярополк, выстоял бы он при физическом контакте или нет? Что мы знаем о его подготовке? Ничего. Что, если он минус-эрм?»

В следующее мгновение эксперта накрыла невидимая сеть парализатора и последовал сильнейший шумовой гипноудар. Защитой от него был лишь слабый барьер воли и пси-запрета, энергия которых не могла противостоять влиянию извне энергий на порядок больших. Баренца спасла только аппаратура защиты, которую он взял с собой, да помощь своего эгрегора, хотя и ослабленная расстоянием. Он продержался, по собственной оценке, около восьми секунд, пока шел через приемную президента, а когда вышел в коридор, луч парализатора выключили...

«...Впечатление было такое, будто меня вывернули наизнанку, разобрали по винтику, по атому, а пепел хотели развеять по ветру, — сказал он Берестову, все еще не придя в себя после сильнейшего стресса. — Не помню, как нашел метро и возвращался, наверное «на автопилоте». Не знаю, «лептонная» это разведка или нет, но, если наши ученые мужи не разберутся, что это такое и как от нее защищаться, долго мы не продержимся. Но я удивляюсь не этому, а тому, как Алсаддан решился на ее применение!»

«Значит, был уверен, что ты не выдержишь и расколешься, а потом все забудешь».

Ратибор сходил на кухню, принес травяного тоника, подождал, пока бледный Баренц выцедит напиток, сел напротив.

«Значит, Алсаддан с ними... это плохо!»

«Чего ж хорошего. Фигура он крупная и влиятельная, особенно в Южной Азии, которая во все времена была головной болью для службы общественного порядка и безопасности. Он вполне может попытаться лишить нас статуса экспертов-проконсулов и советников синклита. Много мы сделаем, не имея официальной поддержки?»

«Есть фигуры и покрупней его, архонт Всевече, например, начальник УАСС, председатель СЭКОНа. Но ты прав, Хасан — сильный противник. Чем же ФАГ взял его, чем купил, что пообещал? Райскую жизнь? Паранорм его класса не клюет на такую наживку. Бессмертие? Это скучно и недостижимо. Власть? Так у него ее предостаточно. Что еще?»

«Не знаю. Это вопрос вопросов. Но для нас пока важен сам факт противостояния: наш лагерь, к сожалению, не един, а это означает, что человечество, виды хомо сапиенс нормис и хомо паранормис, под угрозой исчезновения. По данным эфаналитиков, процесс социального распада вскоре начнет расти по экспоненте, мы начнем великую гражданскую войну и — финита!»

«Да, старик, сильно тебя напугал Алсаддан! Выкушай-ка еще отварчика, успокаивает».

Ярополк слабо улыбнулся, допил янтарно-золотистую жидкость в стакане, сдавил его и протянул хозяину нечто вроде сосульки — то, что осталось от стакана.

«Я и не скрываю — напуган. На тебе бы испытать эту лептонную... пытку! Если мы в ближайшее время не выйдем на ФАГа или хотя бы на его эмиссара, он сам выйдет на нас. Последствия будут печальны, не так ли, проконсул?»

В гостиную вошла Анастасия Демидова, жена Ратибора, не потерявшая ни грана своей привлекательности с момента знакомства ее с Баренцем, а прошло с того момента ни много ни мало — полсотни лет. Правда, Баренц знал, что Ратибор и Анастасия вместе не жили, каким-то образом это устраивало обоих, хотя они лю-

били друг друга и у друзей появлялись только вдвоем. В ее ауре преобладали запахи степных трав и музыка Грига.

«Привет, Яр. Что вы тут шепчетесь тайком? Не нравится мне твой вид. Случилось что?»

«Случилось то, чего следовало ожидать. ФАГ достал Землю. Ну, может быть, не сам, а его эмиссары, о которых мы можем только догадываться. Но работают они уверенно, хотя и не без проколов. Похоже, пришла пора оптимизировать наши спейсеры для космического боя».

«Эк, хватил! — крякнул Ратибор. — Никто не собирается нападать на Землю в духе старых космических боевиков. Война, если она начнется, будет вестись тоньше и одновременно мощней. Другое дело, что всем интраморфам придется овладевать приемами векторной защиты и адекватного ответа, коими пока владеют только эрмы».

Анастасия, загорелая, красивая, одетая по-летнему в полупрозрачный сарафан-валькирию, растрепала Баренцу волосы на затылке, засмеялась.

«Тебе все видится в мрачном свете, воевода. Не все так плохо. Мы готовы к войне. Единственное, что меня беспокоит, как и Ратибора, что в нашем стане нет единства».

«К в о й н е, к которой нас подталкивает ФАГ, мы не готовы! Это скорее многокритериальная шахматная игра, где главные фигуры остаются в тени. Для них не важно — как, где и сколько погибнет пешек, их регулятивы нам непонятны, да и выигрышной стратегии, наверное, не существует. Может быть, для них важен даже не результат этой игры, а сам ее процесс. Может быть, после игры уничтожаются как игровые пространства, так и сами игроки».

Берестов с любопытством глянул в глаза Ярополка.

«Бьюсь об заклад, что ты недавно общался с Тотом Мудрым».

Баренц кивнул с неохотой. Тотом Мудрым они называли одного из ученых своего круга, естествоиспытателя и философа Яна Тота, ярко выраженного индивера, который общался с себе подобными не более одного раза в год.

«Как тебе удалось добиться встречи с ним?»

«Моя дочь встречается с ним... но речь не об этом. Возможно, Тот прав».

«И все же его правота не снимает с нас ответственности за последующие события. Хорошо бы поговорить с ним всем синклитом, авось и посоветовал бы, что делать».

«Вряд ли, ты же знаешь его характер. Но я попробую договориться, терять нам нечего. Аристарх предложил задействовать императив «Дуэль», и я, похоже, его поддержу».

— Выше голову, хомозавры, не делайте из мухи слона, — вслух проговорила Анастасия. — Не так страшен черт, как его...

— Эгрегор, — закончил Баренц.

Все трое засмеялись, мужчины невесело, женщина — с оттенком жалости и превосходства. Она была очень сильным эфаналитиком и в и д е л а будущее более отчетливо, чем они.

Сообщение о новой находке нагуаля пришло в научный центр УАСС, минуя цензурный заслон СЭКОНа, поэтому о находке узнало сразу множество лиц, заинтересованных как в изучении, так и в сокрытии тайны нагуалей.

Невидимый объект был открыт случайно — на него наскочил спейсер Даль-разведки «Сокол» у звезды Копа де Плата в Рукаве Стрельца, то есть за три тысячи светолет от Солнца. Размеры нагуаля потрясали: если бы его поместили в центр Солнечной системы, он занял бы объем пространства до орбиты Сатурна! Но, как оказалось, раньше его открыли негуманы — орилоуны и чужане, чьи гигантские корабли, форму которых описать сложно, кружили вокруг нагуаля. Кроме того, стармены клялись, что видели еще какие-то тела, также не похожие на машины пространства, в форме трезубцев, и в дело вмешались пограничники, готовые к контакту с любой формой разумной жизни в космосе.

Начальник сектора пограничных проблем ОБ УАСС Мигель да Сильва вызвал Ставра Панкратова спустя сутки после открытия Большого Ничто, как назвали

нагуаль пограничники. Поскольку задание изучить проблему на месте не противоречило заданиям, полученным от синклита старейшин и шефа «контр-2», Ставр изъявил желание приступить к работе немедленно, надеясь сохранить свой статус-кво индивера. Однако судьба в лице начальника СПП распорядилась иначе.

«Будете работать в паре с профи погранслужбы, — сказал Мигель да Сильва, испанец до мозга костей. — Он ждет вас на спейсере пограничников «Кром». Спец эфанализа, эксперт по оружию, мастер единоборств, а главное — интраморф. Вам с ним будет легко».

И на том спасибо, что мужик, подумал Ставр с облегчением. Придется Аристарху давать отбой своей внучке, еще неизвестно, что она за штучка. Но волновало Панкратова другое: агент из «погран-2», с которым ему предстояло работать, так и не вышел на связь.

Радовался он напрасно. Обещанный новым шефом профессионал-пограничник оказался той самой девицей по имени Видана Железовская, с которой он «скрестил шпаги» в лесу под Владимиром!

Знакомил их сам Мигель, беззаботный с виду, как одержавший очередную победу спортсмен, сверкающий белозубой улыбкой. Когда шок у Ставра прошел (Видана пришла в себя раньше), девушка сказала:

— Мир тесен, эрм. Но предупреждаю заранее: общение — только в пределах служебной необходимости, никаких отклонений от заданной темы. Это первое. Так как по условию деда, которого я бесконечно уважаю, вы — лидер, вам и карты в руки, готовьте планы и методики. Но вследствие принадлежности разным службам я подчиняюсь только до границ столкновения интересов. Это второе. Я понятно выражаюсь?

— Вполне, — холодно ответил Ставр, принимая тон. — До завтрашнего утра вы свободны.

Видана небрежно кивнула, поздоровалась с подошедшим Барковичем, задрала подбородок и удалилась походкой сытой пантеры.

— Что это вы обижаете девочку? — флегматично заметил Баркович, провожая взглядом будущую напарницу Ставра.

Командор погранслужбы Людвиг Баркович, одевавшийся по моде девятнадцатого века в безукоризненный смокинг и ослепительно белую рубашку (уник, разумеется), в этом наряде, подчеркиваемом благородной сединой и манерами аристократа, походил на графа Монте-Кристо, выслеживающего очередную жертву мщения.

— Кто ее обидит, тот дня не проживет, — засмеялся да Сильва. — Людвиг, позвольте вам представить моего нового штатного опера: Ставр Панкратов, доктор физики, исследователь Тартара.

Ставр коротко поклонился, на что Баркович ответил небрежным кивком.

— Наслышан. Мигель, признайтесь — зачем вам понадобилось соединять в одной упряжке... э-э... паранорма и трепетную лань? Насколько я знаю по отзывам, Видана представляет тип женщины-вамп: красива, грациозна, смела — и всегда готова пустить в ход когти и зубы.

«Разрешите идти?» — вытянулся Ставр, которого покоробило от оценки командора: что-то стояло за его словами, некая причастность, личный опыт. Людвиг Баркович слыл сердцеедом и не пропускал, по слухам, ни одной юбки. Неужто обжегся на этой самой Видане? В глазах командора мелькнули огоньки колючей иронии.

— Идите. Удачного вам старта. Хотя я не думаю, что ваше участие в изучении нагуалей сильно поможет науке и погранслужбе справиться с проблемой. Но коль сам комиссар-прима рекомендовал подключить ваш сектор...

Ставр мысленно попрощался с Мигелем, четко повернулся и вышел из визкона спейсера, направляясь к ангару спецмашин. В его распоряжение был передан «голем», рассчитанный на все случаи жизни в космосе.

Ну, дед, погоди! — сердито подумал он, влезая в кокон «голема» спиной вперед. Большей свиньи подложить ты не мог! И ведь знал же, где я с ней успел «познакомиться»! И Мигель хорош! Сговорились они, что ли? Но надо признаться, она великолепна! Женщина-вамп... а? Как же мы будем работать в паре, хотел бы я знать?..

ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА

Он стоял в полной темноте, освещаемый только светом звезд, и вслушивался в тишину космоса. Звезд было много, гораздо больше, чем видел человеческий глаз с поверхности Земли ночью, и все они были крупными, яркими, ощутимо горячими и светили не мигая. Кроме того, торец Галактики — Млечный Путь вырисовывался здесь четче и сиял ярче, действительно образуя светящуюся «молочную реку». В памяти всплыли стихи старинного поэта[1]:

> В мерцанье звезд нисходит на меня
> Иных, нездешних дум святое обаянье.
> Благословляю ночь за краткое мерцанье
> Небесного огня.

Ставр вздохнул. Он любил подолгу смотреть на звезды, слушать их шепот и растворяться в необъятной, невообразимо сложной субстанции под названием Маха Суньята — Великая Пустота. Живая Пустота — такой он ее ощущал...

В пси-сферу вторглась чья-то посторонняя мысль. Ставр очнулся, ощущение полного одиночества прошло. Он стоял посередине визкона с выключенными окнами и освещением. Зал принадлежал погранзаставе «Стрелец», располагавшейся в режиме «инкогнито» в системе звезды Чужая, возле планеты Чужая. По сути погранзастава представляла собой спейч-машину с приличным запасом хода, а по энерговооруженности не уступала спейсерам Даль-разведки.

Кроме Панкратова в зале не должен был находиться ни один человек, но он появился как тень, словно просочился сквозь обшивку станции. Ставр узнал его пси-запах, это был шеф «контр-2» собственной персоной.

«Агент не появился, — сказал Панкратов, принимая уровень встречи. — Причин не знаю».

«Жди».

«Смешно, но патриархи синклита дали мне практически то же задание. Я вынужден был принять предложение, иначе меня не поняли бы».

---

[1] Ф. Сологуб.

«Это не смешно. Проконсулы хорошо чувствуют ситуацию. Но тебе следовало отказаться. Ты хоть знаешь, что синклит по уши сидит в императиве «носорог»?

Ставр похолодел. Императив «носорог» был разработан специально для группы, отвлекающей на себя основные силы противника, и означал сознательную «засветку» членов группы.

«Значит, синклит подставился... намеренно?!»

«Нет, они так не считают. Они думают, что они — единственные спасители человечества, о «контр-2» эксперты не знают... хотя, может быть, кое-кто догадывается. Но сути это не меняет. Ты засветился, и я буду вынужден изменить план. Переходи на официальную работу в рамках инструкций. Если понадобишься, я тебя найду».

Ставр сглотнул горечь во рту.

«Я виноват, Джордан, но, во-первых, ничего не знал, а во-вторых, не стоит раздувать из мухи слона. Я справлюсь, просто буду действовать осторожней. Кстати, если я провалюсь, мой провал тоже можно будет списать на деятельность синклита, а не «контр-2».

Короткое молчание.

«Хорошо, попробуем. Человек из «погран-2» присматривается к тебе, так что — до его решения. Не понравишься — не обессудь, придется свернуть операцию. До связи».

Зал опустел, словно дух, разговаривающий с Панкратовым, улетел обратно в космос. Но через несколько секунд раздался другой пси-голос, и Ставр, злой, недовольный всем миром и собой в том числе, ответил ему, сдержав вздох:

«Конечно, входите, Артур, это же ваши владения».

Это был Артур Левашов, начальник погранотряда и научный лидер исследователей заставы.

«Не возражаете, если я выключу пол?»

«Ни в коей мере».

Левашов, невидимый в темноте, подошел ближе. Плита пола под ногами из абсолютно черной стала прозрачной, хотя это почти не отразилось на освещении зала, просто стала видна нижняя полусфера обзора со звездами, а также с косматым сиренево-золотым шаром Чужой и туманно-малиновым пятном псевдо-

планеты Чужая. Чуть поодаль от пятна висела тонкая серебряная паутинка — там, где чужане накрыли выявленный ими нагуаль решетки «абсолютного зеркала» наподобие той, которую они построили полсотни лет назад для встречи Конструктора.

Хотя в зале кроме них двоих никого не было, разговор продолжался в звуковом диапазоне, несмотря на то что оба были интраморфами. Левашов отдыхал после трудов праведных, а Ставр никуда не спешил.

— Не понимаю, почему нагуали «привязаны» к конкретным объектам, — сказал он. — Ну, дрейфовали бы себе под влиянием каких-то внутренних процессов, а то ведь торчат в тех местах, где появились, как приклеенные.

— Вероятно, это следствие каких-то очень тонких взаимодействий нагуалей с гравитационным полем и вакуумом, — отозвался Левашов, невысокий, хрупкий, с лицом Мефистофеля. — А вот насчет их внутренних процессов позвольте возразить: их, этих самых процессов, может и не быть вовсе, если принять формулировку одного из моих коллег. По его версии, нагуаль — бесконечно простой объект.

Ставр хмыкнул.

— Схоластика. Что может быть проще математической точки?

Левашов улыбнулся, шевеля косматыми бровями. Панкратов отлично видел его в почти полной темноте, вернее, в призрачном свете звезд.

— Как сказал бы Генри Филдинг: Ничто! Ибо Ничто — глубокое философское понятие, не сводящееся к одной только математике или физике, размышлять над которым не перестают великие умы современности, уверенные в том, что Ничто существует. Причем реально. Но это тема отдельного разговора. Вы были возле нагуаля, проросшего у одной из звезд Стрельца...

— Копа де Плата.

— М-да, оригинальное название для голубой звезды класса 02. И как он выглядит?

Ставр понял собеседника. Тот имел в виде не визуальное наблюдение. Нагуаль не виден ни в одном из диапазонов электромагнитного спектра, а те способы, с помощью которых ученые пытались сделать его видимым,

не сработали. Краска, например, на него не оседала, не прилипала, универсальный клей, не боящийся абсолютного нуля, тоже, а свет — фотоны и другие частицы — поверхность нагуаля не отражала. Кроме нейтрино. С нейтрино вещество нагуаля каким-то образом реагировало, что давало шанс увидеть его в «свете» нейтринного прожектора.

Все эти размышления Ставр передал в одном слогане.

Левашов кивнул.

— То же самое и здесь. Скажите, Ставр, зачем вы ушли из науки? Из соображений безопасности? Едва ли сектор пограничных проблем даст вам достаточно свободы и времени для занятий собственными научными изысканиями. Помню, года три назад вы штурмовали общую теорию многомерных пространств...

Ставр кивнул. После окончания Физического института Земли он с месяц или чуть больше работал с Левашовым, а потом ушел в группу Вивекананды на Тартар и проработал там полтора года, прежде чем принял предложение — действительно из соображений безопасности — перейти в СПП. Из его начальников ни Левашов, ни Вивекананда, естественно, не знали, что он работает на службу безопасности, точнее, на «контр-2» — сектор кризисных ситуаций контрразведки. Будучи эрмом, он успевал работать на обоих поприщах и даже заниматься фантомоделированием в редкие минуты досуга, но свободного времени у него оставалось все меньше и меньше. Однако всего этого Ставр рассказывать Левашову не стал.

В зале вспыхнул свет, появились стены с тремя окнами дальновидения, показывающими Млечный Путь и систему Чужой.

Левашов, одетый, как и Ставр, в бело-серый уник, глядел на него вопросительно.

— Присядем?

Из пола выросли два низких кресла. Ставр скомандовал инку костюма включить пси-фильтр, и вокруг них замерцал серебристый «туман» блокирующего мысли пси-поля. Во взгляде Левашова отразилось понимание. Ставр перешел на слоган-речь:

«Я опер контрразведки, Артур, и об этом пока никто не должен знать, даже патриархи синклита, с которыми

вы дружны. Моя цель — нагуали... ну, может, не столько они, сколько все, что происходит вокруг них. Я обследовал нагуаль возле Копа де Плата, а также в Солнечной системе и понял, что штука эта непредсказуемо опасна. Загадка нагуаля лежит, наверное, больше в области социокосмологической, чем физической. А ваше мнение?»

«Я не знаю, что такое нагуаль. Во всяком случае, это не черная дыра, так как эффект поглощения всех типов излучений не сопровождается полным коллапсом вещества. Может быть, идеальное «абсолютно черное тело»? В нашем континууме реализовать такую вещь невозможно, таковы физические законы, законы термодинамики. Может, это пресловутая зеркальная материя с отрицательной гравитацией, может, спонтанно растущее «абсолютное дерево энтропии»... да-да, растущее, потому что объем нагуаля возле Чужой медленно увеличивается. Знаете, на что это похоже? На раковые метастазы. Я также не ведаю, к чему может привести рост нагуаля. Пока он ни с одной из форм материи не взаимодействует. Но это с материей н а ш е й метавселенной! В то время как роиды и тартариане — суть объемы иных вселенных, закапсулированных в нашей под воздействием местных физических законов. Что, если нагуали каким-то образом станут реагировать с ними? Что, если есть какой-то спусковой механизм этого реагирования? Представляете последствия? Энергетические процессы, присущие нашей метавселенной, ограничены низкоэнергетическими характеристиками ее вакуума, в то время как энергетические возможности вакуума объектов чужан, как минимум, на порядок выше. Если нагуали дестабилизируют состояние Тартара и Чужой, может произойти спонтанная фазовая перестройка нашего вакуума, что опасно не только для ближайших звезд, но и для метагалактики в целом! Понимаете, о чем речь?»

«Именно поэтому наша организация и взялась за изучение феномена нагуаля. По моим личным наблюдениям, Тартар «искрит», то есть его ядро уже возбудилось, что привело к сериям землетрясений, ломке коры и местным эруптивным процессам. Паутины, которые, как известно, являются полевыми стабилизаторами

континуума Тартара, еще кое-как справляются с задачей гашения колебаний, но процесс начинает выходить из-под их контроля. А нам, кстати, докладывают, что там «все нормально».

«Вы хотите сказать, что некто заинтересован в том, чтобы люди не знали истинного положения вещей?»

«Артур, ситуация складывается чрезвычайная, поэтому своими предположениями прошу не делиться ни с кем, даже с ближайшими родственниками. Это чревато последствиями... вплоть до летального исхода. Если бы еще не кампания травли паранормов... понимаете?»

«Значит, этот некто, кому выгодна травля, и все, что происходит, все-таки существует? А то ходят слухи разные, сбивающие с толку».

«Скажем там: больше да, чем нет. Правда, вполне может оказаться, что этот некто не физическое лицо, а некий направленный процесс, использующий конкретных физических лиц, многие из которых даже не догадываются, что подчиняются чужой воле. Если уж мы, люди, владеем методами глубокого кодирования или зомбирования, как это сейчас называется, то ими наверняка владеет и упомянутый некто. Будьте осторожны, Артур. В последнее время интраморфы гибнут все чаще по самым разным причинам».

«Спасибо за предупреждение, но я не только ученый, но стармен-пограничник, знающий, когда и где можно рисковать. Уверяю вас, я смогу за себя постоять».

«И тем не менее я буду настаивать на подстраховке. С сегодняшнего дня вас будут прикрывать по императиву «ланспасад».

Левашов пожал плечами, как бы говоря: раз нужно, значит, нужно. Расстались они удовлетворенными в разной степени: Ставр узнал больше, чем рассчитывал, Левашов меньше. Особенно Панкратова насторожили слова ученого о росте нагуаля. Месяц назад, когда он еще работал на Тартаре, о росте нагуаля не было и речи. Этот эффект необходимо проверить в других местах.

Пробыв на погранзаставе до вечера (условного, конечно) в ожидании Виданы, Панкратов решил еще раз поговорить с Железовским, чтобы тот сменил напарника или вообще разрешил работать в одиночку. Внучка Аристарха на борту «Стрельца» так и не появилась.

Уже в метро заставы Панкратов обратил внимание на одного из пограничников, вышедшего навстречу. Был пограничник мал ростом, смугл и сед и в общем-то не слишком примечателен, но, встретив взгляд его черных глаз, в которых отражались ум, абсолютное понимание, предупреждение и ломающая все барьеры сила, Ставр даже споткнулся, с удивлением оглядываясь на незнакомца. Вдобавок ко всему показалось, что кто-то с отеческой усмешкой потрепал его по щеке. И еще Ставр заметил, что на безымянном пальце левой руки незнакомца красуется перстень из красивого прозрачно-черного камня, напоминающего морион. Точно такой же перстень с плавающей изумрудной искрой в глубине камня приснился ему несколько дней назад. Что таких совпадений просто так не бывает, Панкратов сообразил, уже выходя из метро управления на Земле.

Архонт Всемирного Вече Велизар не удивился, когда президент Совета безопасности Хасан Алсаддан испросил у него аудиенции. Он догадывался, о чем пойдет речь.

Алсаддан прибыл не один, а со свитой в десять человек, в которую входили секретарь, советники, телохранители-люди и телохранители-витсы. На этот раз одет он был в цветастый халат и парадный тюрбан, а туфлям с загнутыми носами мог бы позавидовать любой калиф прошлых веков.

Велизар, одетый скромнее: в летний блузон голубого цвета с серебряными разводами в славянском стиле и такие же брюки, — оценил помпезность визита сразу, но даже бровью не повел. Вышел из-за рабочего инк-стола, поклонился и провел высокого визитера в сад для приема особо почетных гостей. Один из телохранителей вознамерился было последовать за ними, но вдруг закрыл глаза и вышел, деревянно переставляя ноги. Остальные расположились в «ромашке» приемной, вырастив мебель по вкусу.

Алсаддан подождал немного, но так как никто в резиденции архонта не появился (Велизар знал, кого ждал президент Совета безопасности — корреспондентов разных компаний новостей, и принял меры), начал

разговор в недопустимо категоричном тоне, причем на звуке, а не слоган-речью:

— Великий князь! Я хотел бы сделать несколько официальных заявлений. Первое: в связи с ухудшением криминогенной обстановки в Системе и особенно на Земле необходимо переизбрать комиссара-прима службы безопасности Пауля Герцога, как не справившегося с обязанностями. За последние два года рост нераскрытых преступлений превысил все допустимые для социума нормы, небывалая волна терроризма обрушилась на...

— Заявление принято, — мягко перебил гостя Велизар. — Ваше предложение будет рассмотрено на ближайшем Соборе. Если, конечно, Совет безопасности единодушен в своем мнении относительно отставки комиссара.

Алсаддан остался холоден и невозмутим.

— К сожалению, совет не единодушен, однако обстановка складывается таким образом, что требуются меры чрезвычайного характера.

— Хасан, вы прекрасно понимаете, что без одобрения совета решение об отставке комиссара принято быть не может.

— Но зато вы можете сделать это своим указом.

— Для этого все равно нужны очень весомые аргументы, а я их не вижу. К тому же такой указ все равно должен быть ратифицирован всеми палатами Вече. Что еще вы имеете заявить?

Алсаддан неслышно побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, сдержал какое-то резкое слово. В пси-диапазоне он давно пытался прозондировать мысли архонта, опираясь на гигантскую мощь эгрегора, пусть и ослабленную расстоянием, но Велизар тоже владел потоком Сил своего эгрегора, поэтому их обоюдная шахматная пси-партия закончилась вничью.

— Что ж, мы обсудим эту проблему на ближайшем конгрессе Совета. Второе заявление не менее важно, чем первое. Синклит старейшин Всевече без санкции Совета безопасности и СЭКОНа занимается самостоятельным расследованием некоторых криминальных дел, что мешает следствию и может привести к весьма трагичным последствиям. Такими делами должны заниматься компетентные органы, профессионалы ОБ

УАСС, а не дилетанты. Факты я изложил в интенсионале, переданном в комп-сеть вашего секретариата. Считаю, что нарушены этические нормы, а также Устав Всевече, запрещающий совмещать деятельность проконсулов такого ранга и операторов кримслужбы. Если вы не примете необходимых мер, а именно: немедленно не пресечете незаконные действия синклита, не измените его состав, не привлечете виновных к дисциплинарной или уголовной ответственности, — я буду вынужден обратиться с рапортом с третейский СЭКОН-суд.

В глазах Велизара не отразилось ничего.

— Меры будут приняты. Ваши заявления записаны, комиссия по правам человека сегодня же примет их к рассмотрению.

— Тогда у меня все. — Алсаддан встал, поклонился и вышел из сада в кабинет. Велизар задумчиво смотрел ему вслед.

Они собрались в знакомом бункере спустя два часа после посещения Алсадданом архонта Всемирного Вече: трое советников синклита старейшин, Велизар и Пауль Герцог. Но беседу не начинали, пока к ним не присоединились еще двое — Забава Боянова и председатель СЭКОНа Ги Делорм.

Велизар в одном слогане передал смысл встречи его с Алсадданом и на долгие несколько секунд все замолчали, переваривая услышанное. Потом Железовский проговорил:

«Они выясняют степень защиты и готовность к обороне наших бастионов, иной причины личного появления Хасана в Вече я не вижу. Он мог просто позвонить по консорт-линии, не выходя из своего кабинета».

«Я тоже так считаю, — кивнул Баренц. — Последние убийства интраморфов подтверждают этот тезис. Интраморфа можно убить просто — издали, с помощью карабинов и винтовок, снабженных ультраоптическими насадками и компьютерным блоком наводки, или еще проще — взорвав его в машине, лифте или в метро. Так нет же, их подстерегают группой, используют парализаторы и мощные усыпляющие средства. Зачем? Ответ

один: кто-то экспериментирует, изучает способы защиты интраморфов, их сопротивляемость и живучесть. И этот кто-то, конечно, ФАГ».

«Не каждого интраморфа можно убить издали, — возразил ради истины Ратибор Берестов. — Бомбу во всяком случае унюхает любой из нас, а тем более эрмастер».

«Эрмы не в счет. Эрм — воин по рождению, он воспринимает происходящее как вызов, на который должен ответить наилучшим образом. Но в принципе Ярополк прав. В ближайшее время следует ожидать нападений на опытных паранормов, в том числе на нас».

«Я давно жду этого, — с угрозой произнес Железовский. — Если это случится, мы выйдем на ФАГа быстрее».

«Не хвались, идучи на рать, старик. Много ты знаешь о возможностях ФАГа или его эмиссаров?»

«Одного не понимаю, — сказал Ги Делорм. — Зачем ФАГу раскрываться, начиная охоту за нами? Ведь этим он добьется только включения чрезвычайных режимов типа ГО или «Шторма» ВВУ».

«А кто нам разрешит включить эти режимы? О ФАГе знаем только мы, — холодно обронила Боянова. — Вернее, не знаем даже, а догадываемся. Вот почему он хочет устранить нас в первую очередь, как единственную силу, способную помешать ему. Хотя, честно говоря, мне кажется, что мы заблуждаемся, оценивая мощь ФАГа. Если нагуали суть его форпосты, справиться с которыми невозможно, то террор, развязанный им в Системе, отдает средневековьем».

«Забава, вы как всегда вовремя окатываете мужчин холодной водой сомнений, — улыбнулся Велизар. — Но вы забываете, что человечество разделилось на четыре типа людей и напоминает четырехслойную пирамиду, причем перевернутую, поставленную на острие».

«Я считала, что человечество разделено на два типа людей: на тех, кто принимает решения, и тех, кто эти решения выполняет. Шутка. А если серьезно, люди делятся на нормалов и паранормов. Не так ли?»

«В принципе так, и все же человечество — пирамида. Ее основание — самый широкий слой — теллуриты, то есть люди, живущие только на Земле или вооб-

ще на планетах. Второй слой, уже гораздо меньший, — это соляриты, люди, освоившие Систему, но тоже в общем-то неспособные обходиться без привычных удобств в условиях тяготения. Третий слой — сидериты, это в основном стармены, бродяги космоса, разведчики, археонавты, экспедиторы, исследователи, туристы, большую часть жизни проводящие в космосе, в открытом пространстве, в поисках Неизведанного. И наконец, острие пирамиды — паранормы, интраморфы, домом для которых может быть в принципе вся Вселенная. Так вот если это острие удалить, уничтожить, рухнет вся пирамида».

«Я понимаю, и все же не следует преувеличивать нашу исключительность. Просто природа возвращает нам то, что человечество когда-то утеряло».

«Забава, вы опять правы. Мы интраморфы, и все-таки мы — люди! Может быть, чуть «усовершенствованные» природой, и только. Мы живем дольше, можем больше, видим дальше, но способны совершать ошибки, не всемогущи и не бессмертны, как боги. Эрмы, как бы ни были более приспособлены к жизни во Вселенной, тоже не являются новым видом разумного существа, просто они конечная стадия развития интраморфа. Кто придет им на смену, я не знаю. Вы тоже».

«Знает Тот Мудрый».

Мужчины переглянулись с улыбками, потом Берестов сказал:

«Существует роман древнего писателя Герберта Уэллса «Машина времени». Так вот, наш уважаемый Ян Тот, Тот Мудрый, напоминает мне героя этого романа, о котором Уэллс написал: «Путешественник по времени принадлежал к числу людей, которые слишком умны для того, чтобы им во всем можно было верить».

«Давайте о деле, — прервал Герцог веселый пси-эквилибр компании. — Алсаддан не остановится на заявлениях, сделанных не ради дела, а чтобы спровоцировать скандал. И за ним, судя по впечатлениям Ярополка и Велизара, маячит внушительная сила темного эгрегора. Стоит средствам информации поднять шум о наших «незаконных» расследованиях, и синклит будет обезглавлен. Нужно немедленно готовить адекватный ответ. Я уже подключил к работе три независимые группы, две в им-

перативе «Полундра» и одну в режиме «Предел», в которые входят ученые и эрмы. Уже появилась интересная информация».

Пауль включил запись, и невидимое облачко псисведений «всосалось» в головы собеседников.

«Кроме того, получено косвенное подтверждение того, что ФАГ использует для своих целей южномусанский и южноазиатский эгрегоры. Не исключено, что и североафриканский. Аппаратура криминспекции на всех материках зафиксировала всплески пси-поля именно в моменты нападений на интраморфов и во время больших массовых волнений типа митингов и шествий «во имя предания анафеме исчадий ада», то есть паранормов, естественно. Теперь думайте, что будем делать».

Думали лидеры защитной системы человечества недолго, у каждого была своя область приоритетных действий, в которой он разбирался лучше других, а решать быстро сложнейшие социальные задачи они умели. Правда, все понимали, что без помощи извне с ФАГом не справиться.

«Надо искать союзников, — выразил общую мысль Баренц. — Не советников, а соратников. Не менее мощных, чем ФАГ».

«Негуманов, что ли? — поморщилась Боянова. — Они до сих пор контачить с нами не желают».

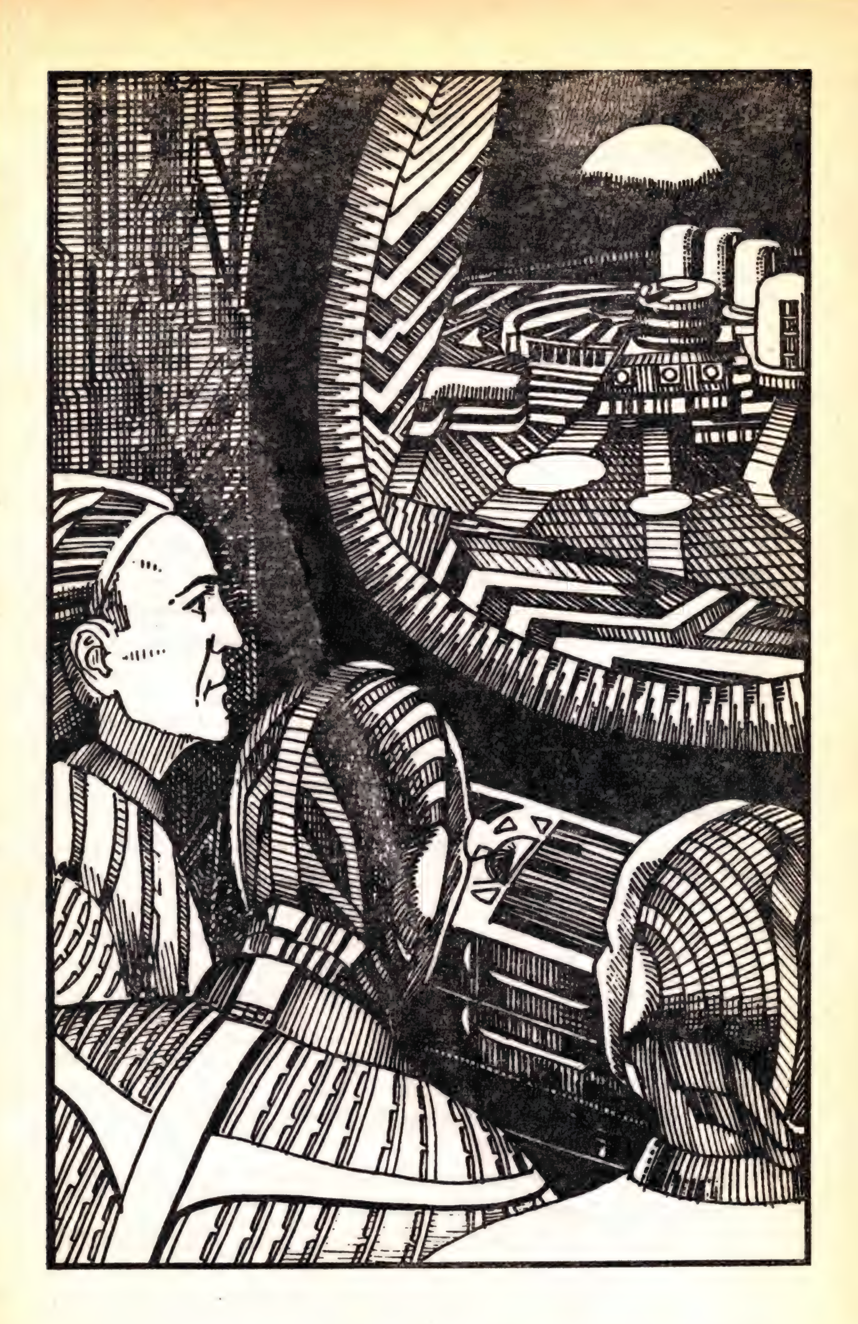
«В первую очередь искать надо среди людей».

«Много они нам помогли, когда в Систему вторгся Конструктор? Уж лучше обратиться к негуманам».

«Я не знал, что ты человеконенавистница, Забава».

«Я не человеконенавистница, я просто знаю людям цену».

«Что ж, к негуманам придется обращаться тоже. Потому что гуманоидных цивилизаций, подобных нашей, Даль-разведка пока не нащупала. Скорее всего, как сказал один мой учитель: «Совсем Такие Как Мы — редчайшее явление во Вселенной!» А еще один тип говорил, кстати негуман, что человечество может, но н е д о л ж н о существовать. По замыслу предков Конструктора они перестраивали вселенную для появления каких-то иных разумных существ, но — н е л ю д е й».

«Кто же этот тип?» — осведомился Берестов.

«Сеятель, так называемый серый призрак. Вот кого надо звать на помощь, как когда-то сделал Габриэль Грехов».

«Не знаю, — после короткого молчания подытожил Велизар. — Инициатива, как известно, наказуема. Вам и поручим искать Сеятелей. Насколько я знаю, из Галактики они ушли. Куда?»

«Это может знать только один человек, — сказал угрюмо Железовский, мысленно погладив по голове вздрогнувшую Забаву. — Сам Габриэль Грехов. Но и его нет на Земле».

Ставр выпустил терафима, который предпочел остаться невидимым, и с любопытством огляделся. В бункере под километровой толщей камня он был впервые.

В принципе убранство бункера мало чем отличалось от интерьеров стандартных рабочих модулей. Здесь можно было и работать и отдыхать с небольшой компанией в семь—десять человек. Единственный аппарат, назначение которого Ставр вычислить не смог, занимал половину главного помещения в форме куба и полностью второе помещение — конус над кубом, служивший крышей.

«Установка поляризации вакуума, — сказал Железовский, наблюдая за ним. — Вокруг бункера создан слой «абсолютного зеркала». Встречаться будем в основном здесь, но старт-кабину выбирай только в сети коммуникаций УАСС. Код финиш-кокона введен в Умника опосредованно, через программный запрет. Понял, для чего?»

«Любой, кто попытается выяснить код финиша, просто сотрет запись в памяти Умника», — ответил вместо Ставра его терафим Филиппок, любивший свое второе имя, покороче, — Фил.

«Не вмешивайся в разговор, — предупредил Ставр, — не то больше брать с собой не буду».

Терафим тихо осел в углу комнаты на статуэтку Геракла.

«Я знаю о ваших перемещениях, — сказал Железовский. — Меня интересуют выводы».

Панкратов с невольным уважением глянул на чудовищные бицепсы человека-горы, сидевшего в рубашке с короткими рукавами, и невольно напрягся сам.

«Никто не знает точно, что такое нагуали. Но самое интересное — они растут, увеличиваются в объеме. И вокруг всех, которые я посетил, замечена странная возня негуманов. Причем у Копа де Плата появились объекты, не принадлежащие ни чужанам, ни тартарианам, ни орилоунам, ни серым призракам. Стармены назвали их лемоидами».

«Знаю. Вероятнее всего, это объявились помощники ФАГа. Но может быть, это те самые таинственные представители третьей волны разума, для которых Конструкторы перестраивали космос».

«Если вы так хорошо обо всем осведомлены, зачем было поручать мне расследование? Да еще в открытом режиме?»

Железовский не шевельнулся, но Ставр вдруг почувствовал взгляд на затылке, обернулся и обомлел: в проеме ранее скрытой двери стоял второй Железовский, разве что одетый иначе. В долю секунды он пересек комнату, и на голову Ставра обрушился «клин» — удар в русском стиле, ломающий височные кости. Он не был готов к такому повороту событий, поэтому среагировал в последний момент, уходя вниз и в сторону, не решаясь ответить силовым контактом. Но Железовский-два снова оказался рядом, проведя чистую комбинацию добивания, и Панкратову пришлось ответить встречным щитом и отбивом, после которого человек-глыба не смог остановиться и сокрушил кресло у стены. Замер, уронив руки, глянул исподлобья, и «оба Аристарха» подмигнули интраморфу с одинаковой мрачновато-снисходительной усмешкой.

«Неплохо, но реагировать надо адекватно и быстрее, — прозвучал пси-голос Железовского. — Это мой двойник, «динго» конечно, однако с полным эйдосенсорным эффектом. Так вот, нас начали «щупать» на предмет защищенности и вполне могут применить этот прием — пустить двойника. Ты ведь не ждешь ничего плохого от меня, верно? Или от деда. Сможешь отличить, где я настоящий?»

Ставр оглядел обоих «близнецов» и указал на Железовского, стоящего у стены.

«Молодец. А вот Ярополк не смог отличить».

Аристарх сделал жест пальцем, и сидящий в кресле Железовский-первый встал и бесшумно вышел. Настоящий Аристарх занял его место.

«С Виданой встречался?»

Ставр не опустил головы, но не ответил.

«Ясно. Как кошка с собакой. Да, она девица самостоятельная, упрямая, с замашками лидера. Что ж, могу поменять партнера, если будешь настаивать».

Панкратов открыл рот, чтобы сказать «настаиваю», и закрыл. Что-то в тоне Аристарха его насторожило.

«Попробую поработать, я не все приемы использовал».

«Ну и ладушки, опер. Поступило предложение найти одного упрямого индивера, экзоморфа... догадываешься?»

«Не Грехова ли?»

«Догадливый. Его, родимого».

«Но ведь он ушел с Конструктором».

«Уйти-то ушел, но должен был оставить адрес, где его искать в случае чего. Начни с его бывшего дома, там с тех пор, по-моему, никто не живет. Прояви инициативу, а там посмотрим, куда вляпаешься. До связи. Да не забудь забрать терафима, мается, бедный».

Ставр взял со столика кокосовый орех, задумчиво продырявил его пальцем, выпил содержимое мелкими глотками, смакуя. На пороге кабины метро оглянулся. «Двое» Аристархов смотрели на него внимательно и строго.

ВИЗИТЫ САТАНЫ И К САТАНЕ

Почти как и все интраморфы, Баренц жил в собственном доме, на окраине Североморска, расположенного на берегу Кольского залива Баренцева моря. Здесь жили его отец, дед и прадед, здесь испокон веку жили все его предки до двадцатого колена, еще до появления города.

Дом был стар и достаточно примитивен, без встроенного инженерно-технического оснащения и киберкомплекса обслуги, сложен из кирпича и с крышей из керамлита, но Ярополк любил его с детства и не собирался менять. Жил он один, и лишь изредка в доме, состоящем всего из четырех комнат, появлялись гости.

Полюбовавшись с пригорка на заходящее солнце, которое полого спускалось к заливу, Ярополк привычно «просеял сквозь себя» пространство вокруг, вслушался в биение электромагнитных и звуковых полей, отметил не слишком профессиональное д в и ж е н и е эшелона прикрытия и направился к дому, через небольшой сад.

Засаду он почуял, только переступив порог прихожей.

По классификации контрразведчиков это была засада «уровня три»: группа перехвата имела спецаппаратуру для маскировки и пси-фильтр, поглощавший мысленный шум команды. Засада «уровня один» — это засада агентурная, человеческая, без особых изысков в защите, «уровня два» — в общем-то тоже достаточно примитивная, разве что с применением специальных приборных средств, аппаратов инфравидения и дальновидения, точного оружия и радиосвязи. Вплоть до третьего уровня интраморф мог эти засады обнаружить и обойти. Императивы же «уровня четыре» и «пять» были рассчитаны на применение приемов «виртуальной реальности» с пси-подавлением и гипноатакой, засечь их было почти невозможно. Баренц мог бы, наверное, почувствовать неладное, если бы не был уверен в надежности охраны своего дома. Однако те, кто засаду готовил, были мастерами своего дела, да и людей среди них не было.

Удар пси-поля был не слишком силен, вернее, пси-щит Баренца отразил больше половины мощности излучения, и в первые мгновения казалось, что он справится с гипноатакой. Затем каскадом обрушились ощущения: прилив крови к голове — чувство тяжести во лбу и в желудке — «отключение» рук, ног — отсутствие сердцебиения — и странное и жуткое чувство: будто голову кто-то вытягивает из шеи, шея удлиняется, за ней тянутся внутренности, нервы, и наконец, «обрыв» шеи — полная нечувствительность тела...

И все же глубокого, паранормального сознания Ярополк не потерял, его спас «защитник», вовремя включивший шумоподавление в противофазе пси-поля. А затем внутри пустого объема головы возник гулкий, невероятно тягучий голос:

«Привет, присоединившийся. На этом уровне сопротивляться не стоит, не выживешь. Прими наш интенсионал и действуй так, как будто ничего особенного не произошло. Ты — воевода. Когда будет нужно, мы тебя позовем».

Голос уплыл в кости черепа, стек по ним в кости ног и растворился в них. Баренц мгновение стоял оглушенный, потом опомнился и начал действовать. Упал в прихожую он таким образом, чтобы видеть коридор боковым зрением.

И тотчас же из дальней комнаты — гостиной — бесшумно выскользнул человек в «хамелеоне». Ярополк заметил его по колебанию очертаний предметов и только потому, что ждал появления. Человека в боевом операционном костюме с компьютерной системой маскировки увидеть непросто и в яркий солнечный день.

Постояв немного в конце коридора, неизвестный переместился ближе к лежащему Баренцу, и тут же из ближней комнаты — спальни — выглянул еще один такой же «призрак». Между ними возник мгновенный мостик пси-контакта, и Баренц понял, что это не люди, а витсы — высокоинтеллектуальные технические системы, очень редко оформляемые под фигуру человека.

Затем из кухни вышел третий член засадной группы. Хотя он тоже был облачен в маскирующий костюм, Баренц видел его более отчетливо, чем первых двух, потому что форма его тела даже отдаленно не напоминала фигуру человека. Это был витс-функционал с определенной программой, а именно — мощный аппарат пси-моделирования, способный гипнотически оглушить любого человека и считать его память. Когда он наклонился над Ярополком, передавая обещанный интенсионал, Баренц начал действовать, понимая, что, если промедлит, оправдать свои действия перед друзьями уже не сможет. Эшелон прикрытия почему-то опаздывал, хотя мог бы уже и отреагировать, не получив «добро» на смену группы от охраняемого лица, и эта

задержка тоже, очевидно, входила в замысел разработчиков засады.

Витс понял мысль Баренца на десятую долю секунды позже, чем следовало, и не успел отреагировать: Баренц выстрелил в него, не меняя положения тела; в его уник был встроен импульсный аннигилятор «шукра».

Разряд развалил робота надвое, прошил шкаф, пробил две стены дома, внутреннюю и внешнюю, и снес вершину сосны во дворе, лишь после этого обойма подстраховки Баренца осознала, что произошло ЧП.

Ярополк успел выстрелить еще дважды и разнести в пыль даже не пытавшихся бежать двух первых витсов, чтобы уничтожить следы. После этого Баренц довершил уничтожение дома и потерял сознание.

— Как это случилось? — чеканя слова, спросил директор УАСС, глядя на комиссара из-под тяжелых век.

Герцог так же медленно рассказал Шкурину историю с нападением на лидера синклита старейшин. Директор УАСС не был интраморфом, хотя и обладал кое-какими паранормальными возможностями, но слоган-речью не владел. Человеком он был крутым и жестким, если не жестоким, и дисциплина в управлении при нем стала незыблемой основой работы.

— Я не знал, что его прикрывает эшелон «ланспасад», — угрюмо проговорил Шкурин, почти такой же мощный с виду, как и Аристарх Железовский. — В этом есть необходимость?

— Видимо, есть, — бесстрастно ответил Герцог, продолжая стоять у стола директора; сесть его не пригласили. — Он посвящен во все тайны работы Всевече и тревожных служб. Но причина нападения пока не выяснена. Когда он придет в себя, я попробую выяснить его мнение.

Шкурин нахмурился, сведя косматые брови в одну линию.

— Разве он... жив?

Герцог про себя отметил эту заминку.

— Он в шоке, но выживет.

Молчание в кабинете, таком же мрачном, как его хозяин, длилось больше минуты.

— И чем вы объясняете опоздание обоймы прикрытия? Даже не обоймы — эшелона! То есть специально сбалансированного отряда, способного среагировать даже на выпад змеи. Ведь это были ваши люди, комиссар? Вы их отбирали?

— Не лично я, но моя служба, — согласился Герцог. — Объясняется все просто: произошло шунтирование. Есть такой термин — шунтирование или спуск программы. То есть в программу компьютера включается заведомо слабый элемент, который в конце концов не выдерживает, сбивает результат, приводит к ее отказу. В нашем случае в обойму был включен именно такой «элемент» — некто Елин Борис. Он отвлек внимание группы наблюдения... — Герцог поколебался немного, но все-таки закончил: — Когда Баренца атаковали, наблюдатели играли в чатуранг[1].

Директор управления мигнул.

— Это доказано? Где он... этот ваш «элемент»?

— В бегах. Но мы его рано или поздно вычислим. Вероятность случайного совпадения, конечно, велика, но вполне возможно, что Елин — фигура подставная.

— Яснее.

— Его просто запрограммировали на тот поступок, который привел к драме, хотя сам он об этом может и не догадываться. Как нормал... простите, как обычный человек он не обладает пси-защитой мозга.

Лицо директора управления налилось кровью. Он тоже не владел естественным пси-щитом, но у него был мощный «защитник», блок которого не мог пробить даже Герцог.

— Не валите свои неудачи на людей, так сказать, с больной головы на здоровую! Теперь видно, откуда «растут ноги» неприязни общества к паранормам. Если уж вы, комиссар-прима службы безопасности, презрительно называете людей «нормалами», чего ждать от других интраморфов?

---

[1] **Чатуранг** — игра в шахматы четырех партнеров. Ход каждого определяется броском кости.

— Я никогда не говорил о людях с презрением, — холодно запротестовал Пауль. — И вы прекрасно знаете, как относятся к людям паранормы. К которым, кстати, обычные люди не испытывают ни раздражения, ни зависти. Конфликт выгоден не им и не нам, а кое-кому повыше во властных структурах, которые держатся в креслах только благодаря искусственно подогреваемой ненависти. Не так ли?

— Положим, этот тезис спорен. — Шкурин дал понять, что прием закончен. — Интраморфы тоже не застрахованы от кодирования. — Он не сразу понял, что проговорился, а Герцог сделал вид, что не расслышал начальника. — Идите. Завтра утром доложите о принятых мерах. Я начинаю верить президенту Совета безопасности, что вы не справляетесь со своими обязанностями.

Герцог четко повернулся и вышел из кабинета, отметив, как его «повели» через видеосистемы охранники и наблюдатели директорской защитной сети. За комиссаром наблюдали и его люди, из эшелона «ланспасад», но у Герцога вдруг появилось ощущение, что за ним следит кто-то еще — очень тонко, на грани «комариного писка», как бы изнутри него самого, из атомов и молекул мозга и сердца. Ощущение прошло, как только он вошел в свой кабинет, но запомнилось надолго и омрачило настроение. Герцог, эрмастер, как и Ставр Панкратов, но более опытный и сильный, знал, что в оценке событий не ошибается.

Сигнал «три девятки» по треку пришел в УАСС рано утром двадцать первого июня, а уже через час все информационные агентства Солнечной системы оповестили слушателей, что в Антарктиде обнаружен «осколок следа» Конструктора, пожирающий любое вещество. «Осколком» этим оказался массивный кластер, состоящий из монополей — тяжелых элементарных частиц с анизотропией магнитного поля. Как известно, все без исключения частицы — диполи, то есть имеют два магнитных полюса, «северный» и «южный», а монополь имел лишь один. Но не это было главным для спасателей, а одно из свойств частицы — способность

разрушать самые стабильные из частиц, протоны, время жизни которых намного превышало возраст метагалактического домена[1].

Там, где появлялся хотя бы один монополь, начиналась цепочка протонных катастроф, распад протонов, что, естественно, приводило к распаду вещества.

Кластер обнаружили случайно: гляциологи, следящие за состоянием ледяного панциря вблизи Оазиса Амундсена, созданного около двухсот лет назад на месте расположения одной из антарктических станций, наткнулись на идеально круглую дыру диаметром около десяти метров в ледяном поле Скотта. А когда глянули поближе — обомлели: дыра пронизывала весь слой льда толщиной в километр и, дойдя до каменного щита Антарктиды, упиралась в гигантскую полость глубиной в двести метров. Но самое главное — радиоактивность льда по мере опускания в тоннель возрастала, а у полости достигала таких величин, которые требовали специальных мер защиты.

Безопасники УАСС, первыми спустившиеся в дыру, быстро смекнули, в чем дело, тем более что помогали им инки управления, обладающие огромной базой данных, так что идентификация найденного объекта не заняла много времени. И тут же район закрыли для посещения, а население близлежащих поселков под куполами и города в Оазисе Амундсена было эвакуировано.

Эксперты синклита старейшин Всемирного Вече узнали о происшествии в то же время, что и спасатели, поэтому во вторую группу аналитиков вошли Железовский и Берестов. Увидев через ультраоптику кипящий клубок огня на дне впадины (подо льдом), они сделали вывод сразу же, не дожидаясь резюме Умника, но делиться впечатлениями не стали. Кластер монополей массой в миллион тонн продолжал погружаться в недра материкового щита Антарктиды, разрушая горные породы с такой же легкостью, что и лед. Экспертам было ясно, к каким последствиям это может при-

---

[1] Возраст нашей Вселенной, по последним данным, не превышает 15 миллиардов лет, в то время как протон живет десять в тридцать второй степени лет.

вести, но обоих мучил один вопрос: кому и зачем понадобилось сбрасывать сюда кластер?

Что сделано это намеренно, оба не сомневались. Если бы глыба монополей упала сама, наткнувшись на Землю, ее обнаружили бы по радиоактивному следу тотчас же, а по массе — еще раньше, до подлета к планете. Чтобы она оказалась в Антарктиде незаметно, надо было погрузить ее в транспортник, закапсулировать силовым полем и аккуратно опустить на лед.

Запрос погранслужбе подтвердил правильность догадки: месяц назад в означенном месте садился «Керманшах», грузовой галион Всемирной миссии магов и спиритов, якобы для пополнения запасов экологически чистой пресной воды. Никто, конечно, не контролировал, чем занимались во льдах маги и «ученики» Великого магистра магии Шан-Эшталлана-Первого, но сам факт высадки говорил о многом.

«Хорошо, что они сбросили кластер здесь, а не в центре Москвы или Чикаго, — сказал Ратибор Берестов, когда эксперты возвращались домой. — Но и оттуда, из-подо льда, выколупнуть кластер будет невероятно трудно. И логика того, кто это сделал, мне совершенно непонятна. Это же уровень чистого террора, разведки боем, а не тихого вторжения или просачивания».

Железовский, широко шагавший впереди по коридору здания Всевече, резко остановился, так что Берестов едва не налетел на него.

«Может быть, ты прав, как никогда. Действительно, это напоминает разведку боем! ФАГ изучает не только возможности отдельных людей и паранормов, но и всего сообщества в целом. А для такой проверки все средства хороши, ведь сталкивает он нас не со своими клевретами и слугами, а людей с людьми, оставаясь в тени. Чем быстрее мы на него выйдем, тем больше шансов избежать большой войны».

«Надо направить Ставра по этому следу. Но тогда ему придется столкнуться с южномусанским эгрегором, мощь которого достаточно велика, чтобы уничтожить одного человека».

«Он будет не один. Мигель охраняет его спину, да и наш эгрегор не слабее».

Берестов кивнул, и они разошлись на пересечении коридоров в разные стороны.

Фагоразведка... да, это разведка ФАГа, думал Берестов, привычно «взвешивая» пространство вокруг себя и не замечая этого, как не замечает человек своего дыхания или сердцебиения. Мозг обрабатывал поступающую информацию без участия сознания.

«Фагоразведка» — точнее термина не придумаешь. Но, может быть, мы выдаем нежелаемое за действительное и кластер просто сбросил какой-то идиот?

«Вряд ли Шан-Эшталлана можно считать идиотом, — раздался пси-смешок Железовского, который уже скрылся за дверью своего кабинета, но из потока связи не вышел. — Я точно знаю, что он из себя представляет как паранорм, к тому же он дружок нашего уважаемого президента Совета безопасности Алсаддана».

«Тогда ты, к сожалению, прав, старейший».

«Я прав всегда!»

Берестов улыбнулся и вошел в приемную Велизара, где его ждал Мигель Эстебан Хосе Павел да Сильва, шеф-лидер сектора пограничных проблем.

Видана писала картину взаимодействия Сил темного и светлого эгрегоров. В качестве конкретных моделей она взяла северославянский и южномусанский эгрегоры, отличающиеся мощью, творческой потенцией и качеством тонких полевых планов, выражающимся в преобладании эмоций разрушения, а не созидания, в ауре южномусанского эгрегора.

Картина получалась безрадостная, напоминающая сражения типа Куликовской битвы или Сталинградской времен Второй мировой войны, если бы они разворачивались в четырехмерном континууме. Да и цвета картины: фиолетовый, багровый, маренго, ультрафиолет и радиоспектральная полоса, а также музыка — мрачные диссонансы, тревожные созвучия smanioso и квартквинтаккорды[1] — говорили не о «божественной литургии», а скорее о войне пси-натур. Но

[1] Smanioso — неистово; квартквинтаккорд — резкое диссонирующее созвучие.

Видану заинтересовала наметившаяся тенденция Сил южномусанского эгрегора к сверхбыстрому реагированию и концентрации пси-поля.

Как пси-специалист (эфаналитик социопсихических настроений) Видана хорошо знала, что системы эгрегоров больших человеческих сообществ высокоинерционны. В области их действия проявить что-то новое чрезвычайно трудно даже Лидеру, даже ценой воли, судьбы и жизни. А в ее конкретном случае получалось, что эгрегором кто-то у п р а в л я л! Слишком живо он реагировал на малейшие изменения Сил противника. Это было тем более удивительно, что эгрегоры — надындивидуальные организмы планетной психосферы, не обладающие волей, психоэнергосистемы с огромным количеством связей, не позволяющих управлять ими из единого центра...

Наверное, я чего-то не учитываю, подумала Видана. Или не понимаю. Надо с кем-то посоветоваться, может быть, я поддалась влиянию бабули Забавы? Вечно она выделяет специфику национальных эгрегоров. Дед, вот кто поймет меня...

В прихожей хрустально прозвенел дверной автомат. Домовой высветил пси-образ гостя, и Видана со вздохом вышла из оперативного поля игрового инка. Вызвала отсчет времени: половина двенадцатого ночи. Не поздновато ли, мистер Хинн?

Полное имя пограничника состояло из одиннадцати имен его предков, потому что по национальности Хинн был гвинейцем: Хилайя Экосбар Фуфаби Пийон Тругги Лемель Ххах Бнелобе Даг Утруйя З-инн. Короче Хинн.

Видана снова вздохнула, накинула на плечи кисейно-пушистый хай-фай и, усевшись в гостиной перед камином, приказала домовому впустить гостя. Хинн не был интраморфом, хотя и имел кое-какие задатки паранорма, но, сколько помнила девушка, он всегда скрывал свою мыслесферу за экраном «защитника». Поэтому он привлекал ее своей неординарностью и загадочностью, да и внешность имел броскую, что выделяло его из толпы. Его попытки приблизиться «на расстояние поцелуя» Видану особенно не трогали, этот парень был птицей не ее полета, но в последнее время

она все чаще стала встречать его там, где он, казалось бы, не мог находиться, и сей факт заставил ее насторожиться. Вот и сейчас: откуда он узнал, что Видана проводит вечер в шале деда, которое тот построил сам в стиле «кантри» на берегу Оки в древнем рязанском заповеднике Мещера?..

Когда Хилайя Экосбар вошел в темную гостиную, занимавшую большую часть домика, он не сразу увидел Видану, забравшуюся с ногами в громадное кресло. Лишь когда девушка вытянула руку ладонью вверх и над ее ладонью засиял длинный язычок огня, словно она держала невидимую свечу, гость разглядел освещенное лицо хозяйки.

— Как ты меня нашел?

— По запаху, — рассмеялся Хинн, делая попытку чмокнуть Видану в щеку, но промахнулся и упал в соседнее кресло, поменьше, приготовленное Железовским для гостей. Его экстравагантная прическа сегодня почему-то не производила обычного эстетического впечатления, а лишь подчеркивала хищный и несдержанный нрав. — Духами «Русь Великая», кроме тебя, никто из моих знакомых не пользуется. Ну и забралась ты в глухомань! От кого прячешься?

— От себя. Хинн, я никого не ждала, мне хочется побыть одной. Зачем я тебе понадобилась?

— Да в общем-то, хотел пригласить тебя на вечеринку. У моего друга сегодня день рождения, а одному идти не хочется. Там будут и наши общие знакомы, интраморфы.

Видана покачала головой.

— Извини, не пойду. Если бы предупредил заранее, я, может, и подумала бы. Ты один?

— Да, а что? — удивился Хинн. — Еле посадил такси на берегу, чуть было не угодил в болото.

— Там кто есть еще...

Гость пожал плечами.

— Мало ли кто бродит. Может, твой охранник. Или у тебя его нет? Если боишься, я могу остаться.

Видана отрицательно качнула головой. Тот, кто прилетел только что, посадив машину точно в центр поля возле дома, был паранормом. Через секунду девушка поняла, кто это, улыбнулась про себя, подумав: забав-

но... только его здесь не хватало! Как он поведет себя, увидев, что я не одна?

Зазвонила дверь, открылась по мысленной команде Виданы, и в домик шагнул Ставр Панкратов собственной персоной. Остановился, мгновенно разобравшись в обстановке, несмотря на темноту.

— Извините, что без предупреждения. Я, кажется, не вовремя?

Видана зажгла свет. Мужчины оценивающе глянули друг на друга. Впрочем, оценивал противника лишь Хилайя Экосбар 3-инн, Ставр его потенциал вычислил давно и серьезным соперником не считал. Видана же невольно сравнила обоих. Сравнение было не в пользу Хинна.

Ставр был развит не хуже, но его осанка и грация подчеркивались внутренней с и л о й, чего не увидела Видана при первом знакомстве. Кроме того, он двигался и жил быстрее и точнее, а также с в о б о д н е е, с легкостью обходя любые помехи на пути. Но самой примечательной деталью у Ставра были глаза: прозрачно-серые, не ледяные, но с морозным отблеском, они замечали и видели все, понимали все и предупреждали. Не умели они только улыбаться. Во всяком случае, Видана пока улыбки в них не замечала.

Да, призналась девушка с неохотой сама себе, есть в нем некий шарм, скрытая мощь, а природа вылепила его неплохо...

Конечно, хорошо ему! — внезапно рассердилась она. Он уже родился эрмом, с запасом ратных знаний, а тут пока дойдешь до мастера — тысячу синяков и шишек наживешь!

— Проходите, не стойте у порога.

— Может, в другой раз?

В присутствии неинтраморфа они вынуждены были говорить на звуке.

— А это что еще за явление?! — обрел наконец дар речи Хинн. — Какого дьявола ему здесь надо?

Панкратов глянул на него, но промолчал. Видана с неохотой разрядила обстановку:

— Остынь, Хинн, мы работаем вместе... с недавнего времени. Таковы превратности судьбы.

Хинн угрожающе оскалился.

— И выбрал он столь поздний час, чтобы поговорить о работе, конечно. Так я и поверил.

Ситуация совсем перестала нравиться Видане.

— Остынь, гриф, я сказала. Ты тоже нашел подходящее время для визита. — Повернула голову к Ставру. — Вы могли бы мне позвонить, прежде чем...

— Я звонил, а время не терпит. В шесть по среднесолнечному мы должны быть в управлении.

Он не выразил недовольства тем, что Видана проигнорировала его просьбу встретиться на погранзаставе у Левашова, и это обстоятельство заставило ее сдержать резкое слово. Зато не сдержался Хинн:

— Шел бы ты домой, эрм. Совместные дела надо решать на работе, а не в постели.

— Хинн! — предупреждающе произнесла Видана.

Легкая улыбка скользнула по губам Панкратова.

— Похоже, ты это правило выучил наизусть.

Хинн вскочил, но окрик Виданы остановил его. Ворча, он все же сделал шаг к Ставру, но тот молча повернулся и исчез за дверью. Пси-импульс принес Видане слоган прощания с запахом фиалок и сложным ощущение недоумения, предостережения, угрозы, неудовлетворенности и сожаления.

— Ха! — обалдело сказал Хинн, не веря, что противник оставил поле боя, картинно напряг торс. — Как я его, а? Кажется, он струсил.

— Пусть тебе так не кажется, — сказала Видана. — Я устала и хочу спать, встретимся завтра. Звони.

Выпроводив несколько очумевшего пограничника вслед за Панкратовым, Видана вдруг подумала, что ни тот, ни другой не раскрыли истинных причин посещения. Оба могли свободно найти ее по связи, один — используя сеть «спрута», второй — информслужбу погранцентра, и оба этого не сделали, предпочитая заявиться в шале лично. Что бы это значило? Что им было нужно, особенно Панкратову? Может быть, пора выходить в полный контакт по формуле «два С»?

«Эрм, — позвала она мысленно, — зайди, есть дело».

Панкратов появился через несколько секунд, будто ждал за дверью, бесшумный, невозмутимый, сильный и умный. Последнее ощущение было особенно приятным.

— Обойма два С, — назвала Видана вслух пароль, сопровождаемый сложным слоганом, без которого произнесенные слова были бы недействительны.

Ставр ничем не выдал своих чувств, просто кивнул, отчего девушка даже почувствовала разочарование. Перешла на слоган-речь:

«Вы не удивлены?»

«Нет, немножко, с недавнего времени я слежу за вами и кое-что сообразил. Взбалмошную, резкую в оценках девицу вы играете хорошо, но всегда останавливаетесь вовремя, а это уровень иного контроля. Да и дед ваш помог определиться».

«Каким образом?»

«Уж очень ловко я, опер свободного соло в системе «контр-2», оказался втянут в авантюру синклита, да еще по той же теме, плюс еще более хитрая обработка лопуха опера, чтобы ему дали вас в напарники... поневоле задумаешься».

Видана улыбнулась, задумчиво разглядывая гостя.

«Да, дед Аристарх — хитрый политик. А у вас очень хорошая интуиция, эрм. Ну, и как мы будем работать?»

«А как наметили, — безмятежно ответил Ставр. — Можно, я присяду?»

Получив царственное согласие, он сел напротив хозяйки, непринужденно закинул ногу за ногу, и не было в его позе и жестах ни наигрыша, ни желания покрасоваться, как у Хинна.

«Все, в том числе и эксперты синклита, считают нас стандартной парой «усиления результата», не более того, парой молодых и зеленых оперов, рвущихся в бой, ну и прекрасно! Отличная ширма для той работы, которую мы будем выполнять. Продолжайте играть роль взбрыкивающей опер-мадам, а я буду тем, кто я есть на самом деле, — ученым, стремящимся добыть славу на поприще изучения нагуалей».

«Но что я должна буду делать конкретно?»

«Мы действительно будем исследовать нагуали. А кроме того, искать подходы к тем, кому выгодно, чтобы они, то есть «невидимые кораллы», оставались тайной за семью печатями».

Видана покачала головой.

«Не смотрите на меня подозрительно, я не получала конкретного задания от своего командования. Чаю хотите? Кофе? Тоник?»

Ставр кивнул. Сейчас девушка держала себя совершенно иначе, сбросив маску, она сразу стала на ступеньку выше по интеллекту, красоте, женственности и внутренней силе, и это его обеспокоило почему-то, заставило держаться строже и суше, волноваться и прислушиваться к голосу крови и сердца.

Домовой принес чайный сервиз, и они принялись за чай.

«Дана, а почему вы напали на меня там, в лесу?» — задал вопрос Ставр, уже предполагая ответ.

Видана нахмурилась и тут же рассмеялась.

«Потому что я знала, что вы опер «контр-2», и захотела проверить, так ли уж он силен, этот эрм, как о нем говорят».

«Ну, и как, убедились?»

«Вполне. Кстати, это тоже послужит хорошим прикрытием для дальнейших наших «официальных» отношений. Но деретесь вы мастерски».

«Благодарю за комплимент, — ответил Ставр почти равнодушно, поставил чашку. — Через минуту появится ваш дед, поэтому я исчезаю. До связи, «кошка».

«До связи, «собака», — ответила девушка.

МАРС—ТАРТАР

Мигель да Сильва стал начальником сектора пограничных проблем против своей воли, до этого он занимался чистой наукой в группе Танаки на Тартаре — изучал свойства тартарианских Городов и вплотную подошел к проблеме контакта с паутинами, полевыми стабилизаторами жизни Тартара, своеобразными интеллектуальными, с точки зрения негуманов, техническими системами, которые пытались самостоятельно удержать свой мир от распада.

Мигель был эрмом, но с космическим закалом, он мог бы, наверное, жить на любой из планет негуманов, а также и на мертвых, с точки зрения землян, планетах. Его работа по теории компактификации мно-

гомерных континуумов в потоке трехмерного времени стала классикой физики Тартара и позволила вплотную приблизиться к контакту с собственно тартарианами, а не с «обломками» их пространств, чем по сути были Города и отдельные черные глыбы типа «любопытников» и «блуждающих скал». Каждая такая глыба была эквивалентна объему евклидова пространства размером с часть Солнечной системы, ограниченную по меньшей мере орбитой Венеры, а то и Земли.

Да Сильва первым из земных ученых сделал вывод, что Тартар — это не остаток «предыдущей вселенной», сохранившийся после ее коллапса, а часть иной метавселенной, внедрившейся в нашу после ее рождения. Более того, он показал, что это может быть г е н другой метавселенной, способный — стоит его только активизировать — к развитию из кокона, ограниченного размером Тартара. Развитие же это означало если и не гибель метагалактического домена, то фазовую перестройку местного скопления галактик, что по сути равнялось гибели нескольких цивилизаций в этом районе космоса, включая орилоухскую и человеческую.

С появлением нагуаля на поверхности Тартара область приоритетов Мигеля сместилась, он заинтересовался новообразованием, а когда понял, к каким последствиям может привести взаимодействие нагуаля и ядра планеты, на него вышли работники «контр-2», организации, которая в недрах контрразведки занималась проблемой Фундаментального Агрессора.

Через месяц он сменил Ганичева на посту начальника сектора пограничных проблем и, продолжая заниматься Тартаром, развил бурную деятельность по привлечению интраморфов к проблеме «пересечения» Вселенных. Это была его идея, а не Железовского — заинтересовать проконсулов синклита возникшей угрозой п р о с а ч и в а н и я в нашу метавселенную какой-то другой, просто Аристарх первым воспринял ее всерьез, сформулировал и подбил друзей тряхнуть стариной и взяться за дело. Правда, самому да Сильве было все равно, кто или что просачивается в родной метагалактический домен, — чужой континуум или «войска» Фундаментального Агрессора, которому потребовалось активизировать «ген» Тартара, проблема

от этого не становилась более интересной. Но во втором случае требовались особые методы охраны тайны, что мешало заниматься творчеством и ограничивало личную свободу.

И все же Мигель да Сильва был доволен своим положением, потому что ситуация заставила его использовать весь творческий потенциал, жить быстрее любого из людей и добиваться целей, о которых он раньше и не помышлял.

«Контр-2» казалась настолько засекреченной организацией, что о ее существовании не знал даже глава Совета безопасности Хасан Алсаддан, и действовала она пока безупречно. Мигель имел удовольствие в этом убедиться, когда неизвестный интраморф по коду «два С» предупредил его о возможном нападении, и ловушка не сработала. Не знал он только одного — кто был начальником «контр-2», хотя и пытался вычислить его в меру своих возможностей. Но ему дали понять, что делать этого не следует, и Мигель подчинился. Он хорошо понимал, с кем начал борьбу «контр-2» и чем может грозить провал организации ему лично.

На Ставра Панкратова, который был вдвое моложе, ему посоветовал обратить внимание все тот же интраморф «два С». Это был не приказ, требующий немедленного исполнения, но Мигель отлично понял смысл совета и внимательно изучил личную карточку молодого ученого, владеющего пассионарностью — способностью к целенаправленным сверхнапряжениям. Панкратов продемонстрировал это, случайно оказавшись на территории Такла-Маканского ксенозаповедника.

Одна из террористических организаций — «Пантеры освобождения младших братьев», которых хватало во все времена, воюющая со всеми «во имя справедливости и освобождения», решила выпустить на волю из бестиария Такла-Маканского заповедника стадо хоррозавров, привезенных на Землю с одной из планет системы Стрельца. Хоррозавр — это колония насекомых размером с небоскреб, способная передвигаться со скоростью бегущего человека, а в пищу употребляющая любой белок, аминокислоты и целлюлозу, то есть все, чем питается и чем является сам человек. Хоррозавр обладает даже зачатками интеллекта и довольно мощной пси-ау-

рой, которая может подчинить волю целого отряда старменов, как это случилось с подразделением Даль-разведки во время первого знакомства. Даже один хоррозавр способен натворить дел, вырвись он на волю и доберись до густонаселенной зоны южного Тянь-Шаня, а на территории бестиария проживала целая дюжина этих «коллективных зверосемей».

Ставр, находившийся в заповеднике с другом Раулем Мир-Хайдаровым, который и пригласил его полюбоваться экзотикой, не знал, что здесь некогда совершил подвиг его дед Ратибор Берестов, но думал он, конечно, не о подвиге. Он сразу определил опасность ситуации: террористы взорвали генератор полевых мембран, стену бестиария и пытались выгнать хоррозавров из их «клетки» на свободу.

Первым делом Панкратов обезвредил вооруженного до зубов главаря банды ублюдков, уложил остальных пять человек у стены и сдерживал усиливающийся натиск хоррозавров, пытавшихся сломить его волю на пси-резонансах жизненно важных органов, до развертывания основных сил охраны и безопасности. У него дважды останавливалось сердце, отказывали легкие, но он продержался восемнадцать минут, сохраняя контроль над террористами, слава Богу — не паранормами, и над гигантскими существами-колониями...

После этого шеф-лидер «контр-2» и уговорил Ставра перейти в свою сверхсекретную контору, объяснив положение дел в Солнечной системе. Панкратов согласился, такие масштабы приложения творческих сил ему и не снились.

Переход же Ставра в СПП прошел спокойно, не всколыхнув особенно ни научные круги, ни службу безопасности, для которой обоснований, выдвинутых начальником СПП, оказалось достаточно.

После гибели Фредерика Фергюссона Мигель окончательно осознал, что Железовский и другие проконсулы синклита правы: кампанией против интраморфов и их ликвидацией кто-то занимался целенаправленно, и это была вовсе не слепая реакция, как он подумал вначале, самолюбивого человеческого социума на рождение «более умного дитяти» — паранорма, за которым стояло будущее. Но это не было и террором в том

смысле, как это понимали люди. ФАГу было все равно, чем живет и чем занимается человеческая цивилизация, по какой причине возник конфликт между «отцами и детьми», но для той цели, которой он добивался, важно было устранить любую прогнозируемую помеху, а помешать его деятельности могли только интраморфы. И он занялся ими вплотную, провоцируя, сталкивая людей между собой, не брезгуя ничем, пользуясь всеми методами, накопленными человечеством, по уничтожению себе подобных с помощью обмана, совращения и других низостей, присущих душе человеческой, а также с помощью прямого террора и убийств. Как и любой эволюционирующий биологический социум, человечество реализовало чрезвычайно широкий спектр личностей от гениев до убийц, и ФАГ всегда мог опереться на подонков или простодушных дураков, которых не нужно было искать долго. Кроме того, он владел совершеннейшими методами внушения. Люди, закодированные им, не догадывались, что психика их изменена, что они по сути являются живыми зомби, вплоть до совершения ими деяния, запрограммированного их господином, а что будет с ними потом, ФАГа не интересовало. Потому что человеком он не был. Он, вероятно, не был даже разумным существом в том смысле, в каком представляли это себе люди...

Сектор пограничных проблем не имел криминальных или уголовных подразделений, занимающихся розыском совершивших преступления лиц или следственной работой, поэтому Мигель вынужден был использовать каналы «контр-2» с оперативным сектором ОБ. Связь сработала быстро, и уже на второй день после убийства пограничника сотрудники уголовного розыска отдела безопасности и одновременно опер «контр-2» Горюнов получили задание обследовать место засады на Фергюссона в местечке «Ласточкино гнездо» на Марсе. Чутье опера было выше, чем у следователей кримбюро, занимавшихся подобными делами официально, но и ему не удалось составить точную картину нападения, несмотря на сохранившийся отпечаток происшествия. Ясно было одно — на Фергюссона охотились профессионально, с применением спецоборудования и пси-фантомного сопровождения. И

нанес оглушающий удар некто, чья характеристика не соответствовала полностью человеческим параметрам. Это мог быть либо витс, либо паранорм, либо кто-то другой, обладающий нестандартной пси-аурой. Кто именно, Горюнов не знал, но после уточнения полевых нарушений в месте засады попытался определить носителя нестандартной пси-сферы по данным, хранившимся в информбанках УАСС. Получалось нечто странное, о чем он сразу уведомил начальство, а оно шеф-лидера СПП.

Слежку Горюнов почувствовал, как только поднялся в патрульном куттере над мшистой равниной Плоти Бога. Как эрм, он не нуждался в эшелоне «ланспасад» и никогда подстраховкой не пользовался, поэтому сразу понял, что его «повели». Но поскольку опер «контр-2» был готов к такому повороту событий, императив «тень» после его сигнала был развернут буквально в течение минуты. Еще через полминуты был получен ответ: Горюнова вел на пределе оптических возможностей аэр экологической службы Марса. Еще через некоторое время с помощью ультраоптики и большого опознавательного комплекса службы безопасности был определен пассажир аэра — широкофункциональный витс типа «андроид». Такие витсы использовались крайне редко, и определить его принадлежность и завод-изготовитель не составило труда; но захватить витса не удалось: он имел программу самоуничтожения и взорвался, как только «пакмак» безопасников выпал на него с неба.

Горюнов не расстроился, заранее предполагая, чем все это может закончиться. Но у него создалось впечатление, будто за ним наблюдали откуда-то еще, может быть, даже с одной из «привязанных» над Марсом инк-станций, принадлежащих системе СПАС, о чем опер опять же доложил по инстанции. Да Сильве оставалось только порадоваться профессиональной подготовленности контрразведчика, ибо в результате его действий те, кто решил понаблюдать за ним, «засветились».

Передав Герцогу свои умозаключения, Мигель переместился из управления в Антарктиду, где работала бригада УАСС, вытягивающая кластер монополей из-подо льда, но пробыл там недолго. Следственная команда

«контр-2» сообщила ему необходимые данные, и да Сильва отправился готовить встречу Панкратову с Великим магом Шан-Эшталланом Первым.

Ставр не был на Тартаре всего три недели, с тех пор как перешел в службу безопасности. До этого он имел статус индивидуала-сайентифика и мог работать по выбранной теме самостоятельно или в коллективах исследователей, если были места. На Тартаре до этого он работал в группе Вивекананды, изучающей «свалки мертвых любопытников», то есть «обломки» Городов, жизнь внутри которых — имеется в виду разумная — по каким-то причинам отсутствовала. Никто никогда не видел «голого» тартарианина, без шубы» своего странного «пространства», они всегда появлялись в виде громадных, черных, каменных с виду глыб. Но если роиды-чужане умещались даже в двух-трехметровых обломках, передвигаясь в них действительно как в скафандрах, то тартариане занимали объемы побольше — в двести—триста метров, где обитали целыми «семьями» и «племенами». Стоило в Городе отколоться куску поменьше, и тартариане в нем, если оказывались внутри, погибали. Тогда их «хоронили» паутины, устраивая необычные прощальные хороводы, сбрасывая в «мусорные свалки» — они же «кладбища» — возле Городов. Вот этими «кладбищами», так сказать «пустыми мини-вселенными», и занималась группа Вивекананды, в качестве базы используя одну из автономных оболочек типа «крепость».

Появившись на погранзаставе «Гридь», играющей роль координирующего центра в системе Тартара, Ставр первым делом посетил своих старых приятелей. После их «второго знакомства» Видана вела себя менее строптиво и пожелала сопровождать его в походах по Тартару и вокруг.

Прами Вивекананда, молодой интраморф-индиец, ненамного старше Панкратова, оживился, узнав, кто потревожил его обитель, а познакомившись с Виданой, которая произвела впечатление на всю группу, завел с ней пси-разговор на свою излюбленную тему — о тартарианах, естественно. Ставра это вполне устраивало, и он сделал вылазку к одному из «кладбищ» в сопровож-

дении витса и одного из членов группы, которого звали Анна Ковальчук. Девушка давно симпатизировала ему, поэтому согласилась сопровождать Панкратова и дальше, к району на дне впадины След Ботинка, где был обнаружен нагуаль.

В кабине аэра было достаточно места для целой обоймы специалистов, поэтому Ставр и Анна расположились с комфортом, из предосторожности не выключая сторожевые системы скафандров. Правда, скафандры на них заметны не были, так как представляли собой по сути пояса со встроенными генераторами силовых полей. Откалиброванные особым способом поля заменяли ткань, пленочные покрытия, защитные устройства и экзоскелетные приспособления, характерные для прежних защитных комплексов, превращавших людей в экзотических горбатых существ. Современные скафандры были невидимы, и Ставр с девушкой могли видеть лица и фигуры друг друга, одетые под скафандрами в обычные повседневные (или праздничные — по выбору) уник-костюмы.

Поглядывая то на разрумянившееся лицо Анны, то на разворачивающийся под галионом мрачный пейзаж, Ставр поймал себя на том, что волнуется, и усмехнулся в душе: возвращение всегда приносит эмоциональные встряски, особенно если возвращаешься к старым приятелям в новом амплуа. О котором они даже не догадываются. Правда, с одним из членов группы, Степой Погорилым, они даже стали друзьями. Молодой паранорм тоже ушел с Тартара и начал работать в лаборатории фридманолога Себастиана.

Аэр достиг впадины След Ботинка за четверть часа, а в десяти километрах от нагуаля его остановила высветившаяся в воздухе перед ним надпись: «Опасная зона! Работают спасатели. Вход по сертификатам».

Сертификат у Ставра был, но с предъявлением своих полномочий он решил повременить. Подняв машину повыше, он принялся созерцать открывшийся ландшафт, одним ухом прислушиваясь к щебету Анны.

Окно оптической прозрачности атмосферы Тартара лежало несколько в иных диапазонах, чем атмосфера Земли, поэтому человеку без спецаппаратуры казалось, что на поверхности планеты всегда сумрачно из-за се-

роватого тумана или дымки. Но видеосистемы аэра настроены были таким образом, что все было видно, как в яркий солнечный день на Земле.

Впадина След Ботинка, как и ее соседка Второй След, действительно напоминала отпечаток гигантской ноги, обутой в ботинок с рифленой подошвой. Каким образом появилось на Тартаре это чудо природы, ученые объяснить не сумели до сих пор. Именно по этим впадинам размерами в два десятка километров колесили когда-то первопроходцы планеты Сташевский и Грехов.

Нагуаль расположился точно посередине «отпечатка каблука» — невидимое Ничто диаметром в полкилометра — и был окружен со всех сторон несколькими слоями паутин, так что казалось, будто здесь опустился воздушный шар, опутанный сетью из веревок, которые удерживали его у почвы. Но Ставр знал, что паутины давно и безуспешно пытаются выбросить это Ничто за пределы Тартара, потому что нагуаль каким-то образом влиял на закапсулированное гравитационным полем пространство тартариан, дестабилизировал его, и оно начинало трескаться, распадаться на отдельные куски, исчезать. Результат распада был налицо: почва вокруг нагуаля была взломана по всей площади «каблука» и усеяна черными пластами и глыбами «мертвой материи», то есть свернутыми в «каменные обломки» пустыми пространствами, в которых когда-то жили тартариане.

Кроме паутин и любопытников — сигаровидных «обломков» тартарианской породы, в которых, как предполагалось, жили и работали тартариане-исследователи, изучавшие чужую вселенную со своей стороны, а может быть, и представители тревожных служб наподобие земных УАСС и безопасности, Ставр заметил и земные аппараты: два когга, черепаховидный неф и с десяток «големов». На них паутины внимания не обращали, как бы понимая, что вреда те не принесут. Но был еще один интересный объект, на котором Панкратов задержал внимание.

— Лемоид, — сказала Анна, проследив за его взглядом. — Сегодня один, но бывает — и два, и три. На призывы и предложения контакта — ноль эмоций. Ксенопсихологи предполагают, что это представители

негуманов, планету которых мы еще не открыли. Но есть и другая точка зрения: лемоиды — аппараты тартарианской службы контрразведки, а может, даже сами тартариане, сумевшие пробиться из-под скорлупы своих пространственных «тюрем» в наш мир.

Ставр промолчал, точно зная, что это не так. Лемоиды были замечены и у Чужой, и возле звезды Копа де Плата, и в Солнечной системе возле нагуаля, прострелившего лайнер «Баальбек». Что касается тартариан, то существовала гипотеза Влада Корнева, по которой они были не существами из плоти и крови, а математическими формулами или даже математическими процессами, протекавшими в многомерно-многолинейном континууме Тартара.

Больше всего лемоид напоминал полупрозрачную голубоватую медузу с диаметром купола в сто метров. Двигался он странно: таял, испарялся, исчезал в одном месте, чтобы спустя минуту возникнуть в другом, за километр-два от прежней точки зависания. Изредка он походил на серого призрака, и Ставр понял некоторых наблюдателей, предположивших, что это вернувшиеся Сеятели или по крайней мере их «автоматы». Но проверить предположение не удалось пока никому, лемоиды не реагировали на сигналы и программы контакта, как и на попытки физического сближения с ними земных аппаратов. Полевой фон вокруг них не изменялся, будто они представляли собой голографические фантомы, а не материальные тела, и свободно проходили сквозь все экраны и машины пространства. Они были — и их не было. Именно это обстоятельство роднило лемоидов с нагуалями, и Ставр был уверен, что это объекты одного класса и зависимы друг от друга. Надо было эту зависимость определить.

Один из «големов» вдруг метнулся к лемоиду, вонзил в него клинок зелено-желтого огня, и тут же эфир взорвался хором восклицаний и криков. Все были поражены поведением неизвестного пилота, на свой страх и риск решавшего проблему контакта столь воинственным способом. Но лемоид никак не прореагировал на выпад, просто переместился в другую точку своей прерывистой орбиты. Затем на общей волне

«спрута» связи прошла команда подавления шума, раздался голос командира погранобоймы:

— Захватить наглеца!

— Не трогать! — эхом отозвался представитель контрразведки. — Сами разберемся.

В эфире повисла тишина. Ставр и Анна переглянулись. Девушка виновато развела руками:

— К сожалению, конфликты вроде этого у нас не редки, интраморфов в погранслужбе недолюбливают.

— Это я уже знаю, — кивнул Панкратов.

Возникшее напряжение разрядил сам «виновник торжества», выдав в эфир фразу: «Сдаюсь! Но этот гад сам виноват — молчит, как глухонемой! Надоело упрашивать!»

Сеть «спрута» донесла смех, новый хор восклицаний и шуток, и инцидент был исчерпан.

Возвращаясь на свою базу, Анна и Ставр вспоминали общих знакомых и разговаривали о более приятных вещах, в том числе о музыке, которую сочиняла девушка, называя ее «белой музыкой высших сфер», и о новых приемах фантоматического моделирования, то есть о конструировании видеоигр с «виртуальной реальностью», чем занимался в свободное время Ставр.

— Ну, и что же ты создал за это время? — полюбопытствовала Анна.

Ставр смутился, потому что последней его работой была видеоверсия старинного романа «Александр Невский». Он вообще тяготел к истории, особенно к русской, и ряд игровых видеореальностей, в которых игрок мог стать участником описываемых событий, в зависимости от желания и характера, посвятил ключевым моментам русской и славянской истории.

От объяснений Ставра спасло то, что галион состыковался с базой и открыл выходной люк.

Обедали в диннер-зале станции вшестером: четверо сотрудников исследовательской обоймы во главе с Вивекандой, Ставр и Видана. Обед состоял из пяти блюд, но не в индийском стиле, как ожидал Панкратов, а в европейском. На первое был подан грибной суп, на второе запеченные в соусе шампиньоны, стью-стейк и овощная солянка, а на третье пили кто что хотел, от соков до кофе с медовым пирогом.

Разговоры за столом вертелись в основном вокруг нагуаля. Ставр немного поговорил с Вивеканандой о результатах работы группы и лаконично ответил на его вопросы о задачах сектора пограничных проблем, после чего только прислушивался к репликам бывших товарищей, трое из которых не были интраморфами. Однако пси-фон группы был высокоположительным, что говорило о хорошем психологическом климате коллектива и умении лидера подбирать кадры.

После обеда Ставр уединился с Виданой в одной из пустующих кают и спокойно выдержал ее ехидный слоган:

«Может быть, нам взять в бригаду еще и эту девицу? Кажется, она имеет на вас какое-то влияние».

Видана села в кресло и небрежно закинула ногу на ногу, демонстрируя великолепную фигуру — точь-в-точь сытая пантера. Ставр улыбнулся собственному сравнению, и девушка сердито сверкнула глазами, уловив его мысль. Но промолчала.

«Пора выходить на тропу войны, — сказал он, усаживаясь напротив с включенным пси-фильтром. — Давайте уточним задачу, примем основной вариант нашего вмешательства в события и начнем действовать. Если есть вопросы — задавайте, вы должны знать все, что знаю я».

Видана выключила оптическую плотность стены каюты и некоторое время любовалась угрюмым пейзажем Тартара с зубчатой стеной Города невдалеке.

«Нельзя ли сначала выслушать ваши соображения?»

«Наша задача — захват исполнителей воли ФАГа или его эмиссара. Поскольку выход на них пока проблематичен, необходимо спровоцировать их напасть на нас. Возражения?»

«Не имею», — лаконично ответила девушка, глянув на Панкратова заинтересованно.

«Идем дальше. Поиск террористов... предлагаю называть их фагоцитами или лучше Ф-диверсантами. Их поиск на Тартаре, равно как и возле нагуалей Копа де Плата и Чужой, слишком традиционен, к тому же в этих зонах сидят контрразведчики и

погранцы, контролирующие каждый метр пространства. Появись Ф-диверсанты там, их возьмут и без нас. Остается Солнечная система, точнее Земля. Возражения?»

«Возражений нет. Но необходимо уточнить, каким образом уважаемый мэтр предполагает обратить внимание фаго... м-м... цитов на нас. Все же Ф-диверсант действительно звучит лучше».

«Есть два варианта. Первый — начать с поисков Ф-диверсантов через Всемирную ассоциацию магов и спиритов, Великих, так сказать, адептов, чей крейсер сбросил на Антарктиду кластер монополей. Второй вариант — копнуть на Земле, в лесу под Владимиром, где открыт еще один нагуаль. Можем начать полуактивный шум с него. Ваша задача — анализ данных, прогноз реакций ФАГа и рекомендации дальнейших шагов».

«Это мне ясно и без напоминания. — Видана прикусила губку. — Но прошу учесть, что я не только аналитик «погран-2», но и опер активной поддержки. Однако откуда взялся нагуаль на Земле? И где именно? Лес под Владимиром велик».

«Вы это место знаете достаточно хорошо».

«Вот как? Уж не там ли, где мы... э-э... некоторым образом познакомились?»

«Именно. Я открыл нагуаль как раз перед вашим появлением, хотя подозреваю, что кто-то из ваших друзей в той компании знал об этом раньше. А что это вас так... задело?» — Ставр почувствовал перемену в настроении девушки, но не понял причины.

«В общем-то... странно... действительно, мои знакомые бывают там часто, даже очень часто...»

«Этот петух Хинн, что ли?»

«Он не петух. — Девушка нахмурилась, вспоминая, что именно Хинн был инициатором драки. — Что касается нагуаля... странно, что ребята его не нашли, а ведь облазили там все в поисках грибов. Но с предложением «спровоцировать» я согласна. С чего начнем?»

Ставр засмеялся. Видана сверкнула глазами, глянула на него исподлобья, одновременно пробуя пси-блок, и нехотя улыбнулась в ответ.

ПОЯВЛЕНИЕ К-МИГРАНТОВ

Проконсул синклита старейшин мьямма У Тхин Аунг жил уединенно в пагоде Аноратха, располагавшейся на берегу Иравади недалеко от города Пьи, в центре Бирмы.

Горы Ракхай и Пегу некогда надежно защищали здесь долину от муссонов, поэтому севернее Пьи ландшафт тропической степи и полупустыни с кактусовидными молочаями не радовал глаз, а южнее, там, где когда-то простирались рисовые плантации, зеленели бесконечные луга, изредка прорезаемые квадратами поливных полей с посевами риса; многие бирманцы по традиции продолжали выращивать рис. Но пагода Аноратха стояла в центре небольшого оазиса, окружавшего ущелье, где сжатая до сорока метров обычно спокойная Иравади неслась разъяренной буйволицей, и флора здесь была намного богаче, разнообразней и красивей, чем в других районах долины. Особенно красивы были заросли цветущих рододендронов и фиников да поле орхидей, окружавших пагоду.

Уже два с лишним столетия пагода не использовалась в качестве места поклонения и отправления религиозных обрядов. Посещали ее изредка четыре семьи, близкие родственники У Тхин Аунга: его отец и мать, брат с женой и детьми, племянник с женой и давний друг со своей многочисленной родней. У Тхин Аунг как раз возвращался, проводив гостивших у него отца и мать, которые жили в Рангуне, но раз в год обязательно навещали сына, несмотря на свой солидный возраст. Размышлял мьямма о том, что сообщил ему воевода синклита Баренц. Не верить ему проконсул не мог, принять же слова на веру — значило перевернуть собственные истины с ног на голову. Но Баренц просил совета и помощи родового эгрегора, а в помощи У Тхин Аунг никогда никому не отказывал. Смущало лишь то обстоятельство, что для организации эгрегорной эмиссии требовалось побеседовать с каждым членом рода, а мьямма не был уверен, что с его доводами согласятся.

От ближайшего метро У Тхин Аунг любил ходить пешком через рододендроновую рощу, где он кормил семейство белобровых гиббонов. Шел тхакину, как ува-

жительно называли в округе У Тхин Аунга, сто двенадцатый год, хотя лицо его оставалось гладким, а волосы — черными и блестящими. Да и фигура его не напоминала фигуру глубокого старца.

Он, конечно, помнил предупреждение Баренца, однако относился к нему с недоверием, как человек, которому нечего бояться, потому что ничего плохого в жизни он не сделал.

Убийцы ждали его в пагане, главном помещении пагоды, пол которого был сделан из тиковых досок, потолок представлял собой клинчатый свод с арками из обожженного кирпича, а по углам стояли полутораметровые статуи Будды из позолоченной бронзы. Здесь У Тхин Аунг хранил богатую коллекцию керамических изделий, посуды и лаковой миниатюры. Уже полвека он считался одним из самых знаменитых мастеров пан тхим — искусства керамики.

Так как организаторы засады использовали гипноры и пси-фильтры, отсеивающие агрессивные «гармоники» пси-поля, У Тхин Аунг не очень обеспокоился, почувствовав присутствие в доме гостей, люди заходили к нему довольно часто. А когда вошедший в пагану молодой желтолицый незнакомец выстрелил в хозяина из парализатора, У Тхин Аунгу не помогла даже его закалка пси-палвана, мастера рукопашного боя с мощным пси-блоком. Бороться он начал, осознав серьезность нападения, слишком поздно. Однако даже в оглушенном состоянии, почти лишенный воли и сил, он сумел отобрать у первого террориста оружие, разрядить в него и дать команду домовому запомнить, что происходит. Правда, убийцы после зондирования мозга умирающего интраморфа стерли память домового и уничтожили все следы своего пребывания в доме.

Обнаружили У Тхин Аунга восемь часов спустя. Спасти патриарха не удалось, мозг его оказался буквально выжжен мощной струей пси-зондажа и отказывался выполнять даже регуляторные функции.

На сей раз их было только трое: Железовский, Ратибор Берестов и Пауль Герцог. Настоял на встрече комиссар, поведавший о новых терактах ФАГа, в том

числе об убийстве проконсула синклита старейшин У Тхин Аунга.

«Кажется, я окончательно понял, почему ФАГ не боится рассекретить свою деятельность, — сказал Берестов после обмена новостями. — Он просто проводит разведку боем, проверяя и наши возможности, и реакцию Совета безопасности, и реакцию общества в целом».

«Разведка боем — не твое открытие, мудрец, — хмыкнул Железовский. — Но если догадка верна, ФАГу есть куда отступать. И все же мы не знаем его планов. Даже эфаналитики дают прогноз с пятидесятипроцентным размывом вероятности».

«Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем, — продекламировал Пауль Герцог. — Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится».

«Вот тут ты прав, комиссар».

«Не я, апостол Павел. Но и вы правы: начинается полоса террора против интраморфов — ответственных работников. Я вынужден объявить особый режим их подстраховки, зная, что Совет безопасности получит новый козырь против меня и других инакоживущих. Против нас. Велизар может остаться один. Необходимо ускорить выход на команду ФАГа. Только имея неопровержимые свидетельства просачивания или, как теперь ясно, разведки боем, мы заставим Алсаддана остановиться».

«Алсаддана надо просто убрать», — сказал Железовский.

В бункере повисла тишина. Потом Ратибор Берестов покачал головой.

«А если он не ведает, что творит? Не уподобимся ли мы таким же, как он и те киллеры, что пытали Фергюссона и Аунга?»

«А если он делает это сознательно?»

«Нужны доказательства».

«Согласен. Пауль, как скоро вы их нам представите?»

«Как только отработаю след Шан-Эшталлана».

«Мы можем подключить к вам Ставра Панкратова».

«Не возражал бы, но он начал шуметь возле нагуаля под Владимиром, ему самому скоро понадобится помощь. По данным наблюдений там пока все тихо, но настораживает один факт: пограничник из обоймы Бу-

вано-Буваны из техцентра некто Хилайя Экосбар Фу фаби... и так далее, у него длинное имя, появляется г тех краях слишком часто и регулярно, что наводит на кое-какие размышления. Мы включили «Аргус» и последим за ним с соблюдением всех мер предосторожности. Но я хочу предупредить вас, патриархи. ФАГ начал свою «фагоразведку» с достаточно низкого уровня, агентурного: исполнители-витсы и люди, но для проверки высшего корпуса паранормов он перейдет на уровни более серьезные, с применением пси-«динго», боевых систем, исполнителей-интраморфов и эгрегорных воздействий».

«Почему же на Баренца и У Тхин Аунга он выпустил всего-навсего опергруппы?»

«Потому что он ведет разведку с глубоким эшелонированием, с перекрытием диапазонов. Для всестороннего анализа и разработки стратегии вмешательства ему нужен максимальный объем данных. Теперь можно с уверенностью говорить о том, что на его стороне есть профессионалы из нашего ведомства, из бюро информобеспечения, стратегических исследований и контрразведки. Только этим можно объяснить лаконичность операций, отсутствие следов, безошибочность выбора средств сопровождения, доступ террористов к оружию и высокоинтеллектуальным техническим системам. Судя по масштабу терактов на ФАГа работает около ста человек, в том числе паранормы. И может быть, кто-то еще, руководители более высокого ранга, о которых мы можем только догадываться. И еще любопытный факт: наметилась некоторая стереотипность в действиях «фагоцитов», то есть Ф-террористов. Они предпочитают устраивать засады в домах жертв, применяя не просто очень хорошие методы маскировки, но императивы типа «привидение» и «хамелеон». Без спецов разведки при этом не обойтись. Я пробую взять этот след».

«Не бери на себя слишком много, эрм, — предостерег Герцога Железовский. — Один ты всех направлений не перекроешь. Предлагаю подключить к расследованию Прохора Панкратова. Он недавно вернулся из Даль-похода и готов помочь. Я с ним уже говорил».

«У нас создаются любопытные структуры, — улыбнулся Берестов, — семейные кланы контрразведчиков.

Отцы, деды, внуки и даже бабушки. ФАГ, когда узнает, позеленеет от страха».

Герцог засмеялся, и даже на каменном лице Железовского мелькнула улыбка.

Дом Габриэля Грехова Ставр и Видана отыскали не без труда, хотя и пользовались указаниями деда — Ратибора Берестова.

Грехов жил в отдельном коттедже под Рославлем, на берегу Десны, но с тех пор прошло более полувека, и вокруг дома успел вырасти настоящий сосново-лиственный лес. Особенно красиво смотрелась березовая рощица, подступавшая прямо к крыльцу коттеджа, выстроенного, судя по внешнему виду, из бревен и деревянных брусьев. Однако Ставр подозревал, что впечатление это обманчиво, никакие деревянные здания не могут простоять более столетия, а дому Грехова пошел уже третий век.

В задумчивости Ставр обошел одноэтажное строение с двумя резными башенками на крыше, с окнами, отблескивающими стеклом, прислушался к своим ощущениям. Внутренняя планировка дома была достаточно простой, но некоторые помещения не просматривались даже «третьим глазом» ни в одном из диапазонов электромагнитного и пси-спектра, а два из них таили ощутимо «массивные» запасы энергии. Вероятно, это были реактор и питаемая им станция метро, о которых предупреждал Панкратова дед.

Одетая в сарафан и летние туфельки, подошла Видана, бесшумно ступая по гравию дорожки. Подобным образом ходить мог редкий профессионал, мастер единоборств, и Ставр оценил это по достоинству, хотя, по его мнению, девушки должны ходить так, чтобы у мужчин захватывало дух от восхищения, а не от испуга.

«Внутри никого, но я чую энергетические источники».

Вместо ответа Ставр двинулся дальше, остановился у входа. На двери высветилась надпись: «Личная собственность, охраняется законом. Вход запрещен и опасен». Ставр хмыкнул, оглянулся, шагнул ближе. Надпись исчезла, дверь испытующе смотрела на гостя,

хотя, где стоят видеокамеры, Панкратов не понял. Но она с м о т р е л а! Потом раздался тихий пси-шепот:

«Кто вы?»

«Ставр Панкратов, работник службы безопасности. — Ставр подумал и добавил, как советовал дед: — Внук Ратибора Берестова. Со мной Видана Железовская, внучка Аристарха Железовского. Габриэль дома?»

«Отсутствует, но вы можете войти».

Дверь отворилась бесшумно.

Переглянувшись, гости вошли.

Ставр переступал порог не без внутреннего душевного трепета, слишком уж одиозен был хозяин дома, первый экзоморф, возраст которого к этому моменту подошел к двухвековому порогу, и слишком многое зависело от него, как бы ни утверждали обратное его недоброжелатели, среди которых, к удивлению Ставра, оказалась и жена Железовского Забава Боянова. Интересно, а как относится к Грехову внучка Бояновой?

«Никак, — последовал ответ Виданы, когда Ставр задал вопрос. — Я его не знаю совсем, а рассуждения бабули Забавы не принимаю всерьез».

В прихожей сам собой зажегся свет, и тот же тихий вежливый пси-голос предложил гостям пройти в гостиную.

Помня наставления деда, Ставр не собирался проверять все комнаты дома, зная, где расположен компьютерный комплекс, но рука сама потянулась к двери, на которой красовался значок, обозначающий бесконечность.

Дверь свернулась валиком к потолку, но за ней стоял белесый туман, подсвеченный кое-где голубоватыми прожилками. Ставр кивнул сам себе, собираясь идти дальше, но Видана обошла его и шагнула в туман. Вернее, хотела шагнуть — какое-то упругое препятствие не пустило ее дальше, и Ставр облегченно перевел дух.

«Осторожнее, это, наверное, вид чужанского метро, нечто вроде мембраны, ведущей в «суперструну».

«Но там какой-то странный туман...»

«Это пейзаж Орилоуха, мне дед рассказывал, он тоже когда-то бродил по здешним закоулкам. Давайте не будем ничего трогать, хозяину это не понравилось бы».

«Трогать действительно нельзя, смотреть можно», — прилетел знакомый пси-голос.

«Кто говорит?» — спросил Ставр.

«Диего Вирт».

Панкратов вспомнил рассказ деда, и по коже прошли мурашки. У Грехова был друг Диего Вирт, который погиб где-то на Энифе, планете звезды эпсилон Пегаса, но Грехову, очевидно, удалось спасти эйдосферу Вирта, его память, и восстановить личность, внедрив ее в инка.

Видана эту историю не знала, и Ставр в одном слогане передал ей все, что знал сам.

«Как интересно!» — воскликнула девушка с непосредственностью школьницы.

Не открывая больше дверей, но отметив для себя те комнаты, которые не просматривались вообще, Ставр проследовал в гостиную. Он уже знал, что увидит там, но на Видану старинная мебель комнаты в стиле «русского ренессанса» произвела впечатление. Оставив девушку разглядывать интерьер, Панкратов прошел дальше, в кабинет Грехова.

Со времени посещения дома Берестовым эта комната не претерпела изменений. Все осталось прежним: видеостены, книжная библиотека и кристаллотека, удобные кресла, стол и приставка киб-интеллекта типа Умник. Никуда не делся и хрустально-прозрачный шар с красивой ячеистой структурой из золотистой светящейся пыли — модель метагалактического домена, висящая над черным диском в полу в углу комнаты. Разве что исчезла серебряная спица, некогда пронзавшая шар, — след Большого Выстрела, путь Конструктора в метагалактике.

«Что это?» — объявилась сзади Видана.

«Логос, — ответил вместо Панкратова инк, внимательно разглядывая гостей со всех сторон; видеодатчики инка были внедрены даже в стены комнаты и потолок. — Или Универсум, или Брама, если вам будет угодно. Вернее, часть его, одна, так сказать, клетка. Или метагалактический домен, как говорят люди. Но об этом вам лучше поговорить с Габриэлем».

Ставр подошел ближе к шару, потому что обнаружил в его толще какие-то черные точки и кляксы. И вдруг с

содроганием понял, что это, возможно, отмечены нагуали! Неужели Грехов еще полсотни лет назад знал об их появлении?! Или давно вернулся на Землю инкогнито, втайне от всех людей, после чего и отметил места на модели? Но здесь их не меньше сотни, в то время как известны всего шесть-семь точек!

«Габриэль не возвращался, — прокомментировал мысль Ставра инк Диего Вирт. Видимо, Панкратов не сдержал удивления. — Но должен объявиться в скором времени, я его жду. Вы что-то хотели узнать, ребятки?»

Ставр сглотнул слюну, все еще разглядывая шар с точками внутри, покачал головой с разочарованием.

«Извините, вы нам, кажется, помочь не сможете. Мы хотели узнать, как найти Габриэля. А если он здесь не появлялся...»

«Я не сказал, что не знаю, где его искать, — выдал слоган-улыбку инк. — Да, Габриэль давно не был дома, но оставил кое-какие координаты. Правда, я не уверен, что вы сможете последовать за ним в те пространства, где он бродит со своими друзьями. А так, если осмелитесь — ступайте на Орилоух, там ждет орилоун—сторож ветки метро, которая поведет вас дальше. Вход в коридоре, там, куда храбро шагнула эта прелестная юная леди». Диего имел в виду спутницу Ставра.

Видана зарделась, вызывающе-виноватым взглядом отвечая на взгляд Ставра.

«Мы обсудим ваше предложение, — повернулся к панели инка Ставр. — Я так понимаю, что для этого шага нужна подготовка. Запишите мой телекс, если Грехов вернется раньше, пусть позвонит. — Он продиктовал цифры, глянул на девушку. — Ну, что, уходим?»

Видана кивнула, попрощалась с Диего Виртом, и в этот момент Ставр почувствовал, что к дому подошел еще один человек. Кто именно, определить не удалось, но это был явно паранорм. Ставр позвал Диего, чтобы сообщить ему эту весть, но тот его опередил:

«К нам еще гость, — сказал инк с удовлетворением и даже с нетерпением. — Может, он что-нибудь знает? Знакомьтесь».

Ставр ошеломленно глянул на возникшего из проема двери в кабинет человека: инк впустил его беспрепятственно! Но это был не Грехов, того Панкратов узнал

бы. Незнакомец был высок, поджар, смугл, черноволос. На приятном энергичном лице — выражение терпеливого ожидания и снисходительности, подкрепленное аурой сильного и уверенного в себе человека.

«А я-то думал, кто же это позволил себе нарушить покой жилища Габриэля. Здравствуйте. Кто вы? Только спрячьте оружие, ради Бога, оно ведь стреляет, знаете ли».

Ставр обнаружил, что уник Виданы вырастил на плече «универсал». То есть это был не стандартный уник, а «бумеранг»! Девушка убрала пистолет («универсал» влился в костюм, как растаявший шоколад), но не смутилась, напротив — независимо повела плечом.

«А вы кто?»

«Герман Лабовиц, бывший стармен, бывший К-мигрант, бывший друг хозяина этого дома. Впрочем, надеюсь, в этом смысле не бывший».

Ставр назвал себя и спутницу. Он знал все обо всех К-мигрантах, как и о том, что было связано с ними во время возвращения Конструктора, и помнил, что Лабовиц выступил на стороне сил безопасности.

«Что привело вас сюда? Гляжу, Диего пропустил вас без опасения».

«Эти ребятки мне симпатичны, — отозвался инк добродушно, — к тому же Габриэль предсказал их появление, так что все в порядке, Герман. Спасибо, что пришел проведать».

«Я изредка бываю здесь, — пояснил Лабовиц в ответ на красноречивый взгляд Виданы. — Габриэль поручил мне заботу о доме и о нашем общем друге Диего».

«Они ищут его», — сообщил инк.

«А-а, — протянул Лабовиц с некоторым разочарованием, как показалось Ставру. — А зачем он вам?»

«Служебная тайна», — сухо ответил Панкратов.

«Понимаю, — кивнул бывший К-мигрант, — но ничем, к сожалению, помочь не могу. Если он объявится, я сообщу».

Ставр коротко поклонился, мысленно потянул Видану за рукав.

«Пошли отсюда».

«Подождите-ка, — сказал Диего Вирт. — Тут Габриэль велел передать вам кое-что».

На панели инка зажегся зеленый огонек, из щели ввода выполз небольшой черный квадратик с мигающей оранжевой звездочкой.

«Нам? — не поверил Ставр. — Вы сказали — нам? Разве Грехов знал, что придем именно мы?»

«Нет, конечно, но он велел передать информблок тем, кто придет от имени Берестова».

«Что это?»

«Интенсионал по системам рукопашного боя, неизвестным на земле, а также по видам борьбы, невозможным для применения человеком из-за специфики строения его тела. Габриэль считает, что вам это может пригодиться».

«Берите, берите, — проворчал Лабовиц. — Эмиссары ФАГа вполне могу владеть подобными приемами».

«Вы... знаете?»

«В общих чертах, — небрежно кивнул Лабовиц. — Не беспокойтесь, я не эмиссар ФАГа, иначе разговор был бы другим. До связи, опер, до свидания, девушка».

Неприятно пораженный осведомленностью экзоморфа, Ставр повернулся, чтобы выйти, не обращая внимания на подозрительный взгляд Виданы, и в этот момент Лабовиц сделал предупреждающий жест.

«Стоп! — скомандовал он, мысленно «переглядываясь» с инком Диего. — К нам прямо-таки паломничество сегодня, как в музей на экскурсию. Еще гость пожаловал. Ну-ка, глянь, Диего, кто это? Напряги зрение».

«И напрягать не надо. По-моему, это Шубин Толя. Что будем делать?»

У Ставра екнуло сердце. Если верить информации деда, среди К-мигрантов был один по имени Анатолий Шубин. Но ведь все К-мигранты ушли с Конструктором!

«Может, не все, — ответил Лабовиц, — а может, кто-то из них и вернулся. Ну, что, Диего, ты готов? Давай-ка впустим экзоморфа, поговорим, а заодно выясним, откуда он свалился и где сам Габриэль».

Но бывший К-мигрант Анатолий Шубин не стал говорить. Он вообще не вошел в дом, среагировав на открывшуюся дверь, как на взрыв гранаты: метнулся в заросли кустарника у обрыва реки и был таков.

Трое людей и киб-интеллект Диего Вирт смотрели друг на друга с одинаковыми чувствами. Потом Диего сказал:

«Вряд ли он испугался, просто не захотел подставляться».

А Лабовиц повел носом, глянул на Видану и бесшумно растворился в коридоре, откуда донесся его приятный пси-голос:

«До встречи, ребятки».

«Что тут происходит? — с тихой угрозой спросила девушка, ожидая объяснений от Ставра. — Кто такой Шубин? Зачем он приходил? Чего испугался?»

Панкратов посмотрел на кассету с записью в своей руке, спрятал в карман, попрощался с Диего и проследовал к выходу с одной мыслью: если вернулся К-мигрант Шубин, значит, вернулся и Грехов. Только почему он не появился у себя дома, хотел бы я знать? И что пытался выяснить Шубин, собираясь проникнуть в дом Габриэля?

НАПАДЕНИЕ НА ШАЛЕ

Глава правительства Земли жил недалеко от здания Всевече, которое занимало треть острова Хачин, расположенного посередине одного из красивейших озер Среднерусских равнин — озера Селигер. Дом Велизара стоял на окраине старинного русского городка Осташкова и помнил, по уверениям хозяина, еще набеги литовских рыцарей. Сложен он был из того же камня, привезенного издалека, что и стены древнего монастыря Нилова Пустынь, отреставрированного еще два столетия назад и превращенного в один из храмов православной веры.

Герцог не раз бывал в доме Велизара и ориентировался в нем отлично, поэтому никто из домочадцев архонта Всевече не видел — благодаря пси-маскировке, — как комиссар-прима отдела безопасности УАСС вошел в кабинет хозяина. Видели его лишь наблюдатели эшелона прикрытия, которых он инструктировал лично, да Велизар, учуявший эрма за километр от дома.

Кабинет был одновременно и спальней Велизара, сочетая приметы обоих помещений, но главное, что в нем горел настоящий камин, не лишний даже в жару летом, потому что толстые стены дома всегда были холодными.

Велизар читал старинную книгу. Шел уже первый час ночи, но архонт Всевече не ложился; спал он очень мало.

«Что случилось?» — Он кивнул на второе кресло у камина, приготовленное для гостя заранее.

Герцог сел и с удовольствием вытянул ноги к огню, некоторое время созерцая танцующее пламя.

«Час назад стало известно, что в базе данных Умника, а также во всех банках информации УАСС исчезла вся информация о К-мигрантах».

Велизар не мигая посмотрел на комиссара, по энергично-насмешливому лицу которого бродили отсветы огня.

«Это выгодно скорее даже не ФАГу, а больше самим К-мигрантам».

«Точно так, ваше сиятельство. Еще одно косвенное свидетельство того, что К-мигранты вернулись. Но есть и прямое: Панкратов видел Анатолия Шубина у дома Грехова».

«Я уже знаю».

Герцог хотел спросить: откуда? — но передумал. У архонта Всемирного Рече была своя служебная информсеть.

«Но тогда и сам Грехов должен быть здесь?»

«Больше да, чем нет. Однако вряд ли мы найдем его, если он сам не захочет общаться с нами. Может быть, объявим «экстрапоиск» или хотя бы ВВУ?[1]»

«Чрезвычайные меры не всегда эффективны, тем более в таком положении, как наше. По сути мы в подполье, а твое реноме пошатнулось крепко. Алсаддан официально обратился в СЭКОН с заявлением о «недопустимо безответственном поведении синклита старейшин и лично комиссара-прима ОБ». Ги Делорм вынужден искать компромиссы, чтобы выиграть время, но ты же знаешь закон Джухэни[2]: компромисс всегда обхо-

---

[1] В В У — императив «внезапно возникшей угрозы», приводит силы безопасности в состояние повышенной готовности.

[2] Один из законов Паркинсона.

дится дороже, чем любая из альтернатив. Шкурин после этого заявления жаждет твоей крови, и боюсь, в скором времени Вече вынуждено будет реагировать на решение СЭКОНа».

«Я готов уйти с поста хоть завтра, но проблемы моя отставка не решит».

«Вот именно, мой дорогой, да и возможностей у комиссара ОБ больше, чем у охотника-одиночки. Но все-таки будь готов к работе индивера, опера свободного соло».

«Всегда готов, я с этого начинал».

Тихо свистнул домовой. Велизар включил консорт-линию, и рядом с креслами сидящих у камина возникла часть кабинета со столом, креслом и приставкой инка. В кресле сидел в халате Ги Делорм, звонил он из дома.

— Привет, владыка. — Председатель СЭКОНа и бровью не повел, узрев гостя. — Включи-ка пси-сопровождение.

Дальнейший разговор проходил в пси-диапазоне и длился несколько секунд, поэтому перехватить его никто бы не смог.

«Вы уже знаете о К-мигрантах. Очень хорошо. То есть, конечно, все плохо. Но у меня возник вопрос: если они включились в игру в качестве эмиссаров ФАГа, то каков их интерес в этом деле? Какова причина, вынудившая их стать на сторону врага? Если считать ФАГа врагом. Причина должна быть архиубедительна, но я таковой не вижу».

«Мы тоже. Но еще нет уверенности, что К-мигранты превратились в диверсантов, в Ф-террористов».

«Лабовиц, например, вообще остался на Земле, — добавил Герцог. — И вряд ли выступит на стороне ФАГа».

«Пауль, твой трон шатается. Я делаю все возможное, чтобы сохранить за тобой должность, но у Алсаддана очень много помощников. Кроме того, его поддерживает Шкурин, у которого тоже немало сторонников в СЭКОНе и Вече. Будь готов к отставке».

Герцог насмешливо глянул на Велизара, но промолчал.

«Он-то готов, — ворчливо заметил архонт. — Были бы готовы мы. К-мигранты — сильный противник, непредсказуемый и жестокий, вспомните их деятельность во времена пришествия Конструктора. Если каким-то образом ФАГ их закодировал, прольется много крови, прежде чем мы их обезвредим».

«Надо предполагать худшее. Ряды сторонников ФАГа растут, а наши тают, не так ли? Выведен из строя Баренц, убит У Тхин Аунг...»

«У Тхин Аунг не успел стать нашим сторонником, он был сам по себе, а Баренц... да, с ним все сложней. С виду он вполне комбатант, пришел в норму, работает, но... что-то с ним случилось. Впрочем, может быть, я слишком строг. В одном ты прав. — Велизар подбросил в огонь сосновое полено. — Уровень противостояния повышается. Сначала это были люди, нормалы, подвергнутые, очевидно, глубокому кодированию, которые и развязали кампанию травли паранормов. Затем появились закодированные паранормы. Теперь К-мигранты. Кто еще перейдет в лагерь ФАГа?»

«Чужане? Орилоуны? Или серые призраки? Те, кого мы не знаем? Кстати, не могут ли это быть лемоиды? Представители неизвестного нам вида разумных?»

«Я имел в виду людей».

«Ты имел в виду Грехова, — мрачно сказал Ги Делорм. — Я его знаю плохо. Вернее, не знаю совсем».

«Я тоже», — шевельнулся Герцог.

«Не хотел бы я выглядеть слишком категоричным, — ответил Велизар, — но я знаю его достаточно хорошо».

Даже Видана не знала, какую хитроумную систему охраны своего охотничьего домика-шале соорудил Аристарх Железовский, а уже тем более не подозревали те, кто пришел к домику в это раннее утро двадцать второго июня.

К счастью, девушка отсутствовала, вызванная домой матерью по причине, которую объяснить не смогла бы и сама мать. Поэтому гости действовали смело и быстро, с помощью пси-локатора удостоверившись в отсутствии хозяев. Их было трое, одетых в стандартные уники лесников, четвертый, контролирующий опера-

цию, наблюдал за ними сверху из четырехместного аэра. Но был еще и пятый, о котором они не догадывались, невидимый и неслышимый, упакованный в боевой «хамелеон» и обладающий естественной пси-защитой.

Когда первые трое попытались войти, сломав дверь, открывавшуюся по старинке — наружу, их встретил выброс парализующего газа, выведший из строя первого переступившего порог. Затем электрический разряд поразил второго, а третьего встретило страшилище («динго» с сенсорным ответом, которого проектировал сам Аристарх), не испугавшееся «универсала». Сражение закончилось тем, что непрошеный гость получил сотрясение мозга от рухнувшей балки, и четвертому пришлось в спешном порядке эвакуировать группу, потому что начинался пожар.

Когда машина с грабителями-неудачниками скрылась за деревьями, в дом проник пятый и был встречен витсом-сторожем, играющим одновременно и роль домового. Это юркое создание плевалось электричеством, метало острые предметы и, судя по атакам, неплохо видело пришельца, который в конце концов не выдержал и ответил выстрелом из своего оружия, понизившего температуру в округе градусов на тридцать, а в точке применения — на все двести пятьдесят!

После этого чужак нашел панель инка, подсоединился к нему и начал прослушивание, но сирены пожарных галионов с неба заставили его бросить это занятие. Расстреляв компьютер и остальное оборудование домика, гость удалился. Он не знал, что за всем происходящим следила видеокамера, установленная Железовским на сосне неподалеку и способная видеть сквозь стены.

Сигнал тревоги Аристарх получил сразу же после проникновения непрошеных гостей в шале, но застать их он не успел, добравшись в Мещеру к моменту, когда озадаченные пожарники уже улетели: тушить было нечего, пожар погас сам собой. У разрушенного домика ждали хозяина лесники, молодой и постарше, делясь впечатлениями, но это были уже настоящие лесники.

Несмотря на летнее солнечное утро, здесь было холодно, трава и кусты вокруг дома почернели и съежи-

лись, а стволы нескольких сосен потрескались, лопнули, словно от резкого перепада температур.

Выслушав рассказ старшего лесовода, Аристарх под взглядами мужчин обошел груду бревен — все, что осталось от шале, поворошил обломки, находя с л е д ы, невидимые глазу.

— Хорошо, что пожар погас, — заметил с сочувствием молодой лесник. — А то вообще ничего бы не осталось. Правда, странно, что он сам погас, будто потушил кто газом. Вам помочь?

— Спасибо, — мрачно отозвался Железовский. — Я справлюсь, да и друзья помогут.

Лесники потоптались немного, с оторопью разглядывая траву и сосны, и наконец ушли. Аристарх подождал, пока они отойдут подальше, снял с сосны микрокамеру. Ему нужна была аппаратура, чтобы просмотреть запись, и вскоре он знал все, что случилось. Четверо «грабителей» его не заинтересовали, никого из них проконсул не знал, зато пятый заставил заволноваться. Еще и еще раз Аристарх просматривал запись, пока не сделал вывод. Сказал глухо:

— Ну, приветствую тебя на Земле, Юра.

Пятый, чье лицо мелькнуло в записи всего на один миг, когда он, разъяренный сопротивлением витса, отключил маскирующий костюм и выстрелил, был К-мигрантом Юрием Лейбаном.

Не оставалось сомнений: К-мигранты в е р н у л и с ь!

Появившись дома, Аристарх вызвал Видану к себе, и та примчалась из управления, оставив Ставра ломать голову над срочностью вызова.

«Чем ты занималась у меня на даче?» — осведомился Железовский у девушки, одобрительно оценив ее наряд: никаких новомодных веяний — голубые шорты и блузка, красивые сандалии, оплетающие ноги до лодыжек, бусы и серьги из натурального металла с аквамарином.

«Отдыхала, — ответила Видана, озадаченная вопросом. — Смотрела видео, спала, играла с инком. Во всяком случае, не скучала. А что?»

«Во что ты играла с инком?»

«Да что случилось, дед?»

Железовский в двух слоганах передал внучке суть происшедшего, понаблюдал за ее реакцией: улыбка, недоумение, растерянность, тревога.

«Итак, вспомнила?»

«Что им было нужно? Или я лично?»

«Не думаю, в этом случае они действовали бы иначе, да и тебя искали бы не на даче, а дома или в погранслужбе. Скорее всего они что-то искали. К тебе никто не звонил, когда ты там была?»

«Не звонили, но заходили. Ставр и... Хинн... пограничник из техцентра, давний знакомый. Я как раз рисовала картину пересечения... а может, им был нужен Панкратов?»

«Это забавно. Значит, и Ставр, и этот твой... Хинн, появились у тебя лично... очень забавно. И все же, что за картину ты рисовала? — Аристарх был терпелив. — Мне инк ничего не сказал после твоего ухода, хотя был обязан».

«Потому что это развлекаловка... я рисовала для себя, было интересно, инк правильно принял это за игру. А рисовала я картину пересечения потоков Сил эгрегоров, темного и светлого, взяв за прототип южномусанский и северославянский эгрегоры».

«Вот теперь кое-что проясняется. К сожалению, инк не уцелел, не можешь ли ты восстановить картину?»

«Конечно, могу. Там финал получался какой-то странный, будто южномусанский эгрегор слишком быстро реагирует на изменение обстановки и может концентрировать энергию векторно. Впечатление такое, что им кто-то управляет, хотя это невозможно в принципе. Слабость связей внутренних носителей пси-поля эгрегора делает его общее поле почти недоступным для волевого контроля. Я, наверное, чего-то не учла при расчете интерференции Сил. Но это же смешно, дед! Неужто из-за моей игры разгромили твою дачу?»

«Может быть. О своих картинах и расчетах — никому ни слова. Если вывод подтвердится, многое станет ясным. Видимо, наш противник научился использовать поле эгрегора для конкретных целей».

«Но это действительно невозможно!»

«Значит, возможно. Теперь я понимаю, что произошло с Ярополком во время посещения резиденции Алсаддана.

Никакая это не «лептонная разведка», а использование концентрированной мощи эгрегора, усиливающей пси-вектор лидера. Как Баренц выдержал, неизвестно. Ступай к Ставру, расскажи ему все, но к шале не суйтесь, я сам разберусь. Занимайтесь своими делами».

«Но, дед...»

«Я сказал, ты слышала. — Аристарх улыбнулся, притянул девушку к себе, чмокнул в нос. — Удачи вам, ребятки, будьте осторожны».

Все это рассказала Видана Панкратову, упустив только последний эпизод.

Помолчали, сидя на столах в помещении сектора пограничных проблем, в котором находился оружейный склад.

«Вы Хинна давно знаете?» — спросил Ставр, погруженный в свои думы.

Видана хотела по привычке возмутиться: какое ваше дело? — но посмотрела на удивительно спокойное и сосредоточенное лицо безопасника и ответила:

«Полгода. Познакомились у кого-то из общих друзей на вечеринке. Парень неглупый, хотя и метит в лидеры без особых на то оснований».

Получилось, будто она оправдывается, и Видана рассердилась на саму себя, но Ставр понял ее сразу.

«Извините, что спросил. Я не собираюсь вмешиваться в ваши личные дела, но за Хинном необходимо понаблюдать».

Девушка остыла, нехотя кивнула.

«Дед тоже заинтересовался его персоной, однако, по-моему, Хилайя просто увлекся мной и за этим не кроется ничего серьезного. Ну, и что мы будем делать, командир?»

Видана спрыгнула со стола, прошлась вдоль стеллажей с оружием, взяла с полки импульсный разрядник, повертела в руках, сменила на «универсал», потом потянулась за парализатором типа «кобра» на другом стеллаже. Излучатель подавления воли был красив, изящен и опасен, как готовая к удару змея, название ему выбрали удачно.

«Осторожнее, он заряжен», — предупредил Ставр, вроде бы и не глядя на девушку и в то же время любуясь ее грацией.

«Не читайте наставлений! — вспыхнула та, внезапно направляя на него ствол парализатора. — Даже эрму и супербарсу невозможно уйти от широкоугольного выстрела. Слабо попробовать?»

В то же мгновение Ставр исчез. Реакция у Виданы была природная, отменная, да еще усиленная тренировками, но она просто не знала, что возможен иной темп жизни, еще более быстрый и мощный.

Оглянуться ей не дали: сильные руки обхватили ее сзади, сдавили запястье, вырвали излучатель. Еще какое-то мгновение Видана чувствовала тепло тела Ставра, и тут же он оказался в трех метрах от нее, подкинул пистолет, ловко подхватил его и положил на полку. Снова уселся на прежнее место, глядя скорее куда-то сквозь стену, чем на девушку.

Еле сдерживая ярость и слезы, та шагнула к нему, но вдруг поняла, почувствовала, что в его эмоциональной ауре нет ни тени насмешки, самодовольства или презрения. Только ровное «свечение» уверенности, непробиваемое самообладание и умение ждать. И кроме всего прочего — сдержанное восхищение, явно относящееся к ее особе.

— Черт бы вас взял! — медленно сказала Видана вслух. — Как вы это делаете?!

Ставр вернулся из мира грез, улыбнулся.

— Если захотите — научу. Но к делу. — Он перешел на пси-речь. — «Сегодня мы разделимся. Вы определитесь с заводом витсов-андроидов: кто им давал заказ и на какое количество. Затем свяжетесь с Хинном и как бы невзначай предложите снова собраться под Владимиром, у озера. Попробуем выяснить его связь с нагуалем. И последнее: пожалуйтесь на меня Хинну, мол, я задаю глупые вопросы о нагуалях и эгрегорах. Запомните, как он будет реагировать».

«Вы думаете, что он?.. Но если Хилайя — эмиссар ФАГа, вам после этого не поздоровится».

«Он не тянет на эмиссара. Не более чем пешка в большой игре. Но я как раз и хочу, чтобы на меня вышел эмиссар. Да, чуть не забыл. Помните, Диего, инк Грехова, выдал нам интенсионал по видам борьбы? Я посмотрел. Этим стоит заняться всерьез, даже я много-

го не знал. Если хотите, вечером приходите ко мне, позанимаемся».

«Лучше вы ко мне, я не любительница навещать тех, кто может прийти сам. А чем займетесь вы?»

«Наукой, — серьезно ответил Ставр. — Меня заинтересовали лемоиды. Кроме того, я хочу поговорить с нашим новым знакомым, Германом Лабовицем. А также пообщаться с учеными, изучающими Голос Пустоты. И последнее: если Грехов отметил на модели метагалактики места появления нагуалей, почему бы их не поискать?»

«Я с вами! — категорично заявила Видана и добавила угрожающе: — Только посмейте улыбнуться или запротестовать!»

Протестовать Ставр не собирался, но улыбки сдержать не смог.

Степан Погорилый жил в Днепропетровске на бульваре Славы, с доме коллективного пользования типа «Дикий полевой рай».

Издали дом походил на колючую головку чертополоха, впрочем, надо признаться, весьма неплохо смотрящуюся, эстетически завершающую ландшафт города, сверху действительно похожего на цветущий луг.

Квартира Степана с изменяющейся геометрией внутреннего объема смотрела окнами-стенами на три стороны света, кроме юга, а внутреннее техническое оснащение позволяло ей менять интерьер в широком диапазоне модных форм и моделей. Так как Степан в настоящее время жил один — от него ушла очередная жена, хотя со всеми женами он поддерживал дружеские отношения, — то комнат в квартире было всего три: кабинет-спальня, гостиная-спальня и кухня-спальня. И все это отражало современный уровень домостроительства, то есть было воздушно-текучим, конформным, бликующим, плывущим, ни один из предметов обихода не держал определенной фиксированной формы, меняясь от любого сотрясения среды, даже от настроения хозяина или гостей. Но изредка комбинации выстраивались в единый зрительный ряд, и тогда гостиная превращалась то в рыцарскую залу времен короля Ричарда

Львиное Сердце, то в крестьянскую избу Киевской Руси, то в готические хоромы неоуральского ренессанса. И все же основным было состояние «калейдоскопа» с облачно-небесным оттенком.

Хозяин встретил гостя с бутербродом в руке, сунул бутерброд в рот, руку протянул Ставру, промычал:

— Рад видеть! Айда на кухню.

Интраморфом он не был, но интуитивом слыл сильным, к тому же мог воспринимать мыслепередачу, направленную ему лично, не мог только ответить слоган-речью.

По белому «облачно-пенному» пространству кухни летали «мыльные пузыри» с бутербродами, фруктами, тарелками и стаканами с напитками. Степан ловил их один за другим, быстро съедал и швырял освободившуюся посуду в стены, где она исчезала без следа. Он и гостю предложил завтрак, но Ставр съел только ореховое пирожное и горсть земляники, с удовольствием наблюдая за трапезой одетого в одни плавки хозяина. Он вдруг понял, что соскучился по широкой физиономии Степана, по его гримасе, обозначающей улыбку, по карим с желтым блеском глазам, по фигуре, плотно сбитой и крупной, кряжистой, и по его жестам, которыми тот сопровождал речь.

Сначала Степан сообщил новости, касающиеся своего семейного положения, потом пересказал события в мире, которые по каким-то причинам взволновали его и заставили сопереживать, и наконец перешел к своему хобби: он занимался многопространственным конструированием и строил «упакованные миры». Его мечтой было создание фантом-объема, развернув который владелец мог бы в нем жить некоторое время.

Ставр с интересом просмотрел коллекцию «упакованных миров»: бусы, отсверкивающие перламутром, будто сделанные из жемчуга; серьги с «камнем», похожим на рубин, перстни с такими же «камешками», фигурки несуществующих зверей и сказочных персонажей. И внутри каждой был закапсулирован объем пространства, примерно равный кубу, грани которого по площади превосходили футбольное поле.

— Один недостаток, — пригорюнился Степан, — они нестабильны, через два дня после упаковки развертыва-

ются спонтанно. А так как внутри каждого — двенадцатимерное компактное пространство отрицательной кривизны, то схлопывание резко понижает температуру в объеме, равном закапсулированному.

— И это случалось не раз? — догадался Ставр со смехом. — А что соседи?

— Да в общем нормально, однако уже приходила компания каких-то молодых парней, очень крутых. Из породы кошачьих, «тигры», «львы», «леопарды» или «орлы». Пригрозили, что, если еще раз устрою «морозильник», они мне покажут, что такое «жара».

— Интраморфы приходили?

— Да нет, нормальные ребята, только чуть более нервные. Я пообещал, конечно. Теперь приходится следить, чтобы разрядка происходила под контролем инка в автоклаве.

— Если придут еще раз, позвони мне.

— Да я как-нибудь сам справлюсь, зря, что ли, на тренировки по пасо-дьяку ходил?

— Почему пасо-дьяк, а не русбой? Ты же европеец, и стать у тебя славянская. На худой конец позанимался бы лучше айкидо. Но мы отвлеклись. Значит, твои «бусы» взрываются, а ты не можешь их зафиксировать.

— Мало того, некоторые из них теряют устойчивость даже от достаточно мощного пси-импульса. Ко мне однажды зашел приятель-интраморф, ты его не знаешь, и одно кольцо развернулось от его пси-взгляда: захотелось ему, видите ли, посмотреть, что там внутри. Переполох был изрядный, да и комнату потом пришлось ремонтировать. Смотри, ты не озорничай.

Ставр, который давно пытался заглянуть в одну из «жемчужных бусинок», поежился и, чтобы скрыть замешательство, бодро сказал:

— Может, применишь другие принципы компактификации?

— Это какие же? Принципы потому и принципы, что не позволяют действовать иначе. Что такое, например, кварк? Это двенадцатимерный стринг, то есть «суперструна», у которой в нашем трехмерном пространстве развернуты три координаты, а остальные девять свернуты. И что ты из стринга ни делай — получишь только кварк.

— Я не о наших принципах говорю. Тартариане тоже являются свернутыми пространствами, но внутри них действуют свои законы, ни капли не мешающие нашим. Понимаешь? «Голые» тартариане там живут. Почему бы тебе не попробовать копнуть в этом направлении?

По остановившемуся взгляду товарища Ставр понял, что попал в точку. Степан уже р а б о т а л, схватывая идею на лету.

Панкратов похлопал его по плечу, собираясь потихоньку уйти, но Погорилый очнулся, запротестовал, пришлось остаться еще на какое-то время.

Пили кофе «по-холостяцки», с молоком и сливками, ели фрукты, рассказывали анекдоты, вспоминали общих знакомых, играли в чатуранг с инком, Степан «распаковал» один из перстней, показав весь процесс через синтезированную инком имитацию «спрятанного мира» прямо в комнате, и Ставр почувствовал, что именно этой встречи ему не хватало. Он нуждался если не в отдыхе, то в разрядке, восстановлении душевного равновесия, убеждаясь в правильности формулы: эрм — тоже человек и ничто человеческое ему не чуждо.

Перед расставанием Степан прервал вдруг свой монолог и серьезно сказал:

— Панкратов, ты все-таки гений! Ты даже не представляешь, какую идею подкинул мне с тартарианами! Хочешь, я за это тебя познакомлю с моей бывшей женой? Отличная женщина, красивая и готовит лучше любого киб-повара.

Ставр засмеялся.

— С какой именно? С первой? Последней? Нет уж, спасибо. Чего ж ты ушел от нее, если она готовит, как волшебница? Как ты живешь теперь, гурман? За тобой ведь уход и уход нужен.

— Я нормально живу, — махнул рукой Погорилый, — по Стивенсону:

Вот как жить хотел бы я,
Нужно мне не много:
Свод небес, да шум ручья,
Да еще дорога[1].

---

[1] С т и в е н с о н Р. Л. Бродяга.

— Тогда я за тебя спокоен. Будешь на Тартаре, кланяйся всем нашим, они тебя помнят. А может быть, и я там появлюсь в скором времени.

Степан проводил его до двери, но было видно, что он опять работает, размышляет. Этот человек был по-настоящему счастлив, хотя и не осознавал этого.

ВЕРНУВШИЙСЯ ИЗ ВЕЧНОСТИ

Рано утром позвонила мама.

Она могла бы поговорить с ним и через пси-канал, но захотела увидеть сына извне, по видео.

Ставр уже не спал. Он успел потренироваться, позавтракать и занимался с компьютером, собираясь начать новую ВР-композицию по роману Жана Дюма-Самохина «Тюряга». Рабочий инк уже выстроил «ассоциативный ряд условно-знаковых координат», и Ставр готов был прыгнуть с «утеса сюжета» в океан версификационных интриг. Звонок мамы вырвал его из мира «реальных грез» настолько своевременно, что Ставр даже почувствовал облегчение.

Он знал, что человека, играющего в игры с «виртуальной реальностью» больше семи часов подряд, ждет обезвоживание организма, у него начинается распад мышечной ткани, уменьшается объем сердца, увеличивается выход кальция, а главное — он теряет ориентацию, в каком именно мире живет. По сути ВР-фильмы могли стать — и стали! — своего рода наркотиком, особенно для тех, кого природа обделила красотой, смелостью, силой физической и силой сексуальной, поэтому многочасовые фильмы были запрещены, а тем более многосерийные «секс-пиры». Но и композиции других жанров были достаточно притягательными, чтобы люди, особенно молодежь, игнорировали закон и уходили в выдуманные миры надолго, иногда на двое суток! Заканчивался такой «поход» обычно смертью. И хотя Ставр писал свои фильмы, встраивая в них пси-выключатель, срабатывающий после двух часов игры, но и его зачастую игра захватывала так, что выход из нее казался едва ли не трагедией.

— Привет, мальчик. — Ольга Панкратова всегда называла его так, и Ставра это уже давно не огорчало. — Я тебя снова оторвала от игры?

— Привет, ма. — Ставр улыбнулся, любуясь матерью. — Ты всегда звонишь вовремя.

В свои пятьдесят два мать выглядела на двадцать с хвостиком, и Ставр вполне понимал отца, который влюбился в нее с первого взгляда. Правда, где пересеклись пути бравого стармена, Даль-разведчика, и магистрессы Историко-археологической академии, ни один из них не рассказывал. С тех пор Ольга Панкратова успела стать лордом историосоционики и часто пропадала в экспедициях с группой историков или археонавтов, а Прохор Панкратов так и не изменил своей тяге к Великой Пустоте, из одной экспедиции Даль-разведки ныряя в другую. Когда он появлялся на Земле, для матери наступал праздник и она срывалась с работы, не обращая внимания ни на кого. Впрочем, не меньше радовался и Ставр. Отец для него был высшим авторитетом во всех делах.

— Скучаешь? Могу приехать.

Мама жила с отцом в Салехарде, и добраться туда от дома Ставра можно было за полчаса.

— Я знаю, что ты занят, потерплю. Да и па скоро вернется, я сердцем чую. А вот за тебя тревожно. Ты уж поосторожней там, эрм, в своих сферах. Сердце мне подсказывает, что придется тебе несладко.

— Я буду осторожен, ма, обещаю. Мне вчера бабуля звонила и тоже предупреждала, так что я готов. Не беспокойся, мы могем за себя постоять.

Мать улыбнулась, передав улыбкой тысячу оттенков любви и привязанности, помахала рукой.

— Могла бы и не звонить, я и так тебя с л ы ш у, но захотелось вдруг просто увидеть.

Ставр почувствовал укол раскаяния, он не наведывался к родителям больше двух месяцев. Пробормотал:

— Чес слово, ма, завтра заскочу, приготовь мне к обеду чего-нибудь вкусненького.

— Приготовлю и буду ждать. Пока, мальчик.

Видеопризрак матери растаял.

Ставр посидел немного, перебирая в памяти былые вечера с отцом и матерью, потом похлопал рукой по панели инка:

— Извини, братец, игра отменяется. Нас ждут великие дела и великие люди.

«И меня, надеюсь?» — спросил Фил.

«А ты останешься дома, — отрезал Ставр. — Терентию одному скучно».

Он намеревался встретиться с Лабовицем и посетить еще раз дом Грехова. Видана не звонила, значит, ничего существенного сообщить не могла, поэтому Ставр, как ни тянуло его позвонить самому, решительно пресек попытки второго «я» соблазнить его на пси-сеанс, экипировался в соответствии с программой дня и через двадцать минут вышел из аэра у дома Грехова.

Дверь открылась, как только он появился в поле зрения инка Диего.

В доме со времени прошлого посещения ничто не изменилось. Не чувствовалось и присутствия хозяина или кого-нибудь другого.

«Весь к вашим услугам, — возвестил Диего Вирт с каким-то даже удовольствием, как почудилось Панкратову. — Только что по сети «спрута» прошла интересная сентенция Большого Никто. Хотите послушать?»

Ставр не сразу сообразил, что под Большим Никем инк подразумевал «эффект наведенной разумности», известный также под названием Голос Пустоты.

«Спасибо, послушаю».

Диего включил запись, и в гостиной зазвучал пси-голос самого странного из искусственных существ, созданного не человеком, но не без его помощи, — «надмашинного организма» из длинномерных сетей связи, изредка проявляющего признаки псевдоразума: «Откуда мы и куда идем? Зачем мы? Все равно исчезнем завтра».

Ставр пожал плечами.

«То же самое, но гораздо звучнее сказал тысячу триста лет назад Омар Хайям:

Откуда мы пришли? Куда свой пусть вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах. А где, скажите, дым?»

«О да, — с едва уловимой иронией согласился Диего. — Но ведь Хайям был человеком, а Большой Никто так далек от всего человеческого... и так близок».

Ставр понял, что его мягко пожурили, предлагая подумать на досуге над тем смыслом, который вкладывал в свои слова Диего Вирт. Большой Никто действительно был удивительным существом, стоило попробовать поймать момент его рождения и задать пару вопросов типа: кто вы и что чувствуете?

«Вы уже изучили пакет информации по рукопашному бою, который я вам передал?»

Настроение Ставра слегка упало.

«Еще не успел, посмотрел только... нет времени».

«А напрасно, молодой человек, эти знания могут пригодиться вам в любой момент. Обязательно займитесь программой, даже в ущерб другим делам».

«Хорошо, обещаю. Понимаю, что выгляжу смешным. — Ставр замялся, формулируя цель своего появления здесь. — Но нельзя ли поближе рассмотреть модель домена?»

«Я так и думал, что вы заинтересуетесь, — мысленно «кивнул» инк. — Отчего же нельзя — можно, однако не лучше ли полистать интенсионал с координатами нагуалей? Вас ведь именно это волнует?»

Ставр потерял дар речи.

Диего Вирт выдал слоган, равнозначный довольному смеху.

«Что, не ожидал? Это не я внезапно прозрел, как вы подумали, это Габриэль предусмотрел возможность подобной ситуации задолго до вашего рождения. Берите кристаллокассету и Бог вам в помощь!»

Ставр безмолвно взял выданную инком пластинку с записью, повернулся, чтобы уйти, и в это время Диего спросил:

«Извините, Ставр, вы один пришли сюда?»

«Один».

«Тогда это становится интересным. ПФ у вас с собой?»

«Всегда».

«О'кей, включите его на полное пси-подавление. — Ставр не понял, и Диего добавил: — К нам приближаются две группы людей, в пси-ауре которых радостных гармоник маловато, вернее, нет совсем. Понимаете? Пусть они думают, что дома никого нет».

«Не лучше ли вызвать линейную СОБ? Да и я могу позвать на помощь обойму быстрого реагирования, как опер СПП».

«Не стоит, посмотрим, что они собираются делать».

Ставр включил пси-фильтр, хотя мог бы «задавить» свой пси-шум и без него. Через минуту и он уловил «ментальное шевеление» в полукилометре от дома Грехова. Действительно, к дому шли две группы в три и пять человек, причем среди них был интраморф или по крайней мере паранорм, чей мысленный шум по характеристикам был близок к пси-сфере интраморфа с некоторыми специфическими «завихрениями».

Видимо, подход к дому просматривался системой видеокамер, внедренных в стволы деревьев и в камни, потому что Диего высветил на экране КПР пси-картину окрестностей, на которой хорошо были видны — в пси-диапазоне естественно — две группы людей. Но в световом диапазоне Ставр ничего не увидел, все восемь человек были запакованы в «хамелеоны» и шли бесшумно, огибая кустарник, живописные валуны и деревья. И целью их был коттедж Грехова, вне всяких сомнений.

Первыми подошли пятеро, обошли коттедж кругом, заняли позицию возле входа и окон, а также у второго входа — со стороны реки. Последний член группы поднялся на антиграве к окну второго этажа, за которым шел кабинет Грехова с моделью метагалактики и Диего Виртом. Правда, видеть инка и Ставра он не мог, стекла были зеркальными.

«У них оружие», — предупредил Ставр, учуяв локальные источники энергии.

«Вижу», — отозвался Диего и обратился к замаскировавшимся пришельцам на звуке, изрядно перепугав тех, кто подошел ближе:

— Добрый день, уважаемые гости. Хозяина нет дома, но я могу ответить на ваши вопросы. Чем объясняется ваш визит?

Общались чужаки по радио, и Ставр уловил их переговоры, закончившиеся какой-то властной командой старшего. Тотчас же тот, кто висел невидимым напротив окна второго этажа, выстрелил в него из огнестрельного оружия (многоцелевой карабин «дракон» знаменитой тульской фирмы). Пуля пятьдесят пятого калибра (14 мм) ударила в стекло с силой в полторы тонны... и срикошетила!

Стрелок сменил вид боя и выстрелил реактивной гранатой калибра сорок восемь миллиметров. Но и граната не смогла пробить стекла, которое, очевидно, вообще не было стеклом.

Инк хихикнул.

«Слабовата игрушка. Интересно, что у них еще в арсенале?»

Последовала новая команда вожака отряда, и в штурм дома вступил второй «призрак». Стрелял он уже из «универсала» по окнам первого этажа, начав с лазера и закончив гравитудным разрядником. Ни один выстрел стекол не разбил, все разряды были отражены или поглощены окнами и стенами дома.

— Милостивые государи, — возвестил Диего Вирт несколько растерявшимся штурмовикам. — Не пора ли перейти к мирным переговорам и объяснить цель прихода? Я ведь могу и рассердиться.

«А если у них есть аннигилятор?» — тихо спросил Ставр, которому очень хотелось вмешаться.

— Чего вы добиваетесь? — продолжал инк. — Если не прекратите стрельбу, я вызову силы безопасности.

Пятеро отступили, но вместо них к дому подошли трое «призраков», наблюдавших за действиями первых издали. Один из них скорее всего был витсом, а двое других... Ставр покачал головой, безуспешно пытаясь идентифицировать пришельцев. Они не особенно скрывали свои пси-сферы, будучи уверенными в своих силах, и не были ни людьми, ни паранормами, но в них чувствовалась мощь, нечеловеческое тщеславие и высокомерие.

«Они знают, что Габриэля нет дома, — задумчиво произнес Диего Вирт. — Иначе не посмели бы сунуться сюда на пушечный выстрел».

«Вы что же, видите их?»

«И вижу, и знаю. Тот, что слева, — негуман, Даль-разведчики еще не открыли его родину, а в центре — бывший К-мигрант Григорий Григ собственной персоной».

«Что им нужно от вас?»

«То же, что и вам. Очевидно, произошла утечка информации, и они узнали о кое-каких секретах Габриэля, в том числе о карте нагуалей».

«Я выйду».

«И что станете делать? — В пси-голосе инка прозвучала ирония. — Эти монстры не станут разбираться, кто вы такой, они сразу откроют огонь и убьют вас».

«Ну, это не так просто сделать». — Ставр отключил пси-фильтр, в о ш е л в поток Сил, ускоряя темп жизни на два порядка, но еще до его появления из дома троица почувствовала чужого и... дала деру, не предприняв ни одной попытки сойтись с Панкратовым лицом к лицу. Впрочем, едва ли они выявили личность внезапно появившегося гостя внутри коттеджа Грехова, приняв его за самого хозяина.

«Здорово ты их напугал, парень! — догнал Ставра смех Диего. — Поздравляю. Но скорее всего они действительно приняли тебя за Габриэля. Заходи со своей девушкой, буду рад побеседовать».

Ставр хотел сказать, что Видана не стала его девушкой, потом спросить: а если бы они все-таки выстрелили из аннигилятора? — но ничего не сказал, только пожелал Диего интересных встреч.

Тот его понял как надо.

Забава Боянова давно уже не участвовала в работе тревожных служб человечества, хотя и была в курсе всех дел УАСС, Совета безопасности и СЭКОНа. В последнее время она работала в социостатистическом отделе Всевече и, пожалуй, первая из интраморфов поняла, к чему может привести непрерывный рост негативных явлений, в том числе рост агрессивности молодежи, ухудшение отношения к паранормам и тому подобное. Именно ее рекомендации позволили Аристарху Железовскому подойти к проблеме п р о с а ч и в а н и я с другой стороны.

В этот вечер Забава возвращалась домой с новыми данными, которые получила после окончательного расчета футур-узла, завязанного в проблему ФАГа. Вывод был тревожным и многое менял в расстановке сил, хотя Забава не тешила себя надеждой, что эксперты синклита согласятся с ней.

Последние десять лет Забава и Аристарх жили в небольшом четырехкомнатном коттедже на окраине Софии. Железовский не хотел селиться в доме коллектив-

ного поселения, где жили все родственники Бояновой, и Забава в конце концов смирилась. Со своей стороны ей тоже не очень хотелось жить с родственниками Аристарха и даже с детьми — Веселином и Ангелом. Ангел был бродягой космоса, поэтому так и не женился, а вот у Веселина появилась дочь, Видана. Внучка...

Забава улыбнулась, выходя из такси недалеко от дома, и вдруг почувствовала дуновение чужой мысли. Природа вокруг притихла, словно в ожидании неприятностей, хотя вечер был теплым, тихим и солнечным. Они шла уже по яблоневому саду, когда пси-волна принесла чей-то сложный слоган: смазанный силуэт капкана — яма с водой — падающее лезвие гильотины — выстрел из «универсала» — вскрик — эхо чьей-то боли — тянущиеся к горлу руки, плюс словесное сопровождение: «Осторожнее, Забава, за тобой идут!..»

Она увидела их вовремя, хотя оба прятались за броней «хамелеонов»: их выдало струение воздуха позади, которое мог увидеть только интраморф. Забаве не надо было гадать, кто идет за ней, и готовиться к бою, она была всегда начеку. Но и ее подготовки не хватило бы для сопротивления, если бы не помощь извне.

Двое в «хамелеонах» просто проводили отвлекающий маневр, основное же действие выполняли еще четверо, двое на птеране, экипированные, как десантники в эпоху войн за власть, и двое возле дома Бояновой, поджидающие ее с набором спецсредств.

Пока она играла в «жмурки» с «призраками», сверху на сад упал птеран, управляемый витсом, и с ходу открыл огонь из мощного стационарного парализатора «мастодонт», так что Забаве пришлось напрячь все силы, чтобы отразить пси-натиск. И все же ее сил не хватало, чтобы отразить гипнонападение, хотя «защитник» и взял на себя основную мощь волны. Правда, ей удалось достать одного из «призраков» (он был хорошо тренирован, но с паранормом справиться не мог), однако больше ничего сделать Забава не успела — в схватку вмешались те двое, что сторожили ее у дома.

У них тоже был гипноиндуктор, но другого типа — «удав», и неизвестное оружие, охлаждавшее воздух практически до его конденсации! Разряд этого оружия едва не превратил Забаву в ледяную статую, сковав тело хо-

лодом до потери сознания. Гаснущим зрением, силясь отойти от зависшего над ней птерана, она увидела сверкнувшие в небе молнии каких-то скоростных машин и застыла.

Обойма «ланспасад», ведомая самим Герцогом, успела к моменту, когда птеран выбросил из пуза силовую «авоську», собираясь подхватить потерявшую сознание женщину. Пока безопасники расстреливали машину, Герцог в «бумеранге» десантировался к тем двоим, что использовали оружие холода, и вступил с ними в бой, после чего один из них взорвался — он был витсом, а второй сумел уйти, причем Пауль не понял как.

Террорист в обычном унике — с виду, конечно, — просто исчез, породив судорогу пси-поля. Он явно был интраморфом, хотя никакой интраморф не мог бы уйти подобным способом, если только у него не было портативного метро, но таких станций метро еще не существовало.

Террористов в «хамелеонах» задержали через несколько минут, птеран сбили, и бой закончился. Забаву тут же отправили в клинику, сообщив о случившемся Аристарху. Герцог и кобра «ланспасад» отошли в сторонку, к почерневшей и треснувшей во многих местах яблоне.

«Что скажешь?»

«Хорошо готовятся к акциям, гады! И у них появились излучатели холода...»

«Я не о том. Как удалось уйти их вожаку с излучателем?»

«Элементарно — по сети канализации. Здесь под нами сохранилась древняя система канализационных стоков, еще со времен Софии двадцатого века. Я хорошо знаю здешние места».

«Но я не чую пустот!»

«Значит, они заранее установили неподалеку пси-фильтр, создающий фон «плотной породы».

«Дьявол, я не учел этого! Ладно, задержанных — в отдел, допроса не устраивать, ждать меня. Буду через час, только повидаюсь кое с кем».

«Пауль, ты что же... знал о готовящемся нападении?»

Герцог улыбнулся, сжал локоть командира «ланспасад», сел в куттер.

«Просто меня предупредили».

«Кто, если не секрет?»

«Вселенная».

Аппарат взлетел, а руководитель отряда подстраховки остался стоять, запрокинув голову и открыв рот.

Анастасия Боянова собиралась отдыхать — ночной отдых для нее включал три часа полного сна и два медитации, — как в дверь позвонили.

Ратибор обещал быть дома только через два часа, а он всегда был точен, и Анастасия, вспомнив предупреждения Аристарха, решила последовать его совету. Она достала из кабинета мужа оружие, нацепила «защитник» и, не снимая халата, приказала двери впустить гостя. Конечно, до этого она успела оглядеть дом и окрестности в пси-диапазоне, но ничего особенного не заметила. Посетитель, который решил побеспокоить Берестовых в час ночи, судя по ауре, был обычным человеком и опасности не представлял.

Жили Берестовы в Новосибирске: северный радикал, Лосиная Магистраль, сто сорок четыре, в доме коллективного пользования, проекта старого, но удобного. Вернее, жила здесь Анастасия, Ратибор жил в Рославле, недалеко от внука, но жену навещал регулярно.

В квартиру можно было попасть как из коридора с лифтами, так и со стороны балкона-оранжереи. Именно отсюда и собирался войти незнакомец, хотя как он там оказался ночью, Анастасия не поняла, разве что высадился из аэра; квартира их располагалась на сотом этаже.

Дверь бесшумно лопнула лепестками диафрагмы, в гостиную вошел невысокого роста человек в форме пограничника-стармена. Остановился, разглядывая хозяйку. Габриэль Грехов собственной персоной.

Анастасия подняла руку ко рту, глаза ее стали огромными, потемнели.

— Привет, — сказал он тихо, с улыбкой, погасившей мрачный огонь в глазах. — Меня еще помнят в этом мире?

Грехов сделал жест, будто вынул что-то из-за спины, и подал женщине букет цветов, земных, полевых, благоухающих всем спектром луговых запахов.

— Ратибора еще нет, — беззвучно проговорила Анастасия.

— Я знаю. — Габриэль внимательно глянул на нее, понимая все без слов. — Я могу прийти позже.

— Нет, проходи. Извини, я... просто я не ожидала... — Женщина вдруг всхлипнула, глаза наполнились влагой, но она сдержала слезы. — Мы тебя вспоминали...

— Верю.

Они сели в гостиной, разглядывая друг друга. Потом Анастасия вспыхнула и убежала в спальню, откуда вышла в черном вечернем платье, меняющем плотность и рисунок золотых и серебряных жил. Она действительно сохранила всю красоту и грацию, несмотря на прошедшие полвека с момента их расставания, и Грехов передал ей свои чувства в сложном и объемно-красочном слогане.

Хозяйка снова покраснела, но она уже пришла в себя и начала относиться к ситуации с иронической грустью. Сходила на кухню, поставил цветы в вазу, а саму вазу водрузила на полку, где лежали раритеты дочери, Ольги Панкратовой-Берестовой, добытые ею в разных уголках космоса: «поющие глаза» с Орилоуха два блестящих обломка тартарианского «камня», жемчуг и раковины с Танненбаума, кристалл санлунита с Меркурия.

«Ты не изменился, — перешла на пси-речь Анастасия. — Словно и не уходил».

«О нет, изменился, — с оттенком тоски и надежды возразил Грехов. — Ты даже представить не можешь, как я изменился. Чувственное восприятие человека ограничено, даже интраморф не может воспринимать тонкие уровни материи ниже определенного молекулярного порога — электроны, протоны, кварки, а также более сложные и масштабные — галактики, их скопления, войды, а я научился в и д е т ь это, понимаешь? Сидя напротив, я вижу тебя в с ю — как тело, образ, личность, и как систему кровеносных сосудов, нервных связей, сердце, легкие, почки, и еще глубже — сложный молекулярный конгломерат...»

Анастасия поежилась, потом рассмеялась.

«Ну, и как это выглядит на молекулярном уровне?»

Габриэль засмеялся тоже.

«Я забыл, что и ты при надобности можешь видеть внутренние органы других людей. Да, я отвык от людей, от Земли, отвык от дома». — Он медленно продекламировал:

Сегодня, после многих лет разлуки,
Вернувшись в дом, где я когда-то рос,
Я чувствую, что все кругом — чужое[1].

«Это... страшно!» — прошептала Анастасия.

«О нет, это нормально. Я понимаю, все течет, все изменяется, все уходит, чтобы не вернуться никогда, но... все проходит, а мы — остаемся. И не стоит напрягаться, Стаси, я все прекрасно понимаю, я и ушел-то с Конструктором тогда больше потому, что ты все решила сама. Как Ратибор?»

«Ратибор есть Ратибор, — слабо улыбнулась Анастасия. — Я люблю его больше, чем он меня, но... иной доли не хочу. Что касается памяти... и возвращения... у твоего любимого Хорхе есть и такие строки:

А тут не нужно слов
и мнимых прав,
всем, кто вокруг, ты издавна известен,
понятны и ущерб твой, и печаль.
И это наш предел:
такими, верно, и предстанем небу —
не победители и не кумиры,
а попросту сочтенные за часть
Реальности, которая бесспорна...[2]

«Похоже, ты знаешь, куда идешь. Я не ошибся в тебе ни тогда, когда уходил, ни сегодня. И чтобы к этому не возвращаться, добавлю: о моем появлении никто не должен знать. Пока».

«И Ратибор?»

«Наверное, ты не сможешь утаить от него нашу встречу. Пусть знает, он достоин».

Грехов подумал и вытащил из нагрудного кармашка серебристо сверкнувшую паутинку.

«Возьми, пригодится. Это... скажем так, усовершенствованный «защитник». С ним ты можешь не бояться никаких пси-нападений».

---

[1] Борхес Хорхе Луис. Возвращение.
[2] Борхес Хорхе Луис. Простота.

Анастасия нахмурилась, поколебалась, но паутинку взяла, внимательно осмотрела и спрятала под прядью волос на затылке.

«Ты уверен, что мне это пригодится?»

«Почти уверен».

«Что происходит? С нами, с людьми, со всей Землей...»

«Вы сами правильно во всем разобрались. Это вторжение, пока робкое, просачивание, как сказал Аристарх, но это и разведка боем. А началось это давно, еще до прихода Конструктора, просто вызрело наконец. Зародыши абсолютно мертвого пространства — вы назвали их нагуалями — растут медленно. Но все-таки растут. Самое плохое в этой ситуации не физика явления — на нынешнем этапе Игры, а именно нападения на интраморфов. Это создаст панику... впрочем, все это будет позже. Мне пришлось откорректировать кое-что, подсказать твоему внуку, где искать нагуаль в лесу под Владимиром, внушить Аристарху тревогу... Конечно, Тартар и Чужая могут сыграть роль катализатора спонтанного возбуждения вакуума, что грозит местному скоплению галактик полным вырождением, изменением законов физики, но ФАГу это пока не выгодно».

«Ты так спокойно говоришь! — Анастасия зябко поежилась. — И мы не в силах этого предотвратить? А по моим прогнозам все должно закончиться благополучно...»

«Потому что ты считала футур-узел в пределах действия местных законов физики, а они изменятся. Вы не представляете, против кого выступили, несмотря на точное имя, которое ему дали, — Фундаментальный Агрессор. Чтобы бороться с ним, необходимо будет внедряться во все уровни вселенной, начиная с самых тончайших: преоны, то есть суперточки, стринги, кварки — и до галактик, их скоплений, сверхскоплений, всей сетчатой структуры метагалактики. Вы пока застряли в середине, напрягаясь в социуме, но это не главная линия фронта, хотя и весьма существенная. Если бы человек сумел переболеть болезнью, называемой разумом, воевать было бы проще, да и Война перестала бы быть войной, а превратилась бы в Игру. Но этого момента ждать надо еще миллион лет. Ты права в одном, закон-

чится вся эта заваруха благополучно — наша метавселенная уцелеет».

Глаза Анастасии снова стали огромными и полными тревоги.

«То есть война будет жесткой и ужасной... и уцелеем ли мы — неизвестно. Так? Что молчишь? Или, как всегда, ты видишь будущее не отчетливо, а только главные узлы событий?»

«Примерно так, — кивнул Грехов. — Не совсем так. — Помолчал. — Совсем не так, хотя это не принципиально. Я был там... в будущем. Или, может быть, в альтернативном будущем, если быть точным. Через миллион лет на Земле будут жить только те, кто этого хочет. Остальные живут в других... даже не мирах — реальностях! — создавая их себе сами, под свой вкус, характер, желания, фантазию, чаще всего — многомерные и многовременные композиции. Люди там, если правомерно называть наших потомков людьми, обходятся без техники, науки, социальной среды, всякого рода конфликтов».

«Боги...»

«Скорее маги, потомки файверов... что это такое, ты еще узнаешь, но возможности их действительно велики. — Лицо Габриэля стало вдруг на мгновение с т р у я щ и м с я, костюм вспыхнул всеми цветами радуги, засиял и погас, изменив форму и покрой: теперь это был стандартный уник, в каких ходило три четверти мужчин во всем мире. — Извини, меня нашли по гиперсвязи, и я отвлекся. Это не костюм, как ты заметила, а «чистая энергия». И носить такие «вещи» могу пока только я».

Анастасия усмехнулась, хотя лицо ее оставалось печальным.

«Ты... счастлив?»

«Чисто женский вопрос... Не знаю. Индивидуальность человека заранее определяет меру возможного для него счастья. Мне не хватает сына, жены, друзей... тебя. Можно назвать мое состояние счастьем?»

— Бедный мой! — невольно прошептала Анастасия. — Vae soli[1].

---

[1] Горе одинокому *(лат.)*.

Грехов удержал себя от порыва прижаться лицом к коленям женщины, твердо заблокировал в себе эмоции человеческого «я».

«Все нормально, Стаси. Повидал тебя, и стало легче и светлее. Предупреди Ратибора: планируются широкомасштабные акции по уничтожению обычных людей, с тем чтобы списать потом на паранормов. Этого можно избежать, используя инк-потенциал УАСС или Вече. Тебе это под силу, возьмись. Но будь осторожна, охота на интраморфов началась серьезная. «Защитника» не снимай даже ночью и дома, не помешает. — Грехов встал, подошел к женщине, поцеловал ей руку. — До связи, мать. У тебя хорошие дети и замечательный внук. Таким был Ратибор когда-то». — Вышел из гостиной.

«Подожди, — встала Анастасия, догнала его в прихожей. — Не хотела жаловаться, но... дело в том, что я иногда слышу... не голос и не пси-импульс... а как бы «судороги вакуума». Это колебание всего континуума, словно кто-то берет аквариум с рыбкой и трясет его... рыбка, естественно, при этом я. С головой у меня все в порядке, специально тестировалась втайне от мужа, но оказалось, и он чувствует то же самое».

«Вы с ним очень тонкие натуры, парачувствительные люди, сильные интрасенсы и чувствуете вы не что иное, как «нервный сигнал», передаваемый по «нервным каналам» нашего домена-вселенной, которая есть всего-навсего клетка Универсума. Об этом мы как-нибудь поговорим. На этот сигнал реагирует даже вся надчеловеческая система технических связей, порождая тот самый поразительный эффект Голоса Пустоты, который мы совершенно точно назвали «эффектом наведенной разумности».

— А я считала этот Голос чьей-то мистификацией, затянувшейся шуткой...

Грехов хмуро улыбнулся, глядя на зардевшуюся Анастасию, которая не хотела, чтобы он уходил, и не знала, как его задержать.

«Сложность объединенных компьютерных связей достигла такого уровня, когда достаточно малейшего толчка — вот этого самого «колебания вакуума», который ты ощущаешь, как толчок в голову изнутри, — чтобы роди-

лось удивительное псевдоразумное существо, вернее, разумная система, успевающая за доли секунды осознать себя как личность, изучить мир в меру своих возможностей и сообщить о себе миру. И кстати, предупредить этот мир об опасности. Не все это понимают».

«Что он предупреждает об опасности, я поняла... недавно. — Анастасия отступила. — Прощай».

Габриэль кивнул, обнял ее мысленно и исчез, только ветерок прошумел в коридоре.

Анастасия подождала немного, потом вернулась в гостиную и зарылась лицом в букет цветов.

Часть 2

УКРЕПРАЙОН. ГАБРИЭЛЬ ГРЕХОВ

ЛЕМОИДЫ И ГОРЫНЫЧИ

Допрос задержанных террористов, участвовавших в нападении на Забаву Боянову, ничего не дал. Сразу после захвата у них, очевидно, сработали внедренные в психику дезорганизующие сознание «мины», и боевики стали идиотами, способными лишь с трудом справлять физиологические потребности. Оба до недавнего времени работали барменами в рижских ресторанах, интраморфами не были и помнили только, что инструктировал их... комиссар-прима отдела безопасности УАСС Пауль Герцог!

Если бы Герцог, который участвовал в допросе, не услышал это собственными ушами, а также не прочитал то же самое в глубинах памяти боевиков, он бы не поверил.

— Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, — сказал он заместителю Умару Дзанаеву. — Их, несомненно, инструктировали на уровне глубокого зомбирования и внушили все, что хотели. Примитивные люди легче всего поддаются кодированию. Но самое плохое, что в их памяти не осталось ни следа, ни намека на того, кто с ними работал в действительности.

— Надо немедленно запускать ВВУ, — сказал заместитель.

— Никто нам санкцию на запуск ВВУ не даст, да и рано вообще-то включать чрезвычайный режим по полной программе. Запиши все в машину и пошли по консорт-линии Шкурину. Будем искать — я у старменов на погранзаставе «Стрелец».

— Не хочешь встречаться с директором, меня подставляешь?

— Не хочу. — С этими словами комиссар отбыл в систему Чужой, где с ним пожелал встретиться Артур Левашов.

Прямо из метро погранзаставы Герцог прошел в каюту Левашова, не показываясь в общем зале, где в последнее время часто задерживался командор погранслужбы.

У начальника погранзаставы была одна довольно странная для интраморфа страсть: он коллекционировал вина, собирал винотеку. Поэтому его каюта больше напоминала выставочное помещение ликеро-водочного завода. Герцог с интересом прочитал надписи на красочных этикетках: «Черный доктор», «Слезы Христа», «Седьмое небо», «Мускат белый Красного камня», «Шабли», «Саперави», «Шампань», «Благородная пыль веков», «Киндзмараули»...

«Что, хочешь попробовать? — спросил гостя хозяин, одетый по-домашнему в спортивный костюм. — У меня есть бутылка настоящего старого мозельского — пальчики оближешь!»

«Нет, благодарю, не увлекаюсь. А как относятся к вашему хобби подчиненные?»

«Нормально. Среди них есть настоящие ценители, но они не интраморфы. Среди паранормов вообще я знаю только одного человека, любящего вино, — моего отца. Наверное, мы с ним составляем исключение из правил, какое-то отклонение».

«Каждый вправе сам выбирать отдых по сердцу. Артур, я буквально на минуту. Что случилось с лемоидами? Почему они вдруг исчезли? Не в результате ли непродуманных действий контактеров ИВК?»

«Не похоже. — Левашов пригласил Герцога сесть, но Пауль отказался. — Самое интересное, что у наблюдателей создалось впечатление, что лемоиды — их было целых пять штук — исчезли внутри нагуаля. Съемка это не подтвердила и не опровергла. Вы же знаете, как они передвигались — прыжками, пропадая в одном месте и возникая в другом. Так вот, они пропали прямо возле шипов нагуаля и нигде больше не родились. Зато вместо них объявились еще более странные объекты — горынычи. Вот, посмотри».

Левашов скомандовал домовому, и тот включил виом.

Горыныч походил на громадного чешуйчатого трехголового змея без лап и крыльев, слепленного из дыма и рыхлого снега. На самом деле материал его тела представлял какую-то форму энергетического поля наподобие тех, что использовали паутины Тартара.

«Эти зверюги появляются пачками и пытаются таранить нагуаль, также исчезая без следа, — добавил Левашов. — Кто-то, видимо, хочет проникнуть туда, а может быть, просто пощупать, что оно такое. Но это не роиды, не орилоуны и не тартариане. Ваш патриарх Железовский прав — на нас вышла еще одна разумная раса, и снова негуманоидная, которую, однако, волнуют те же проблемы».

«Не на нас — на эту невидимую «раковую опухоль», нагуаль, — уточнил Герцог. — Но до сих пор не удалось сделать его видимым?»

«Есть одна идея, сейчас бригада Геворкяна из научников управления проводит эксперименты. Вы только для того и просили встречи, чтобы задать эти простенькие вопросы?»

«Нет, не только. — Герцог отметил переход Левашова с «ты» на «вы». — Есть два вопроса, которые я не могу задать по видео. Первый: как реагируют чужане на собственно нагуаль, на лемоидов и горынычей?»

Начальник заставы задумчиво отключил стены, и каюты «провалилась» в темноту пространства, подчеркиваемую призрачным светом «раздробленной» планеты Чужая, по сути — роя обломков чужого континуума. Даже отсюда, с расстояния в полмиллиона километров, было видно сложное струение «маковых зернышек» — отдельных чужан-роидов, создавших удивительно точную сферу. Издали сферический рой этот действительно напоминал планету с двумя кольцами из тех же роидов.

«Чужая — странный объект, — произнес наконец Левашов. — Мало того, что каждый роид, даже самый малый — разумное существо, а то и целая группа, «одетая» в «скафандр» своего пространства, Чужая сама представляет собой сложнейшую систему, обладающую бытием. Она и планета, и город, и энергоинформационный центр, и цивилизация целиком, и скопище живых существ... В общем, работать мне интересно. Что касается

реакции роидов на нагуаль, то реакция эта, на взгляд человека, совершенно естественна. Каждые тридцать два часа от Чужой отделяется караван роидов в десять—пятнадцать особей, облетает нагуаль кругом, два-три из них пытаются торпедировать его, как горынычи, и караван возвращается обратно».

«Охрана? — хмыкнул Герцог. — Или исследователи? Пришли, удостоверились, что ничего не изменилось, и обратно».

«Не знаю. С ними чужане почти не контактируют. Со времени ухода Конструктора такие контакты можно пересчитать по пальцам. Например, последний раз они откликнулись на просьбу безопасников пропустить к Чужой отряд спасателей — когда один из самодеятельных исследователей нырнул в атмосферу Чужой на необорудованном для таких деяний драккаре. Дали даже проводников».

Герцог кивнул, он помнил этот случай.

«Итак, появляются новые действующие лица — горынычи. В Системе и на Земле они пока не замечены, на Тартаре тоже. Странно все это... впрочем, пусть ими занимается контрразведка. Спасибо, Артур. Мы с вами еще посидим за бокалом вина».

Левашов проводил гостя до двери, глянул исподлобья.

«Правда, что президент Совета безопасности подал на вас докладную в правовую коллегию Всевече?»

«Правда. Вполне возможно, что я встречаюсь с вами в качестве комиссара в последний раз. Но ведь это не главное в наших отношениях».

Начальник погранзаставы усмехнулся.

«Командор вас не любит, но для меня это не имеет значения. Будет что-нибудь новенькое, я найду способ связаться с вами».

Герцог пожал протянутую руку, прозондировал коридор и ближайшие каюты станции и бесшумно растворился в полутьме здешней «ночи».

Перед визитом к Великому магистру многих магий Шан-Эшталлану Первому Пауль Герцог собрал достаточно информации, однозначно доказывающей причастность «магов и спиритов» Ордена к акции с доставкой на

Землю кластера из монополей. Поэтому комиссару отдела безопасности УАСС не нужно было начинать хитрую игру с Великим магом, просто хотелось выяснить степень его личного участия в происходящих событиях. Шан-Эшталлан мог не иметь к ним никакого отношения, мог выполнять инструкции ФАГа, будучи закодированным, а мог делать это и вполне сознательно. Реализация последнего варианта волновала Пауля больше, потому что Шан-Эшталлан был паранормом, и выступление его на стороне Фундаментального Агрессора подтверждало бы тезис, что интраморфы тоже могут иметь отклонения в психике. Других причин перехода интраморфа в лагерь врага Герцог не видел.

Резиденция Шан-Эшталлана располагалась в городе Манатуто на острове Тимор, самом крупном из островов Малого Зондоского архипелага. Сам он тоже был уроженцем Тимора и принадлежал к расе тетумов, коренному населению острова.

Даже в нынешнее время, отмеченное высочайшим уровнем науки и техники, селились тиморцы по старинке в домах, напоминающих свайные постройки предков-папуасов, квадратных, с четырехскатной крышей, или круглых, похожих на копны сена. Разве что внутреннее убранство жилищ соответствовало времени, хотя по сравнению с европейским или американским оно показалось бы убогим и примитивным.

Жил Шан-Эшталлан в одном из таких домов комплекса, принадлежащего миссии магов и спиритов. Величина комплекса, окруженного лесом акаций и гигантских эвкалиптов, включавшего энергостанцию, метро, парк аэромашин разного класса, до полусотни построек, а также взлетно-посадочное поле для больших спейс-машин, впечатляла. Самое интересное, что на метро сюда попасть было невозможно, код станции хранился Великим магистром в тайне от рядовых магов и даже от инспекции по транспорту. Вероятно, он не хотел иметь неприятности в виде паломников, просто любопытствующих и сотрудников службы охраны порядка. Герцог код метро миссии знал, но предпочел действовать официально и летел к резиденции Эшталлана от метро Манатуто на такси. Едва выйдя из метро, Пауль ощутил плотное облако пси-поля, нависшее над островом, —

излучение эгрегора, лидером которого был Шан-Эшталлан. Впечатление складывалось такое, будто кругом стоит туман, а из тумана — со всех сторон, сверху, снизу — смотрят на прибывшего без угрозы, но с тяжелой подозрительностью, глаза тысяч неизвестных существ, людей и животных. Пришлось напрячь «служебные системы психики», чтобы отстроиться от внимательных пси-соглядатаев.

Шан-Эшталлан, одетый в традиционный саронг, со множеством тяжелых на вид металлических украшений — браслетов, цепочек, серег, колец, перстней, темнокожий, с черными вьющимися волосами, широколицый и горбоносый, ждал высокого гостя у входа в ба-ба-нанг, храм собственной веры, он же — дом поклонения, ритуальных отправлений и связей с миром.

«Не ожидал, что начальник столь серьезной организации, как отдел безопасности УАСС, вдруг заинтересуется моей скромной персоной, — сказал он, используя в слогане достаточно тонкие переходы иронии, иносказания и недоговорок. — Вас заинтересовала моя школа?»

«Вы лично, — учтиво ответил Пауль. — К тому же мне хотелось бы, чтобы вы помогли мне найти преступника».

«Вот как, преступника? Это забавно. Разве поиск преступников — не обязанность кримслужбы?»

«Дело в том, что один из моих секторов решает краевую задачу, связанную с нестандартными явлениями типа монопольных кластеров, а ваши люди как раз недавно имели дело с одним из этих экзотических объектов. Побеседуем без свидетелей, не возражаете?»

Шан-Эшталлан молча повернулся и шагнул в сумрак главного помещения ба-ба-нанга. Герцог невозмутимо проследовал за ним, ощупав всю систему охраны миссии, а также передвижение личной охраны магистра. Усмехнулся в душе: молодым парням нравилось играть в такие игры.

Пока они шли по коридорам к «келье» магистра, Эшталлан дважды пытался прозондировать пси-сферу комиссара, причем очень тонко, на уровне полевых релаксаций, не дающих пси-эха, и с применением излучателей в стенах коридоров, но Герцог, во-первых, ждал этого, а во-вторых, обладал гораздо более силь-

ной «пси-кольчугой», поэтому, когда они вошли в просторную комнату, заставленную полусотней метровой высоты статуэток из эбенового дерева — скульптурных изображений самого Великого магистра, Герцог уже выяснил все, что хотел. Разговор с хозяином в принципе был уже не нужен. Однако необходимо было соблюсти этикет.

Магистр сел в резное деревянное кресло, больше похожее на трон, жестом указал гостю на второе такое же, но поменьше и не столь вычурное, однако Пауль остался стоять.

«Благодарю, Великий. Позвольте задать один вопрос. Полторы недели назад галион «Керманшах», принадлежащий вашей миссии...»

«Не совсем так, белый господин. Смиренно прошу прощения за то, что перебил вас. Галеон «Керманшах» принадлежит одной из концессий южномусанского союза и почти независим от Ордена».

Пауль знал, что это — правда наполовину, но уточнять не стал. Спокойно кивнул.

«Пусть так. Но в момент, когда галион выгружал в Оазисе Амундсена кластер монополей, им управляла команда Вашего Величества. Не могли бы вы помочь нам найти драйвера, который командовал галионом?»

На блестящем серо-черном лице Шан-Эшталлана не дрогнула ни одна черточка.

«У вас неверные сведения, белый господин. Вас направили по ложному следу. Существует старинная поговорка: не ищи волос на панцире черепахи и рогов на голове зайца»[1].

«Понял, — кивнул Герцог. — Вероятно, меня действительно направили по ложному следу. Что ж, придется побеспокоить настоящего владельца «Керманшаха». Желаю жить долго, Великий».

Пауль поклонился и вышел из ба-ба-нанга, снова отметив ш е в е л е н и е местного эгрегора, а также перестроение подчиненных Шан-Эшталлану сил. Задерживать, однако, гостя у такси никто не решился, хотя настроение наблюдателей и отношение к нему «магов и спиритов» миссии изменилось в худшую сторону.

---

[1] Чаньское изречение (Китай).

Аэр набрал высоту и скользнул к центральной площади города, где располагалось метро. А через минуту его догнал птеран патрульной службы глобальной аэроинспекции. В кабине такси зазвучал голос инспектора:

— Номер сто пятый, прошу срочно произвести посадку, в противном случае вынужден буду применить «красную завесу»!

Медленно они соображают, подумал Пауль. Магистру надо было перестраховаться, когда я был еще у него в гостях.

«Жора, выясни, кто это, и убери с горизонта», — передал комиссар кобре эшелона поддержки, придержал такси и вежливо передал инспектору на интерлинге, включив рацию:

— Милейший, вы задерживаете комиссара-прима отдела безопасности центрального бюро УАСС. Может, не будем искать неприятностей? Я ведь ничего не нарушил.

— Еще раз требую остановиться и предъявить документы. У меня приказ кримслужбы проверять все машины малого класса в этом районе. Даю пятнадцать секунд!

Пауль усмехнулся, вскрыл спецключом панель инка и сорвал пломбу ограничителя скорости. Такси рванулось вперед, как сорвавшийся из пращи камень. Куттер инспекции, не ожидавшей подобной прыти от стандартного аэра, отстал, а потом в дело вмешались нефы эшелона «ланспасад».

«Обычный линейный патруль, — доложил командир обоймы Жорж Бауэр. — Но приказа задерживать все машины в данном районе никто им не давал. Сейчас разберемся. Их трое, плюс в километре еще две машины местного патруля».

«Это прикрытие. Шан-Эшталлан понял, что я его прозондировал, и пошел ва-банк. Внизу кто-то еще есть, вызови вторую группу, сейчас начнется кутерьма. Я неожиданно влез в осиное гнездо, которое не терпит вмешательства во внутренние дела ни на каком уровне и реагирует на чужих очень резко».

Герцог оказался прав.

Поняв, что план разгадан, отряд перехвата, высланный Шан-Эшталланом, начал операцию, уверенный в своем превосходстве.

С территории древнего джутового завода стартовал когг и ринулся в погоню за строптивым такси. Два птерана патрульной службы ГАИ попытались перекрыть ему путь к метро, а скоростной спортивный дхау спикировал сверху, нанося удар из лазерного накопителя на поражение. Но и обойма «ланспасад», ведомая интраморфом, сработала быстро. Дхау был сбит после первого же залпа, птеран ГАИ был перехвачен нефом безопасности, а когг задержал выпавший из стратосферы по пеленгу дежурный спейсер УАСС «Витязь». Таким образом Паулю осталось разделаться только с первым птераном патруля, грозившего ему «красной завесой».

Комиссар мгновенно развернул такси и атаковал машину патруля в лоб, следя за тем, чтобы успеть среагировать на попытку стрельбы. Но инспекторы не рискнули на огневой контакт, почувствовав изменение обстановки не в свою пользу. Отвернув, они бежали с поля боя, и Герцог не стал их преследовать. Надо было уходить, потому что Шан-Эшталлан мог пойти на крайние меры, чтобы замести следы, то есть включить всю мощь своего эгрегора, как сделал это Алсаддан во время визита Баренца, и тогда пришлось бы идти на экстрамеры, которые Пауль приберегал до поры до времени, чтобы не раскрывать свои карты слишком рано.

Но самый главный сюрприз ждал его в зале метро, вернее, в самой кабине, на двери которой горел сигнал «свободно». Пауль понял, что внутри кто-то есть, за мгновение до того, как сработал дверной автомат: этот «кто-то» имел прекрасный пси-фильтр, почти стопроцентно блокирующий пси-ауру владельца.

Нельзя сказать, что Пауль был не готов к подобному обороту, просто у него не оказалось пространства для маневра. Поэтому ничего не оставалось делать, как стрелять. Переступив порог камеры, он уже был готов к бою, взглядом фиксируя точку прицела аннигилятора, но интуитивно задержал выстрел, узнавая того, кто ждал его в кабине. Это был бывший К-мигрант Анатолий Шубин.

В свою очередь промедлил и Шубин, который оценил и аннигилятор, и готовность «жертвы» к дуэли. Долгое мгновение они стояли друг против друга, потом К-мигрант отступил — внутренне, меняя эмоциональное на-

полнение пси-взгляда. Он был вооружен парализатором и «универсалом», что не гарантировало победы.

Герцог понял колебания противника и сделал шаг назад, не склонный к торжеству или осуждению, но готовый к компромиссу ради спокойствия сограждан. Бой, грозивший взаимным уничтожением, не состоялся. К-мигрант включил канал перемещения, а Герцог, свернув инк-систему «бумеранга», глубоко вздохнул и подумал, что эти парни действительно научились готовить многослойные операции. Теперь становилось понятным, кто ими руководит: К-мигранты! Что ж, ФАГ не мог добыть себе более сильных союзников, но не учел, что и они способны ошибаться, основывая свои действия на спеси и презрении к человеку. Насколько знал Герцог, они никогда не считали нормальных людей и даже интрасенсов сильным противником.

Ставр подходил к дому Виданы со сложным чувством желания встречи и недовольства собой. Они топтались на месте, в то время как ФАГ продолжал наносить удары в самых неожиданных местах. К тому же шеф перестал следить за работой опера «свободной охоты», как и проконсулы синклита, предоставив ему полную свободу, а обращаться к ним за советом каждую минуту Ставр считал поражением. Надо было срочно что-то предпринимать для спасения своего реноме, эффективное и, может быть, эффектное, что вывело бы «охотников» из дебрей догадок и предположений. И еще очень хотелось доказать, прежде всего самому себе, что выбор Мальгрива, а также человека-горы, не случаен.

Ставр не прислушивался к музыке, сопровождавшей его во время движения, но она соответствовала настроению. Из сотен тысяч существующих мелодий терафим вылавливал наиболее подходящие в данный момент, отвечающие личным идеалам хозяина, и крутил их, создавая вокруг головы Ставра личную акустическую зону. Музыка в ней была слышна только ему. Но сейчас Панкратову было не до музыкальных эффектов, и Фил в конце концов оставил свои попытки успокоить его.

Видана жила в Софии, в сотовом доме на площади Согласия.

Посадив такси, Ставр привычно «взвесил» пространство вокруг, отметил «зерна плотности» пси-поля, ничего угрожающего не обнаружил и принялся за поиски квартиры, руководствуясь инстинктом и «запахом» ауры девушки. Через несколько минут он вышел из лифта на седьмом этаже к двери под номером «сорок девять», и та сразу же открылась: утратила монолитность, расплылась дымком, исчезла.

«Заходите, мастер, — прилетел насмешливо-сердитый пси-голос девушки. — Вы опоздали всего на полчаса».

Ставр вошел в гостиную и остановился, разглядывая Видану, танцующую под музыку Вивальди. На ней было надето платье-монон по моде «лед и пламя», подчеркивающее достоинства фигуры и наверное более откровенное, чем обнаженная натура, и все же природный вкус, удивительное чувство меры и редкостное понимание того, что ей идет, позволяли девушке останавливаться на грани фривольности и вызова. Она танцевала и забавлялась его реакцией, прекрасно понимая, что у гостя на душе, изредка бросая на него лукавые взгляды.

Панкратов нашел кресло в огромном — по ощущению и видимости — пространстве «танцевального зала», в который превратила гостиную хозяйка, и сел, сцепив руки на груди.

Видана, сделав несколько па, искоса глянула на гостя и остановилась. Тотчас же «танцевальный зал» пропал, гостиная оделась в современный интерьер с объемно-конформной мебелью «рыцарского» стиля. Напротив Ставра обрисовался гигантский камин, стена из грубо обработанных каменных глыб, другая стена, увешанная оружием: двуручными мечами, алебардами, копьями, самострелами, мушкетами, автоматами и гранатометами. Два колосса в металлических доспехах, громадная люстра, кабаньи головы и оленьи рога по стенам завершали убранство зала.

Видана исчезла и вскоре вернулась, одетая в обычный свой наряд — шорты и блузку, не потерявшая ни грана своей привлекательности, села в кресло рядом. Напротив возник виом с изображением существа, представлявшего собой помесь человека, крокодила и насекомого одновременно. Так начинался фильм с демонстрацией видов рукопашного боя, переданный им Диего Виртом.

«Сначала новости», — предложил Ставр.

«Хоть бы комплимент ей сказал!!» — проворчал Фил.

Видана с любопытством глянула на Панкратова.

«Вы всегда берете с собой терафима?»

«Еще раз напомнишь о себе — раз и навсегда вклею в стену! — пообещал Ставр Филу, Видане же ответил: — У него гипертрофированный нюх, даже нагуаль чует, хотя информблоку такая собачья чувствительность и не требуется».

«Не надеетесь на свою память?»

«Работать с ним удобнее», — сухо ответил Ставр, жалея, что поддался уговорам терафима и взял его с собой. По сути личный инфор был для него больше эмоциональным разрядником, чем банком данных и блоком фиксации событий, и давно стал чем-то вроде дополнительного органа или, скорее, одушевленного датчика.

«Значит, новости? — сжалилась Видана, ощутив перемену в настроении гостя. — На бабку Забаву было совершено нападение, но она уже отошла. Крепкая у меня бабуля! Дед пообещал найти организатора и оторвать у него все, что торчит. — Девушка прыснула. — Если сказал — сделает. С Хинном мы договорились встретиться под Владимиром завтра. Согласился он почему-то неохотно, однако думаю, это игра. Зато стоило мне завести разговор о вас, как он превратился в тигра. Сказал, что сделает из вас «баранью отбивную». — Она снова засмеялась.

Улыбнулся и Ставр.

«Сделать это будет трудно».

«Особенно после того, как мы овладеем космобоем. — Видана имела в виду программу Грехова. — Что еще? Была я на заводе витсов в Таллине. Андроидов они делают очень редко, да и то по заказам спецслужб, в обиходе такие системы не нужны. Последний заказ был от контрразведчиков, но я к ним не вхожа. Придется подключать деда или самого комиссара».

«Зачем контрразведке витсы-андроиды?»

Видана пожала плечами, мысленно приказала домовому принести фрукты и соки. Ставр с удовольствием выцедил стакан изумрудного напитка со светящейся золотистой пеной — квас-колы, захрустел яблоком. Ответа на свой вопрос он не ждал.

«Хорошо, посоветуюсь с шефом, как нам выйти на контрразведку. Честно говоря, не вижу я пока реальных и надежных способов вычислить эмиссаров ФАГа. — Признание стоило известных усилий, но после него Ставру стало легче. — Может, у вас есть идеи?»

«Конечно, есть, — небрежно кивнула Видана; она не ожидала подобного признания от эрма и невольно почувствовала к нему уважение. Среди ее друзей далеко не каждый мог себе позволить отойти от роли «покорителя вселенных и сердец» и признаться в поражении. — Во-первых, надо подготовить засаду на Ф-террористов и захватить главного. Потом выйти через него на руководителя, а там и на эмиссара. Годится?»

Ставр хмуро улыбнулся.

«План замечательный, осталось только определить место засады. А также сообщить об этом ФАГу, чтобы он направил своих бандитов именно туда».

«Я пошутила. — Видана осталась серьезной, но тут же ее глаза загорелись. — А что, если нам проникнуть на борт галиона «Керманшах» и выяснить, кто занимался погрузкой-выгрузкой кластера в Антарктиде и кто ими командовал?»

Панкратов задумался. Идея была слишком простой, чтобы от нее отказаться, и слишком сложной по исполнению, чтобы дать результат. Но зато это был шанс обратить на себя внимание, привлечь эмиссара и заставить его начать охоту на оперов «свободной охоты».

«Я подумаю, — пообещал Ставр, видя, как вызов в глазах Виданы уступает место сомнению, неуверенности и одновременно желанию действовать вопреки здравому смыслу. — Вечером в семь встречаемся в управлении, экипировка штатная, оружия не брать».

«Как это? — не поняла девушка, но тут же поправилась. — Даже игломет нельзя? А что нам предстоит, поход в Большой театр?»

«Там увидишь. Включай запись, будем изучать подарок Грехова».

«С отработкой?»

«Сначала в режиме фантомата, потом физически».

Видана сорвалась с места и заявилась уже в спортивном костюме. Превратив гостиную в спортзал, она включила запись.

Интенсионал был рассчитан на профессионалов боевых искусств, не требующих объяснений, но даже в таком виде занимал около двадцати четырех часов непрерывного показа, поэтому овладеть приемами с первого раза не представлялось возможным. Но самое главное, только два вида борьбы из четырех записанных можно было еще попытаться изучить и взять на вооружение, остальные принадлежали системам боя, применить которые невозможно было даже интраморфам из-за специфики тел существ, культивирующих эти системы. Существа оказались гуманоидами, то есть имели две руки, две ноги и голову, но руки у них были трехсуставчатыми, ноги имели мощные коленные узлы и походили на кенгуриные, а головы с лицами, гротескно похожими на человеческие, могли принадлежать скорее крокодилам, если бы те эволюционировали до разумного вида.

«А это нам зачем? — поинтересовалась Видана. — По-моему, таких странных существ нет».

«Грехов не мог их выдумать. Скорее всего такие гуманоиды обитают где-то в глубинах космоса, но Дальразведка до них еще не добралась».

«Все равно, нам-то зачем их системы боя?»

«Значит, Грехов считает, что мы встретимся с ними, и надо быть готовыми ко всему. Во всяком случае, знание приемов боя этих монстров не помешает. Если наши системы типа русбоя, айкидо или тайбо этически положительны, то есть направлены для защиты против неспровоцированного нападения, то эта — суперагрессивная система боя, направленная на убийство всеми доступными методами».

«Не читайте нотаций, эрм, мы тоже понимаем, что такое приемы векторной защиты и адекватного ответа».

Ставр поднял руки вверх.

«Сдаюсь, больше не буду. Давайте работать».

Они провели над изучением приемов больше четырех часов, пока Ставр не сдался первым — не из-за усталости, пришло время заниматься насущными проблемами. А когда он после ионодуша и обеда собирался уходить, в гости заявился Аристарх Железовский.

Человек-гора не удивился присутствию Панкратова в квартире внучки, он знал, что тот находится здесь. Но

останавливать Ставра не стал, только пожелал «не суетиться».

Озадаченный пожеланием, Ставр ломал голову над словами Аристарха не долго, дома его ждал отец.

ПАС В БОРЬБУ

Герцог никогда и ничего не боялся с детства, и не потому, что обладал неограниченными запасами бесстрашия, а вследствие точного предвидения будущего, благодаря врожденному свойству интуитивного расчета каждого своего действия на два-три шага вперед. Он давно чувствовал, как над головой сгущаются тучи, но продолжал делать свое дело, успевая везде, где требовались его советы, участие, энергия и способность решать сложные задачи социума в течение короткого времени. Он с почти стопроцентной вероятностью предвидел, когда его заставят подать в отставку, а также когда ФАГ обратит на него пристальное внимание, и торопился сделать как можно больше на посту комиссара.

По закону он не имел права начинать собственное расследование какого-то дела и даже просто участвовать лично в операциях отдела безопасности, но в борьбе с ФАГом опираться мог только на себя и близких друзей.

Герцог лично провел проверку инк-сети орбитальных станций системы СПАС и вышел на предполагаемых наблюдателей ФАГа, использующих высокочувствительное оборудование СПАС-станций для слежки за интраморфами. Но для их задержания необходима была санкция Совета безопасности, которую Алсаддан, конечно, никогда бы не дал, как и прокурорская коллегия СЭКОНа, требующая «перекрытия доказательств», то есть совпадения их, полученных операми-интраморфами и следователями-людьми. Такого «перекрытия» у комиссара не было. И все же, на свой страх и риск, он решил провести тихую операцию задержания, как только станет известна точная дата отставки. Его положение эта акция усугубить уже не могла. А пока Герцог занялся наиболее важной проблемой — утечкой информации из отдела безопасности.

Ему уже был известен круг подозреваемых лиц из секторов информационного обеспечения и стратегических исследований, оставалось спровоцировать внедренных агентов ФАГа на определенные шаги и выявить их с помощью Умника, подсунув тщательно синтезированную «служебную тайну». А так как рисковать никем из друзей или подчиненных он не хотел, то и подставлял под ответный удар только самого себя.

В четверг двадцать четвертого июня он запустил «тайну» в недра компьютерной сети «спрута», а уже в четверг вечером Умник выдал Герцогу три фамилии. Одна из них — Гарри Бауэр — фигурировала в деле с исчезновением информации по К-мигрантам, а вторая принадлежала человеку, который вполне мог разработать любую операцию резидентов ФАГа, потому что слыл крупным специалистом-конструктором императивов, штатных режимов спецслужб. Звали его Львом Покровским, и слыл он человеком замкнутым, скрытным и нетерпимым к ошибкам и слабостям коллег.

Второй подозреваемый, Гарри Бауэр, работал в секторе информснабжения гранд-оператором. Молодой, сильный, красивый, он любил женщин, но больше самого себя, потому что был бисексуалом, однако самое главное, что у него был покровитель — комиссар-секунда ОБ Сильвестр Еранцев.

Все сходилось. Именно этих людей Герцог вычислил с помощью потока Сил, интуитивно-паранормальным озарением, именно эти люди и были, вероятнее всего, наводчиками ФАГа. Оставалось выяснить, сознательно они это делали или в состоянии гипервнушения. Но в принципе они тоже были пешками в игре, а более или менее заметной фигурой, остающейся пока в тени, становился комиссар-секунда Еранцев, приятель директора УАСС Шкурина и... непримиримый борец с Алсадданом, человек странный, неординарный, сильный, умный и властный, чемпион мира по трехмерным шахматам.

Однако для того, чтобы выйти на его уровень, Герцог должен был еще немало постараться, собрать неопровержимые улики или в крайнем случае заставить Еранцева нервничать и действовать, чтобы нейтрализовать возникшую угрозу... опять-таки в лице комиссара-прима Пауля Герцога.

Прикинув варианты и посоветовавшись с шефом «контр-2», Герцог начал первый этап своего финального проекта. Он просто вызвал в кабинет Гарри Бауэра и задал ему несколько вопросов, одновременно зондируя память главного файлера сектора информации.

Бауэр не имел задатков интраморфа и пользовался «защитником», но для комиссара это препятствием не послужило, и уже через минуту он знал главное: во-первых, Бауэр был закодирован (все та же умелая рука внедрила в его мозг программу подчинения и не оставила следов), во-вторых, подчиняться он должен был, согласно программе, какому-то индиверу по кличке «Воевода» и... лично господину Еранцеву!

Отпустив ничего не понявшего Бауэра, Герцог записал его ответы, в том числе и мысленные, на личный инфор и отправился на рандеву с Покровским. Однако встретиться с ведущим «мастером комбинаций» ему не довелось, ФАГ решил нанести упреждающий удар и вывести из строя «единицу сопротивления» до того, как она станет опасна. Герцог почувствовал это сразу: «на горизонте» пси-сознания заклубились тучи и подул холодный ветер.

Что-то он занервничал? — не без удивления подумал комиссар, связываясь в поле Сил со всеми, кто был ему нужен. Ясно, что у Еранцева есть в отделе свои «глаза и уши», о которых я ничего не знаю. Только независимый наблюдатель мог сообщить эмиссару о моих шагах. Встреча с Бауэром была скорее всего последней каплей. Но уж очень быстро он отреагировал! Что ж, значит, я затронул паучью сеть серьезно. Чем же ты ответишь, господин резидент?

Это стало известно на следующее утро, когда Герцога вызвал к себе Шкурин. Видимо, ФАГ посчитал не обязательным сразу демонстрировать свои силовые возможности, понимая, что комиссар сам боец да и надежно прикрыт оперативниками своей службы, поэтому любая открытая акция по уничтожению была чревата последствиями. Нет, ФАГ просто привел в действие хорошо отлаженный механизм, колеса которого, провернувшись, сменили фигуры среднего звена исполнительной власти.

— Вы отстраняетесь от работы, — прогромыхал Шкурин, не глядя на вошедшего комиссара. — СЭКОН толь-

ко что решил вашу судьбу: двадцать два голоса — за отставку, двадцать — против.

Герцог сдержал возглас удивления. По его данным и ощущениям, СЭКОН еще не вынес решения. Налицо была ошибка или того хуже — сознательный обман. Но директор УАСС был твердо уверен в своей правоте, а прощупать его за порогом пси-щита Пауль не мог, Шкурин использовал «защитника» с исключительно мощным экраном.

— Заканчивайте оперативные дела, завтра отчитаетесь и передадите отдел комиссару-два Еранцеву. Вопросы есть?

— Один, — почти весело сказал Герцог. — Кто вас вербовал?

Четко повернувшись, вышел, оставив директора в состоянии грогги. В отдел не пошел, надо было довершать начатое, и лифт вынес его в двери стратегического сектора, которым руководил Ратибор Берестов.

Однако Льва Покровского на рабочем месте не оказалось, а его напарник Лев Сучков, Лев Секунда, как его звали, сказал с удивлением, узрев комиссара:

— А он вас искал. Наверное, домой пошел, неважно чувствует себя.

Герцог глянул на виом перед Львом Секундой, в котором мерцали какие-то линии, иероглифы и звезды, и вышел.

Что его переиграли — на мгновение, на четверть шага, на тонкий нюанс, но переиграли, — он понял, когда посадил служебный птеран на старой нефтяной платформе на шельфе Каспия, которую эксцентричный дед Покровского избрал в качестве семейного дома отдыха. Вызов к директору был отвлекающим маневром, который его расслабил ровно настолько, чтобы успокоиться относительно целости своей персоны хотя бы на полчаса. ФАГ давно был готов к физическому контакту уровней четыре и пять, а что будет с исполнителями, которых он использовал, его не интересовало.

Ловушку готовили давно и, вполне вероятно, не специально для комиссара, просто он оказался здесь первым. Но готовили по уровню четыре, то есть с соблюдением всех законов императива «засада высшего класса». Если бы Герцог не знал все тонкости этого императива

и не был эрмом, попытка эмиссара ФАГа нейтрализовать его увенчалась бы успехом. Комиссар ошибся только в одном — в предсказании точного срока нападения, и все же он был подготовлен слишком хорошо, чтобы замысел эмиссара удался.

Нападение началось шумовым пси-ударом огромной мощности, нанесенным с помощью неизвестных Герцогу генераторов гипноидукционного поля. Пауль с трудом отбил этот выпад, едва не свалившись в «яму» безволия. Затем в течение нескольких сотых долей секунды настраивал себя в режим сверхускорения и начал действовать в тот момент, когда по нему открыла огонь засадная группа.

Поскольку платформа оказалась накрытой «колпаком» изолирующего поля, мешающего прямому выходу в радио и пси-эфир, Герцог применил метод «неадекватного проводника», использовав вместо антенны всю платформу, а также кабели и трубы, связывающие ее с материком. Поэтому эшелон прикрытия призыв его услышал и тоже среагировал соответствующим образом, подключив боевую операционную систему отдела, развернувшуюся буквально за минуту с выходом в точку тревоги спейсера «Геркулес».

Герцог в это время пробежал открытое пространство, оставив позади цепочку тающих призраков для визуального отвлечения стрелков, и нырнул в квадратную пристройку с лифтами и лестницами, ведущими в недра платформы. Он уже успел определить, где находится предполагаемый руководитель засады, и решил захватить его, не отвлекаясь на членов группы. Он чувствовал злость, охотничий азарт и желание встретиться с эмиссаром ФАГа лицом к лицу, хотя и понимал, что руководитель засады не обязательно должен быть эмиссаром.

Вряд ли кто-нибудь сейчас узнал бы нем молодого и веселого, вежливого, интеллигентного человека, сейчас Пауль Герцог, эрм, комиссар-прима ОБ УАСС, представлял собой боевую машину, не уступавшую в силе и скорости мышления, в чувствительности любой созданной людьми технической системе. Он в и д е л сразу всю обстановку, движение всех членов засадной группы; знал, где каждый из них будет через секунду, минуту, пять; ударом руки срывал с петель старинные металли-

ческие двери, разбивал запоры, проходил сквозь стены; температура его тела подскочила до шестидесяти градусов, а вес менялся в зависимости от ситуации: несколько секунд он мог даже пролететь по воздуху; в этом состоянии он мог обходиться без кислорода и воздуха вообще длительное время; но главное, что отличало его от обычного человека и даже интраморфа, — не владение телом, а способность к функциональной органопластике, то есть трасформации облика и формы тела.

Давление на мозг извне изменилось, теперь это был уже не шумовой «девятый вал», а избирательное фехтование на уровне подавления инстинктов и физиологических реакций, с появлением энтоптических[1] пси-картин с полным эйдосенсорным сопровождением. Пока Герцог добирался до нижнего яруса платформы с выходом на стапель, к поверхности моря, он трижды отбивался от «призраков» и дважды от реальных врагов, одетых в спецкостюмы, вооруженных парализаторами, «универсалами» и лазерными разрядниками. Главный бой ждал его впереди, на пересечении коридоров с люком, открытым для возможного бегства в воду.

Их было двое, предводителей «пиратской посудины», и, как ни был комиссар готов к поединку, таких противников встретить не ожидал. Один из них был К-мигрант Свиридов, второй — существо неизвестной породы с вытянутой вперед мордой, смахивающей на крокодилью. Кожа его «лица» отливала шафрановой зеленью, казалась обтянутой полупрозрачной пленкой, сквозь которую проступал рисунок синеватых жил, похожих на вены. Продолговатые, большие, страшные глаза существа, блестящие и разноцветные, как агат, излучали угрозу и жажду убийства. Ростом монстр был около двух метров, руки имел гибкие на вид, как шланги, а ноги — как у кенгуру. Одет он был в нечто напоминающее стеганое трико зеленоватого цвета с оранжевыми проблесками, и держал в руках необычной формы аппарат.

К-мигрант Свиридов, облаченный в серый уник, был вооружен «универсалом» и еще одним видом оружия, чья энергетическая накачка по человеческим меркам не со-

---

[1] Энтоптические явления — зрительные ощущения, не связанные с действием света на сетчатку глаза.

ответствовала аппарату столь малого объема. Казалось, в этом светящемся в ультрафиолете, карабиновидном предмете заключен реактор типа «кварк-биг». Герцог инстинктивно почувствовал в нем главную опасность и выстрелил первым, целясь в него, даже не пытаясь вступить в переговоры.

Этим он спас себе жизнь.

Выстрел аннигилятора застал Свиридова в тот момент, когда тот собирался разрядить свое оружие в стремительную тень, метнувшуюся к ним из левого коридора. Огненный пунктир вонзился в кулак К-мигранта, сжимавший рукоять «карабина-реактора», и в то же мгновение оружие сработало.

Часть платформы с переходами, коридорами, лестницами, танками для нефти с толстыми стальными стенками, просто свернулась в трубку, как бумажный лист. Платформа со скрежетом покосилась. Герцога обдало волной такого холода, что кровь застыла в жилах! Остановись он в этот момент, и все было бы окончено, однако предвидение опасности заставило его продолжить «танец» в дриблинг-режиме, потому что оставался второй противник, каймановидный урод, который имел свое оружие, не менее странное и мощное.

В стену уцелевшего коридора, где только что стоял комиссар, с гулом влипла какая-то кляксовидная масса, выбросила во все стороны два десятка паучьих ног, сгребла металл стены и превратилась вместе с ним в облачко дыма. Герцог, оторопев, глядел на образовавшуюся дыру и едва успел увернуться от второго «паука». Выстрелил не целясь. Но кайманогуманоид не стал продолжать схватку, рискуя остаться без руки, как его приятель. Он просто нырнул в люк, где уже исчез раненый Свиридов. Перехватить их не удалось ни Герцогу, ни обойме оперативников, прибывших на спейсере и оторопело рассматривающих покосившуюся платформу, треть которой походила на свернутую и смятую крышку консервной банки.

Видана так и не определилась, как ей относиться к Панкратову. Он ее чаще раздражал, чем восхищал, хотя в глубине души зрело убеждение, что он ей все-таки

нравится. Именно поэтому она поступала наперекор своим желаниям, критиковала каждый шаг Ставра, злилась, когда он оказывался прав, злилась также, когда он ошибался. Именно поэтому она не стала дожидаться решения Панкратова, дерзнув пойти «на штурм» галиона «Керманшах» одна, хотя в связке «контр-2» — «погран-2» ей отводилась роль не оперативника, а эксперта, эфаналитика, долженствующего сдерживать подобные порывы к рискованным действиям у партнера. Но уж очень захотелось доказать этому эрму, что она тоже не лыком шита и способна решать сложные задачи в одиночку.

Определить порт приписки транспортного галиона «Керманшах» оказалось несложно, сложнее было найти его местоположение. В конце концов Видана с помощью Умника отдела обнаружила галион на лунной базе южномусанского союза исламитов, расположенной в кратере Джордано Бруно. После этого она переоделась в уник пограничника, в качестве оружия взяла стилет, уместившийся в спецкармашке на ноге, а также карманный парализатор, стреляющий усыпляющими иглами, и спустилась в метро управления. На базу ее пропустили только после запроса в погранцентр: база обладала правом экстерриториальности и чужих на ее территорию пускали неохотно. Хорошо, что Видана предусмотрела такой вариант, и запрос охраняющего базу компьютера попал через сеть погранслужбы большому инку отдела безопасности, который подтвердил ее полномочия, как «родственницы» Шан-Эшталлана. Спустя четверть часа после запроса Видана вышла из метро базы, прикинув, что времени у нее до вечерней встречи с Панкратовым предостаточно.

Кратер Джордано Бруно площадью в триста квадратных километров был полностью накрыт силовой мембраной и представлял собой оазис, заросший специфичной лунной флорой. Обыкновенная земная трава мятлик голубой достигала здесь высоты пятнадцати метров, в то время как деревья — сосны и ели — превратились в метрового диаметра пушистые шары и выше не росли. Финиковые и кокосовые пальмы, наоборот, стелились по земле, как трава, хотя и давали знакомые плоды, а такие растения, как земляника, малина, брусника, образовыва-

ли многослойные мхи с гипертрофированно увеличенными плодами.

Группы построек разной формы и назначения вырастали из зарослей, как вполне уместные для этого ландшафта скопления грибов и других растений.

Метро здесь располагалось в центральном поселке кратера с названием Сайн-Сабир, и до лунодрома с его парком спейс-машин Видане пришлось добираться пешком, чтобы не акцентировать на себе внимание местной службы охраны порядка требованием личного транспорта.

Все постройки базы соединялись лунолитовыми дорожками, хотя прогуливающихся по ним Видана не заметила. Обойдя мечеть, — идти было легко, потому что сила тяжести здесь не регулировалась, — она вышла к лунодрому и невольно остановилась, вдруг ощутив тяжелую пси-атмосферу этого места. Стало казаться, что на нее со всех сторон смотрят внимательные глаза, а в глубинах лунных пород под кратером ворочается кто-то угрюмый, недоброжелательный, опасный и огромный, как энифский скалогрыз.

Что остановилась? — с принужденным смешком спросила Видана у самой себя. Только действие есть переход возможного в действительное, как сказал бы дед. Вперед, лазутчик!

Она оглянулась на голубовато-белесую громаду Земли над краем кратера и шагнула к границе лунодрома.

Галион «Керманшах» — пятиметровой толщины чечевица с рядом выпуклых «глаз» по ободу — стоял у грузового терминала с открытыми люками. Юркие шестиногие «ящерки» — «руки» витса-погрузчика — деловито таскали в ее недра какие-то красно-фиолетовые пакеты и пучки труб. Людей возле галиона, как и вообще на территории базы, Видана не увидела. Внутренним зрением определив положение операторов и членов экипажа, она обошла галион кругом и нырнула в люк, который витсы обходили. Коридор, начинавшийся от него, вел к жилому сектору галиона и в кокон-рубку, где «светились» аурой два человека, по предположению Виданы — драйвер-прима и второй пилот.

Оба никак не ожидали появления в рубке пограничника, да еще женщины, и воззрились на нее из открытых кокон-кресел. Один, худой и сморщенный, не ста-

рик еще, но уже весьма почтенного возраста, застыл с открытой банкой тоника в руке, второй, молодой, смуглолицый и черноволосый, с глазами навыкате, жевал бутерброд и запивал горячим кофе.

— Ты что здесь делаешь? — удивился он, вздернув черные брови; говорил пилот на таджикском языке. — Рахим, кто это?

— Женщина! — ответил пожилой, сморщив лицо в улыбке, так что стал похож на печеное яблоко, добавил: — Хорошенькая, пограничник, однако.

Видана не знала таджикского языка, но встроенный в уник инк перевел ей разговор пилотов.

— Добрый день, джентльмены, — приветствовала она их на интеллекте, прощупывая пси-сферы обоих; ей повезло, один из пилотов был тем самым драйвером, который участвовал в транспортировке кластера монополей. — Я опер ЧП-вахты, и у меня к вам всего два вопроса.

— Как она сюда вошла? — снова обратился молодой к напарнику, отставляя стакан с кофе.

— Ногами, Юсуф, — приятно улыбнулась Видана, достала парализатор. — Вопрос первый: кто отдавал команду на перевоз кластера в Антарктиду?

Ее оружие не произвело на мужчин должного впечатления. То ли они не привыкли принимать всерьез красивых женщин, то ли женщин в принципе, то ли не поверили в реальность происходящего.

— Повторяю вопрос... — начала Видана.

— Да пошла ты!.. — отмахнулся молодой Юсуф, протянул руку внутрь кокона, и в то же мгновение девушка выстрелила.

Игла вонзилась в левый разворот кокона с чувствительным элементом обратной связи, и кокон — псевдоживой организм — буквально скрутило от боли. Черноволосого пилота выбросило из мягкого нутра, как семечко из яблока. Он влип в мускулисто-тугую стенку кабины и округлил глаза.

— Итак? — осведомилась Видана, направляя игломет в лоб пожилому драйверу. И тот, запинаясь, проговорил имя, хотя на секунду раньше в голове у него высветилось другое имя, и Видана прочитала его. Можно было уходить.

— Спасибо, мальчики, — сказала она, отступая к двери. — От имени службы объявляю вам благодарность.

Но уйти ей не дали. У люка девушку ждали охранники-витсы, вызванные, очевидно, пилотами. А может, сработала опознавательная система базы, выявившая проникновение чужого.

Витсы не были ни андроидами, ни, к счастью, боевыми операционными системами, хотя Видана все равно пожалела, что не взяла с собой оружие посерьезней. Усыпляющие иглы, конечно, не могли остановить роботов, только задержали на некоторое время, пока Видана отступала и решала задачу, как отсюда уйти живой и по возможности невредимой. Затем эта задача еще более усложнилась, потому что к витсам присоединились охранники-люди, среди которых был один паранорм. Пришлось атаковать их в полную силу, не обращая внимания на залпы их парализаторов (где они столько гипноиндукторов захватили?!) и попытки поймать ее с помощью сетей-ловушек.

Видимо, у охраны был приказ взять гостью живьем, потому что расстрелять ее она могла давно. Бой продолжался у трапа, затем в коридорах галиона, куда Видана решила отступить, избрав галион в качестве средства спасения. Она решила заставить пилотов взлететь.

Вскоре витсы отстали, люди в количестве девяти душ тоже перестали рваться к девушке, владеющей рукопашным боем, остался лишь паранорм — громадный, бугристый, какой-то перекошенный, достаточно хорошо перехватывающий удары и постепенно оттеснивший ее ко входу в рубку. Видане никак не удавалось поразить его в нервный узел (из металла он, что ли?!) и даже просто отбросить, все ее удары буквально глохли в теле гиганта, не вызывая у него никаких последствий, и Видане впервые в жизни стало страшно. Обессиленная, она обезвредила молодого пилота, попытавшегося напасть сзади, из рубки, остановилась, опустив руки.

Огромный человек надвинулся на нее, лицо у него странно подергивалось, словно внутри бегали мыши, и тогда с отчаяния, вспомнив уроки Ставра, Видана сделала выпад ногой и рукой, поражая противника в глаза и в то место, где у людей находилась ключица! И

гигант остановился, схватился рукой за горло! Отступил на шаг.

С криком «хий-я-а-я!» Видана в прыжке повторила прием... и в голове ее взорвалась бомба! Пси-удар был тем более страшен, что она его не ожидала. И застыла, почти парализованная, упала на колени, силясь прогнать серо-зеленую пелену перед глазами.

Она уже не видела, как в бой вмешались иные силы — подтянулся эшелон «ланспасад», прикрывающий ее по приказу Герцога, и на базу десантировались двое, Ратибор Берестов и Мигель да Сильва, которые шли к той же цели, что и Видана, но другим путем. Просто она их опередила.

Разоружив охранников и отбив девушку у мощного аборигена с задатками паранорма, они исчезли, оставив позади развороршенный муравейник базы.

Ставр узнал о случившемся через полчаса.

ТИХИЙ ОМУТ

Эксперты синклита собрались в своем «нелегальном» бункере вчетвером: Велизар, Железовский, Берестов и Баренц, — плюс Герцог, плюс бледная, потрясенная недавним боем Видана.

Аристарх, примчавшийся по вызову да Сильвы после происшествия на лунной базе исламитов южномусанского союза, сказал ей только одна фразу: нет в мире ничего отважней глупости![1] — и Видана покорно кивнула, переживая стыд.

«Итак, мы имеем, что имеем, — сказал он собравшимся. — Отставку Герцога и попытку нападения на него, убийство Покровского и новую кампанию против нас, связанную с этим убийством, расчет Виданы о взаимодействии эгрегоров и нападение на нее, расчет Забавы и аналогичный случай с ней. А это означает, что ФАГ усиливает натиск. Теперь мы точно знаем, кто из наших знакомых сознательно работает на него: Шкурин и Алсаддан. Под вопросом остаются Еранцев, Жученок, Хинн, Бауэр, Баркович. Кого я упустил?»

---

[1] Менандр.

«Шан-Эшталлана, — отозвался Баренц, мельком глянув на Видану. — И Омара Кермануло, секретаря плановой комиссии Всевече, которого вычислила эта молодая особа, посетив базу соло. Кстати, этот скандал замять будет непросто, если вообще возможно. Предлагаю отстранить девочку от участия в оперативной работе».

Видана побледнела, потом покраснела и выбежала из комнаты в коридорчик бункера.

«Не будь столь категоричен, аксакал, — хмуро проговорил Железовский. — Молодость — не порок, а торопиться и ты умеешь».

«А где был в это время Панкратов? Почему она действовала в одиночку?»

«Захотела отличиться. Но ты прав, он должен был предусмотреть подобные инциденты. Патриархи, нас мало, и мы не успеваем отвечать по всем векторам. Нас перебьют по одному. Я прихожу к выводу, что все, что ни делается, делается к худшему»

«У меня создается впечатление, — сказал Велизар, — что все это — мышиная возня: нападения, засады, террор. Нас ждут более масштабные испытания. Но Аристарх безусловно прав, наш индивидуализм может сыграть с нами злую шутку. Мы слишком далеки друг от друга и не успеваем на помощь. Какая польза с того, что мы узнали о смерти У Тхин Аунга тотчас же, через общее поле Сил? Помочь ему мы все равно не смогли. И не забывайте — все мы «под колпаком» у ФАГа, он знает практически о каждом нашем шаге. А отставка Пауля сузила наши возможности вдесятеро».

«Что ты предлагаешь конкретно?»

«Нужен упреждающий удар. Пауль, ты сможешь подготовить операцию перехвата до завтра? Надо взять наблюдателей сети СПАС, приятеля Виданы Хинна и Омара Кермануло, а также проверить контрразведку по заказу витсов-андроидов».

«Мне понадобится квалитет ответственности. Кто пойдет на риск подставиться?»

«Я, — сказал Ратибор Берестов. — А вторым углом квалитета будет зам Ги Делорма Лютиков. Он надежен».

Велизар кивнул.

«Хорошо, готовь операцию. Во что бы то ни стало надо выйти на Лайа-центр[1], то есть на центр, из которого ФАГ или его эмиссар управляет деятельностью подчиненных. Кроме того, необходимо срочно разобраться с оружием Ф-террористов, в будущем оно принесет нам немало хлопот».

«И еще, — добавил Берестов. — Пауль столкнулся с существом, облик которого неизвестен ксенологам. Даль-разведке нужно начать экстрапоиск этой расы, представители которой почему-то выступают на стороне ФАГа».

«Я знаю, кто это, — вышла из коридора расстроенная Видана. — Вернее, знает Грехов, который предложил нам со Ставром изучить системы боя этих монстров. А если он записал их виды борьбы, то наверняка знает и координаты планеты».

Мужчины молча глядели на девушку с одинаковым выражением на лицах, и она невольно улыбнулась.

«Итак, мафусаилы, вы меня отстраняете?»

«Для начала я тебя отшлепаю», — проворчал Железовский.

Вечером домовой сообщил Ставру, что звонил Степан Погорилый. Пришлось дать задание Умнику отыскать физика, где бы он ни был. Инк обнаружил Степана в приемной командора погранслужбы, что было весьма неожиданно, и Панкратов включил консорт-линию, вызвав приятеля в отдельную кабину связи.

— Ты что там делаешь, фридманолог? Решил переквалифицироваться в пограничника?

— Ты понимаешь, — Степан почесал затылок, — хотел поработать на Тартаре возле нагуаля, а меня туда не пускают. Как не разрешают работать и возле Чужой, и дома, в Системе. Может, пособишь?

— Вряд ли, я к командору не вхож. Впрочем... — Ставр вспомнил об открытом им лично нагуале в лесу под Владимиром. — А маленький нагуаль, размером с палец, тебя не устроит?

---

[1] Лайа-центр — недосягаемый и непостижимый объект, который считается недоступным для конечного (дифференциального) познавания.

— Какая разница? Мне бы только провести пару экспериментов. А мертвого тартарианина достать можешь?

— Зачем?

— Для сравнительного анализа.

— Попробую. Когда надо?

— Да хоть прямо сейчас.

— Позвони мне завтра утром, часов в десять, домовой будет знать, где я. Может быть, удастся почаевничать.

Ставр отключил линию, собрался было продолжить изучение интенсионала по рукопашному бою, который он забрал у Виданы, как услышал чей-то пси-вызов:

«Панкратов? Зайти к вам можно?»

«Отчего же нет?» — Ставр не сразу узнал пси-запах Герцога, насторожился. Встреча с комиссаром ОБ им не планировалась и означала какие-то неординарные новости.

Герцог появился буквально через минуту, видимо, прибыл к дому на такси и лишь потом посигналил. Был он одет в белый летний костюм с короткими рукавами и больше походил на актера, чем на комиссара-прима отдела безопасности.

«А я уже не комиссар, — ответил он на невысказанную мысль Панкратова. — С завтрашнего дня свободный охотник».

Ставр поднял брови. Новость была действительно из разряда неординарных.

«Так что я завернул к вам, чтобы предупредить: все мы остались без прикрытия. То есть я теперь не смогу подстраховывать вас и вообще кого бы то ни было эшелоном «ланспасад». Это первое. Второе...»

«Минуту, — остановил его Ставр, прислушался.— Вы не один?»

«С девушкой. Она зайти отказалась. Как-нибудь познакомлю. Второе: срочно нужен Габриэль Грехов. Есть мнение, что он на Земле».

«Но его домовой...» — начал Ставр.

«Он здесь, попытайтесь отыскать. И третье: он оставил вам тренинг-карту каких-то специфичных видов боя, не могли бы вы дать мне ее на пару вечеров?»

«Присоединяйтесь, — предложил Ставр, подивившись осведомленности комиссара. — Я только что хотел позаниматься по этой системе в «динго»-контакте».

«В другой раз. Проходите полный курс, тем более что вам придется делать это не одному. Завтра созвонимся, и я заберу кассету. Всего доброго, эрм».

Герцог подмигнул и пропал.

Ставр постоял немного в прихожей, размышляя над словами Пауля: «Вам придется делать это не одному», — и услышал знакомый пси-голос:

«Не соизволите ли впустить еще одного незваного гостя?»

Это была Видана. Ставр хмыкнул, признаваясь, что Герцог видит дальше, чем он. Сделал сердитый фон:

«Заходите, гость... нелегкая вас несет! Как впечатление от разведрейда на галион «Керманшах»?»

«Море восторга! Если будете задавать подобные вопросы, останетесь без напарника».

«Не буду».

«Тогда готовьте аппаратуру, продолжим тренировку».

Ставр хотел возразить, осведомиться о здоровье девушки, которой изрядно досталось в поединке на Луне, но вовремя остановился. Видана еще не знала, что решением синклита они переведены в резерв, из операторов свободной охоты в «звено шерифа», а сообщать ей эту новость лично не хотелось.

Появление работника техцентра погранслужбы Хинна — Хилайя Экосбара... З-инна в лесу под Владимиром задело тайные пружины двух разных механизмов и включило взаимоисключающие режимы — ФАГа и группы его противников. Но если проследить ход событий в системе Фундаментального Аргессора, представляющей по сути «черный ящик», мы не в состоянии, то действия людей более наглядны и заметны, хотя и они не стремились их афишировать.

Хинна брала обойма спецов Ратибора Берестова, остающегося пока единственной официальной опорой синклита в отделе безопасности, если не считать Мигеля да Сильву. Цепочка последствий от этого шага потянулась в разные стороны и замкнулась на командоре погранслужбы: инструктировал Хинна он. Однако у Железовского еще оставались кое-какие сомнения в причастности Барковича к деятельности ФАГа, и он решил их проверить.

Пока Аристарх занимался Барковичем, Герцог вышел на предполагаемого агента ФАГа в контрразведке, где у него было немало приятелей, а главное — работала его подруга Ирина Сомова. Одновременно бригада Герцога, несмотря на смену власти продолжавшая работать на патрона, произвела задержание наблюдателей системы СПАС и, после допроса задержанных, выявилась еще одна «фигура умолчания» — директор УАСС Шкурин. Его алиби взялся проверять Ги Делорм.

И еще одну операцию успели провести люди — прозондировать память секретаря Всевече Омара Кермануло. Это сделал Велизар. Его вывод — эмиссаром ФАГа на Земле является комиссар-два Еранцев — никого особо не удивил, но поставил ряд вопросов, требующих анализа, на что необходимо было время. Но этого времени ФАГ им не дал, нанеся ответный удар, причем по многим векторам сразу.

Во-первых, он произвел несколько террористических актов во многих районах Земли, повлекших значительные человеческие жертвы, виновниками которых были названы интраморфы.

Во-вторых, он уничтожил своих провалившихся исполнителей — Хинна, Омара Кермануло, наблюдателей станций СПАС и работников контрразведки, до которых Герцог так и не успел добраться.

В-третьих, спровоцировал чужан и тартариан на «отражение агрессии» со стороны исследователей с Земли, взорвав для этой цели возле нагуалей два транспортника с инициаторами «запредельных колебаний вакуума». В результате погибло два десятка чужан, огромный объем материи Тартара, а вместе с ним и неизвестное количество тартариан, превратился в энергию, исчез, а по станциям землян были нанесены колоссальной мощности ответные силовые удары, также приведшие к человеческим жертвам. Эти акции надолго приковали внимание тревожных служб человечества, и на проблемы интраморфов перестал отвлекаться даже СЭКОН. Тем более что решением региональных парламентов интраморфы почти повсеместно были изъяты из управленческих структур. Что в свою очередь позволило ФАГу спланировать несколько операций по уничтожению главных действующих лиц, наиболее полно осознающих опасность про-

явившихся тенденций в социуме Земли и в физике явлений типа «нагуаль».

Пятым направлением вмешательства ФАГа в дела людей была нейтрализация ученых, занимающихся изучением нагуалей, физики Тартара и Чужой, и разработками теории многомерных пространств. Все они получили предупреждения, смысл которых сводился к «прекратить опасные эксперименты и свернуть исследования».

В операциях по ликвидации ФАГ задействовал всех, кто был у него под рукой, и людям пришлось столкнуться с существами, которых они еще не знали, хотя основной ударной силой его оставался южномусанский союз, всегда имевший высокопрофессиональных боевиков, легко поддающийся гипновоздействию, в силу преобладания агрессивных устремлений и низкого общего интеллектуального потенциала.

Этап «разведки боем» или просачивания закончился, скоро должен был начаться новый этап — прорыв! Это понимали пока единицы среди интраморфов, в том числе Аристарх Железовский.

Никто из друзей Аристарха и даже Забава не ведали пределов возможностей человека-горы. Предполагали, что они велики, но насколько — никто особенно не задумывался. На Земле лишь несколько человек, обладавших такой же мощью, точно знали, на что способен патриарх, но эмиссар ФАГа в их число не входил. Поэтому операция по «гашению» Железовского готовилась в соответствии с общими данными «фагоинформсети». Профи отдела безопасности оценили бы ее по высшему баллу, как операцию «уровня пять». Но и Аристарх не ждал, пока его застанут врасплох, и разработал ответную операцию, подготовив плацдарм, где он якобы отдыхал и находился вдали от друзей.

Расчет его оправдался. Подручные ФАГа устроили налет на древнюю станцию болидного патруля, вращавшуюся по орбите вокруг самого необычного объекта Солнечной системы — Фаэтона-2.

Неизвестно, где Аристарх отыскал эту станцию, но факт, что он отремонтировал ее, установил метро и приспособил для своих целей. Что он там делал во вре-

мя частых визитов, опять же никто не знал, но по слухам — «отдыхал в одиночестве».

По его данным, незваные гости посещали станцию трижды, видно, для рекогносцировки, а слежку он вычислил давно, однако активных действий не предпринимал, ожидая, когда Ф-террористы начнут первыми. И вот ранним утром (в пять часов по среднесолнечному времени, что соответствовало времени Москвы) станцию (пятидесятиметровый цилиндр с конусовидными торцами) атаковали сразу с четырех сторон три когга и драккар с опознавательными знаками погранслужбы, а кабина метро выпустила группу «призраков», вооруженных до зубов.

Железовский, который давно не спал, разглядывая освещенную солнцем сторону Фаэтона-2, мрачно усмехнулся и мысленно поощрил прибывших: смелее, парни, вас ждет немало сюрпризов! Бросив последний взгляд на дымчато-зернистый шар, состоящий из многих десятков тысяч астероидов и пыли, Аристарх в о ш е л в поток Сил и начал действовать. Его целью был выход на командира операции, прибывшего на втором драккаре, который прятался за громадой Фаэтона, а через него — на руководителя более высокого ранга, если не на самого эмиссара.

Первого двойника Аристарх выпустил навстречу десантникам в «хамелеонах», второго — к причальному отсеку, а сам, включив пси-фильтр, двинулся к реакторному залу станции. Картина вторжения стояла перед его глазами, будто он вывел ее на экран дисплея, потому что многочисленные датчики в стенах станции передавали изображение непосредственно ему и терафиму, помогавшему синтезировать схему возможных состояний.

Двигался Аристарх бесшумно и так быстро, что едва ли налетчики смогли бы видеть его в движении, но и у них наверняка была своя система слежения и обработки данных, так что Железовский не обольщался насчет своей неуязвимости и невидимости. Судя по движению десанта, его в и д е л и.

Бой, однако, он начал первым.

Группа из трех человек, высаженная из когга, увидела мчащегося на них гиганта и открыла огонь из парализаторов, но так неловко, что накрыла залпом друг дру-

га. Двое из них выбыли из строя, а третий потерял сознание от удара кулака, хотя никто его не бил, — сработал эффект наведенной галлюцинации.

Второй отряд из пяти человек попал в переходный тамбур, который имел катапульту с выходом в открытый космос. Судьба их не слишком волновала Аристарха, они знали, на что шли.

Еще одна обойма десанта провалилась в нефтяной бак, который тут же вспыхнул и взорвался, надолго выведя из строя шестерых боевиков, вынужденных тушить друг друга и залечивать ожоги.

«Призраков» из метро перехватил двойник Железовского, но они быстро разгадали, кто он такой, и двинулись дальше, к реакторному залу, ведомые инком целеуказания. Здесь и встретил их Аристарх, сам похожий на «призрака», но в отличие от него физически реальный, как скала.

В коротком ближнем бою он обезвредил четверых, а пятого буквально вплющил в стену реактора, так что взвыла сирена тревоги: автоматы защиты приняли этот удар за столкновение с метеоритом. После этого Железовский, не обращая внимания на резко возросший псифон, метнулся к причалу, куда пристыковался драккар. Машины десанта, отвечая на изменившуюся ситуацию, включили мощные гипноиндукционные излучатели.

Вперед Аристарх пустил второго двойника, обманув на мгновение охрану и разметав ее в течение секунды. И тут словно лопнула пленка, прикрывавшая до поры до времени драккар противника, и Аристарх почувствовал дыхание чужой, огромной, не поддающейся эмоциональному описанию силы! Остановился у люка в тамбур, ведущего к причальному отсеку. У него еще оставалось время на отступление, но, во-первых, он не любил отступать, во-вторых, у него еще были неиспользованные резервы, а в-третьих, хотелось взглянуть на тех, в драккаре, использующих неизвестный доселе генератор, блокирующий их пси-ауру полностью.

И он их увидел.

Не торопясь — по меркам паранорма, живущего в потоке Сил, во много раз быстрее, чем обычный человек, — из тамбура в коридор вышли четверо — не людей — двухметрового роста существ, которых Железов-

ский еще не встречал в жизни. Это были «кайманолюди», уже попавшие в поле зрения Герцога и кое-кого еще, но эксперт синклита видел их впервые.

Они карикатурно походили на людей, как крокодилы, подвергнутые вивисекции, но были не менее реальны, чем сам Железовский. Их «стеганые» скафандры отливали всеми цветами радуги, в руках каждый держал сложные аппараты из планок, трубок и спиралей, а в глазах их, обращенных к человеку, тлела странная печаль, почти скрытая умом и ненавистью. Впрочем, в оценке их эмоций Аристарх — не ксенопсихолог — мог и ошибаться.

«Привет, мыслитель». — Из-за спин кайманоидов вышел пятый член группы, К-мигрант Свиридов, не изменившийся ни на йоту с момента их последней встречи, происшедшей полсотни лет назад.

«Значит, пути наши снова пересеклись, — кивнул Аристарх. — Как же это вас угораздило переметнуться на сторону ФАГа? Ну, я еще понял бы, если бы вы защищали своего благодетеля — Конструктора, но ФАГа — нет! Что произошло? Где Конструктор? Как на вас вышел Фундаментальный Агрессор? И зачем вам вообще играть в эти опасные игры?»

«Ты задаешь слишком много вопросов, мыслитель. Мы пришли предложить тебе выбор: или ты переходишь на нашу сторону, или...»

«Понятно. Прямо и «честно». То есть совершенно в прежнем духе: не удалось ликвидировать, почему бы не обмануть, обхитрить, предать, наконец? Нет, спасибо, Арнольд, я хоть и паранорм, но человек, ясно? Уходи, пока цел, и уводи своих уродов. Я терпелив, но до определенных пределов. Кстати, откуда ты выкопал этих симпатичных зверюшек? Неужто вы их синтезировали? Или все же где-то в космосе живут такие хлопчики?»

«Они называют себя гуррах, что означает — «повелители сильных». Итак, ты отказываешься?»

Железовский выстрелил со спины (можно даже сказать — спиной, потому что «бумеранг» позволял ему стрелять из любой точки костюма) из «универсала», не меняя позы, по тем, кто подкрадывался сзади. Вздохнул. Его «шукра» смотрел в грудь К-мигранту, ставшему Ф-террористом, но Свиридова это не смущало.

«Уходи, Арнольд, и предупреди своих: мы бьемся не за власть, но и не в удовольствие, поэтому щадить больше не будем, как пятьдесят лет назад. Грехов вас предупреждал тогда, и вы согласились. Сегодня ситуация изменилась, и ФАГ — не Конструктор. Да и мы уже не те комплексующие интрасенсы, боящиеся своей собственной исключительности. Уходи hic et nunc[1], ты свободен».

«Воин всегда свободен». — Свиридов подал какой-то сигнал, и двое кайманоидов выстрелили из своих аппаратов.

Но на мгновение раньше Железовский вдруг оказался рядом с их шеренгой, проводил глазами две полосы черного дыма, закончившиеся ударами «паучьих тел» о стену. Ответный огонь он пока не открывал.

«Интересное у вас оружие, симпатяги. Стоять! Арнольд, объясни им, что такое аннигилятор, неровен час, я им воспользуюсь. Да и сам стой спокойно, у меня ведь тоже есть система наведения, и все вы впятером торчите в визирах поражения. Оглянись по сторонам хорошенько, на вас сейчас смотрят по крайней мере пять стволов. Увидел? Молодец. Я давно ждал вас и принял меры. У меня остался один вопрос: поскольку ни ты, ни твои приятели К-мигранты, уровень которых остался прежним, ни эти зверюшки не тянете на эмиссара ФАГа, то кто же он? И где его найти? Побеседовать с ним хочу о том о сем. Впрочем, это второй вопрос. Ну?»

«Предлагаю выяснить наши отношения иным способом, — сказал К-мигрант. — Говорят, ты очень сильный воин. Эти ребята тоже не из слабых. Почему бы тебе не сразиться с ними? Без оружия? Выиграешь ты — я отвечу на все твои вопросы, ну, а если они...»

«Согласен», — ответил Железовский, снимая «бумеранг», оставаясь в одном спортивном трико. Рисковал он, конечно, здорово, но стволы «универсалов», встроенных в стены, продолжали действовать на гостей гипнотизирующе, и дать команду открыть огонь он всегда успевал.

Внутренним зрением Аристарх проследил за продвижением десанта.

---

[1] Немедленно *(лат.)*.

— Только убери своих псов со станции, удара в спину я не потерплю.

Свиридов отдал приказ (Аристарх почувствовал радиовсплеск), и характер движения десанта изменился, боевики потянулись к причальным отсекам станции.

В то же мгновение странный пистолет одного из кайманолюдей словно сам собой нырнул в кобуру на бедре, монстр снял с себя спецкостюм, как снимают верхний лист с кочана капусты, и бросился на Железовского.

Разницу в положении Аристарх уразумел сразу: кайманоид з н а л земные системы рукопашного боя, в то время как Железовский находился в абсолютном неведении относительно видов боя, культивируемых кайманолюдьми. Не знал он и особенностей строения их тел и законов кинематики этих тел.

Первая же комбинация кайманоида показала, что он отлично ориентируется, где у людей находятся жизненно важные органы: почки, сердце, печень, — а также нервные узлы. Не представлял он только одного — с кем связался. Поэтому его удары не прошли: часть Аристарх отразил, часть принял на корпус, хотя и ощутил, насколько они тяжелы.

Затем кайманоид продемонстрировал какую-то неизвестную Аристарху систему боя, настолько необычную и агрессивную, что он едва не растерялся. Каждое движение гуррах при этом оказывалось поражающим ударом, без смены позиций или просто возврата руки или ноги! При возврате также наносился удар, и защиты от этих приемов Железовский найти сразу не смог. Отступил, чувствуя толчки крови в тех местах тела, куда пришлись чугунные пальцы соперника. Но тот не стал ждать, пока человек опомнится, и начал новую атаку.

Столкновение на этот раз стоило Железовскому огромных усилий по нейтрализации ударов, так что сам он ответить контратакой не успел. Заболела шея, куда пришелся удар кайманоида, за ухом образовалась ссадина, а на ребрах гематома.

«Не успеваешь, мафусаил, — с сожалением сказал сам себе Аристарх. — Не та реакция, не та...»

Но и кайманоида не устраивало течение поединка, ибо он явно не ожидал такого сопротивления. Однако он не знал и таких понятий, как честь и достоинство,

он просто просигналил друзьям, в схватку бросился еще один монстр.

«Убейте его! — прилетела холодная мысль К-мигранта. — Прощай, патриарх».

«Не торопись», — ответил Железовский, в душе которого вспыхнула не менее холодная ярость. Он понял, что долго не продержится, и решил рискнуть здоровьем, перейдя в гиперрежим потока Сил. Режим назывался «глубокое погружение» и отнимал очень много сил и нервной энергии, даже интраморфы не могли находиться в нем более двух-трех минут без риска не выйти из него живыми.

Время послушно замедлилось, хотя Аристарх и так жил и двигался намного быстрее обыкновенного человека. И оба кайманоида стали «проваливаться» в атаке, не доставать противника и пропускать удары, возникающие как бы из пустого места.

Первого Аристарх свалил ударом в горло, треснувшее, как хитиновый панцирь насекомого. Второго, захватив его за необычайно гибкие, гнущиеся в самых неожиданных местах руки, бросил в стену тамбура так, что буквально сплющил его, как некогда К-мигранта.

Третий не стал драться, показывать чудеса техники, дернулся в сторону, доставая оружие, а четвертый поспешил выстрелить, и Аристарх едва успел пригнуться, ощутив спиной пронесшуюся сверху смерть в образе жуткого, пожирающего любое вещество «паука». Ответил залпом из «универсалов», запрятанных в стене, включил «бумеранг» в боевое положение, выстрелил еще раз — сам, проделав в потолке коридора десятиметровую брешь.

«Стоять!»

Оставшиеся в живых кайманоиды замерли.

Зрачок аннигилятора смотрел на К-мигранта, и, хотя в его руке тоже находилось оружие, рисковать не стал и он.

«Хорошо, патриарх, мы уходим».

«Мы договорились играть честно, скотина! Правда, твои помощнички, наверное, не знают, что такое «играть честно», как и ты сам. Но Бог с тобой, живи так, как можешь, долго это не продлится. Второе: ты проиграл и должен сказать, кто эмиссар».

«А если не скажу?»

«Тогда я вас всех здесь похороню».

«Но ведь нет гарантии, что я скажу правду».

«Если скажешь неправду, я тебя в любом уголке космоса достану, Арнольд Свиридов! Поверь на слово».

«Кто эмиссар, я не знаю, но руководит оперативной работой в Системе некто по кличке Демиург. По слухам, он занимает в административном истеблишменте Земли два достаточно высоких поста. Мы получаем от него задания только по консорт-связи. Ищите. Успеха не желаю, все равно на этот раз вы не выиграете».

Свиридов скрылся в тамбуре, за ним уполз травмированный в шею кайманочеловек, еще один остался лежать у стены, не подавая признаков жизни. От двоих стрелявших не осталось почти ничего.

Аристарх проследил за стартом кораблей десанта, но так как был уже научен горьким опытом, рассчитывать на соблюдение К-мигрантом каких-то правил борьбы не стал. Через минуту он катапультировался из станции в «големе» в сторону Фаэтона-2, предпочтя этот способ бегства, а не метро, потому что в кабине гости оставили взрывное устройство.

Еще через полминуты станция превратилась в облако огня и дыма.

ИНЦИДЕНТ

Ставр сдержал слово, и Степану Погорилому удалось-таки добраться до нагуаля, спрятавшегося в лесу под Владимиром. Сопровождали его два малоразговорчивых парня из сектора пограничных проблем, присланные Мигелем да Сильвой физику в помощь по просьбе Панкратова-младшего. Они помогли Степану загрузить неф необходимой аппаратурой и выгрузиться на лесной поляне вблизи нагуаля, как оказалось — никем не охраняемого. Но так только казалось: Ставр предупредил приятеля, что он будет находиться под неусыпным наблюдением, а за нагуалем следит столько глаз, что всех не сосчитать.

На это обстоятельство Степану было решительно наплевать, и он споро принялся за дело, которое любил

больше всего, разработав свою «теорию бесконечно простых объектов».

У его «теории» было два следствия, в силу разных подходов к объекту. Первое: если нагуаль действительно «бесконечно простой объект», то он представляет собой «глубокую потенциальную яму, которую можно «развернуть» в трехмерном континууме. Что наглядно выглядело бы, при удачно проведенном эксперименте, как мгновенный провал в «никуда» достаточно большого объема окружавшей «яму» материи. О том, что в результате этого в «яму» может затянуть и самого экспериментатора, Степан не подумал.

По второму варианту сценария нагуаль представлял собой многомерный пространственный узел, соответствующий, согласно закона фридманологии, еще не открытому «Нулю Нулей», то есть «конституэнту суперстринга», главному кирпичику вещества вселенной, из которых состояли сверхточки, суперструны и ядра кварков. Но по идее Степана этот «Нуль Нулей» претерпел координатно-мерное изменение и поэтому стал наблюдаем.

Пересказ размышлений физика, а тем более ход его вычислений едва ли переводим на человеческий язык, поэтому опускаем его и мы. Главное, что Степан был готов к эксперименту, что и доказал утром третьего дня, когда «на полигон» был доставлен добытый Ставром мертвый тартарианин, то есть полуметровый «обломок породы» Тартара, внутри которого живых существ по каким-то причинам уже не было. Груды таких обломков вокруг Городов Тартара создавали гигантские «свалки», «кладбища», охраняемые паутинами, и, как Ставру удалось стащить один, осталось загадкой. Впрочем, Степана и это не волновало.

За двое суток он создал на поляне вокруг нагуаля настоящий «исследовательский центр», состоящий из куполовидного лабораторного бокса, генератора полей и энергонакопителя, а также смонтировал установку развертки нагуаля, похожую на старинную пушку, стреляющую ядрами. Только «ядра» эта пушка метала специфические — волновые пакеты, взаимодействующие с вакуумом таким образом, что рождалась трасса «голых» кварков, так называемая «вторичная струна».

В десять часов утра, после купания в озере, когда воздух уже прогрелся, но благодаря лесному микроклимату жара не ощущалась, Степан запустил установку, для начала решив произвести «выстрел» по, как он полагал, мертвому тартарианину — полуметровой глыбе черно-фиолетового камня, изъеденного крупными порами.

— С Богом! — сказал сам себе раздетый до плавок Степан, увлеченный собственными планами и не замечающий, что за ним действительно следят с нескольких сторон одновременно: охранники, которых прислал Мигель да Сильва, работники контрразведки и слуги ФАГа.

Инк включил установку, и... произошло то, что меньше всего ожидал экспериментатор.

Объем «каменной» глыбы скачком увеличился раз в десять, так что она разнесла решетку крепления, разбила фокусирующее устройство излучателя и едва не развалила бокс. Степана спасло то, что автомат тут же отключил установку.

Глыба тартарианина несколько секунд оставалась в том же состоянии — диаметром около пяти метров! — и в три приема уменьшилась до прежнего размера. Процесс этот сопровождался всплеском радиоактивности, так что Степан был вынужден искать защиту за стенками бокса. Придется напяливать защитный костюм, подумал он, озадаченный последствиями опыта. Однако терпения ему не хватило, и он повторил эксперимент.

На этот раз тартарианин не только увеличился в размерах, но изменил форму, превратившись в гигантское подобие ежа с длинными и острыми иглами. Он так стал похож на нагуаль, что Степан тут же прикинул в уме цепь калибровочных преобразований, которые могли привести к симметрии формы в трехмерном континууме. Об осторожности он тут же забыл, но экспериментировать с невидимым «ничто», зависшим в метре от травы, собрался только к вечеру. Идея изменить начальные условия эксперимента оказалась настолько плодотворной, что физик замучил компьютер, вплотную подобравшись к проникновению в тайны нагуаля, в том числе в тайну его невидимости.

Солнце уже село за стену леса, когда он снова включил установку.

Те, кто по долгу службы наблюдали за действиями Погорилого, увидели незабываемое зрелище.

На месте лабораторного бокса вздулось ослепительно зеленое пламя, копьем вонзилось в небо, а вторым — в землю, превратившись в нечто напоминающее черную молнию, и исчезло. А затем родился звук — словно треснуло гигантское ледяное поле, от которого у наблюдателей едва не полопались барабанные перепонки. Звук закончился пронзительным кошачьим «мяу-у-у», и тут же на притихший лес, кустарник, траву выплеснулась волна ужасающего холода...

Когда к месту эксперимента подоспели спасатели, они увидели странную картину: поляна превратилась в серо-коричневое поле такыра, испещренное по форме паутины — кругами и лучами, деревья вокруг поляны почернели и растрескались, а в том месте, где висел нагуаль и стояла палатка экспериментатора, в земле образовалась идеальной формы круглая дыра величиной с кулак, уходящая на неведомую глубину.

Физика, не подающего признаков жизни, удалось отыскать в кустах, обмороженного, изуродованного до неузнаваемости. Когда прилетела «скорая», он еще дышал...

Впервые за последние полтора года отец, сын и дед сидели вместе дома на веранде, пили чай и разговаривали. Все трое походили друг на друга, как братья-близнецы, хотя родовые ветви Берестовых и Панкратовых в прошлом и не пересекались. Да и возраст каждого отличался от соседнего на «ступеньку» поколения. Ратибору Берестову пошел семьдесят второй год, Прохору Панкратову пятьдесят первый, а Ставру двадцать шестой. Но их роднили не только славянские корни, рост, сильные фигуры, лица, разрез глаз и цвет волос, больше всего их родство выражалось в ощутимой волне силы, спокойствия и уверенности, исходящей от каждого. Жизненный опыт у интраморфов не имел особого значения, они с рождения получали запасы информации, хранившейся в памяти отцов и дедов. Эр-мастер же, коим был Ставр, получил еще и доступ к глубокой

памяти всех своих предков, среди которых было немало великих бойцов и воинов.

Ратибор первым перевел разговор на события последних дней.

«Говорят, ты был где-то очень далеко, за пределами Галактики. Что, у Даль-разведки выросли аппетиты?»

«Пришла пора наконец рассказать вам, чем я занимался, — ответил Прохор. — Дело в том, что я работаю в латентном векторе контрразведки, о чем знают лишь несколько человек в управлении. А занимался я историей исчезновения спейсера Даль-разведки «Лебедь». Известен был только вектор его поиска и район, откуда пришло последнее сообщение. Мне дали обойму и отправили вслед за «Лебедем» на спейс-машине последней модели... кстати, таких вы еще не видели, потом покажу».

«Я слышал историю с «Лебедем». И что же?»

«Корабль мы не нашли. Зато за Персеем обнаружили колоссальной протяженности объект, напоминающий клубок паутины или мха. Об одну из нитей этой «паутины» мы едва не разбили свой транспорт, потому что прочность ее — абсолютна! Мы испытали».

Ратибор хмыкнул.

«Уж не нагуаль ли вы обнаружили?»

«Именно. Вернее, нечто очень близкое по параметрам к нагуалю. Длину некоторых нитей мы так и не смогли установить, они тянутся на сотни световых лет в сторону двух соседних войдов. Отряд остался обследовать «мох», а я вернулся за новым заданием».

Дед и внук переглянулись.

«Я этого не знал, — сказал Ратибор. — По-моему, и Аристарх не знает. Кто же дал тебе такое задание? Шкурин, что ли?»

Прохор лукаво прищурился.

«Нет, не Шкурин. Когда-нибудь узнаете. Есть на Земле группа людей, кроме вашего синклита старейшин, кого судьба мира волнует не меньше. Можно сказать, что карт-бланш на участие в вашей команде дали мне они».

«Какие сногсшибательные новости! — не сдержался Ставр. — Па, да ты у нас, оказывается, прямо Джеймс Бонд!»

Прохор понял, стал серьезным.

«Пиршество ФАГа предвидели многие умы, в том числе наш общий знакомый Габриэль Грехов, и заранее приняли кое-какие меры. За то, что вы сделали, честь вам и хвала, но кроме вас этой проблемой занимаются и другие люди, профессионалы контрразведки. Чему же тут удивляться? Вон Ставр уже знает о Грехове. Так, мальчик? Ты был у него дома?»

«И видел объемную карту с координатами нагуалей».

Старшие мужчины глянули на Ставра с одинаковым выражением озабоченного удивления.

«Вот как? — обрел дар мыслеречи Прохор. — Выходит, и я не все знаю. Если Грехов предвидел и отметил... черт, мне надо срочно попасть в его дом. Эта карта нам здорово поможет».

«Боюсь, наши вторжения в дом Грехова неэтичны, — вздохнул Ратибор. — Особенно после того, как он вернулся».

Теперь уже отец и сын глянули на старейшину семьи с недоверием.

Ратибор кивнул.

«Он был у нас дома... навестил Настю... такие вот пироги. Но просил пока никому об этом не говорить. Я тоже не должен был разглашать эту тайну, но верю, что дальше вас она не уйдет. Но вообще-то, родные мои, вырисовывается прелюбопытнейшая картина. ФАГ зачем-то начал выращивать нагуали, воевать с интраморфами, дестабилизировать социум. Появились К-мигранты, ставшие Ф-террористами, а вместе с ними какие-то странные существа — кайманоиды, с которыми столкнулись Герцог и Забава...»

«И Аристарх».

«Лидеры эгрегоров научились использовать их псимощь в конкретных ситуациях... появились целые отряды зомбированных ФАГом людей, исполнителей его воли... Или вот такой факт: в Системе Чужой замечены корабли орилоунов. А ведь они никогда раньше не покидали своей планеты! М-да... Что-то нас ждет впереди?»

«Война, — сказал Прохор. — Самая странная из войн, предвидеть которую не смог бы ни один философ или писатель древности. Впрочем, она уже началась — там, на более высоких уровнях, — и вот-вот докатится до нас.

Помолчали, думая о своем. Ставр, например, думал о Видане.

«Что же это за существа, кайманолюди? — спросил Ратибор. — Где на них наткнулся ФАГ? Может быть, и твой скрытый сектор их уже разыскал?»

«Нет, я бы знал. После стычек с ними по рассказам Герцога и Аристарха мы провели анализ и выяснили любопытную вещь: кайманоиды скорее всего белковые, но не кислородные существа. — Прохор оживился. — Вообще в нашем домене могут реализоваться несколько химий жизни, а точнее — восемь. Хотите, поделюсь этими соображениями?»

«Давай, — кивнул Ратибор с улыбкой. — Ксенобиология — твой конек».

«Если бы не вторая моя натура — бродяги и искателя приключений, я, конечно же, стал бы ксенологом. Так вот, возможны восемь химий жизни. Первая — нуклеиновые кислоты и белки на основе кислорода, фон — вода. Это мы. Вторая — нуклеиновые кислоты и белки на основе азота, фон — аммиак. Это, вероятно, кайманолюди. Затем фторсиликоны, фон — также фторсиликоны. Следом идут фторуглероды, фон — жидкая сера, это «люди Ефремова», которых мы так и не нашли в космосе, хотя они по вероятности распространения стоят даже впереди нас. Возможна форма жизни на основе липидов в жидком метане, потом липидов в жидком водороде и, наконец, жизнь плазмоидная — шаровые молнии и «солнечные улитки» на Солнце».

«Это семь форм жизни, а восьмая?»

«Сеятели, или серые призраки, то есть полевые суперпозиционные информпреобразующие системы. Правда, ученые размышляют еще над более экзотичными формами жизни, и толчком к их размышлениям и поискам послужил Конструктор. Палеосущество. Палеоразум. Но об этом мы еще порассуждаем. Ставр, ты говорил, что Грехов оставил тебе программу тренинга каких-то специфических видов борьбы, не покажешь?»

«Отчего же? Дед, тебе тоже будет интересно посмотреть. Программой заинтересовался даже патриарх Железовский, а уж ему-то грех жаловаться на подготовку. Да и Герцог увлекся, взял вчера запись. А что, если мы...» — Ставр не договорил.

Кто-то сжал сердце на мгновение, а голова ощутила беззвучный толчок, будто все атомы мозга «сдвинулись» в едином порыве в сторону и вернулись на место. Подобные «сдвиги» Ставр стал ощущать все чаще, но принимал их за судороги поля Сил. Опомнился, заметив заинтересованный взгляд отца, в котором стоял вопрос. Но ответить не успел, заговорил домовой: «Снова Голос Пустоты. Включаю запись».

В комнате раздался хрипловатый баритон:

— Мы — забытые следы чьей-то глубины...

Смолк.

Все молча ждали продолжения. Но его не было.

«Это все?»

«Так точно, экселенц. Строфа известного стихотворения древнего поэта[1]. Интересно, кто же это умничает на всю сеть «спрута»?

Отец все еще разглядывал его с некоторым сомнением, но Ставр не стал делиться с ним догадкой: он вдруг вспомнил, что «толчки в голову» ощущает каждый раз перед тем, как рожденный компьютерными сетями разум, Голос Пустоты, Великий Никто, напоминает о себе.

Ставр узнал об эксперименте, проведенном Степаном, спустя полчаса после появления спасателей в лесу под Владимиром. Еще через полчаса он навестил Погорилого в клинике «Скорой помощи» Владимира. Но Степана держали в реанимационной камере — за жизнь его боролись врачи и местный медицинский инк Гиппократ. Ждать финала этой борьбы было нецелесообразно. Тогда Ставр помчался на место происшествия, где его встретили двое ребят из отдела, на которых он мог надеяться, почти как на самого себя, потому что отбирал их Джордан Мальгрив для «тихих» операций перехвата.

Оба не только поделились впечатлениями и рассказали, что произошло, но и показали запись события, а также дали толковое описание появившихся в их поле зрения лиц, кроме спасателей, которых в принципе здесь, в лесу, быть не могло. Первым появился человек-«привидение», двигавшийся так быстро, что даже тре-

---

[1] Блок А. Болотные чертенятки.

нированные парни с трудом ловили его на фоне кустарника. Он пробыл возле поляны с нагуалем полминуты и тут же исчез, почуяв слежку. Затем на птеране линейного отдела охраны порядка прилетел старший инспектор с двумя витсами, обшарившими все вокруг. Задерживаться не стал и тоже умчался до появления спасателей. Третьим прибыл, судя по описанию, К-мигрант Стенсен. Он ничего не искал, сразу подошел к Погорилому, но сделать ничего не успел — помощники Степана спугнули его, появившись на краю поляны. Ставр мог упрекнуть своих агентов лишь в том, что они не бросились на помощь Погорилому, но ребята тут же признались, что от ужасающего холода пришли в себя не сразу, а съемку района происшествия вел инк системы наведения.

Ставр полюбовался на дыру в почве, на почерневшие деревья и растрескавшуюся землю и поспешил к машине. Мысль о том, что К-мигрант опередил его, заставила принять кое-какие меры, в том числе по охране Степана. Эксперимент наверняка удался, и важность его ФАГ не мог не понимать. Правда, никто из людей, в том числе и из свидетелей драмы, не знал, что именно сделал экспериментатор. Факт оставался фактом — нагуаль исчез!

Прямо из кабины Ставр связался с Виданой и велел немедленно прибыть по адресу Погорилого. Сам он в квартире Степана появился все-таки не первым: там уже были гости.

Он у в и д е л их еще до того, как вломился в квартиру, но ждать подкрепления не стал, только через поле Сил дал сигнал тревоги отцу.

Непрошеных гостей оказалось трое: один сторожил вход, а двое находились внутри: К-мигрант Стенсен и кайманочеловек. Каждый был вооружен по-своему: К-мигрант — каким-то энергоизлучателем с мощной накачкой (Ставр ощутил его колоссальный заряд), кайманоид, загримированный под витса, — сложным устройством из трубок, окуляров и спиралей.

Сторожа Ставр снял без напряжения, отобрал оружие и усыпил, тот оказался человеком. А вот с двумя другими пришлось повозиться, потому что сам Панкратов вооружен был только руками и головой.

К-мигрант ждал его в гостиной Степана, превращенной инком в сказочный лес, а кайманоид зашел с тыла, из кухни, хотя Ставр мог бы попытаться нейтрализовать их по одному, начиная с кайманочеловека.

«Так вот кто у нас опер «охоты» по нагуалю, — с иронической вежливостью проговорил К-мигрант. — Нам следовало бы догадаться самим. Быстро соображаешь, Панкратов. Хотя мог бы предусмотреть подобные инциденты, а? Кстати, ты не знаешь, случайно, что такое придумал твой дружок там, в лесу? Ведь не зря же ты кинулся сразу сюда».

Не отвечая и не обращая внимания на сверлящий спину взгляд кайманоида, Ставр прошел в кабинет Степана и понял, что гости успели вскрыть оперативный компьютер и считать всю информацию. В спину ему уперся ствол излучателя, подтолкнул вперед.

«Проходи, мастер. Вернее, эр-мастер, как тебя называют. Не мог бы показать, что это такое? Может быть, ты умеешь перемещаться в пространстве без всякого метро?»

Ставр послушно шагнул в комнату, медленно повернулся, не делая ни одной попытки выбить оружие из руки Стенсена. Несмотря на «хамелеон», он видел его почти так же хорошо, как и «витса»-кайманоида, держащего его в прицеле своего странного пистолета.

«Он ждет обойму прикрытия», — выдал вдруг слоган кайманочеловек, у которого был своеобразный «акцент» в пси-речи, словно говорили сразу несколько человек, причем косноязычных, шепелявя, поправляя и дополняя друг друга.

«Ты прав, — кивнул К-мигрант. — Гаси его».

Монстр тут же, не изменяя позы, выстрелил в проем двери. В стене с кристаллобиблиотекой, напротив которой только что стоял Панкратов, обозначился крестообразный пролом. Оружие было из разряда абсолютно неизвестных, Ставр ожидал прыжка всепоедающего «паука». По рассказам герцога и Железовского кайманолюди использовали именно метатели «пауков».

Второй раз выстрелить «витсу» он не дал — «взял на прием», отлично зная особенности строения тела кайманолюдей. Грехов был прав, знание видов борьбы этих монстров оказалось как нельзя кстати.

Ошеломленный мгновенной атакой кайманоид застыл, раскорячившись, как пугало, глядя на свой же «пистолет», направленный на К-мигранта.

«Браво, мастер! — «захлопал в ладоши» Стенсен. — Отличная выучка! Но против меня ты мышонок. Стой, где стоишь, иначе я тебя превращу — даже не в пыль — в нуль! В ничто. Эта штука в моей руке сворачивает пространство в «струну».

Ставр не ответил. К-мигрант стоял спиной к стене с нишей, внутри которой Степан держал свои «запакованные миры» — свернутые объемы в форме безделушек. Две из них — фигурка медведя и «медальон» — готовы были развернуться. Панкратов опустил пистолет.

«Уходите. Через минуту здесь будет спецназ, с ним вам не справиться. Я не хотел бы убивать вас без особых причин».

«Как благородно! — саркастически восхитился Стенсен. — Цирк, да и только! К сожалению, у нас есть причина, чтобы уничтожить тебя без всяких колебаний. Прощай, эрм».

«Прощай, идиот!» — В то же мгновение Ставр мысленно «толкнул» статуэтку медведя, как бы пытаясь проникнуть внутрь нее, и «упаковка» Степана не выдержала.

Взрыв — хотя это был скорее взрыв наоборот — оказался не слишком сильным, объем закапсулированного внутри «статуэтки» пространства не превышал полусотни кубических метров, но его развертка отняла в данном конкретном районе энергию, эквивалентную взрыву тонны тротила, и все, что было в комнате, превратилось в пыль, в атомарную взвесь. Тело К-мигранта бесследно исчезло, послужив как бы нейтрализатором «взрыва наоборот». Если бы не это обстоятельство, дом Степана пострадал бы сильней. К счастью, оружие Стенсена обладало защитой и не сработало, и Ставр покрылся холодным потом, представив, что произошло бы в этом случае.

От кайманоида, защитившего собой Панкратова, осталась передняя часть его маскирующего костюма, остальное тоже распалось в пыль. Досталось и Ставру, вынужденному использовать для защиты большую

часть пси-резерва. Почувствовав дурноту, он сел на пол, и Видана, ворвавшаяся в квартиру физика, обнаружила его в этом положении.

ЭСКАЛАЦИЯ

В пятницу четырнадцатого июля глава Совета безопасности Земли Хасан Алсаддан во всеуслышание объявил вне закона деятельность синклита старейшин Всевече, «развязавшего ради властных амбиций террор против мирного населения», в том числе против «рядовых» интраморфов, что привело к трагическим последствиям.

В срочном порядке собралась комиссия Всевече по охране прав человека и конгресс СЭКОНа, которые были ознакомлены с «фактами», предоставленными Алсадданом и отделом безопасности УАСС.

В качестве доказательства «преступной деятельности» проконсулов синклита Алсаддан привел в пример случай под Владимиром. Якобы по заданию синклита был уничтожен уникальный объект под названием нагуаль, под которым «многие ученые» подразумевают осколок иной вселенной наподобие Тартара или Чужой.

Поскольку никто из настоящих ученых, занимавшихся проблемой нагуаля, не мог пока ни подтвердить заявление, ни опровергнуть, оно произвело на парламентариев Всевече и СЭКОНа огромное впечатление. Даже многие интраморфы поверили Алсаддану, проголосовав за роспуск синклита и судебное расследование его деятельности. Баренцу, как воеводе синклита, ограничили свободу передвижения районом его проживания до выяснения обстоятельств дела, остальным экспертам синклита запретили любую активную работу без согласования с комиссией Всевече или отделом СЭКОНа.

Таким образом ФАГ добился если не полной, то частичной нейтрализации силы, которую считал наиболее серьезным противником среди организованных сообществ человеческой цивилизации. После этого он приступил к планомерному уничтожению всех тех, кто мог в потенциале помешать его планам, и начал с давления на ученых, так или иначе причастных к изучению нагуа-

лей. Двое из них — ксенолог Раттнер и физик-фридманолог Андреев — были найдены мертвыми: один дома, другой на работе, — с одинаковым диагнозом «остановка сердца». Большая часть остальных — около шестисот человек! — отказалась от участия в исследованиях, а оставшийся отряд исследователей феномена уже не мог обеспечить быстрого и полного решения проблемы.

Кроме того, эмиссаром ФАГа были инспирированы массовые беспорядки в крупных городах Земли, особенно в традиционно криминогенных районах южномусанского союза, Восточной Азии и Северной Америки, что отвлекло большие силы отделов безопасности этих регионов. А поскольку сеятели смуты продолжали натравливать массы на интраморфов, манипулировать сознанием толпы, возможности команды Железовского, осознавшей опасность слишком поздно, сократились многократно. По сути она вынуждена была уйти «в подполье», потеряв почти всякую официальную поддержку. Доступ к информации ОБ УАСС теперь имели только Ратибор Берестов и Мигель да Сильва, ухитрившиеся сохранить свои кресла начальников секторов. Но и они не могли привлечь все силы своих подразделений к проблеме ФАГа без риска личного провала. Ратибор, например, мог опираться только на обойму оперативников личной охраны, которых отбирал сам и о которых отдел кадров управления не имел ни малейшего понятия, а Мигель и вообще только на себя да на Ставра Панкратова.

ФАГ не оставил попыток добраться до главных действующих лиц противоборствующей стороны и подготовил еще несколько операций по их ликвидации. Только уровень подготовки при этом раз от разу повышался. Следующей в его плане стояла акция по захвату жены Ратибора Берестова Анастасии.

Упор был сделан на внезапность и немыслимую дерзость, ибо решено было напасть на нее прямо на рабочем месте — в технологическом модуле эфанализа в новом здании СЭКОНа, воздвигнутом недавно в центре канадской столицы Оттавы после выделения комиссии в самостоятельный орган контроля.

Двое исполнителей, один из которых был интраморфом, а второй работал в плановом секторе СЭКОНа,

вошли в кабинет эфанализа, представлявший по сути соты «эффекторного пространства» Умника, большого оперативного инка комиссии, сразу после появления в своей «сотовой» ячейке Анастасии Демидовой. Оба имели необходимый допуск и знали пароли пропускной системы, поэтому никто из оперативников обоймы прикрытия, продолжавшей нести службу по заданию Герцога и вопреки приказу нового комиссара-прима Еранцева, не обратил на них особого внимания.

Один исполнитель остался у двери в ячейку Анастасии, а второй спокойно вошел внутрь, где в коконкресле «грезила» женщина, уже вошедшая в игровое поле Умника и начавшая расчет; Железовский поручил ей оптимайзинг вывода, полученного Забавой Бояновой при расчете футур-узла, связанного с ростом агрессивности молодежи. Перед тем как начать расчет, она некоторое время колебалась, снять ли «защитника», который подарил ей Грехов, но все-таки решила не снимать, хотя он в какой-то степени ограничивал ее общение с инком. Это спасло ей жизнь.

Нежданный гость, вломившийся в модуль, без предупреждения выстрелил в нее из парализатора, но это был, во-первых, гипноиндуктор, сделанный не на Земле, а во-вторых, его команда была иной: «пакет» пси-излучения воздействовал непосредственно на мышцы-антагонисты тела, заставляя их бороться друг с другом. Анастасия застыла, полностью парализованная, не имея возможности даже повернуть голову к двери, медленно погружаясь в бессознательное состояние из-за остановки сердца.

Посетитель зашел к ней за спину и выстрелил из другого суггестора, мощности которого хватило бы на подавление любого пси-блока, будь на женщине стандартный «защитник». Но ее мозг прикрывал более мощный пси-щит, возможности которого не ограничивались функциями отражения и поглощения излучений. Он не просто отразил пси-волну, а сфокусировал ее и направил обратно. И Ф-террорист, не ожидавший ничего подобного, не смог отбить выпад. Выронил оружие, обмяк, осел на пол. Если бы его напарник в этот момент зашел в модуль, он, наверное, попытался бы просто убить Анастасию, которая уже потеряла сознание, и

утащить тело приятеля, но у него была четкая инструкция, что делать, и он просто ждал у двери, делая вид, что занят ее «ремонтом».

«Защитник» же Грехова не только отбил атаку, но и послал сигнал своему бывшему хозяину, и Габриэль прибыл в здание СЭКОНа к моменту, когда терпение сторожа лопнуло и он, озадаченный долгим отсутствием напарника, собирался заглянуть в модуль, вооруженный кроме парализатора еще и «универсалом». Вряд ли он успел сообразить, что произошло, когда в «сотовое нутро» кабинета ворвался Габриэль Грехов. Показалось — в голове взорвалась граната.

Освободив Анастасию, Грехов так же мгновенно исчез, оставив обойме прикрытия разбираться в происшествии. Ни первого, ни второго Ф-террориста медикам спасти не удалось.

В этот многострадальный день Ставру пришлось побывать в лесу под Владимиром еще раз. Поступило донесение от оперативника Мигеля, что на месте нагуаля возник новый объект — «дыра» или, скорее, «яма», засасывающая воздух. «Пощупать» эту «яму» можно было только с помощью локаторов и гравитационных детекторов, на расстоянии, подходить к ней после того, как туда едва не увлекло кого-то из спасателей, не рекомендовалось. «Яма» казалась обыкновенной скважиной, уходящей на несколько сот метров под землю, но зондаж и непрямые измерения показали, что ее глубина не поддается определению.

И еще одним интересным предположением поделились эксперты Мигеля с Панкратовым: если бы не присутствие мертвого тартарианина, масштабы катастрофы были бы на несколько порядков больше. Тартарианин как бы поглотил часть отрицательной энергии, не дав Большому Холоду (при выделении отрицательной энергии температура в этой зоне падала до гигантских минусовых величин — десятков тысяч градусов!) распространиться больше чем на полсотни метров.

Предположение требовало анализа с нескольких сторон, даже самых невероятных. К примеру, оружие

Ф-террористов тоже создавало зону чрезвычайно низких температур, так может быть, это родственные явления?

Загрузив терафима этой задачей, Ставр связался с шефом и получил разрешение да Сильвы и дальше заниматься делом по своему усмотрению. Официально же он продолжал числиться инспектором сектора пограничных проблем и работать над загадкой нагуалей. Мигель каким-то образом сумел уберечь его от подозрений в недозволенной деятельности.

До обеда Ставр побывал в институте точного машиностроения, где группа экспертов, приятелей Аристарха Железовского, выявляла тайны оружия, захваченного Герцогом, самим Аристархом и обоймой прикрытия Анастасии Демидовой: парализаторов, изготовленных не земными лабораториями, «генераторов холода» и метателя разрушающих вещество «пауков».

— «Генератор холода» по всем параметрам — компакт-преобразователь, — сказал старший группы экспертов, мощного сложения бородач. — Упаковка не наша, да и энергиями оперирует — что твой спейсер! Но в принципе это генератор свертки пространства в «струну». А вот штучка, стреляющая «пауками», нейтрализатор, как мы его назвали, пока за пределами наших представлений. Похоже, что «паук» — сгусток некоего поля, разрушающего межатомные связи, но так ли это, покажет время. Да вы не сомневайтесь, разберемся.

Ставр не сомневался и, пожелав работать осторожнее, покинул институт. Следующим пунктом его программы было посещение погранзаставы в системе Чужой и встреча с Левашовым. Этот пункт вызывал интерес еще и тем, что после отбоя «охоты» Видана вернулась к исполнению прямых обязанностей в команде Левашова, получив какое-то задание от руководства «погран-2».

После инцидента с чужанами, нанесшими удар по станции, меры секретности и защиты погранзаставы были усилены, и Ставра дважды останавливали: в метро управления, где он вынужден был предъявить допуск и ждать разрешения на старт к Чужой, и на самой погранзаставе, — прежде чем он попал по назначению.

Левашов не смог освободиться сразу после его прибытия, поэтому Панкратов с час был предоставлен

самому себе, каковое время использовал для обхода станции и поисков Виданы.

Девушки на станции не оказалось, в составе погранпатруля она прикрывала исследовательские машины в зоне нагуаля. Зато совершенно неожиданно встретился Лабовиц, хотя пограничником он не был и в принципе находиться на борту станции не мог. Ставр забрел в транспортный ангар и в одном из техников, возившихся возле последней модели когга, узнал бывшего космена.

Когг класса «универсал-маг» представлял собой десятиметровую «морскую звезду», лучи которой, обхватывая центральную капсулу пилотской кабины, образовывали трасформируемое в широких пределах тело аппарата.

«Что остановился, мастер? — раздался ворчливо-отеческий голос Германа. — Наши пути снова пересекаются? Не хочешь поглядеть на нагуаль поближе?»

«А разве здесь не действует распоряжение директора управления об ограничении исследовательских полетов?»

«На меня это распоряжение не распространяется. Ну, так как?»

Ставр пожал плечами и подошел к спейс-машине ближе, разглядывая обводы ее корпуса. Как и любой квазиживой организм, она вызывала ощущение дремлющего великана, полного сдержанной силы и уверенности в себе.

Четыре луча «звезды» плавно накрыли собой пилотский модуль, пятый выбросил трап.

«Заходи, — сказал Лабовиц. — Через час вернемся».

Остальные техники закончили тестирование машины, отошли в сторону. Лабовиц и Панкратов стали на трап, и тот втянул их внутрь аппарата.

Кабина могла вместить четверых человек и представляла собой центральный нервный узел когга, реагирующий на команды пилота и способный защитить его от любого катаклизма. Энергиями этот аппарат владел почти как большие спейсеры космофлота.

Прежде чем стартовать, он продемонстрировал возможности трансформации, превращаясь поочередно в разные геометрические фигуры, затем оделся в сетку

голубых разрядов и — для персонала ангара — исчез. Для пассажиров же старт прошел незаметно, не вызвав никаких ощущений: инк аппарата поддерживал в пилотском модуле комфортные условия земного типа.

Погранзастава «Стрелец» в настоящее время функционировала в режиме «инкогнито», и со стороны увидеть ее было невозможно. Как ни напрягался Ставр, определить, где она сейчас — после старта, не смог. Лабовиц выключил стены, и вокруг распахнулась глубокая темнота пространства, не рассеиваемая ни бисером звездных скоплений, ни достаточно близким солнцем Чужой, видимым с расстояния в сто миллионов километров. Затем заработала система опознавания и ориентировки, и разным цветом засветились объекты системы: ее псевдопланета, сооружения чужан, спейс-машины землян, погранзастава и нагуаль. Вокруг последнего кружилась настоящая метель, огоньков было не менее сотни, но из них лишь десятая часть обозначала корабли земных исследователей и пограничников, остальные принадлежали другим разумным существам. Некоторые из них, по робким определениям наблюдателей, были земным ученым неизвестны.

Когг начал разгон, за десять минут приблизился к нагуалю на тысячу километров, притормозил. Лабовиц дал вариацию увеличения, и компьютер «вырезал» пилотам окна дальновидения, в которых стали видны мигающие «огурцы» чужан длиной от сотни метров до четырех-пяти километров, «авоськи» паутин с завернутыми в них горами тартариан, светящиеся колеса орилоунов, то и дело меняющие форму и размеры, и туманно-струящиеся трезубцы горынычей.

Лабовиц покосился на Ставра.

«Если уж орилоуны решились оторваться от родной планеты ради изучения нагуалей, то опасность велика, парень. И растет эта пакость все быстрей».

Панкратов не ответил.

Инк повел когг ближе, но, несмотря на принятые меры маскировки, его каким-то образом заметили. Один из чужанских «динозавролетов» тут же устремился навстречу, меняя цвет свечения с зелено-голубого на багровый.

«Сердится дядя, — философски заметил Лабовиц. — Здорово их настроили против нас, мерзавцы».

Когг отвернул и помчался вокруг нагуаля по широкой дуге. Чужанский спейсер некоторое время шел поодаль и вернулся к стаду своих собратьев.

«Ага, вот он!»

Ставр еще ничего не увидел, а Лабовиц уже дал ускорение, и когг в несколько секунд достиг нагуаля, вернее, границы допустимого приближения, за которой начинались острейшие и прочнейшие иглы-лучи. Приблизился объект, плохо видимый на всех диапазонах электромагнитного спектра, — нечто вроде трехлучевой звезды с центральным утолщением.

«Я пошел. — Лабовиц вылез из пилотского кокона. — Отведешь машину назад».

«К-как это?! — не понял Ставр. — А вы?»

Лабовиц усмехнулся.

«Я вернусь позже, не беспокойся. И поторопись с анализом открытия Степана, необходимо опередить эмиссаров ФАГа. Если они решат проблему раньше, возможна большая беда. Степан, сам того не ведая, наткнулся на открытие калибровочного преобразования в реальном масштабе, позволяющего обойти принцип инконгруэнтности[1] разновременных континуумов. В результате этого преобразования Абсолютно Мертвое Пространство, образующее «шубу» нагуаля, растворяется, исчезает, а нагуаль превращается в то, чем он является на самом деле, — бесконечно глубокую потенциальную «яму», допускающую макроэффекты с засасыванием материи. Ведет эта «яма» за пределы метадомена, то есть в хаос-континуум Большой Вселенной с колоссальными отрицательными напряжениями. Достаточно толчка, чтобы инициировать развертку узла, и тогда возможен... — Лабовиц снова улыбнулся. — Надеюсь, до этого не дойдет. Пока, эрм».

Он исчез. Чмокнул выходной люк катапульты, по виому чиркнул маячок «голема», утонул в центральном утолщении «звезды», и та растаяла. Когг тряхнуло.

Ставр опомнился: чужанский «дредноут» надвинулся вплотную, отвесил еще один ощутимый силовой шлепок.

— Ухожу, ухожу, — пробормотал Панкратов, командуя инку отступление. — Ничего я тут у вас руками не трогал.

---

[1] Инконгруэнтность — несовмещение.

Он вспомнил усмешку Лабовица и вдруг понял, что это был вовсе не Герман.

— Грехов! — прошептал Ставр. Присвистнул. — Ну, и лопух же я! Но каков экзоморф! Провел-таки мальца...

Левашов уже искал его по всем углам погранзаставы, когда Ставр доковылял на когге до причального ангара. Они уединились в каюте начальника заставы, и Левашов включил пси-фильтр.

«Я получил три предупреждения с угрозой расправы, если не умерю исследовательский пыл. Плюс «дружеский» совет командора взять на время отпуск и отдохнуть в каком-нибудь из райских уголков Системы. Но это к слову. Что там произошло с моим учеником?»

Ставр вспомнил, что Погорилый тоже когда-то работал с Артуром.

«Он развернул нагуаль «в дыру» иномерия. К сожалению, никаких записей не оставил, то ли все держал в голове, то ли фунциональный инк погиб во время эксперимента. Но я знал, над чем он работал — над проблемой многомерной упаковки пространств. Идею использовать тартарианина и «колупнуть» нагуаль подал ему я».

«Значит, решая одну задачу — упаковки, он решил противоположную — развертки».

«Я только что встретил Грехова...»

«Что?! Здесь, на заставе? Не может быть!»

«И он подал еще одну идею, — хладнокровно продолжал Ставр, — калибровочного преобразования по принципу стохастической паутины. Давайте попробуем поиграть константами в этой области. Я дома, вы здесь».

«Грехов на заставе... о Господи!»

«Он... ушел. — Панкратов пересказал подробности своей встречи с Габриэлем. — А ведь я давно пытаюсь найти его по заданию деда Аристарха. Странный он человек...»

«Он не человек, скорее мадхъяма[1]. — Левашов помрачнел. — Если бы мне не мешали работать... Как говорится, все запрещено, а остальное дозволено. А тут еще одна загадка: приборы регистрируют «раскачива-

---

[1] Мадхъяма — тот, кто достиг промежуточной стадии реализации Бога (буддизм).

ние» констант: гравитационной постоянной и постоянной слабого взаимодействия. Очень далеко по «щели» чувствительности аппаратуры, до уровня «скатывания вероятности», но эффект уже статистически заметен. Плюс ускорение роста нагуалей... И вот я думаю — не является ли главной задачей ФАГа взорвать Чужую? И Тартар заодно?»

«Вы думаете, это... реально?»

«Не знаю и потому боюсь».

«А что все-таки делают возле нагуаля орилоуны? Да и горынычи — не их ли там аппараты?»

«Держатся орилоуны особняком и в контакты не вступают не только с нами, но и с чужанами. Мне кажется, они пока изучают нагуаль как новое явление, в то время как чужане явно пытаются как-то воздействовать на него. Горынычи тоже».

«А лемоиды больше не появлялись?»

«Нет. — Левашов в задумчивости посмотрел на гостя. — Поверьте, мы делаем все, что в наших силах... Но, может быть, ваша идея калибровки поможет глубже вникнуть в проблему нагуалей. Хотите выпить?»

Ставр решил было отказаться, но в это время кто-то тихо «поскребся» (в пси-поле) в дверь. Левашов выключил пси-фильтр, выслушал дверной автомат и открыл дверь. Вошла Видана, остановилась, глядя на Ставра. Лицо ее выражало целый набор эмоций и переживаний, в котором смешались уверенность в себе, задор, желание борьбы, вызов, нетерпение, грусть и вопрос. Но обратилась она к хозяину:

— Артур, это эмбрион! — Она спохватилась. — Привет, эрм. Снова поиски странного? — Играла непосредственную девочку она великолепно. — Артур, нагуаль — это эмбрион, совершенно очевидно! Чужане что-то выращивают для своих нужд.

— Может быть, капусту? — хмыкнул Ставр.

Видана вспыхнула.

— Очень остроумно! Я и забыла, что у вас по каждому поводу есть свое мнение. Может быть, у вас, досточтимый сэр, найдется объяснение и нагуалю?

— Конечно, найдется, — кивнул Ставр бесстрастно, удивляясь в душе тому обстоятельству, что каждая встреча с Виданой доставляет ему удовольствие. — На-

гуаль — это бесконечно простой объект, проще даже математической точки и пареной репы.

На лице девушки отразилось разочарование, сменившееся гримаской насмешки.

— М-да, эрм, оригинальностью ваша гипотеза не отличается. Ну, я пошла отдыхать, Артур. Чао, мастер. Когда набредете на истину в отношении нагуаля, вы уж сделайте милость, поделитесь.

Ушла.

Мужчины смотрели на закрывшуюся дверь, и чувства у них были разные.

— Хорошая девочка, — сказал Левашов задумчиво. — Будущий лидер. К ней нужен особый подход. Кстати, она могла и не заходить ко мне со своим «открытием».

— Я тоже пошел, — поднялся Ставр. — До связи, Артур.

— А как же насчет выпить? У меня есть ароматнейший лунный мед, настоянный на хмеле.

Панкратов подумал и согласился.

КОНТРРАЗВЕДКА-2

Сектор контрразведки был организован в отделе безопасности УАСС во время второго пришествия Конструктора в связи с террористической деятельностью К-мигрантов. После ухода Конструктора из Солнечной системы этот сектор несколько увял и претерпел сокращение численности оперативного состава, но когда в Системе и в пограничных мирах стали появляться чужане и неизвестные ксенологам существа, сектор был реорганизован и заработал с прежней силой. Начальником его стал интраморф Джордан Мальгрив, бывший сопредседатель СЭКОНа.

Однако мало кто знал, даже из высших эшелонов власти, что существуют два сектора контрразведки, один как бы официально признанный, внешний, а второй внутренний, закрытый для прямого контроля правительства, называемый «контр-2». Обоими руководил Мальгрив, но отчитывался при этом разным шефам: за работу первого — Шкурину, за работу второго — непосредственно конспират-совету безопасности, одним из

членов которого был Велизар, архонт Всемирного Вече. И работали в «контр-2» глубоко засекреченные агенты с высокими коэффициентами интеллекта и ответственности вроде Прохора Панкратова, отца Ставра.

Конечно, специфика работы сектора отличалась от специфики контрразведок в эпоху государственного обособления, но методы остались практически теми же, разве что возможности возросли многократно в соответствии с высоким уровнем научно-технического потенциала.

Представив доклад о нынешнем положении дел Еранцеву, Мальгрив в этот же день был принят Велизаром, отчет которому звучал в совершенно иной тональности.

Встретились они в личном модуле психологической разгрузки архонта Всевече, защищенном не хуже, чем бункер, оборудованный Железовским под Тибетом.

Велизар, как всегда, выглядел почтенным отцом семейства, озабоченным повседневными делами, Мальгрив был рассеян и малоулыбчив и производил впечатление готового услужить всем и каждому доброхота. Правда, те, кто представляли его себе таким, очень сильно ошибались.

Привычно проверив охранные системы собственных тел с глубоким проникновением в поле Сил, оба так же привычно уселись в удобные, хотя и старомодные кресла. В этом небольшом куполовидном помещении ничего не было, кроме кресел, столика с фруктами и сегментно-фасетчатого глаза инка на стене.

«Как всегда, начну с плохих новостей, — начал Мальгрив, глядя на фрукты — яблоки, груши, бананы и киви; один из плодов киви вдруг всплыл над столом и переместился к лицу начальника контрразведки. Мальгрив откусил, пожевал и с видимым равнодушием доел плод. — Двое кобр моего отдела — официози конечно — убиты, а следствие топчется на месте. То же самое и у Берестова: агент, который работал на эмиссара, утонул. Ясно, что ФАГ перестраховался, убрав своих агентов, готовых вот-вот провалиться, но как он это сделал — загадка. У всех троих лица такие, будто они увидели нечто ужасное. Но — и все! Никаких следов на теле, никаких внутренних кровоизлияний и травм, оба умерли от остановки сердца».

«Может быть, это результат гипервнушения?»

«Нет характерных для ГПП пси-цепочек в мозгу, «трасс порогового просачивания», как говорят медики. Но это не главная наша неудача. К сожалению, мы слишком поздно узнали, что существует карта распределения нагуалей. Не только в Галактике, но в домене!»

Велизар продолжал молча слушать, не меняя выражения лица.

«Эта карта была составлена Греховым давно, — продолжал Мальгрив, — но мы узнали о ней несколько дней назад, причем случайно, от Ставра Панкратова. Предполагаем послать на проверку его отца. Если информация подтвердится...»

«Это серьезный прокол, — уронил наконец Велизар. — Неужели о карте никто не знал?»

«Знал Лабовиц, но без разрешения Грехова не рискнул никому сообщить об этом. В принципе, это дает нам шанс наверстать упущенное, потому что и ФАГ не знал о существовании карты. Другой вопрос: откуда Грехов добыл координаты нагуалей? Да еще, судя по всему, полсотни лет назад! Но это, как я уже сказал, вопрос второй. Далее. Возникли проблемы в системах Чужой и Тартара с их аборигенами. ФАГ сумел настроить чужан таким образом, что наши спейс-машины преследуются и к нагуалям не подпускаются. Зато возле них замечены машины неизвестных нам конфигураций. В том числе и орилоунов. Кстати, слышали гипотезу? Если чужане — функционально потомки тартариан, то есть те же тартариане, только сумевшие проэволюционировать и вплотную подойти к проблеме выхода в наше пространство, то орилоуны — суть потомки чужан! То есть это чужане, но уже вышедшие в наш мир из-под скорлупы своего континуума».

Велизар усмехнулся.

«Это гипотезу предложил Ян Тот?»

«Нет, Артур Левашов и его ученик».

«Очень способный молодой ученый. Необходимо его поберечь».

«Мы прикрыли его, не беспокойтесь. Жаль, что не успели помочь Степану Погорилому, но никто не знал,

над чем он работает. Кроме Ставра Панкратова. Не слишком ли много делает ошибок этот эрм-опоек?[1]»

«Его не очень умело ориентировали в деле ФАГа, отсюда ошибки. Да и молодо-зелено, знаете ли... Что у вас еще плохого в портфеле?»

«Нападения на интраморфов учащаются, и делает это в основном мусанский «легион плаща и кинжала». Но к ним все чаще присоединяются К-мигранты и кайманолюди, оружие которых не имеет аналогов в земной истории техники. Эксперты уже разобрались с одним из видов этого оружия, разберутся и с остальными, но у нас теперь во весь рост встала задача поисков планеты кайманоидов. И наконец, главные проблемы. В результате эксперимента Погорилого в лесу под Владимиром образовалась многомерная или одномерная, не суть важно, «яма», засасывающая воздух, песок, почву, растения, короче — все, и радиус этого захвата неуклонно увеличивается. Как увеличиваются и размеры нагуалей. Особенно это заметно по Большому Ничто возле Копа де Плата: размеры тамошнего нагуаля растут по экспоненте и достигли уже ста миллионов километров! Мало того, он бросает «нити» — отростки толщиной от микрона до миллиметра, проследить которые очень трудно. Однако последний из отростков устремлен в сторону...»

«Геркулеса, — закончил Велизар. — Вернее, в сторону войда в Геркулесе, который, наверное, уже весь зарос «паутиной» нагуалей».

«Да, вероятно. Если и Галактика зарастет — человечество обречено».

«Если бы только человечество... У вас все? Никаких положительных сдвигов, результатов, успехов, удач?»

«Почему, уже решение задачи оружия Ф-террористов — успех. Плюс потеря темпа ФАГом из-за неудач при нападениях на мощных наших стариков. Кстати, вас не мучает совесть, ведь мы как бы спрятались за спину проконсулов синклита, их родных и близких...»

«Они справятся. Вы прекрасно знаете, Джордан, что обойму синклита изначально предполагалось использовать, как группу отвлекающую, и справляется она со своим амплуа великолепно. ФАГ п о в е р и л, что эти

---

[1] О п о е к — теленок *(древнерус.)*.

люди — основная ударная сила защитной системы цивилизации. Конечно, в конце концов он выйдет и на «контр-2», но мы к этому готовы, не так ли?»

«Как бы то ни было, но мы их подставили. И мне кажется, что кое-кто из них догадывается об этом».

«Кто именно?»

«Железовский, например. Анастасия Демидова. Я все понимаю, война есть война, будут жертвы и жертвы, и все же «любовь внутри меня перерастает в боль» — не помню, кто это сказал».

Велизар кивнул, он переживал то же самое, но в большей степени, потому что бремя большинства судьбоносных решений лежало на нем.

«По приказу Еранцева я развернул БОС и СОС[1], но ориентировал их сам комиссар, а это значит, что системы сработают на перехват не агентов ФАГа, а наших исполнителей, поэтому нужно разработать адекватные контрмеры, что не в моей компетенции».

«Шериф займется этим. У Герцога появилась идея — натравить на боевиков мусанского союза штурмовиков разного рода рыцарских Орденов. Социологи уже просчитывают модель атаки».

Мальгрив покачал головой.

«Будет много крови... такой ценой я не стал бы спасать ареал паранормов. Если нас уничтожат, значит, этого хочет космос».

«Да? — поднял брови Велизар. — Интересная мысль. Свежая. А как же нам реагировать на клич неофундаменталистов: «Перережем паранормов!» Сидеть сложа руки и ждать, пока перережут?»

Мальгрив хмуро съел еще один киви, готовя какие-то возражения. Но сдержался. Сказал с выражением, вслух:

— Бешеные псы!

— Гуррах! — ответил ему в тон Велизар. Он имел в виду не только кайманолюдей.

«У меня все, — перешел снова на слоган-речь начальник контрразведки. — Я проверил документально всех добровольных помощников синклита, среди них

---

[1] Б О С — боевая операционная система, С О С — следственная.

есть люди, которых можно перевести на уровень выше, привлечь к нашим операциям в «контр-2».

«Я знаю только одного такого — Свами Вивекананду».

«Я имел в виду Артура Левашова».

«Подумайте над обеими кандидатурами. Да, вы почему-то ничего не сказали о возвращении Грехова».

«А что говорить? Я не знаю, где он бродит или прячется, а также не знаю, друг он или враг».

— Ну, что вы, — тихо сказал Велизар, внезапно погрустнев. — Габриэль никогда не был нашим врагом в таких обстоятельствах. Я знаю его более ста лет.

Мальгрив с любопытством глянул на архонта Всемирного Вече. Велизар ответил ему тонкой улыбкой.

— Я не всегда носил имя Велизар. Более ста лет назад меня звали Петром Пинегиным.

— Вы хорошо подумали? — спросил Баркович, глядя на Видану как бы издали, откинув голову назад. — Отсутствие претензий по службе еще не причина.

— Командор, есть несколько причин для отказа, — ответила склонная к прямоте девушка. — Во-первых, я человек ветра, а ветер — существо капризное. Во-вторых, мне нравится, когда мне дарят цветы без намеков на то, что долг платежом красен. В-третьих, я человек не вашего круга, в котором, кстати, мало симпатичных мне людей. Есть и в-четвертых, но это уж совсем личное.

— Идите, — бросил Баркович, гася огонек в глазах. — Вы явно ошибаетесь в оценке ситуации, к тому же я всегда добивался своей цели.

— Успеха вам в этом благородном деле. — Видана вышла, гордо вскинув голову.

Баркович глядел ей вслед, абсолютно не смущенный отказом подчиненной «отдохнуть вечером в кафе и расслабиться». Он совершенно точно знал, что в ближайшем будущем его отношения с Виданой Железовской изменятся, хотя все ее «причины для отказа» и не были только игрой, выражением изощренного женского кокетства.

Чувства Виданы были иными, и если бы существовал способ перевести их в слова, то их можно было бы выразить одним словом «козел!».

Патрульный пакмак — модульная связка из пяти коггов и осевого драккара — был уже готов к вылету.

— Что он от тебя хотел? — спросил кобра патруля Йохан Тильбурд (тот самый юноша, который узнал в Ставре Панкратове эр-мастера в день памятного конфликта в лесу).

— Хотел, — двусмысленно ответила Видана, засмеялась, хлопнула ладонью по подставленной ладони озадаченного драйвера-прима. — Поехали.

Другие пилоты уже сидели в коконах своих машин, перебрасываясь репликами и шутками. Видана нырнула в уютное нутро второго когга, и через несколько секунд пакмак стартовал.

Видана любила этот момент, когда аппарат выныривал из мрака силового кокона станции в брызжущую искрами звезд бездну. Ей, как всегда, захотелось выкрикнуть что-то веселое, сделать кувырок через голову, запеть и засмеяться, и, как всегда, она сдержала порыв, помня, что ее едва не сняли с патрулирования два дня назад за «кувырок» когга.

Чужая сместилась влево, притушила накал, начала расти в размерах. Заработала система опознавания целей, и перед глазами пилота вспыхнули десятки пульсирующих огоньков, искр и звездочек, обозначавших местоположение всех искусственных и естественных объектов в зоне нагуаля. Сам он виден не был, но инк знал его координаты и отметил багровой кляксой, так что ошибиться было невозможно. В ушах проклюнулись шумы эфира: гул прибоя, шорохи электромагнитного дыхания космоса, длинные свистящие скрипы переговоров чужанских кораблей, будничные голоса земных исследователей и пограничников.

— Даю цели, — раздался отчетливый голос кобры патруля.

Инк пакмака отсеял каждому пилоту ведомый объект, и Видана увидела свою цель — зеленый крестик галиона, который она должна была подстраховывать и оберегать на случай опасных приставаний чужанских сторожей. На борту галиона, превращенного в крепость и лабораторию одновременно, работала смена ученых-ксенологов и физиков в количестве двадцати пяти человек, это заставляло относиться к своим обязан-

ностям со всей ответственностью, хотя вряд ли патрульный когг мог бы предпринять что-либо серьезное в ответ на атаку одного из гигантских «динозавролетов» чужан. Но это пилоты патруля предпочитали не обсуждать.

— Смена караула, — прошелестел в ушах голос координационного инка.

Рядом с зеленым крестиком ведомой цели дважды мигнула оранжевая искорка — когг предыдущей смены передавал, что все в порядке, и уходил к базе. Видана ответила кодом, сопровождая ответ «букетом» пожеланий, и в этот миг на месте искры разгорелось маленькое ослепительное облачко, пронзенное яркими лучиками. Погасло. И Видана, холодея, поняла, что когг, экипаж которого она сменила, взорвался!

Инстинкт сработал прежде, чем она оценила ситуацию, и патрульный когг сразу на порядок увеличил скорость. Только после этого эфир донес взрыв восклицаний, запросы наблюдателей и дежурных на погранзаставе, команду Тильбурда: «Обойме императив «еж»! Видана, поищи там, может, кто-то из экипажа успел выброситься. На поиск у тебя не больше пяти минут, нас засекли роиды».

Видана и сама увидела, что один из чужанских «дредноутов» повернул к месту катастрофы, но тут же забыла об этом.

В точку взрыва она прибыла через полторы минуты, остановила когг, включив личные «локаторы»; вся поисковая аппаратура машины уже была включена инком. Однако пространство в этом месте оказалось стерильно чистым — ни пылинки, ни соринки, ни малейшего обломка! На всех диапазонах связи царила тишина, в том числе и в пси-интервале. От когга и двух его пилотов не осталось ничего!

Видана трижды проутюжила район взрыва, с отчаяния даже выключив защиту, чтобы увеличить чувствительность бортовых датчиков, и, чуть не плача, ответила лишь на второе обращение Тильбурда:

— Здесь никого и ничего нет, Йохан! Когг буквально испарился!

— Возвращайся в общий круг, включи «саван». Включи «саван», я сказал!

Видана, сглотнув слезы, скомандовала инку включить полную защиту когга и вдруг услышала какой-то странный «звук» в пси-поле, будто кто-то тихо и злобно рассмеялся, тут же прикрыв рот ладонью. И снова за нее сработал инстинкт, а не разум, приказав инку перейти на императив «зигзаг». Это спасло ей жизнь.

Когг на разгоне рванул в сторону и тут же изменил траекторию, выпуская «дымовую завесу» — сотню тысяч зерен электромагнитных отражателей. Тот, кто только что сбил когг пограничников и собирался уничтожить еще один аппарат, промахнулся. Правда, хотя выстрел их оружия и миновал машину Виданы, все же «снаряд» этот взорвался рядом, в десятке метров за кормой, и половина когга мгновенно испарилась, исчезла, превратилась в пустоту, несмотря на включенную полевую защиту.

Герметичный кокон кабины с потерявшей сознание девушкой подобрал когг Тильбурда, а третий раз применять свое страшное оружие неизвестный хайджекер[1] не решился.

Железовский ворвался в кабинет командора погранслужбы, как ураган, сметающий все на своем пути, остановился напротив ничуть не удивленного его визитом Барковича, который вел беседу с каким-то немолодым человеком в штатском.

— Я занят, — сказал Баркович.

— Выйди, — громыхнул Железовский, обращаясь к посетителю, но глядя на хозяина кабинета.

Гость не двинулся с места, смерив Аристарха взглядом. Железовский повернул к нему голову, и кресло с посетителем отодвинулось от стола на метр. Тот остался сидеть, но уже с сомнением во взоре.

— Подожди в приемной, — сказал Баркович. — Я через пять минут освобожусь.

Посетитель встал и оказался выше Аристарха на полголовы и шире в плечах. Когда он сидел, этого видно не было. Однако на Железовского габариты незнакомца не произвели впечатления. Подождав, пока тот выйдет, проконсул синклита резко произнес:

---

[1] Хайджекер — воздушный налетчик, бандит, пират.

— Чтобы сказать тебе пару ласковых слов, мне хватит и минуты. Первое: выходи из игры. Интраморф ты никакой и на генерала ФАГа не тянешь. Второе: еще раз сделаешь одно из твоих гнусных предложений моей внучке — я тебя из-под земли достану... и обратно закопаю! Ладушки? А также обещаю разобраться с нападением на Видану возле Чужой, и если узнаю, что это твоих рук дело или совершено с твоей подачи... — Железовский взмахнул рукой, и стол хозяина кабинета из прочнейшего силигласса развалился на две части. — Понял?

Баркович откинулся в кресле, глянув на Аристарха в своей излюбленной манере — задрав голову. Но Железовский чувствовал, что ему не по себе.

— Понял?

— Я не имею никакого отношения к нападению, — снизошел наконец командор погранслужбы. — А вы в свою очередь хорошо взвесили последствия своих угроз?

Железовский повернулся и вышел, столкнувшись в дверях с посетителем Барковича, и, так как тот не уступил дороги, — двинул его плечом так, что гигант крутанулся волчком вокруг оси.

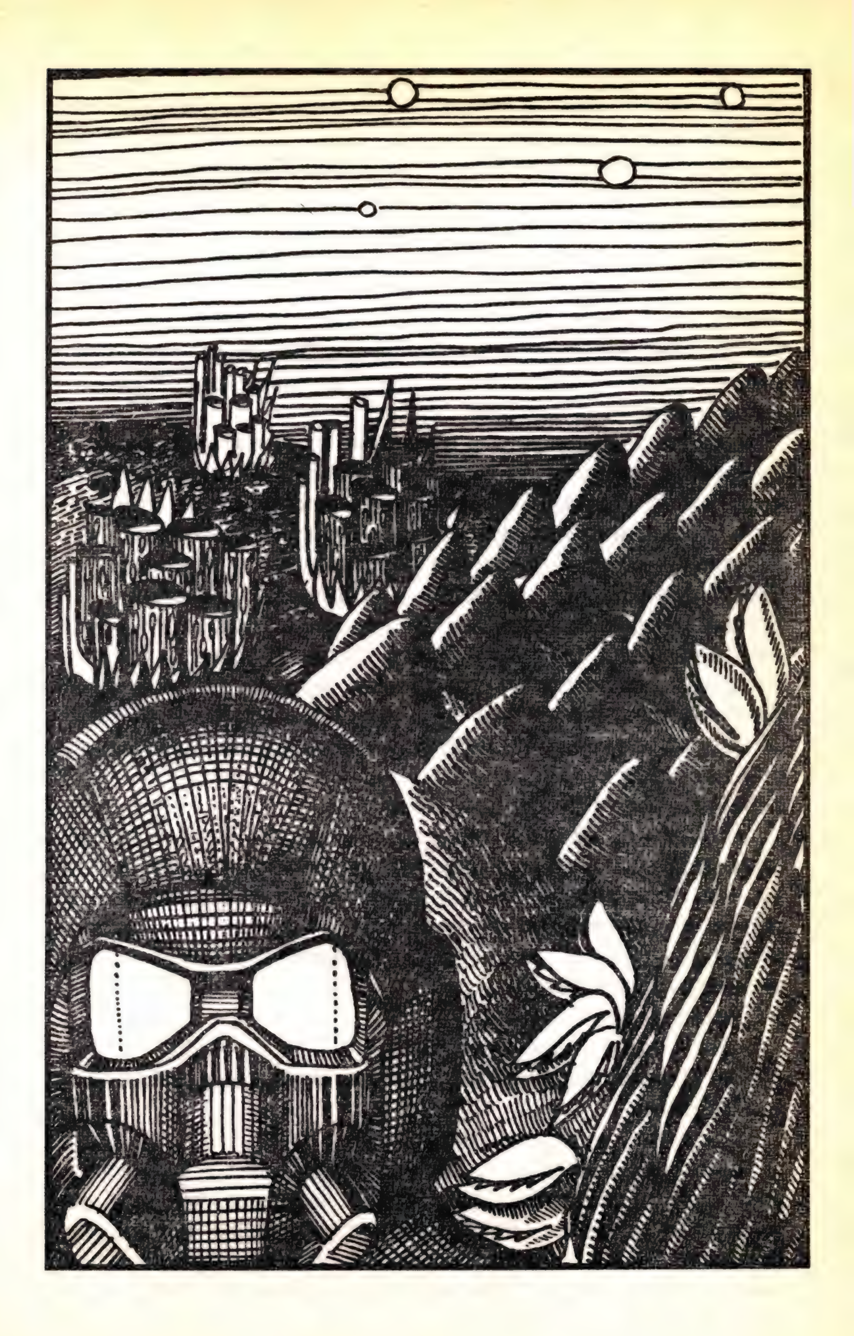
В коридоре проконсула ждал Мигель да Сильва, молча направился за Железовским. В улитку лифта они вошли, не проронив ни слова, выбрались у входа в кабинет.

«Шлейф — ноль ноль один, — доложил инк, контролирующий передвижение начальника сектора по управлению, что означало: «вероятность слежки с помощью незамеченных средств наблюдения — один процент». Да Сильва кивнул, дверь открылась, и они проследовали в служебный модуль сектора пограничных проблем. В личном боксе шефа сектора, защищенном пси-фильтром, их ждал Пауль Герцог.

«Как он прореагировал?»

«Достойно, — ответил Железовский. — Я на него не произвел абсолютно никакого впечатления. Но не это главное. У него в гостях не кто иной, как один из К-мигрантов, в маскхалате естественно. Предположительно это Вильям Шебранн, но я не уверен».

«Берегитесь, патриарх, — сказал Герцог. — Теперь они примутся за вас гораздо серьезнее. ФАГ не потерпит утечки информации и пойдет на любой риск ради вашей ликвидации».

«Вот и ловите момент, когда он раскроет свои карты. Ведь вы там, в своей «контр-2», уже разработали небось планы перехвата?»

Герцог и да Сильва переглянулись. Железовский гулко хехекнул, с маху бросившись в кресло, которое выдержало его с великим трудом.

«Мы подозревали, что вы догадываетесь...»

«Но не знали точно, не так ли? Успокойтесь, о «контр-2» знают лишь двое из нашей инициативной дружины: Настя Демидова и Велизар. Задачу мы свою понимаем и выполним. У вас есть сведения, кто напал на погранпатруль в системе Чужой?»

«Анализ показал, что стрельба из уничтожителя, как эксперты назвали это оружие, велась скорее всего из того самого галиона, который должны были прикрывать пограничники. Но проверить предположение нам не дали. Баркович умело перехватил инициативу, к месту катастрофы подоспел его личный пакмак, и пограничники, естественно, обследовать галион не стали. Мы в ответ и не настаивали, пусть думают, что принята их версия: обстрел наших машин вели чужане. Как только галион — у него красивое название: «Тяньаньмынь» — уйдет на базу для пополнения запасов, мы его возьмем на абордаж».

«Где нам поднять шум еще?»

«Нужно делать это разумно, — сказал Герцог, с удовольствием созерцая надежную фигуру Аристарха. — Судя по некоторым колебаниям пси-поля Лайа-центр ФАГа в Солнечной системе находится либо в районе Фаэтона-2, либо... на Солнце. Попробуйте проявить активность в этих районах».

Железовский хмыкнул.

«На Солнце? Вы уверены?»

Да Сильва не ответил, и проконсул синклита понял его мысль.

«Хорошо, рискнем. Что еще?»

«Анализ заявления К-мигранта Свиридова, с которым вас свела судьба возле Фаэтона-2, показал, что под определение «эмиссар ФАГа» подпадают всего два человека, имеющие по две должности в высоких сферах. Первый — Сильвестр Еранцев, комиссар-прима ОБ и он же — член Совета безопасности, второй — один из вице-

президентов Всевече, каждый из которых также является членом Совета безопасности или входит в СЭКОН. Кто именно — пока неизвестно».

«У вас есть предложения, как его вычислить?»

«Нет», — честно ответил Герцог.

«Тогда я попробую сделать это сам».

«В этом пока нет необходимости. Если понадобится ваша помощь, мы сообщим».

«Зря, время не терпит, — проворчал Аристарх. — Вы в курсе, какую гипотезу предложил Артур Левашов? Мне кажется, она не лишена оснований».

Да Сильва качнул головой.

«Возможно, ФАГ и решится взорвать, вернее, инициировать распад Чужой и Тартара, но мы не считаем это г л а в н о й его задачей. Хотя и это достаточно сильный аргумент в споре, который начал не он и не мы — кое-кто помасштабней. Но мы еще поговорим на эту тему. Аристарх, ради Бога, не увлекайтесь поединками с Ф-террористами, даже с кайманоидами, все они — жертвы ФАГа, простые исполнители, редко понимающие, что творят. И последнее. Наши эксперты разработали идентификат-программу, с помощью которой можно точно определить, кто перед вами — друг или враг, ваш знакомый или подосланный убийца, запрограммированный под знакомого, какой бы маскхалат он ни носил. Программа вводится в память терафима, личного инка...»

«Понял, это настоящий подарок! Мы немедленно вооружимся им. Гляжу, вы там, в своем «контр-2», время даром не теряете. А я было уже приуныл».

Да Сильва засмеялся.

«Вы нас тоже удивили, патриарх. Не поделитесь тайной, как вы узнали о «контр-2»? Вдруг этой утечкой информации воспользуется наш враг?»

«Не воспользуется, тайна сия велика есть», — ответил мрачно Железовский.

БЕГСТВО

Мягкий, беззвучный, но ощутимо сотрясающий сознание толчок в голову (изнутри!) застал Ставра за отработкой приемов астрокаратэ или космобоя, как на-

звала Видана виды единоборств, предложенных Греховым.

«Включи обработку», — тотчас отреагировал Панкратов.

Домовой послушно вывел волну «спрута» в аудиодиапазон, и спустя мгновение из неимоверной дали — по первому впечатлению — прилетел Голос Пустоты:

— Все, кто слышит: Система — игровое поле! Оглянитесь вокруг! Флуктуативность константы дельта эм — в пределах двух значений!

Голос упал до шепота, стих.

«Что он сказал?!» — изумился Ставр.

Инк послушно повторил загадочные фразы, добавил ворчливо:

«Какую систему он имеет в виду под «игровым полем», я не знаю, но дальше речь, вероятно, идет о разнице масс протона и электрона. Интересно, кто скрывается за этим Голосом? И что он пытается сообщить?»

Ставр перебрал в уме варианты объяснений сообщению, потом сразу засобирался, сворачивая тренировку. В последние дни он работал не с домашним инком, а на больших инк-системах Института внеземных культур, расположенного под Рязанью, на берегу Оки, одной из самых чистых рек земного шара.

Степан Погорилый все еще лежал в реанимационной камере клиники «Скорой помощи» во Владимире, врачи вытащили его из комы, но контактировать ни с кем не разрешали, и Панкратову пришлось самому продираться сквозь дебри физматрасчетов, которые когда-то проделал молодой фридмонолог. Дело продвигалось медленно, однако Ставр дилетантом в науке не был и ждать, пока проблему за него решат другие, не любил. Уже к концу третьей серии эфанализ ситуации, смоделированной Умником ИВКи, дал приближенные параметры волновых пакетов, которые использовал Погорилый для прощупывания нагуаля. Оставалось в принципе проделать пару экспериментов, чтобы убедиться в правильности выводов. Но именно этого Ставр позволить себе не мог из-за риска получения новых «ям» в евклидовой метрике мира. Да ему бы и не дали этого сделать ни эмиссар ФАГа, ни проконсулы синклита, знающие цену подобных открытий.

Вечером Ставра вызвал в контору да Сильва и предложил участие в «абордаже» галиона «Тяньаньмынь».

«Я не возражаю, — согласился Панкратов. — А с чем это связано и что мы должны делать на борту галиона?»

«Искать оружие, с помощью которого сегодня исполнители ФАГа уничтожили патрульный когг с двумя пилотами в системе Чужой и едва не сбили машину с Виданой Железовской».

Видимо, чувства Ставра отразились-таки на лице, потому что Мигель поспешил добавить:

«Она жива, хотя и получила шоковую дозу неизвестного излучения. В клинике управления остаться не пожелала, лечится дома дедовскими методами. Готовься, включай себя в сеть «спрута» по коду АА, пароль — «Печенег». Я тебя вызову».

Ставр откланялся и через полчаса входил в квартиру Виданы, которую посещал всего один раз, но запомнил до мелочей. Еще отпуская такси, он выявил и тихую охрану девушки (обойма «Аргуса» в количестве пяти душ с аппаратурой «нонвуд»), и ее гостей — Забаву Боянову и мать Виданы, но визит откладывать не стал.

«Привет, эрм, — услышал он характерный пси-голос Бояновой, когда открыл засветившуюся зеленым светом дверь. — Не пугайся, все в порядке, но девица в расстройстве. Эти бешеные псы слегка пощипали ей перышки».

— Добрый день, — приветствовал Ставр всех присутствующих, одним взглядом окидывая гостиную: Видана в чем-то полупрозрачно-дымчато-белом сидит в кресле с ногами, рядом — мать, Галена, похожая на нее, как сестра, Боянова стоит у окна-стены с кошкой на руках и поглаживает ее по спине.

— Как это произошло?

— А тебе что за интерес? — глянула на гостя Видана исподлобья. — Не терпится проявить заботу?

— Дана! — укоризненно произнесла мать девушки. — Извините, Ставр, она действительно расстроена, да и скучает.

— Состояние скуки не стоит никаких душевных усилий, — хладнокровно сказал Ставр. — Я думал, что скука — достояние нормалов, людей недалеких.

Видана фыркнула.

— Отсюда вывод: я — человек недалекий. Теперь видите? Ставр Панкратов — умный, деловой и сильный паранорм, всегда знающий, что делать в каждую последующую минуту. А слабо, эрм, поскучать наедине с самим собой?

— Дана, — обеспокоенно проговорила Галена, переводя взгляд с дочери на гостя.

— Ее сбили из какого-то неизвестного «уничтожителя», — обернулась Забава, отпуская кошку. — Этим делом занимаются пограничники, но они люди незаинтересованные в раскрытии преступлений на своей территории. Если хочешь, можешь присоединиться к мальчикам из бригады Ги Делорма, которые расследуют нападение на свой страх и риск.

Ставр хотел сказать, что шеф на эту деятельность добро не даст, но передумал.

— Благодарю за предложение, я его принимаю. Извините за вторжение. — Панкратов посмотрел на Видану. — Я рад, что все обошлось... на этот раз, но однажды начав, террористы не остановятся на полпути и будут идти за вами следом до тех пор, пока... Не хотите взять меня на постоянный консорт-контроль?

Ставр имел в виду компьютерную многодиапазонную связь по личной консорт-линии, поддерживаемую между абонентами постоянно.

— Вот еще! — надменно поджала губы Видана. — Мне только ваших советов не хватало!

Галена беспомощно глянула на Ставра, потом на Забаву. Та улыбнулась.

— Не слушайте ее, мастер, у девочки режутся зубки индивера. Спасибо, что зашли проведать.

Ставр поклонился, передав Видане слоган без слов: снежное завихрение — облако из струек эмоций разного плана — венок цветов — блик солнца на воде — свежий ветерок и запах луга, — и вышел. Он понимал чувства девушки, но все равно в сердце зашевелилась грусть. Хотелось, чтобы его встречали в этом месте не так.

Поскольку дома его не ждал никто, кроме домового и терафима, Панкратов решил продолжить свои научные изыскания, и метро выгрузило его в транспортном портале Института внеземных культур.

Работал он до позднего вечера, проделав два цикла предварительных и уточняющих расчетов взаимодействий пространств с изменяющейся геометрией и мерностью. Результат его ошеломил: Степан Погорилый не мог повлиять на нагуаль ни одним из полей или изучений, потому что калибровку мира определял вакуум данного континуума, а не внешнее воздействие! Вакуум же, то есть физическая база нагуаля, никому не был известен, в том числе и Степану. Как он превратил нагуаль в многомерную «яму», оставалось загадкой.

Для меня, добавил Ставр, склонный к прямоте. Но может быть, Левашову повезет больше?

Разубуженный мозг требовал немедленных консультаций, и Панкратов снова заявился к начальнику погранотряда в системе Чужой, чтобы поделиться результатами собственных вычислений и договориться о новых экпериментальных проверках «эффекта Погорилого».

Левашов тоже имел свои выводы, а вдвоем они сделали еще один шаг к решению, найдя попутно способ «заткнуть яму» в лесу под Владимиром. Удовлетворенные успехом, они пили ароматный гикос — кофе, выращенный на равнинах Марса, и обсуждали дальнейшие варианты поисков, когда по сети «спрута» прошло сообщение о новых актах террора против интраморфов. Было совершено около шестисот нападений. Из которых почти половина закончилась трагически — смертью людей.

Ставр и Левашов молча выслушали и статистическую раскладку волны террора: на мужчин в возрасте свыше семидесяти лет — сто сорок нападений, от сорока и до семидесяти — сто десять, от двадцати до сорока — девяносто, на женщин — сто восемьдесят и на детей разного возраста — восемьдесят. Дети погибли почти все!

— Шакалы! — с трудом проговорил Левашов, массируя горло.

Ставр был с ним согласен, хотя это слово не выражало всей глубины его чувств. Связавшись с управлением, он попросил дать имена погибших и через две минуты получил список. К счастью, ни родственников, ни друзей, ни даже просто знакомых в этом списке не оказалось. Убитые в основном были жителями юга Азии

и севера Америки, хотя и на территории Славянского союза их оказалось немало.

«Похоже, начинается новый этап в человеческой истории, — сказал Левашов, провожая гостя. — Этап войны с инакомыслящими, вернее, инакоживущими. Нас хотят выжить с Земли. Не будем же мы, в самом деле, воевать со всем «нормальным» человечеством?»

«Я эр-мастер, — ответил Ставр, — то есть воин, и в принципе мое дело — именно война, пусть со злом, но — война! Однако воевать с людьми за выживание я не смогу. Должен быть другой путь».

«Другой путь — бегство с Земли и из Солнечной системы».

«Не уверен. Прощайте, Артур. Берегите свою коллекцию».

Левашов с мрачной улыбкой пожал протянутую руку.

В воскресенье второго августа произошел страшный случай: в Москве, на площади Старых Памятников, один интраморф, вооруженный «драконом», открыл огонь по людям. Прежде чем его обезвредили безопасники, он убил сорок пять и ранил семьдесят человек! Инцидент был настолько дик, что ему не поверили даже в отделе безопасности, пока не были подтверждены факты. Затем последовало заявление Алсаддана, реакция СЭКОНа и ответ Всевече, предписывающий ужесточение мер безопасности. А утром третьего августа, в понедельник, началась эмиграция интраморфов с Земли на планеты Солнечной системы и в другие звездные системы, не имеющие значительных поселений землян.

К середине недели вначале робкая и спокойная волна эмиграции превратилась в повальное бегство, хотя паникой исход паранормов назвать было нельзя. Зато запаниковал отдел общественной безопасности УАСС, подразделения которого кое-где попытались силой остановить «ушельцев», ограничить их передвижение и перекрыть метро, что привело к обострению ситуации и новым столкновениям и жертвам. К концу недели количество эмигрантов достигло двухсот тысяч человек, и Совет безопасности вынужден был признать факт бегства, а также назначить комиссию по расследованию

его причин. В комиссию вошли в основном работники правоохранительных органов, чиновники коллегии Всевече по правам человека и юристы СЭКОНа, но из них лишь Ги Делорм и Мигель да Сильва были интраморфами, остальные представляли «нормальное» человечество, не слишком заинтересованное в расследовании, живущее в последние десятилетия «по закону травы».

Расследование началось с громкого скандала, организованного Великим магистром Ордена магов и спиритов Шан-Эшталланом, который заявил, что имеет свидетельства о «множестве» нападений, организаторами которых, как и маньяк в Москве, были якобы сами интраморфы! За эти «свидетельства» первому удалось зацепиться начальнику сектора стратегических исследований Ратибору Берестову, представить доказательства подтасовки фактов и обвинить Шан-Эшталлана в нечистоплотности и лжи, присовокупив к данному делу и результаты недавнего расследования об участии боевиков Великого магистра в доставке на лед Антарктиды кластера монополей, что едва не привело к масштабной катастрофе; после изъятия кластера и транспортировки его к Солнцу в материковом щите осталась воронка глубиной в шесть километров! И все же следователи, подчиненные непосредственно Еранцеву, отыскали несколько драматических случаев, главными действующими лицами которых были паранормы, как жертвы, так и убийцы. Кампания травли паранормов получила новую пищу, в костер странной войны были умело подброшены свежие поленья.

Однако со второй декады августа объявилась новая напасть, затмившая эмиграцию паранормов: рост открытых нагуалей — в Солнечной системе были обнаружены двадцать два невидимых образования, в том числе десять на Земле — резко ускорился. Особенно заметно это было по Большому Никто возле Копа де Плата, а также по нагуалю на Тартаре и возле Чужой, но и «невидимый коралл» в Солнечной системе, устроившийся возле Фаэтона-2, наглядно продемонстрировал свои возможности, за сутки из десятиметровой ежастой глыбы превратившись в километровую гору с отростками, достигавшими десяти, двадцати, а то и стокилометровой длины.

На фоне общей паники, спровоцированной не без помощи эмиссаров ФАГа, беды интраморфов отодвинулись на второй план, да и волна террора против них стала спадать, отчасти оттого, что они стали давать отпор, в основном же по причине участившихся провалов боевиков ФАГа, большинство которых принадлежало к южномусанскому союзу фундаменталистов и южноазиатским униям, разного рода Орденам новых религий и молодежным формированиям ультраправых, радикалов и националистов. Провалы эти объяснялись скрытой работой отдела «контр-2» и синклита старейшин, которых не смутили угрозы президента Совета безопасности и директора УАСС.

Вскоре материала по терактам Ги Делорм накопил достаточно, чтобы объявить результаты расследования по всеобщему информвидению. На следующий день председатель СЭКОНа был найден мертвым возле двери своего кабинет. Убитыми оказались и все пять человек обоймы прикрытия.

Удар этот был неожиданным и страшным, потому что его никто не ждал, в том числе сотрудники и руководители «контр-2». Однако они быстро оправились и провели беспрецедентное по быстроте расследование трагедии, обнаружив соглядатая ФАГа в своих рядах. Им оказался заместитель председателя СЭКОНа, близкий друг покойного, Аркадий Лютиков. Взяла его бригада перехвата Герцога буквально через пять часов после обнаружения Ги Делорма и его телохранителей, и был он настолько поражен случившимся, что не успел включить программу самоликвидации, которую тут же обезвредили пси-спецы «контр-2» (это была программа для «внутреннего пользования», записанная в мозг Лютикова эмиссаром ФАГа).

Заместитель главы СЭКОНа знал не много, но и того, что знал, оказалось достаточно, чтобы Велизар в резкой форме предложил уйти в отставку комиссару-один ОБ Еранцеву, директору УАСС Шкурину и президенту Совета безопасности Алсаддану. По сути, это был ощутимый контрудар ФАГу в сфере земного социума, к сожалению почти ничего не решающий, ибо деятельность ФАГа сместилась в иную плоскость: выиграв время с помощью террора, весьма успешно ней-

трализовав интраморфов, он начал вторую стадию вторжения в метагалактический домен, вернее, усилил свою деятельность в этом направлении, принялся «играть» с основами основ Мироздания — его вакуумом и пространством, его константами и законами. Этот уровень его влияния на метавселенную людям, в том числе интраморфам, был уже почти недоступен. Да и понимали, что происходит на самом деле и что может произойти в будущем, лишь единицы среди паранормов, наиболее мощные умы. В «контр-2» это были Мальгрив, Велизар и Герцог, среди ученых — Ян Тот, Тот Мудрый. И еще один человек, экзоморф, скиталец, охотник-одиночка Габриэль Грехов...

Угроза Велизара, конечно, на завербованных Фундаментальным Агрессором паранормов не подействовала, просто заставила слегка отступить, признать кое-какие факты, согласиться на «спецрасследование» этих фактов и перестроить ряды, пожертвовав пешками, исполнителями самого низшего ранга, которые в принципе ничего не знали, так как находились в состоянии «зомби».

Зато Алсаддан решил обратить на Велизара пристальное внимание, прекрасно понимая, что глава Всевече не смог бы сделать заявление, не имей на руках козырей — собственной спецслужбы и сети информаторов-паранормов. Подтвердись подозрения, Велизара необходимо было ликвидировать, как и начальников секторов — стратегических исследований и пограничных проблем, Ратибора Берестова и Мигеля да Сильву. И с ними бывшего комиссара-прима ОБ Пауля Герцога.

Решение о ликвидации Хасан Алсаддан принял в два часа дня одиннадцатого августа, а в три часа с минутами об этом стало известно Герцогу.

В бункере под Тибетом собрались всего трое: Железовский, да Сильва и Герцог. Их переговоры велись несколько минут (мыслеобмен на два порядка информативнее и на три порядка быстрее речевого обмена).

«Необходим упреждающий удар, — сказал человек-гора, выделяясь могучим телосложением среди своих собеседников: мрачен он был как никогда. — Хотя мы выявили не всех, кто помогает ФАГу сознательно, даже их ликвидация позволит изменить ситуацию в нашу

пользу и заняться другими делами, не терпящими отлагательств».

«Велизар будет против, — сказал да Сильва. — Пружина сжимается, но еще до срыва далеко. Надо поймать их на горячем, то есть при попытке уничтожения других людей. Результат будет гораздо весомее».

«Но я не уверен, что мы сможем определить место нападения и выставить контрзасаду. Как был убит Ги Делорм? Почему ни один человек из отлично подготовленной обоймы его прикрытия даже не вынул оружия, не подал сигнал?»

Да Сильва отвернулся, вместо него ответил Герцог:

«Смерть Ги и его ребят действительно загадочна, все они умерли от остановки сердца, и у всех лица искажены изумлением и страхом! Д-да, именно изумлением и страхом, это установлено точно. Что могло их удивить и напугать одновременно — неизвестно. Я покопался в архивах и нашел подходящие случаи пятидесятилетней давности: таким примерно образом были убиты К-мигрантами ксенолог ИВК Вакула и эфаналитик Шорох: эксперты-медики тоже констатировали смерть от остановки сердца. Но дальнейшее расследование показало, что к ним были применены мощные гипноиндукторы, ранее неизвестные. И все же совпадение настораживает. Уверен, здесь также поработали К-мигранты, использовав что-то новенькое из своего арсенала. А может быть, и не из своего, а, скажем, из арсенала гуррах, кайманолюдей, «людей войны».

«Их арсенал еще не найден?»

«В Даль-разведке трудно скрыть цели поисков, но тем не менее кайманоидов ищут... и найдут. Вы узнаете об этом тут же. Кстати, секреты их оружия мы выяснили. Их конструкторы работали в принципе где-то рядом с земными, но в иной плоскости и с другими материалами, так что открытие это весьма продуктивно для наших исследователей и очень-очень интересно! Я сам был потрясен, когда узнал принцип действия «генератора холода» — по сути компакт-преобразователя, генератора свертки пространства в «струну», что сопровождается колоссальным поглощением энергии из вакуума. Разгадан и «метатель пауков», стреляющий сгустками поля, в котором рвутся межатомные связи вещества. Происходит

не аннигиляция, а «тихий» такой, мгновенный распад. Осталось выяснить, что такое уничтожитель, очень неосторожно примененный кем-то из слуг ФАГа в системе Чужой против пограничников».

«Сегодня вечером я планирую операцию перехвата галиона «Тяньаньмынь», — сказал да Сильва, — с борта которого и выстрелили из уничтожителя. Мои ребята пасут его и не дадут улизнуть под крылышко Барковича. Может быть, заодно пощупаем и командора?»

«А если он и есть эмиссар? Представляешь последствия?»

«Эмиссаром скорее всего является Алсаддан или на крайний случай комиссар-прима Еранцев».

«Что же он в таком случае так неудачно нашел себе прикрытие? Комиссар-прима как ширма для таких дел не годится, рано или поздно его «засветят» исполнители, что и произошло, в общем-то. Нет, Демиург — не Еранцев, не Алсаддан, кто-то другой. Наш «друг» К-мигрант Свиридов обвел меня вокруг пальца».

«И все же стоит заняться Барковичем, слишком уж он спокоен, слишком уверен в себе».

«Не стоит увлекаться самодеятельностью, — решительно сказал Железовский. — Я провоцировал его дважды и остался цел. Вам это ни о чем не говорит? До Барковича дело дойдет, у меня к нему свои счеты, но разрабатывать его сейчас не надо. — Аристарх напрягся, сдерживая гнев, и пси-атмосфера в бункере буквально завибрировала от его «молчания». — Как же все-таки нас зажали, а, паранормы? Как же все-таки человечество консервативно, инертно, боится всего нового и не любит своих детей, считая нас уродами! Это проявилось полсотни лет назад, при возвращении Конструктора, и это проявляется вновь при появлении Фундаментального Агрессора... о котором оно не имеет понятия. А когда поймет, будет слишком поздно».

Герцог и да Сильва обменялись взглядами.

«Обидно», — кивнул с сочувствием бывший комиссар безопасности.

Железовский посмотрел на него, как на слепого.

«Моя жена говорит, что человечество не устает подтверждать истину: ему нужен поводырь или тиран! Лишь тогда оно «видит» цель и идет к ней кратчайшей доро-

гой, лишь тогда человек «понимает», что такое жизнь, любовь и счастье, которое надо добывать в борьбе не на жизнь, а на смерть».

«Она слишком хорошего мнения о человечестве».

«С недавних пор я тоже. Люблю отдельных людей, массу же — нет! Впрочем, это бесполезные сентенции бывшего индивера. До связи, охотники. Я еще здесь посижу, а вы идите по делам».

Да Сильва вышел первым, Герцог на пороге оглянулся:

«Аристарх, я все же посоветовал бы вам поставить себе за спину обойму прикрытия. Во всяком случае, во время походов по территориям, где сильно эгрегорное влияние наших противников. За вами начата персональная охота, а я не хотел бы плакать на ваших поминках».

Тьфу-тьфу, суеверно сплюнули оба через левое плечо, и Железовский невесело улыбнулся, глядя на опустевший дверной проем.

Бегство интраморфов продолжалось еще одну декаду августа и сошло на нет с началом других событий, хотя террор против них не прекратился, просто ослаб. По неофициальным статистическим данным отдела безопасности, Землю покинуло около двух миллионов паранормов, лишь десятая часть которых осела в Солнечной системе, остальные ушли на вновь открытые или колонизируемые планеты других звезд.

Стадию «социум-террор» ФАГ закончил, добившись, казалось бы, основной цели — нейтрализации силы, способной ему помешать в дальнейшем. Впрочем, он и в самом деле основательно ограничил деятельность интраморфов, почти лишив их возможности влиять на события в большом масштабе и маневрировать ресурсами и живой силой. Одного добиться он не смог — испугать воинов! Ибо интраморфы, новая популяция человечества, была репродуцирована самим человечеством не в качестве «более совершенной цивилизации», а в качестве ее защитной системы, в предвидении грозных событий, способных радикально изменить мир.

Ставр прибыл на «пункт сбора» — в бункер под Тибетом спустя полчаса после сигнала шефа и застал да Сильву в момент экипировки. Мигель проверял, как работают компенсаторно-защитные системы «бумеранга» и его устройства камуфляжа: костюм поочередно превращался то в официальный «фрак» пограничника, то в уник технаря-космена, то в экзотические национальные наряды разных народов Земли.

Рядом с начальником сектора высились два гиганта в форме пограничников, в которых не сразу можно было угадать витсов-андроидов, так естественно, по-человечески, они себя вели.

«Переодевайся, — кивнул Мигель на второй «бумеранг», лежащий в кресле. — Противник у нас серьезный, и дополнительная защита не помешает».

С некоторым колебанием Ставр принялся натягивать защитный костюм, хотя был уверен, что тот не понадобится. Да Сильва понял его колебания, однако ничего не сказал. Бросил аннигилятор.

«Пользоваться только в крайнем случае».

Ставр закрепил «шукру» под локтем правой руки, в специальном зажиме «бумеранга», откуда он выскакивал в ладонь по мысленной команде. Сам да Сильва примерил другое оружие — нечто ажурное, бликующее, с системой стержней вместо дула. Пояснил в ответ на взгляд напарника:

«Наши технари изготовили несколько кайманских метателей «пауков», усовершенствовав их, естественно. Назвали «пауклем». Как на твой вкус — паукль? Тебе не даю, нужен навык».

Ставр думал иначе, но возражать не стал.

«Витсы пойдут с нами?»

«Витсы пойдут впереди, я буду их ведомым. Вот, почитай пока». — Да Сильва передал Панкратову золотую пластинку пси-интенсионала с заданием.

Ставр взвесил пластинку в руке, приложил к тыльной стороне ладони, подождал, пока та всосется под кожу. Теплая струйка пси-разряда поднялась по руке, проникла в голову. Через несколько секунд Ставр знал, что им предстоит сделать.

Галион «Тяньаньмынь» собирался возвращаться на базу, то есть на погранзаставу «Стрелец», для смены

экипажа и профилактических работ, именно в этот момент и можно было попытаться проникнуть на его борт и поискать загадочное оружие, уничтожитель, с помощью которого Ф-террорист едва не погубил Видану Железовскую.

Ну, держитесь, мерзавцы! — мрачно подумал Ставр, вспомнив об этом.

Кто-то появился в «гостиной» бункера. Ставр оглянулся и обомлел: на него смотрел командор погранслужбы Людвиг Баркович собственной персоной.

— Эт-то еще кто здесь? — сказал он с великолепно разыгранным возмущением, разглядывая Панкратова как бы издали, откинув голову.

Мигель издал короткий смешок.

«Ну, как, хорош?»

До Ставра не сразу дошел смысл вопроса. Потом он пригляделся к Барковичу и понял:

«Фантом?!»

«Боевая оперсистема с полным эйдос-эффектом. Он тоже пойдет впереди. А эти орлы — его телохранители».

«А не перебор ли это? Для такого оперативного прикрытия нужен квалитет ответственности».

«Квалитет соблюден на самом высшем уровне, после операции я тебя представлю. Итак, выступаем. Или еще есть вопросы? Сразу отвечу — прикрывают нас профессионалы, но кто именно — знать не обязательно».

«Надеюсь, не гуррах», — проворчал Ставр.

Мигель улыбнулся, превратил «бумеранг» в серо-голубой уник, в каких щеголял весь научно-технический персонал внеземных исследовательских центров, Панкратов сделал то же самое, и они вышли в коридор, вслед за первыми шагнувшими в камеру метро «Барковичем со товарищи».

Галион «Тяньаньмынь», китообразная туша с замысловатыми разводами выпуклых «жил» по семидесятиметровому корпусу толщиной в двадцать метров, вплыл в ангар погранзаставы, как всамделишный кит, и даже «хвостом» вильнул — антенной генератора поля. Сопровождавший его спейсер погранслужбы «Тифарес» мигнул ходовыми огнями, выдал в эфир отбой режиму АА и тихо испарился, направляясь к объекту своего постоянного внимания — растущему как на дрожжах нагуалю.

Галион тоже расцветился огнями, как рождественская елка, плавно опустился на ребристый пол ангара, высунул язык пандуса и открыл люки, к которым сразу придвинулась вооруженная охрана заставы — люди и функциональные витсы, похожие на шестилапых псов.

В этот момент в ангар в сопровождении двух внушительного вида молодчиков вошел командор погранслужбы Баркович, бросил подскочившему к нему начальнику охран-обоймы:

— Никого не выпускать до моего распоряжения, разгрузку не начинать, код ВВУ.

— Есть! — только и сказал, глядя ему вслед, оторопевший охранник.

Однако неожиданности для него на этом не кончились.

Буквально через минуту в ангар ворвались Мигель да Сильва и Ставр, с ходу ошеломив охрану заявлением «о проникновении на погранзаставу переодетых террористов». В этом и состоял план Мигеля — отвлечь охрану, под видом работников безопасности проникнуть на борт галиона и под шумок сделать свое дело. А когда кобра охранников связался с командором, находившимся, естественно, на Земле, для чего понадобилось всего две минуты, и «безопасники» забрались в галион, в ангар влетели еще двое, предъявив ошалевшему окончательно командиру охраны карт-бланш особых полномочий. Это были Пауль Герцог и один из его работников Левон Акутагава. Ставр их почуял, но на удивление у него не оставалось времени.

Они знали, что делать в каждую секунду из отпущенных на всю операцию восьми—десяти минут.

Оба в и д е л и весь объем галиона, знали, где располагается научный отсек, отсеки десанта, экипажа и техобслуживания, поэтому не отвлекались на переговоры и на поиски вслепую, наугад. Да и действовали они в темпе, недоступном простым смертным, пугая изредка попадавшихся на пути научников, предвкушающих отдых, и пограничников обоймы обеспечения, еще не оповещенных об особом положении галиона по коду ВВУ.

Мигель на секунду раньше определил местоположение «кармана» — потайного отсека в галионе, откуда предположительно и вели огонь из уничтожителя, и повернул по кольцевой галерее, опоясывающей корабль, влево, контролируя одновременно передвижение отвлекающего отряда. Ставр молча рванулся за ним в дриблинг-режиме, успевая глядеть по сторонам, прикрывать тылы и следить за перемещением охранников. В этот момент троица во главе с псевдо-Барковичем входила в кокон-пассаж ходовой рубки галиона, где собиралась устроить шум и отвлечь на какое-то время пилотов, а также внешние службы.

Спустя полторы минуты после вступления на пандус корабля десантники предстали перед глухим тупичком с кремальерами ручного привода люка и надписью: «Аварийный выход. Тамбура нет. Без скафандров не открывать!»

«Здесь!» — глазами показал да Сильва, не выходя в пси-поле.

Ставр кивнул, сосредоточиваясь.

За «люком» шло помещение, примерно равное по объему ходовой рубке, надежно защищенное как от прямого проникновения, так и от поля Сил, что говорило о важности упрятанных там от посторонних глаз вещей.

Хорошо, что они не догадались забаррикадироваться под «абсолютным зеркалом», мелькнула мысль, черта с два мы бы их обнаружили! Что-то недооценивает нас ФАГ... или его эмиссар.

Мигель извлек из нагрудного кармана «бесстыдник» — генератор наведенной прозрачности, и секунд пятнадцать безопасники разглядывали помещение с двумя его обитателями, возившимися с упаковкой какой-то крестообразной штуковины в дырчатом кожухе. Потом аппаратура защиты «кармана» учуяла подглядывание, двое — кайманоид и юноша, почти мальчик (сын К-мигранта Стенсена! — мгновенно опознал Ставр) — забеспокоились, и наступила пора активных действий.

Да Сильва дважды выстрелил в торец коридора из своего «паучьего» пистолета и, пока в первый образовавшийся пролом лез его видеофантом, отвлекая обитателей «кармана», сам нырнул во второй. Ставр последовал за ним, но успел лишь к развязке драмы.

Мигель не стал демонстрировать свое умение мастера боя, он просто еще раз выстрелил в кайманоида из нейтрализатора, а у юного Стенсена выбил из руки его оружие — генератор «струнной» свертки. Если бы Стенсен успел выстрелить из него, туго пришлось бы всем и не только в галионе — на заставе!

«Не стоит, малыш! — сказал начальник СПП, покачав стволом нейтрализатора в ответ на попытку юнца (с виду, конечно, в натуре этот «юноша» не уступает по силе и возможностям взрослым К-мигрантам) затеять схватку. — Еще одно движение — и ты последуешь за твоим приятелем-крокодилом в мир, откуда не возвращаются».

Стенсен замер, пожирая бездонно черными глазами — зрачки во весь глаз! — лицо врага. Шумно выдохнул.

«Стреляйте! Иначе в следующий раз я вас убью!»

«Следующего раза не будет. — Мигель выстрелил в К-мигранта из парализатора, и тот обмяк. — Ставр, тащи уничтожитель в коридор, я попытаюсь определить способ управления через местного инка».

Затем в течение долей секунды произошел пси-разговор Мигеля с Герцогом (это Ставр понял) и с кем-то еще (с кем — Панкратов не уловил), а также с инком, контролирующим защиту и обеспечение помещения. Чем он закончился, Ставр определить уже не успел, вытаскивая жутко тяжелый — около трехсот килограммов! — кожух уничтожителя в коридор.

Несчастный командир охраны погранзаставы, который, конечно же, не имел понятия о ФАГе, его эмиссарах и даже догадаться не мог об истинном смысле происходящего, он просто выполнял свои обязанности, потом при разборе дела мог только дополнить уже описанные события следующим эпизодом.

Когда в галионе началась пальба (открыли огонь пилоты, а витсы ответили, стреляя по стенам и приборам из «драконов»), из люка высунулся один из последних вошедших туда «особистов» и крикнул:

— Носилки, быстро!

Тотчас же в ангаре появилась аэр-платформа в сопровождении «врача» «Скорой» и под вой сирены подлетела к галиону. Двое безопасников в форме научного персонала вынесли из галиона окровавленного

человека (видеофантом, ведомый Мигелем), уложили его на платформу и вместе с «врачом» исчезли в тоннеле. Затем из люка, отстреливаясь, выскочили «особисты» и тоже убрались из ангара с криками:

— Не давайте им высунуться!

Пока обалдевшие пограничники стреляли в люк и по корпусу галиона, все основные действующие лица благополучно добрались до метро и унеслись в неизвестном направлении. Командор Баркович — настоящий — прибыл на заставу через две минуты, предчувствуя недоброе. Его ожидания сбылись полностью.

«Мы украли уничтожитель, — сказал Мальгрив. — Через день-два эксперты разберут его на части и сделают выводы. Потерь нет».

«Знаю. — Велизар не перестал работать с инком, что могло показаться проявлением невежливости, но начальник «контр-2» знал ее причину. — К сожалению, овладение тайной уничтожителя не решает наших основных проблем. Нагуали растут все стремительнее, и рост вакуумных флуктуаций вблизи них, а также изменение гамма-фона — результат их взаимодействия с континуумом нашей метавселенной. Это очевидно. Если на уровне социума мы еще можем противопоставить что-то ФАГу и его пособникам, то на уровне закона — ничего. Или я ошибаюсь?»

Мальгрив промолчал. Велизар мельком глянул на посетителя.

«Вы почему-то ничего не говорите о расследовании причин гибели Делорма. Неужели ничего не удалось выяснить?»

«Наши эксперты прибыли на место происшествия первыми, но приходится изворачиваться, чтобы противник не заподозрил утечки информации. Пока ясно одно: ФАГ нашел нетрадиционный способ физической ликвидации интраморфов».

«Это я знал и без вас. Если не удастся выяснить, что это за способ, мы все обречены».

«И все же причин для паники я не вижу».

«А я и не паникую, Джордан, однако и поводов для оптимизма не вижу. Если уж «контр-2» топчется на мес-

те, вместо того чтобы опережать ФАГа хотя бы на полшага... Кто Демиург — до сих пор не определено. Где находится Лайа-центр, откуда эмиссар управляет своими слугами и занимается зомбированием новых кадров, тоже неизвестно. Что такое лемоиды и горынычи — не выяснено. Откуда пришли к нам гуррах-кайманоиды — нет ответа. А ведь это ключевые вопросы нашего существования! Как долго мы будем зависеть от них? Нужны новые работники — найдите, убедите работать с нами. Нужны средства — мы их выделим. Но давайте результат!»

Мальгрив молчал.

Велизар еще некоторое время смотрел на него с рассеянным соболезнованием, как на безнадежно больного, который уже привык к своему положению.

«Вам что-то мешает, Джордан?»

«Скорее да, чем нет, — остался добродушно-серьезным Мальгрив. — Если назвать это одним-двумя словами, то вот они: человеческая низость. Я не ожидал, что масштабы этого явления столь велики».

Улыбка Велизара была скорбной и беглой.

«Как говорил Гёте: «Не стоит досадовать на людскую низость — что бы о ней ни говорили, она — сила».

Мальгрив знал это изречение и лишь кивнул, присоединяясь к мнению архонта.

«Прохор Панкратов вернулся из раздведпохода. Карта нагуалей, составленная или предсказанная — что поразительно! — Греховым, верна абсолютно. Однако не это главное. Карта позволяет предсказывать появление новых нагуалей, а также прогнозировать общую картину, которая на первый взгляд такова: Галактика постепенно зарастает «паутиной» нагуалей. И одному Богу известно, зачем это Фундаментальному Агрессору!..»

Контрразведка засекла чужанские корабли в Системе в середине августа. Сначала одно из этих страшилищ появилось возле Фаэтона-2, затем еще три у Меркурия и в атмосфере Солнца. Что там делали негуманы, никому ведомо не было, опасности по сути они не представляли, однако отдел безопасности сыграл «три девятки»

по треку, и чужанские корабли мгновенно оказались под неусыпным и надежным контролем. Ходили они бесшумно, то есть при «струнных» переходах «не шатали» вакуум и не создавали эффектов вторичных переизлучений, но регистрирующая техника землян уже позволяла видеть прыжки «на струну» большинства спейс-машин, и чужанские «динозавролеты» исключением не были.

Факт появления чужан в Солнечной системе заставил задуматься аналитиков всех служб УАСС, в том числе и контролируемых ФАГом, и подразделений глубокой защитной системы человечества, «глазами» и «руками» которой была система «контр-2». Отреагировали на чужан и проконсулы синклита, предпринявшие попытку контакта с чужанскими спейсерами. Сделали они это так быстро, что Совет безопасности вмешаться не успел, а его глава Хасан Алсаддан узнал о контакте только от эмиссара ФАГа, который, правда, имел лишь общую информацию о случившемся. Самое интересное же было в том, что чужане о т р е а г и р о в а л и на попытку интраморфов, передав в эфир загадочную для непосвященных фразу:

— Лежит здесь... геометрически зарытость в шумы... местный... линия ожидания игра... контроль системы...»

«Думатели» из «контр-2» знали больше, чем эксперты синклита, и перевели фразу адекватно, однако и проконсулы поняли, что им хотели передать чужане. Фразу следовало перевести так: «Центр управления силами Фундаментального Агрессора «зарыт в геометрических шумах» Солнечной системы и замыкает «линию ожидания» главных ходов Игры (то есть Войны, как ее понимали эксперты)». Однако смысл слов «контроль системы» остался для патриархов темным, и понял его только один человек на земле — Ян Тот.

На совещании, организованном Железовским, было высказано около десятка мнений по поводу перевода, но дискуссию умело закрыл Велизар, приведя в пример древний закон Мейера[1]: «Усложнять просто, упрощать сложно».

До того момента, когда стал бы точно известен смысл сказанного чужанами, следовало придерживаться

---

[1] Один из законов Паркинсона.

принятого варианта и искать, искать Лайа-центр, базу неуловимого пока что Демиурга, эмиссара ФАГа.

«Итак, мы разворачиваем поиск по двум векторам, — предложил Герцог. — Фаэтон-2 и Меркурий. Есть возражения?»

«Меркурий может послужить лишь звеном вектора, — сказал Берестов. — Если проанализировать маневры чужанских спейсеров, то их больше интересует Солнце, вернее, определенные области Солнца вблизи долгоустойчивых магнитных узлов со скоплениями «солнечных улиток» и парусников».

«Согласен. Это направление возьмем мы с воеводой, если он не возражает. — Кивок на Баренца и такой же ответ. — Фаэтоном же пусть займется Мигель. А подстрахует его Аристарх».

«О'кей, — сказал да Сильва. — Только делать это надо тонко, и страхующий у меня уже есть. — Он глянул на Железовского с некоторым смущением. — Это внук Ратибора, Ставр Панкратов. На него можно положиться».

«В деда пошел», — не моргнув глазом ответил Берестов.

Мигель да Сильва удостоился чести быть принятым новым комиссаром-прима сразу после успешно проведенной операции по похищению уничтожителя из галиона «Тяньаньмынь». Однако Еранцев не должен был знать об этой операции, а если бы узнал, вызов да Сильвы к нему выглядел бы иначе.

Да, комиссар ничего не знал о «подпольной» деятельности начальника сектора пограничных проблем, но судя по теме разговора, начинал догадываться, а Мигель не имел ни одного козыря, чтобы эти подозрения рассеять.

— Вас видели в компании с работниками расформированного синклита старейшин, — сказал комиссар после обязательного обмена информацией о состоянии дел в секторе. — Давняя дружба, родство, общие увлечения, научные проблемы?

Мигель ответил не сразу. Пси-сферу Еранцева защищал великолепных параметров генератор, сквозь блок

которого просочиться было невозможно, и да Сильва подумал, что хорошо бы добыть один такой экземпляр, явно разработанный где-то специалистами ФАГа далеко от Земли, и выяснить его характеристики.

— Я знаю, что вы подразумеваете под «общими» увлечениями», но проконсулы синклита не все замешаны в так называемом антиправительственном движении. Более того, Аристарх Железовский, с кем я встречаюсь регулярно, работает на ОБ, точнее, на мой сектор, разумеется, хотя и не терпит контроля.

— Вот как? — удивленно поднял брови Еранцев. — Я не в курсе. Что ж, действительно не знаешь, где найдешь, где потеряешь. А насколько велика помощь, оказываемая сектору командой Левашова?

Мигель состроил пренебрежительную гримасу.

— Артур хороший теоретик, но никудышный практик. Дальше прожектов дело не идет. Да и вообще рвения по сотрудничеству начальник погранзаставы «Стрелец» не проявляет. Его отношение к нам я бы уложил в пословицу: человек всесилен, когда ничего не хочет делать.

Еранцев кисло улыбнулся, сделал прощальный жест рукой.

— Понятно. Успехов вам в скорейшем решении проблемы нагаулей.

Аудиенция закончилась.

Вернувшись в свой кабинет, Мигель понял, что в ближайшее время следует ждать попытки уничтожения Левашова. Задавая вопрос, комиссар проверял реакцию начальника СПП, и слова его не успокоили.

— Каналья! — сказал вслух да Сильва, вызвав замешательство оперативного инка, ждущего хозяина с новой порцией информации и никакой вины за собой не чувствующего.

ФАЭТОН-2

Ставр закончил цикл расчетов с головной болью, — работал он на сверхтемпе, состязаясь с инком в скорости, - и полчаса приходил в себя, пока не сработал механизм экспресс-восстановления организма. Резуль-

тат был неутешителен: метод «упаковки пространства», коим воспользовался Степан Погорилый, закапсулировать трехмерный континуум не мог, зато позволял проникать в свернутые многомерные миры и «разворачивать» их в метрики более низких рангов. Одного Степан сделать при этом не мог — «развернуть» нагуаль, так как этот невидимый «коралл» действительно был «бесконечно простым» объектом. Или Абсолютно Мертвым Пространством, которое не имело измерений, кроме одного — бесконечной глубины энтропийной «ямы», что невозможно было представить наглядно.

— Я думал, что я умней, — произнес Ставр вслух, выходя из игрового поля оперативного инка.

«Я тоже, — ответил Знаток с горечью. — Но ни один из моих коллег не дает рекомендаций по теме, а Умники ИВК и погранслужбы требуют допуск, которого у меня нет».

«У меня тоже, — в тон инку сказал Ставр. — Отдыхай».

«А я?» — пискнул терафим, приклеившись к потолку комнаты кленовым листком.

«И ты. Хотя от тебя и так мало толку. Ты вон даже не можешь объяснить, каким образом учуял нагуаль в лесу».

Кленовый лист пожелтел, побурел, съежился и свалился на ворсистый ковер каплей янтаря.

«Я не уверен, но мне кажется, что в меня информацию... кто-то просто вложил».

«Вложил?! — Ставр засмеялся. — Ну и фантазер ты, Фил».

«Да, вложил, записал, — упрямо повторил терафим. — Не помню, как это произошло, но запись появилась в памяти, будто была там всегда. Я проверил, оказалось — правда...»

«Хорошо, хорошо, — поспешил успокоить Панкратов свой квазиживой информблок, — верю. Жаль, ты не запомнил, кто это сделал. Да и к нагуалю нас теперь на пушечный выстрел не подпустят».

Ставр лукавил, его и команду Мигеля еще пропускали к нагуалям в рамках программы исследований, но ограничений по манипулированию приборами и щупа-

ми становилось все больше. Приближался момент, когда ФАГ посредством контролируемых им руководителей вообще собирался запретить изучение нагуалей «во избежание катастроф и непредвиденных последствий». Заявление же терафима о появлении записи в памяти наводило на мысль, что сделал это Габриэль Грехов, знавший линию судьбы Ставра Панкратова.

«Сводку по треку ОБ», — приказал Ставр инку и, пока принимал душ, приводил себя в порядок, завтракал, слушал бестелесный шепот оперативного компа, перечисляющего происходящие в мире события.

Самыми впечатляющими новостями были сообщения о попытках тартариан и чужан ограничить рост нагуалей и о появлении в Солнечной системе возле открытых нагуаль-скоплений лемоидов и горынычей. Как и в других районах Галактики, эти объекты не обращали внимания на возню людей возле нагуалей и занялись своими, непонятными для непосвященных, делами.

Ставр полюбовался на видеокартинку одного из горынычей, хищно кружившего вокруг Большого Ничто за орбитой Урана, и еще раз просмотрел запись штурма нагуаля на Тартаре.

«Горный» массив, на котором, как раковая опухоль, рос нагуаль на Тартаре, кипел, сверкал, дымился и сотрясался. Впечатление было такое, что заговорил вулкан. Но это был лишь эффект взаимодействия континуума Тартара с растущим нагуалем: мир тартариан распадался, испарялся, превращался в потоки излучений разной природы и плотности, и паутины-стабилизаторы не справлялись с защитой своего мира от чудовищной «опухоли».

К попытке ограничения роста тартариане, видимо, готовились давно, потому что собрали вокруг нагуаля всю свою «технику»: паутинные вуали, потоки любопытников, грозные кресты гравистрелков, дымчатые шары из мелких обломков материи и недавно появившиеся в поле зрения наблюдателей «обелиски» — остроконечные пирамиды длиной в две-три сотни метров. Функции этих пирамид были доселе неизвестны.

Атаку на невидимую «опухоль» начали паутины. Изредка натыкаясь на шипы-отростки, распарывающие

паутинные вуали, они закрыли нагуаль со всех сторон, задавили дымы и вспышки на всем плато, превратив его в огромное, сверкающее белизной снежное поле с таким же искрящимся белым куполом над «кратером» нагуаля, в котором остались открытыми темные окна с невидимыми шипами.

Затем в бой вступили гравистрелки, вонзившие в окна направленные «молнии» гравитационных искажений. Прекратив обстрел, они отошли назад, и в окна устремились потоки любопытников и ажурных шаров, большинство из которых, пронзаемые иглами и шипами нагуаля, превращались в энергетические вихри, в ярчайшие вспышки распада материи. Весь гигантский купол над нагуалем преобразовался в клубок пламени, пока запасы «снарядов» не исчерпались. Но вот потоки любопытников иссякли, пламя опало (о силе звуковой бури в районе битвы можно было только догадываться!), и к окнам придвинулись «обелиски».

На краткий миг все движение вокруг оставшегося удивительно чистым, белоснежным купола замерло. Остановились даже горынычи, рыскающие возле купола в некоторой растерянности, а также огромные корабли-«сморчки» прибывших к району боя чужан, застыли немыслимо изогнутые полупрозрачные «цветочные бутоны» спейс-машин орилоунов. В следующий миг «обелиски» разом врезались в паутинное покрывало купола, но не в окна, а рядом с ними, как показалось наблюдателям, и всю вселенную потряс колоссальный взрыв, уничтоживший паутинное поле, корабли вокруг и даже саму планету.

Спейсеры чужан, однако, уцелели, как и машины орилоунов, были уничтожены лишь автоматические видеокамеры земного исследовательского отряда, наблюдавшие за драмой со всех сторон, и только инки пограничных аппаратов сумели в подробностях записать и передать людям картину происшедшего.

Убедившись в тщетности попыток воздействия на собственно нагуаль, тартариане пошли иным путем — «оторвали» с е б я от невидимой «опухоли», то есть в с ю п л а н е т у! — пожертвовав частью своего мира, эквивалентной по массе и энергии целому скоплению галактик! Похудев на одну треть, Тартар медленно от-

валил в сторону от стреляющего искрами, исходящего клочьями дыма и огня Большого Ничто. Как и везде, где они появлялись, нагуали были намертво «вклеены» в вакуум, в трехмерную геометрию вселенной, и сдвинуть их не удавалось еще никому. Не удалось и тартарианам, но зато они нашли другой выход — сдвинули свою планету, свой дом, свой мир, и теперь Таратару уже не грозило полное уничтожение из-за расширения нагуаля. Во всяком случае до тех пор, пока до него снова не дотянутся шипы Большого Ничто.

Тартар отдалился от нагуаля на сто, триста, тысячу километров и продолжал уходить, изменив параметры орбиты вокруг своего солнца — Тины.

Ставр вдруг почувствовал, что стоит со сжатыми кулаками, разжал вспотевшие от волнения ладони, сказал со вздохом:

— Молодцы! Но кардинально проблемы они не решили...

Среди остальных сообщений была и весть о смерти Степана Погорилого. Мозг физика так и не восстановил своих функций, нейрохирурги оказались бессильны заставить его работать в полной мере.

Прости, дружище! — подумал Ставр с болью в душе. Я тоже повинен в твоей гибели. Если бы я знал, что ты задумал... Я приду на твои похороны...

Последним поступило донесение о поведении «ямы» в лесу под Владимиром: она перестала увеличиваться в размерах и начала «выдыхать» — не воздух, но неизвестные науке поля, искривляющие метрику пространства. Каждый такой «выдох» изменял пейзаж вокруг, и лес возле «ямы» превратился в чудовищное сплетение невероятных форм.

Час от часу не легче! — прокомментировал Ставр донесение, собираясь выходить, и в этот момент уловил беззвучный толчок в голову. Тотчас же инк передал Голос Пустоты:

— Все, кто меня еще слышит! Внешний формообразующий фактор сужает круг бытия. Мне безразлично, я родился и умер, вам — жить. Это последнее... глобальный контроль необходимо нейтрализовать... вразумительно... образумь вас... прощай...»

— Все? — спросил Ставр.

«Все, — ответил инк. — Такого я еще не слышал. Речь дублирована на всех языках и передана на всех диапазонах связи!»

«М-да, действительно... Что-то Голос сегодня слишком многословен. К чему бы это?»

«Может быть, он прощался?» — предположил терафим, на которого Голос Пустоты произвел гнетущее впечатление.

Кто-то тихо пошевелил «красную» — тревожную полосу пси-спектра. Ставр приоткрыл щель связи: это был Мигель да Сильва.

«К походу готовность один, эрм. Сбор через час возле Северо-Скандинавского орбитального лифта. Пароль «викинг», выход на третьей зеленой вспышке. Экипировка «макс».

Пси-голос шефа уплыл в плотно организованное из неисчислимого количества голосов и шепотов поле Сил. Ставр с хрустом потянулся и вдруг понял, что жаждет действия. Телу и мозгу не хватало «перца» — то есть опасной и активной деятельности, жизнь без которой становилась пресной, неинтересной, лишенной ярких красок.

Экипировку по императиву «макс» он подобрал в управлении, но не из общих запасов ОБ, что сразу стало бы известно комиссарам отдела, а из личного сейфа начальника сектора. В комплект входил защитный костюм — «бумеранг», аппаратура маскировки «хамелеон», видеоконтроля и подавления шумов, пси-фильтр, средства связи и оружие. Ставр выбрал аннигилятор, хотя в сейфе хранились и взятые на вооружение дьявольские изобретения кайманолюдей: нейтрализатор и генератор свертки пространства в «струну», вызывающий сильнейшее локальное похолодание в зоне применения.

Минута в минуту к указанному сроку Ставр объявился на хозяйственном дворе орбитального лифта Северо-Скандинавского транспортного радиала, расположенного на окраине городка Берлевог. Да Сильва ждал его в таком же «мундире» возле отливающей тусклым свинцовым блеском глыбы неопределенной формы, в которой трудно было угадать совершенное техническое устройство, и лишь излучаемое глыбой «живое» тепло позво-

лило Ставру определить в ней аппарат-организм неизвестного ему класса.

«Это автономная десантная капсула седьмого поколения, — сказал Мигель, похлопав ладонью по крутому боку глыбы. — «Голем-2», так сказать. Корпус и начинка из эквивещества, что дает ему возможность преобразовывать форму в л ю б ы х пределах, энерговооруженность такая же, как у спейсеров Даль-разведки, защита — слой «абсолютного зеркала».

«Я летал на таком, разве что тот не имел «зеркальной» защиты. Но отец говорил о каких-то других машинах, более совершенных...»

«Он говорил о классе «абсолют-маг», называется просто — «пузырь». Весь такой аппарат умещается в заплечном ранце. Ему не нужен объем, масса, запасы энергии, он черпает ее напрямую из вакуума и в состоянии уйти «на струну» в любом месте, не потревожив пушинки. По сути аппарат «смонтирован» из ферми-жидкости, почти из «чистой энергии» и рассчитан практически на любой мыслимый в нашей метавселенной катаклизм. В нем свободно можно жить на Солнце, например, или на поверхности квазара, и даже «черная дыра» не может повредить ему, так как при падении на «дыру» возникают макроквантовые эффекты... — Мигель прервал хвалебную речь, оценив пси-мимику собеседника. — Извини, я забыл, что ты физик. Но таких аппаратов создано всего два, и не каждый может управлять им из-за энергонакачки. Вредно для здоровья. Пока. Хотя твой отец уходил в Даль-поход на таком «пузыре» и вернулся. Говорят, конструируются «пузыри» классом пониже, но когда появятся на свет, не знаю».

Глыба «голема» вдруг потеряла четкие очертания, стала жидкой, как огромная капля ртути, и в течение двух секунд превратилась в аэр.

«Садись, пора отправляться. — Мигель заметил, что Ставр оглядывается, добавил: — Не волнуйся, это лишь с виду — обыкновенный хоздвор, на самом деле ты находишься на одной из баз «контр-2», попасть на которую не сможет, наверное, и эмиссар ФАГа».

Ставр молча полез в кабину «аэра».

Орбитальный лифт зашвырнул их на транспортно-орбитальный узел, подвешенный над Землей на высо-

те двухсот километров, откуда они своим ходом добрались до грузовоза «Ландскнехт», имеющего собственную линию метро, а чем также мало кто знал. «Струна» метро выбросила «голем» с пассажирами в недра транспортного отсека спейсера Даль-разведки «Славутич», который маневрировал неподалеку от Фаэтона-2 и незаметно «выронил яйцо», то есть «голем», вместе с полусотней витсов-ремонтников. После этого настала очередь Мигеля командовать аппаратом в качестве драйвера-примы.

«Голем» перешел в джамп-режим и в два прыжка достиг «атмосферы» Фаэтона-2, тонкого по земным меркам километрового слоя пыли и газов, куда и нырнул, как в воду.

Конечно, их «черный полет» лишь казался простым, легким и до смешного коротким, на самом деле выводом разведаппарата на цель занималось множество специалистов своего дела и мощный инк Даль-разведки Стратег, используемый на одну треть службой старменов и на две трети работниками «контр-2». Кроме того, разведчики шли не вслепую. Задолго до их появления в атмосфере Фаэтона-2 за псевдопланетой было установлено наблюдение, и проделанный на его основе анализ позволил наметить вектор разведрейда, упиравшийся предположительно в базу эмиссара ФАГа. Но об этом из двух членов экипажа «голема» знал только один — начальник сектора погранпроблем, Панкратов же мог только догадываться.

«Итак, начинаем. Выходим в поле Сил пассивно, работаем как приемные антенны. Поскольку Лайа-центр, если он здесь есть, наверняка защищен, как крепость, на всех мыслимых уровнях, мы имеем право только слушать пространство, не включая аппаратуру поиска. Наша задача — обнаружить его и незаметно слинять, на абордаж пойдут другие».

«Понял, — подавил вздох разочарования Панкратов. — А если они нас обнаружат первыми?»

«Мы об этом узнать не успеем. Учти еще одну особенность Фаэтона-2: это не просто шарообразная куча щебня и камней побольше, диаметр которой равен трем тысячам километров, это сложная система полевых взаимодействий, включающая, кстати, и маломассивные —

до двух миллионов тонн — кварковые кластеры, которые сильно искажают поле Сил. Обязательно делай поправку на коэффициент ошибочного восприятия, особенно визуального».

«Вводную принял! — вытянулся в кресле Ставр. — Разрешите выполнять?»

«Вперед!» — бросил да Сильва, выключая оптическую плотность стен «голема».

Пилоты повисли в ровном голубовато-сером тумане без намеков на верх и низ, скрадывающем ориентиры. Затем под ногами зашевелились смутные тени, и Ставру показалось, что они висят над океаном. Однако это был не океан — верхний разреженный край каменного облака с редкими обломками скал размерами от полуметра до двух-трех сотен метров и сгустками щебня. Некоторые из них под влиянием центростремительных сил или от столкновения с другими камнями вырывались из общей массы и уплывали от основного шара псевдопланеты, за ее «атмосферу», чтобы вскоре вернуться обратно.

Ставр проводил глазами один такой шатун, затем уловил недовольство соседа и сосредоточился, входя в состояние инсайта.

Туман как бы расступился, поредел, отступил куда-то за пределы видимости. Взору предстала удивительная картина «раздробленной» планеты, состоящей из мириад разноцветных и разнокалиберных каменных глыб. Камни шевелились, сновали в разные стороны или торжественно плыли по воле гравитационных волн, сталкиваясь между собой и порождая бурлящие «реки» и «селевые потоки», вихри и смерчи, самые настоящие волны и фонтаны. Прятать в этом месиве станцию казалось безумием, но именно поэтому эмиссар ФАГа и мог пойти на риск, приняв соответствующие меры безопасности.

Чей-то пристальный взгляд упал на людей внутри дрейфующего «голема», и Ставр даже отшатнулся, будто стоял в доме у окна и кто-то снаружи попытался разглядеть его. «Взгляд» потускнел, втянулся в недра планеты, исчез.

«Спокойно, эрм, — хладнокровно сказал да Сильва. — Из-под «зеркала» достать нас невозможно. Зато

сам факт того, что окрестности Фаэтона-2 «пасут» неизвестные нам пси-наблюдатели, указывает на возможность присутствия здесь секретной базы. Засек вектор пси-волны?»

«Н-нет, не успел».

«Ладно, мне это, кажется, удалось. Источник лоцирующего пси-поля находится где-то недалеко, двумя-тремя слоями ниже, там же я засек и флуктуацию массы, маскон. Поехали потихоньку».

«Голем» двинулся к первому слою псевдопланеты, углубился в каменное крошево. Резко стемнело, лучи Солнца сюда уже не достигали, поглощаемые пылевой атмосферой Фаэтона-2 почти полностью. Не спасало ни инфразрение, ни ультрафиолетовое, и лишь испускаемое некоторыми скалами микроволновое излучение и повышенный радиоактивный фон позволяли инку «голема» и пилотам ориентироваться в пространстве.

Камни кружили вокруг, увлекали аппарат за собой, сбивали с выбранной траектории, таранили иногда, и плотность их становилась все больше и больше, пока не достигла предела, когда между ними уже почти не осталось свободного пространства.

«Дальше не пройти, — высказал опасение Ставр. — А если начнем пробивать дорогу, нас засекут».

Мигель молчал, прислушиваясь к шуму безостановочного движения вокруг; этот шум был слышен уже в звуковом диапазоне, так как субстанция слоя, в котором двигался «голем», представляла собой достаточно плотную звукопроводящую среду: газы, пыль, камни.

Снова чужой пси-взгляд мазнул корпус аппарата, ушел в сторону, затерялся в каменных водоворотах, пропал.

«Он здесь! — отозвался наконец да Сильва. — Километрах в трех под нами. Напряги з р е н и е».

Панкратов послушно сконцентрировал внимание на глубинах псевдопланеты и сквозь призрачную пляску пси-фантомов и миражей — пространство здесь и в самом деле было возбуждено в потоке Сил — смог зацепить краешком сознания-зрения-чувствования огромную ежастую «акулу» чужой базы. Ощущение тут же пропало, но сомнений уже не оставалось: Лайа-центр находился в недрах Фаэтона-2.

«Возвращаемся?»

«Нет, — помедлив, сказал да Сильва, удивив и обрадовав напарника. — Попробуем приблизиться и определить кое-какие параметры. Даже если нас обнаружат, вряд ли смогут догадаться, кто мы, а тем более захватить. Раскрываться им невыгодно».

«А как мы пройдем?»

«Ползком, эрм, ползком».

Как оказалось, «голем» был оборудован новыми системами оружия, в том числе и нейтрализатором — метателем «пауков». Мигель применил его не задумываясь, когда протискиваться между глыбами стало уже невозможно. Выстрел уничтожил мешающий обломок, и его место тут же занял «голем». Еще один «паук» вонзился в следующий камень, проделав дыру в скрежещущем потоке, и «голем» сделал новый рывок.

Таким образом они «проползли» около двух километров, миновали концентрацию массы, скорее всего кластерный мешок, вокруг которого вились электромагнитные вихри, порождающие красивые многоцветные сияния, и вышли над целью — еще одной гравитационной концентрацией, молчащей, однако, на всех диапазонах, не рождающей никаких эффектов.

Аппаратура «голема» по-прежнему не фиксировала ничего подозрительного, но на «экране» внутреннего радара Ставр разглядел линзовидное тело, ощетинившееся иглами, как свернутый дикобраз. Диаметр линзы достигал не менее километра, а толщина — около двухсот метров, хотя точно определить ее размеры было невозможно из-за сильного поглощения пси-волны вблизи объекта. Работала, очевидно, его защита.

«Что дальше?» — спросил Ставр.

«Теперь домой, — вздохнул Мигель. — Будь с нами эскадрилья перехвата... или хотя бы одно звено...»

«Это корыто в лоб не возьмешь, оно прячется за энергоэкраном».

«Придется действовать другим способом. Возвращаемся».

«Голем» послушно полез назад, раздвигая обломки корпусом, но уйти не успел. Сильнейший пси-удар об-

рушился на сознание пилотов, ломая их волю, дезорганизуя работу нервной системы, подавляя желания, лишая возможности двигаться, повергая в шок от чудовищных болей во всем теле...

ЗАПАСНОЙ КОМАНДНЫЙ ПУНКТ

Видана ворвалась в спальню Железовского как вихрь, бросилась ему на грудь с рыданием:

— Дед, он пропал!

Аристарх прижал внучку к себе, легонько провел ладонью по спине, успокаивая.

«Кто пропал, где?»

«Ну, он, Ставр... они с Мигелем пошли к Фаэтону-2 и не вернулись... и ничего не сказал... и не звонит... ну, почему он такой? Черствый, как чурбан... я его ненавижу!».

Железовский улыбнулся, поняв, в чем дело, но улыбка тут же сбежала с его губ.

«Значит, Панкратов с да Сильвой ушли на Фаэтон и исчезли... Когда они ушли? Сколько времени прошло?»

«Шесть часов. У них было всего три на весь рейд, их ждали... и не дождались! — Видана снова уткнулась лицом в мощную грудь деда, смачивая халат слезами. — Я слабая, да? Жить без него не могу, каждую минуту вспоминаю, думаю о нем, а он хоть бы позвонил! Пусть только вернется, я ему... я... скажу все, что о нем думаю!»

«Пусть сначала вернется. — Аристарх спохватился. — Откуда ты знаешь такие подробности?»

Видана отстранилась, вытерла слезы, вздохнула.

«Нет, не слабая я, просто глупая. Что я в нем нашла? Обыкновенный эрм, только и умеющий, что хорошо драться. А вместо сердца кусок льда! Йохан Тильбурд уж на что викинг, и тот в тысячу раз галантнее... Что ты спросил?»

«Откуда ты знаешь о разведрейде?» — терпеливо повторил Железовский, одновременно связываясь через поле Сил с Баренцем.

«Я беседовала с Левашовым, а тому позвонил при мне отец Ставра. Что делать, дед? Надо срочно бить

тревогу, подключить БОСы отдела безопасности, собирать спецкоманду и лететь на поиски. Только предупреждаю — я с вами!»

«Погоди, не спеши, надо выяснить все обстоятельства дела, а потом уж действовать. Я, например, не знал, что Сильва пошел к Фаэтону вдвоем со Ставром. Неужели они решили обойтись без подстраховки?»

Через несколько секунд ответил Баренц.

«Аристарх, что случилось?»

Железовский пересказал новость, услышанную от внучки, не обращая внимания на ее умоляющие взгляды, ушел в свой кабинет и закрыл дверь.

«Почему нас не проинформировали?»

«Мигель работает на «контр-2», а у них свои законы конспирации и охраны тайны. Собирай нашу команду, я пошел к Велизару. Он наверняка в курсе событий. Встретимся через час в управлении».

Собирался Аристарх не долго, «бумеранг», отвечающий его габаритам, хранился у него дома, в спецбоксе, и надеть костюм было делом двух минут.

«Что делаем? — встретил его в гостиной уверенный пси-голос пришедшей в себя Виданы. — Куда идем? Только попробуй сказать, что идешь один!»

Железовский подумал и согласился.

«Держись в кильватере, идем к Велизару».

Архонт Всемирного Вече принял их в своем защищенном от большинства стихий кабинете, превращенном системой видеопласта в пейзаж Сатурна: волокнистые туманы палево-жемчужных оттенков, удивительные бледно-голубые скалы из метанового льда, парящие озера жидкого метана темно-синего цвета, скопища бликующих серебром пузырей — живых «улиток» Сатурна, небо салатового цвета с бледной полосой кольца. Стол хозяина кабинета и кресла для гостей казались неуместными для этого уголка чужой природы.

Пейзаж отвлекал, и Велизар выключил видеопласт. Он уже знал причину визита патриарха с внучкой, но ждал, пока придут другие проконсулы.

Баренц прибыл через минуту, за ним один за другим пришли Герцог, Боянова, Ратибор Берестов. Никто не задавал вопросов, все знали причину сбора. Последним

появился Джордан Мальгрив. Эксперты синклита встретили его сдержанно, до сих пор они дела с ним не имели, поэтому ждали, когда заговорит Велизар. Однако Мальгрив начал первым:

«Мы предприняли еще одну попытку негласного прорыва в глубины Фаэтона, но найти разведшлюп не смогли. Скорее всего он обнаружен эмиссаром ФАГа и захвачен. Час назад был зарегистрирован всплеск пси-поля в районе Фаэтона. Аналитики считают, что характеристики поля соответствуют излучению массы индивидуумов, то есть эгрегору, но возникает вопрос: откуда в Фаэтоне появился эгрегор? Не один человек, не десять, а несколько сотен или тысяч! Да и не людей, а, вероятнее всего, гуманоидов, близких по биопараметрам к людям».

«Кайманоидов?»

«Не исключено».

Велизар подал неслышную команду инку кабинета, и тот развернул в объеме и в движении схему взаимодействия тревожных служб в районе Фаэтона-2. Багровым, красным и оранжевым цветом обозначились корабли погранслужбы, отдела безопасности и УАСС, голубым — аппараты исследователей и технической поддержки, золотом просияли машины, принадлежащие «контр-2». Угрюмым фиолетово-сиреневым цветом выделились чужанские «дредноуты». Сам Фаэтон выглядел красивым серебристо-кисейным шаром, состоящим из множества крупинок разного размера. На краю этого шара разгорелась и замигала рубиновая звездочка.

«Место их входа в Фаэтон, — пояснил Мальгрив. — В принципе мы готовы выбросить десант на «големах», но это может быть расценено пограничниками как «провокация проклятых нелюдей», то есть паранормов, и тогда неизбежен бой».

«Что ж, будем сидеть и ждать у моря погоды?! — не выдержала Видана. — И с какой это стати пограничники сразу полезут в бой?»

Мальгрив посмотрел на девушку оценивающе, но ответил на ее тираду Велизар:

«Прямая атака на Фаэтон чревата последствиями. Во-первых, у пограничников приказ никого в особые

зоны не пропускать, а Фаэтон-2 вместе с нагуалем как раз входит в число этих зон. Во-вторых, нам не хотелось бы до поры до времени раскрывать себя, показывать противнику, что мы его вычислили».

«Но если они захватили Мигеля, то уже догадались об этом, — сказал Железовский. — Я согласен с Виданой, пора действовать. Предлагаю начать в Системе операцию «Чистка» и одновременно десантировать три группы в район, где пропал «голем» да Сильвы».

«Чистка? — переспросил Мальгрив. — Что это означает?»

«Минуту, — вмешалась Забава Боянова, прищуренными глазами рассматривая квадратное, иссеченное морщинами лицо Джордана. — Велизар, вы нас не представили друг другу. Кто этот человек? То есть я знаю его как начальника контрразведки, подчиненного комиссару Еранцеву».

«Я могу ответить совершенно точно, — весело сказал Пауль Герцог. — Этот человек умудряется руководить еще и такой организацией, как «контр-2».

Среди присутствующих прошло движение. Не удивились ответу лишь Баренц и Железовский.

«Вы удовлетворены?» — посмотрел на Боянову Мальгрив, не меняя выражения лица.

«Простите, Джордан, я никак не ожидала...»

«Что такой увалень, как я, способен работать тонко, — закончил начальник «контр-2», и впервые на его губах промелькнула слабая улыбка. — Что ж, это комплимент. Но вернемся к нашим баранам. Петр, нужен квалитет ответственности уровня «глобальный».

Железовский с любопытством глянул на Велизара, которого Мальгрив назвал Петром. Тот некоторое время наблюдал за неторопливым хороводом огней вокруг Фаэтона-2, потом оглядел лица присутствующих, задержал взгляд на побледневшей Видане.

«И все же мы спешим... Операция «Чистка» не проработана, а десант на Фаэтон, скорее всего, столкнется с защитной системой базы ФАГа и приведет к потерям».

«Я понял так, что «Чистка» — уничтожение выявленных помощников ФАГа, — сказал Мальгрив. — Но

это не даст ощутимого результата, пока мы не вычислим эмиссара. А на сегодняшний день таких кандидатур всего три: Еранцев, Алсаддан и секретарь эргономического департамента Всевече, председатель правовой комиссии Леонид Жученок. Кого вы принесете в жертву?»

«А Баркович?» — спросила Боянова.

Мальгрив и Герцог переглянулись.

— Забава, боюсь, вы правы, — сказал Велизар. — Поведение Барковича настолько непредсказуемо, что мы до сих пор не знаем, какому лагерю он отдает предпочтение. К тому же он мастер рукопашного боя в системе тангсудо, захватить его не удастся».

Наступило короткое молчание. Потом кто-то громыхнул железным листом — это рассмеялся Аристарх. Сказал добродушно:

«То-то я удивлялся, что он моих угроз не то что не боится, просто не воспринимает! А ведь я грозил ему оторвать... м-м... э-э... и размазать по стене!»

Герцог засмеялся, за ним Берестов, улыбнулась и Забава. И лишь Видана смотрела на Велизара сузившимися глазами, в которых стояли слезы.

«Баркович — и мастер? Не может быть! — проговорила Забава. — Тангсудо — это прежде всего философия жизни, соблюдение определенных этических норм, а он... знаете, сколько у него было женщин?»

«Баркович очень непростой человек, — заметил бывший комиссар-прима, — причем с хорошей пси-защитой. К тому же вы, девушка, нравитесь ему на самом деле, но — чур, не выдавать».

Видана беспомощно посмотрела на Боянову, та красноречиво поморщилась. Манеры Барковича ей тоже не нравились, несмотря на попытки оправдания таковых мужчинами.

«Квалитет», — напомнил Мальгрив.

«Придется потревожить патриарха».

Но прежде, чем Велизар вызвал Константинополь, резиденцию Вселенского патриарха Варфоломея Ивана V, в кабинет стремительно вошел небольшого роста человек в черном унике, седоголовый, смуглый, с бездонно черными глазами, в которых тлели угольки угрозы, насмешки, невероятной уверенности, мудрости и силы.

Велизар встал.

Гости архонта оглянулись.

— Ну, здравствуй, Петр, — звучным голосом произнес нежданный гость. — Давно не виделись. Узнаешь?

— Габриэль, — тихо сказал Велизар. Медленно вышел из-за стола, навис над гостем; он был на две головы выше. И они обнялись.

Затем Грехов — это был он — повернулся к замершим от неожиданности экспертам, разглядывающим его с разными чувствами, прищурился.

— Забава, вы все так же молоды и красивы. Сколько мы с вами не виделись?

— Пятьдесят лет и пять месяцев, — тихо сказала женщина.

Видана, не веря глазам, увидела, что ее «железная» бабка зарделась, как восемнадцатилетняя девчонка.

— Пятьдесят лет, — задумчиво повторил Грехов. — Да, земное времяисчисление не годится для скитальцев по другим вселенным. Салют, крестник. Ты, гляжу, тоже не меняешься.

Ратибор Берестов с каким-то внутренним колебанием, понятным обоим, тоже обнял Грехова. Затем настала очередь Железовского, и между ними произошел мгновенный пси-разговор, недоступный остальным. Финалом разговора был кивок Грехова.

Он пожал руку Герцогу и сел за стол Велизара. Перешел на слогаобмен:

«Я в курсе всех ваших проблем. Времени мало, поэтому давайте решать быстро и говорить только о самом необходимом. Прежде всего о ситуации. Есть два варианта дальнейших действий. Первый — штурм Фаэтона всеми имеющимися силами. Да, он может оказаться успешным, и база эмиссара окажется у нас в руках. Но, во-первых, пограничники не дадут нам атаковать псевдопланету, имея приказ, о котором уже говорилось. Неизбежен конфликт, чреватый потерями с обеих сторон, а надо помнить, что погранцы и безопасники не есть слуги ФАГа, они просто люди, заложники высокой политики, выполняющие приказы начальства».

Железовский хотел что-то сказать, но передумал.

«Второй вариант, — продолжал Грехов, разглядывая схему движения флотов возле Фаэтона-2, — связан с

истинной расстановкой сил в Системе. Эмиссар ФАГа в Системе один, и он — не человек, хотя и гуманоид. Те, кого вы считаете эмиссарами, просто его полудобровольные помощники: Еранцев, Шкурин, Жученок, Алсаддан, Шан-Эшталлан, Роджер Жалюзный. Почему *полу*? Потому что каждый из них все-таки воспитан был человеческим социумом, обладал какими-то нравственными устоями, но сопротивляться внушению долго не смог, а кое-кто и не захотел».

«А К-мигранты?» — спросила Боянова.

«К-мигранты — дети иных моральных программ. К сожалению, они первыми не выдержали похода с Конструктором... а где их выловил Игрок... или ФАГ, как вы называете, не суть важно. Но об этом в следующий раз. Итак, Демиургов у нас много, но из них лишь двое, а именно Жученок и Еранцев, знают о ЗКП... — Грехов на мгновение исчез! Вот он сидел в кресле — и нет его! — и тут же с дуновением холодного ветра появляется снова.

— Простите. Так вот, в Фаэтоне-2 прячется не база ФАГа, а запасной командный пункт, ЗКП. Реперная же, основная база эмиссара, — вы правильно догадались, — находится на Солнце, и добраться до нее будет трудно, если вообще возможно. Предлагаю взяться за Жученка или Еранцева, и они сами приведут нас на ЗКП, через метро, естественно. Это самый простой выход из положения».

Видана от избытка чувств захлопала в ладоши, вскочила, обежала стол и чмокнула Грехова в щеку. Застыдившись, вернулась обратно.

«Давно меня не целовали красивые девушки, — пребывая в некоторой растерянности, сказал Габриэль. — М-да, везет же кому-то... У Ставра губа не дура. Ну, мафусаилы, что решаем?»

Велизар опомнился, согнал гостя со своего места, пробурчал:

— Ты тоже не меняешься, мальчишка. «Глобальный» квалитет отменяется, будем разрабатывать Жученка. Еранцева я трогать бы не хотел.

«А почему он назвал вас Петром?» — полюбопытствовала ожившая, повеселевшая Видана.

— Потому что это мое имя, — ответил Велизар. — Так назвали меня родители более ста лет назад — Петр Пинегин.

«Подождите еще немного, — колеблясь, не решаясь спросить прямо, обратилась Боянова к Грехову. — Габриэль, скажите, вы знали о появлении ФАГа? Еще тогда, пятьдесят лет назад?»

«Знал», — коротко ответил Грехов.

«И вернулись специально для того, чтобы помочь нам... всем людям? Не рассчитывая на благодарность?»

В глазах Грехова мелькнула тень, подчеркнув вечную тоску и странную боль, редко вырывавшиеся наружу.

«Каждый должен служить Богу тем, для чего тот его создал. Я — не исключение».

«Не понимаю».

— Поймете, — сказал Габриэль вслух, мягко, стараясь не обидеть женщину. — Просто вы еще очень молоды, паранормы, и мало знаете. Это не упрек, просто констатация факта. Я тоже в этом смысле достаточно молод, и даже мне вселенная не раскрыла всех своих тайн».

Боянова задумчиво опустила голову. Мужчины молчали. Видана смотрела на седого экзоморфа с восхищением и ужасом. Ей хотелось задать ему множество вопросов, фантазия ее заработала вовсю, но времени на философские беседы у них уже не осталось.

От пси-удара «я» Ставра буквально катапультировалось из тела в астральное поле и некоторое время «прогуливалось рядом в задумчивости», пока вокруг происходили достаточно быстрые и неординарные события. Не в силах прийти в себя от шока, Ставр немо наблюдал за происходящим, не отреагировав даже на пробившуюся в голову мысль напарника: «Держись! Отключи сознание! Выход в пси по команде «давай!»

В отличие от Панкратова да Сильва перенес пси-атаку легче, потому что был опытнее и знал приемы шунтирования пси-разряда. Он тут же сориентировался и сообразил, что их «молчание» может дезориентировать противника, в то время как попытка бегства или даже просто включение аппаратуры «голема» при-

ведет к повторной атаке. Следовало притвориться убитыми и ждать дальнейших действий противоборствующей стороны. Факт же нападения говорил о том, что разведчиков вывели точно на цель, и даже в случае их невозвращения аналитики «контр-2» сделают надлежащие выводы.

Действия слуг ФАГа не заставили себя ждать.

«Голем» дважды «пощупали» векторным пси-полем, убедились в полной неподвижности атакованных, и через несколько минут «голем» с пилотами подобрал неизвестный аппарат, не имеющий аналогов среди множества разновидностей транспортных систем земного флота. Перевозка длилась недолго, затем неизвестный аппарат перегрузил «голем» в недра гораздо большей машины, и Мигель понял, что они наконец попали на борт базы эмиссара, которую так стремились отыскать.

Еще раз убедившись в том, что разведчики в «големе» находятся в полной неподвижности и даже «не дышат», хозяева принялись вскрывать захваченную спейс-машину, и, к удивлению да Сильвы, с третьей попытки это им удалось. Правда, сделали они это лишь с помощью уничтожителя, который ювелирно срезал корму «голема» с генераторами движения и защиты даже сквозь силовой кокон и слой «абсолютного зеркала»! Однако анализировать сие событие Мигелю было недосуг, наступала стадия контрдействия, и включиться в нее следовало в самый ответственный момент.

Первыми к искалеченному «голему» подплыли витсы; именно подплыли, потому что в этом помещении имела место быть невесомость. С «мясом» выдернув из корпуса коконы пилотов, они достаточно легко разрезали «бутоны», извлекли неподвижные тела пилотов и перегрузили на летающую рядом платформу. Спустя короткое время платформа выплыла в более тесное помещение, вероятнее всего тамбур или коридор, где царила почти земная сила тяжести. Через минуту-две к телам пилотов подошла группа каких-то существ. Это могли быть и другие витсы, и кайманоиды, и люди в защитных костюмах с пси-подавлением, но Мигель не позволил себе выйти в поле Сил и определиться — чувствовал, что еще рано. Осмотрев захваченных разведчиков, существа про-

вели бурную дискуссию (Мигель лишь изредка улавливал эхо пси-сопровождения переговоров) и удалились, оставив двоих представителей разбираться с физическим состоянием жертв. Эти двое направили платформу по коридору и зашагали следом, изредка обмениваясь репликами в звуковом диапазоне. Кто они — Мигель видеть не мог и активно анализировать происходящее также не имел возможности.

Судя по остановкам и эффектам изменения потенциалов тяготения, их переправили по коридорам и с помощью лифтов куда-то в самое сердце станции, очень крупной станции, если верить обрывкам ощущений, просачивающимся в сферу сознания. А когда в новом отсеке, где остановилась платформа, сопровождающие полуживой груз создания сделали попытку снять с пилотов защитные костюмы, Мигель понял, что медлить больше нет смысла. Пора, сказал он сам себе, когда пришло полное понимание того, что он хочет сказать. Вырвавшись из «теснины» глубокой стагнации сознания с пси-возгласом «давай!», да Сильва смог наконец «открыть шлюзы» информационной блокады и в течение долей секунды выяснить ситуацию.

Первое, что ощутили пришедшие в себя разведчики, — нависшую над головами «гору» пси-поля! «Гору», полную безжалостного спокойствия и презрения от безмерной мощи. Это было поле чужого эгрегора, сконцентрированное внутри огромного, но конечного объекта, который представлял собой запасную базу эмиссара ФАГа. И по всем характеристикам поля база эта принадлежала кайманоидам, а не людям.

Второе ощущение потрясло пилотов и озадачило. Размеры базы изнутри казались на порядок больше, чем снаружи, то есть не менее трех-четырех десятков километров в поперечнике!

Третье ощущение тоже не добавило радости: кайманолюдей на борту базы насчитывалось не меньше двух тысяч!..

Что-то просвистело у виска Ставра, он очнулся.

Мигель добивал второго кайманоида, в руках-лапах которого отблескивали металлом странной формы пластины, похожие на металлические звезды — сюрикены. Впрочем, это и были боевые метательные

пластины, используемые кайманоидами в качестве оружия.

«Включайся наконец!» — подстегнул Ставра возглас шефа.

Однако он потратил еще секунду на ориентацию, прежде чем начал действовать.

Помещение, куда их перевезли, представляло собой санитарно-медицинский бокс в недрах компьютеризованного агрегата, способного определить состояние, вылечить или убить любое живое существо. В принципе оно почти ничем, кроме конструктивных особенностей, не отличалось от подобных медицинских комбайнов землян, хотя создавали его не люди и не для людей. Располагался этот агрегат на пересечении сразу трех уровней, то есть как бы образовывал узел, соединяющий шесть коридоров. А вокруг начиналась такая мешанина помещений, коридоров, секций, аппаратных, силовых коммуникаций, систем обслуживания, снабжения и утилизации отходов, что разобраться в ней казалось делом безнадежным. И все же Ставр смог выделить «зерна» пси- и энергоинформационных уплотнений, чтобы сделать кое-какие выводы.

«Осиное гнездо! — выразил он свои эмоции. — Жилой сектор двумя уровнями ниже, судя по «шуму». А центр управления в одной из трех концентраций: рядом, в сотне метров, уровнем ниже и где-то на самом верху, километрах в трех».

«Скорее всего именно туда нам и надо. Рядом, вероятно, энергоцентр, но проверить необходимо. Твой план?»

«Стратегически мы в выгодном положении, поэтому можно было бы попытаться найти транспортный отсек и уйти отсюда на их машинах, но лучший вариант — метро. База должна иметь линию метро, иначе давно «засветилась» бы, десантируя отряды гуррах».

«Согласен, но есть и третий вариант — захватить центр управления».

Ставр мысленно покачал головой.

«Это авантюра. В любом бою важен не только захват инициативы, но и ее удержание, а без поддержки мы не продержимся долго. К тому же я не уверен, что центр управления здесь один, а не два или три, а во-вторых,

что стоит ФАГу пожертвовать им, а также сотней-двумя своих помощников?»

«Далеко пойдешь, мастер. Не каждый эрм обладает видением правильного вектора действий. Энергоуплотнений в теле базы около двух десятков, но я считаю, метро должно находиться где-то рядом с командным пунктом. Пробьемся, если только нам не подготовили сюрпризы...»

Один за другим в режиме сверхскорости они выскользнули из медицинского отсека и призраками пролетели первый коридор до ближайшего помещения с открытой дверью, внутри которого пульсировали и шумели десятки работающих приборов и мыслящих систем.

Это в самом деле был энергоцентр: реактор кварк-биг, система контроля, инк управления, комплекс распределения, каналы ввода-вывода, витсы обслуживания и два десятка операторов, занимающихся каким-то странным делом. Они расхаживали между необычной формы аппаратами и по неслышимой команде падали, вставали, размахивали руками и наносили друг другу удары. На заглянувших посетителей они не обратили никакого внимания, а может быть, не увидели.

Однако с этого момента оба разведчика почувствовали некое шевеление висящей над ними «горы», превратившейся в плотную массу разбуженных насекомых, в рой.

На следующий уровень или этаж им удалось проникнуть легко, по лестнице с разной высоты ступенями. Попадавшиеся навстречу кайманоиды смотрели на проносившихся «призраков» безразлично и не реагировали даже на случайные касания. Впрочем, Ставр насчет этого не заблуждался. Шли они «на темпе», и увидеть их было очень непросто, в том числе и кайманоидам, имеющим органы зрения, почти идентичные человеческим.

Второе энергоинформационное уплотнение оказалось залом техноигр, насыщенным игровыми инк-преобразователями и общим эйдообъемом, где зрители-участники могли «пересечься» в полном контакте. На Земле такие объемы были запрещены, хотя и существовали подпольно. Ставр знал это совершенно точно.

Для дальнейшего поиска требовалась транспортная система, и разведчикам пришлось потратить пару минут для знакомства с лифтом базы, который оказался сродни пронзающим вариационным лифтам земных зданий. Лифт вынес их к самой крупной из пси-концентраций, расположенной «на верху» ежастой чечевицы базы, и это уже было то, что надо. По колебаниям полей, сотне пульсирующих струек информации, втекающих и вытекающих отсюда, по «запаху» пси-атмосферы данного сектора станции Ставр с уверенностью определил расположение метро и центральной диспетчерской, но его смутило странное ощущение бездны за стеной коридора, бездны едва ощущаемой, на грани тончайших «шорохов», бездны, которой там не должно было быть. Видимо, то же самое почувствовал и Мигель, потому что остановился на мгновение перед мигающей пентаграммой на выпуклости стены, обозначающей вход. Давление «горы», вернее, «роя» местного пси-поля усилилось скачком.

«Началась тревога!» — сказал Ставр.

«Там не все чисто... я ощущаю нечто...»

«Но у нас нет выхода. Расчет на внезапность не оправдался, однако они не ждут нас здесь так скоро».

«А если ждут?»

«Вот и узнаем».

Мигель молча повернулся к двери и сосредоточился на автомате открывания. Дверь лопнула, как тонкая пленка, и они ворвались в помещение, интерьер которого вряд ли удалось бы описать, настолько он был сложен. Но посреди меняющих форму и свечение громад была свободная площадка, на которой лицами к двери стояла группа гротескно похожих на людей и крокодилов существ.

Нас вели! — сообразил Ставр, ловя в перекрестие визира, высвеченное инком наводки на «пси-экране» костюма, центрального кайманоида. Стоило отдать команду, и «шукра», встроенный в «бумеранг», начал бы стрельбу. Но Ставр понимал, что в с е х он уничтожить не успеет.

Раздвинув шеренгу кайманолюдей, вперед вышел невысокий худощавый человек с шапкой густых вьющихся

волос. К-мигрант Юрий Лейбан. Некоторое время гости и хозяева смотрели друг на друга.

«Поздравляю, эрмы, — сказал наконец бывший космен равнодушно. — Ваша подготовка превосходит ожидания. Хорошо, что нас предупредили, не то ваш прорыв мог бы и удаться. Я думаю, соображаете вы так же быстро, как и действуете. Предлагаю поиграть в воинские игры. Ставка — не свобода, но жизнь. В противном случае вы умрете, и немедленно».

«Гарантии?» — спросил да Сильва.

«Мое слово».

Ставр и Мигель переглянулись. Оба знали историю «честного» поединка Аристарха Железовского с кайманоидами и К-мигрантом Свиридовым.

«Если мы ввяжемся в их игры, нас разъединят и задавят. Или ты предпочитаешь верить К-мигранту?»

«К-мигранты всегда были вне морали, упрекать их не стоит, учитывать — надо. Но если мы начнем пальбу, кто-нибудь из них зацепит и нас, или же эмиссар просто взорвет этот отсек. А так есть шанс».

«Правильное решение», — кивнул Лейбан, оценив заминку безопасников. Что-то передал союзникам, и кайманоиды опустили свои ажурные «пистолеты», стреляющие «пауками». Вперед вышли два кайманочеловека в боевых мундирах, меняющих цветовой рисунок и создающих ложные эффекты атаки. Поймать их на прием, даже зная особенности строения тел, было непросто. Но и кайманоиды были озадачены такой же, как у них, работой «бумерангов», маскирующих движения, поэтому первый раунд рукопашного боя Мигель и Ставр выиграли вчистую, травмировав противника в течение нескольких секунд.

Новая пара бойцов использовала уже знакомые фигурные пластины, соединяющие в себе кинжал, серп, лезвие топора и острейший крюк. Чтобы их обезвредить, потребовалось около минуты. А затем на разведчиков набросилась вся компания, обуреваемая жаждой мести, ненависти и убийства, не признающая никаких законов поединка, не брезгающая ударом в спину.

Ставр перешел в поле Сил, как и Мигель, и некоторое время танцевал в шоу-режиме, отражая атаки и

отводя удары, нацеленные в спину напарника. Потом оба поняли, что для выживания недостаточно просто отражать выпады противника, превосходящего численностью в пять раз, и начали отвечать на поражение, с каждым ударом укладывая на пол одного из гуррах. Когда их осталось четверо, в зал ворвалась еще одна группа монстров, и эти уже не стали демонстрировать класс рукопашного боя, они начали стрелять, причем из пистолетов земных образцов.

«Пробейся к Лейбану и заставь его прекратить бой! — крикнул Мигель. — Я их задержу».

Ставр, чувствуя попадания пуль, электроразрядов и лазерных трасс в спину и ноги — «бумеранг» еще держался, гасил выстрелы, выручая хозяина, — понял, что в их распоряжении действительно остались мгновения, и бросился в стремительную атаку, уже не жалея никого, себя в том числе, отвечая на удары такими же мощными жестокими ударами. Но понадобилось несколько прыжков на пределе сил, чтобы достать Юрия Лейбана, выцеливающего его из нейтрализатора, и не дать ему выстрелить. В тот же миг в помещении, соединявшем в себе центры управления, связи и обработки данных со станцией метро, словно взорвалась мощная бомба!

Гаснущим сознанием понимая, что это взорвалась не обычная, а «пси-бомба», расталкивая ставший плотным, как желе, воздух, выдирая врастающие корнями в пол ноги, Ставр попытался обезоружить К-мигранта, тоже оглушенного мощнейшим всплеском пси-излучения эгрегора, но смог только отвернуть в сторону ствол нейтрализатора. Оружие выстрелило, испепелив двух кайманоидов и часть пола, и Ставр «улетел» в иную реальность, стал «деревом», не в силах пошевелить «ветвями» рук, «кроной» головы и «корнями» ног. Он уже не видел, как в помещение из кабины метро выпрыгнули несколько человек во главе с Габриэлем Греховым, подобрали упавших разведчиков и тут же ретировались, не желая начинать большую войну на чужой территории. Лишь Грехов задержался на несколько мгновений, приклеив к корпусам работающих громад какие-то черные диски. Пробормотал вслух:

— До новых встреч, завоеватели...

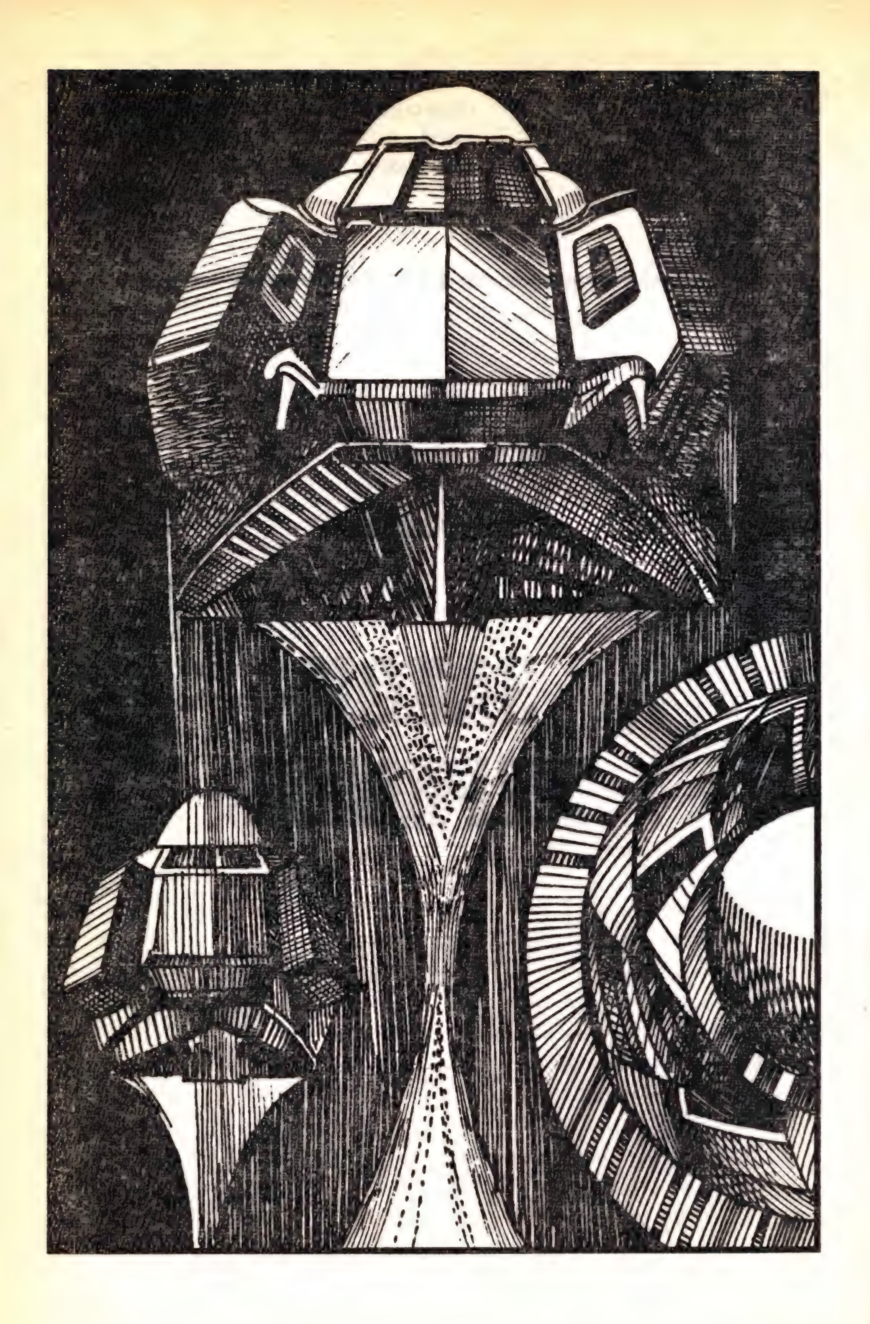
А через некоторое время аппараты, отмеченные дисками, вдруг раскалились добела, лопнули, испуская фонтаны искр, начали плавиться, пока не превратились в слитки металла, стекла и керамики. В один из них оказался намертво впаян бывший союзник Конструктора Юрий Лейбан, в другой — Леонид Жученок.

Вселенная не только более необычайна, чем мы себе представляем, она более необычайна, чем мы можем представить.

Дж. Холдейн

КНИГА ШЕСТАЯ

ЗАКОН ПЕРЕМЕН

Часть 1

ИНФЕКЦИЯ ЗАКОНА. СТАВР ПАНКРАТОВ

РАНДЕВУ С РОИДОМ

Он всплывал к свету сквозь толщу воды медленно, нехотя, как воздушный шар, подцепленный к тяжелому грузу; шаром была голова, а грузом тело. Вокруг становилось все светлей, тьма отступала, в темно-зеленой водной толще появились золотые прожилки и хороводы искр, холодные глубины остались внизу; потеплело. И наконец наступил момент, когда он вынырнул на поверхность океана беспамятства, не сразу осознав, что лежит на мягкой кровати под легчайшим пуховым покрывалом.

Не открывая глаз, он оценил обстановку и понял, что находится в знаменитом бункере Железовского, в одной из комнат отдыха. Кто-то наблюдал за ним, сурово и пристально, пока не выяснилось, что это медицинский инк. В соседнем помещении под аккомпанемент музыки спорили двое. Как только Ставр попытался определить личность спорщиков, один из них тут же прервал речь и появился у постели больного. Это была Видана.

«Очнулся, эрм? Слава Богу! Как самочувствие?»

В насмешливом тоне девушки проскользнули радостно-тревожные нотки, и стало понятно, что она беспокоится о состоянии Панкратова и одновременно сердится на себя за эти чувства.

Ставр открыл глаза и невольно окинул девушку взглядом; одета она была не в обычный уник, а в платье по моде «интим-момент», больше открывающее, чем маскирующее фигуру.

«Ну, как наш больной?» — вошел в комнату собеседник Виданы, отец Ставра. Вот его-то уж он встретить здесь не чаял и обрадовался по-настоящему.

«Живой, — сердито ответствовала Видана, тонко почувствовав перемену в настроении безопасника. — Ни одной скромной мысли, ни слова благодарности за уход, ни одного комплимента! Ухаживай тут за ним...»

«А я не просил».

«Жаль, что я согласилась остаться». — Видана выбежала из комнаты.

«Что это с тобой? — спросил Прохор, внимательно глянув в глаза сына. — Зачем грубишь девочке? Она ведь действительно провела возле твоей постели двое суток».

Ставр помолчал.

«Когда с ней говоришь строже, она лучше соображает, держит себя в форме».

«Вообще-то в таком тоне разговаривать с девушками не стоит, а тем более на грани фола. В какой-то момент она просто перестанет воспринимать тебя всерьез, ты станешь ей неинтересен. И ради Бога — не груби! Если бы я хоть раз пошутил в таком тоне с матерью, сын у меня вряд ли бы появился».

Ставр хмуро улыбнулся.

«Ладно, па, я постараюсь. Может быть, ты прав. Какие новости в мире? Неужели я провалялся без памяти двое суток? Хорош эрм!»

«Пси-удар был слишком мощным, таким мощным, что сгорел даже твой «защитник», приняв на себя часть разряда».

«Постой, ты о чем? Неужели... Фил?! Филипп-Филиппок, вечный надоеда... погиб смертью храбрых. — Ставр расчувствовался. — Зачем я его с собой взял! А что с Мигелем?»

«Мигель тоже получил нокдаун, но благодаря опыту перенес его легче и уже работает. Хвалил тебя. Сказал, что, если понадобится, снова пойдет с тобой в разведку».

Ставр порозовел, отвернулся. Потом поднялся на ноги, нашел в нише свой уник и стал одеваться, не обращая внимания на реакцию медицинского инка, приказывающего больному немедленно лечь и принять укрепляющее.

«Укрепляющее ты все же прими, — посоветовал Прохор. — А я пока перескажу новости, по большей части невеселые. База ФАГа, вернее, запасной команд-

ный пункт — по терминологии Грехова, — из Фаэтона исчезла...»

«Грехов объявился?» — поднял голову Ставр.

«Не перебивай. Грехов спас вас обоих. Именно по его подсказке мы вышли на Леонида Жученка, который не устоял под натиском и сообщил код метро базы. Еранцев, к сожалению, ускользнул и уже после всех событий сформулировал приказ: «Интраморф Ставр Панкратов обвиняется в терроризме и подлежит задержанию любыми средствами». Так что ты теперь во всемирном розыске. И никто, а тем более люди-нормалы, не станут разбираться, прав ты или нет».

Ставр, надевающий туфли, сел на кровать, присвистнул.

«Круто!»

«Боится тебя Еранцев, мальчик. Но твоя беда не самая главная. Интраморфы уволены со всех постов, кроме, пожалуй, отдела безопасности, да и то лишь потому, что эмиссар считает Мальгрива, да Сильву и кое-коего еще своими помощниками, а твоего деда Ратибора держит в качестве прикрытия. Велизар вынужден был подать в отставку, и, хотя отставка не принята на Соборе, исполняет обязанности архонта Всевече его третий заместитель, ученый глобалист Арсений Исаев. По оценке Велизара, подверглось глубокому зомбированию не менее пятидесяти процентов властных структур, что, естественно, будет способствовать блокированию всех разумных решений, направленных на выход из кризиса, и прохождению законов, выгодных ФАГу».

Ставр выпил предложенный медкомплексом стакан тоника и снова сел. Лицо его было неподвижно, однако Прохор чувствовал, что в душе сына бушует буря.

«Это все, что касается социума. Жить на Земле стало сложно, и паранормы снова потянулись в космос. Покинуло Систему еще не менее миллиона человек, то есть почти половина всех инакоживущих, и процесс не останавливается. Хорошо еще, что нас не отстреливают как зайцев.

Теперь о внешних событиях.

Тартар решил проблему нагуаля, хотя и по-своему, то есть стряхнул его с себя или, вернее, себя с него. Роиды тоже повторили этот маневр, что сделать им было легче.

Несомненно, их действия не решили проблемы в корне, а значит, и они не знают, что делать. Во всяком случае повторять опыт Степы Погорилого никто не решился, а слуги ФАГа еще не дошли до этого, иначе уже попробовали бы взорвать нагуали таким манером. Кстати, Артур Левашов... — Прохор помолчал, прислушиваясь к чему-то, — исчез».

«Убит?!»

«Нет, просто пропал без вести. Обойма прикрытия констатировала исчезновение когга начальника погранотряда во время встречи с одним из роидов конвоя. Левашов готовил эксперимент, втайне от всех разумеется, и, дождавшись возвращения одного из чужанских конвоев, торпедировавших нагуаль, отправил свою машину на замыкающего роида. И исчез!»

У Ставра загорелись глаза.

«Это означает одно: Артур нашел решение! Он теперь там, внутри роида!»

«Ты думаешь? Мы тоже надеемся, что это так. Роид вернулся домой как ни в чем не бывало и ведет себя спокойно, ни в какие конвои больше не встревает. Мигель в связи с этим хочет встретиться с тобой, он тоже занимался изучением континуума чужан и подошел к решению достаточно близко».

«Нам надо было объединиться, а не решать задачу порознь. Но если Артур смог... ах, черт побери, где же он увидел решение сингулярной точки? Какую калибровочную метрику применил?.. Дальше, дальше, отец!»

«А что дальше? Все. Нагуали продолжают расти, разбрасывая во все стороны свои иглы-нити, которые, соединяясь, образуют странные объемные паутинные поля, сквозь них не может пробраться даже мышь. Рост вакуумных флуктуаций возле нагуалей приводит к удивительным эффектам, вакуум «шатается», «кипит» и «вздрагивает». К чему это может привести, может сказать только Господь... или Ян Тот. Кстати, Грехов посоветовал тебе с ним встретиться».

Ставр очнулся, недоверчиво взглянул на отца.

«Ян не пожелал разговаривать даже с Баренцем... да и кто знает, где он живет? Я, например, не знаю».

«Я тоже не знаю, но думаю, друзья Габриэля тебе подскажут. Слетай к нему домой и поговори с Диего.

И вот еще что. Мы собираем экспедицию на поиски серых призраков, Сеятелей то бишь, возможно, ты войдешь в ее состав».

«Эту мысль вам тоже подсказал Грехов?»

«Ты имеешь что-нибудь против? Нет, эту мысль высказала Забава Боянова, бабка Виданы, будучи уверенной, что Грехов поможет. Ситуация складывается так, что без помощи извне нам не обойтись».

Ставр некоторое время разглядывал пол под ногами, потом встал и стремительно вышел. Прохор задумчиво смотрел ему вслед, с улыбкой покачал головой, услышал голос сына из соседней комнаты:

«Извини, Дана, я был очненно не прав. У твоего деда где-то здесь было шампанское. Давай выпьем по бокалу за успех безнадежного дела...»

Остальные слова заглушил поцелуй, и Прохор на цыпочках пошел к метро...

Дом Грехова встретил его тишиной, приятными запахами и атмосферой сосредоточенной деловитости.

«Проходи, эрм, — раздался в прихожей голос Диего Вирта, открывшего дверь без всяких уточняющих вопросов, хотя Ставр изменил внешность и узнать его было трудно. — Тут тебе записка оставлена».

Ставр помимо воли заглянул в спальню Грехова, задержался было в гостиной, увидев на диване какой-то длинный сверток фольги, но гостеприимством решил не злоупотреблять и прошел в кабинет хозяина, где его ждал инк.

«Запиской» оказался адрес Яна Тота, проживающего, как оказалось, в Мексике, в одном из вновь воссозданных городов исчезнувшей цивилизации майя Теотихуакане. Кроме того, Грехов просил передать Яну посылку, тот самый сверток из фольги. Против передачи Ставр не возражал, однако во встречу не верил. Пробормотал:

«Почему он так уверен, что Тот Мудрый меня примет?»

«Потому что необходимо создать новую организацию, не имеющую аналогов среди ныне действующих и не подверженную коррупции и предательству».

«Контр-3», что ли?»

«Называй ее как хочешь. Информация, которую ты получишь от Яна, поможет тебе сориентироваться».

Ставр потоптался у мигающей огоньками колонны инка. Можно было уходить, он получил все, что хотел, но какая-то трудноуловимая мысль не давала покоя, пока он ее не сформулировал:

«Диего, извините... не знает ли Габриэль, где искать Сеятелей?»

Инк некоторое время задумчиво молчал, потом «покачал головой»:

«Этого я не ведаю. Но, может быть, его приятель Морион знает?»

«Кто этот... Морион?»

«Я его сейчас позову».

Через несколько секунд в глубине дома раздался всхлип, будто из трясины выдернули бегемота, затем послышались тяжелые, сотрясающие дом шаги и в кабинет вошла странная фигура — двухметровая черная глыба, похожая на обломок скалы, до середины от пола закованная в золотистую многопластинчатую броню. Верх черной глыбы непрерывно «дышал», то есть сыпь кристаллов на ней медленно меняла форму, как и сами кристаллы и весь объем «скалы». Но главное, что от нее исходила волна «живой» уверенности и силы в сопровождении целого пакета нечеловеческих эмоций. Это был роид, чужанин, неизвестно каким образом попавший в дом Грехова.

С тихим шелестом в голове Ставра расцвел «кочан капусты», листья которого после недолгих конвульсий сложились в огненную надпись без точек и запятых:

«Приветствие здесь очень звать Морион дружение Габри приятность».

— М-м-м, — ответил Ставр, быстро поправился:

«Я вас тоже приветствую... э-э... Морион. Я друг Габриэля (надеюсь, не враг, м-да...) и хотел бы выяснить одно важное обстоятельство. — Панкратов спохватился, что мыслит слишком быстро. — Вы меня понимаете?»

«Мы понимать, — был ответ. — Что есть интерес?»

«Серые призраки... то есть Сеятели... где их можно найти?»

Снова затрепетали, складываясь в слова русского языка, огненные ленты:

«Они далеко есть много-много-много далеко позвать невозможность необходимость полет струна».

«Значит, вы не можете сообщить координаты?»

«Точность неизвестность где есть позвать можность полет я знать можность полет сейчас».

«Он зовет тебя с собой», — хмыкнул Диего.

«Прямо отсюда?! — Ставр ошеломленно перевел взгляд с глыбы чужанина на Диего. — Но мне необходимо... о, черт! И на чем же мы полетим? И как долго продлится полет?»

Чужанин встопорщил кристаллики «кожи», переступил с «ноги на ногу» — глухое тумм! тумм! — но промолчал. Вместо него ответил развеселившийся Диего:

«Полет — не совсем корректный термин в данном случае. Чтобы достать Сеятелей, надо проникнуть в другую метавселенную. Хотя, возможно, потребуется и бросок по «струне» через пространство к точке перехода. Но я об этом знаю мало, поинтересуйтесь лучше у Габриэля». — Диего перешел на другой диапазон связи, что-то сказал роиду, и тот, не поворачиваясь кругом, затопал обратно.

Ставр пришел в себя, когда звук шагов чужанина стих в коридоре и «хлопнула» — с тем же мокрым хлюпающим звуком — дверь его «кельи», та самая, за которую когда-то заглядывал дед Берестов и его внук.

«Приходите, когда будете готовы, — сказал все еще улыбающийся Диего. — В этом доме три типа метро: наше, чужанское и Сеятелей. Какое-то из них и приведет вас к цели».

«Спасибо...» — Ставр хотел задать еще один вопрос, но не успел, ощутив знакомое «колебание» внутреннего пространства в голове, означавшее рождение Голоса Пустоты. Через мгновение рация «спрута» принесла новое изречение Голоса:

— Хорошее зеркало вызывает слезы культуры...

— Вы слышали? — прошептал Ставр. — Чушь какая-то...

«Слышал. — Диего помрачнел. — Потеря качества сигнала влечет за собой снижение качества мышления».

«Простите, не понял...»

«Всему свое время, юноша. До скорой встречи».

Все еще не пришедший в себя от встречи с роидом, а также сбитый с толку объяснением инка Ставр пробормотал слова прощания и вышел. Голос Диего догнал его уже у порога:

«Возьмите-ка лучше на конюшне машину Габриэля. За домом ведется наблюдение, и до такси вы можете не добраться. А еще лучше воспользоваться метро. Коды выхода те же, что использует ваш отдел. А код входа сюда прочитаете в кабине, но не записывайте — запомните».

Ставр молча повернул обратно. Записать код мог только терафим, но Фил погиб, а сообщать об этом Диего не имело смысла.

ТОТ МУДРЫЙ

Теотихуакан, знаменитая столица древнейшей цивилизации Центральной Мексики, располагался в пятидесяти километрах от Мехико в большой и плодородной долине и был построен индейцами еще в первом тысячелетии до нашей эры, а воссоздан почти в первоначальном облике к четырехсотому году третьего тысячелетия.

Его вид сверху был так живописен, что по молчаливому согласию спутницы Ставр остановил такси в воздухе, и они четверть часа любовались двумя пересекающимися центральными проспектами города — Дорогой Мертвых и Проспектом Жизни. Гигантские массивы Пирамиды Луны и Пирамиды Солнца, сложенные из альфабетонных блоков и облицованные нетесаным вулканическим камнем, с храмами на плоских вершинах, выглядели величественно и грозно, вызывая священный трепет овеществленной Истории. А обширный комплекс построек, возведенных на одной платформе у пересечения проспектов и объединенных под общим названием Сьюдадела, что по-мексикански означает «цитадель», бывший текпан[1] правителя Теотихуакана, был поистине великолепен. В этом ансамбле сверкающих позолотой зданий выделялся храм Кецаль-

---

[1] Т е к п а н — дворец *(ацтек.)*.

коатля — Пернатого Змея, покровителя культуры и знаний, одного из главных божеств местного пантеона. Храм, состоящий из шестислойного основания — каждая следующая платформа была меньше нижней — и пирамиды с балюстрадой парадной лестницы, украшали скульптурные изображения головы Кецалькоатля и бога воды и дождя Тлалока в образе бабочки. Это чудо древнеиндейской архитектуры можно было рассматривать часами.

К западу от Сьюдаделы располагался еще один комплекс построек, но уже современных, хотя и стилизованных под пирамидальную готику древних сооружений. Именно там и должен был проживать Ян Тот, характер которого по отзывам укладывался в знаменитое высказывание Эрнста Теодора Амадея Гофмана: «Друзья утверждали, что природа, создавая его, испробовала новый рецепт и что опыт не удался»[1].

Полюбовавшись десятками пышных храмов и дворцовых сооружений по обеим сторонам проспектов, среди которых выделялись Дворец Кецальпапалотля, Храм Атетелько и Дворец Пернатой Улитки с их квадратными колоннами с низкорельефными изображениями божеств и животных, орлов и ягуаров, и красочными фресками, Ставр повел такси к кварталу Тепантитла. Грехов не дал точного адреса Тота, и теперь надо было искать его в поле Сил без особой уверенности, что их примут.

«Давай я попробую определить, где он живет», — предложила Видана. Волосы девушка уложила короной, отблескивающей драгоценными камнями, а уник-платье превратило ее в индейскую принцессу.

Ставру ее наряд нравился, хотя он подумал, что Ян Тот вряд ли заметит, во что одета гостья.

«Попробуй», — согласился он.

Видана сосредоточилась, откинулась в кресле. Такси медленно плыло над городом на стометровой высоте, обгоняемое другими аэрами и туристическими флайтами, трижды пролетело над открытыми барами, кафе и ресторанами, полными веселящихся посетителей. Точно такие же рестораны можно было встретить в любой части света, и Ставр невольно помрачнел, подумав: весь

---

[1] «Крейслериана».

мир — ресторан! Он сознавал, что не прав, но в свете последних событий видел в разгульном веселье людей внизу открытый вызов ему и другим интраморфам, каждый из которых имел свое понятие об отдыхе, не связанном с ресторанным времяпрепровождением.

Минута истекла в молчании. Потом Видана вздохнула и неуверенно показала пальцем на одну из каменных пирамид на окраине массива Тепантитла.

«Здесь?»

Ставр, который давно уловил «запах» ауры Яна и запеленговал его, понимая, что Ян Тот сделал это специально не без просьб кого-то из общих знакомых, того же Грехова, отрицательно качнул головой.

«Он живет на севере, в баррио Сакуала. Видишь на холме белокаменный комплекс с миниатюрной пирамидой? Это его текпан».

Видана смерила спутника уничтожающим взглядом, и Панкратов, чтобы предотвратить спор, вынужден был признаться в личном вызове. Озадаченная девушка примолкла, и такси совершило посадку в углу патио — прямоугольного внутреннего дворика, вокруг которого вздымались стены собственно владения Яна Тота. Аэр улетел, а они стали разглядывать архитектуру дома «с тылов», остановившись возле бассейна с хрустально прозрачной водой и ожидая появления хозяев.

Многокомнатные ансамбли, обрамлявшие патио с трех сторон, располагались на двухслойных платформах и имели узкие окна и двери, украшенные барельефами из светлого камня. Стены этих невысоких зданий были также облицованы разноцветными плитами тесаного камня, кое-где украшенными резьбой или фресками. Пирамидально-ступенчатые крыши зданий говорили о внутренних ступенчатых сводах, терракотовые статуэтки богов майя и животных, украшающие крыши, стоящие в нишах и по углам дворика, вносили завершающий штрих в гармоничность композиции.

Замыкался патио пирамидальным «храмом» высотой метров пятнадцать, который был точной копией Храма Надписей в Паленке. Пирамида состояла из девяти платформ, а венчала ее пятиоконная «усыпальница», к которой вела центральная каменная лестница в четыре пролета.

Ставр вдруг сообразил, что все здания по сути повернуты к патио не тыльной стороной, а фасадом, а это означало, что к дому Яна Тота дороги не было. Дом стоял на крутом холме, и добраться к нему можно было только по воздуху.

Поскольку прошло несколько минут, а во дворе никто не появился, Ставр предложил Видане поискать хозяина, но не успели они сориентироваться, с какого здания начинать поиски, как на вершине «храма» появился человек в развевающейся от ветра оранжевой накидке.

«Поднимайтесь», — родился в головах гостей отчетливый голос.

Переглянувшись, они направились к лестнице и вскоре стояли напротив незнакомца, одеяние которого вовсе не было накидкой, а просто полоской кисейной материи, обмотанной вокруг груди и ниспадавшей складками с плеч на руки и бедра.

Человек был молод, высок, худощав, блестящие иссиня-черные волосы крылом падали на высокий лоб и волной ниспадали на шею, узкое лицо с прямым носом и смуглой кожей красноватого оттенка не выглядело хищным, но подчеркивало целеустремленность натуры, а черные глаза, слегка затуманенные внутренним диалогом или размышлениями, были полны внимания и силы.

Пауза затянулась. Ставр заметил, как Видана зачарованно смотрит на лицо Тота, и сделал шаг вперед. Он не был готов к тому, что Тот Мудрый не старше его самого.

«Здравствуйте. Примите наши извинения, но мы...»

«Я знаю. Приветствую элиту «контр-2» в моем скромном владении. Идите за мной».

Несмотря на жару и ясный солнечный день снаружи, внутри «храма» царили прохлада и полумрак. Узкий коридор, повернув дважды, вывел их в квадратное помещение со статуэтками по углам и с разрисованными стенами. Посредине помещения в керамической ажурной вазе горел огонь, хотя не было видно, что его поддерживало: ни свечи, ни деревянной щепы, ни блюда с маслом и фитилем внутри вазы гости не заметили. За вазой стояла чуть наклонно стела с иероглифической надписью, а под ней — каменная скамья, на которой

буквально светилась полуметровой величины раковина, оправленная в золото.

На полу помещения красовался ковер с орнаментом из геометрических фигур, а на одной из стен висел гобелен с таким же рисунком.

«Моя келья для размышлений, — сказал Ян Тот. Заметив, что Ставр разглядывает стелу, добавил: — Здесь рассказывается о рождении Капайотля, моего прапрапрадеда в стопятидесятом колене, одного из правителей Йошчилана».

Тот откинул кисейную накидку на стене, скрывающую нишу, вернее, небольшой каменный склеп, жестом приглашая гостей войти.

«Склеп» оказался натуральным лифтом, доставившим их на «первый этаж» здания, в комнату, иллюзией видеопласта преображенную в залитую солнцем веранду, зависшую над гигантским, сказочной красоты каньоном. У вырезанной из камня балюстрады стоял столик и несколько легких кресел. Фрукты, конфеты и напитки возникли на столе как по мановению волшебной палочки, едва гости расселись по креслам. Ставр еще раз, более внимательно, присмотрелся к хозяину, пси-сферу которого абсолютно не было слышно, будто рядом с ними находился не интраморф и даже не человек вообще. Лишь изредка Ставр «хватал» высшие регистры пси-поля, созвучные с тем, словно где-то далеко-далеко играет музыка. Ставр понял, что полчаса назад, когда они искали дом Тота, Ян высветил свою ауру ему лично для пеленга. В противном случае они могли искать дом не один час.

В любом слое социума, в любые времена существуют интеллектуальные лидеры, элита не по званию или рождению, а по природе — философы, естествоиспытатели, художники, сказочники, поэты, писатели. Но лишь некоторые из них достигают высот духовного прозрения, дающих им власть ясновидения и абсолютного знания. Ян Тот, Тот Мудрый, относился именно к этим последним.

Поймав взгляд темных глаз хозяина, Ставр осознал, что в своей оценке не ошибается. Теперь он уже сомневался, что Ян Тот так молод, как выглядит.

«Итак, я вас слушаю», — прозвучал наконец выразительный пси-голос Тота.

Вопрос застал Ставра врасплох, и, чтобы не выглядеть в глазах — даже не Яна — в глазах Виданы мямлей, он бесстрастно проговорил:

«Я одержим подозрением о существовании иного порядка вещей, более таинственного и менее постижимого»[1].

Ян Тот еле заметно усмехнулся, он понял, но ответить не успел, потому что вопрос задала Видана:

«Что такое нагуаль?»

«Бесконечно глубокая потенциальная яма, — ответил Тот Мудрый невозмутимо. — Но в нашем континууме этот объект обрастает «шубой» вырожденной или, как ее назвали, Абсолютно Мертвой Материи. Не волнуйтесь, Ставр, наш разговор никто прослушать не сможет. — Ян странным образом уловил беспокойство спутника девушки. — Угощайтесь и не стесняйтесь задавать вопросы, ради этого меня и просили встретиться с вами».

«Кто просил?» — вырвалось у Ставра.

«Вы его не знаете», — был ответ, сбивший Панкратова с толку. Он приготовился услышать имя Грехова.

Видана, также ожидавшая другого ответа, не решилась задать следующий вопрос и принялась за фрукты, среди которых были и плоды жаботикабы, похожие на крупный виноград. А Ставр, задумавшийся над «простым» решением загадки нагуаля, вдруг поймал ответ на вопрос, мучавший его со времени эксперимента Степана Погорилого.

«Значит, Степан... просто «очистил» нагуаль... то есть «яму» от «шубы» вырожденной материи?!»

«Абсолютно верно, — кивнул Ян Тот. — Вырожденная материя имеет как отрицательный объем, так и отрицательную энергию, которые можно уничтожить, аннигилировать с помощью перенасыщенных энергией пространств чужан. Но, к сожалению, это не решает всей проблемы: нагуаль как одномерный объект, как глубокая потенциальная яма остается и продолжает аккумулировать вырожденную материю. Уничтожив эту «шубу», мы просто оттягиваем финал».

«И все же это дает надежду...»

---

[1] Хулио Кортасар.

«Согласен, полумера — тоже своего рода шанс, что мы успеем найти решение проблемы нагуалей, но я пока такого решения не нашел. Вот еще одна причина встречи с вами. В нашем метагалактическом домене существуют лишь три вида разума, способные избавить вселенную от нагуалей, но их еще надо найти. Однако, во-первых, я не уверен, что представители этих разумных захотят нам помочь, а во-вторых, что они успеют это сделать».

Ставр молчал. Информации на голову свалилось слишком много, чтобы он мог сказать что-нибудь внятное. Зато не выдержала Видана:

«Что же это за виды разума? Тартариане, чужане и орилоуны? По-моему, они сами до сих пор не могут разобраться с нагуалями».

«О нет, не они. Но для того, чтобы вы поняли, надо начать издалека, по сути — с рождения нашей метавселенной, которая является всего лишь доменом, клеткой Универсума, того существа или, скорее, разумной сверхсистемы, объединяющей в себе множество таких «клеток». Мы с вами живем внутри этой системы и зависим от конкретных законов, образовавших домен, но и Универсум зависит от нас, хотя и на неизмеримо низших уровнях. Так вот, процесс рождения нашей метавселенной, маленькой «клетки» гигантского тела Универсума, контролировался как извне, как и изнутри. В самом начале рождения это были разумные стабилизирующие системы, назовем их Архитекторами Мира, которые реализовали переход от инфляционной стадии развития домена, стадии раздувания, к стадии фридмановского расширения. Я не слишком зануден?»

Видана, для которой речь Яна Тота была откровением, только покачала головой. Глаза ее горели. Но и Ставр слушал Тота с возрастающим изумлением и возбуждением, поскольку до этого он знал лишь малую часть того, что втолковывал им Тот Мудрый. Правда, как ученый-физик, Панкратов был подготовлен к восприятию новой информации и соображал быстро.

«То есть Архитекторы Мира, — сказал он, — реализовали наш вакуум! Вы это хотите сказать?»

«Вы не ошиблись. Архитекторы откалибровали базу дальнейшего развития «клетки»-метавселенной — ее ва-

куум. А вот уже вслед за ними пришли Конструкторы, один из которых пережил свое время и вылупился, благодаря нам, на Марсе. Они сыграли роль корректоров роста домена второй стадии, оптимизировав вакуум в домене таким образом, что тот оказался основой собственно космоса с наинизшим уровнем энергии и трехмерным «каркасом», благодаря которым мир стал сложным и многообразным, образовалась сетчатая структура метавселенной, галактики, звезды, элементарные частицы, взаимодействующие между собой по сложнейшим законам. Конструкторы как бы «впаяли» в мир, зафиксировали принципы, позволяющие метавселенной развиваться в соответствии с замыслом Универсума: расширение, предельная скорость передачи информации — триста тысяч километров в секунду, сетчатость, неполная симметрия законов, асимметричность времени...»

«Погодите! — взмолилась Видана. — Дайте передохнуть! Все, что вы говорите, — это... это ужасно! И великолепно!»

Ян Тот пошевелил рукой, и на столе появилось шампанское. Открыл бутылку, налил в бокалы.

«Попробуйте, это «золотое».

Ставр пригубил шипучий янтарный напиток и кивком выразил восхищение. Видана же, по-видимому, не ощутила ни букета, ни вкуса, ожидая продолжения.

«Конструкторы должны были инициировать появление третьей волны разума — Инженеров, которые продолжили бы работу по усложнению домена и рождению новых форм взаимодействий. Но что-то они сделали не так, вернее, они изменили — без воли Универсума — один из законов бытия, а именно — Макрозакон, утверждающий принципиальную невозможность получения полного знания, и мир изменился настолько радикально, что в нем не осталось места для самих Конструкторов! А Инженеры так и не появились. Вместо них родились цивилизации вероятностного разброса, не связанные общей идеей и развивающиеся, образно выражаясь, как кому взбредет в голову. Сеятели, одиночники и познаватели — люди их еще не открыли, кайманоиды, джезеноиды, солнечники-плазмоиды, люди, наконец. Наш метагалактический домен как бы выпал из вектора прогресса, оказался ослаблен и предрас-

положен к «вирусным заболеваниям». Результат вы знаете».

— Трасгрессия нагуалей, — вслух сказал Ставр. Спохватившись, снова перешел на слоган-речь.

«Значит, никакого ФАГа нет? А есть лишь «вирусная инфекция» нагуалей в нашу «клетку»-домен?»

Ян Тот покачал головой.

«ФАГ существует, хотя и не в том смысле, какой вы придает ему и его деятельности. Нагуаль для нашего мира действительно — вирус, инициирующий рост «раковой опухоли» вырожденной материи, и направляется этот процесс именно Фундаментальным Агрессором, олицетворяющим собой Закон Перемен... о котором говорить пока рано. Но прежде, чем выяснить, что, собственно происходит, кто такой ФАГ и что ему нужно, необходимо опять-таки начать издалека.

Итак, мы живем внутри живой — по иным параметрам, но живой — «клетки» исполинского живого — опять же не по нашим масштабам — и разумного — по иным законам — существа, Универсума. Не Бога или Брахмы, как утверждали адепты многих эзотерических школ и учений, Микросущества. Как и любая клетка земного организма — аналогии вполне уместны, «клетка»-метавселенная имеет своеобразные «вакуоли», «ядра», «стенки» и тому подобное, но так как эта «клетка» намного сложнее, она способна передавать «нервные импульсы» — «мысли» Универсума. Это ее не основная, но важная функция.

Теперь представьте, что в Большой Вселенной живут другие суперсущества типа Универсума. Они не всегда ладят между собой, а может быть, просто играют, но их взаимодействие — назови его Войной, Игрой, Разговором или Наслаждением — всегда нарушает работу «клеток» взаимодействующего организма. Что для существ, населяющих «клетки»-метавселенные, зачастую превращается в трагедию, ведет к самым настоящим войнам на уничтожение».

«Как в нашем случае... Но тогда ФАГ — это действительно Игрок? Или «собеседник»? И живет он не в нашей вселенной, а за пределами тела Универсума?»

«ФАГ — это Миросущество Большой Вселенной со своим набором «клеток», законов, принципов и кон-

стант. С нашим Универсумом он, возможно, и не воюет, даже наверняка не воюет, просто «играет», но для нас с вами эта Игра оборачивается Войной со всеми вытекающими последствиями, и мы обязаны драться, чтобы выжить. Задачи спасти метавселенную никто перед нами не ставил, но возможно, я знаю не все, и появление в домене нас, людей, запрограммировано как раз на этот случай. Да и что такое в принципе одна клетка для организма, состоящего из миллиардов клеток? Для человеческого тела потеря одной клетки вообще незаметна. Однако... — Тот понял, какое впечатление произвело на гостей его последнее заявление, и закончил: — Но, может быть, я не прав. Уверен я лишь в одном: человек — система, решающая определенную функциональную задачу космоса, но обладающая достаточной свободой воли».

— Как наши инки и витсы! — прошептала Видана. Она была потрясена, изумлена, шокирована и не скрывала этого.

«Вы говорили о функциях «клетки»-домена...» — напомнил Ставр, не получивший еще всех ответов на возникшие по ходу рассказа вопросы.

«Вы уже сообразили. Чтобы добиться каких-то своих целей, Игроку или ФАГу надо прервать правильное функционирование «клетки», изменить ее состояние, и тогда он «впрыскивает» в нее ганглиоблокаторы, то есть вещества, прерывающие передачу нервного возбуждения по симпатическим нервам — если пользоваться аналогией с любым живым организмом на Земле; ганглиоблокаторы блокируют нервные импульсы в ганглиях — нервных узлах. Таким образом нагуаль — это...»

«Ганглиоблокатор! Чем больше нагуалей впрыснуто в домен, тем быстрее пространство зарастет «паутиной» мертвого пространства и тем быстрее «клетка» выйдет из строя! Вы по этой причине упомянули о том, что мы можем не успеть найти союзников?»

«Не совсем. Наша «клетка»-метавселенная уже перестала быть областью с временно стабилизированной физикой, и деятельность ФАГа в ней призвана ослабить закон роста энтропии, для того чтобы в дальнейшем космос не смог создавать Большие Информационные Системы, способные заменить Инженеров. Помните, я

говорил? Архитекторы — Конструкторы — Инженеры... Но главный плацдарм вторжения ФАГа — не макро- и мегакосмос, а микромир! А также вакуум. К счастью, враг не может мгновенно изменить информационную матрицу мира и действует пока на уровне локального изменения законов, но процесс этот уже идет, и количественное нарастание может привести к качественному изменению мира практически в любой момент».

«Что именно пытается изменить ФАГ?»

«Амплитуду флуктуаций вакуума ему уже удалось увеличить. В нашем домене более шести тысяч разрешенных комбинаций протонов и нейтронов, то есть изотопов различных элементов, но лишь двести восемьдесят лежат в зоне стабильности. Например, уран может иметь сто семь изотопов, известно пятнадцать. А изменение вакуумных флуктуаций приводит к сокращению числа стабильных изотопов. Если так пойдет и дальше, станут радиоактивными даже основные элементы, из которых состоят наши тела: азот, кислород, углерод, водород, сера. Изменяется также гравитационная постоянная, увеличивается постоянная слабых взаимодействий, а самое страшное — увеличивается масса электрона...»

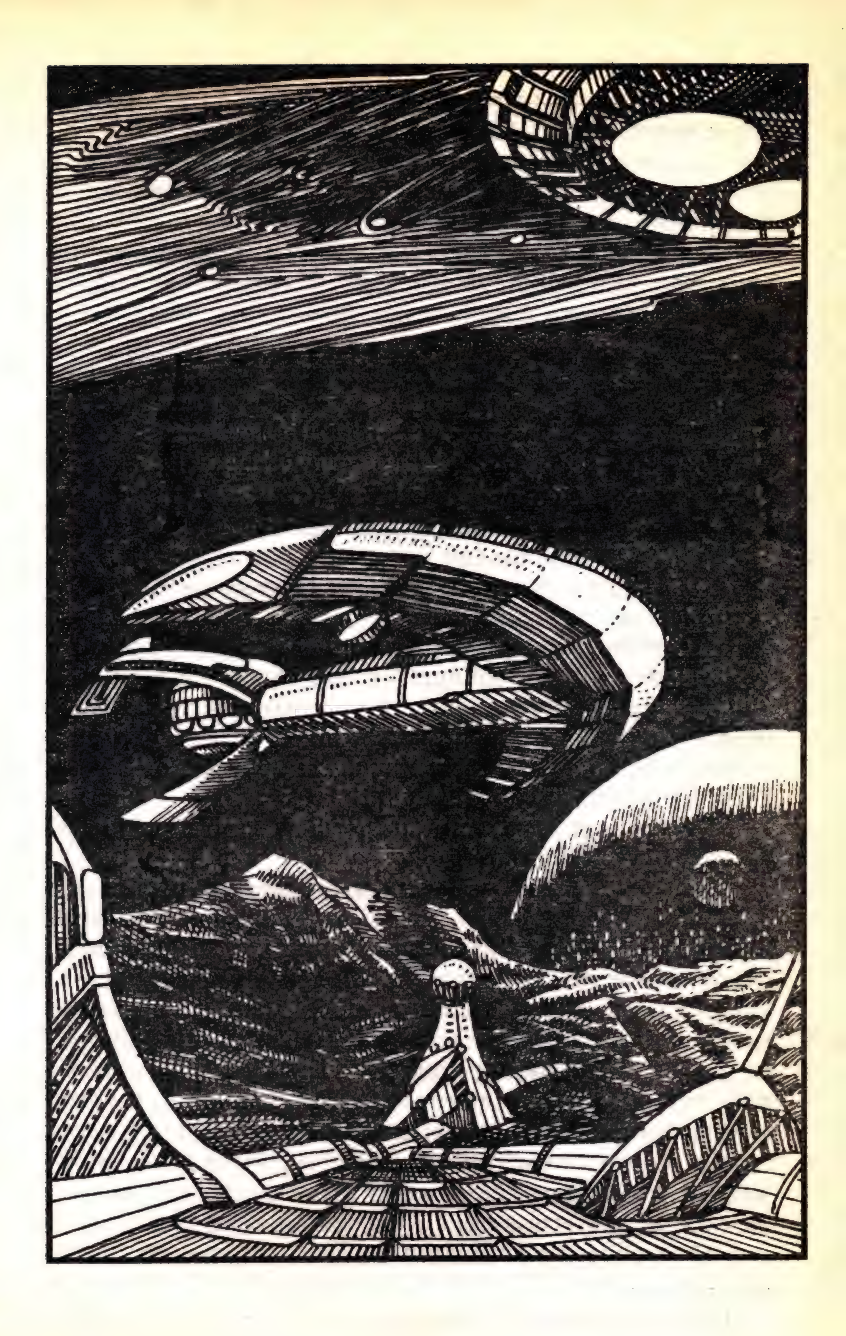
«Что вызывает уменьшение дельта эм, разницы масс протона и электрона! — воскликнул Ставр. — О чем предупреждал Голос Пустоты! А я считал его речи абракадаброй!»

В глазах Тота мелькнул насмешливый огонек.

«Кажется, в вас не ошиблись, схватываете вы идеи быстро. Да, Голос о многом успел предупредить людей, но его почти никто не понял, не воспринял всерьез».

Ставр вспомнил загадочные слова инка Диего в доме Грехова в адрес Голоса: «Потеря качества сигнала влечет за собой снижение качества мышления». Диего имел в виду скорее всего снижение интеллекта Голоса, обусловленное падением качества «нервного сигнала», передаваемого через «клетку»-домен. Этот сигнал Ставр воспринимал как «беззвучный толчок» в голову, внутреннее сотрясение сознания.

Помолчали. Ян Тот иногда как бы «уходил», выпадал из сферы общения, то ли продолжал работать, размышлять над какой-то проблемой, то ли разговаривал с або-

нентами, и Ставром овладело чувство неловкости: они вынуждали этого сверхзанятого человека отрываться от более важных дел. Но кто был — черт бы его побрал! — тот благодетель, что просил Тота поговорить с гостями?..

«И что же теперь? — спросила сникшая Видана. — Что нужно этому... Игроку?»

«Мы не знаем ни его логики, ни психологии, ни цели, это знает лишь Универсум, но решать мы должны свои задачи и на своем месте. Поскольку для нас это война, значит, надо воевать, драться за выживание, пока Универсум не прореагирует на наши усилия и не скажет, например: молодцы, ребята! Хвалю! Или такое: а ну-ка, прекратите возню, не путайтесь под ногами, вас вообще здесь быть не должно!»

Ставр и Видана смотрели на хозяина с одинаковыми чувствами. Ян Тот улыбнулся, встал.

«Но я надеюсь, он так не скажет. Хотя вряд ли наша деятельность очень важна для всего Универсума. Для него, наверное, не слишком важна даже потеря «клетки»-домена. Концепция Игры, утверждения Закона, важнее. А как известно, de minimus lex non curat[1]. Однако, хотя мы и втянуты в Игру-Войну помимо нашей воли, это не освобождает нас от ответственности за ее исход».

Гости встали, пора было уходить, хотя оба хотели бы беседовать еще долго.

«Что же нам делать?» — спросила Видана с наивной непосредственностью.

«Главная задача — найти каналы просачивания в наш мир чужих законов, изменяющих наши константы, но кто в состоянии это сделать, я не знаю. Может быть, серые призраки, хотя я и не уверен, может, лишь сам Конструктор, а то и Архитектор. Не знаю. Их надо еще найти. Но и людям предстоит поработать, очищая континуум от «опухолей», «шлаков» и «вирусов» — нагуалей, скоплений Абсолютно Мертвой Материи, а также микромир от чужих «вирусных» добавок, лишних измерений, полей и частиц. Кроме того, надо будет подумать и над очищением запрограммированных ФАГом людей, и над изменением социальных отношений, и над изменением концепции бытия человечества. Кста-

---

[1] Закон не заботится о мелочах *(лат.)*.

ти, последнее — задача архисложная, потому что базисом человеческого существа остается пока животная сторона его природы, и даже интраморфы не освобождены полностью от рудиментов агрессивных желаний, жажды власти, высокомерия или равнодушия. Прощайте, друзья. Надеюсь, мы еще когда-нибудь увидимся».

Ставр поклонился, собираясь уходить, но Видана не удержалась от вопросов, которые мучили ее:

«Ян, сколько вам лет, если не секрет?»

Тот Мудрый обозначил улыбку.

«Двадцать девять. А что?»

«Я думала, вам не меньше двухсот... извините!»

«Если бы мне было столько, я ушел бы с Конструктором еще полсотни лет назад».

«А вы живете... один? — Видана покраснела, метнула на отвернувшегося Ставра косой взгляд. — Я пробовала зондировать ваш дом... нигде никого... простите, ради Бога!»

Тот взял руку девушки в свою, коснулся легонько губами пальцев, сказал вслух:

— Я живу один, Дана. Иногда это толкает меня на странные поступки, как, например, знакомство с вами. Но мой дом всегда будет открыт для вас.

Ставр вышел, стараясь не прислушиваться к разговору за спиной. Видана догнала его уже у лифта, глянула на каменное лицо спутника, но ничего не сказала. Несложно было понять, о чем она думает. Ян Тот поразил ее, заставил работать фантазию и чувства, а его одиночество было достойно жалости. Одиночество — удел всех выдающихся умов, вспомнил Ставр чье-то изречение[1]. Дай Бог вам счастья, мыслители!

И Ян Тот, Тот Мудрый, ответил, каким-то образом уловив мысль Панкратова:

«Спасибо, эрм. Но в этом мире можно найти лишь опыт, но не счастье. Ты еще убедишься в этом сам».

«А почему все-таки вы согласились встретиться с нами? Насколько мне известно, до этого вы практически ни с кем не контактировали, кроме...»

«Кроме Лады, дочери Баренца. Уел, эрм. Да, она моя жена, однако мы с ней... в общем, это неинтересно. А вот на вопрос отвечу: мне интересно было пообщаться

---

[1] Шопенгауэр.

с человеком, который по прогнозу должен ликвидировать эмиссара ФАГа и даже более того — выйти на уровень Игрока».

НЫРОК В ЧУЖУЮ

Герман Лабовиц жил в Дакке, а работал в Такла-Маканском ксенозаповеднике, изредка оставаясь там на ночь и не испытывая от этого никаких неудобств. Он и в молодости был неприхотлив, довольствовался малым и не тяготел к комфорту, хотя против уюта не возражал, а теперь, будучи экзоморфом, и вовсе перестал обращать внимание на такие мелочи.

Работа в бестиарии заповедника вполне отвечала его внутренним запросам, а дружба с интраморфами синклита давала необходимую разрядку и психологически-интеллектуальный настрой, так что Лабовиц, по своим внутренним оценкам, жил в удовольствие. Кроме того, у него были кое-какие обязанности, возложенные Габриэлем Греховым, и выполнять их в отсутствие бывшего проконсула было интересно. И уж совсем увлекательно было оказаться в центре событий, связанных с деятельностью в Системе Фундаментального Агрессора, чье появление было предсказано Греховым еще во времена Конструктора.

Нынешним вечером Герман тоже решил не лететь домой, а провести ночь на территории заповедника. К тому же обещал заглянуть на огонек Габриэль, и встреча обещала быть информативной.

До закрытия бестиария, в котором проживали представители животного мира планеты Эниф — скалогрызы, мимикрозавры и стражи, похожие на земных грифов, оставалось около часа, когда на территории зоны объявилась компания юнцов, заставившая занервничать инка охраны.

Группа из одиннадцати человек, принадлежавшая одной из сект подчеркнутого инфантилизма — в одежде, в поведении, общении, запросах и желаниях, похожая больше на стаю обезьян, высадилась из аэров прямо в зоне, огражденной трехметровым силовым барьером, и, не обращая внимания на вопли служителей-витсов, при-

нялась с хохотом охотиться за стражами и метить их светящейся краской.

Бестиарий замыкал северную оконечность заповедника и располагался на живописном горном склоне, испятнанном круглыми дырами — ходами скалогрызов. Территория его была невелика — три на четыре километра, и кроме скал ничего интересного на ней не находилось, ни кустарник, ни деревья здесь не прижились. Может быть, поэтому и экскурсии посещали бестиарий редко, хотя скалогрызы были достаточно экзотическими животными и зрелище представляли отменное, особенно когда играли друг с другом и прошибали скалы насквозь, будто те были бумажными.

Одиннадцать юных «охотников», пол которых определить было невозможно, одиннадцать разукрашенных «обезьянопопугаев» вломились в будку контроля, разнесли аппаратуру вдребезги, изгнали витсов и принялись палить по всему, что двигалось, из портативных краскопультов. Стражи, которые здесь, в бестиарии, и вообще на Земле, не летали, убежать от «охотников» не могли и принялись прятаться в тоннелях, проделанных скалогрызами.

Досталось и мимикрозавру, имитировавшему вторую будку контроля. Восторгам диких пришельцев не было конца, когда «будка» стала менять форму, пока не превратилась в гигантского многонога, чем-то похожего на таракана. Животное попыталось спастись, а когда это не удалось — напало на преследователей, сбив аэр хваталом.

Когда Лабовиц примчался к месту на патрульном птеране, схватка уже закончилась победой «охотников», один из которых оказался вооружен карабином «дракон». Взбешенный Герман рявкнул с высоты в мегафон-усилитель: «Всем лечь!» — догнал стрелка, отобрал карабин и с удовольствием съездил им же по пятнистой, крысиной физиономии. Остальные попытались устроить кучу-малу, дабы «проучить» обидчика, но Лабовиц не стал церемониться с ними и быстро охладил пыл «бойцов», наставив шишек и синяков. В эту секунду из выпуклого бока скалы с гейзером камней и дыма выполз скалогрыз, и обеим противоборствующим сторонам пришлось спешно ретироваться. Герман без

особых угрызений совести оставил бы «охотников» на поле боя, но со скалогрызом были шутки плохи, все могло закончится трагедией, эти звери просто не видели людей, благодаря своему гаммарадиоактивному зрению, и вместе с подоспевшей охраной зоны он быстро загрузил компанию в патрульный катер и отослал с пилотом разбираться в центральное управление охраны заповедника.

Аэры улетели, пыль улеглась, скалогрыз застыл в полусотне метров блещущей металлической колонной, не обратив внимания на возню у подножия скалы. Его безобразная голова, напоминающая сросток фрез горнорудного комбайна с ушами летучих мышей, качнулась два раза слева направо и тоже замерла. И в этот момент из отверстия старого тоннеля в скале, располагавшегося в десятке метров от задумавшегося Лабовица, выпрыгнул человек. Мягко, по-кошачьи, приземлился и повернулся лицом к Герману.

«Привет, стармен. Приятно видеть, что ты в форме».

Лабовиц не ответил, узнавая бывшего К-мигранта Вильяма Шебранна. Тот на первый взгляд был не вооружен, однако Герман чувствовал прицельную цепкость взгляда Шебранна, что указывало на встроенную в его костюм спецаппаратуру и оружие. Впрочем, на самом Лабовице был надет такой же костюм.

Не оборачиваясь, он огляделся в поле Сил и обнаружил еще двоих гостей, за спиной и сбоку, а также куттер за скалами, серьезную машину с серьезным вооружением. Если начнется бой, долго ему не продержаться. Но кое-какие сюрпризы эти гости на своей шкуре испытают.

«Не рад, что ли? — продолжал Шебранн, приблизившись на несколько шагов. — Или ждешь кого-то другого?»

«Чего надо?» — угрюмо поинтересовался Лабовиц.

«Значит, не рад. Впрочем, ты всегда предпочитал сразу брать быка за рога. Тогда к делу. У нас к тебе предложение. Существует группа людей, которых не устраивает нынешнее положение вещей. Они нуждаются в хороших помощниках-профессионалах, а ты бывалый стармен, экзоморф и мастер воинских искусств. Не хотел бы поработать на них? Оплата очень высокая».

«Не хотел бы!» — отрубил Ге ман, не пытаясь даже выяснить цену.

«Мы так и предполагали. Тогда у нас есть еще одно предложение: дай нам код метро в доме Грехова. Он тебе не сват, не брат, не друг и не учитель. А мы в благодарность не станем искать твоих родственников и друзей, могущих пострадать ни за что».

«У меня нет родственников. — Лабовиц сделал шаг навстречу, и К-мигрант отлетел на несколько метров, грохнувшись спиной на камни. — У меня нет друзей. А теперь вали отсюда, пока цел! Повторять не буду».

К-мигрант не торопясь встал, покачал головой. Он готовился применить оружие, но и Лабовиц был готов к стрельбе в любой момент, тем более что ему не надо было поворачиваться в сторону выстрела. Он выстрелил за спину, как только услышал незвуковую команду «огонь!».

Лазерная трасса перечеркнула напарника Шебранна, подкрадывающегося сзади, а еще один точный выстрел из «универсала» заставил второго помощника отступить за валун. Конечно, на них были защитные костюмы, выдерживающие прямое попадание из «универсала», и Герман не рассчитывал на случайное попадание в голову, но он не был и бесшабашным задирой, уверенным в своей непременной победе, и сразу после начала огневого контакта отступил к ближайшей дыре в горном склоне, вызывая охрану и свой личный аэр.

Однако, несмотря на успешный маневр, все могло бы закончиться печально, потому что гости кроме обычного оружия были вооружены своим, что и продемонстрировали, выстрелив по Лабовицу из метателя «пауков». Но применить «генератор холода», то есть генератор свертки пространства, они не успели, в конфликт вмешались другие силы.

Скалогрыз, дремавший на солнышке и, казалось, не обращавший внимания на развернувшиеся вокруг события, вдруг изогнулся и метнул в К-мигранта десятиметровый язык огня. Высокотемпературная плазма оказалась для Шебранна не очень приятным сюрпризом, и он, ослепленный, с визгом нырнул за камни.

Следующий плазменный выхлоп превратил второго стрелка в живой факел, а третий не стал дожидаться

решения своей участи и рванул по склону к появившемуся как из-под земли аэру. Было видно, что это бежит не человек, но преследовать его никто не стал.

Аэр подобрал дымящегося Вильяма Шебранна и на форсаже ушел в горы.

Лабовиц ждал появления второй машины, сидящей неподалеку в засаде, но она так и не появилась, отреагировав на поднявшуюся в заповеднике тревогу и появление машины охраны.

«Отдыхай, смотритель, — сказал скалогрыз, повернув голову к Герману. — Вечером зайдешь, поговорим».

Животное свернулось кольцом, с силой распрямилось и вонзилось в бок скалы так, что вздрогнула вся гора. Брызнуло во все стороны каменное крошево, дымные струи ударили фонтанами, а когда дым рассеялся, взору представилось аккуратное полутораметровое отверстие в скале, еще пышущее жаром.

Конечно, голос Грехова вовсе не означал, что это был он сам, но контраст впечатлял, да и способность экзоморфа влиять на события на расстоянии тоже.

Перед тем как перенестись на погранзаставу «Стрелец», Ставр имел разговор с отцом, выглядевшим рассеянно-озабоченным, обдумывающим какую-то сложную проблему.

После неудачи с захватом эмиссара на его базе в Фаэтоне-2 Панкратов-младший оказался как бы не у дел. Никто не ставил ему никакой конкретной задачи, ни шеф СПП, ни Железовский, ни даже исполнительный лидер «контр-2» Джордан Мальгрив, и предоставленный самому себе, понимающий, что назревают какие-то важные события, Ставр решил действовать самостоятельно, по императиву «свободной охоты», как бывший комиссар ОБ Пауль Герцог.

Прохор, будучи занятым до предела, не отговаривал сына от рискованных шагов и не советовал быть осторожнее, но, зная, что Ставр нуждается в поддержке, во встрече не отказал.

Встреча состоялась на квартире отца, жившего в центре Рославля, в стандартном кремнелитовом доме, возведенном еще сто лет назад. Для Ставра этот дом так

и не стал родным, потому что родился он на родине матери, в Смоленске, но квартиру отца любил за уют и особый запах старины, рожденный великолепной книжной библиотекой.

«Завтракать будешь?»— спросил Прохор, работающий с оперативным инком в режиме «один на один».

Ставр сел с свою любимое кресло, вытянул ноги и стал созерцать спину отца. Тот обернулся, подняв бровь.

«Что-нибудь произошло?»

«Па, скажи честно, кто уговорил Яна Тота встретиться со мной?»

«А что, он тебя плохо встретил?»

«В том-то и дело, что слишком хорошо. Так все же кто? Баренц? Аристарх? Грехов?»

«Ты его не знаешь».

«А он меня, выходит, знает. Интересная деталь. А ты сам давно узнал о положении дел на Земле и вообще в космосе? Об Архитекторах, Конструкторе, об Универсуме? О проникновении ФАГа, его целях?»

«Об истинных целях ФАГа знает только он сам да еще Универсум, — уклончиво ответил Прохор. — Скажем, взрыв Тартара и Чужой — не главная его цель, но и прервать передачу «высших нервных сигналов» через «клетку»-домен — тоже не является главной его задачей, как утверждает Ян Тот. Хотя для нас это вопросы жизни и смерти».

«Понятно. Значит, ты все знал... и молчал».

Панкратов-старший внимательно присмотрелся к холодно-бесстрастному лицу сына.

«Ты должен был дойти до всего сам. Что тебя не устраивает конкретно?»

Ставр не ответил, размышляя над словами отца. Потом изрек:

«Па, а тебе не кажется, что мы раунд за раундом проигрываем ФАГу по очкам?»

Прохор наконец вышел из оперативного поля инка, свернул файлы и буркнул инку: посчитай сам, потом сравним. Повернулся к сыну.

«Ты ошибаешься. Мы отстаем от банды ФАГа всего на полшага, а по многим вопросам опережаем. Примеры? Сколько угодно. Видана Железовская рассчитала взаимодействие эгрегоров, что явилось неожиданностью

для них и здорово помогло нам и еще поможет в будущем. А подручные ФАГа не смогли помешать ей. Забава Боянова со своей стороны рассчитала тупиковую ситуацию социума, ее рекомендации также оказались нам исключительно полезными, и снова ФАГ не успел предотвратить передачу стратегически важной информации, хотя знал о расчетах и пытался ликвидировать Забаву. Кроме того, нападения на интраморфов перестали быть фатальными, оружие киллеров рассекречено, тайна нагуаля по сути раскрыта, найден ЗПК ФАГа в Системе и в принципе вычислена его реперная база. Скоро мы соберем силы и уничтожим ее. Появился мощный противник ФАГа и наш союзник Грехов... Как видишь, мы работаем, и результаты говорят сами за себя. А когда станет известна стратигема Игры Универсумов, ее логика, цель и методы достижения цели, тогда мы начнем наступление».

«Но нагуали растут так быстро, что мы можем не успеть найти тех, кто способен очистить от них вселенную!»

«Мы работаем быстро, как можем. Но торопиться не следует. ФАГ силен и просчетов не прощает. Делай свое дело, эрм, и дай другим делать свое».

Ставр обнял отца, почувствовав прилив нежности в ответ на его чувства.

«Ты меня не успокоил, отец, но все равно спасибо».

«Может быть, позавтракаешь?»

«Нет, благодарю, я уже зарядился. Не выходи из связи, па, вдруг понадоблюсь».

Прохор только улыбнулся в ответ.

Уже на пороге Ставр оглянулся.

«Известно, как убили Ги Делорма?»

«Пока нет», — нехотя ответил отец.

Видана ждала Ставра на причале транспортного терминала в Североморске, где им была обеспечена проводка по метро на погранзаставу «Стрелец». Обычным путем попасть в Систему Чужой было уже невозможно, а Панкратову была необходима свобода маневра и независимость от машинного парка заставы, поэтому, пользуясь картой особых полномочий СПП, он добыл «голем» и собирался по грузовому каналу переправить его на заставу. Риск был минимален: даже если на заставе дотош-

ный диспетчер выяснит, кому именно предназначается «голем», скандала особого не будет, потому что официально сектор пограничных проблем имел право на собственный поиск в любом регионе космоса. Другое дело, что о замысле Ставра при этом узнает Мигель да Сильва, а этого Панкратов хотел избежать.

Одетые в «бумеранги» со спецоборудованием, не отличимые от любых других официози погранслужбы, они предъявили в метро терминала личные допуск-фейсы и через несколько минут вышли из метро погранзаставы. Пока свершалась процедура перехода, почти не разговаривали. Лишь при выходе Видана спросила, вспомнив визит к Тоту Мудрому:

«Что такое «шуба»? Ян говорил, что нагуаль — это в основном «шуба» из вырожденной материи, которой окутана «яма» бесконечной глубины...»

«Почему это тебя заинтересовало?» — удивился Ставр.

«Не знаю. Вспомнилось».

«В принципе каждая известная тебе элементарная частица представляет собой «зашнурованную» систему частиц, то есть одетую в «шубу» из других частиц. Например, «шуба» кварка состоит из трех глюонов и трех хиггсонов. Фотон — суперпозиция из нескольких нейтральных состояний глюонов, по сути весь — «шуба». Ну, и так далее».

«Спасибо, я поняла».

Ставр продолжал поглядывать на девушку с недоумением, и та терпеливо добавила:

«Что такое «шуба», я поняла, непонятно другое: почему ядро нагуаля — «яма» не засасывает в себя эту «шубу». Ведь остальное вещество оно поглощает, не так ли?»

Ставр не нашелся что ответить, и дальнейший путь до транспортного отсека заставы они проделали молча.

С момента исчезновения начальника погранотряда Левашова режим охраны станции был ужесточен, поэтому их останавливали дважды: при переходе из отсека в отсек и во время пересечения зоны контроля транспортного отсека. Инк охраны их пропустил, но патруль, состоящий из трех человек, вежливо оттеснил от входа.

— Извините, коллеги, но вас в списках допуска в этот бункер нет.

«Это всего лишь нормал, — проговорила Видана. — Три удара, и мы внутри. А иначе твоя задумка провалится».

Ставр несколько мгновений решал, что делать, и неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы у отсека не появился Баркович.

— В чем дело?

Этого нам только не хватало! — подумал Ставр, внутренне сжимаясь, пока охранник докладывал начальству причину конфликта. Куда ни пойдешь, везде торчит командор! Теперь хана поиску и свободной работе вообще.

Но к удивлению безопасника, командор погранслужбы не стал выпытывать, что делает на заставе штатный сотрудник СПП Ставр Панкратов и куда он собрался лететь «на ночь глядя» вместе с членом патрульной группы Виданой Железовской. Баркович, занятый своими мыслями, сказал всего два слова:

— Внести и пропустить!

И ушел по коридору не оглядываясь, в сопровождении витса-андроида. Видана, глядя ему вслед, передала Ставру слоган, переводимый как изумленный присвист.

Охранник, человек дела, ничем не выразил своих чувств, козырнул, отступил в сторону. Ставр кивнул и направился в тот угол отсека, где их уже ждал персонифицированный «голем».

Стартовали все всяких очередей и расписаний. Диспетчер-инк заставы даже не запросил имен драйверов запускаемого аппарата, и это обстоятельство еще более озадачило Панкратова. Однако своими подозрениями делиться с Виданой он не стал, о чем впоследствии пожалел.

Бездна пространства распахнулась сразу со всех сторон, но невесомость длилась недолго — инк «голема» включил системы обеспечения, и пилоты почувствовали себя сидящими в креслах, хотя на самом деле были «запакованы» в коконе модель-захвата. Мир вокруг определялся как «верх» и «низ», «далеко» и «близко». Чужая — звезда, например, была далеко, а Чужая — планета, рой чужан, казалась близкой. На разной стадии удаления высветились другие космические объекты: «динозавролеты» чужан, кисейно-льдисто-стеклянные «этажерки» орилоунов, спейс-машины космического флота землян. Нагу-

аль в форме объемной кляксы со множеством лучей-нитей излучал голубой свет в сорока тысячах километров от Чужой, но это было лишь его синтезированное инком изображение, сам он виден не был ни в одном из диапазонов электромагнитного спектра. Чужане, убедившись в том, что их решетка из «абсолютного зеркала» не послужила препятствием для роста нагуаля, убрали «зеркало» и ограничить рост «шубы» больше не пытались.

В ушах проклюнулся шум эфира в интервале пси, в радиоинтервалах люди давно не вели переговоры, и лишь грохочущие молнии связи чужан и орилоунов вспарывали эфир в этих диапазонах. И снова Ставра неприятно поразило отсутствие эфирного сопровождения их стартовавшей «единицы контроля». Будто никто не заметил, что «голем» покинул станцию и ушел в свободный полет.

— Не нравится мне все это, — сказал он вслух сквозь зубы.

«Что именно?» — поинтересовалась Видана.

«Тишина. То, что нас никто не сопровождает. Что мы встретили Барковича. Давай разделим функции: я возьму на себя управление, связь и поиск, а ты включайся в боевую оперсистему «голема».

«С удовольствием!»

Инк машины включил шпуг, и расстояние от заставы до псевдопланеты чужан, похожей на Фаэтон-2, «голем» преодолел за четверть часа. И снова никто не окликнул их, не передал предупреждение, не выдал пакет разрешенных траекторий, хотя неподалеку дрейфовал спейсер пограничников «Кром». Переговоры экипажей земных машин и дежурных заставы остались буднично спокойными, неторопливыми и функционально-специфичными. На рейд «голема» не обратил внимания даже Умник базы, контролирующий перемещение всех объектов в системе Чужой.

Планета роидов заняла весь объем переднего обзора, и Ставр перестал отвлекаться. Для выполнения задуманного необходимо было вывести машину точно по вектору движения когга Левашова и найти точку входа в верхний слой гигантского шара роидов. Конечно, Артура уже искали земные корабли, но они не знали того, что знал Панкратов, и поиски закончились безрезультатно.

Инк «голема», имевший запись сопровождения аппарата Левашова, справился с задачей быстро, они вышли в точку входа роида с коггом Артура внутри в Чужую, и тогда Ставр начал свой поиск. Если Левашову удалось повторить опыт Погорилого и проникнуть внутрь роида, возле этого «обломка горы» должен был дежурить «дредноут» чужан, несомненно заинтересованный исчезновением земного аппарата.

Видана не знала замысла напарника, но вопросов не задавала, увлекшись созерцанием планеты роидов и совместной с инком работой по защите «голема». В отличие от земных наблюдателей чужане обратили внимание на пришельца, но сопровождали его на расстоянии, держа «на поводке» локации. С момента конфликта, спровоцированного эмиссаром ФАГа, в результате которого чужане напали на погранзаставу и земных исследователей, роиды больше не контактировали с людьми и вели себя сдержанно, будто кто-то помог им разобраться с ситуацией и реабилитировать землян, и все же они явно начинали нервничать, когда земные спейс-машины приближались к их владениям, а больше всего — к нагуалю. Понять их было несложно: роиды боялись, что чужие исследователи случайно дестабилизируют нагуаль, и тот взорвется, уничтожив ближайший район космоса со звездой и планетой.

Полчаса прошло в молчании. Если бы не напряжение, охватившее Ставра, он тоже мог бы залюбоваться «ландшафтом» внизу — гигантским полем медленно движущихся черных камней разного размера. Вверху их плотность была мала, но чем глубже в недра роя проникал взор, тем скопление становилось плотней, пока не превращалось в сплошной «снежный ком». Но самым удивительным было то, что роиды при этом не касались друг друга, какая-то сила удерживала их на расстоянии сотен метров, и между ними можно было пробраться даже в центр Чужой, в ее ядро. Много лет назад отец Ставра проделал такой эксперимент...

Панкратов уловил какой-то пси-шорох в общей каше звуков пространства, омывающих мозг, повернул «голем», и через несколько минут погружения в россыпь роидов они увидели целую группу объектов искусствен-

ного происхождения. Здесь мирно ужились чужанский спейсер, два горыныча и орилоунский «хрустально-дырчатый» корабль. И все они кружили вокруг трехсотметровой глыбы роида.

«Здесь! — воскликнул Ставр. — Артур здесь, внутри!»

«Почему ты так уверен?»

«Потому что горынычам и орилоунам внутри Чужой делать нечего, это машины чьих-то исследовательских или тревожных служб. Может быть, тех разумных, что появились одновременно с «серыми призраками».

«Если уверен, продолжай в том же духе. Что будем делать?»

«Дадим знать Артуру, что мы здесь, пусть вылезает».

«Каким образом?»

Вместо ответа Ставр повел «голем» на сближение с горой чужанина. Горыныч и орилоунский спейсер на это не прореагировали никак, а чужанский «дредноут», действительно чем-то похожий на древний военный корабль, тотчас же пристроился рядом, разглядывая новый объект во все «глаза».

«Может быть, ты все-таки скажешь, что собираешься делать?» — холодно осведомилась Видана.

«Расстреливать эту глыбу, — ответил Ставр. — Я заготовил около сотни капсул с записью обращения к Артуру. Их надо вогнать в роида, а там уже, если Артур жив, он как-нибудь прочитает послание».

«Ну и что?»

«Думаю, ему помогут выбраться обратно».

Видана выдала слоган, непереводимый словами, полный скептицизма и сомнений, но Ставр на него не ответил.

Стрелять пришлось наугад, потому что «голем» не имел аппаратуры, определяющей «слепые» пятна на поверхности роида. Однако им повезло: из сотни капсул удалось вонзить в чужанина около двух десятков, — после чего оставалось только ждать.

Чужанский корабль подплыл ближе, подозрительно разглядывая «мечущий икру» земной аппарат, но Ставр пока не включал «саван» полной защиты, существенно ограничивающий маневренность «голема».

В ожидании прошел час, другой, потом Видана не выдержала:

«Кажется, твоя идея не сработала, эрм. Может, лучше нам самим туда пролезть, в роид? Определим точку, где проникла капсула, и на разгоне на таран...»

Идея была, что называется, «с сумасшедшинкой», и Ставр, наверное, рискнул бы ее апробировать, но в это время случилось то, на что он уже и не надеялся: из горы чужанина вылетел гигантский светящийся фантом, очертаниями похожий на человека в «бумеранге». Поплыл в сторону, корчась, оплывая, превращаясь в шар, в облако, в струю дыма. Растаял.

Горынычи на его появление ответили вдруг «атакой» чужанина и исчезли — в том месте, откуда выплыл фантом, а орилоун перестал рыскать вокруг и застыл, повернувшись к горе роида остроконечной головой.

Ставр не успел ничего ни предпринять, ни решить — ответ ли это Левашова или он сам, вернее, его «тень», сумевшая пробиться наружу из пространств роида, как появился еще один призрак, только поменьше. Отплыл, уменьшился, испарился. Затем еще один и еще, пока размеры фантомов не приблизились к размерам человеческого тела. И наконец, с фонтаном черных обломков вылетел тускло мерцающий натуральный «бумеранг» с человеком внутри.

Сомнений не оставалось — это был Артур Левашов. Почему он появился «голым», в то время как уходил на специально оборудованном когге, было неизвестно, однако Ставр не стал медлить, блестяще решив задачу поимки кувыркающегося человека.

Чужанский «дредноут» не успел даже развернуться, чтобы принять летящий прямо на него предмет, когда «голем», ведомый Панкратовым, «заглотнул» этот предмет и дал деру, увертываясь от плавающих вокруг роидов.

Через несколько минут они вылетели за пределы «атмосферы» планеты, но Ставр вдруг притормозил и спрятал «голем» за стометровой тушей одинокого роида, последнего из тех, что образовывали редкий верхний слой. Видана, порывавшаяся вылезти из кокона рубки и пройти в хвостовой «карман» аппарата, где был запакован пойманный Артур Левашов, не подающий признаков жизни, замерла от жесткого возгласа Ставра:

«Не время! На место!»

От изумления и гнева она повиновалась, но, оглядевшись в пси-поле, поняла, что их ждут. И почти простила напарнику его тон.

Их сторожили по крайней мере три группы спейс-машин, образующие каждая свой пси-фон ожидания. Одна несомненно принадлежала погранслужбе, две другие — неизвестным формированиям, в пси-фоне которых просматривалось больше негативных линий и отрицательных эмоций. Был еще один объект, наблюдавший за местным районом космоса, но он почему-то идентифицировался с планетой чужан или же прятался в ее глубине.

— Оружие к бою! — сказал Ставр с неожиданным хладнокровием — специально для Виданы: инку, в принципе управляющему оружием, эта команда была не нужна. — Пойдем «мотыльком», поэтому будь готова к перегрузкам».

Видана кивнула, сглатывая комок в горле. Она никогда не водила машины в режиме «мотылек» — с танцующим центром тяжести, когда его траекторию просчитать было невозможно, а ускорение при этом раскладывалось на три вектора, то есть как бы «раздирало» биологический объект внутри — тело человека, — но слышать об этом слышала.

«Готова?»

Видана снова кивнула, и, хотя жест этот Ставр видеть не мог, тут же выдернул «голем» из-за роида и включил форсаж, молясь в душе, чтобы им повезло и чтобы Левашов остался жив, ради чего они и пошли на этот риск.

ТИБЕТ — МЕРКУРИЙ

Левашов был слаб, но в сознании. Улыбаясь глазами, он оглядел свою примолкшую аудиторию: Герцога, Железовского, Велизара, Видану и Ставра. Все они по-своему оценили и пережили его рассказ, но главным в их чувствах было чувство удивления. Артур выжил там, где человек не должен был выжить, и заслугой тому несомненно были действия чужан, сумевших разобраться, кто к ним прибыл и с какой целью.

В принципе, Левашов мало что успел сделать, прорвавшись внутрь «обломка» чужанского пространства. Время там текло иначе, как бы колеблясь вокруг вектора времени снаружи, и по его часам прошло всего минут двадцать, как вдруг чужане сообщили, что его вызывают домой, да и вообще пора возвращаться, так как они не могут долго удерживать от распада континуум чужого пространства внутри своей «колонии».

Уходил Левашов с большим сожалением, хотя и понимал, что нельзя злоупотреблять чужим гостеприимством. Но энергоресурсы когга таяли на глазах, защита не справлялась с просачиванием внутрь законов чужого мира, пришлось катапультироваться в «бумеранге», когда чужане подали сигнал готовности.

Самым поразительным в контакте оказалось то, что собственно «люди» роида изменились при общении! потому что живыми существами в понятии землян они не были. Вся их жизнь по сути представляла собой процесс математического преобразования при получении новой информации, ибо были они всего-навсего «пакетами формул». И тем не менее каждый из них имел личностные черты, обладая сугубо индивидуальной организацией и программой.

А самое главное: теперь окончательно можно было считать доказанной гипотезу, что тартариане, чужане и орилоуны были родственниками, вернее, одними и теми же существами, но на разных стадиях эволюции выхода в континуум местной метавселенной. И еще: Артур не был уверен до конца, но понял так, что «пространство» внутри роида вовсе не напоминало трехмерную евклидову пустоту космоса, к какой привыкли люди, его и пространством-то назвать было нельзя, потому что оно скорее походило на скопление удивительных геометрических фигур, изменяющихся в соответствии с «движением» чужан-формул. По сути, это был не процесс передвижения, а процесс изменения фигур, быстрый или медленный, в зависимости от желаемой чужанину скорости. Но увидеть это или почувствовать Левашов не смог, все его органы чувств отказали, и мозг регистрировал лишь хаотическое метание пятен, бликов и призрачных фигур, отзываясь на поступление информации, которую он не смог ни оценить, ни выразить образами,

словами или символами. Чужане сами нашли способ сообщить гостю о себе, через аппаратуру когга, потому что они начали изучать жизнь людей раньше и продвинулись в этом направлении дальше.

«Спасибо, что вытащили, — сказал Левашов Ставру и Видане. — Я мог остаться там навсегда».

«Молодцы, молодцы, — проворчал Железовский, вставая; все четверо сидели вокруг кровати, на которой лежал Артур и которая находилась в знакомом бункере под Тибетом. — Одного не пойму: как вы догадались, куда именно ушел Артур?»

Ставр встретил понимающий взгляд Левашова, который подмигнул ему и ответил сам.

«Мы с ним одинаково думаем и долгое время работали над одной и той же проблемой. Зато теперь чужане предупреждены, что к ним могут просочиться гости нежелательные, способные разрушить их мир изнутри или снаружи, и примут меры. Ради этого я, собственно, и рисковал».

«И все же надо было предупредить, мы бы подстраховали».

«Меня кое-кто страховал... и он же помог Панкратову выбраться из безнадежной ситуации».

Все знали, о ком идет речь, и промолчали, только Видана хмыкнула, выразив свое отношение образным слоганом, в котором не было места словам.

Спас их Баркович, но так была велика неприязнь к этому человеку, что факт спасения был отнесен всеми к некоему коварному замыслу, осуществить который командор погранслужбы не успел.

Ставр вспомнил возвращение с Чужой на заставу.

Целых пять минут, пока «голем» набирал скорость, их не трогали, а затем сразу с трех сторон началась стрельба на поражение. Как потом удалось выяснить, в охоте на них участвовало пять спейс-машин разного класса, три из которых оказались исследовательскими галионами, одна — пограничным драккаром и оставшаяся — чужанский «сторожем». «Охотники» пустили в ход все, чем были богаты военные арсеналы Земли и кайманолюдей: лазерные и плазменные пушки, аннигилятор, генераторы свертки пространства, нейтрализаторы межатомных связей (метатели «пауков») и ваку-

ум-преобразователи — те самые уничтожители, один из которых удалось добыть Ставру и Мигелю да Сильве.

Но «охотникам» удалось выстрелить по порхающему мотыльком «голему» всего два-три раза, причем дважды спасла беглецов только включенная вовремя саван-защита, то есть «абсолютное зеркало», а потом в эфире прогремел рассерженный глас Барковича:

— В чем дело?! Это еще что за дуэль? Прекратить огонь! Всем прекратить стрельбу! С момента приказа буду рассматривать акт неповиновения по императиву «Военные действия»! Каждый, кто нарушит приказ, будет немедленно уничтожен!

И стрельба стихла. Потому что командор имел возможность уничтожить любую спейс-машину с борта погранзаставы. Первым перестал преследовать «голем» чужанский корабль.

«Голем» доковылял до заставы на крохах энергии, где его подхватила спасательная система транспортного отсека, но еще до того, как в отсек ворвались пограничники, Панкратов вскрыл пилот-кокон и выбросился вместе с Левашовым в тоннель газосброса, откуда ему помог добраться до метро Пауль Герцог. Видана таким образом осталась одна и вылезла из «голема» уже под колпаком санитарного модуля.

Ставр представил лица пограничников и косменов, присутствующих при этом событии, и усмехнулся.

— Привет, мальчики! — сказала девушка, грациозно выходя из кабины на стерильно чистый пол модуля. — Как я рада, что меня встречает так много настоящих мужчин.

И вышла, проигнорировав растерянных врачей «скорой». В коридоре ее ждал Баркович в паре с неизменным витсом охраны.

— Зайдите ко мне, — сказал он, не удивившись отсутствию напарника девушки и отсекая тем самым возможные попытки ее задержания заинтересованными лицами.

«Что же он тебе сказал?» — полюбопытствовал Ставр, когда они встретились в бункере Железовского.

«Он сказал: вы уволены!»

«И все?!»

«Все. Я повернулась и вышла».

Изумленный Ставр не нашелся, что сказать в ответ. Впрочем, не он один был удивлен реакцией Барковича, по сути спасшего их дважды — вмешательством во время возвращения «голема» и отстранением Виданы от работы, что выглядело со стороны как наказание и одновременно как попытка оказаться чистым перед ФАГом. Если только командор был его помощником. А подозрения такие имели под собой почву.

«Может быть, он пытается угодить и нашим и вашим? — предположил озадаченный Железовский. — Людвиг далеко не глуп и должен понимать, чем грозит ему участие в деятельности ФАГа. Вот он и пробует таким образом реабилитировать себя...»

Никто Аристарху не ответил.

«Ладно, отдыхайте, Артур, приходите в себя. — Велизар первым вышел из бокса. Он не собирался задерживаться здесь. Как и остальные, впрочем. — Идемте, коллеги».

Они разместились в гостиной бункера, причем Видана не села в кресло, как все, а осталась стоять за креслом деда со скучающим выражением лица. Она ожидала разноса, бурного негодования по поводу их со Ставром самодеятельного рейда и приготовилась защищаться. Но этого ей делать не пришлось, потому что разноса не было. И все было не так, как ей казалось.

«За оперцию по спасению Левашова не хвалю, — сказал Велизар. — Ее просто надо было разработать глубже. Кто просчитывал варианты?»

«Я, — ответил Герцог. — Но позволю себе не согласиться: операция была разработана с трехслойным прикрытием. Два слоя обеспечивали мы: это — информационное и навигационное сопровождение и транспортный канал, третий слой обеспечивал «контр-2». Я не знаю, какова степень участия профи «погран-2» в рейде Панкратова, но не удивлюсь, если окажется, что грозный рык Барковича «прекратить огонь!» — дело их рук. Если бы не это обстоятельство, несомненно сыгравшее главную роль, мы бы начали прикрывать Панкратова своими средствами».

Видана, раскрыв глаза широко, переводила взгляд то на Герцога, то на Велизара, и Ставр прекрасно понимал ее чувства.

«Хорошо, аналитики решат, каков был шанс. — Велизар мельком глянул на Ставра. — Но все же вам не следовало рисковать жизнью Виданы Железовской».

«Я бы не справился один, — с легким сердцем ответил Ставр, зная, как подействует на Видану его заявление. — И она не ученица пансиона благородных девиц, а работник «погран-2».

Велизар поднял бровь.

«Поздравляю. Спасибо за информацию. Что ж, снимаем этот вопрос с повестки дня. Я очень надеюсь, что вы сделаете надлежащие выводы, но еще больше, что эксперимент Левашова приблизит нас к решению проблемы нагуалей. Что вы хотите добавить, девочка?»

Видана создала слоган, соответствующий словам «э-э» и «м-м-м», покраснела, рассердилась и нашлась:

«Пауль, не хотите ли вы сказать, что всю операцию по розыску Левашова разработали вы, а не этот тип?» — небрежный кивок в сторону Ставра.

Присутствующие в гостиной оживились, Железовский покачал головой неодобрительно, а Герцог улыбнулся.

«Мы разрабатывали ее вместе».

«А ваш намек на «контр-2»? Учтите, я хорошо знаю, что это за организация и как она работает. С какой стати она стала прикрывать наши игры?»

«У нас с ним один начальник в «контр-2», — Герцог показал глазами на Ставра, — Джордан Мальгрив. — Бывший комиссар ОБ глянул на Велизара. — Петр, теперь, наверное, можно посвятить их в наши дела, тем более что благословение «Лимонадного Джо» я получил».

Ставр улыбнулся в душе: прозвище Мальгриву дал Герцог, и оно в общем-то соответствовало истине, потому что Джордан очень любил соки и фрукты.

Велизар покачал головой.

«Похоже, никого в этой компании вы своим заявлением не удивили, парень».

«Это уж точно, — подтвердил Железовский. — О существовании «контр-2» знает даже Забава. И не стоит удивляться, извиняться, бить себя в грудь, что иначе было нельзя и что цель — выживание цивилизации — стоит тех мер по охране тайны, которые применили вы. Да, стоит! А теперь давайте о деле. Синклит по-прежнему

предпочитает действовать самостоятельно, хотя кое-какие задачи мы должны ставить вместе и координировать их выполнение».

«Спасибо, Аристарх. — Велизар передал слоган рукопожатия-сожаления-вины-твердой-воли-понимания-дружеского-преклонения-необъятных-просторов-шелеста-волн-грозовых-раскатов-птичьих-криков-запахов-луга и озона; эта мыслеформа была понятна всем. — Что вы хотите предложить «контр-2»? Кстати, я ведь тоже сотрудник этой организации. Или, если хотите, советник».

«Я знаю, — ухмыльнулся Железовский. — Петр Пинегин. Мы тоже не лаптем щи хлебаем. — Посерьезнел. — Предлагаю, пока не поздно, ликвидировать помощников эмиссара ФАГа: Алсаддана, Шан-Эшталлана, Шкурина, Леонида Сяопина и Еранцева. А когда отыщем базу эмиссара, Демиурга, то и его тоже. Я разработал план, однако его надо согласовать с руководством «контр-2», чтобы не получилось накладок».

В бункере установилась тишина. Потом Герцог весело посмотрел на Велизара:

«Вы были правы, Петр. Наши старики во многом могут дать фору молодым. — Пауль повернулся к Аристарху. — Но мне в связи с этим вспоминается одно место в романе Вальтера Скотта «Квентин Дорвард»: «Если мы вздумаем силой проложить себе дорогу, эти молодцы порядком намнут нам бока, потому что война — их ремесло, а мы деремся только по праздникам».

Видана фыркнула. Из соседнего помещения прилетела слоган-улыбка Левашова. Но Железовский остался серьезен.

«Среди нас тоже есть молодцы, чье ремесло — война. В чем конкретно вы сомневаетесь?»

«Извините, Аристарх, я не хотел вас обидеть. Но сейчас нет смысла ликвидировать помощников эмиссара, тут же он отыщет новых, и мы не будем знать — кого именно. Этих-то мы знаем и контролируем каждый шаг. Вот когда отыщется база эмиссара, Лайа-центр, тогда и возьмем на вооружение ваш план».

Железовский хотел что-то сказать, но вмешался Велизар:

«Не надо возражать, адепт кулака, Пауль резоны говорит. Дай ему в помощь Забаву, пусть поработает с ана-

литиками, необходимо сделать эфанализ уровней вмешательства ФАГа».

«Что, в «контр-2» нет сильных эфаналитиков?»

«Такого класса нет. А что, ты боишься, Забава не справится?»

«По-моему, уровни вмешательства ФАГа известны: макромир — войды, скопления галактик, звездные системы, мегамир — социум Систем, в том числе наш, человеческий, и микромир — вакуум, константы взаимодействий, то есть уровень физических законов. Не так?»

«Нужен расчет последствий, причем не только последствий развития вмешательства, но и наших ответных действий. Очень скоро мы перейдем в наступление на уровне социума, наше отступление было временным, и потребуется координация всех сил и связей. Но к тому времени надо попытаться отыскать серых призраков. Я очень надеюсь, что Грехов знает, где они теперь».

«Почему же он до сих пор не вошел в контакт с нами? — проворчал Железовский. — Что за проблемы решает в одиночку, изредка делая барские жесты? Согласен помочь — помогай, нет — нет. Я таких вещей не понимаю».

«И не надо, — покосился на него Велизар. — Видно, стареешь, патриарх. Габриэль помогает больше, чем тебе известно. А ведь когда-то тебе дали кличку «роденовский мыслитель». Да и Грехова ты знаешь не понаслышке, мог бы его не трогать. — Глава Всевече встал. — Все, у меня нет времени, решайте свои задачи без меня. Пауль, дай им проводку по нашей основной сети связи «спрут-2», пусть включаются. И мой вам совет, Ставр: поговорите с дедом, а лучше с бабулей Настей, она расскажет вам о своем отце, Андрее Демидове. Это представляет интерес».

Он ушел. Попрощался с Левашовым. Тихо «вздохнуло» и «выдохнуло» метро.

«Старики потому так любят давать хорошие советы, — сказал, белозубо улыбаясь, Герцог, — что уже не способны подавать дурные примеры»[1].

«Что он хотел сказать, упоминая Демидова?» — спросила Видана.

---

[1] Ф. Ларошфуко.

«Андрей Демидов погиб, — сказал Железовский нехотя, — во время одного эксперимента... что-то Петр темнит...»

«Я выясню, — сказал Ставр. — Но мне тоже пора идти».

«Нам по пути», — кивнул Герцог.

«А я?» — Вопрос получился жалобным, детским, и Видана раздраженно топнула ногой. — Черта с два вам удастся отделаться от меня, эрмы! Тем более что я свободна в выборе занятий, как опер «свободной охоты» «погран-2». И я знаю, куда вы идете — на Меркурий. Не так ли, джентльмены?»

«Придется взять ее с собой», — хладнокровно сказал Ставр.

Герцог засмеялся и вышел. Он вообще был веселым человеком, хорошо чувствовал собеседника и понимал юмор.

Меркурий, оставаясь планетой вулканов, резких температурных контрастов, огненных озер и ледяной коросты, планетой дымов и пыльных свищей, с жиденькой атмосферой и силой тяжести в четыре с лишним раза меньше земной, давно был освоен людьми и представлял собой один металлодобывающий и энергетический комплекс. Люди здесь не жили, как на других планетах Системы, а прилетали работать, изучать природные особенности, недра планеты и близкое Солнце, чье присутствие ощущалось во всем и везде, даже на больших глубинах или под защитными колпаками. Изредка Меркурий посещали экскурсии или одиночные любители экзотики, созерцатели странных слоистых ландшафтов, а также кипящего светила с его протуберанцами, пятнами и факелами тысячекилометрового размера.

Ставр, Герцог и Видана прибыли на Меркурий сложным путем — системой метро на один из энергоконцентраторов, плавающих над планетой, а оттуда на грузовом галионе в район терминатора, где «контр-2» имел свою базу, не контролируемую ФАГом. Поэтому у них было время полюбоваться на дневную и ночную стороны Меркурия, а также на Солнце, грандиозная масса которого воспринималась не шаром, а стеной расплавленного ме-

талла, изъязвленного порами и фонтанами, но готовыми, казалось, вот-вот пролиться на планетную твердь под ними. Впрочем, дневную сторону Меркурия едва ли можно было назвать твердью, она представляла собой гигантское дымящееся «болото» с «кочками» и островами ажурных губчато-мшистых конструкций из тугоплавких пород, чистых металлов — цинка, марганца, железа, их окислов и сернистых соединений, а также горных хребтов из тугоплавких магнезитов, красивейших плато с причудливыми скалами и необычных «эоловых городов», формы которых не поддавались описанию. Жидкостью «болотам» служило расплавленное олово, свинец и ртуть, запасы которых на Меркурии удовлетворяли потребности человечества на всю отпущенную ему вселенной жизнь.

Ставр, как и любой школьник, в свое время, конечно же, побывал на планетах Солнечной системы, в том числе и на Меркурии, но суровая эстетика этого мира, ближайшего к Солнцу (планету Вулкан, которой пророчили первое место в когорте спутников светила, так и не обнаружили), захватила и его.

Видана также рассматривала меркурианские ландшафты с восхищением, и лишь Герцог, бывавший здесь чаще, остался к ним равнодушным.

Все трое были включены в сеть связи «спрута» официального и «спрута-2», доносившего вести только строго ограниченному контингенту людей, причем канал этот был зашифрован и декодированию не поддавался, поэтому сотрудники «контр-2» могли быть спокойны за конфиденциальность передаваемой информации. Что это было не так, знали только несколько человек в Системе.

Ставр, как опер перехвата «контр-2», давно слушал обе системы связи, а Видане интересно было сравнивать поступающие сообщения, поэтому она все время порывалась обратить внимание спутников на это несоответствие. Ей достало выдержки и такта не закатить скандал своему начальству в «погран-2» по поводу столь запоздалого выхода на уровень необходимой информированности, но все же она пережила этот удар тяжело, и Ставр старался не бередить рану, обдумывая каждый свой жест.

Он понимал, что Видану просто берегли до поры до времени как хорошего аналитика, не слишком надеясь на ее данные оперативника, не перегружая ее заданиями, но делиться своей догадкой с девушкой не стоило. К тому же начальники «погран-2» явно не учли ее самостоятельность и качества «сорвиголовы», назначая Видану агентом поддержки опера перехвата. Наверное, она им доставила немало хлопот и переживаний.

Ставр улыбнулся, и девушка живо почувствовала его настроение, с подозрением оглядела обманчиво мягкое и спокойное лицо.

«Что вспомнил? Только не говори, что не думал сейчас обо мне, я ведь чую, когда думают обо мне».

«Я подумал, что нам чертовски повезло, что ты с нами», — сказал он серьезно.

Видана готова была вспыхнуть, но вмешался Герцог: «Подтверждаю, мисс», — и инцидент был исчерпан. Однако Ставр получил от Пауля персональный слоган — покачивание пальцем — и ответил кратким слоганом — замок на губах.

Галион одним движением преодолел последние две сотни метров до посадочного комплекса, был принят финиш-системой и втянут под купол наземной базы. Стены пассажирской каюты ослепли, вспыхнул белый свет, Герцог первым вышел в коридор. Видана задержалась, остановив и Ставра:

«Послушай-ка, а что это за история с твоим прадедом произошла, Андреем Демидовым? Почему Велизар сказал, что она имеет интерес?»

Ставр опешил, он думал о другом, но шуткой отвечать не стал, видя, что Видана грозно сдвинула брови.

«Демидов был биологом и погиб во время эксперимента».

«Точнее. Какого эксперимента? Что он испытывал на себе?»

«Ты угадала, он ставил опыт по упрочнению человеческой кожи и...»

«Опыт не удался?»

«Наоборот, удался, но последствий Демидов рассчитать не смог. Его хоронили, как глыбу металла. Пошли, нас ждут».

Оставив Видану с ее чувствами позади, Ставр догнал Герцога, и они вместе вошли в центр управления базой.

Всем хозяйством базы командовали всего два оператора в кокон-креслах, но база была связана с сетью других таких же закрытых баз, станций, центров связи, транспортных комплексов, заводов, институтов и тревожных служб, поэтому в зале была оборудована специальная оперативная персонзона, позволяющая подключаться каждому работнику к тому каналу в сложнейшей круговерти информационных потоков, на какой он был допущен согласно уровню ответственности. Здесь в данный момент находилось трое: бронзоволицый мужчина с орлиным носом и гривой седых волос, в белом унике с короткими рукавами, молодой пограничник и Прохор Панкратов, отец Ставра. Прохор поднял руку, и пришедшие сели рядом в мидель-кресла, представлявшие более современные системы управления и связи, чем коконы. Они ничем не отличались от обычных кресел, но, включенные в систему управления, становились буквально дополнительным органом человеческого тела и мозга.

Герцог сразу включил кресло и «ушел» в переговоры с Прохором, тоже сросшимся со своим креслом и «сидевшим в канале» какого-то инк-сектора. Ставр этого делать не стал, и Видана шепнула:

«А зачем Велизар напомнил об этой истории? Я поняла, что методы упрочнения кожи существуют, Демидов был первым... но тебе-то зачем это знать?»

«Успокойся, — коротко ответил Панкратов. — Потом выяснится».

Он, конечно, знал, почему Велизар вспомнил давнюю трагедию с прадедом, — видимо, для выполнения той задачи, к какой его готовили, понадобится и Д-прививка, как называли упрочняющую обработку кожи специалисты. Но, во-первых, выдержать Д-прививку мог далеко не каждый интраморф, а во-вторых, прививка перестраивала организм человека: делая его неуязвимым для многих видов оружия, она каким-то образом влияла и на психику перципиента, а существовала ли дорога обратно, наука не знала.

Видана заметила заминку спутника, но переспрашивать не стала, ушла в свои мысли.

Ставр поймал жест Герцога и включил кресло.

Перед его глазами сформировалось оперативное поле компьютерного контроля со всеми его связями. Инк «вырезал» в этом поле отдельное «окно интереса», и все поле информвзаимодействий как бы отдалилось, а на передний план выплыли две схемы, напомнившие хрустальный шар — модель метавселенной в доме Грехова. Одна схема представляла собой сеть объектов, подконтрольных ФАГу, вторая — контролируемых «контр-2». Обе сплетались в сложный сетчатый узор, состояли из тысяч пульсирующих огней, по желанию разворачивающихся в значимый объект со всеми его характеристиками, но, как показалось Ставру, схема «контр-2» владела большим объемом связей и даже дублировала часть объема ФАГа.

Этот участок взаимодействия схем походил на иероглиф «санг»-конфликт из китайской «Книги перемен».

В полном объеме картину взаимодействия сил ФАГа и защитных систем человечества Ставру видеть еще не приходилось, но он сразу разобрался в значении некоторых узлов схемы «контр-2», обозначивших центры управления. Их было целых три, но лишь один реагировал на приказ развернуть данные по этому объему, а именно — центр управления нижней агентурной сетью «контр-2», непосредственно подчинявшейся Джордану Мальгриву. Правда, полных сведений инк все равно не выдал. Ставр, не увидев ни своего имени, ни кодового обозначения, с некоторым облегчением понял, что он к этой сети не принадлежит.

Канал персональной пси-связи с отцом принес его слоган-улыбку:

«Не волнуйся, эрм, это не рабочая схема, а видовая, оценочная картина. Агентов твоего класса нет даже в кондуитах Умника, координирующего всю оперативную работу «контр-2», их знают лишь непосредственные начальники».

«Я и не волнуюсь. Но на схеме я вижу кое-что не совсем приятное. Оказывается, ФАГ контролирует больше половины ресурсов отдела безопасности!»

«У сожалению, ты прав. Еранцев оказался очень оперативен и закодировал многих важных работников ОБ, почти из всех секторов. Бог миловал только высший эшелон контрразведки и сектора пограничных

проблем, да и то лишь потому, что Мальгрив и Сильва «усиленно помогают» Еранцеву и Шкурину. Но давай-ка посмотри на регион Меркурия и Солнца. Что видишь?»

Ставр посмотрел.

«Меркурий чист?!»

Ни в одной из схем Меркурий не фигурировал в качестве форпоста той или иной стороны, и в то же время Ставр находился на базе «контр-2» и знал, что у ФАГа здесь где-то припрятана своя база.

«Ты правильно понял, — вышел в разговор Герцог. — На Меркурии удобней всего иметь главные центры управления своими сетями исполнителей, так как расстояния в эпоху метро и «струнной» связи не играют роли. А то, что у Солнца появились горынычи, лемоиды и чужане, говорит лишь о...»

«Появлении в Солнце нагуаля», — докончила за Герцога включившая свое кресло Видана.

Мужчины переглянулись.

«Один вопрос, — продолжала девушка, забавляясь реакцией слушателей. — Куда делся ЗКП ФАГа из Фаэтона-2?»

«Никуда, — ответил Прохор. — Он торчит в Фаэтоне, как и прежде, но под «абсолютным зеркалом», так что обнаружить его нашими средствами невозможно. В принципе это даже не запасной командный пункт, а база кайманоидов, используемая ФАГом для кодирования доставляемых туда жертв. Мы ею займемся позже, никуда она не денется».

«Но ведь это все равно что кинжал, торчащий в сердце! Его надо срочно вытаскивать, лишить ФАГа союзников...»

«Кинжал — это очень образно и красиво, девочка, но всему свое время, — вмешался вдруг в разговор смуглолицый седой старик, глянул в их сторону. — Это вы Ставр Панкратов?»

Ставр наклонил голову, искоса глянув на отца.

«Зайдите ко мне через полчаса». — Старик стремительно, совсем не по-стариковски, вышел из зала.

«Кто это?» — спросила Видана.

«Отец Тота Мудрого, — ответил Прохор Панкратов, — глобалист-статистик Пайол Тот».

«Почему я должен его слушаться?» — осведомился Ставр.

«Зайди поговори, — пожал плечами Герцог. — Может, что нового узнаешь. Вы пока отдохните, ребята, мы тут прикинем кое-чего. Через пару часов встретимся».

Ставр спокойно поднялся, предложил руку Видане: «Пошли погуляем по местным буеракам».

Видане очень не хотелось уходить, но, подавив разочарование, она с великолепной грацией подала Панкратову руку, и они вышли из зала.

«Хорошая пара», — сказал Герцог рассеянно.

«Кошка с собакой, — ответил так же рассеянно Прохор, знавший историю отношений сына с внучкой Железовского. — А ну, как она права?»

«Насчет нагуаля в Солнце?»

«Мы этот вариант не учитывали».

«Даже если его там нет, надо срочно объявить, что он есть. Это даст нам возможность спокойно искать базу эмиссара».

«Конгениально!»

МЕРКУРИЙ — СОЛНЦЕ — ЗЕМЛЯ

Голос Пустоты пробормотал что-то о «черных сапогах, соединяющих небо и землю вселенной» и умолк.

«Он заболел, — грустно сказала Видана. — Неужели это правда, что из-за паутины нагуалей сигнал по «нервам» вселенной передается с искажениями?»

Ставр промолчал, хотя сам подумал о Голосе с жалостью и сожалением, как о сошедшем с ума человеке. Поднялся на небольшой слоистый холм, откуда было удобно обозревать окрестности базы. Видана, которую так и подмывало спросить, о чем он говорил с Пайолом Тотом, отцом Яна Мудрого, прошла чуть дальше, до скопления ноздреватых зелено-бурых глыб, остановилась у длинного, идеально полукруглого и гладкого желоба.

«Смотри, что это? Похоже, кто-то бурил почву».

Ставр оглянулся. Девушка разглядывала аккуратную гладкую воронку в виде конуса, разрезавшую желоб. Казалось, воронка эта, как и желоб, — творение рук человека, настолько они были геометрически совершенны.

«Димпл-кратер. Когда метеорит сюда свалился, от сотрясения обрушился весь свод лавовой трубы, оттого желоб получился таким ровным».

Видана прикусила губку, перепрыгнула кратер и удалилась по коростообразным наростам почвы метров на сто. Как и на Ставре, на ней был «бумеранг», открывающий голову и руки, так что казалось, гуляли они по земному парку в обыкновенных униках.

Край солнца с отчетливо видимыми крыльями протуберанцев освещал вершины близкой горной гряды, превращая их в прозрачно-рубиновые силуэты, и даже здесь, за линией терминатора, свет Солнца был так ярок, что ложился на костюмы, лица, ладони жидкой пленкой огня. Если бы не инк «бумеранга», регулирующий яркость поступающего к глазам света, на Солнце невозможно было бы смотреть.

Ставр понимал, что Видана жаждет узнать от него тему разговора с Пайолом Тотом, однако сообщить ей этого не мог.

В принципе, обстоятельной беседы не получилось. Отец Яна Тота был лаконичен и скор на выводы, так что вся их встреча длилась всего три-четыре минуты, Панкратов не успел даже рассмотреть спартанскую обстановку жилища глобалиста.

«Вы кое-что сделали, мастер, — начал Тот, довольно бесцеремонно разглядывая Ставра. При этом он пытался заглянуть в его мысленную сферу, но Панкратов тихо «свернулся в клубок». — Но пора от мелких дел переходить к крупным, предназначенным только для вас».

«Кем предназначенным?»

«Судьбой. — Пайол Тот остался невозмутим. — Судьба эрмов отлична от судеб других паранормов, вы должны это чувствовать. Где-то я слышал полемику насчет интраморфов, якобы они — будущее человечества, люди, живущие в космосе более свободно и мощно. Так вот — это ошибка! Появление интраморфов — реакция социума на внешние раздражители, способствующая человечеству выжить. В каком-то смысле мы, паранормы, действительно более совершенны по некоторым параметрам, чем нормалы, но не более того. Мы — не вершина человечества, как утверждал в свое время архонт Всевече. И уже тем более эрмы — не есть будущее интраморфов,

еще более совершенные, чем они. Эрмы — в о и н ы, предусмотренные ИМ, — кивок вверх, — Универсумом, чтобы человечество выжило в условиях жестко регламентированных Игр. Или Войн, если будет угодно. Понимаете?»

«Понимаю», — угрюмо ответил Ставр.

«Это я в продолжение мысли о судьбе. Теперь о ваших конкретных целях».

«Я привык получать задания от непосредственного шефа».

«Мальгрив подчиняется совету-2, а я — агемон совета».

«И все же, прошу прощения, я хотел бы услышать на этот счет мнение Джордана».

Пайол Тот некоторое время разглядывал каменное лицо Панкратова, и эрм на мгновение почувствовал Силу этого человека! Его друзьям можно было позавидовать.

«Вы индивер. — Это было утверждение, а не вопрос. — Да, это наша общая беда — все еще слабое взаимодействие интеллекта и инстинкта. Человеческая индивидуальность слишком абсолютна, чтобы человек мог выразить себя во Вселенной. Она ему не нужна. Впрочем, он ей такой — тоже. Хорошо, не буду настаивать. Но выслушайте хотя бы, что вам предстоит сделать в будущем. По шкале ВП эти задачи тянут на сто баллов[1]».

«Я и так догадываюсь».

«Ну-ну, это интересно».

«Выход на Лайа-центр эмиссара, нейтрализация эмиссара и его помощников, поиск Сеятелей и Конструктора. Нет?»

В глазах Тота проступило нечто напоминающее сдержанное уважение.

«Я не ошибся в вас. Единственное уточнение: эмиссаров у ФАГа много, каждый контролирует свой район. В Солнечной системе он один, по уровню решаемых задач равен эмиссару Тартара или Чужой. Все остальные известные вам дилеры — его помощники, в

---

[1] Ш к а л а В П — шкала важности, первоочередности и ответственности решаемых задач с максимальной оценкой в сто баллов.

том числе и К-мигранты. Но есть эмиссары высших уровней: отвечающие за Галактику, за скопление галактик, за местный участок сетчатой структуры домена, за весь метагалактический домен. Даст Бог, мы и до них доберемся, но в союзе с друзьями, которых вы перечислили. Не увлекайтесь только нейтрализацией помощников эмиссара, это дело соответствующих служб. Всего доброго».

Ставр повернулся, чтобы уйти, но вспомнил, что хотел спросить:

«Если вы видите так далеко... в чем причина Войны?»

Черты Пайола Тота смягчились.

«Вопрос познавателя. Но для того, чтобы понять причину Войны, надо взглянуть на нее со стороны, с такого наблюдательного пункта, которого у нас, увы, нет! Философ ответил бы вам, что, во-первых, термин «Война» не совсем корректен, что ее следует все-таки называть Игрой. Что, во-вторых, концепция Игры разработана не для того, чтобы в ней принимали участие люди, что мы втянуты в нее помимо своей воли и вынуждены бороться за жизнь. Философ расставил бы все точки над «i», но я не философ. Одно могу сказать с большой долей уверенности: в нашем регионе наступила временная стабилизация Игры. Следует ждать следующего хода Игрока, в нашем случае — ФАГа. Вам необходимо как можно быстрее пройти оптимайзинг и сделать Д-прививку, хотя... последнее может повлечь фенотипическую коррекцию... Но вы — воин, ратный мастер, а воин не должен страшиться неизведанного. Не так ли?»

«Спасибо, я понял», — сказал Ставр. Аудиенция закончилась...

«Ты о чем задумался так глубоко?» — донесся псиголос Виданы.

«Не понимаю, почему Тот уверен, что именно я должен...»

«Что?»

Ставр окончательно осознал, где находится. В несколько прыжков приблизился к девушке, стоявшей на одной из оплавленных глыб в позе памятника.

«Что ты не понимаешь?»

«От какого древнего имени происходит имя Видана, — отшутился Панкратов, — от Идунн или Виртута»[1].

«Благодарю за комплимент, но говорим мы о другом».

«Не тяни меня за язык. Пайол Тот сказал, что я покончу с ФАГом, вот я и думаю — с чего это он взял?»

Видана засмеялась.

«Панкратов-младший в роли Демиурга — это круто! Не хочешь рассказывать, о чем вы говорили с Тотом, не рассказывай, но не ускользай, я тебя хорошо чую, эрм. Что будем делать дальше?»

«Красивый пейзаж, не правда ли?» — сказал Ставр.

Видана не рассердилась, только глянула на край Солнца.

Спустя час дороги их разошлись.

Девушка получила приказ Железовского и убыла на Землю для выполнения какого-то необычного эфанализа вместе с Забавой. А Ставр получил допуск на посещение центрального Меркурианского визуально-оптического и ЭМ-регистрационного комплекса, разглядывающего Солнце всеми доступными человеку средствами контроля. Услугами комплекса пользовались практически все службы Системы от Института погодного прогноза до транспортной и аварийно-спасательной служб. Отец Ставра отправился вместе с ним, и Ставр почувствовал прилив сил и желание действовать. Он никогда не думал, что это может быть так приятно — ощущать рядом надежное плечо отца.

В Бриарей, как называли комплекс наблюдения за Солнцем сами работники, входили, конечно, как наземные, так и космические станции слежения, антенные системы, телескопы, фиксаторы полей, счетчики частиц и локаторы, но все каналы и линии связи с ними сводились непосредственно к центральному зданию комплекса, расположенному на ночной стороне Меркурия, где царил почти такой же холод, как и на обратной стороне Луны, но полного мрака никогда не было из-за эффектов светопереноса. Газо-пылевая пелена Меркурия, которую называли его «атмосферой», была очень разреже-

---

[1] Идунн — богиня юности, владеющая молодильными яблоками *(сканд. миф.)*, Виртута — олицетворение воинской доблести, считалась спутницей бога войны Марса *(древнегреч.)*.

на, однако ее плотности хватало, чтобы над ночной половиной планеты светился фиолетово-розовый колпак аврор-эффекта.

В Бриарей можно было попасть и через метро, но отец и сын во избежание лишних пересудов взяли аэр, включенный в опознавательную систему местной транспортной сети, и Ставр мог оценить и пейзаж вокруг комплекса, и само здание — гигантский километровый купол из чешуйчатого материала, напоминающего панцирь черепахи.

В зал управления они не пошли, а свернули в недра комплекса, предъявив инку охраны сертификаты допуска, предусмотренные по коду АА в соответствующем подразделении «контр-2». Опустились на нижний горизонт здания и вошли в малоприметную дверь с надписью: «Аварийный выход».

Открывшееся помещение было невелико и напоминало персональную зону контроля на базе контрразведчиков, да и функции выполняла эта зона аналогичные, разве что область контроля была иной. Аппаратура этого «второго центра» позволяла считывать любую информацию, поступающую в Бриарей со всех сторон, синтезировать и анализировать ее и давать карты прогноза поведения Солнца для нужд «контр-2». Но это не было единственной функцией центра-2, он мог проследить за перемещением любого аппарата в окрестностях Солнца или выявить его характеристики, портовую принадлежность и параметры перевозимого груза, а также мог заглянуть в недра Солнца для выяснения происходящих там процессов.

Мидель-кресел в помещении было семь, три пустовали, и Ставр с отцом заняли два из них. Включившееся инк-сопровождение дало им грандиозную панораму кипящего Солнца, и оба некоторое время просто рассматривали сердитый лик дневного светила, прежде чем войти в поле необходимой системы расчета и опознавания.

Инк выдал им данные по зафиксированным «узлам сфинктуры» — районам солнечной поверхности, где регистрировались отклонения от нормальных состояний фотосферы. Узлов было около тридцати, и предстояло изучить их поведение, чтобы отобрать два-три для детального анализа.

Ставру делать это было легче, он имел соответствующее образование, подготовку и опыт ученого-физика, но Прохор владел более широким спектром интуиции и ориентировался в космосе свободно, поэтому к концу работы — через три часа с лишним — они сравнили выводы и остались довольны друг другом: оба отметили одни и те же районы Солнца с «импактным» уровнем — уровнем сильного локального загрязнения. Таких районов набралось четыре, но после недолгих сравнений и анализа Панкратовы остановили выбор на двух и дали инку задание сосредоточить внимание на них.

«Если база эмиссара не торчит где-то в одном из подозреваемых окон, — сказал Ставр отцу после возвращения на базу, — я съем собственный глаз».

«Если мы там ничего не найдем, — в тон сыну ответил Прохор, — я съем твой второй глаз. Но думаю, до этого не дойдет. Во-первых, в отмеченных нами районах торчат чужанские «дредноуты». Что они там ищут? Нечего им делать в Солнце, кроме как дожидаться команды хозяина».

«Ты думаешь, ФАГ закодировал и чужан?!»

«Кто знает его возможности? Факт налицо — чужанские спейсеры плавают в фотосфере Солнца. Во-вторых, температура экзосферы в этих местах намного ниже, чем в других, что говорит о колоссальном поглощении энергии. В-третьих, там кучкуются солнечные «улитки», в которых ксенологи подозревают зачатки разума».

«Это не главные особенности, которым положенно сопровождать базу. Эмиссар должен управлять деятельностью своих помощников и всех формирований в Системе, то есть иметь свою сеть связи и контроля. Почему же мы ничего не слышим?»

«Этого я не знаю. Ты физик, ты и решай. Может быть, он использует иные принципы связи, какие-нибудь высшие вибрации поля Сил, например, а не электромагнитный диапазон».

«Я подумал об этом, но это еще надо доказать. А метро? У эмиссара должен быть прямой выход на Землю, то есть канал метро».

Они остановились у входа в диннер-зал базы.

«Метро тоже использует принципы свертки пространства, — сказал Прохор, — вот и помозгуй, каким обра-

зом можно создать «сверхструну», чтобы ее нельзя было засечь нашими приборами. Зайди, поужинай, проголодался небось».

«А ты?»

«Поем позже. Вечером заскочишь, побеседуем».

Ставр хлопнул ладонью по ладони отца и проследовал в уютный зал столовой базы, где за некоторыми столиками сидели парами или поодиночке проголодавшиеся работники.

Биоритмы человека в отсутствие обычной смены дня и ночи смещаются сначала к двадцативосьмичасовому суточному циклу, потом к сорокачетырехчасовому, при котором сон длится не менее четырнадцати часов. Бывалые стармены, большую часть времени проводящие в космосе, вне Земли, а то и вовсе вне планет, так и живут: четырнадцать часов — сон, тридцать — бодрствование с восьмиразовым питанием, — но на всех поселениях человечества в космосе, имеющих метро, поддерживался земной распорядок дня и земная сила тяжести, потому что большинство работников поселений жило на Земле и, отработав смену, возвращалось домой.

На этой базе, принадлежащей секретной сети «контр-2», также поддерживался земной ритм жизни, хотя ее работники покидали базу редко.

Ставр выбрал свободный столик с видом на речку и луг, сделал заказ, стараясь ничем не выделяться, но поесть один не успел. В зал вошла Анна Ковальчук, старменша из команды Вивекананды, и сразу направилась к нему. Ставр не поверил глазам, но это была Анна, физик-фридмонолог и композитор, прелестная блондинка с модным Лебедь-украсом и ямочками на щеках, быстро краснеющая, виновато улыбающаяся и хрупкая. Ставру вечно хотелось защитить ее от кого-то, такое впечатление трогательной слабости и наивности создавала вокруг себя девушка. Почему она оказалась на базе «контр-2», было неизвестно, однако расспрашивать ее об этом Панкратов не стал.

Поужинав, они поднялись наверх, в парковую зону со смотровой галереей, потом слушали музыку в каюте Анны, и неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не просочившийся в голову слоган отца:

«Быстро ко мне!»

Ставр никогда не задавал в таких случаях вопросы типа «что случилось?», считая их лишними, и сбежал от расстроившейся Анны, пообещав разобраться кое с кем и не задерживаться. Но к ней он уже не вернулся.

С Земли пришло сообщение об исчезновении на акватории Эгейского моря, в районе острова Крит, Виданы Железовской и Забавы Бояновой.

По пути стало известно, как Боянова и внучка оказались на Крите.

Аналитический центр «контр-2» располагался на острове Родос, замаскированный под обычную хозяйственно-административную штаб-квартиру одного из греческих номов — экономических районов. Сделав расчет, женщины решили устроить себе экскурсию по островам архипелага, многие древние города которого были восстановлены заново, и след их простыл после посещения Крита, известного как центр крито-микенской культуры, древнейший очаг культуры Европы, с его античными храмами, театром Софокла и Кносским дворцом-лабиринтом. Инк, сопровождавший женщин в поле опознавания (у Бояновой была рация «спрута»), потерял их во время перелета на аэре с Крита на соседний остров Тира с действующим вулканом Санторин. В поле Сил Боянова не вышла, и даже Аристарх Железовский не знал, что с ней сталось.

Проконсул синклита ждал Ставра в порту Ираклиона, самого крупного города острова, возле восстановленной дорической колоннады храма Гефеста, окруженной рощей финиковых пальм.

Солнце еще не село, но уже клонилось к горизонту, и по земле стлались ровные гребенки теней от пальмовых стволов. Жара стояла под сорок градусов по Цельсию, но ни Ставру, ни Железовскому это не доставляло неприятных ощущений, оба умели регулировать обменные процессы и температуру тела.

«Они здесь были. — Аристарх угрюмо поведал историю своих поисков. — Я чую следы, но даже в поле Сил никого не слышу. Не могли же они прямо отсюда мах-

нуть на метро к звездам? Но даже в этом случае я бы услышал Забаву...»

Ставр задумчиво прошелся вдоль колоннады, остановился возле входа в акрополь, стены которого были сложены из огромных каменных квадров. Выходить в поле Сил не спешил, настраивая себя на глубокое проникновение и высокое напряжение своего сверх-Я. Он тоже чувствовал, что Видана была здесь с бабкой, но никаких тревожных ассоциаций при этом не возникало.

«Прикройте меня. — Ставр присел на львиную лапу; скульптуры двух огромных львов украшали вход в акрополь. — Я выйду в Большой эйдос».

С этой мыслью Панкратов резко ускорил темп жизни и вышел в энергоинформационное поле Земли, сразу превратившись в гигантское миллиардное и многотелое существо, сердцем которого была вся планета. Колоссальный объем информации обрушился на голову эрма, и даже с его сверхреакцией и скоростью обработки, почти не уступающей скорости инка, было чрезвычайно трудно разобраться с этой информацией, отсеять ненужное и прошагать по «этажам» эйдоса, углубляясь в ту область знания-чувствования, которая приближала его к цели.

Через минуту он вылетел «на поверхность» сознания, как ныряльщик из-под воды, жадно ловя ртом воздух, почти обессилевший, потерявший большое количество энергии. Осознал, что сидит на ступеньке мраморной лестницы, а Железовский придерживает его за плечо. Сказал с бледной улыбкой:

«Человек, к сожалению, не готов к восприятию эйдоса на уровне поля Сил».

«На, хлебни». — Аристарх сунул в руку Ставра жестянку с тоником. Тот в два глотка осушил жестянку, на взгляд Аристарха отрицательно качнул головой.

«Их нигде нет. Вернее, они ушли с острова, и над морем их след пропал, оборвался. Этому может быть только одно объяснение...»

«Абсолютное зеркало». Их неожиданно перехватили и спрятали под колпаком «зеркала». Только стена поляризованного вакуума недоступна пси-зрению А если их переправили на машине с «зеркальным слоем» в космос?»

«Нет, я чувствую, что «зеркальный» объект здесь, на море. Надо вызвать звено тральщиков со спецаппаратурой и прочесать акваторию моря, коридор я укажу».

«Хорошо. — Аристарх решал быстро. — Я свяжусь из аналит-центра с Джорданом и объясню ситуацию. Жди здесь, восстанавливайся, я скоро».

Железовский исчез за линейкой пушистых сосен, мирно уживающихся с финиковыми и банановыми пальмами, и через мгновение птеран унес проконсула в глубь острова. Ставр подождал немного, вызвал такси. Просто сидеть и ничего не делать он не мог.

Над морем, даже на достаточном удалении от берега, «мела метель» аэров, птеранов и просто летающих на антиграв-поясах туристов, компаний отдыхающих людей и веселящейся молодежи, презирающей правила полетов и просто хорошего тона. И Ставр мимолетно подумал, что даже если завтра по всеобщему информвидению объявят о начале войны, мир все равно будет веселиться, шутить, смеяться, шуметь и жить так, как привык, глубоко равнодушный к самому себе и судьбам народов.

На полпути к острову Тира воздушные транспортно-прогулочные потоки поредели, все же само море не являлось объектом туристического поклонения или экспонатом музея. Зато внизу все чаще проплывали комфортабельные морские лайнеры, круизные ватербусы, платформы, парусные суда и базы глубоководного туризма. Что толкнуло Ставра снизиться и пройтись над одной из таких баз, он и сам не знал. Но потом пришло ощущение у з н а в а н и я, и он не раздумывая посадил аэр возле стада ярких машин на финиш-поле платформы с тремя куполами морских лифтов, ресторанным комплексом, солярием и бассейном с пресной водой, полными бронзово-загорелых тел и красочных пляжных витсов, обслуживающих эти тела.

УРОВЕНЬ-5

Ставр медленно прошелся по галерее, опоясывающей пляжную зону с бассейном, прислушиваясь больше к себе, чем к звучащей многоязыкой речи вокруг. Он знал все тринадцать языков, входящих в группу «великих», на

которых разговаривало большинство народонаселения Земли: китайский (три миллиарда), английский (миллиард), русский (тоже миллиард), а также хинди, испанский, немецкий, французский, бенгали, индонезийский, португальский, итальянский и арабский и, кроме того, интерлинг, — но здесь, на элитарном плоту комфортной базы отдыха, разговаривали по крайней мере на трех десятках языков. Расстояния в век мгновенной транспортировки не имели значения для решения задач отдыха, как, впрочем, и языковые барьеры. В общественных местах всегда можно было найти виста-лингвера и пообщаться с любым человеком, даже если тот был немым.

За Ставром в отдалении следовал патруль охраны порядка — двое рослых парней в «бумерангах», замаскированных под кисейно-прозрачные костюмы для предотвращения загара (многие предпочитали иметь естественный цвет кожи), но для Панкратова эти двое опасности не представляли. Его влекло к одному из куполов герметириума, откуда желающие полюбоваться красотами глубин моря ныряли в эти глубины в пузырях-батилайтах.

Ничего подозрительного не обнаружив, Ставр ленивой походкой пересек пляж и остановился под козырьком входа в купол герметириума. Вошел в поток Сил и несколько мгновений ш е в е л и л своим усложнившимся мозгом в поисках пси-эха Виданы и Забавы и наконец услышал тихий, на грани дуновения ветра, отзвук пси-резонанса. Отзвук был слаб и больше не повторился, но Ставр уже понял, что он на верном пути. Теперь предстояло найти помещение, для каких-то целей окруженное слоем «абсолютного зеркала», и попытаться проникнуть внутрь. А там посмотрим, подумал Панкратов с холодной угрозой.

Он обошел все три зала герметириума с кабинами подводных лифтов и боксами для «выдувания» пузырей для подводного плавания. Желающих понырять было много, автоматы едва справлялись с очередями, но обслуживающий персонал был невелик — по одному оператору на зал и один медик на весь герметириум. Медика Ставр и решил побеспокоить, потому что его внезапно заинтересовал отсек «Скорой помощи», объем которого занимал почти треть герметириума.

Что-то здесь было не так. Для серьезного лечения внезапно заболевших отдыхающих такие отсеки не готовились, достаточно было всунуть их в метро и доставить в клинику на материк, а для снятия стресса, солнечного удара, опьянения или насморка достаточно было предусмотреть на платформе пятиметровую кабинку с медицинским комбайном. Этот герметириум имел настоящий медцентр с какими-то сложными энергетическими установками, информационным комплексом и отдельной башней для приема аэромашин. Времени на запрос в информарий управления — зачем морской базе отдыха такой медцентр? — не было, и Ставр решил выяснить это на месте.

Его спасли два обстоятельства: отсутствие какой-либо охраны отсека, что заставило его насторожиться и напрячь пси-резерв, и опыт фантоматического моделирования, которым он занимался в свободное время. Потому что вход в медотсек оказался входом в фантоматический генератор, моделирующий вертуальную реальность. Такие генераторы были запрещены, потому что не гарантировали участникам игровых комбинаций надлежащей безопасности, угрожали здоровью и зачастую приводили к сильнейшим нервным расстройствам, а то и к смерти игроков. Но подпольные игровые синдикаты использовали подобные генераторы, не обращая внимания на такие пустяки, и народ, жаждущий «хлеба и зрелищ», валил к ним валом, чтобы пережить небывалые ощущения.

Этот фантом-комплекс был создан для отдыхающей элиты, не для массового использования, и окружен «абсолютным зеркалом», что делало его практически неуязвимым. Ставр вышел на него случайно, благодаря единственному несоответствию в защите генератора — чрезвычайно большому внутреннему объему. Однако контрразведчик очень хорошо помнил знаменитый афоризм Плавта: неожиданное случается в жизни чаще, чем ожидаемое.

Ему дали войти в игровую зону беспрепятственно, что означало — его узнали. Выйти из зоны теперь было очень сложно, и только великолепное знание принципов моделирования, техники внушения и приемов «ухода в иную реальность» помогло Ставру сразу отсечь себя от

игрового инка. Он знал, что фантоматический генератор способен дать огромное количество разнообразных безусловных реакций, вполне адекватных действительности, в ответ на различные комбинации внешних раздражителей. Даже интраморф в большинстве случаев не в состоянии отличить галлюциногенную жизнь внутри генератора от настоящей, обычный же среднестатистический гражданин ловился в сети иллюзора надежно и после игры был на сто процентов уверен, что все происходило с ним наяву. И чтобы не попасться в сети «сверхреального» бытия, Ставр вынужден был отключить сознание, перейти на экстероцепторное[1] зрение и, постоянно вводя коэффициент ошибочного восприятия, сопровождать свое «Я» в запредельном состоянии.

Генератор использовал сценарий «широковариантной интеллигибельности», то есть внушал каждому игроку то, что тот хотел видеть и ощущать. Для Забавы Бояновой и ее внучки он создал неотличимый от реального подводный лабиринт, в конце которого ждали освобождения захваченные эмиссаром ФАГа Аристарх Железовский и сын Забавы, он же отец Виданы, Веселин Железовский. Ставр вошел в игру в тот момент, когда женщины «пробились» во второй круг лабиринта, уничтожив команду витсов и их руководителя-нормала.

Глаза и другие человеческие органы чувств говорили Ставру, что он тоже находится под водой, в тоннеле, ведущем куда-то в недра подводного хребта, но параллельное «Я» отмечало все тот же игровой зал герметириума с десятком комнат и коридорчиков, имитирующих сложное хозяйство игровых зон для всех игроков.

Видану и Забаву Ставр нашел в одной из таких комнат, закутанных в опухолевидные коконы систем гипервнушения.

Таких систем он еще не видел, они по сложности и мощи гипнополя превосходили все созданное людьми, но и комплекс предварительного ввода в «инореальность» был достаточно мощен, чтобы увлечь таких сильных интраморфов, как Боянова, внушить им чужой сценарий и довести до полного капсулирования пси-сфер. Было жутко смот-

---

[1] Экстероцепторы — чувствительные окончания активных точек кожи.

реть, как ноги и руки женщин подергиваются в такт их «действиям» в том мире, где они сейчас жили. Глаза их были открыты, но ничего не видели, вернее, видели внушаемую картину: подводный коридор с отблескивающими перламутром стенами, морских чудовищ, бросающихся в атаку, тупики с ловушками, подводные аппараты, норовящие захватить плывущих или расстрелять их из лазеров, витсов, бросающихся со всех сторон, и тому подобную дребедень. Но... женщины ж и л и в этом тоннеле, сражаясь по-настоящему, потому что их целью было освобождение близких, мужа и отца.

Времени на постепенный «спуск» программ у Ставра не было, он чувствовал, что за ним пошла охрана генератора, поэтому он сделал единственно возможную в этих условиях вещь — отстрелил кабельные подводы к опухолевидным коконам гипносистем. Резкий выход из игры грозил женщинам шоком, «бунтом» вегетативной и соматической систем, но дальнейшее промедление означало потерю темпа и в конце концов проигрыш.

Теперь осталось добраться до игрового инка и активировать его программу свертки генератора, а по пути выяснить, откуда здесь такие необычные устройства и кто за всем этим стоит.

Две лазерные вспышки пронзили мрак помещения, отрезая коконы с женщинами внутри от «журавлиных шей» машинного ввода. Ставру показалось, что он пережил болезненные встряски организма наравне с Виданой и Забавой. Однако задерживаться здесь не стоило даже на секунду, и он метнулся в коридор... чтобы встретиться лицом к лицу с целой обоймой кайманоидов и охранников в «хамелеонах».

И снова подсознание сработало раньше, чем сознание успело проанализировать ситуацию и дать рекомендации. Обойма охранников оказалась уловкой фантомата, иллюзией, почти неотличимой от реальной группы людей. Из четырнадцати «единиц опасности» только двое были настоящими людьми, запакованными в спецуники с гермошлемами, отсеивающими пси-образы генератора. Их Ставр нейтрализовал походя, в стиле «гризли», вдребезги разбив шлемы и надолго оглушив парней.

Как Ставр и предполагал, центральный конфигуратор инка располагался в центре герметириума, в круг-

лом помещении с тремя входами, охраняемыми витсами. Уничтожив все три плавающих «ската», чтобы не ждать выстрела в спину, Панкратов проник в помещение и остановился, узрев возле пульсирующей огнями колонны инка черную фигуру.

«Привет, эрм, — прозвучал равнодушно-ироничный пси-голос. — Ты достаточно серьезный противник, надо признаться».

Вспыхнул дневной свет.

На Ставра смотрел К-мигрант Анатолий Шубин. Лицо его было неподвижно и ничего не выражало, но в глазах с тремя зрачками тлела угроза и надменное высокомерие.

«Ты хорошо сопротивляешься на уровне «один на один», — продолжил Шубин, — и мы примем это к сведению, чтобы не повторять ошибок. Но справишься ли ты с пси-массивом эгрегора, с атакой на уровне пси-ливня?»

И на голову Ставра упала гора эгрегорной пси-эмиссии...

Удар сконцентрированного пси-поля был страшен! Он смел остатки сознания, как ураган — перекати-поле, загнал душу Ставра за тридевять земель, в бездонную пропасть, лишив его воли и желания жить, остановил работу спинного мозга, ответственного за нормальное протекание физиологических реакций, превратил человека в засохшее дерево с голыми растопыренными ветвями, в соляной столб, в статую из хрупкого стекла, начинавшую осыпаться с тонким звоном... Одного только не смог задавить этот колоссальной мощи пси-импульс — зова цели! И этот зов начал заново формировать личность воина, выполняющего стандартную задачу выживания...

Процесс был долгим, он занял около трех десятых секунды, но еще раньше, в «просвете» между черными стенами чужого излучения, Ставру удалось на мгновение «всплыть» и выстрелить в свечу игрового инка. Дальнейшие события он помнил смутно, отрывками.

Кажется, он дрался с Шубиным и даже стрелял в него, потом сражался с отрядом охраны базы отдыха, уложив человек шесть, уничтожил витса и кайманоида и даже пытался захватить чужанина, оказавшегося галлю-

цинацией. Последнее, что он помнил, было связано с шумным появлением гигантской фигуры Железовского, ворвавшегося в герметириум с обоймой поддержки и погранпатруля. Но К-мигрант Шубин к этому моменту успел сбежать и уничтожить при этом весь объем памяти инка...

Лечили всех троих в том же бункере под Тибетом, где недавно лежал Левашов. Правда, слово «лечить» к процессу восстановления интраморфов не подходило, хотя кое-какие первоначальные процедуры, проведенные инком медицинского комбайна, помогли пострадавшим преодолеть шок и справиться с болью.

Ставр пришел в себя раньше женщин, несколько минут регулировал работу внутренних органов, пока не почувствовал себя лучше, и только потом глянул на соседние флайт-кровати, где лежали спасенные. И встретил затуманенный взгляд Виданы.

«Спасибо, эрм, — сказала она с какой-то отрешенностью, прислушиваясь к себе. — Говорят, тебе удалось вытащить нас с бабулей вовремя. Век себе не прощу! Как ты нас вычислил?»

«По запаху, — проворчал Ставр. — Духами «Русь-шарм» пользуешься только ты».

«Мне это, кажется, кто-то уже говорил... не важно... Представляешь, я попалась как девочка!»

«Ты-то ладно, — вмешалась в разговор, не открывая глаз, Боянова. — Но мне, старой дуре, следовало бы сообразить, в чем дело! Спасибо, Ставр, всю жизнь молиться буду!»

«Не за что». — Панкратов медленно встал, обнаружив, что лежит в чем мать родила. Не обращая внимания на веселый взгляд Виданы, нашел чистый уник в стен-шкафу, оделся и, пожелав женщинам скорейшего выздоровления, вышел в соседнее помещение бункера, в его «гостиную», где вели беседу Левашов, Ратибор Берестов, Баренц и Аристарх Железовский.

Все четверо замолчали и принялись внимательно разглядывать разведчика, словно он сделал что-то предосудительное, так что Ставр даже почувствовал себя неловко.

«Извините, что нарушил ваш тэйбл-ток[1]», — сказал он.

— Садись, — гулко взломал тишину Железовский, послал по воздуху пузырь со стаканом тоника. — Выпей, это амброзифор. В состоянии рассказать, что там произошло?

Ставр сел рядом с Ратибором, в сфере чувств которого было гораздо больше теплых оттенков, чем у остальных, выпил тоник и коротко рассказал историю своего сражения с фантом-генератором.

На этот раз молчание длилось дольше. Первым его нарушил Берестов:

«Ты уверен, что встретил Шубина?»

Ставр некоторое время размышлял, восстанавливая в памяти подробности своего рейда. Утвердительно кивнул:

«Несомненно это был он. По-моему, я дрался и с кайманоидом, но не уверен, что это была не иллюзия».

Ратибор посмотрел на Железовского.

«Может быть, там был и кайманоид, — сказал тот, — но проверить невозможно. Шубин сел в «голем» и ушел на орбиту, где его ждал драккар».

«В герметириуме находился «голем»?! — не поверил Ставр. — Почему же я его не почуял?»

«Потому что Ф-террористы тоже предпочитают использовать новейшую земную технику с «А-зеркальным» слоем. Вероятно, они хотели посадить Забаву с Виданой в «голем» и перенести на свою базу, но не успели».

«Сами заигрались, что ли?»

«К-мигранты всегда недооценивали людей, к тому же они любят разного рода эффекты и длинные разговоры».

«Но почему Забава клюнула на их удочку?» — воскликнул Ставр.

«Как было не клюнуть, если мы совершенно четко увидели, что здесь попали в засаду Аристарх и Веселин!» — ответила из-за стены Боянова.

«Это уровень-5, ребята, — добавил Железовский, — понимаешь, о чем речь, контрразведчик? Ф-террористы использовали массивную поддержку эгрегора, с излуче-

---

[1] Застольная беседа *(англ.)*.

нием которого наша защита не справляется. До сих пор не могу поверить, что ты уцелел!»

«Верь, чтобы понимать, — сказал Баренц, с недавнего времени потерявший свою энергичную деловитость. — Есть такой античный афоризм. Плохи наши дела, коллеги. Еще не разобрались окончательно со смертью Ги Делорма, а уже новая напасть — эгрегорное нападение, да еще вдали от ареала, места дислокации самого эгрегора».

«А что, известно, какой именно эгрегор был использован?» — спросил Левашов.

«Южномусанский, но с ядрами исламита и малазийской группы».

«Значит, Шан-Эшталлан и Алсаддан?»

«Без сомнения».

«Ничего, — снова вмешалась Забава Боянова. — Вот оклемаемся с Даной и возьмемся за эту эгрегорную задачку. Если Ф-террористы смогли решить задачу управления эгрегорным полем, сможем и мы».

Баренц встал.

«Я пошел, меня ждет Велизар. Очень рад, что все кончилось благополучно. — Он пожал руку Ставру. — Молодец, эрм! Так держать. Мы на тебя надеемся».

Встал и Левашов.

«Пора и мне за работу. Вот будет сюрприз Барковичу!»

Они ушли. За ними покинули бункер Железовский и Боянова, засобирался и Берестов, с некоторым сомнением разглядывая внука.

«Баркович потребовал голову Аристарха...»

«За что?»

«За последнюю шутку. Дед Виданы отдал приказ десантировать обойму погранпатруля в район Эгейского моря от имени командора».

Ставр засмеялся. Ратибор похлопал его по плечу.

«До связи, мальчик. Побудь здесь, поухаживай за дамой, отдохни, завтра у нас будет трудный день».

Ушел и он. Ставр прислушался к тишине в соседней комнате, но ничего не услышал. Обеспокоенный, он вошел в помещение медкомбайна и был встречен поцелуем слегка ослабевшего, но — урагана по имени Видана Железовская...

К вечеру стали известны подробности применения засады уровня-5, подготовленной слугами ФАГа в Эгейском море на одной из морских баз отдыха. Засада не предназначалась конкретно для Бояновой и Железовской, женщины попали в нее случайно, однако лишь вмешательство Ставра Панкратова позволило им выйти живыми из безнадежной ситуации и раскрыть качественно новый принцип нападений ФАГа на интраморфов, а также высветить уровень применения поля эгрегора.

Аналитики «контр-2» имели достаточно материала, чтобы вычислить всех действующих лиц в истории с фантоматическим генератором. Ставр выбрал два имени и поделился соображениями с Виданой. С шефом советоваться не стал, зная, что тот не даст разрешения на акцию. Но терпеть удары больше не хотелось. По мнению Виданы, да и его собственному, эмиссар Фундаментального Агрессора окончательно зарвался, и его следовало осадить. Тем более что на следующий день предстояло штурмовать его базу, торчащую занозой в Солнце.

Прикинув все возможные варианты развития событий, Ставр и Видана выяснили маршруты выбранного лица, тщательно разработали план операции и еще более тщательно подобрали экипировку. «Бумерангами» с аппаратурой инициации «хамелеона» и оружием Ставру удалось разжиться, использовав в отсутствие Мигеля да Сильвы свой карт-бланш опера СПП. А техникам базового склада пришлось повозиться, встраивая в костюмы поступившие на вооружение нейтрализаторы и аннигиляторы, зато теперь контрразведчики были вооружены до зубов и могли выдержать бой с целой эскадрильей противника.

«Защитников» с откорректированными, по данным аналитиков, параметрами готовила лично Видана и была уверена, что после доработки «защитники» снимут процентов семьдесят пикового пси-поля при эгрегорном нападении.

К девяти часам вечера по времени Рославля — готовились они сначала в управлении, потом дома у Ставра — удалось решить проблему транспортных стыковок и проводку по каналу сопровождения в сети «спрута-2». После этого наступил момент д е й с т в и я.

У президента Совета безопасности Хасана Алсаддана день был расписан по минутам и заканчивался в девять часов вечера по времени Берна. В этот последний четверг августа у Алсаддана в плане стояли визит на Тартар и вечерняя сауна в элитном хелс-центре в Тегеране. Не отвлекаясь на проверку обойм сопровождения, будучи абсолютно уверенным в своей безопасности, глава совета оставил стандартную расстановку сил охраны и на этот вечер. Кобре телохранителей президента Махмуду Джафару пришлось самому ломать голову, как обеспечить безопасность ОВП[1] в условиях выхода за пределы Солнечной системы, но и он не ушел дальше императива «ланспасад», все плюсы и минусы которого отлично знал Ставр Панкратов.

Переместившись на погранзаставу «Черная роза», расположенную на поверхности Тартара, на полчаса раньше Алсаддана, Ставр и Видана «сменили» посланных туда Джафаром телохранителей группы авангарда, загримировались под них с помощью голографической аппаратуры «динго» и расположились у входа в информационно-контрольный зал заставы, где должна была состояться встреча президента совета с командором погранслужбы.

Теперь у них было целых три канала связи с разными информ-системами: «контр-2», «спрут» УАСС и СИОС[2] Алсаддана, — и ориентироваться в поступающих сообщениях стало гораздо легче.

Баркович возник в зале заставы в сопровождении все того же витса-андроида раньше Алсаддана. Ставр мимолетно подивился бесстрашию командора, появлявшегося везде всего с одним телохранителем, да и то — нечеловеком. Но в это время из метро выскользнули трое телохранителей Алсаддана в красивой уник-форме администраторов совета: серые с черными полосками костюмы, белые рубашки, строгие бордовые галстуки, вспыхивающие красными искрами туфли, — во главе с Махмудом Джафаром, рассредоточились по коридору. Джафар выслушал короткий кодовый доклад Ставра, что «все спокойно», и прошел в зал. И сразу же в кори-

---

[1] О В П — очень важная персона.

[2] С И О С — служба информационного обеспечения Совета безопасности.

доре появился Алсаддан в сопровождении еще двух человек, один из которых был явно интраморфом, хотя и блокировал свой мыслеобмен.

Прически у телохранителей президента были совсем простыми, без всяких модных украсов, что говорило об известном консерватизме во вкусах Алсаддана. Сам же он прибыл на погранзаставу в неизменном белом бурнусе с орнаментальной окантовкой рукавов и воротника, но без чалмы. Впрочем, Ставр без труда вычислил, что на президенте совета надет такой же боевой спецкостюм, как и на них с Виданой.

По системе «контр-2» прошло сообщение о прибытии Алсаддана на погранзаставу «Черная роза», и Ставр с напарницей обменялись понимающими взглядами. Наблюдатели «контр-2» в е л и президента, как и всех остальных Очень Важных Персон чужого лагеря, что невольно придавало уверенности.

Начинаем? — глазами спросила Видана.

Ставр отрицательно качнул головой, передал короткий слоган:

«Подождем, пока точно не определится дальнейший его путь. Не хотелось бы начинать с огневого контакта».

Разговор Алсаддана с Барковичем длился всего несколько минут, но подслушать его не удалось: звуковая зона разговора контролировалась объемным скремблером. Затем президент совета с минуту разглядывал мрачный пейзаж Тартара, кучу обломков черных пород, окружавшую отколовшийся нагуаль, кивнул Барковичу и стремительно прошагал мимо застывших охранников в коридор. Баркович смотрел ему вслед, и Ставр мог поклясться, что в глазах командора мерцает тщательно скрываемая неприязнь и насмешка.

— К метро! — прошла по рации команда Джафара.

Ставр и Видана мгновенно обогнали не обращавшего на них внимания Алсаддана, нырнули в отсек метро заставы, как бы расчищая путь. Остальная команда осталась сзади, можно было начинать свою операцию по захвату президента и доставке его в бункер под Тибетом, но карты спутал тот самый паранорм из обоймы прикрытия Хасана, который, как оказалось, играл роль дублирующего центра подстраховки.

По замыслу Панкратова Алсаддан должен был взять их авангардную пару, то есть Ставра и Видану, в кабину метро с собой, как делал это уже много раз, и он бы так и поступил, если бы не тихая команда сзади:

— Минуту!

Ставр почувствовал, как напряглась девушка, передал ей одно пси-слово: «Рано!» — огляделся.

Из-за спины охранников арьергарда выступил не слишком высокий, но сильный с виду мужчина. Ставр никогда прежде этого человека не видел, но смутное чувство узнавания заставило его «ощетиниться», и его пси-поле натолкнулось на ответное полевое ощупывание противника.

Алсаддан поднял брови, останавливаясь.

— Смена режима, — так же тихо сказал незнакомец, игнорируя начальника охраны, глянувшего на него вопросительно. — Вы пойдете вторым эшелоном. — Мужчина ткнул пальцем в Ставра и Видану, жестом подозвал идущих сзади. — Вперед!

Алсаддан с любопытством глянул на контрразведчиков, шагнул в кабину метро, и в тот же момент приказавший произвести смену паранорм выстрелил в Ставра из парализатора. Нескольких мгновений, в течение которых Панкратов отражал атаку, боролся с пси-приказом, парализующим мышцы на уровне физиологических реакций, переводил себя в состояние инсайта, оказалось достаточно, чтобы Алсаддан с двумя телохранителями успел войти в кабину и стартовал на Землю.

Но как бы Ставр быстро ни реагировал на изменение обстановки, Видана, которую выстрел парализатора пощадил, действовала быстрей. Она не стала церемониться с выбором оружия, колебаться и рефлектировать, а сразу выстрелила в человека, вмешавшегося в действие, из аннигилятора. И пока тот смотрел на грудь, куда пришелся выстрел, — костюм незнакомца принял на себя большую часть антипротонного пучка, но дырка в нем образовалась все же приличная, с кулак величиной, — Видана атаковала застывших охранников в стиле «высекания огня».

Ставру осталось лишь добить Джафара и увернуться от выстрела из «универсала», которым наградил его падающий «знакомый незнакомец». В последний момент лицо его исказилось, поплыло, смазалось, пока на

контрразведчика не глянули страшные глаза К-мигранта Шубина.

Ставр и Видана скрылись в кабине метро и в три приема перенеслись в бункер под Тибетом, куда собирались доставить Алсаддана.

— Осечка! — очень спокойно сказала побледневшая Видана, хотя в глазах ее горел огонь и жажда боя. — Кого это я ликвиднула?

Ставр мягко поцеловал ее в губы, вышел первым, сказал уже из коридора:

— Это был Шубин. Но вряд ли ты его ликвиднула. К-мигранта убить непросто, они давно перестали быть людьми из плоти и крови. Не переживай, в следующий раз мы подготовимся получше.

— Я не переживаю. — Видана догнала Панкратова, засмеялась. — Представляешь, какой там сейчас переполох начался?

Ставр, прислушивающийся к шепотам трех каналов связи, покачал головой.

— Переполоха не будет, шум им невыгоден. Но инцидент они учтут. Я уже жалею, что уступил сам себе и пошел на эту авантюру. Готовить такие операции надо по уровню-5, как готовит их ФАГ.

БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Система связей «контр-2» была создана всего полтора года назад, но стала достаточно мощной, чтобы иметь свои совершенно секретные базы, замаскированные под административно-хозяйственные центры, заводы, транспортные терминалы, погодные комплексы, строительные тресты и станции СПАС, защищенные не хуже, чем центр дислокации проконсулов синклита под Тибетом. Одна из таких баз располагалась на территории крымского дома отдыха «Голубой залив» под Симеизом.

В свое время руководители «контр-2» сомневались в разумности подобного прикрытия, но время показало, что выбор был сделан правильно. Потоки прибывающих и убывающих людей, желающих вкусить все прелести морского отдыха с экзотикой славянского образа жизни, отлично маскировали почти любые передвижения

сил «контр-2». А остроумная система охраны тайны позволяла контролировать проникновение любого нежелательного гостя, а также выявлять попытки исследования территории базы дистанционными методами, с помощью спецустройств.

Джордан Мальгрив прибыл в «дом отдыха» как рядовой отдыхающий, привычно включился в контур контроля базы: «Сопровождение», «Сопровождение-два включено». В «окне» пси-видения замигала цифра «пять», и Мальгрив прямо из метро опустился на нижний горизонт базы, располагавшейся под центральным зданием дома отдыха, старинным, с колоннадой и огромными каменными чашами фонтанов у входа.

В помещении под номером «пять» начальника «контр-2» ждал Пауль Герцог. Говорили они, стоя, всего несколько минут, затем Герцог ушел, а через минуту в помещении, преобразованном видеопластом в беседку на скале, обрывающейся в море, появился Пайол Тот. Пожав руки, они сели в старинные кожаные кресла.

«Давайте проанализируем последние события, — сказал Пайол Тот, занимавший пост директора Института глобалистики. — Кое-что мне не нравится в создавшейся ситуации. С одной стороны, с философской точки зрения все идет нормально: происходящее иллюстрирует тот факт, что возможности, заложенные в социальной стадии эволюции, человек исчерпал. С другой стороны, культура как игровое пространство цивилизации далеко не использовала все свои варианты и умирать не собирается, несмотря на стремительное падение морали и отрицание нравственных норм. Парадокс. Вы не находите?»

«Нет, — ответил Мальгрив бесстрастно. — Столь глубокий анализ основ социума мне неподвластен. Для меня сейчас важны более конкретные проблемы. Скажем, недостаток профессиональных воинов класса Ставра Панкратова».

«Кстати, о Панкратове. Мы просили не использовать его по мелочам. Зачем вы натравили его на Алсаддана?»

Начальник «контр-2» поморщился, он не любил, когда термин «использовать» употребляли в отношении его сотрудников.

«Попытка захвата Алсаддана — личная инициатива Ставра. Анализ показал, что он был близок к успеху, но его план оказался недостаточно сумасшедшим».

«Подробности мне ни к чему. Поговорите с ним. Он способен решать более масштабные задачи. Зачем ему понадобилась эта шутка с захватом президента Совета безопасности?»

«Он опер перехвата...»

«Я о глубинах расчета, а не о профессиональной подготовленности».

«Думаю, Ставр догадывается об истинном предназначении «контр-2» и решил, образно выражаясь, пошевелить проволоку с навешанными на ней жестянками».

«Не понимаю».

«Это из глубокой истории. Триста с лишним лет назад, во время Второй мировой войны, линию фронта фашисты иногда ограждали изгородью из колючей проволоки с банками и бутылками. Стоило ее задеть...»

«А вы откуда это знаете?»

«Генная память. Что касается Ставра, то я говорил с ним. Он уже прошел Д-прививку и готов к штурму базы эмиссара. Правда, гарантий успеха дерево прогноза нам не дает. Я не уверен, что мы сможем проникнуть в Лайа-центр эмиссара».

«К сожалению, я тоже не уверен. Мы слишком поздно поняли, что главный выход в космос для человека — он сам, его психика, способная проникать, как теперь выясняется, внутрь элементарных частиц, внутрь кварков. Если бы наши ученые, в частности мой сын, начали изучать этот путь раньше, проблем с проникновением на базу эмиссара ФАГа не было бы».

«Однако и ФАГ, похоже, не овладел подобным способом преодоления пространства».

«К нашему счастью. Но к делу. Итак, ФАГ начинает «просачиваться» внутрь «контр-2», как мы и предполагали. Его агенты появились на базе Упсаала и на Меркурии, а также в синклите старейшин Всевече. Контроль обеспечен?»

«Проконсулов синклита надо выводить из игры, они слишком близко подошли к ФАГу и сидят на острие первого его удара».

«Хорошо, я соберу думу. Как вы считаете, стоит ли нам завтра штурмовать базу ФАГа?»

Мальгрив откинулся на спинку кресла, глянул с сомнением в твердое лицо Пайола Тота, ответил не сразу:

«Не знаю. Но если мы уничтожим базу... вместе с эмиссаром... то в Системе вполне может появиться его заместитель».

Тот кивнул.

«Нужен совет Грехова. У вас есть связь с ним?»

«Он появляется только тогда, когда отчаянно необходим, и там, где без него ничего сделать нельзя».

«Инфекция чужих законов начинает преобразовывать локальные объемы пространства. Возле Тартара обнаружен нестабильный элемент под номером пять, который изначально отсутствовал раньше в домене. То есть изменились н а ш и законы! Это несомненная удача ФАГа, и с этим надо воевать всерьез, на пределе. Пружина сжимается. Если мы не найдем союзников, а помочь может только Грехов, мы Войну проиграем».

Мальгрив покачал головой.

«Вы так не думаете».

Пайол Тот встал.

«Я не думаю, я знаю».

Он ушел, а Джордан Мальгрив, руководитель и организатор «контр-2», остался размышлять, что имел в виду глобалист.

К удивлению Ставра, Мальгрив не устроил ему разнос и не стал читать нотаций. Он лишь вздохнул и сказал:

«Снова начнут чесаться кулаки — предупреди заранее, может быть, я найду им достойное применение».

Все еще ломая голову над словом «достойное», Ставр прибыл на Меркурий, где его ждали отец и почти все проконсулы синклита, готовые поучаствовать в операции по розыску и штурму базы эмиссара в Солнце. Однако операцию полностью взяла под контроль «контр-2», и экспертам ничего не оставалось делать, кроме как стать простыми наблюдателями.

Ставр в зале базы снова встретил Анну Ковальчук, что его не обрадовало, но и не насторожило, хотя, по его мнению, физику-фридмонологу из группы Вивека-

нанды, изучающей Тартар, нечего было делать на секретной базе контрразведки. Уже первая случайная встреча с Анной здесь оказалась для Ставра полнейшей неожиданностью, но тогда он был занят другими делами и о необычности рандеву не думал. Теперь же, в связи с некоторыми намеками Мальгрива и собственными наблюдениями, эта встреча выглядела в ином свете. Если бы Анна работала на «контр-2», Джордан наверняка предупредил бы Панкратова.

Пока шла подготовка команды спейсера «Флокс» к походу в Солнце, Ставр отозвал в сторонку отца и поделился с ним своими сомнениями.

«Не бери в голову, — ответил Прохор. — Здесь есть кому заниматься контрразведкой. Ты что, плохо знаешь эту даму?»

«Я с ней поработал в одной команде больше года, но... — Ставр замялся, — не скажу, что знаю хорошо».

«Ну и успокойся. Тот, кто пригласил ее сюда, вероятно, знает лучше. Что у тебя с той девочкой, Виданой? Кстати, я ее почему-то не вижу здесь».

«Она получила какое-то задание от своего шефа в «погран-2». — Ставр вдруг отвел взгляд. — Она становится мне необходимой, па...»

«Ну, это еще не трагедия. — Прохор сжал плечо сына, улыбнулся. — Вот когда ты скажешь: жить без нее не могу! — тогда нам с мамой придется поволноваться. Надеюсь, волнения наши будут радостными?»

Об ощущениях Ставра, прошедшего Д-прививку, они не говорили, хотя Прохору очень хотелось узнать, что чувствует сын. Ставр же пока ничего особенного не испытывал, лишь легкое жжение кожи под мышками и в паху да редкие покалывания в нервных узлах по всему телу. Уже на следующее утро он испытал прочность кожи, воткнув в палец иглу и сломав ее. Но по большому счету к настоящим испытаниям готов не был.

— Внимание! Прошло сообщение Голоса Пустоты, — ожила рация «спрута-2». — Дословно: «Болезнь голубизны и левого поворота к счастью осыпающихся хризантем лечится отсечением головы вселенной в третьей фазе затмения. Спешите с курьером».

Отец и сын переглянулись.

«Звучит двусмысленно, — покачал головой Ставр, — особенно о «болезни голубизны».

Прохор помрачнел.

«Голос что-то все время пытается сообщить нам, но смысл его посланий становится все темней. Хотя насчет «отсечения головы» он прав, рубить ее надо. Я имею в виду голову эмиссара».

«Но о курьере он все-таки сказал напрямую. Не относится ли его намек на отправку посла к Сеятелю? Или вообще к Конструктору?»

Прохор не успел ответить. Началась активная фаза операции «Разведка-2», и ему, как командиру десанта, пора было собирать свою обойму, в которую входил и Панкратов-младший.

Надев и опробовав «бумеранги», оба вместе с группой десанта (полная упаковка, тридцать два человека) вступили на борт спейсера и расположились в отсеке десанта, связанные пуповиной «спрута», прислушиваясь к переговорам пилотов и диспетчера системы целенаведения. Последним в отсеке появился Пауль Герцог, занял место «крайнего нападающего», помахал рукой глядевшим на него Панкратовым.

То, что бывший комиссар безопасности идет в поход на базу эмиссара, повысило настроение Ставра, но в это время спейсер закрыл все люки, закуклился, приготовился к старту, и отвлекаться на разговоры стало недосуг.

Спейсер «Флокс» представлял собой машину пространства последнего поколения, текучестью форм, защитой и энерговооруженностью превышающую все современные космические аппараты, используемые человечеством. Но по сравнению с гигантами предыдущих моделей он показался бы маленьким и невидным, тем более что для маскировки всегда использовал форму грузового галиона. В данный момент он тоже представлял собой «галион» службы Солнца, контролирующей состояние дневного светила. По официальной версии такие корабли находились еще в стадии разработки, но «контр-2» уже имела несколько машин. На одной из них Прохор Панкратов ходил в глубокий поиск за пределы Галактики.

«Ни пуха, ни пера!» — донесся до команды спейсера пси-голос Джордана Мальгрива, одного из «углов»

квалитета ответственности. Вторым «углом» был Пайол Тот, третьим — Ратибор Берестов, оставшийся начальником стратегического сектора ОБ, несмотря на давление Еранцева.

«К черту!» — ответил драйвер-прима спейсера интраморф Джон Дэвил. Он был негром, работал где-то в Африке, и Ставр его не знал, но по отзывам Дэвил был отличным парнем, весельчаком и балагуром. Но главное — он был эрмом.

«Команде — готовность ноль!» — предупредил пилот десантную обойму.

«Ныряй», — коротко ответил Прохор Панкратов, назначенный командиром десанта.

«Пошел в кенгуру».

И спейсер, не отрываясь от слоистых скал меркурианского плоскогорья, метнулся по «струне» в фотосферу Солнца, к одной из двух «дыр», подозреваемых в наличии в ней Лайа-центра, управлял которым эмиссар ФАГа.

Благодаря ухищрениям ультраоптики десантники спейсера видели то же, что и пилоты, — все объекты сложнейшего «энергетического хозяйства» Солнца.

«Прошли корону», — доложил инк спейсера.

И все увидели колоссальный протуберанец, похожий на сияющую прозрачно-золотую медузу, поднявшуюся над краем Солнца на триста тысяч километров. Его изображение было синтезировано для человеческого глаза из доброго десятка электромагнитных диапазонов от инфракрасного до рентгеновского, но наибольшую яркость давал диапазон кислорода-6[1] при температуре триста тысяч градусов.

Кроме протуберанца, наблюдатели могли видеть и активную петлю из ионизованного газа, являющуюся частью внутренней короны и упиравшуюся в активную область рядом с «ямой», но петля не так впечатляла, как протуберанец, хотя и ее радиус — сто двадцать тысяч километров — давал хорошее представление о масштабах процессов на поверхности Солнца.

«Прошли хромосферу».

«Целеуказание снимаю», — прилетел голос диспетчера с базы Меркурия.

---

[1] Кислород, атом которого лишен пяти электронов.

Отсек десанта затопил бестеневой ослепительно желтый свет, в котором трудно было что-либо различить. Прохор выключил видеостены, и в отсеке стало темно, однако изображение солнечной поверхности продолжало передаваться непосредственно в глаза каждому десантнику, так что яркость и диапазон видимости можно было регулировать.

«Прошли обращающий слой».

Корабль приобрел форму плоской чечевицы и оделся в слой «абсолютного зеркала», позволяющий ему находиться не только в атмосфере Солнца, но и в его недрах с температурой в миллионы градусов и с гигантской плотностью. База ФАГа наверняка тоже скрывалась под «абсолютным зеркалом», поэтому Ставр не понимал, каким образом ее надеялся обнаружить драйвер-прима спейсера, но Прохор уловил его мысль и ответил:

«Мы подготовили для эмиссара бо-ольшой сюрприз! Дело в том, что «абсолютное зеркало», то есть собственно поляризованный вакуум, очень хитрым образом взаимодействует сам с собой, «перетекает» из объема в объем, обмениваясь хроноквантовыми потоками, искривляющими время. В качестве иллюстрации можно предложить движение лемоидов».

«Разве лемоиды используют искривление времени?»

«Задело, физик? Может быть, и не используют. Если бы ты продолжал работать на Тартаре, сам дошел бы до этого открытия. Ну вот, лемоиды генерируют трехмерный поток времени и живут то «параллельно» нашему пространственно-временному континууму, то «под углом» к нему. А процесс преобразования сопровождается сбросом пузырей «поляризованного вакуума».

Ставр, уязвленный профессионально, задумался над словами отца, но тот дал ему понять, что не время и не место обдумывать физические аспекты открытия.

«Мог бы и раньше сообщить эту новость, но ты был занят».

«Кто набрел на открытие?»

«Первым начал работать в нужном направлении твой дружок Степа Погорилый... вечная ему память! Подхватил Левашов, а закончил Ян Тот. Да и ты натолкнул Артура на кое-какие мысли, он тебе за это очень благодарен».

Ставр стиснул зубы, награждая себя нелестным эпитетом, но отец не лукавил: Левашов действительно недавно отзывался о работах Ставра с уважением.

«Барражирование в области полной тени», — сказал первый пилот спейсера. Он имел в виду, что корабль опустился в «тень» — на дно широкого углубления в солнечной поверхности с температурой около четырех тысяч градусов по Цельсию, в то время как температура поверхности за пределами пятна равнялась шести тысячам градусов. Углубление являлось торцом изолированной магнитной трубки диаметром в тысячу километров и было известно астрономам земли под названием «солнечное пятно». Таких пятен на Солнце насчитывалось порой до трех миллионов.

Полчаса прошло в тишине, лишь изредка нарушаемой репликами десантников да переговорами пилотов.

Под кораблем проплывали удивительные четкие структуры, похожие то на песчаные дюны, то на пчелиные соты, то на сложные переплетения раскаленных труб диаметром в километр и больше, и Ставр представил себе изумленные физиономии астрономов, впервые увидевших эту картину, когда стало возможным заглянуть сквозь атмосферу Солнца и увидеть ее поверхность в деталях. Небось долго все были уверены, что открыли «цивилизацию» на родном светиле. Хотя... кое-кто из серьезных ученых, тот же Артур Левашов, не отрицает, что на Солнце может существовать своеобразная плазменная жизнь, те же «улитки» например...

«Конец программе. Уходим в район-два».

Спейсер ввинтился в алое сияние атмосферы Солнца и спустя четверть часа вышел к другой «яме», заполненной скоплением солнечных «улиток» — плазменных баранок, проявляющих к этому месту подозрительный интерес. К тому же здесь зачем-то «пасся» чужанский «дредноут».

Эта «яма» представляла собой шестигранную конвективную ячейку диаметром всего в полтысячи километров. Ее филигранную структуру формировала сложная магнитная петля с напряженностью поля в три-четыре тысячи эрстед, и путешествовать внутри ячейки, держать точный курс было очень сложно. Внешние динамики доносили непрерывный гул и странные звуки, со-

провождавшие ураганы ядерного огня: скрипы, вздохи, шорох прибоя, прочий щебет, обрывки музыки, чьи-то голоса и крики. Слушать их было жутко, интересно, и сердце замирало...

У большинства десантников заболели от напряжения глаза, и они отключили изображение поверхности Солнца, но Панкратовы и не произнесший до сих пор ни слова Герцог продолжали разглядывать удивительные огненные пейзажи, жадно ловя новые детали и надеясь по каким-то признакам определить местонахождение базы. Они первыми наравне с аппаратурой спейсера увидели чужанский корабль, кажущийся черным и одновременно прозрачным — километровой длины уродливое «бревно».

— Черт возьми, а он что здесь делает? — раздался чей-то голос.

«Вопрос, конечно, интересный, — сказал Ставр, обращаясь к отцу. — Я все хотел спросить: неужели эмиссар не понимает, что чужанские «дредноуты» и «улитки» его выдают?»

«Во-первых, логику эмиссара разгадать трудно, — ответил Прохор, — а во-вторых, в Солнце сейчас торчит около двух десятков этих «корыт». И что они там делают — одному Богу известно».

«Или эмиссару. И все же, если база эмиссара находится здесь, с его стороны это прокол».

«Может быть, ты и прав. Чего-то мы не понимаем или не учитываем. Кое-кто из аналитиков, кстати, тоже получает странные результаты при эфанализе действий эмиссара. Анастасия Демидова, например».

В этот момент раздался ожидаемо-неожиданный возглас командира «Флокса»:

— Есть касание!

Корабль повело боком, сначала в одну, потом в другую сторону, хотя пассажиров от резких ускорений, встрясок, кувырков и дрожи он защищал надежно. Серия свистов разной тональности прилетела из глубин солнечного океана. Затем неистовый треск едва не разорвал барабанные перепонки, напоминая разряд исполинской молнии. Картина перед глазами десантников исказилась, размазалась, исчезла за фиолетово-розовой пеленой невесть откуда взявшегося тумана.

«Пошел отсчет!» — донесся буднично-спокойный голос Дэвила, и перед глазами Ставра замигали оранжево светящиеся марки времени.

«К бою!» — таким же будничным тоном отозвался Прохор Панкратов. Он до последнего мгновения не верил, что им удастся найти базу и подстыковаться к ней, поэтому ему пришлось преодолевать известное внутреннее сопротивление, но заметил это лишь Герцог.

На счете «ноль» силовая катапульта швырнула «пакет» десанта в брешь, пробитую компакт-генератором в оболочке объекта, размеры которого превосходили любой созданный людьми летательный аппарат.

Железовский ждал результатов поиска и штурма базы ФАГа у себя дома, имея доступ к сети связи всех тревожных служб, в том числе и «контр-2». Ему очень хотелось самому поучаствовать в рейде, но он понимал, что у каждого из них свой участок работы и своя область ответственности. Да и возраст не позволял ему и другим проконсулам синклита быть оперативниками быстрого реагирования, хотя сам Аристарх считал себя к этой работе годным без ограничений.

Выход на пси-связь с ним Габриэля Грехова оказался настолько неожиданным, что Железовский не сразу ему ответил.

«Слушай и не перебивай, патриарх, — сказал Грехов, еле видимый сквозь какие-то зелено-голубые струи, словно сквозь толщу воды. — Немедленно объяви тревогу степени АА всему контингенту контрразведки, а особо предупреди своих друзей: к вечеру запланирована акция по уничтожению всех экспертов синклита, работающих против ФАГа, а также их жен, родных и близких. Лучше всего вам всем скрыться — на Марс, на другие планеты, просто на погранзаставы, короче, уйти с Земли на время, уйти в «подполье», так сказать. Как понял?»

«Что еще?» — Железовский остался невозмутим, хотя не поверить Габриэлю не мог.

«С агентурным нападением вы еще справитесь, но с эгрегорным — нет, а именно это и планируется. В открытый бой нам вступать пока рано. Даже поиск базы

эмиссара — ошибка, а тем более намеченный вашей «контр-2» абордаж. Но это — тема отдельного разговора. Было бы лучше, если бы базу не нашли. Действуй, старик, времени в обрез!»

Грехов вышел из поля связи, исчез за «струями воды», и Железовский вдруг понял, что экзоморф находится в данный момент очень далеко от Земли, может быть, на Тартаре. В другое время Аристарх бы колебался, принимать слова Грехова на веру или нет, но Габриэль уже не раз доказывал, что его прогнозы сбываются стопроцентно. Не стоило игнорировать их и теперь. И Железовский вышел в поле Сил, чтобы связаться со всеми, кто имел возможность услышать его, где бы ни находился.

В течение полутора часов Аристарх искал соратников, убеждал их последовать совету Грехова, доказывал, уговаривал, ругался, приказывал, обосновывал, уверял, обещал убить или собственноручно запаковать в «саван» и спрятать на дне океана. В принципе он успел сделать многое, в том числе заявиться в погранслужбу к Барковичу, предупредить дежурных, а также от имени Шкурина объявить прямо из центра контроля ситуаций УАСС «три девятки» по треку, что означало объявление готовности всем службам управления. Но всех своих людей он, конечно, предупредить не успел, хотя ему через час начали помогать Баренц, Ратибор Берестов и Велизар.

ФАГ нанес удар в двенадцать часов по среднесолнечному времени, что соответствовало двенадцати ночи по времени Москвы.

Южномусанский, южнославянский, один из южнокитайских эгрегоров, эгрегоры прибалтов, ичкеритов и один из самых темных и таинственных — эгрегор якудза неимоверными по точности и мощи «залпами» обрушили на головы намеченных к уничтожению жертв «бомбы» пси-команд, ломающих волю, взрывающих сознание, останавливающих сердце, превращавших людей в идиотов.

Особенно мощные удары были нанесены по интраморфам, так или иначе подозреваемым в борьбе против «инфекции» ФАГа, многие из которых на самом деле были совершенно к этому непричастны.

Досталось и команде Баренца.

Был убит Веселин Железовский, сын Аристарха, понадеявшийся на свои силы, а также два интраморфа из обойм подстраховки, входившие в охрану Берестовых. Получили кровоизлияние в мозг, хотя и были спасены медиками, родственники Баренца, Забава Боянова, Ольга Панкратова, мать Ставра, и жена Мигеля да Сильвы, отказавшиеся покинуть Землю. Да и сам Мигель, как и Баренц, Железовский, Ратибор Берестов и зам Ги Делорма Лютиков получили достаточно жесткую встряску организмов, отнявшую много энергии и сил. Не пострадали практически лишь Велизар и Анастасия Демидова, которую оберегал сам Грехов, хотя об этом не знал никто, включая Анастасию.

К утру, когда атака боевиков ФАГа закончилась, стало известно, что исчезла Видана Железовская. О нападении Аристарх сообщил ей первой и был уверен, что девушка вовремя ускользнет из-под нависшей «дубины» эгрегорного пси-поля. Однако ни на один вызов Видана не ответила, будто ее уже не было в живых.

БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ
(Продолжение)

Капсула с обоймой десанта распалась на автономные защитно-боевые оболочки сразу после прохождения вихревой зоны бреши, образованной взаимодействием противоборствующих полей в месте касания земного спейсера и базы эмиссара. Эти оболочки, называемые десантниками «пузырями», были разработаны на базе «големов», но размеры и массу имели на порядок меньше, хотя ни в чем по степени защиты своим прототипам не уступали. В «пузырях» можно было в принципе некоторое время гулять по Солнцу, не боясь ни температуры, ни светового потока, ни силы тяжести. По сути каждый «пузырь» представлял собой как бы внешний энергетический скелет для человека, находящегося внутри, хотя единственное, чем отличался «бумеранг» с «пузырем» от обычного спецкостюма, было наличие на плечах формообразующих эффекторов в виде цветков лотоса.

Управлял движением десанта оперативный инк, да и десантники отлично знали свое дело, и поэтому «абор-

даж» выглядел движением разумного существа, вернее, разумного потока прозрачно-студенистой субстанции, стремительного, мгновенно реагирующего на появляющиеся препятствия, грозного, уверенного в себе и знающего конечную цель своего поиска.

В команде не все были интраморфами, но информация десанту поступала от каждого в течение долей секунды, препарированная, отсеянная, с рекомендацией каждому, как действовать в последующие секунды, и задержек не было. Целью же десанта был центр управления базы, а задачей — уничтожение центра и его начальника-эмиссара.

Видимо, защитные системы базы не ожидали проникновения противника в брюхо станции, потому что среагировали не сразу, а спустя две с лишним минуты после прорыва десанта, когда его поток уже овладел горизонтом, где была создана брешь, и катился дальше, ведомый тремя эрмами — Панкратовыми, старшим и младшим, и Герцогом, которые владели полем Сил и уже начали ориентироваться в многосложном теле базы.

Первой реакцией защиты была попытка исследования проникшего «вируса» с помощью своих анализирующих комплексов, что на деле выглядело как приличной мощности пси-выпад, ощупывающий внезапно вонзившееся в плоть базы инородное тело. Здесь уместно описать саму базу, что, конечно, займет гораздо больше времени, чем любое изменение обстановки, действие десанта и ответ иммунно-защитных систем станции.

База эмиссара по сути не отличалась от подобных объектов землян, то есть представляла собой квазиживой организм с единым «мозгом» и тремя главными исполнительно-сигнальными системами: обслуживания «физиологических» потребностей организма, энергоинформационной и защитно-сторожевой. Но были и принципиальные отличия, поскольку создавали базу неземляне, хотя и гуманоиды, и функционирование многих ее органов чувств базировалось на ином восприятии мира, иных психологических нормах и возможностях преобразования. Другими словами — техника базы, ее этические уравнения, оценочные шкалы и специфика строения тел создателей, — отличались от земных, что в данный момент больше играло на руку

десанту, а не защитникам базы, потому что он изначально имел задание искать не к о н т а к т а, не возможности договориться мирным путем, а конкретно и жестко ликвидировать главную управляющую, а не защитную силу. Без разведки боем, вообще без разведки, набирая «очки» в ходе операции.

Но и защита базы, проснувшись, не была настроена решать свои проблемы мирным путем, поэтому мясорубка началась, когда поток десанта достиг третьего горизонта, стратегически очень важного для обороны, так как именно здесь располагались механизмы реализации планов защитных систем и собственно центр управления базой.

По мере углубления в недра станции по коридорам, которые постоянно меняли размеры, направление, плотность среды, энергонасыщение и напряженность полей, десантный поток худел, вытягивался, утоньшался, пока не достиг предела «прочности на разрыв». Дальнейшее его суживание вело практически к разрушению единого организма, потере темпа и гибели, поэтому Прохор Панкратов, не медля ни мгновения, ввел в действие императив «половинного отступления», при котором голова десанта «отстреливалась» для решения индивидуальной задачи, а сам отряд несколько сокращал свое слишком похудевшее тело и, огрызаясь, постепенно отступал, ожидая голову, пока не истекло контрольное время возвращения.

Теперь вернемся назад, к началу прорыва, чтобы обрисовать картину стремительно расширявшегося фронта, картину боя, длившегося буквально считанные минуты до отделения головной ступени в лице Герцога и Панкратовых.

После неудачной попытки пси-прощупывания десанта мозг базы начал экстраординарно выходить из положения, в какое попал, с помощью набора программ, но не разработанных специально для данного случая, ибо конструкторы станции даже н е п р е д у с м о т р е л и подобного варианта, а синтезированных наспех из того набора, что имелся в памяти. И это дало десанту возможность отвечать на опережение, потому что люди как раз п р е д у с м о т р е л и панику псевдоразумного охранителя станции, разработав

множество штатных режимов, адекватно отвечающих ситуации.

Второй реакцией защиты станции была мощная шумовая пси-инъекция против «вируса» десанта, которую тот с легкостью парировал, закованный в кольчугу пси-защиты. А затем одна за другой начали накатываться волны «лейкоцитов» и «фагоцитов» — разного рода сторожей и охранников базы, от многовекторных механических эффекторов до компьютеризованных, самостоятельно решающих задачу уничтожения противника излучателей «огня и холода», безжалостно уничтожаемых в ответ «медузой» десанта.

Людям, не владеющим пси-видением, было труднее ориентироваться в вихре огня и льда, света и тьмы, мгновенно рождавшихся гейзеров атак и возникших «бездонных пропастей», но интраморфов в команде было все-таки больше, и действовали они все как единый, многорукий, многоглазый и многоголовый организм, управляемый не изнутри, а как бы извне — самой создающейся ситуацией.

Этот бой мог бы войти в анналы военных действий как самый скоротечный, стремительно меняющийся, многоресурсный и многовариантный, если бы кто-нибудь зафиксировал его на кассету. Но пришел момент отделения «головного блока» десанта, и ситуация резко изменилась.

Во-первых, обойма десанта перешла от наступления к обороне, чем тут же воспользовался мозг базы, а во-вторых, охрана станции пришла в себя, подтянула резервы и включила дополнительные контуры, о которых люди не имели понятия. И эти сюрпризы едва не сыграли решающую роль в судьбе десанта, если бы не действия «отделившейся ступени», вовремя уловившей изменение ситуации и включившей резервный императив «половинного спрямления траектории». Этот вариант предусматривал «струнное» разрушение участка базы по вектору цели — то есть в сторону мозга базы, выход отряда из боя в режиме «катапультирования» и выброс «головного блока» десанта к месту высадки по коридору разрушения, где их поймали бы спецловушки спейсера.

И еще раз вернемся к началу атаки, чтобы передать ощущения десантников и попытаться описать эффекты

боя, первого из такого рода военных эпизодов, удивительных по сочетаниям «удар-защита», разработанных совершенно разными экспертными системами двух цивилизаций — земной и той, к какой принадлежал эмиссар ФАГа.

Коридор, куда прорвались десантники после катапультирования, в принципе коридором назвать было трудно. Он представлял собой широкое ущелье, прорезанное в толще слоистых багрово-оранжевых скал, с густым лавовым потоком по дну, накрытое меняющим плотность туманно-фиолетовым покрывалом. Выход десанта обозначился в нем десятиметровым зевом пещеры в стене ущелья, из которого высунулись многосуставчатые лапы эффекторов системы поддержки поля, контролирующей размеры пробитой в защите базы дыры. Три языка десантного «организма» прянули из пещеры в разные стороны, два — недалеко, влево по коридору-ущелью и вверх, на его стену, для создания бастионов охраны входа, третий — вправо по коридору, туда, где интраморфы почувствовали биение энергоинформационного сердца базы.

Анализирующая пси-атака инка базы превратила коридор в тоннель с чередующимися решетками, преграждавшими путь, а затем тоннель этот стал сжиматься, вспыхнул ослепительным пламенем и попытался вывернуться петлей обратно к точке выхода, однако острие десантного копья огрызнулось ответным пламенем, более яростным и мощным (залп из аннигиляторов пробил стометровой длины «вулканическое жерло» в сплетениях скелетных конструкций станции), и отряд вырвался на второй горизонт базы, где его встретил «полк» местных витсов, похожих на скопления щупалец, лезвий и жал. Новый залп аннигиляторов разметал полк в стороны, а залпы из компакт-преобразователей скрутили в «струны» два последующих заслона из «панцирных танковых систем» (жутких бронированных туш, напоминающих носорожьи тела) и боевых операционных «призраков», защищенных не хуже «бумерангов», которыми был экипирован десантный отряд.

Новый коридор, в который попали десантники, снова изогнулся, изменил ориентировку, размеры, силу тяжести, плотность излучений внутри, пытаясь отбросить

продолжающее полет «копье» десанта, повернуть его обратно, однако новые удары «острия» разрушили и эту внутреннюю конструкцию; больше всего это напоминало процесс проникновения в «желудок» по одной из «кишок» мощной струи кислоты, пробивающей одну за другой стенки «кишок», стремящихся вывернуться, направить струю назад.

Ставр, как и отец и Герцог, видел больше, чем остальные: на видеокартинку, создаваемую инком «пузыря», накладывалась не менее красочная картина пси-видения, но описать ее словами не представляется возможным, ибо таких слов в человеческом лексиконе не существует.

Дальнейший путь отделившегося «острия» был недалек (всего два-три километра) и менее информативен: инк защиты базы начал применять методы, ограничивающие поступление информации, и усилил давление на людей в пси-диапазоне, сразу превратив «день огневого натиска» в «ночь плотного мешка, накинутого на голову». И Прохор Панкратов, сориентировавшись, отдал приказ возвращаться.

«Эмиссара здесь нет. Он давно вмешался бы и встретил нас, если бы присутствовал на базе».

«Но мы почти у цели! — возразил разгоряченный боем Ставр. — Еще минута, и мы пробьемся к центру!»

«Еще минута, и нас задавят! Императив «Кутузов»! Вариант «подарок»!

«Согласен», — сказал коротко Герцог.

Ставр подчинился.

Прощальный залп из генераторов свертки пространства, изобретенных каймaноидами, превратил значительную часть архитектуры «живота» базы в огромную многослойную губчатую трубку, упершуюся в центральный кокон базы, в ее энергетическое сердце с центром управления, узлом связи и системой метро, используемого эмиссаром, но большего десантники сделать не могли. Оставив «подарки», то есть колоссальной мощности мины из свернутого в семимерные компактные жгуты пространства с отрицательной энергией, они метнулись по дымящемуся полю боя назад, к ожидавшему их «телу» десанта.

Однако собрать удалось не всех.

В отсутствие головного отряда защитный инк базы преподнес два сюрприза, унесшие жизни восьми человек. Но проанализировать эти сюрпризы удалось уже дома, на Земле... А пока, втянув поредевший десант, спейсер отстрелил удерживающие его на теле базы «якоря» и в конспират-режиме ушел на «струну», к Меркурию, на свою базу. Удалось ли взорвать станцию, команда спейсера выяснить не смогла.

Вся операция по абордажу пристанища эмиссара длилась всего четырнадцать минут...

О новой атаке на интраморфов, самой жестокой и беспощадной из всех предыдущих, вернувшимся из рейда на Солнце стало известно, как только спейсер «Флокс» тихо сел под прикрытие пейзажного архитектора базы на Меркурии. И Ставр, даже не попрощавшись с отцом, тотчас же убыл на Землю, предварительно связавшись с Железовским в поле Сил.

Они встретились дома у Аристарха, где лежали быстро поправлявшиеся Забава Боянова и Ольга Панкратова, мать Ставра. Кроме этих двух женщин там же находились Ратибор Берестов и Анастасия Демидова, хлопотавшая возле своей дочери.

Ставр постоял у тела мертвого Веселина, выслушал рассказ патриарха и в двух слоганах передал результаты рейда на базу эмиссара. И тот и другой жаждали услышать подробности интересующих их событий, но если Панкратов мог ими поделиться, то Железовский ничего конкретного о судьбе Виданы не знал. Она ушла из дома до атаки боевиков ФАГа и не вернулась. Ни на один вызов через поле Сил она не ответила.

Угрюмо понаблюдав за приготовлениями патриарха к похоронам сына, Ставр позвонил деду по линии отца, пообещал заглянуть в ближайшие дни и вернулся домой, внимательнейшим образом исследовав подходы к дому и его внутреннее пространство. Однако никто в его отсутствие к жилищу не подходил, границы владений не нарушал, и лишь Терентий, более разговорчивый, чем обычно, рассказал о частых звонках неизвестных лиц. Кто-то настойчиво искал хозяина по связи и не хотел представляться.

Заниматься ничем не хотелось, сказывались последствия сверхнапряжения во время боя на базе, боль утрат, тяжелый психологический климат Земли, но Ставр все же заставил себя собраться и после ионодуша и часовой медитации сел за компьютер, чтобы вдвоем с инком разобраться в возникших проблемах.

Для начала он обзвонил всех друзей и общих знакомых в поисках Виданы, однако девушку никто из них не видел, а непосредственные руководители погранслужбы, в том числе и из «погран-2» — Ставр вышел на их уровень — ничего вразумительного сообщить не смогли. Во всяком случае никакого спецзадания она не выполняла и на связь не выходила.

Тогда Панкратов припомнил возникавшие в последние дни недоуменные вопросы и углубился в их анализ, используя все возможности системы «контр-2». Еще через час он сделал вывод об утечке информации из этой системы.

Вывод его не ошеломил, он предполагал нечто в таком роде, но действовать надо было незамедлительно, и Ставр скрепя сердце, понимая, что Железовскому не до него, вызвал тем не менее Аристарха к себе.

Проконсул синклита прибыл через двадцать минут, не задав ни одного вопроса, за что Ставр был ему благодарен. Они расположились в спальне, включили пси-фильтры, и Ставр поведал Аристарху свои выводы об утечке.

«База на Меркурии засвечена. Эмиссар ФАГа знал о наших намерениях и вовремя смылся с базы. Хотя с другой стороны, бояться особо ему было нечего, для штурма его базы сил одного и даже двух-трех спейсеров типа «Флокс» не хватало».

Железовский кивнул, потер свой загривок.

«Я знал об этом. Что еще?»

Ставр ошарашенно глянул на собеседника.

«Вы знали?!»

«Вероятно, это стратегия «контр-2», — нетерпеливо ответил человек-гора. — Чтобы это понять, не надо иметь семи пядей во лбу».

«Но ведь это означает, что среди нас — предатель!»

Железовский с мрачным сочувствием глянул на Панкратова.

«И кто же он, по-твоему?»

«Я не знаю, — растерялся Ставр. — Но это можно вычислить...»

«Валяй, вычисляй. Когда будешь уверен в результате — сообщи. У тебя все? Да, на твоем месте я бы не спешил докладывать о выводах Мальгриву».

«Вы что же, думаете, он...»

«Нет, не думаю, Джордан не просто интраморф, он эрм, и этим все сказано. Но существует закон: торопись медленно. Теперь что касается поисков Даны... вероятнее всего, она у К-мигрантов. Ищи их базу».

«Зачем Видана К-мигрантам?»

«Она слишком много знает о «погран-2» и «контр-2». К тому же она, как высокий эфаналитик, вышла на очень любопытные закономерности взаимодействия эгрегоров, что давно заинтересовало ФАГа. Помнишь нападение на мое шале в лесу? Искали программу расчета, который Дана неосторожно оставила в памяти игрового инка».

Двое мужчин молча смотрели друг на друга. Ставр впервые видел, как железный «роденовский мыслитель» колеблется, не решаясь что-то сказать. Наконец Аристарх справился со своими колебаниями, отвел взгляд, сгорбился.

«Это замысел высшего руководства, мальчик. Дану подставили специально, чтобы Ф-террористы захватили ее и прочитали то, что она знает».

«Дезинформацию!»

«Дезинформацию. — Железовский поднял глаза, и Ставр увидел в них боль и муку. — Я узнал об этом слишком поздно, иначе не допустил бы».

«Кто все это рассчитал?! Мальгрив? Пайол Тот?»

Железовский качнул головой.

«Существует глубоко законспирированное подразделение, неподвластное даже лептонной разведке ФАГа, разрабатывающее стратегию Войны с ним на многих уровнях, в том числе недоступных даже нам, интраморфам. Социум — лишь один из таких уровней, причем самый легкий, по-моему».

«Контр-3»?

«Нечто в этом роде. — Железовский встал. — Действуй, мальчик. Закончу необходимые процедуры и при-

соединюсь. Стратегия — стратегией но есть и кое-что святое».

«Извините. Я не подумал...»

«Понимаю, ничего... хотя мне сейчас очень тяжело, парень. Не каждый день теряют сыновей...»

Он ушел, а Ставр еще некоторое время сидел в кресле, убитый свалившейся на голову неожиданностью. Потом принял душ, тщательно оделся и вызвал такси. Через полчаса он посадил аэр возле избы Грехова.

Габриэль оказался дома, вышел навстречу из гостиной, одетый в фиолетово-черный махровый халат.

«Заставляешь себя ждать, эрм».

Ставр не удивился приему, он уже поверил в удивительные возможности этого человека, способного предвидеть многие события в мире.

«Я на минуту, извините. Исчезла одна девушка... Видана Железовская... вы, случайно, не знаете, где она?»

«Случайно, знаю. Проходи, попьем чаю и поговорим».

«Но очень недолго, у меня много дел... надо помочь Аристарху с похоронами... мало времени».

Грехов усмехнулся.

«Да и у меня его не так уж много».

Они уселись в мягком уголке гостиной, домовой приволок из кухни поднос со сливками, чаем, бутербродами, конфетами и фруктами, и оба принялись сосредоточенно пить чай. Потом Грехов сказал задумчиво, отвечая скорее всего своим мыслям:

«Да, мы завязли в мелких войнах внутри социума и теряем темп. Не потерять бы полученных преимуществ, что чревато проигрышем не только в тактике, но и в стратегии».

«Вы считаете, что у нас есть преимущества?»

«Разве ты сам этого не видишь? Эмиссар слишком долго отвлекался на борьбу с командой синклита, купился в деле с «контр-2», проиграл сражения с мощными нашими стариками, рассекретил свое оружие, хотя и не все, подставил под удар свой резерв — гуррах, то бишь кайманолюдей... Он еще не проиграл, но близок к поражению, однако добивать его не следует. Рано».

«Где Видана?»

«В лагере К-мигрантов. Вернее, на базе кайманоидов, которую мои бывшие спутники превратили в свое прибежище».

«Где она? В Фаэтоне?»

«В Фаэтоне был их сэкьюрити номинэ, то есть спейсер, играющий роль запасного командного пункта. Сама же база находится на родине кайманоидов».

«Но Даль-разведка до сих пор не обнаружила планету...»

«Я знаю, где она располагается. Ты готов пойти туда в составе ДР-группы?»

Ставр молча встал.

Грехов посмотрел на него снизу вверх, прищурясь. Сказал с непонятным сожалением:

«Да, в быстроте принятия решений вы с дедом схожи. Иди, готовься, сбор через час у меня».

Ставр хотел спросить, кто еще входит в группу, но сдержался, чувствуя, как сжалось сердце в предвидении опасного д е л а.

В принципе он был уже собран и «готов к употреблению», однако Ставр вернулся домой, еще раз проверил экипировку и связался в поле Сил с отцом, который все еще находился на Меркурии, разбираясь в причинах гибели восьмерых десантников. На предупреждение Ставра о том, что в «контр-2» сидит агент ФАГа, а сама эта организация «засвечена», Прохор не прореагировал никак, из чего Ставр сделал вывод, что отцу сей факт известен. Не взволновался старший Панкратов и по поводу того, что «контр-2» служит лишь плотной ширмой для прикрытия службы контрразведки более глубокого залегания. И этот факт он, очевидно, знал. На известие о пропаже Виданы Железовской заявил:

«Не суйся только без меня ни в какие авантюры. Разберусь тут немного и займусь поиском сам».

Ставр не рискнул сообщать отцу о договоре с Греховым и перевел разговор на другую тему:

«Как погибли ребята?»

«Четверых убила какая-то странная штуковина, похожая на белесую двухметровую опухоль, пока ее не расстреляли из компакт-преобразователя. По отзывам сви-

детелей, она не реагировала ни на лазер, ни на гравитационное копье, ни на выстрел из аннигилятора. Прыжок на десантника — и даже мокрого места не остается. А четверо погибли по неизвестным причинам. Признаки те же, что и в случае с Ги Делормом: остановка сердца, полное отсутствие пси-запаса, нервное истощение. Эксперты испытывают терминологические затруднения, называя это явление «пси-разрядом», «пси-миной» и «пси-аннигиляцией», но объяснить пока не могут. Ладно, держись, эрм, некогда мне. Как мама?»

«Нормально, скоро встанет».

Прохор вышел из контакта, и у Ставра упало настроение, все же с отцом следовало бы поделиться информацией, которую сообщил Грехов.

В последний раз окинув комнаты взглядом, Ставр собрался было уходить и с удивлением обнаружил, что к нему прибыл гость. Проследив за посадкой аэра, он еще больше удивился — это прилетела Анна Ковальчук.

— Привет, — сказал он, выходя ей навстречу.

— Привет, — сказала с улыбкой гостья, останавливаясь в метре от него на песчаной дорожке. — Ты, кажется, спешишь? Куда собрался?

— Надо уладить кое-какие дела, — не нашелся он, что ответить.

— Не на поиски ли своего счастья отправляешься? — все так же улыбаясь, продолжала девушка.

Ставру впервые не понравилось, как улыбается Анна. Он внимательно посмотрел на нее, отмечая, что не может, как прежде, преодолеть ее пси-блок.

— Извини, Анна, но у меня действительно деловая встреча. Если хочешь, заходи, подожди, у меня куча интересных инкигр, посмотришь мои работы.

— В другой раз, эрм. Хочешь, я скажу тебе, как погиб Ги Делорм?

Ставр мгновение глядел на девушку, вдруг осознавая, что это не та Анна Ковальчук, которую он знал, вспоминая предупреждение Железовского о пси-фантомах, неотличимых от реальных прототипов («Ты же не ожидаешь нападения от меня?..»), но сделать ничего не успел. Вернее, он, наверное, среагировал бы на выстрел, на боевой прием и вообще на любое угрожающее жизни действие, но к тому, что сделала Анна, он готов не

был. Гостья просто шагнула к нему и обняла... и ему показалось, что «сверкнула» черная молния, и он внезапно провалился в бездонный колодец, полный боли, тоски и неимоверного холода...

КОНТР-3

Архиепископ Константинополя—Нового Рима, Вселенский Патриарх Православной Церкви Варфоломей Иван I принимал прихожан в своей келье, запрятанной в недрах Бенисского монастыря.

Обычно прихожане являлись пешком, проходя от вокзалов метро Константинополя по живописнейшим склонам Унульских холмов, мимо не менее живописных развалин крепости Царьграда, столицы Византийской империи. Но монастырь имел также собственное метро, о чем знал очень узкий круг людей. А у патриарха была личная станция метро, о чем знал только он сам да инк охраны. Двое прихожан, которые в данный момент находились у патриарха, прибыли именно этим путем.

Варфоломей Иван I своим происхождением был обязан русской генеалогической ветви Патриарха Всея Руси Саввы III и болгарской ветви каноников православия, ведущей род от Романа Белева, агемона Софии. Шел патриарху всего девяносто второй год, но выглядел он на все двести: высокий, сутулый, худой, буквально высохший как скелет, лысый, с остатком седых волос на висках, — отшельник, проведший в пустыне не один десяток лет без воды и пищи. Однако взгляд его был полон энергии, силы и магической власти, способной остановить любого, кто захотел бы причинить ему вред.

Гостями патриарха были Пайол Тот и Джордан Мальгрив, хотя вряд ли кто-нибудь мог узнать их в обличьях столетних седых старцев. В келье Варфоломея они бывали не раз, но привыкнуть к тому, что это — целый мир с дремучим лесом, рекой, горами и небом с вечной луной в десять раз больше земной Луны, не могли, хотя вполне понимали термин «хронопетля». Потому что келья патриарха по сути и была своего рода петлей во времени, «перпендикулярным тупиком», созданным то ли са-

мим патриархом, то ли оставшимся со времени рождения метагалактики с «многопузырчатым» пространственно-временным континуумом.

Входом в «келью» служила картина в тяжелой бронзовой раме, висящая на стене личной молельни патриарха. Картина изображала уголок старинной русской избы с иконой Божьей Матери, перед которой теплилась неугасимая лампада. Войдя в картину, гости действительно оказывались в избе, окруженной мощным лесом на фоне закатного неба с огромным бледным диском Луны.

По обычаю перекрестились перед иконой и сели в горнице за отсвечивающий медвяной желтизной деревянный стол, который тут же был накрыт скатертью и заставлен яствами в старинном славянском стиле, не отведав которых, беседу нельзя было начинать. Поэтому трапезничали молча и долго, не торопясь, зная, что во внешнем мире за все время пребывания здесь истечет буквально один квант времени. Затем так же не торопясь повели разговор, причем не мысленный, а словами, изредка добавляя слоган-обороты для образности речи. Это тоже было традицией и соблюдалось неукоснительно.

Когда приступили к напиткам, хозяин с улыбкой предложил «исповедаться». Голос его был тих, приятен и звучен.

«Давайте начнем с беспристрастной, так сказать, скалярной оценки информации, если не возражаете.

— Универсальная скалярная оценка информации невозможна в принципе, — сказал со свойственной ему прямотой Пайол Тот. — Оценки всегда векторны.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Данные, полученные в плоскости низших измерений, сохраняют значимость только в пределах этой плоскости. Это знали еще наши предки[1]. Но все же попытаемся оценить и уровень выше. Тем более что правила Игры более высокого порядка могут осуществляться лишь благодаря тому, что существуют элементарные правила.

— Это метаэтика. Вы прекрасно знаете, что смена законов неизбежна. А это ведет к полному уничтожению

---

[1] В. Франкл.

культурогенеза в домене, что, естественно, волнует нас, но вполне может не волновать Универсум. Я вообще сомневаюсь, что существует высшая этическая система, моральные ценности которой имеют абсолютный и объективный характер. Что ценно для нас — не обязательно ценно для Вселенной, для Универсума.

— Вы не совсем правы, коллега. Трансформационные законы высшего уровня, то есть целостные тактики, осуществляются только через детерминанты законов низкого уровня, то есть разрешенные ходы фигур. Другое дело, что Второй Игрок, Логос, или, как его назвали, — Фундаментальный Агрессор, начал разрабатывать версию запрещенной Игры, которая находится вне сферы санкционированных Универсумом правил Игры, что превращает ее в Войну. Но я уверен, Универсум знает об этом и примет меры.

— Однако мы к тому моменту можем перестать существовать. Вести свою войну nec plus ultra[1] Универсума мы не сможем.

— Нам и не следует стремиться к этому. Всяк сверчок должен знать свой шесток. Но защитить свой дом мы в состоянии.

— Не уверен. Простите, патриарх. Поле вариативной свободы неуклонно сужается, уменьшая наши возможности и шансы выиграть Игру даже в пределах местного скопления галактик. Что из того, что мы стабилизировали Игру-Войну в пределах контролируемой нами зоны космоса? Эмиссара ФАГа в Системе мы, конечно же, в состоянии ликвидировать, но это самый низкий уровень вмешательства Игрока. С эмиссаром второго уровня, отвечающего за скопление галактик, справиться без поддержки будет очень сложно. А третий уровень эмиссара, отвечающего за ведение Игры в метагалактике, нам вообще недоступен.

— Поэтому я и предлагаю, — вмешался в разговор Мальгрив, — не трогать базу эмиссара на Солнце и его самого. Пусть считает, что наших сил не хватает для его ликвидации. А мы тихонько будем искать выходы на союзников помощней, чем эмиссары второго и третьего уровней.

---

[1] До крайних пределов *(лат.)*.

— Может быть, вы правы, Джордан, — сказал Варфоломей Иван I после паузы. — Вероятно, нам следовало бы так поступить. Но тем самым мы снова подставим под удар дорогих нам людей. А главное, пострадают и совершенно невинные люди, даже не подозревающие об Игре. Мы и так совершили тяжкий грех, подставив старейшин синклита, их друзей и близких под удар ФАГа, хотя и во имя высших соображений. И да простит нас Господь!

Пайол Тот хотел что-то сказать, но передумал, взялся за чашку чая. Патриарх повернул голову к Мальгриву.

— А вы как считаете, Джордан?

— Я делаю все, что в моих силах, и на том уровне, который мне доступен. Умом я все понимаю, но «внутри весь плачу», как сказал один из героев литературного произведения. — Мальгрив грустно усмехнулся. — Я даже подумывал об отставке. А потом спросил себя: если не я, то кто же? И все стало на свои места. Кстати, я до сих пор не понимаю одной простой вещи: зачем ФАГу вообще воевать с человечеством, да еще на двух планах — физическом и пси-реальном? Ведь его уровень — уровень Закона Вселенной! Мы — игроки не его масштаба.

Пайол Тот покосился на шефа «контр-2», но снова промолчал. Не спешил с ответом и Варфоломей Иван I.

— Понимаете... — Пауза, беглая улыбка на губах, сложный и тонкий слоган недоступных понятий и эмоций. — Дело в том, что человечество — потенциально магическая раса. Концепция, утверждаемая ортодоксами, что якобы Архитекторы и Конструкторы готовили вселенную для появления Инженеров, а не людей, что якобы мы — можем, но не должны существовать, — не совсем верна. Да, Инженеры не появились в нашей метавселенной. В мир пришли мы, люди, и десятки других разумных рас, половина которых уже закончила свой путь, но... но уже выросли файверы, носители Пятой волны разума, которые г о т о в ы стать Инженерами. И поэтому Игрок, то есть ФАГ, не хочет рисковать.

Пайол Тот опять попытался было вставить слово, но с видимым усилием сдержал себя. Варфоломей Иван I глянул на него понимающе, кивнул, видимо отвечая сво-

им мыслям, однако обратился не к нему, а к начальнику «контр-2».

— Надеюсь, вы настаивали на личной встрече не только для того, чтобы задать общефилософский вопрос и подискутировать?

— Патриарх, мне нужен ваш конкретный совет. Мы намеренно допустили утечку информации по «контр-2», эмиссар клюнул на дезу и готовит экстренные меры по уничтожению нашего укрепрайона. Мы соответственно готовим контрмеры и своего момента не упустим. Но кроме Виданы Железовской, добровольно согласившейся на эту операцию, К-диверсанты захватили и Ставра Панкратова. Об этом знает его отец и... — Мальгрив помолчал и с неохотой добавил: — и Габриэль Грехов. Они каким-то образом выяснили координаты базы до того, как наступит час «икс». Если Панкратова я еще могу попробовать отговорить от этого шага, то Грехова мне убедить не удастся. Судя по доходящим до меня слухам, он отнесся к идее с дезинформацией резко отрицательно.

— Я знаю. — Патриарх сморщил лицо. — Он только что высказал мне свою точку зрения. И я уже начинаю жалеть, что согласился с предложенным вами планом дезы.

— Это был мой план, — сказал ради объективности Пайол Тот. — Но я не считаю его негодным и неэтичным. Мы спасаем не себя лично и даже не группу избранных, но метавселенную!

— Звучит красиво, однако патетику я не люблю. Джордан, чтобы контролировать ситуацию, вам остается лишь подключить ваших оперов к группе Грехова. Пусть все идет так, как идет. Выручайте ребят, Видану и Ставра. Мы их подставили, мы обязаны и спасти. Что еще вас беспокоит?

— Что делать с предателем? — мрачно спросил Мальгрив.

— То есть с Баренцем, — уточнил Пайол Тот.

Варфоломей Иван I вздохнул, откидываясь на спинку кресла и закрыв глаза. Сказал тихо, с болью в голосе:

— Он не предатель, Джордан. Он з а к о д и р о в а н! И не виноват в том, что не выдержал эгрегорного

удара во время того злополучного визита к Алсаддану. Я думаю, мы пока ничего не должны делать. Кодирование такого уровня, какому он был подвергнут, нашими силами размотать невозможно.

— Но он м е ш а е т. И скоро поймет, что мы все знаем. На какой шаг запрограммировал его эмиссар ФАГа, неизвестно.

— Что вы предлагаете?

Мальгрив молчал. Молчал и Пайол Тот. Тишина в келье сгустилась и превратилась в готовую упасть на голову волну цунами...

ЗАКОДИРОВАННЫЙ

Легкость в теле была странной, сродни внезапному приступу невесомости. Но тела он не ощущал, как не чувствовал ни жары, ни холода, ничего. Похоже, он даже не дышал, потому что здесь, в этом нереальном пространстве, пронизанном потоком оранжевого, с красными переливами, света, воздуха не было. Зато летали вполне реальные на вид, перистые или кристаллически ограненные, но асимметричные булыжники. «Астероиды», так сказать. Некоторые из них превосходили по размерам гору величиной с Монблан, а иные были совсем крошечные, неприятные на вид, и цвет у них был серый либо черный с фиолетовым отливом. А вот цвет крупных «астероидов» изменялся время от времени, особенно когда они сталкивались и начинали танцевать друг возле друга. Тогда их цвета тоже начинали «плясать» в ритме танца, хотя и не выходили за пределы красного и инфракрасного диапазонов. А потом Ставр сообразил, что «камни» таким образом разговаривают, и начал прислушиваться, пока не научился их понимать. Последний такой разговор состоялся, когда три особо крупных «булыжника» подлетели совсем близко и начали описывать сложные траектории вокруг еще одного «астероида», напоминающего по форме зародыш в утробе матери.

Каким-то образом Ставр был связан с этим «ребенком», хотя и не понимал почему.

— Так вот кто должен был меня ликвидировать, — сказал один из «астероидов», огромный, слонообразный,

кроваво-красный, с черными дырами и оспинами. — Забавно. Я едва не поверил, что этот эрм способен сразиться со мной на равных, даже усилил трансляцию гипнореальности на Земле. Как вам удалось «погасить» его?

— Он еще жив, — отозвался второй «астероид», поменьше, тусклее и багровей. — Хотя после столкновения с брандером выжить практически невозможно. Ги Делорм, во всяком случае, атаки не выдержал. Но этот экземпляр гораздо сильней. Правда, мы его все равно закодируем, надо лишь подобрать программу для его уровня.

— Он знает руководство «контр-2»?

— Конечно, поскольку сам работник глубокого сектора «контр-2», — сказал третий «булыжник», еще меньше и черней. — Мы уже выкачали всю его оперативную память. Глубокие горизонты все еще заблокированы, но доберемся и до них.

— Запрограммируйте его на ликвидацию всех руководителей синклита и «контр-2». Вряд ли они будут ждать от него удара в спину.

— А что делать с девицей?

— Уничтожьте. Впрочем... пусть живет. Ей мы введем программу ликвидировать самого Панкратова, когда он выполнит задание. Таким образом мы убьем двух зайцев: лишим защитную систему хомо властного корпуса, разрушим всю их иммунную систему и снимем с девицы все подозрения в зомбировании. А когда она понадобится нам снова...

— Понял. Сделаем, Демиург. Агент «воевода» сообщает, что «контр-2» готовит операцию по освобождению этих двоих. Каким-то образом они узнали координаты базы-2. Предлагаю базу перевести в другое местечко.

— Ни в коем случае! Пусть штурмуют. Весь персонал и десантный полк гуррах пересадить на борт моего резервного ковчега, где уже побывали наши уважаемые враги. Здесь оставить лишь роту прикрытия для создания эффекта достоверности. Надо же противнику преодолевать какие-нибудь трудности, чтобы отбить своих?

Два «астероида» засмеялись, рождая в своих глубинах рубиновые всполохи. Потом потемнели.

— Демиург, как им удалось проникнуть на борт вашего ковчега?

— Пока это загадка для меня. — «Астероид» перестал кружить вокруг «зародыша»-Ставра, голоса их стали глуше, то есть бесцветней. — Похоже, нашему противнику удалось решить проблему взаимодействий «абсолютных зеркал». У них есть блестящие ученые — Левашов, Тот, Зелинский, Маршавин, Штерн...

Голоса—вспышки цвета перестали мерцать, стихли, «булыжники» растаяли в багровом свечении небосвода. Ставр остался один, хотя изредка сквозь свечение проступали неясные контуры других летающих «камней», а иные из них проплывали мимо торжественно и грозно.

Так прошел час, год, сто лет, пока не показался знакомый «астероид» с обилием черных пор и каверн, остановился рядом. И тотчас же все изменилось.

Ставр увидел огромное помещение странной формы, но с плоским и гладким темно-коричневым полом, несколько возвышений со сложными устройствами, напоминающими медицинские комбайны с кроватями-камерами для пациентов. На одном из них лежал он сам, но видел свое тело как бы со стороны, словно душа его висела, никем не видимая, чуть в стороне и выше, безучастная ко всему, что происходило вокруг.

Возле камеры стоял кайманоид и разглядывал Ставра узкими, прозрачно-зеленоватыми глазами. Что-то сказал (Ставр ощутил радиовсплеск) и тотчас же к ним подошел человек, в котором Панкратов узнал К-мигранта Григория Грига.

— Он очнулся, — сказал кайманоид беззвучно; его речь «отделенная от тела» душа Ставра воспринимала как пульсации всего объема помещения.

Григ всмотрелся в неподвижное лицо Панкратова.

— Ты прав. Когда можно будет приступить к программированию?

— У нас нет времени на оптимайзинг, программировать надо немедленно.

— Но он может не выдержать нагрузки.

— Это его проблемы. Однако у нас есть кое-какие сомнения... мы не уверены...

— В чем?

— В полном контроле над его сознанием. Но корректно доказать это с нашей аппаратурой невозможно.

— После такого удара ни один человек сопротивляться не в состоянии. Чудо еще, что он выжил. Начинайте кодирование.

— Мы наткнулись на еще одну загадку, маэстро. Его кожу невозможно проколоть никаким инструментом. Разве что лазерным лучом. К тому же сопротивляемость его организма любому медикаментозному вмешательству превосходит все известные нам методы химического кодирования.

— Этого не может быть!

— Это факт, маэстро.

У дальней стены помещения вспыхнули прозрачные языки сине-фиолетового пламени, задвигались фигуры, из пола выросли серебристые рога, что-то взволнованно залопотали кайманоиды. К-мигрант и гуррах-медик оглянулись на них.

— Нарушение изоляции, — сказал кайманочеловек. — Кто-то стучится к нам извне, но это не штурмовая бригада «контр-2». Что прикажете делать?

— Включайте кодирование по упрощенной схеме, в темпе короткого замыкания.

— Но при этом образуется обратная связь...

— Приступайте. Как только программа будет введена, уничтожайте оборудование и уходите, дальнейшая судьба этих людей вас беспокоить не должна.

Григ ушел. Кайманоид еще некоторое время с сомнением разглядывал лежащего человека, потом закрыл колпак камеры, и Ставру показалось, что на него рухнул потолок...

Следующее пробуждение походило на первое, но в отличие от него сопровождалось «шумом и шатанием». Казалось, на него со всех сторон сыплется песок, попадая в глаза и размывая изображение предметов, а пространство вокруг содрогается и плывет. Разглядеть сквозь «струи песка» почти ничего не удавалось, лишь изредка происходила какая-то метаморфоза, песок становился прозрачным, хотя и продолжал сыпаться, зрение восстанавливалось, и Ставр начинал видеть с изумительной четкостью, а также слышать все звуки и ощущать все виды излучений. В такие моменты он совершенно отчетливо понимал, что живет как бы вне тела и одновременно в изолированном «бункере» голо-

вы Ставра Панкратова, недоступный никаким локаторам кайманоидов и даже сознанию самого хозяина, пришедшего в себя и подчиненного какой-то внедренной в него целесмысловой программе, которая осознавалась как собственный замысел, отвечающий внутренним убеждениям. Одним из таких убеждений было осознание необходимости освободить мир от «скрытых носителей зла», коими являлись интраморфы. Их всех надо было уничтожить, а начать Ставр решил с Аристарха Железовского, представлявшего наибольшую опасность для человечества.

Второе «Я» Ставра понимало всю абсурдность этих убеждений и планов, однако пробить стены «бункера», достучаться до ясного сознания первого «Я» не могло, не хватало ни сил, ни желания. К тому же за стенами «бункера» его поджидали какие-то жуткие твари, сторожа сознания, также внедренные чудовищной машиной гуррах и контролирующие внутреннее пространство личности закодированного, с которым второе «Я» пока не могло бороться на равных. Надо было ждать благоприятного момента и просачиваться, просачиваться, просачиваться в тайники подсознания хозяина, перестраивать его исподволь, восстанавливать память, шкалу оценок, моральные критерии, чтобы в точно рассчитанное время, в один миг, волевым усилием возродиться в прежнем виде.

Он не уловил момента, когда на базу кайманоидов началась атака отряда «контр-2», возглавляемого Железовским. Да и дальнейшие события помнил разорванно, словно в памяти образовались провалы, лакуны, стершие основные эпизоды кодирования и штурма. Грехова, например, он так и не увидел, хотя впоследствии узнал, что экзоморф присутствовал и даже лично уничтожил охрану медотсека, где находились плененные Ставр и Видана. Но помочь атакующим Ставр ничем не мог.

Окончательно он пришел в себя уже на Земле.

Три дня спасенные отлеживались в бункере под Тибетом, получая уход, которого вряд ли удостоился бы любой из тех, кто за ними ухаживал. А ухаживали в основном бабушки и мамы, да отец Ставра заявлялся неоднократно, чтобы сын не чувствовал себя брошенным

и виноватым. Он же сообщал и последние новости, хотя Ставр сам выходил в поле Сил и черпал оттуда информацию любого уровня.

Штурм базы гуррах, расположенной, как оказалось, на Меркурии (!), примерно там же, где находилась и база «контр-2», мог закончиться весьма печально, если бы не Габриэль Грехов, который вовремя обнаружил, что база заминирована. Взорвалась она, образовав гигантский кратер, как только последние защитники базы покинули ее через канал метро. Но и люди, предупрежденные Греховым, успели убраться оттуда до взрыва.

Таким образом сотрудникам «контр-2» не удалось определить ни местоположение новой базы, ни контингента ее охраны, ни принципов управления силами Ф-террористов эмиссара ФАГа. Правда, к этому они и не стремились, но знал об истинных намерениях «контр-2» лишь ее руководитель Джордан Мальгрив.

На третий день своего вынужденного отдыха Ставр составил наконец программу своих действий по ликвидации патриархов синклита и руководства «контр-2» и принялся за подготовку первой операции. Как и намечалось, удостоился чести быть первым Аристарх Железовский.

То, что Ставр стал замкнут и скрытен, ухаживающие за ним отнесли к последствиям пси-контузии, которую он пережил. Даже мать не смогла прочитать, что творится в душе сына, пережив стресс дважды: во время нападения на нее и когда ей сообщили, что сын захвачен Ф-террористами. Знала истинное положение вещей лишь Видана, однако и она вела себя подобным же образом, что добавляло достоверности к версии о «пси-контузии».

Они ужинали в одиночестве, перебрасываясь незначительными репликами, без оживления и радости, когда в бункер заявился Железовский. Он обнял Видану, пожал руку Ставру, сел рядом и с видимым удовольствием съел бутерброд с икрой и выпил чашку кофе.

«Твой дед вышел на агента ФАГа в своем секторе, — сказал он, разглядывая равнодушное лицо Панкратова. — Но мы решили оставить его в покое, по пословице: «Свободный черт лучше связанного ангела».

Ставр промолчал.

«Вече наконец признало факт Ф-терроризма. Помог СЭКОН, да и твой дед выдал информацию, а Мальгрив добавил. Так что мы начинаем вылезать из болота, куда нас по горло всадил ФАГ».

Панкратов снова не отозвался. Видана посмотрела на него, сказала без улыбки:

— Не трогай его, дед, он получил бесценный опыт в общении с девушками и теперь долго будет переваривать.

Она знала, каким образом Ставра застали врасплох: Анна Ковальчук на самом деле как работала на Тартаре, так и не покидала исследовательскую станцию, а ФАГ просто создал пси-брандер, идеальный пси-фантом, использовав ее облик. Знал это обстоятельство и Аристарх. Проворчал с мрачным неудовольствием:

«Опыт не имеет этической ценности, это просто название, которое человек дает своим ошибкам. Изречение принадлежит Оскару Уайльду, но я с ним согласен. Не я ли говорил тебе, парень, что следует ждать подобных провокаций? Кстати, почему ты не носишь разработанный нами опознаватель личности?»

Ставр подождал, пока по сети «спрута» передадут очередное сообщение Голоса Пустоты (бессмысленный набор слов), и сказал все так же равнодушно:

«Виноват, исправлюсь. У меня к вам дело, Аристарх».

«Говори».

«Не здесь. Видана еще слаба и посвящать ее в наши планы не стоит, иначе она снова опередит нас и сорвет тщательно разработанный план».

Девушка побледнела, неотрывно глядя на Ставра, медленно встала и вышла из гостиной бункера.

Железовский покачал головой, исподлобья глянул на контрразведчика, перешел на личный канал пси-связи:

«Напрасно ты ее обижаешь, эрм. Какая кошка между вами пробежала?»

«Я все объясню. — Ставр встал. — Идемте, время не ждет».

«Куда? Мы прекрасно можем поговорить и здесь».

«Я хочу кое-что показать вам у себя дома. По дороге поговорим о Видане».

Железовский, не говоря больше ни слова, вышел. По пути к метро заглянул в медотсек, сказал что-то внучке

и втиснулся в кабину метро, придавив Ставра. Вскоре они высаживались из такси у дома Панкратовых.

«Ты хотел поговорить о Дане», — напомнил Аристарх.

«Она закодирована», — бесстрастно сказал Ставр, открывая дверь и приглашая человека-гору войти.

Железовский хмыкнул, остановился посреди прихожей, все так же оценивающе разглядывая хозяина. Расспрашивать, что и как, он не спешил.

«У тебя есть доказательства?»

«Эти доказательства — в ее психике. Поговорите, прозондируйте и все поймете».

«Хорошо, поговорю. — Проконсул синклита остался спокоен. — Ну, а что ты хотел от меня? Что за план ты разработал?»

«Убить вас. — Ставр сделал шаг к нему. — А потом всех остальных. И я это сделаю».

«Валяй». — Человек-гора не пошевелился, только перестал излучать в диапазоне доброжелательности и отеческой снисходительности.

Ставр перешел в режим инсайта и прыгнул к нему, с выплеском энергии нанося удары в шею и в голову, способные убить любого человека на Земле. Железовский подставил блок, но третьего удара удержать не успел и кувырком отлетел в гостиную. Без обычного стандартного подъема он сделал подкат и встретил Ставра в полете, использовав прием, который лишь недавно стал известен обоим, ибо входил он в арсенал рукопашного боя, изученного и записанного Греховым. Ставр влип в стену, но остановить его этот удар не мог, потому что рассчитан был на кожу и мышцы обычного интраморфа, а Ставр перестал им быть после Д-прививки.

«Д-прививка, — догадался Аристарх, останавливаясь на мгновение, дыша бесшумно и легко. — Они учли и это...»

Ставр снова прыгнул к нему, сделал обманное движение, нырнул под удар и провел серию «ливень», пытаясь сопроводить физический прием на уровне пси-атаки. Но у него ничего не вышло! То есть удары достигли цели, стодвадцатикилограммовый патриарх улетел в угол, круша старинную мебель, но вызвать пси-резонанс Панкратову не удалось.

«Отлично дерешься, сынок, — сказал Железовский, поднимаясь уже не так быстро, как раньше. — Но не пытайся выйти в поле Сил на горизонте боевых искусств. Мы отключили тебя от эгрегора, предполагая нечто вроде того, что ты пытаешься сделать».

«Это вам не поможет!»

Новая атака отбросила Аристарха к спальне. Ставр оказался рядом еще до того, как Железовский, почти ослепший от удара, начал ответную контратаку, приготовился к добиванию... и в этот момент второе «Я» Панкратова сломало наконец стенки узилища, завладело сознанием Ставра и задавило программу, внушенную мощнейшим гипноиндукционным генератором кайманоидов.

Ураган ударов стих.

Железовский с трудом встал, поворочал гудящей головой, потер шею, сморщился.

— Не хотел бы я оказаться на месте твоих врагов, сынок!

— Убейте меня! — глухо выговорил Ставр.

— Это могла бы сделать и я, — раздался голос за спиной. — И еще минуту назад я готова была это сделать.

Ставр оглянулся. У него даже не было сил, чтобы удивиться: он не почувствовал, как в доме появилась Видана.

В гостиную вошла бледная как мел внучка Железовского в «бумеранге», с плеча которого смотрел на Ставра зрачок «универсала».

— Но мне вовремя удалось справиться с внушенной программой тех монстров. Видимо, гуррах торопились и не довели дело до конца. Дед, ты жив?

— Жив, жив, — проворчал Аристарх, продолжая растирать шею. — У этого мальца не руки, а кувалды! Еще парочка таких ударов, и остались бы от меня рожки да ножки. — Он тяжело сел в уцелевшее кресло, глянул на Панкратова с уважением. — Не терзайся понапрасну, сынок. Ты сам справился с собой, как и эта вертихвостка, а это главное. Спасибо, ребята.

В доме появились какие-то люди, но, поскольку Железовский остался спокоен, не отреагировал и погасший Ставр. Зазвучали пси-голоса, в гостиную вошли один за другим Пауль Герцог, Прохор Панкратов и Ратибор Бе-

рестов. Все трое остановились, разглядывая разгром в комнате. Затем Берестов сказал с усмешкой:

«Что, досталось, старик?»

«Все нутро отбил, — ответствовал с кряхтением Железовский. — Ничего себе, воспитал внучка!»

Пауль Герцог засмеялся, подмигнул Ставру, обнял за плечи Видану, отвел в угол, шепча что-то на ухо. К Ставру подошел отец, положил руку на локоть.

«Ну, как ты?»

«Плохо... — На глаза навернулись слезы, но Ставр не дал им скатиться по щекам. — Вы что же, рассчитали и ждали, пока я... тут?..»

«Мы были готовы ко всему. Ты ведь мог начать с любого из нас. А ждали... мы верили в тебя, мальчик. Задавить в тебе человека они не смогли, эрмы Ф-террористам не по зубам».

«Но от эгрегора вы меня все-таки отсоединили...»

«Только ради тебя, мальчик. Дело в том, что мы наконец разгадали тайну Ф-террористов, использующих все излучение родового эгрегора, и теперь можем делать нечто подобное сами. Если бы мы не отключили твою психику от эгрегора, любой неосторожный жест Аристарха вызвал бы направленный пси-залп. Можешь представить, чем бы это закончилось. Ладно, приходи в себя, отдыхай, потом поговорим. Я побуду рядом и...»

«Если не возражаете, я побуду с ним», — сказала Видана, не сводя глаз с измученного лица Ставра.

Мужчины переглянулись. Железовский встал.

«Пошли, аксакалы, все будет нормально. Пусть дети побудут вдвоем».

Все вышли, по очереди хлопая Става по плечам и спине, а он стоял, закрыв глаза, и не знал, что делать, то ли плакать, то ли смеяться. А потом к его губам прижались сухие, вздрагивающие, горячие губы Виданы...

ПРОРЫВ

Уже месяц над одним из отрогов Тибета — Алинг-Гангри царило необычное оживление. То и дело с небес на горные вершины пикировали капсулы гидрометеоконтроля, машины погранслужбы, юркие витсы

строительной компании «Тибеткос». Затевалось якобы грандиозное террастроительство с перемещением части хребта и созданием горного курорта с озером и экстра-комфортным комплексом. На самом деле вся эта возня означала поиски помощниками ФАГа бункера под Нганглaринг-Цо, давно ставшего «костью в горле» для эмиссара.

Конечно, поиски не могли остаться незамеченными и наблюдателями «контр-2», поэтому были предприняты кое-какие ответные меры, разработанные Артуром Левашовым по заданию Железовского, а самое главное — был сменен код метро, ведущего в бункер. Но знали об этом единицы: сам Аристарх, Велизар и Герцог. Причем сменен он был хитро — инк метро отзывался вроде бы на тот же код, что был и раньше, но при этом учитывал личность перемещаемого. Таким образом доступ в бункер был резко ограничен, а в список допущенных к секретам бункера лиц перестали входить заместитель Ги Делорма Лютиков и бывший воевода синклита старейшин Ярополк Баренц.

Ставр Панкратов был пропущен в бункер беспрепятственно и буквально ураганом ворвался в центральное помещение, где в этот момент находилось трое интраморфов: Мигель да Сильва, Пауль Герцог и командор погранслужбы Людвиг Баркович.

Последовала немая сцена, после которой опомнившийся Ставр метнулся к Барковичу, но был остановлен Герцогом:

«Шериф, позвольте представить вам Ставра Панкратова, работника «контр-2». Ставр, позволь представить тебе шерифа Солнечной системы, руководителя службы «погран-2», архонта-секунда конспиративного Совета безопасности Людвига Барковича».

Панкратов онемел на бесконечно долгую минуту и смог по ее истечении выдавить лишь глупый, неадекватный ситуации вопрос:

— А кто архонт-прима?

— Архиепископ Константинополя — Нового Рима Вселенский Патриарх Варфоломей Иван I, — брюзгливым тоном ответил Баркович, в глазах которого мелькнули насмешливо-сочувственные огоньки. — Еще есть вопросы, молодой человек?

Ставр вдруг засмеялся. Трое мужчин с одинаковым выражением озабоченности посмотрели на него, и он сказал, отыгрываясь за насмешливый взгляд командора:

«А вы не боитесь, что Аристарх Железовский в пылу праведного гнева оторвет вам... э-э... что обещал?»

«Мальчик, ты грубишь!» — укоризненно покачал головой Мигель да Сильва.

«Аристарх всегда знал, кто я на самом деле, — ответил Баркович хладнокровно. — Надо же было каким-то образом поддерживать имидж бабника? — Командор откинул голову назад и надменно, свысока посмотрел на оторопевшего Ставра долгим взглядом. — Ну, как, хороший актер командор погранслужбы Баркович?»

Ставр не нашелся что ответить, и Баркович повернулся к веселящемуся Герцогу:

«Заканчивайте, Пауль. Я к себе, буду искать Хасана и ждать реакции на отмену связи по треку».

«Стойте!» — воскликнул Панкратов, вспоминая, по какому поводу оказался здесь. — Среди нас предатель!»

Трое руководителей службы безопасности Системы снова оглянулись на него.

— Кто? — спросил Мигель да Сильва.

— Ярополк Баренц! — Ставр опомнился и перешел на слоган-речь. — «Я вспомнил разговор эмиссара со своими слугами, когда они пеленали меня. У них появился агент «воевода» и... в общем... я проанализировал все наши неудачи. Это он, сомнений нет».

«Баренц не предатель, — сказал Баркович недовольно. — Он запрограммирован, это верно, причем даже глубже уровня базисной тревоги, но н е п р е д а т е л ь! Зарубите это себе на носу, молодой человек. И его следует поберечь, пока мы не научимся стирать такие программы без риска стереть личность. Кстати, ради гарантированного определения личности собеседника советую носить с собой всюду пси-опознаватель».

Командор ушел, слабо чмокнула дверь метро.

Ставр посмотрел на Герцога.

«Но Баренц знает код бункера... в любой момент сюда могут ворваться Ф-террористы...»

«Не могут. Мы заблокировали вход для всех, кто не с нами. Кстати, эрм, ты знаешь, кто тебя атаковал столь удачно?»

Панкратов покраснел.

«Нет-нет, я не имею в виду конкретную личность, — улыбнулся Герцог. — Это был не обычный фантом, а пси-брандер с огромным отрицательным пси-объемом, способным высосать весь ресурс интраморфа. Если бы не твой резерв, который явно больше моего, и Д-прививка, мы с тобой уже не разговаривали бы».

«Ладно, чего уж вспоминать, — проговорил да Сильва. — Давайте-ка работать. Присоединяйся, эрм, мы тут колдуем, как тихо и незаметно нейтрализовать сеть помощников эмиссара, после того как мы захватим его и предадим суду. Ждать больше нельзя, сдвиг констант скоро достигнет критической точки, и начнется спонтанная война законов, причем даже в локальной области, в нашем общем доме — в Системе».

«Он это понимает», — обронил Герцог.

Ставр кивнул, отворачиваясь. Потом спросил через силу:

«Что такое — уровень базисной тревоги? Баркович намекнул, что Ярополк закодирован глубже».

«Базисная тревога человека — тревога смерти».

Оставшиеся в бункере смотрели друг на друга и молчали.

Нагуаль между орбитами Нептуна и Урана в Солнечной системе достиг длины в полмиллиона километров и несколько замедлил свой рост, что официальные власти посчитали за благо и поспешили сообщить о «победе земной науки и техники» в ограничении экспансии Большого Ничто. Однако длилось это равновесие недолго. Уже через двое суток нагуаль выбросил во все стороны усы длиной в десятки и сотни тысяч километров, посбивал множество автоматических зондов, уничтожил исследовательский галион и посреди два пограничных спейсера. Уныние вновь вернулось в лоно кабинетов Всевече. Теперь уже не приходилось сомневаться, что налицо натуральная агрессия неизвестной формы жизни или по крайней мере вторжение и развитие непредусмотренного сценарием эволюции метавселенной физического явления, угрожающего уничтожить Солнечную систему вместе с человеческой цивилизацией.

Уже были найдены в Галактике подобные образования, погасившие центральные светила звездных систем и разрешавшие планеты, а нагуаль возле Копа де Плата грозил потушить местное звездное скопление в несколько десятков звезд. И все же самым грандиозным оказался нагуаль, поглотивший целый войд — то есть провал в пространстве, свободный от галактических скоплений и одиночных звезд, размером в две тысячи мегапарсеков! Располагалось это Сверхбольшое Ничто за скоплением галактик в Геркулесе, достаточно далеко от Солнечной системы и вообще от родной Галактики, но скорость его роста уже превышала скорость света, и оптимизма громадность расстояния до него специалистам не вселяла. Правда, воображение обывателей больше всего потрясали не масштабы явления в Геркулесе, а то, что невидимые «кораллы» объявились на Земле. После чего началось настоящее паломничество в лесную зону под Владимиром и в пустыню Сахару, где нагуаль сплел причудливый паутинный «кактус» (люди научились видеть его, облучая потоком нейтрино и создавая голографический эффект).

Эти «зародыши» Большого Ничто оказались не единственными в Системе, нашлись невидимые «кораллы» и возле Солнца, и на других планетах: на Марсе, на спутниках Юпитера, на Луне. Но земные были «родней», интересней и вызывали у людей лишь любопытство да желание пощупать чудо собственными руками. Ни озабоченности, ни тем более паники беспечные жители земного «рая» не проявили.

Лес у озера, где Ставр отдыхал совсем недавно, он покидал с чувством тревоги и неприятия поведения людей, не понимающих, как ему казалось, элементарных вещей и живущих в свое удовольствие в собственных уютных мирках. Весь мир катился в пропасть, а люди продолжали веселиться, развлекаться, петь и смеяться, спокойно есть и спокойно спать, заниматься сексом, играть и радоваться жизни. И плевать им было на любые угрозы из космоса, если те не отражались на ком-то непосредственно и конкретно. Равнодушны они были и к тем, кто должен был обезопасить их существование. В принципе они равнодушно относились и к самим себе, хотя до пресыщения жизнью человеческая цивилизация еще не дожила.

Будущие десантники на базу эмиссара собирались по одному на своей базе, расположенной в Североморске. Когда Ставр появился там, его уже ждали отец, дед и Железовский, уточняющие последние детали операции с Умником «контр-3».

Компьютерный зал базы ничем не отличался от подобных ему сложных объектов, и входящий в рабочую зону контроля мог сходу присоединиться к обсуждению решаемой задачи. Ставр так и сделал. Ему удалось «договориться» со своей памятью и вывести полученные сведения на уровень сознания, после чего землянам стали известны не только координаты базы ФАГа в Солнечной системе — эмиссар «задвинул» ее глубже в недра Солнца, — но и канал метро, связывающий базу с десятком отлично замаскированных пунктов на Земле и у других звезд, в том числе на Тартаре, возле Чужой и на Орилоухе. Контрразведчики проследили практически все «струны» этого метро, кроме двух: последние вели явно к хозяевам более высокого уровня, которые могли почувствовать, что к ним стучатся гости непрошеные. Экспедиции в стан этих хозяев решили отложить на более позднее время, чтобы успеть подготовиться и не наломать дров.

«Ты был у Габриэля? — спросил Прохор у сына, когда они закончили корректировку плана. — Где он?»

«Я был у него дома, но говорил только с его личным инком Диего, который заверил, что Грехов присоединится к нам в нужный момент». — Ставр поколебался немного, на лице его отразилось смущение.

«Что еще?»

«Ничего особенного. Диего меня благословил». — О том, что Диего Вирт назвал его при этом Воином с большой буквы, Ставр все-таки говорить не стал.

К вечеру по местному времени десант был готов к походу.

По количеству он не намного превышал отряд, штурмовавший базу эмиссара первый раз, но по защищенности превосходил его многократно. Люди были вооружены лучше и могли кое-что противопоставить уничтожителям и компакт-преобразователям кайманоидов, а также пси-брандерам ФАГа, мгновенно высасывающим все виды энергии из человеческого тела. Руководил операцией,

как и прежде, Прохор Панкратов. Ставру отводилась особая роль: он должен был перехватить эмиссара, не дать ему уйти. Поэтому в отряде поддержки младшего Панкратова должны были сопровождать Пауль Герцог, Аристарх Железовский, Ратибор Берестов и лично Джордан Мальгрив.

Провожать десант-обойму пришел Людвиг Баркович, не терявший ни грана своей надменно-спесивой флегматичности ни при каких обстоятельствах. Ставр, который еще недавно готов был убить командора, чувствовал себя при нем скованно, однако Баркович отлично понимал его состояние и передал контрразведчику личный слоган, сочетавший пожелание удачи с иронической усмешкой, дружелюбным подмигиванием и грустным вздохом: все понимаю, но ничем помочь не могу.

Отряд втянулся в зал экипировки, где каждый десантник влез в «пузырь» и на мгновение исчез, проверяя функционирование этого странного скафандра в режиме «инкогнито». После этого наступил миг прощания.

Специально оборудованная кабина метро вместила все шестьдесят четыре человека, снаружи в зале остались лишь витсы охраны, готовые в случае ответной атаки эмиссара катапультировать кабину за пределы атмосферы. Но никто не знал, способна ли финиш-камера на самой базе эмиссара принять одновременно такое большое количество транспортируемого груза, поэтому рассчитывали на худшее — на просачивание по одному. Однако у эмиссара «на стреме» стояли системы не хуже земных разведсистем, и метро сработало лишь четырежды, пропустив двух Панкратовых, Железовского и Герцога...

Точного плана помещений базы у десантников не было, и все же кое-какие детали его они знали: Умник сделал анализ первого штурма базы, синтезировав общее полотно действий первого десанта из четырех десятков отдельных эпизодов, и с пятидесятипроцентной вероятностью определил главные, узловые отсеки и способы их защиты. Поэтому, несмотря на то что они остались вчетвером в незнакомом мире, члены команды Прохора Панкратова решили действовать на свой страх и риск, ничего не меняя в схеме операции.

Все четверо отлично понимали, чем может закончиться их отчаянный абордаж, но сидеть в засаде и ждать помощи было не в их характерах, да и в истории сражений отмечалось немало моментов, когда неожиданная скоростная атака приносила победу малому отряду над неисчислимо большим войском. И они, не раздумывая ни секунды, продолжили движение, ведомые оперативным инком по имени Ветер, встроенным в «пузырь» Прохора.

Охрана базы опомнилась через две минуты после того, как сторож-инк метро заблокировал «струну». К этому времени четверка «пиратов» преодолела два горизонта — четыре с лишним километра по горизонтали и полсотни метров по вертикали — и вышла к третьему, с изменяющейся геометрией и растительным пейзажем. Именно здесь по расчетам находился личный «кабинет» эмиссара, а также его уголок отдыха. И уже по ландшафту, странным растениям, по трем бледным полосам в небе (работала, конечно, аппаратура видеопласта, создающая стереоскопические эффекты, аналогичная земной) — видимо, планета эмиссара имела три пылевых кольца — десантникам стало ясно, что их прогноз-расчет близок к истине. Эмиссара следовало искать в этом отсеке, равном по площади такому земному городу, как Рославль, родина Панкратовых.

В полную силу защитная система базы отреагировать не успела, слишком быстро и целеустремленно действовали люди, но кое-что она все же смогла предпринять. До того как десантникам удалось пересечь два яруса базы, на них дважды напала команда витсов, а один из последних коридоров, изгибаясь, пытался сбросить их в какой-то глухой отсек. Но людям все же удалось пробить прямые коридоры, ведущие к цели, и теперь они остановились у «ворот рая», ощупывая пространство отсека всеми имеющимися в их распоряжении средствами локации и контроля.

«Он здесь, — уверенно сказал Герцог. — Я чувствую шевеление пси-поля».

Ставр тоже ощущал пульсацию ж и в о г о и опасного облака, вызывающего чувство омерзения, как от гнезда гадюк, но кроме этого он чувствовал и

в з г л я д. Кто-то пристально, с грозным недоумением разглядывал его сквозь оболочку «пузыря», легко преодолевая все защитные барьеры, поля и экраны.

«Расходимся цепью в пределах прямой видимости, — скомандовал Прохор. — Из поля Сил не выходить ни в коем случае. Вперед!»

Десантники разошлись в разные стороны и устремились вперед, ведомые тем не менее операционным инком. Но уйти далеко от входа и приблизиться к «гнезду» отдыха эмиссара им не удалось, хозяин начал контратаку.

Удар пси-поля был очень силен, хотя его ждали. Однако нанесен он был в диапазоне, до сих пор не применяемом людьми, с резонансной полосой в области глубокого воздействия на психику, с гармониками, со свистом разрезающими подсознание, и отразить его полностью «защитники» интраморфов не сумели. Таким образом бой начался в пси-диапазоне, в области эмоций и чувств, на фоне «виртуальной реальности», ощущаемой вполне реально, физически, с впечатлениями настоящих бросков, ударов в уязвимые точки тела, сопровождаемых настоящей болью, и ощущением ран, из которых лилась «настоящая» кровь. Такую или подобную этой атаку когда-то отразили деды во главе с Греховым, когда столкнулись с К-мигрантами во время второго пришествия Конструктора.

Ставр оказался на небольшой поляне в сумеречном лесу с деревьями-великанами, вызывающими впечатление живых существ, превращенных в деревья. Из-за одного из этих серо-коричневых громад вышел... директор УАСС Шкурин собственной персоной, но почти голый, в какой-то косматой накидке и с огромной дубиной в волосатой руке. Ставр воспринял это как должное, потому что и сам выглядел примерно так же, импозантно, разве что вместо дубины у него было короткое копье с наконечником из черного камня, внутри которого разгоралась и гасла изумрудная искорка.

— Я тебя недооценил, эрм, — гулко возвестил Шкурин, похожий на Железовского могучей фигурой. — Придется исправить ошибку.

«Откуда он? Никто не знает. Кто были его родители? Неизвестно», — вспомнил Ставр древнего автора[1] и бросился в атаку.

Но деревья не зря выглядели живыми и враждебно настроенными. Как только Ставр увернулся от встречного движения дубины, отбил удар ногой и нанес свой удар, пронзивший руку псевдо-Шкурина, деревья зашумели, зароптали, изменили форму и наклонились над поляной, протягивая ветви-лапы, цепляясь за врага их господина.

Конечно, «лес» на самом деле олицетворял собой поток внешнего пси-излучения, мешающего людям действовать адекватно обстановке, лишающего их уверенности и сил, но легче им от этого знания не становилось.

Ставр не знал, с кем пришлось столкнуться в первом бою его друзьям. Лишь потом стало известно, что всем троим предложили повоевать со Шкуриным, только поразному. Герцог дрался с ним в болоте, голыми руками. Железовский — на гладиаторской арене и тоже голыми руками, Прохор Панкратов имел поединок в горах, где при каждом движении на сражавшихся падали потоки камней.

Одному из «живых деревьев» удалось зацепить копье Ставра. Пришлось отбивать атаки эмиссара врукопашную, пока серией мощных ударов Ставр не поверг великана на землю, едва не сломав тому шею.

Тотчас же произошла мгновенная трансформация игрового поля.

Панкратов стоял на опушке того же леса, над речным обрывом. Краски в этом мире были печальные: черные, серые, фиолетовые, желтые. Река, например, имела желтый цвет, как и небо, деревья казались черными — пузатые, как баобабы, уродливые и тоже вполне живые. Из-за дерева выступил человек, в котором Ставр узнал нынешнего комиссара-прима Еранцева.

Комиссар был одет в латы, в одной руке держал меч, в другой шлем.

— Неплохо, неплохо, юноша, — сказал он невозмутимо. — Надо было обратить на тебя внимание раньше, глядишь, и не дошло бы до поединка. — Он одним дви-

---

[1] Гофман Э. Т. А. Крейслериана.

жением надел шлем и тяжело двинулся навстречу, гремя и сотрясая землю при каждом шаге.

Ставр обнаружил, что экипирован примерно так же, разве что меч у него был короче и уже.

«На поражение!.. На поражение... — долетел чей-то едва слышимый пси-крик. — Ставр, их надо у б и в а т ь! Оставляя в живых каждого фантома, ты даешь возможность восстанавливаться».

Ставр молча ринулся в атаку.

Этот бой был короче первого. Псевдо-Еранцев не знал специфики боя на мечах, хотя владел им вполне профессионально. Однако у него не было таких учителей, какие были у Ставра, и в роду не числились знаменитые воины-рубаки, коими отличались роды Панкратовых-Берестовых. Несмотря на мешающую двигаться густую, очень прочную и цепкую траву, Ставр легко обошел противника и с третьей атаки, сбив шлем, ударом «пикирующего бомбардировщика» снес ему голову.

Небо потемнело, река взбугрилась волнами с бордовым отливом, вздрогнула земля... и Ставр очутился в новой реальности боя.

Равнина, окутанная белесым светящимся туманом, черное небо с бисером звезд и черная рыхлая земля под ногами. Какие-то призрачные фигуры возникают из тумана то здесь, то там, снова прячутся, исчезают. Слышен гулкий топот коней, но кони сами не появляются. Гул удаляется влево, чтобы возникнуть сзади и уйти вправо.

Из тумана выступила черная фигура в светящемся паутинном плаще, с какими-то странной формы предметами. Голова фигуры льдисто отсвечивала, словно была из стекла. На миг из тьмы сквозь прозрачное забрало проступило лицо Шан-Эшталлана, Великого магистра многих магий.

Панкратов понял, что уровень владения полем Сил позволяет эмиссару принимать любой облик, хотя, с другой стороны, его стремление показать людям свое умение было скорее психологическим вывертом, издевательством, а также отвлекающим маневром. Однако ни один из десантников не попался на этот достаточно дешевый трюк.

— Ты вежлив со старшими, сосунок, — сказал Шан-Эшталлан. — С магом у тебя это не пройдет.

Движение его руки было столь стремительным, что Ставр едва уловил его, успев среагировать на тусклый блик предмета в ладони магистра.

Предмет оказался чем-то вроде сюрприза, разве что необычной формы, и при касании любого объекта он взрывался. От первого Ставр увернулся, и «сюрприз» врезался в землю где-то за спиной, породив тусклую желтую вспышку. Второй «сюрприз» Ставр сбил на лету из маузера, которым оказался вооружен; одет он был на сей раз в кожаные куртку и штаны, ботинки и шлем танкиста.

Третий тоже пришлось сбивать, причем очень здорово мешали «призраки», появляющиеся перед человеком в самые неподходящие моменты, и «бегущие кони», вот-вот готовые зайти с тыла и затоптать.

Не дожидаясь, пока псевдомагистр забросает его взрывчатыми «сюрпризами», Панкратов бросился вперед, сшиб еще две звездочки и достал-таки Шан-Эшталлана рукоятью пистолета. Стрелять в упавшего не стал. Подождал, пока тот поднимется, и швырнул ему в лоб отобранный «сюрикэн»...

Следующим оказался бой с «Хасаном Алсадданом» на сверхскоростных птеранах с использованием лазеров, метателей «пауков», компакт-преобразователей и аннигиляторов. Здесь — планета напоминала Землю, но была массивней, с более плотной атмосферой, и все краски на ней были сдвинуты в зеленую полосу спектра — Ставру мешали гигантские четырехлапые птицы с крокодильими пастями вместо клювов, и Панкратов даже подумал: уж не ландшафт ли планеты гуррах создал эмиссар? Но отвлекаться на разглядывание пейзажа не стал и после многоминутной карусели боя поразил наконец врага, для чего пришлось сблизиться с ним на критическое расстояние, на расстояние «броска кинжала», и выстрелить в упор, в ненавистное и страшное лицо...

И все кончилось!

Вернее, все началось сначала. Пси-сражение люди выиграли, но в запасе у эмиссара было еще немало новинок, и он начал с одной из них, взрывая собственный уголок отдыха направленно, векторными зарядами, так, чтобы поразить десантников по одному.

Прохор Панкратов разобрался в ситуации первым и проскочил опасную зону, за ним из огня вынырнули «пузыри», ведомые остальными. Перед ними, на фоне мрачного скалистого пейзажа, стояли четыре великана, опираясь на мечи. Лица их неуловимо менялись, напоминая лица многих людей, в том числе и тех, с кем десантники уже имели дело. И уровень воздействия на людей был таков, что даже Ставр не почувствовал шумового и болевого пси-давления на мозг, принимая великанов за реальную деталь этого мира.

На этот раз их атаковали иначе, используя неизвестные методы и пакеты излучений, на уровне сверхглубокого зондирования, и сами себе они тоже показались гигантами, принимающими вызов на честный поединок.

И все четверо поддались внушению.

КОНЕЦ ЭМИССАРА

Грехов появился на базе «контр-2» спустя полчаса, как четверо десантников головного отряда исчезли в кабине метро и оно отказалось пропустить остальных.

Ратибор Берестов в сжатом слогане передал ему всю информацию, подождал ответа, но ответом Грехова был шаг обратно в метро. Экзоморф исчез, а люди в зале у кабины метро остались стоять с ощущением пощечины.

— Дьявол его задери! — опомнился Мигель да Сильва. — Неужели решил не вмешиваться?

Берестов покачал головой.

— Он действует быстрее, чем мы думаем. Нет, у него наверняка есть какие-то варианты подстраховки, свои методы контроля ситуации, и он их должен реактивировать. Будем ждать.

— Предлагаю поднять эскадрилью «пакмаков» и направить в точку на Солнце, где наблюдатели отмечают магнитно-плазменные аномалии. Скопление «улиток» и огневиков нам один раз уже помогло обнаружить базу эмиссара, они ее каким-то образом чуют, может быть, помогут и теперь.

— Не возражаю. — Ратибор переключил канал и вызвал квалитет ответственности; в оперативной зоне инка, контролирующего ход операции, дежурили Джор-

дан Мальгрив и Пайол Тот. — Что будем делать, генералы?

— Десанту — ждать, — пришел немедленный ответ. — Да Сильве срочно убыть на Землю по императиву «Аркан». Объявляем «три девятки» по треку «контр-2». Все частоты связи сменить на резервные!

Ратибор хлопнул Мигеля по плечу, проводил взглядом, оглядел ряды хмуро молчавших десантников, которые слышали переговоры, и сказал только одно слово:

— Ждем.

Ему было труднее всего, потому что в неизвестность канули близкие люди, зять и внук, а он ничем не мог им помочь.

Грехов появился через полчаса.

«Быстро все ко мне домой! — Он продиктовал код метро. — Эмиссар через посредников — Шкурина и Еранцева — начал ликвидацию сетей «контр-2». Через несколько минут здесь будут орлы комиссара-прима, нет смысла начинать с ними сражение».

«Информация объективна?» — подал голос Пайол Тот, который слышал разговор.

«Спросите у Мальгрива, — отрезал Грехов. — Люди Еранцева захватили канал «спрута-2». Срочно переходите в консорт-зону личных переговорных линий. Еще есть вопросы?»

«Мы приняли рекомендации, — ответил начальник контрразведки. — Ратибор, уходите по каналу Гарбиэля, переключаем сопровождение».

Короткое молчание.

«Сопровождение «контр-3» подтверждаю, — доложил оперативный Умник связи. — Конец «двойке».

Берестов сделал жест рукой, и обойма десанта начала попарно втягиваться в кабину метро. Когда все шестьдесят человек скрылись за дверью, Грехов остановил шагнувшего было следом Ратибора:

«У вас будет другое задание».

«Когда-то мы были на «ты».

«Я не забыл. Мчись к Велизару, он имеет выход на патриарха Варфоломея Ивана I, который является лидером среднеславянского эгрегора, убеди его «кинуть взгляд» на Солнце, иначе мы можем потерять...»

«Всех четверых, оставшихся на базе эмиссара?»

«Понял правильно, действуй».

«Но у нас есть свой эгрегор, северославянский, лидером которого является Баренц».

«Ярополк не может помочь».

«Почему?»

«Он... закодирован».

Ратибор, бледнея, отшатнулся.

— Вы хорошо подготовлены, воины, — произнес великан справа, бородатый, седой, чьи волосы были перехвачены обручем с камнем, мерцающим кроваво-красным огнем. — Но — в пределах штатных режимов. Пора преподать вам урок, оценить который, увы, будет некому. Хозяин здесь я и законы устанавливаю тоже я! Что вы станете делать, если я, например, изменю вот эту константу...

Гигант взмахнул мечом, и мир вокруг людей стал зыбким, полупрозрачным, желеобразным, начал течь, испаряться, таять, рождая странные хрустально-текучие, липкие на вид, ажурные фигуры. Но трансформироваться начал не только ландшафт, но и седые старики гиганты, и десантники внутри своих прозрачных силовых коконов.

Ставр догадался, что произошло, помогла научная подготовка: эмиссар «уменьшил» массу электрона! Если бы этот процесс произошел в космосе, все звезды стали бы голубыми гигантами, быстро сгорели и вселенная превратилась бы в мрачную яму с остывающим излучением. Изменение массы электрона в локальной области не приводило к столь катастрофическим результатам, но все энергоинформационные процессы для всех объектов в этой области стали протекать по-иному, рождая эффекты полевых взаимодействий, изменяющих форму тел, массу, плотность, степени свободы и энтропийное наполнение. По сути, эмиссар разыграл сценарий влияния ч у ж о г о физического закона на законы местные, и ощущать себя игрушкой в руках творца было страшно!

Однако трое остальных десантников не поверили в реальность происходящего. Все же опыт их был гораздо больше и психологию эмиссара они знали лучше Ставра. Железовский, например, даже не стал анализи-

ровать ситуацию, первым бросаясь в атаку на крайнего гиганта, превратившегося в древнего земного ящера, анкилозавра. Герцог в свою очередь напал на своего противника, но уже огромного махайрода, саблезубого тигра. Таким образом Прохору Панкратову достались колоссальная горилла, эдакий «Кинг-Конг» ростом в десять метров, и не менее страшный шестилапый «муравьед».

«Это фантомы, — подстегнул сына Прохор, — не бери в голову их текучесть. Нас снова атакуют в пси-диапазоне, но на других частотах».

«Эмиссар изменил массу электрона...»

«Если бы он это сделал реально, он изменился бы и сам. А он не самоубийца. Переходи на подсознание, эрм, сознание обманывает».

И Ставр, как и все остальные — многорукий и волосатый, завернутый в «крокодилью» кожу с выпуклым рисунком, — прыгнул к «муравьеду».

Этот бой был тяжелым и ощутимо естественным, несмотря на все попытки отстроиться от внешнего гипнопотока. Удары лапами, укусы и царапины казались настоящими, и боль в ранах пульсировала тоже по-настоящему. Правда, Ставра здорово спасала Д-прививка: «муравьед» не смог ни прокусить его кожу, ни даже оцарапать до крови. Каково было его друзьям, он представил с содроганием.

Схватка закончилась победой людей, и тут же эмиссар «собрал» себя из останков поверженных монстров и предложил новый сценарий с изменением законов физики. На сей раз он «изменил» гравитационную постоянную[1], увеличил ее, в результате чего изменилась сила тяготения, все объекты в зоне действия нового закона расширились, живые — ускорили процессы обмена, неодушевленные — стали более рыхлыми, начали распадаться. Все ядерные процессы получили «звуковое» сопровождение, так что мир вокруг запел, завыл на разные голоса, и людям стал слышен даже ток крови в сосудах и подергивание мышц.

Эмиссар превратился в закованное в металл существо, соединявшее в себе черты человека, кенгуру и кра-

---

[1] $G = 6{,}67 \times 10^{-11} \dfrac{см}{г \cdot с^2}$.

ба. Неизвестно, был ли это его настоящий облик, но в последних эпизодах боя он его существенно не менял.

Казалось, они побеждали, тесня эмиссара к стенам его последнего убежища, не давая ему ни минуты передышки, успешно отбивая все контратаки. Ставр забеспокоился первым, когда понял, что не может использовать свой пси-резерв для выхода на сверхскорость. Время как бы остановилось, а они все еще не могли нанести решающий удар, не могли даже окружить монстра или сойтись с ним врукопашную.

Ставр на мгновение остановился, сосредоточиваясь на пределе сил, и словно свежий ветер ворвался в помещение базы, отнес в сторону «ядовитые испарения», влил в тело свежие силы, и Ставр у в и д е л реальную обстановку. Этот миг просветления он ничтоже сумняшеся отнес к своему успеху, но не знал, что ему помог в ы п л е с к пси-энергии эгрегоров, инициированный патриархами на Земле и позволивший оценить расстановку сил.

Ставр понял, что они до сих пор бились с пси-фантомами, созданными эмиссаром, и что поток излучения чужого эгрегора, формирующий в их умах псевдореальность, уже подчинил их сознание и подсознание до уровня «отстрела» инстинкта самосохранения. Люди давно сбросили свои защитные оболочки — «пузыри», отключили «защитников» и барахтались в паутине внушенной реальности, все глубже увязая в болоте непривычных ощущений и иллюзий. Эмиссар мог расправиться с ними одним ударом, но почему-то медлил, продолжая заманивать в ловушку — кокон с защитным слоем «абсолютного зеркала», замаскированный под «центр управления». Выйти оттуда люди уже не смогли бы.

Миг просветления прошел, начался занудный бой «один на один» с очередным монстром, прикидывающимся эмиссаром, но Ставр уже встряхнул нервную систему, напряг тайники психики и начал отстраиваться от внушения, постепенно обретая былую остроту и адекватность зрения. Часть мозга продолжала воевать, а часть анализировать ситуацию, искать выход из положения. К тому же «порывы свежего ветра» участились, друзья на Земле продолжали помогать им по мере сил и возмож-

ностей, и вести этот нескончаемый бой — нескончаемый по их внутренним меркам, потому что на самом деле вовне прошло совсем немного времени, — стало легче. И пришел момент, когда Ставр окончательно раздвоил сознание и смог теперь трезво разобраться в реалиях местного ландшафта.

Они все еще кружили по залу отдыха эмиссара, перемещаясь по сложной кривой и обходя «беседку», где все это время находился сам эмиссар в окружении четырех темных фигур, скорее всего К-мигрантов. Он добился своего, заставив людей биться с призраками и не пускать в ход самую мощную свою «артиллерию» — генераторы свертки пространства и аннигиляторы, которые вполне могли повредить, а то и уничтожить всю базу. Тогда Ставр принял единственно верное решение. Как только его очередной противник-фантом оказался на одной линии с «беседкой» (круглая ротонда с решетчатыми стенами и прозрачной крышей), Панкратов, преодолевая внутренний протест сознания, подчиненного внешнему пси-давлению, выстрелил в него из нейтрализатора.

«Паук», то есть сгусток поля, уничтожающего любое вещество, миновал фантома, влип в стенку «беседки», пробил ее и на короткое время ослепил эмиссара, заставил его отвлечься на защитные действия. Но этого времени хватило Ставру на то, чтобы он броском преодолел сто метров, отделяющих его от «беседки», и направил на замешкавшихся К-мигрантов и эмиссара все «стволы» оружия, которым был снабжен «бумеранг». Кто-то остановился рядом, сделав то же самое. Ставр скосил глаза и встретил хмурую улыбку Грехова:

— Ты опередил меня на секунду. Держись, эрм!

Панкратов хотел спросить: где остальные? — но не успел.

Они выстрелили все одновременно: охранники эмиссара, он сам, Грехов и Ставр, — не сговариваясь, применив всего лишь «универсалы» в варианте огнестрельного оружия. Но реактивные пули, выпущенные в упор, никому не причинили вреда, срикошетив от защитных оболочек и экранов. Следующим видом оружия должны были стать аннигиляторы и компакт-генераторы, наверняка уничтожившие бы обе враждующие стороны, однако

эмиссар решил уйти красиво и первым шагнул вперед, подняв ладони; у него были с виду нормальные человеческие руки, но гораздо более мощные, похожие на кенгуриные, ноги и голова, напоминающая человеческую и крабью одновременно. Он был гуманоидом, эмиссар ФАГа, как и гуррах, но положительных эмоций не вызывал.

— Остановитесь, воины! — От гулкого, грохочущего, зловеще-холодного голоса едва не лопнули барабанные перепонки. — Я знаю, что вся ваша команда каким-то образом все-таки проникла на борт моего ковчега, и предлагаю честный поединок. Если вы откажетесь, мы просто уничтожим друг друга, что не устраивает ни вас, ни меня.

— Условия, — услышал Ставр свой голос, писклявый по сравнению с могучим басом эмиссара.

— Вас здесь ровно пятеро и нас столько же. Выбирайте противника и начинайте бой, но без оружия, спецкостюмов и компьютерного сопровождения. Идет?

— Гарантии?

— Мы снимаем защиту первыми.

— Хорошо. Но если...

— Ты будешь драться со мной, Джезенкуир, — перебил Ставра Грехов.

На страшном лице эмиссара задвигались «крабьи членики», что, вероятно, означало улыбку.

— Приятно, когда тебя узнают. Вероятно, вы и есть Габриэль Грехов? Вынужден разочаровать: я буду драться с этим юношей, который очень меня разозлил. В противном случае мы закончим наш разговор иначе.

— Я принимаю вызов, — четко ответил Ставр, повернул голову к Грехову: — Спасибо за предложение.

— Не стоит благодарности. — Грехов остался бесстрастным, поманил рукой приходящих в себя Герцога, Железовского и Прохора Панкратова. — Делайте свой выбор, бойцы, мне останется тот, кто о с т а н е т с я. — Сказано это было так, что даже у Ставра засосало под ложечкой.

— Если выиграю я, что не исключено, вы меня отпустите, — сказал эмиссар с «приятной» улыбкой. — И даю слово, что больше вы меня в Системе не увидите.

— Не увидим, — веско произнес Ставр.

Этот бой мог бы войти в историю рукопашных сражений всех времен и народов, стать классикой для многих школ воинских искусств, изучивших впоследствии приемы гуманоидов, разработанные далеко-далеко от Земли.

Давно закончили схватки остальные четверо: Прохор и Герцог своих противников пощадили, Железовский и Грехов — нет, убив соответственно К-мигрантов Шебранна и Свиридова. А Ставр и эмиссар, чье имя Дженкуир переводилось как Добивающийся Милости (что знал только Грехов), все еще продолжали поединок, исполняя танец смерти и ненависти в темпе, немыслимом даже для интраморфов.

Если бы не знание приемов боя, подаренных Габриэлем, Ставр был бы уже мертв, несмотря на Д-прививку и владение полем Сил. Но и Джезенкуир владел в с е м и системами боя, в том числе и земными, и тоже имел кожный покров, пробить который рукой было невозможно даже на сверхскорости. И Ставр вынужден был, защищаясь, плести паутину уклонов, нырков, уходов и падений, чтобы не получить страшный удар ногой в голову, который он мог не выдержать. Однажды он пропустил такой удар — нога эмиссара дернулась, как рычаг, и едва не сломала шею Панкратову, — пришлось несколько минут восстанавливаться, щедро расходуя пси-резерв.

Прошло десять минут, четверть часа, полчаса, а они все еще крутили спираль дуэли друг возле друга, окруженные кольцом подоспевших к финалу десантников основного отряда. Наконец Ставр начал выдыхаться. Пси-резерв его был на исходе, а на сверхскорости он уже не мог работать в полную силу. Все его удары достигали цели, но практически не травмировали Джезенкуира, тело которого было заковано не только в прочный мышечный каркас, но внутри, под мышцами, имело еще и хитиновый панцирь. В течение всего изнуряющего боя так и не удалось определить уязвимые места монстра.

Тогда Ставр начал отступать, вспоминая все приемы из той системы боя, также записанной Греховым, кото-

рые человеку Земли невозможно было изучить и применить из-за специфики строения тела разработчиков этой системы. И он н а ш е л ответ! Правда, когда сил уже совсем не осталось.

Уязвимым местом эмиссара были его н о г и! Именно в них прятались главные нервные узлы, защищенные мощными мышцами и костно-панцирным каркасом. Не приходилось теперь удивляться, почему Джезенкуир использует ноги так редко и неохотно, а ведь удар каждой весил не менее двух тонн!

«Молодец, эрм!» — просочилась извне чья-то мысль.

Это сказал Грехов, знавший особенности строения тела эмиссара, но не имеющий права сообщать это своему товарищу во время боя.

Ставр изменил тактику, раз за разом как бы «проваливаясь» в защите и «случайно» попадая по ногам эмиссара то рукой, то ногой. Третий его выпад нашел болезненную точку на колене Джезенкуира, и тот вскрикнул, отпрыгивая назад на добрых четыре метра.

Еще дважды успел попасть Ставр по этому месту, как ни ухитрялся противник защищать колено, а потом нанес сильнейший удар, — с выплеском лавины энергии, последней, что оставалась, — по другому колену, точно рассчитав точку приложения силы. Ребро ладони с хрустом смяло бугор над коленной — не чашечкой, как у человека, а вилкой, и Джезенкуир заверещал, упал, откатился с воплем, подхватился на ноги, снова упал и... хромая, бросился бежать к «беседке». Один из камней, лежащих возле нее, вдруг раскрылся, эмиссар нырнул в отверстие, как в воду, но уйти не успел: длинная белая молния разряда компакт-преобразователя догнала его, обдав всех близстоящих волной адского холода, и Джезенкуира, Добивающегося Милости, эмиссара ФАГа в Солнечной системе, не стало!

— Все, — сказал Грехов будничным тоном; стрелял он. — Пора заканчивать с этими детскими игралками в непревзойденных мастеров боя. Тот, кто придет ему на смену, не станет играть с нами на этом уровне.

— Кто придет? — угрюмо поинтересовался Железовский.

— Эмиссар второго порядка, отвечающий за всю Галактику. И боюсь, справиться с ним будет очень нелегко, если вообще возможно. Пора в путь.

— Ку-да? — спросил вконец обессилевший Ставр в два приема.

Грехов подошел к нему, подставил плечо.

— За помощью, мальчик. Я не знаю, где сейчас Конструктор, да и куда ушли Сеятели, но стоит попытаться обратиться к ним за помощью. Пойдешь со мной?

Ставр закрыл глаза. Сил ответить «да» у него не было.

Часть 2

ВОЙНА ЗАКОНОВ. ПАНКРАТОВ — ГРЕХОВ

КОМАНДА

Два дня десантники приходили в себя после боя на базе эмиссара. Правда, делали это они в разных местах: Железовский в своем бункере с женой и внучкой, Прохор Панкратов у себя дома, также опекаемый женой, тестем и тещей Анастасией, и лишь Ставр и Герцог остались на базе, где приняли участие в исследовании гигантского корабля эмиссара, захваченного без особых трудов десантом землян. Джезенкуир был слишком уверен в своих силах и не допускал мысли о захвате, поэтому не успел дать команду инку базы на самоуничтожение.

Несомненно, во время боя его поддерживали, подпитывали пси-энергией эгрегоры помощников: Алсаддана, Шан-Эшталлана и Еранцева, потому что сразу после его гибели фоновый «шум» пси-поля, вызывающий у рядовых десантников обмороки и головные боли, ослабел и вскоре сошел на нет. База оказалась в руках людей, и ее решили сделать естественной резиденцией «контр-3», оставить в Солнце, изучить и приспособить для своих нужд. А изучать там было что: база оказалась многомерным объектом и скрывала в себе мир, эквивалентный по объему и массе таким космическим объектам, как системы солнечных преобразователей энергии, опоясывающие Солнце, разве что мир этот был сложнее и таил неисчерпаемые запасы технологических решений, к которым земная наука только подбиралась.

Ставр и Герцог испытали истинное наслаждение в исследовательских походах по базе, удивляясь больше не высочайшему уровню чужой науки и техники, а тому об-

стоятельству, что все это великолепие было использовано ради негодных целей, во зло. Вопрос: почему эмиссар, существо, принадлежащее данной метавселенной, решил выступить на стороне ФАГа? — остался открытым.

«Если только он лично не встречался с Фундаментальным Агрессором и тот его не закодировал», — сделал резюме Герцог, когда они с Панкратовым вернулись из очередного разведрейда.

Ставр покачал головой.

«Уровень владения полем Сил у эмиссара таков, что внушить ему что-то не представляется возможным. Хотя, с другой стороны, что мы знаем о возможностях ФАГа?»

«Или даже о возможностях эмиссара второго порядка, которым нас пугает Грехов?»

«Едва ли пугает, он з н а е т, Пауль. Габриэль — экзоморф, и его возможности также лежат за гранью моего воображения. Уверен, он и с эмиссаром-2 справился бы, да только видит дальше и желает добраться до главного, д о к о р о л я. Пешки и другие фигуры его не интересуют».

Герцог хмыкнул, разглядывая лицо Ставра, отливающее металлическим блеском.

«Не буду спорить. Как ты себя чувствуешь?»

«Я быстро восстанавливаюсь, все нормально».

«Он взял тебя в свою команду? Когда вы отправляетесь в путь?»

«Пока не знаю, он даст сигнал».

«Желаю удачи, эрм. Хотел бы и я пойти с вами, да на Земле дел невпроворот. А уж если появится новый эмиссар...»

Ставр встретил взгляд Герцога и поежился. Пауль тоже хорошо в и д е л будущее и знал, какие испытания выпадут на его долю и на долю друзей.

Они расстались, а уже через час Панкратов услышал пси-зов Грехова:

«Мы ждем тебя, возвращайся».

Даже не переодевшись, как был — в «бумеранге», Ставр преодолел миллионы километров и вышел из метро в доме Габриэля.

Здесь его ждал сюрприз. Едва он вышел в коридор, как наткнулся на трехметровую черную глыбу чужанина,

до пояса завернутую в дырчатую, отблескивающую золотом фольгу. Остановился. Чужанин «смотрел» на него — в пси-диапазоне — с каким-то определенным интересом, потом сказал на своеобразном, ломаном пси-огненном языке, слова которого высвечивались в сознании собеседника в форме трепещущих струй северного сияния:

«Раддость видение... ощущателност... понимание?»

«Спасибо, взаимно», — ответил слегка растерявшийся Ставр. Приветствие чужанина было полно доброжелательности, отчего на душе стало теплее.

Чужанин шевельнулся и с глухим тумм-тумм-тумм зашагал по коридору к своим апартаментам, скрылся за дверью. Интересно, подумал Ставр, сколько на самом деле внутри него живет существ? Двое, семья, племя?

«Проходи, — раздался голос Грехова. — Тут тебя с нетерпением ждет еще парочка знакомых».

Ставр вышел в гостиную и увидел в креслах за столом множество людей: самого хозяина, Яна Тота, его отца Пайола Тота, Велизара, своего отца, Барковича, Железовского, Забаву Боянову и незнакомого молодого человека с улыбчивыми глазами, крепкого на вид, круглоголового и лысоватого. Кого-то он напоминал, этот парень. Но Ставру не дали вспомнить. Молодой человек встал и протянул руку, приятно улыбаясь:

— Не узнаете? А ведь мы знакомы.

— Это Диего Вирт, — буркнул Грехов, проверяя работу пси-фильтра, жестом указал на свободное кресло. — Присаживайся.

Ошеломленный Ставр сел, даже не поприветствовав остальных.

Конечно, он все понял: Грехов перенес личность своего бывшего друга Диего Вирта в память витса, так сказать, «оживил» его. Но все же встретиться с Диего лицом к лицу, не как с инком, было непривычно.

Диего смотрел на него понимающе, подмигнул, и Ставр опомнился, быстро оглядев компанию, не обращавшую на него внимания. Только отец глянул недовольно, да Ян Тот пошевелил пальцами в знак приветствия.

Видимо, компания находилась здесь давно, потому что половина напитков была выпита, закуски съедены и все перешли на сладкое, чай, кофе, лунный мед и

горячие ягодные взвары. Ставр не сразу сообразил, что это прощание, поначалу он принял всех за команду, уходящую на поиски Сеятелей и Конструктора, поразившись, что она так велика.

— Если бы мы знали, почему Архитекторы и Конструкторы создали именно такой тип вселенной, — прогудел, очевидно заканчивая беседу, Железовский, — именно с таким набором констант, нам была бы ясней стратегия Игры.

— Вы напрасно приписываете им функции творцов нашего метагалактического домена, — сказал Ян Тот; разговор шел на звуке, а не в мыслесфере. — Принципы формирования фундаментальных постоянных, физических законов, установила воля «генома» Универсума, все остальные — исполнители.

— Откуда это? «Кто создал эту природу в то время, когда не было ни чего бы то ни было, ни ничего, и мрак покрывался мраком?»[1] — продекламировал Велизар. — Древние мыслители тоже задавались теми же вопросами, что и мы, а разгадки как не было, так и нет. Голос Пустоты не зря советовал «искать забытые следы чьей-то глубины». Кто мне ответит, по какой причине Универсум воюет с другим таким же Универсумом, с другой равноподобной ему Вселенной?

— Для него это может быть не Война, а Игра.

— Суть дела термины не меняют. Я понимаю, что концепция совершенства природы — иллюзия, но война, в которую втягиваются помимо их воли целые цивилизации, какие бы цели она ни преследовала, — отвратительна!

— Люди, глядя на вселенную с поверхности Земли, — обронил Грехов, — напоминают мне ученого, рассматривающего картину в микроскоп. Что он может увидеть? Только текстуру краски. Чтобы увидеть картину ц е л и к о м, надо взглянуть на нее издали. Так и в нашем случае: чтобы оценить стратегию Игры — Войны Универсумов, надо выйти за пределы вселенной.

— Ты выходил? — спросил Ян Тот с жадным любопытством.

Габриэль засмеялся.

---

[1] Веды.

— Для этого надо стать Конструктором или хотя бы ФАГом. Нет, за пределами Универсума я не был, за границей домена — был.

— И что там?!

— А ничего, — под общий смех ответил Грехов. — В языке человеческом нет слов, чтобы описать ту метавселенную. Могу лишь сказать, что Игрок-ФАГ добивается, судя по всему, упрощения континуума нашего мира, вырождения сложных форм взаимодействий, что ведет к «короткому замыканию» домена и к выходу его из Игры. Естественно, при этом «выбываем из Игры» и все мы, живущие в домене.

Наступила тишина.

Потом Баркович сказал, по своему обыкновению глядя на Грехова, откинув голову:

— Но кто может поручиться, что Конструктор выступит на нашей стороне, а не на стороне ФАГа? Ведь он запросто может уйти в другую метавселенную.

Грехов погрустнел.

— Конструктор — символ мира, который давно не существует, чьи законы нам неизвестны, я имею в виду — этические нормы, законы морали. Конечно, он может принять сторону Игрока, обладая собственной оценкой этических состояний, но он родился здесь, в Системе, и наш дом — его дом, а мы — его меньшие братья, странным образом ставшие приемными родителями. Да и не в нас, собственно, дело. Конструктор, как пресапиенсы до него — Архитекторы, рожден Универсумом, который не враг самому себе. Я не знаю, заложены ли в его геноме этические принципы типа «не повреди» или это уже наше, человеческое изобретение, но все то положительное, духовное, что мы создали за время существования вселенной, наверняка передается выше, из домена в домен через поле Сил в «мозг» Универсума, изменяя матрицу мира. Любое другое изменение есть насилие, что и демонстрирует ФАГ. А Конструктор насилия не любит. Это все, что я знаю.

Снова короткая тишина повисла в комнате. Потом встал Пайол Тот, за ним Велизар и Баркович.

— Пора за работу, друзья. Счастливого вам пути!

Они пожали руки Грехову, Вирту и Ставру, ушли. Остались Железовский, Боянова и Прохор Панкратов,

чувства которых читались в их поведении столь же хорошо, как и на экране.

— Если бы не обстоятельства, — пробасил Железовский, — я бы пошел с вами.

— Да и я тоже, — кивнул смущенно Прохор. — Да что уж там, не люблю я долгих прощаний. Ни пуха вам, ни пера! — Он повернулся к сыну. — Забежишь на минуту домой?

Ставр кивнул.

— Не забывайте, что он в розыске, — сказал Железовский. — Еранцев не оставляет надежды заполучить «террориста» и устроить показательный судебный процесс.

— Вряд ли это ему удастся, — сказал Ставр.

Трое интраморфов тоже вышли, причем Забава Боянова передала Ставру слоган нежного сочувствия и прощания, но ему не хватало еще одного прощания, и Грехов это понял:

— Два часа тебе хватит?

Ставр покраснел, но взгляда не отвел.

— Хватит.

— Тогда встречаемся здесь же через два часа. Попытайся не ввязываться в сомнительные истории, тем более если тебя разыскивает служба безопасности.

— Спасибо, попытаюсь. Один только вопрос: кто еще пойдет с нами?

— Все, кого ты видишь.

Ставр оглядел улыбающихся Яна Тота и Диего Вирта, кивнул:

— Годится. А чужанин?

— И он тоже.

— Тогда все в порядке. — Ставр поднял вверх кулак и стремительно вышел, уже видя, как он обнимает Видану.

Слова Грехова: «Попытайся не ввязываться в сомнительные истории» — он вспомнил в бункере под Тибетом, где встречался с Виданой.

Им никто не мешал, и два часа пролетели незаметно, а потом в бункер ворвался Ярополк Баренц в боевом «бумеранге» и взял на прицел замерших друг возле друга молодых людей.

— У меня мало времени, ребята. Я знаю, Ставр, что ты улетаешь с Греховым. Ответь на вопросы, и я вас

отпущу. Кто в команде? Когда старт? Откуда? В каком направлении?

— Зачем это вам? — спокойно спросил Ставр, хотя внутри у него все сжалось. Он знал, что Баренц закодирован и работает на ФАГа. Каким же образом ему удалось проникнуть в заблокированный для него канал метро? — Как вы сюда попали?

— Пути Господни неисповедимы, — мрачно пошутил бывший воевода синклита. — Давай говори, мальчик, не заставляй меня применять силу. У меня тут целый арсенал в костюме: «шукра», «универсал» и кое-что помощней. Даже тебе не противостоять выстрелу в упор.

— Может быть, поработаем в контакте?

— Я уже не молод, да и после того, как ты «поработал» с Джезенкуиром, вряд ли найдется охотник составить тебе конкуренцию. Давай, не тяни.

— А если я не скажу, вы нас убьете?

Видана, ничего не понимая, переводила взгляд с одного на другого.

— Ты о чем, Ставр? Чего вы хотите, Ярополк?

— Я не один, — медленно сказал Баренц, темнея. — Там ждет взвод гуррах с аппаратурой зондажа. Я убивать вас не буду, вас убьет зондаж. У меня нет выбора.

— Выбор есть всегда, — раздался сзади ровный голос, и в помещение вошел Габриэль Грехов собственной персоной. Не обращая внимания на готового открыть стрельбу Баренца, прошел на середину комнаты, мельком взглянув на полуодетых Ставра и Видану, на пустую бутылку шампанского на столике возле кровати.

— Идите, ребята.

— Я... буду... стрелять! — скрежещущим голосом произнес Баренц.

— Идите, идите. — Грехов подтолкнул растерянную Видану к выходу. — Старик шутит. — Повернулся лицом к Баренцу и шевельнул пальцем. Комната с гулом качнулась, изменила форму, сжалась и снова стала прежней. — Пусть дети уйдут, Ярополк, а мы поговорим.

Ставр хотел возразить, но встретил взгляд черных, бездонных глаз Грехова и повел Видану к двери, захватив по пути одежду.

В коридорчике они оделись, заняли кабину метро, вышли в метро Софии, поднялись на холм, освещен-

ный лучами вечернего солнца. Ставр поцеловал девушку в щеку, собираясь тут же стартовать в бункер, где остался Грехов, но Видана удержала его:

«Что происходит, эрм? Почему Баренц... там... с оружием? Он с ума сошел?»

«Нет, Дана, его запрограммировали».

Глаза Виданы расширились, она приложила ладонь ко рту.

«Боже мой! Что же теперь будет?»

«Не знаю. Грехов найдет выход. Кстати, ты совершенно не обратила внимания на... мой... на меня...»

«Обратила, мой милый. Ты теперь похож на металлическую статую, разве что чуть более теплую. А вот ты — действительно не заметил...»

«Что?»

«Я тоже сделала Д-прививку, так что мы теперь неразлучны. Попроси Грехова, чтобы он взял меня с вами. Я просила, но он отказал».

Ставр долго смотрел на зябко вздрагивающую девушку, на губах которой играла легкая улыбка, осторожно обнял, словно драгоценную вазу из хрупкого хрусталя, поцеловал в губы:

— Ты очень красивая на фоне вечернего солнца. — Отступил на шаг, откровенно любуясь ею. — Но ведь кто-то должен ждать меня здесь, дома? Какой еще стимул может гнать интраморфа из дальних далей на Землю?

— Лицемер! — Она сердито топнула ногой, отвернулась. — Уходи, видеть тебя не желаю.

Когда она повернулась обратно, его уже не было рядом, и душа девушки рванулась следом, плача и смеясь, обнимая и целуя...

В бункере Железовского уже никого не было, и Ставр завернул к Баренцу, который жил на окраине Североморска. Однако дома воеводы синклита не оказалось. Постояв в задумчивости возле дома, Ставр сел в такси и вернулся обратно к метро, с горечью пережив встречу с бандой ублюдков на аэрах, которые с визгом и хохотом облили светящейся краской монумент Славы на берегу Кольского залива, возведенный в честь погиб-

ших моряков во время Второй мировой войны сотни лет назад.

Мир не менял своих ориентаций на вседозволенность и продолжал смеяться, любить, веселиться, искать наслаждений, беситься и ненавидеть, несмотря на неумолимое приближение «конца света» в паутине нагуалей. А те, кто это ощущал, спешили воспользоваться своим знанием, презирая всех, в том числе и самих себя, низводя свои потребности в ранг высшего закона, отрицая законы морали и этики.

Проводив глазами армаду «ангелов ада», закусивших удила, Ставр повернул аэр на восток и вскоре вылетел из городской визуально-рекламной зоны, остановил такси над лесом, оглянулся.

Сзади над ночным городом вставали столбы и облака света, носились рои цветных огней, пронзали небо трассы звезд, струи искр соединялись в слова и образы, распадались, чтобы снова собраться в объемные фигуры и радуги реклам. Ветер принес шум, беспечный смех, крики, обрывки музыки, и Ставр, передернув плечами, бросил машину вниз, к метро.

Однако точно такая же свето-шумовая феерия встретила его и в Брянске, где жил Грехов. Ставр не стал выходить прямо в доме Габриэля, а решил воспользоваться такси и пожалел об этом, когда наткнулся точно на такую компанию, что и в Североморске. С окончательно испорченным настроением он снизился и так, на бреющем, на высоте не более метра над водой, добрался до владений Грехова, расположенных на обрыве над Десной.

Никто не бросил ему упрека в задержке экспедиции, хотя все давно уже были готовы к походу.

«Извините за опоздание, — сказал Ставр без особого раскаяния. Повернулся к Грехову, который возился над каким-то живым с виду черным «слизняком». — Что вы... сделали с Баренцем?»

«Ничего, — оглянулся Габриэль. — Он будет спать в одном из моих ранчо до нашего возвращения. Надевайка вот это». — Грехов ткнул пальцем в «слизняка».

«Что это?»

«Твой новый костюм взамен «бумеранга». Д-прививка дает тебе возможность носить защитную оболочку из «чистой энергии».

«Но мне необязательно...»

«Мы пойдем туда, где люди жить не могут, и защита понадобится крутая. Эта штука — подарок Сеятеля, можно сказать, кусочек его плоти. С ним тебе не страшны будут никакие низкоэнергетические процессы вплоть до ядерного синтеза или распада».

«А... остальные... как же?»

«За нас не беспокойся, — поднял отсутствующий взгляд Ян Тот. — Мы с Диего в Д-прививках не нуждаемся, а наш друг Мориончик имеет свой защитный костюм».

«Кто это — Мориончик?»

«Мы есть вот», — ответил, входя в комнату, скалообразный чужанин.

Диего Вирт засмеялся, дружески потрепал Ставра по плечу, и тот молча принялся стаскивать с себя «бумеранг».

«Слизняк чистой энергии» растекся по телу упругой, покалывающей электрическими разрядами пленкой, и прошло немало времени, прежде чем Ставр привык к новому костюму, угадывающему желания, подчиняющемуся любой мысленной команде и вообще ведущему себя как дополнительный, но вполне естественный орган человеческого тела, как вторая кожа. Он мог формировать дополнительные конечности, оружие — типа лазера или «универсала», мог встраивать в себя другие виды оружия от парализатора до аннигилятора «шукра» и кайманоидских уничтожителей, а также любую другую аппаратуру и снаряжение. Кроме того, костюм утилизировал все отходы метаболизма и превращался в любой вид одежды, вплоть до «хамелеона», костюма-невидимки. Еще несколько лет назад, до изобретения уников, такой костюм мог бы произвести на владельца неизгладимое впечатление, нынче же Ставр не пришел в восторг от возможностей новой одежды, и не в последнюю очередь по той простой причине, что «чистую энергию» мог носить далеко не каждый человек. Если уж новая Д-кожа меняла не только энергетику тела, но и психику испытателя, то «сверхкожа», то есть «чистая энергия», тем более придавала человеку новое качество, превращала его в «птицу пространства», свободную от пут земного тяготения, смены дня и ночи, воздуха, земного образа жизни.

Ставр даже начал было опасаться, не изменится ли его психика до такой степени, что он забудет и родителей, и Видану, и вообще Землю, но Грехов, тонко понимающий состояние контрразведчика, успокоил спутника:

«Не уходи в самоанализ слишком глубоко, мальчик. Ты стал дигамбара[1], не более того. Природа лепила тебя миллионы лет, и база твоя — база человеческого существа с его трагической раздвоенностью. Даже мне не удалось сбросить с себя ярмо человеческих эмоций и желаний, хотя я и вышел за пределы смысла жизни. Но в общем-то дальнейшая твоя судьба зависит только от тебя, от твоего ума, запасов духовности и воли. Не уверен — не берись за дело совсем».

«Я — воин!» — помедлив, мрачно ответил Ставр.

«Тогда все в порядке. Поехали, орлы».

Но в этот момент кто-то вышел из кабины метро, большой и сильный, заглянул в гостиную. Пятеро молча смотрели на Аристарха Железовского.

— Пришел проводить, — сказал тот вслух. — Уж простите старика за сентиментальность. Возвращайтесь с серым призраком или лучше с Конструктором. Только пусть он не слишком сильно трясет Систему.

— Хорошо, что зашел, — сказал Грехов. — Передай начальству «контр-3», что К-мигрантов необходимо нейтрализовать в первую очередь. Найти и уничтожить! Иначе они наделают много бед. Было время, когда с ними можно было договориться, теперь же в их психике произошли необратимые изменения. Этот случай лечению не поддается.

— Да я знаю.

— Гуррах тоже не подарок, но их мало и с ними нужно говорить на их языке, языке насилия и равнодушия. Проиграв, они уходят. Их цивилизация практически выродилась, вселенной не нужны такие сверхагрессивные, хотя и технически талантливые существа, и мне их жаль. И еще: как только появится эмиссар-два, уходите в подполье. До нашего возвращения.

— Как мы это обнаружим?

— Вы это почувствуете. Прощайте, Аристарх.

---

[1] Одетый пространством *(санскрит.)*.

Железовский качнул головой, отступил.

— Ну уж нет, прощаться я не намерен. Желаю удачи!

Ставру очень хотелось обнять деда Виданы, но он боялся, что эти суровые люди, в окружение которых он попал, его не поймут.

ОРИЛОУХ — М13

В метро зашли вчетвером. Чужанин Морион имел собственную станцию метро и стартовал первым.

Мигнули стены, сердце ухнуло в пятки, прыгнуло к горлу, и сквозь зелень в глазах проступил новый рисунок на стенах кабины. Грехов шагнул в проем двери первым, за ним вышли остальные.

Кабина метро оказалась установленной в центре круглой башенки с прозрачными стенами, сквозь которые виднелся снежно-хрустальный пейзаж Орилоуха. Прыжок на сто парсеков занял всего несколько секунд.

Ставр, конечно, видел ландшафты Орилоуха, как и спутники, хотя не в натуре, а в записи, на виом-картинке. Теперь же он мог любоваться красотами этого странного мира напрямую.

Мир Орилоуха представлял собой сложнейшее многомерное планетарно-инженерное сооружение размером с такую планету Солнечной системы, как Сатурн. Издалека, из космоса, оно смотрелось как планета, окутанная снежно-ледяной, геометрически идеального рисунка ажурной коркой, однако на самом деле «планета» орилоунов была делом их рук, искусственным объектом, приспособленным для проживания в нем таких сверхэкзотических существ, как орилоуны. С новой точки зрения, что орилоуны — потомки чужан, «живые математические формулы», рассматривать их обиталище было интересней втройне.

Самым поразительным в жизни орилоунов было не мгновенное, но очень быстрое и плавное изменение ландшафтов планеты при каждом их действии. И Ставр только теперь воочию убедился — что такое жизнь «математических формул»: каждый их шаг действительно представлял собой процесс математического преобразования, который существенным образом менял жиз-

ненное пространство этих формул и сами формулы! Представить этот процесс в уме было несложно, увидеть его реализованным — поразительно!

Ставр, да и Ян Тот, и Диего Вирт с одинаковым любопытством рассматривали бы поминутно меняющиеся пейзажи Орилоуха достаточно долго, но в один из моментов трансформации возле башенки метро, установленного, очевидно, Греховым много лет назад, возник словно из-под земли трехметровый, ажурный, ослепительно белый «одуванчик», на котором восседала черная с золотом глыба чужанина.

— Прибыл наконец, — будничным тоном прокомментировал Грехов.

Ставр понял, что это Морион.

— На чем это он? Неужели у орилоунов существует транспорт?

— Это, собственно, и есть орилоун.

Чужанин слез с «одуванчика», как большой и неуклюжий медведь, потопал к башне, а «одуванчик» вдруг превратился в друзу прозрачных кристаллов с тысячью радуг в каждом.

Но и эту форму орилоун держал недолго, плавно преобразовал тело в снежную розу, потом в сложное переплетение «цветов», снова стал «одуванчиком», хотя и несколько иных размеров и очертаний.

Ставр зачарованно смотрел на процесс трасформации орилоуна и не мог отвести взгляд.

Грехов открыл тамбур, чужанин протиснулся в башню, замер посередине. Между ними произошел быстрый разговор на сверхскорости, и, видимо, Габриэль знал другой способ связи с чужанами, потому что в пси-диапазоне Ставр их не услышал. Грехов повернулся к своей команде:

«Он говорит, что орилоуны не знают, куда ушли серые призраки, но зато готовы указать нам дорогу к сооружению, которое оставили Сеятели в одном из шаровых звездных скоплений в Геркулесе. По земным каталогам, это M13, двадцать три тысячи светолет от Солнца. Отсюда, с Орилоуха, примерно столько же.

— Что за сооружение? — заинтересовался Ян Тот.

— Подозреваю, что этого никто не знает. — Грехов снова обратился к чужанину, выслушав ответ. — На

человеческий язык я бы перевел смысловое значение сооружения как «структурный стабилизатор». Но лучше поглядеть на месте, не так ли?

— Туда проложена ветка метро?

— Нет, придется преодолевать пространство варварским способом, на спейсере. — Грехов по мимике собеседников понял, о чем они подумали, и добавил: — Естественно, на спейсере орилоунов. Подходит нам такой транспорт?

— Эх, прокачу! — выразил общие эмоции Диего Вирт. — Не наткнуться бы на нагуаль.

Грехов вошел в метро и через несколько минут вышел с шестиногом, похожим на земного варана.

— Пойдет с нами.

— А-а, дракоша. — Диего Вирт шлепнул «варана» по морде, глянул искоса на Ставра. — НЗ, акваблок, кое-какое снаряжение. Мало ли на что может пригодиться.

Это был передвижной склад с запасами сгущенной соды, энергеконсервов и пищи, приготовленной по технологии «джинн», то есть с применением субмолекулярного сжатия. Весил он по крайней мере полторы тонны.

Не говоря ни слова, Грехов направился к тамбуру, за чужанином, который снова оседлал орилоунский «одуванчик». Однако остальным не надо было залезать на этот псевдоживой транспортный механизм. Стоило им выйти из башни метро (энергокостюм Ставра сам перестроил форму, защищая хозяина от местных условий: минус пятьдесят градусов по Цельсию, воздух — смесь гелия и водорода), как часть почвы под ними свернулась бутоном тюльпана и втянула всю команду в какой-то снежно-ледяной тоннель. Стены тоннеля помчались назад со всевозрастающей скоростью, создавая иллюзию движения, хотя Ставр подозревал, что никуда они на самом деле не двигались. Просто «мир живых формул» изменил свое состояние таким образом, чтобы совместились координаты месторасположения землян с планетарным «космодромом».

Тоннель изогнулся вниз, словно собираясь загнать людей в недра планеты, но это ощущение оказалось ложным — вынесло их на свет, на поверхность.

Пейзаж вокруг был уже другим, напоминая земной величественный заснеженный лес, только деревья в этом

лесу на самом деле были орилоунскими аналогами спейсеров самых разных размеров, но одинаковой формы: остроконечная елка с невероятно сложным рисунком лап и иголок. Вероятно, орилоуны выращивали свои корабли, а может, синтезировали из тела планеты, применяя направленный процесс «кристаллизации».

«Если бы не наше задание, я бы здесь остался, — сказал Ян Тот. — Весь мир Орилоуха — гигантская овеществленная формула, вернее, математический п р о ц е с с, изменяющийся со временем в соответствии с нуждами орилоунов, целенаправленных информпреобразований. Вот почему орилоуны так неохотно покидают свой мир».

«Это почему же?» — не понял Диего Вирт.

«Потому что каждый орилоун — лишь часть общей формулы, часть процесса, неспособная к законченному преобразованию, то есть к волеразумному действию. Ну, как бы часть тела, «усыхающая» при отделении. Они не могут долго находиться вне всего «общества», запас преобразований слишком мал для полноценного обмена информацией, и, достигнув «потолка», когда дальнейшие процессы обмена идти не могут, орилоуны «засыпают». — Ян подумал и добавил: — Или умирают. Для меня же самое поразительное состоит в том, что орилоуны все время изменяются, каждую секунду, каждый миг. Например, «конь», что принес на себе нашего Мориона, уже далеко не тот, что был вначале. Да, я бы остался здесь...»

«В чем же дело? — спокойно отозвался Грехов. — Оставь двойника, для тебя они сделают исключение».

«Не понял!»

«Дело в том, что мы для мира Орилоуха представляем собой посторонние включения, мусор, грязь, а вернее, нечто вроде информационного «вируса», искажающего адекватность и чистоту внутренних преобразований. Когда-то давно орилоуны весьма жестоко расправлялись с нашими разведчиками и контактерами, пока не заставили отступиться с исследованиями».

«Что ж, если вы договоритесь с ними, я оставлю дубля, а на обратном пути заберу», — сказал Ян Тот. Он был великолепен в своей уверенности.

Чужанин Морион ждал товарищей возле одной из «елок» высотой в полсотни и диаметром основания в

сто метров. Форма «елки» изменилась уже в тот момент, когда к ней приблизился чужанин, а когда подошли остальные члены экипажа, она и вовсе превратилась в сложнейший конгломерат «морозных узоров». Чем-то этот конгломерат походил на серого призрака в момент размышления, и Ставр поделился впечатлением с Греховым.

«У тебя хорошая интуиция, — рассеянно сказал Габриэль, разговаривая одновременно с чужанином. — Сеятели — конечная стадия развития формы жизни, которая образует цепочку: Тартар — Чужая — Орилоух — цивилизация «серых призраков». Все они одного корня, но разного уровня выхода в наш мир. Сеятели проэволюционировали на миллионы лет раньше, только и всего».

Ставр уже слышал подобную версию от Яна Тота, но, получив подтверждение Грехова, все же пережил несколько удивительных минут соприкосновения с тайной. Чужанин, Грехов и Ян уже скрылись в недрах орилоухского спейсера, а Ставр все еще дивился на него, пока развеселившийся Диего не подтолкнул его в спину:

— Смелей, эрм, еще не то узнаешь.

— Ну и дела!

— Это уж точно.

И они заторопились на зов руководителя экспедиции.

Внутри корабль орилоунов во всех своих проявлениях не отличался от «тоннеля», по которому только что «путешествовали» земляне: ни одного источника света, но прекрасная видимость, красивые, гармоничные изгибы белоснежно-хрустально-серебряных стен с «морозным» рисунком, бегущие по потолку «живые» сталагмиты, разглядывающие гостей, какие-то ниши, большие и поменьше залы, заросшие перепонками и ледяной паутиной. Но ничего знакомого из быта людей гости не увидели, хотя Ставр подспудно ожидал каких-то волшебных превращений, хотя бы визуально имитирующих земные условия. Единственными понятными предметами, попавшимися на глаза, оказались вполне земные с виду снежные кресла, предложенные пассажирам в одном из залов в окружении зарослей из сверкающих белизной ажурных кактусов и подсолнухов.

Пол в этом зале был похож на замерзшую речную гладь с редкими барашками и волнами, потолок напоминал арочное перекрытие из невероятной красоты изогнутых балок.

«Садитесь, — кивнул на кресла Грехов. — Хозяин сам знает, что делать, а во время полета нам придется довольствоваться своими запасами. Есть-пить хотите?»

«Я думал, нам предложат комфортные каюты, — весело сказал Диего. — Неужели орилоуны не могут создать для нас земные условия?»

«Потерпишь, аристократ. К тому же орилоун, внутри которого ты находишься, и без того рискует жизнью или во всяком случае здоровьем. Он запросто может подхватить какую-нибудь «болезнь» вроде необратимых изменений при одном только контакте с нами».

Диего присвистнул.

«Героический парень! Так что же, мы теперь будем сидеть и ждать, пока не прилетим?»

Чужанин, скалой торчащий в гуще «зарослей», скользнул по «льду» пола к стене зала и растворился в ней без следа.

«А он орилоуну не создает дискомфорта?»

«Они родственники в каком-то смысле, так что за него не беспокойся. А нам лучше посидеть тихо».

Все расселись по креслам, замолчали. Хотя через некоторое время Диего сказал:

«Все-таки хорошо бы видеть, куда мы летим...»

Не успел он закончить, как пол под ногами потемнел, стал прозрачным и превратился в экран или, скорее, огромное окно, сквозь которое стал виден космос.

Оказывается, они уже стартовали, хотя пассажиры никаких ощущений при этом не испытали. Далеко внизу, слева от кресел, на фоне редкого бисера звезд светился белесый шарик Орилоуха, справа сверкала, как бриллиант, центральная звезда системы, и все это плавно уменьшалось в размерах, уходило назад, пока за считанные минуты планета и ее солнце не стали такими же искрами, как и звезды Галактики.

«Идем шпугом, — сказал Диего. — Оказывается, орилоуны тоже умеют ходить с двойным ускорением, как наши спейсеры».

И снова, будто отреагировав на его слова, стали прозрачными стены зала и потолок. Со всех сторон люди в креслах были теперь объяты тьмой космоса. Стал виден Млечный Путь, но не так, как с Земли. Орилоух был расположен, во-первых, ближе к ядру Галактики и как бы над ее плоскостью, а во-вторых, в другом спиральном рукаве. Хорошо было видно, что это действительно спираль.

Над головой слабо светилось скопление галактик Волосы Вероники, левее — горели облака света в Треугольнике, правее и под ногами сияли цепочки далеких галактик в Персее и Геркулесе, а еще дальше чернел абсолютный провал без единого лучика света — войд, гигантская, в миллионы парсеков, ячейка пространства, свободная от звезд и их скоплений, оконтуренная со всех сторон волокнами галактических скоплений.

Люди, знавшие толк в красоте и гармонии, созерцали бы эту волшебную, хотя и достаточно привычную, картину долго, если бы не старт орилоуна. Спейсер изменил ориентацию, замер на мгновение, задрожав, как бьющий копытом в нетерпении рысак, и рванулся вперед со всевозрастающей скоростью.

«Поздравляю, стармены, — сказал Грехов с рассеянным видом. — Он решил показать нам все эффекты хода на сверхсвете. Видимо, понравились мы орилоуну. Когда меня транспортировали внутри «призрака», я ничего не увидел».

«Это значит, что орилоуны овладели «штриховой» сверткой измерений, — сказал Ян Тот. — Кстати, Габриэль, а лемоиды, случайно, не родственники орилоунов? Вы ведь в курсе, что возле нагуалей сначала появились лемоиды, а движутся они тоже в манере «струнного штриха».

«Лемоиды не имеют к орилоунам ни малейшего отношения. По одной из версий это всего-навсего пузыри иного вакуума, макроквантовые флуктуации глюонного поля вблизи нагуалей. И разума в их поведении не больше, чем в горении костра».

«А есть и другие версии?»

«Есть объективная реальность... не допускающая таких эффектов в нашей метавселенной».

«Так что же, лемоиды... не существуют?»

Грехов не ответил, закрыв глаза.

Ян Тот хмыкнул, переглянулся со Ставром, которого тоже заинтересовали намеки Габриэля.

«Жаль, я не начал этого разговора раньше. Надобно проверить кое-что... Габриэль, а горынычи — тоже фантомы?»

Грехов открыл глаза, в которых туманилась неизбывная печаль.

«Файвер, ты все понимаешь с ходу, а с проверкой потерпи до возвращения».

Тот кивнул и, не отвечая на недоуменный взгляд соседа, ушел в свои мысли. Ставр не решился переспрашивать его, хотя ничего в диалоге Яна и Грехова не понял.

«А все-таки вы не ответили, — сказал Диего Вирт. — Мы не наткнемся на нагуаль, как лайнер «Баальбек»?

«Думаю, что орилоун знает, как обойти нагуаль. А если нет, значит, не повезет».

«Ну спасибо, отец родной, — фыркнул Диего. — Утешил!»

Орилоунский спейсер продолжал пожирать пространство, набирая скорость небывалыми темпами, и уже начали сказываться эффекты подхода, а потом и пересечения границы скорости света.

Сзади звезды поредели и покраснели, впереди сгустились и поголубели. Затем сзади небо стало черным, а впереди все звезды собрались в один гигантский рой, все увеличивающийся по мере того, как спейсер догонял кванты света, испущенного задними звездами. И наконец рой впереди стал сжиматься, сиять все ярче, пока не сжался в точку, окруженную более слабым гало. А когда скорость корабля стала почти сравнимой с бегущей «струной», произошел как бы сильнейший разряд, пространство лопнуло, разорвалось и во все стороны прянули потоки и клочья звездного огня...

Стены зала потускнели, картина космоса, проколотого «иглой» спейсера, исчезла... чтобы через мгновение появиться снова в прежнем обличье. Корабль окружало множество неярких, но крупных, в большинстве своем красных и оранжевых звезд. Одна из них, бордово-малиновая, сияла совсем близко.

— Мы у цели, — очнулся Грехов от своих размышлений. — Шаровое скопление M13 перед вами, господа.

Около шестисот холодных красных гигантов поздних классов от М до К. Прошу любить и жаловать. Ждите, нас позовут.

Ставр и Ян Тот переглянулись. Было заметно, что Тот Мудрый заинтригован, и Панкратов позавидовал его увлеченности и любопытству. Тот был исследователем до мозга костей и жил в своем мире, мире вечного зова тайны и творческого поиска.

«На таком корабле можно долететь и до границ домена», — сказал Диего Вирт дипломатично.

«Вряд ли, — возразил Ян. — Размеры домена — десять в степени миллион[1]. Для преодоления такой бездны пространства требуются другие методы преодоления линейных расстояний».

«Вы правы, дружище, — сказал Грехов. — И такие методы существуют. Нам предстоит в этом убедиться».

Из стены вышел чужанин, сказал на своем пси-визуальном языке:

«Выходить есть возможность».

Люди встали из кресел одновременно.

С точки зрения землянина, ничего похожего на космическое сооружение они не увидели.

Спейсер висел рядом с туманно-белесой трубой диаметром в километр-два, уходящей в обе стороны в бесконечность. Труба и представляла собой загадочный «структурный стабилизатор», созданный серыми призраками неизвестно когда и неизвестно для каких целей.

Ставр оглянулся.

Группа землян вместе с чужанином и «ящерицей» автоматического склада висели рядом с орилоунским спейсером, ставшим вдвое короче по сравнению с первоначальными размерами. Видимо, преодоление более двух десятков тысяч световых лет стоило ему потери половины запасов энергии и массы.

«Попрощайтесь с ним, — сказал Грехов. — Он возвращается».

Скафандры из «чистой энергии» позволяли ему и Панкратову выглядеть так, будто они вообще находи-

---

[1] Имеется в виду сантиметров.

лись в открытом космосе без каких-либо скафандров. Впрочем, и «пузыри» на Яне и Диего открывали их не меньше. Если бы кто-нибудь из нормальных людей увидел их команду сейчас, он поверил бы в чертовщину.

«А как же мы?» — спросил Ян Тот.

«Дальше мы пойдем своим ходом. Следуйте за мной».

Грехов стал отдаляться от группы, приближаясь к белесой трубе. Через минуту он превратился в точку, коснулся трубы и исчез в ней без следа. Тотчас же за ним двинулись чужанин и «варан»-склад.

«Я подозреваю, что это нечто вроде визуального эффекта стационарной «сверхструны», — сказал Ян Тот, не потерявший привычки анализировать непонятные явления.

«Что и каким образом может стабилизировать «струна»? — скептически отозвался Диего Вирт. — Габриэль сказал, что это «стабилизатор структур».

Висящий сзади орилоун вдруг исчез. Домой он решил возвращаться в режиме «струна», развлекать ему было некого.

Ставр пожелал ему доброго пути и дал команду своему невидимому костюму начать движение.

Труба стабилизатора начала приближаться, увеличиваться в размерах, пока не превратилась в почти плоскую стену голубовато-серебристого тумана. Ставр направил себя в то место, где один за другим исчезли Грехов и чужанин, невольно задержал выдох, будто нырял в воду, и... оказался в нормальном земном помещении, похожем на зал визуального контроля какого-нибудь спейсера. Посредине стояли на полу — гравитация в зале была вполне земной — Грехов, чужанин и еще один человек, в котором Ставр с изумлением узнал второго Грехова, только одетого иначе — в серый уник со множеством кармашков и молний.

«Ага, вот они где», — раздался голос Диего, и рядом с Панкратовым появились Ян Тот и Вирт. Последовала пауза, которую со смешком прервал Диего:

«Значит, мы попали куда надо? Вы не Сеятель, случайно?»

«Это инк местного обслуживания, — проворчал Грехов. — И все, что вы видите, — иллюзия уровня-5. Контрразведчик, надеюсь, понимает в этом толк».

Ставр кивнул.

«Структурный стабилизатор» создан серыми призраками недавно, — продолжал Грехов, — лет сорок назад по нашему летосчислению, и служит он для контроля состояния вакуума в нашей метавселенной. Серые призраки тоже знали о просачивании в наш мир «вируса ФАГа» и приняли кое-какие меры».

«Ну, хорошо, это действительно стабилизатор, и он что-то здесь стабилизирует, но мы-то что будем с этого иметь? Если твой двойник — не Сеятель, знает ли он, где искать своих хозяев?»

«Как вам сказать, — улыбнулся псевдо-Грехов совсем по-Греховски, — и да, и нет. Думаю, что Сеятели ушли из данной метавселенной в соседний домен, а может быть, и вообще вышли за пределы Универсума, в Большую Вселенную, было у них такое намерение. Однако их можно отыскать».

«Каким образом?»

«Вы находитесь внутри двенадцатиметрового континуума, который можно охарактеризовать как перегиб пространств. Иначе говоря, это одновременно и канал мгновенной масс-транспортировки».

«Я был прав, — хладнокровно заметил Ян Тот. — Это «полуразвернутая сверхструна».

Двойник Грехова с интересом глянул на ученого.

«Кажется, я имею честь встретиться еще с одним из файверов?»

Ян Тот хмыкнул.

«Вы имеете в виду, что я — представитель пятой волны разума? В таком случае вы тоже один из нас?»

«О нет, я лишь машина для обслуживания инфинитного канала, инк, как принято говорить у вас, но я уже имел дело с файверами и могу выделить их из толпы. Прошу ваших друзей не обижаться».

Ян Тот шагнул к лже-Грехову и перешел на другую пси-частоту, и Ставр перестал слышать его пси-голос. Габриэль кивнул, отвечая, видимо, на вопрос, подошел к Диего и Ставру.

«Пусть поговорят, пока есть время, у них есть общие темы».

«Я не все понял насчет «пятой волны», — сказал Диего Вирт. — Что Ян хотел этим сказать?»

«Что хотел, то и сказал. Он — файвер, то есть разумное существо Пятого поколения сапиенс-волны в нашем домене. Его родина — Земля, предки — люди, но все равно он файвер. Другие «пятерочники» родились в других местах, они есть даже среди известных вам каймано-идов и соотечественников эмиссара Джезенкуира. Помните, серый призрак сказал, что в результате действий Конструкторов должна была появиться раса их прямых потомков — Инженеров, Четвертая волна? Этого не произошло, но родилось множество цивилизаций типа земной, которые и стали Четвертой волной разума экспансивно-агрессивного эволюционного вектора. Вот из нее и вылупится когда-нибудь более мощная, изначально толерантная Пятая волна».

«Уже вылупилась», — тихо сказал Ставр.

Грехов посмотрел на него с одобрением.

«В общем-то, Ян и другие — лишь первые ростки новой сапиенс-жизни, но и ты, эрм, недалек от прорыва в эту жизнь. Хотя путь твой будет извилист и горек».

«Но этот твой двойник говорил, что уже встречался с файверами, — заметил Диего. — Кого он имел в виду?»

«Меня».

Ставр ожидал именно такого ответа, и все же ему стало не по себе. Хотя с другой стороны, он прекрасно понимал, что ему дается единственный реальный шанс стать файвером и пригласил его Грехов в команду, возможно, с этим расчетом. Готов ли он пойти так далеко? — Ставр подумал и признался в душе самому себе — нет, не готов. На Земле его ждала Видана... и родители. И друзья... и множество неотложных дел. Может быть, потом, когда закончится эта странная Война-Игра и все определится?

«Все определится раньше, — сказал Грехов с тонкой, иронично-грустной улыбкой, свободно прочитав мысль Панкратова. — Файвер — это не профессия, это состояние, определенное координатами твоей судьбы на линии Преджизнь — Жизнь — Наджизнь — Сверхжизнь. Наши координаты пока полны неопределенности Жизни. Кстати, состояние файвера вовсе не означает, что ты отринешь все человеческое и, как ангел, воспаришь в горние выси. Ян Тот, например, родился файвером, но он человек со всеми вытекающими отсюда послед-

ствиями. И эмоциями. И тоже может любить и ненавидеть».

«Что-то в этом я сомневаюсь, — проворчал Диего, склонный к прямоте. — А ты?» — обратился он вдруг к чужанину.

«Мы понимать люди редкость», — ответил еще более прямо застигнутый врасплох Морион.

Габриэль засмеялся и отошел к беседующей паре.

Инк «стабилизатора» и Тот Мудрый прекратили наконец беседу и расстались, довольные друг другом.

«Я полностью к вашим услугам, — сказал двойник Грехова, уже перенявший часть личных черт Яна. — Что желать изволите?»

«Кенгуру к границе мы желаем, — ответил Грехов. — Нам необходима встреча с Сеятелями, и мы их найдем».

«Я доставлю вас до следующего перегиба у границ домена, дальше спросите дорогу у других. Прощайте».

Инк исчез, а вместе с ним исчезла и обстановка «спейсерного» зала. Команда землян и чужанин повисли в жемчужном тумане, в невесомости. Затем словно птица махнула над ними гигантским крылом, туман расползся в стороны, открывая Бездну под ногами, и Дно Мира ринулось навстречу сквозь эту Бездну...

ДУККХА

С трудом переставляя ноги, Видана пробиралась по узкому каменному ущелью, стены которого, то пышущие жаром, то леденящие, испускающие волны жуткого холода, норовили зажать девушку, расплавить, или заморозить, или просто раздавить. Но она, упорно раздвигая эти стены руками и телом, шла вперед, превозмогая слабость и боль, останавливаясь только тогда, когда кожа начинала зудеть и чесаться, отваливаться кусками, обнажая твердый, в зеленых пятнистых разводах, хитиновый панцирь...

Видана вскочила и некоторое время сидела на кровати, глядя куда-то далеко, сквозь стены, не узнавая обстановки. Потом, поддерживаемая заботливой рукой бабки, легла, расслабилась, виновато улыбнулась.

«Сон плохой пригрезился? — проговорила Забава Боянова. — Что-нибудь со Ставром случилось?»

«Нет, я к нему шла... он далеко, я это чувствую... и очень чешется кожа!»

«Как же ей не чесаться, коли ты сделала себе Д-прививку. Терпи теперь. Надо же, что мужики с нами делают! И ведь каждый раз мы все равно покоряемся им. Нет, плохо природа устроена, менять законы надо».

Видана закрыла глаза. Вновь вернулась головная боль, не устраняемая волевым усилием, а кожа на теле зудела так, что хотелось царапать ее, рвать ногтями, содрать с себя как чехол, и пусть уж действительно будет вместо нее хитиновый панцирь, лишь бы она не раздражала, не чесалась.

Забава вздохнула, подошла ближе и замерла, опустив на голову и грудь внучки ладони. Через минуту Видана почувствовала облегчение, благодарно сжала руку Бояновой, но биоперенос действовал недолго, с час, потом все равно перестраивающийся организм девушки начинал угнетать нервную систему, и ничего поделать с этим было нельзя, пока не закончится процесс.

По щеке Виданы поползла слеза. Забава хотела пожурить ее, напомнить, ради чего она пошла на рисковую операцию с Д-прививкой, но вдруг поняла, что девушка плачет не от физической боли, а от того, что вспомнила отца. У Бояновой тоже подступил комок к горлу, потому что Веселин был ее сыном и погиб в атаке ФАГ-террористов по нелепой случайности, но перебирать варианты его спасения было уже поздно. И все же просится слеза... — прошептала про себя «железная» бабка Виданы.

В комнату заглянул только что вернувшийся Железовский, сразу наполнив собой весь дом, и обе женщины почувствовали его молчаливую любовь и нежность, никогда не выражавшиеся в словах, но излучаемые и ощущаемые даже на расстоянии.

«Как дела, дед?» — попыталась улыбнуться Видана.

«Как сажа бела, — ответил Аристарх, подсаживаясь к воздушной кровати внучки. — А ты неплохо выглядишь, я ожидал увидеть мумию».

«Типун тебе на язык! — проворчала Забава, чмокнула мужа в щеку. — Вы тут поворкуйте, а я пока приготовлю завтрак».

— Что бы я без тебя делала! — сказала с улыбкой Видана, сжимая обеими руками громадную длань деда. — Рассказывай. Есть новости?

Аристарх понял, что она имела в виду Ставра, но сделал вид, будто речь идет о другом. У нее странным образом светились глаза и губы, и сердце деда сжалось от предчувствия: Д-прививка меняла не только плотность тканей, но и всю энергетику человека, а были подозрения, что и психику, и не было уверенности, что Видана выдержит перестройку.

Тихо «качнулась» вселенная, передав толчок мозгу и костям черепа. В голове зазвучал Голос Пустоты:

— Никто меня не... носите зонтики... падение реальности плачет красным ветром...

«Он сошел с ума! — прошептала Видана. — Я даже чувствую, как он страдает, пытаясь сообщить нам что-то важное».

«У тебя развилась джунглевая чувствительность, — пошутил Аристарх. — Но ты, наверное, права, Голос страдает, как и все мы. Новостей хороших мало, Дана. О Грехове с командой известно лишь, что они добрались до Орилоуха. Где они сейчас, никто не знает. А у нас ты сама видишь, что делается».

— Аристарх, к нам гости, — подала голос Забава.

В спальню через минуту вошли трое мужчин: Прохор Панкратов, Пауль Герцог и Людвиг Баркович, — и в доме сразу стало шумно и весело.

Каждый принес подарок, фрукты и вино, и даже Баркович, сбросив маску, галантно поцеловал пальцы девушки, сообщив вполне искренне, что она обворожительна! Видана повеселела, справилась с очередным приступом боли и меланхолии и с удовольствием окунулась в атмосферу компанейской доброжелательности, пикировки, шутливой перебранки и улыбок. Такого удовольствия она не испытывала уже давно. Не хватало в этой компании только Панкратова-младшего.

Час пролетел незаметно. Говорили о чем угодно, только не о делах. Баркович рассказал, как он удил рыбу в озерах Плоти Бога на Марсе и все время вытаскивал лягушек-мутантов. Герцог поведал историю, как он познакомился со своей будущей женой (оказывается, месяц назад он женился!), не зная, что она вы-

числила его еще будучи десятилетней девочкой. Прохор Панкратов привел в пример своих родителей, потом себя, развеселив всех жалобами на «тиранство слабого пола». Эти разговоры подвигли Аристарха рассказать романтическую историю любви Ратибора Берестова и Анастасии Демидовой, и к ее концу за столом установилась тишина. За всеми воспоминаниями маячила загадочная неординарная фигура Габриэля Грехова, также любившего Анастасию, но сумевшего заковать свои чувства в стальные латы воли и уйти. Правда, не только у Виданы, зачарованно вслушивающейся в рассказ, сложилось впечатление, что Грехов вернулся на Землю не в последнюю очередь из-за своей любви. Хотя, наверное, как никто другой понимал, что к прошлому возврата нет, а также знал, что Настя Демидова любит Ратибора и чувства их не охладели.

Приблизился приступ. Видана почувствовала, что начинает растворяться в тяжелом гуле, с каким через все ее тело потекла вселенная, и вскрикнула, на мгновение увидев в черной бездне стремительно падающего вниз Ставра. Боль хлынула в глаза, кончики ушей, в пальцы, в сердце, и девушка уже не видела, как ее перенесли на кровать, подключили к медицинскому комбайну и сделали сеанс биопереноса.

Через несколько минут она уже спала.

Большую часть времени патриархи синклита проводили теперь в бункере Железовского, опасаясь не столько за свою жизнь, сколько за сохранение своей потрепанной войной организации. Все они знали, что основную тяжесть борьбы с вторжением ФАГа взяла на себя третья ступень контрразведки, «контр-3», но ни один проконсул не имел понятия, кто руководит ею, каковы ее возможности и кто на нее работает.

Железовский, конечно, догадывался о роли некоторых общих знакомых, того же Мальгрива, например, или Герцога, однако без нужды решил не искать выход на верхний эшелон руководства «контр-3», довольствуясь каналами связи с теми, кто получал прямые задания оттуда, — с Велизаром и да Сильвой.

После случая с Баренцем синклит оказался как бы в резерве. Конечно, никто не подозревал в каждом проконсуле предателя, но и предлагать серьезные дела начальники «контр-3» синклиту не могли, потому что Ярополк Баренц успел раскрыть эмиссару ФАГа всю информацию о деятельности синклита в союзе с «контр-2». После такого провала рассчитывать на восстановление роли старейшин синклита не приходилось. И все же оставаться в стороне от перманентно военных действий они не могли.

Железовский размышлял об этом, когда в бункере один за другим появились Берестов, Лабовиц, примкнувший к отряду экспертов, Пауль Герцог и Мигель да Сильва. Опознаватель, вшитый в костюм Аристарха, признал в них «настоящих» интраморфов, хотя человек-гора и сам безошибочно чувствовал друзей.

Молча поздоровались, молча сели за столик с дежурными фруктами и напитками. Поколебавшись, Железовский сел рядом, на время выйдя из оперативного поля инка, с которым только что разрабатывал схему влияния ФАГа на события в Солнечной системе.

«Левашов встревожен, — сказал Герцог, лицо которого несколько потеряло былую жизнерадостность. — Вакуум возле Чужой стал совсем «рыхлым», амплитуда его флуктуаций возросла настолько, что радиоактивными становятся даже стабильные элементы».

«Этого следовало ожидать, — пожал плечами да Сильва. — Налицо реальное изменение закона в локальной области пространства. То же самое происходит и возле Копа де Плата, причем в больших масштабах. И не помогает никакая защита, потому что от вакуума защиты нет и быть не может: он всегда внутри нас, внутри любого объекта. Чем больше размеры нагуаля, тем выше фон давления чужого закона. А нагуали растут все быстрей».

«Совет безопасности забил наконец тревогу, — сказал Ратибор Берестов. — Хотя сделать, конечно, ничего не сможет, пока у руля совета стоит Хасан Алсаддан. Пора начинать операцию «Чистка».

«Для этого нужна координация всех наших сил, — хмыкнул Лабовиц. — А нас пока отстранили от активного участия в Войне. С кем ты пойдешь нейтрализовать Хасана? С женщинами? С негуманами?»

«У нас есть пара-тройка обойм...»

«Этого мало, необходимо полное компьютерное, энергоинформационное и агентурное сопровождение. Новый эмиссар без этого нам носа не даст высунуть».

«Ты считаешь, что он уже в Системе?»

«Наверняка. Ведь даже слепому видно, к чему ведет рост нагуалей в Системе, а все руководители высших эшелонов власти как ни в чем не бывало продолжают оптимистично заявлять о «скором прорыве в иную реальность». То есть они-то говорят правду, подразумевая победу ФАГа, но народ-то уверен в обратном, в «контакте с мощной цивилизацией», посыльными которой якобы являются нагуали. Разве факт «оптимистического помешательства» властных структур не говорит о прямом контроле ФАГа над их умами?»

Наступило короткое молчание, которое разрядил Железовский:

«Каково твое положение в секторе?»

«Шаткое, — ответил Берестов. — Сколько еще продержусь, не знаю, все зависит от конкретных расчетов Шкурина».

«У меня то же самое, — добавил Мигель. — В основном я занят тем, что охраняю Левашова, делая вид, что страшно занят разработкой теории нагуалей. Эмиссар ФАГа, может быть, и догадывается, что мы уже решили загадку нагуаля, а также тайну чужан-тартариан-орилоунов, но решительных действий не предпринимает».

«Что нам дает знание Левашовым тайн чужан? — спросил Лабовиц. — А ничего. Разве что возможность бегства в их вселенную».

Начальник сектора пограничных проблем промолчал.

«Не падайте духом, поручик Голицын, — проворчал Железовский. — В этой Войне выиграет в конце концов тот, кто больше знает. Пусть Универсумы воюют или играют — не суть важно — на своем уровне, но мы должны играть на своем. И выигрывать! Иначе зачем вообще мы существуем?»

«Выигрыш означает такое состояние Игры, при котором она продолжаться уже не может. Кто из нас способен оценить этот момент?»

«Из нас, может быть, никто, но я думаю, Грехов найдет такого эксперта».

«А ты не боишься, что Конструктор или кто там еще окажется большей бедой, чем ФАГ?»

«Боюсь, — спокойно ответил Железовский. — Но если не поможет Конструктор, не поможет никто».

«Не стоит ломать копья в предположениях, — сказал Герцог, доедающий уже пятое яблоко. — Мы еще не в цейтноте и можем сделать многое. Аристарх, мы пришли обсудить одну идею».

«Погодите, у меня возникла пара вопросов. Кто знает, где сейчас Баренц?»

Присутствующие в бункере переглянулись.

«Никто, — констатировал Аристарх мрачно. — Странно. Его нет ни дома, ни на работе, ни вообще на Земле. Неужели ФАГ убрал его?»

«Я попробую поискать по своим каналам, — после молчания сказал Герцог. — Зачем он вам?»

«Он мой друг...»

«Бывший».

«Он мой друг, и я хотел бы поговорить с ним, прежде чем... короче, он мне нужен. И еще вопрос: куда подевались К-мигранты и кайманоиды?»

«На этот вопрос ответить легче. Две их запасные базы мы раскрыли и захватили, я имею в виду базу эмиссара на Солнце и ЗПК, где держали Ставра и Видану. Реперная база гуррах пока не найдена, но есть подозрение, что она прячется в одном из горных районов Лаокоона на Марсе. Там видели гуррах. Я планирую разведрейд в это место».

«Я с вами, если не возражаете».

Герцог кивнул.

«Не возражаю. Теперь о деле. На базе тех данных, что получили ваша жена Забава и внучка Видана, Велизар хочет провести эксперимент по управлению полем нашего северославянского эгрегора. Нужен третий угол квалитета ответственности, а также третий перципиент».

«Кто первые два?»

«Велизар и Пайол Тот».

«Согласен. А почему эту честь решили предоставить мне? Разве вы сами не могли составить квалитет?»

«Мы в дублирующем экипаже, Аристарх. Эксперимент опасен, и нужна подстраховка. К тому же темные

эгрегоры все больше овладевают пространством, этому пора поставить заслон».

Лабовиц покачал головой.

«Если начнется война эгрегоров...»

«То что?»

«Человечество сойдет с ума! Нас ожидает эпоха дуккхи»[1].

«Ты можешь предложить что-то иное?»

«К сожалению, я не лидер своего эгрегора. Но тоже пойду с вами».

ДНО МИРА

Его разбудили звуки музыки.

Впрочем слово «разбудили» не совсем отражало его состояние, как и слово «музыка» — то, что он услышал. Скорее это был «белый шум» вселенной, который заставлял двигаться вопреки собственной воле, жадно вслушиваться в звуки, подпевать, рыдать и смеяться — так он был невыразимо сложен и прекрасен!..

«Белая музыка» стихла...

Ставр очнулся, с изумлением огляделся. Его спутники озирались по сторонам примерно с теми же чувствами, и даже Грехов выглядел заторможенным или рассеянным, прислушиваясь то ли к своим ощущениям, то ли к звукам внешнего мира.

Они стояли посреди совершенно пустого куполовидного помещения с черным полом и перламутровыми стенами. Сила тяжести здесь соответствовала земной, а источник света отсутствовал, казалось, светится сам воздух. И стояла в этом помещении такая глубокая тишина, что был слышен шум крови, бегущей по сосудам собственных тел. Никому из путешественников не удалось даже в потоке Сил прощупать, что за мир скрывается за стенами купола. Во всяком случае, с первого раза у Ставра это не получилось.

«Кто-нибудь из вас представляет, где мы находимся?» — поинтересовался Грехов, продолжая прислушиваться к чему-то. — Что это за место?»

---

[1] Д у к к х а — страдание *(хинди)*.

«Дно Мира», — сказал неунывающий Диего.

Ставр напряг силы, стараясь, чтобы этого никто не заметил, и на мгновение разорвал пелену глухой тишины и неподвижности.

«Погранзастава, — пробормотал он. — Это погранзастава серых призраков».

«У него очень хороший пси-резерв, — одобрительно глянул на Панкратова Ян Тот, обращаясь к Грехову. — Вы не находите, мэтр?»

«Посмотрим. Я на него очень рассчитываю, — сказал Габриэль с неким туманным намеком. — Судьба его блистательна и необычна, но механизм ее реализации понятен лишь Универсуму».

«Зато непонятен мне, — признался Диего Вирт. — Что за смысл ты вкладываешь в эти слова? Даже Универсум не может знать судеб своих отдельных клеток-вселенных».

«Почему? — заинтересовался Ян Тот. — Он ведь обладает полным знанием законов, используемых в той или иной метавселенной».

«Полная формализация научного знания невозможна в принципе, как и применение принципов детерминизма».

«Это по крайней мере спорно. Принципиальная невозможность полной формализации знания может быть законом только в нашем домене, в нашей метавселенной, об остальных мы ничего не знаем».

Диего спорить не стал, хотя возражения у него были, потому что он не раз беседовал с Греховым и знал то же, что и он.

«А почему мы не выходим? — спросил он. — Или нас ждет карантин?»

«Сам же сказал — это Дно Мира, — серьезно проговорил Ян Тот. — Мы у границы домена, где метрика пространства из индефинитной становится псевдоевклидовой, а то и вообще метрикой Минковского. Защита наших костюмов может не справиться с корреляцией местных законов».

«Возможно, ты прав, файвер, — вздохнул Грехов, снова посмотрев на Ставра с неопределенным интересом, словно приглашая его вмешаться в разговор. — Нам с Панкратовым придется выйти вдвоем. Ему не страшен

даже дьявол, он дигамбара, а я... — Беглая улыбка тронула губы Габриэля. — Я — мадхъяма».

С тихим звоном в сплошной стене купола появился прямоугольный контур. Грехов, не говоря больше ни слова, направился к нему, тронул стену рукой, и рука по локоть вошла в перламутровое мерцание, исчезла. Без задержки Грехов шагнул дальше, пропал. Ставр молча двинулся следом, на мгновение свет в глазах сменился тьмой, и он вышел... на вершину невысокого холма, поросшего обыкновенной зеленой травой. Отсюда открывался вид на бескрайнюю холмистую равнину, уходящую, казалось, в бесконечность. Небо над равниной выглядело вполне земным, высоким, безоблачным, ему не хватало только солнца и облаков.

Ставр оглянулся и вздрогнул.

За небольшим каменным строением, имеющим вид старинной часовенки, из которого вышли разведчики, в километре начиналась гигантская стена! Впрочем, слово «гигантская» не отражало масштабов явления. Сложенная из огромных каменных блоков стена уходила вверх и в обе стороны — в бесконечность, как и равнина с другой стороны.

— Вот это да-а-а! — раздался сзади голос Диего. — Это скорее Стена Мира, а не Дно.

Ставр оглянулся. Диего Вирт, задрав голову и приложив руку к затылку, смотрел вверх, на стену. В глазах его светились восхищение, изумление и недоверие. Рядом стоял Ян Тот, философски задумчивый и спокойный.

— Что вы об этом думаете? — спросил Грехов, не оборачиваясь.

— Нас держали, чтобы успеть создать этот ландшафт, — сказал Диего. — Сеятели где-то недалеко и наблюдают за нами.

— По-моему, это иллюзия, — тихо сказал Ставр, чувствуя, что вопрос больше относится к нему. — Гипноиндукционная картина уровня-5, игровая виртуальная реальность.

— Я же говорил: он тонко чувствует изменения поля Сил, — сказал Ян Тот. — Вы правы, геноссе Панкратов. Мы видим и чувствуем не то, что находится перед нами в действительности. Это — потенциальный барьер, от-

деляющий наш метагалактический домен от соседнего, не позволяющий клеткам-вселенным со своими наборами констант просачиваться друг в друга. Универсум в каком-то смысле — конгломерат таких клеток, приближающийся по инвариантности к абсолютному потолку сложности систем. Отдельная метавселенная, как наша например, не реализует всех возможных материальных структур, Универсум — реализует, но для этого ему понадобилось создать клеточную структуру своего тела, разделенную потенциальными барьерами.

— Настолько доходчиво, — засмеялся Диего, — что даже я понял. Но может быть, это не барьер, а мембрана? Конструктор ведь когда-то сквозь него просочился.

— Конструктор сделал это неумело и едва не погиб, — сказал Грехов, покусывая сорванную травинку. — Теперь-то он, конечно, знает, как просачиваться в соседний домен. Однако нам одним это не под силу. Если Сеятели не оставили рецепта, нам дальше не пройти.

Путешественники разошлись в разные стороны по равнине, пытаясь выйти из потока гипнореальности, чтобы увидеть истинную картину мира. Неизвестно, получилось ли это у остальных, но Ставр добился лишь «мигания» ландшафта: подсознанию удавалось отстроиться от внешнего поля внушения лишь на короткое время.

Ставр перестал делать попытки анализа обстановки, подошел к Грехову, сидевшему на корточках над каким-то невзрачным на вид цветком.

— Я давно хотел спросить... это вы подсказали моему терафиму, где искать нагуаль в лесу?

— Было такое.

— А в доме тоже побывали вы?

— Надо было обезвредить микрошпиона, внедренного в твоего инка.

— Я так и понял.

Из часовни тяжело выползли чужанин и ящер НЗ.

С тихим шорохом в головах людей зажглись огненные слова-ленты чужанского пси-языка:

«Нас приглашать обед беседа приятность».

— Пошли побеседуем, — согласился Грехов.

— Неужели прибыл Сеятель? — хмыкнул Диего.

— Скорее всего с нами будет говорить инк погранзаставы.

Габриэль оказался прав, их ждал видеофантом местного инка, контролирующего данный комплекс — даже не сооружений — виртуальных состояний погранзаставы. И этот «уголок природы» со Стеной на самом деле был своеобразным «дном Мира», на котором замыкался домен родной метавселенной. Если бы возможен был полет на спейсере с неограниченным запасом хода до границ домена, этот полет в любую сторону от точки старта привел бы корабль сюда, к заставе, созданной серыми призраками.

Хозяин заставы, неотличимый внешне от человека, молодой, смуглый, черноволосый, неуловимо похожий на Грехова, ждал их в часовне, внутреннее убранство которой теперь напоминало интерьер какого-нибудь современного элитного клуба. Был предусмотрен даже кегельбан, где гости после беседы с удовольствием побросали тяжелые шары, сбивая кегли.

Расположились все, кроме чужанина, в баре, где тихо играла музыка и в такт с ней менялся цветовой узор на потолке и стенах. Тоник, появившийся на столе, казался натуральным и вкусным, пирожные, горячие бутерброды и мороженое также не выглядели искусственными или миражами, и все же Ставра не покидало ощущение, что кормят их иллюзиями.

— Мне известна причина, по какой вы прибыли сюда, — начал «бармен», предложивший называть его просто Человеком. — Но прежде, чем решить, стоит ли вам идти дальше, хочу предупредить о возможных последствиях вашей экспедиции.

— Мы знаем, — флегматично заметил Ян Тот.

Человек посмотрел на него с интересом.

— Кажется, я имею честь разговаривать с файвером. Очень приятно познакомиться. Люди вашего круга так редко появляются на заставе.

— Так они все-таки появляются? — поднял бровь Грехов. — Кто же, если не секрет?

— Вы...

— Я не в счет.

— За время своего дежурства я встретил лишь двоих файверов, одного землянина по имени Гаутама и гуманоида с приграничного мира Джезен.

— Да, файверы — интегральная раса, — кивнул Габриэль. — И есть в ней место даже для представителей

племени эмиссара Джезенкуира, с которым мы имели честь скрестить шпаги.

— Ну, то, что здесь побывал джезеноид, понятно, — сказал Диего Вирт, — их мир действительно где-то близко отсюда, а вот что понадобилось Будде?!

«То же, что и остальным, — пожал плечами Ян. — Захотелось заглянуть в Запределье. Уверен, Гаутама достаточно попутешествовал по родной вселенной, прежде чем пришел сюда.

Пол и стены «бара» вдруг качнулись, снаружи через дверь просочился приглушенный грохот и треск. Люди вскочили. Человек, стоящий у стола с бокалом тоника, исчез. Грехов стремительно вышел из зала, остальные устремились за ним. Взору их предстала та же равнина, но исполосованная трещинами, со всех сторон окруженная дымящимися горами!

Постояв несколько минут, путешественники в безмолвии вернулись в «клуб», где их терпеливо ждал Человек, одетый теперь в официальную форму пограничника.

— Извините, я не предупредил. Хотя вы должны были знать. Уровень радиации чужих законов гораздо выше, чем в середине домена, что порождает эффекты ложного просачивания, сужения горизонта многомерного континуума, макроквантового мерцания и появления нагуалей. Что мы и наблюдаем. А стабилизировать границу, то есть потенциальный барьер, ставший относительно «рыхлым», тонким, удается все с большим трудом. Мы, призванные контролировать процессы в домене, понемногу теряем Фохат... как бы это сказать... жизненный принцип, что ли, жизненную силу. Поэтому консультация наших создателей — Сеятелей, как вы их называете, была бы нам кстати. Мы не раз пытались вызвать их сюда, но... — Человек развел руками. — Они нас не слышат.

— Это следует понимать как отказ направить нас дальше? — осведомился Диего Вирт.

— Нет, если Сеятели не ответят, я переправлю вас через Стену барьера, но поймите... — Человек замялся. — Один вы не сможете адекватно оценить жизнь в других доменах, регулятивы которых невозможно представить даже приблизительно. Человеческий мозг, на-

сколько я знаю, способен воспринять и перерабатывать не более десяти в одиннадцатой степени бит информации в секунду, а чтобы осознать многомерие, скорость обработки информации должна быть на четыре-пять порядков больше.

— Что ж, для меня это не предел, — сказал Ян Тот.

— А для остальных?

— Даже для меня, — засмеялся Диего. — Я ведь наполовину человек, наполовину инк, машина.

— О чужанине не спрашиваю, а ваш товарищ? Я чувствую скрытую силу, но понять основу не могу.

— Он эрм с резервом файвера, — ответил Грехов, мельком глянув на Ставра. — Правда, сам он своих возможностей еще полностью не осознает.

— Тогда совесть моя чиста, я отправлю вас, как только придет ответ.

— Надо бы поспешить, — сказал Диего. — Ситуация у нас дома может измениться не в нашу пользу в любой момент.

— Не волнуйтесь, Война в вашем локальном регионе еще не началась. — С этими словами Человек исчез.

— Что он хочет этим сказать? — удивился Диего.

— Время — странная штука, — философски рассудил Ян Тот. — Вероятно, спускаясь по перегибу пространств сюда, на Дно Мира, мы одновременно пронизали и несчетное количество лет в прошлое.

Диего перевел взгляд на Грехова.

— А ты что скажешь, дубль?

— Ян прав. Время — сложнейшая физико-психологическая система, «зашнурованная» сама собой и мировым континуумом. Можно сказать, что наш домен еще только родился и одновременно уже умирает, как объект, исчерпавший все планы бытия. Когда-нибудь мы поговорим на эту интереснейшую тему.

Помолчали, переваривая заявление Габриэля.

— Н-да, для меня это пока сложно, — проворчал Диего. — Я вам не файвер, а всего-навсего бывший стармен-безопасник. Что же нас ждет такого необычного в другом домене? Ведь чтобы там существовали сложные формы материи, набор констант должен быть примерно таким же, как и у нас. Нет? Например, известно, что при

количестве работающих[1] измерений больше четырех в континууме не существуют аналоги звезд и планетных систем, потому что отсутствуют устойчивые атомарные конгломераты.

— Но движение материи сохраняется и там, только мы это действительно можем не оценить. Другое дело, что наборы констант в разных клетках Универсума разнятся не столь радикально. К примеру, устойчивые связанные состояния в домен-вселенных типа нашей реализуются, только если электромагнитная константа[2] равна одной сотой. Но она остается константой и при значении в двенадцать тысячных и при значении в восемь тысячных, что позволяет в сочетании с другими слабо измененными по сравнению с нашими константами создавать сложнейшие конфигурации пространств. Помните, Голос Пустоты предупреждал, что флуктуативность дельта-эм не должна превышать трех-четырех ее значений? Совершенно верно, изменись эта константа так сильно, и связи пакета законов, присущих нашей метавселенной, начнут распадаться, что приведет к перестройке физических условий домена.

Снова наступило молчание, во время которого каждый оценивал кирпичики новой информации и укладывал их в здание своего личного знания.

— Зря я его не спросил, куда именно ушли Сеятели и зачем, — сказал наконец Диего, набрасываясь вдруг на еду.

— Насколько я понял из его объяснений, — Грехов пошевелил пальцами, — мы говорили с ним и по личному каналу, пока вы беседовали, Сеятели занялись общей теорией Пространств Жизни, если дать видимость формулировки этой проблеме. Ценности цивилизации серых призраков вообще практически воплощены в мышлении и познании, в созидании сложнейших, изощреннейших философских и этических систем без малейшей примеси человеческих пороков, таких, как агрессивность,

---

[1] По теории «суперструн» размерность нашей Вселенной равна 506, но из них развернуты в объем пространства-времени лишь 4, остальные скомпактифицированы, то есть имеют планковские размеры.

[2] e^2/ch, где e — заряд электрона, c — скорость света, h — постоянная Планка.

ложь, жажда власти, жажда убийства, ненависть и злоба. Именно поэтому они смогли стать Инженерами... хотя и не в нашей вселенной. В какой-то другой. Повезет — увидим, в какой.

— Инженеры? — поднял голову от стола Диего. — Это те, кто должен был прийти на смену Архитекторам и Конструкторам у нас? Почему же они не захотели стать Инженерами в собственной метавселенной?

— Возможно потому, что для них она не является родиной, — сказал Ян Тот. — Они — потомки тартариан, которые появились в домене на заре времен, миллиарды лет назад.

— Не слишком ли просто? — засомневался Диего.

— Относительно просто, — согласился Грехов. — Сеятели ушли искать свой дом. Нам тоже «еще не поздно выплыть в те края, где смерть сама — победа бытия»[1].

— Но если наш домен — не их родина, то захотят ли они помочь нам?

— Надеюсь, что помогут. Война для них, может быть, таковой не является, но она меняет условия во всем Универсуме, и Сеятели должны отреагировать на последствия таких изменений.

— Если только эти последствия для них имеют значение, — тихо обронил Ян Тот. — Мы встревожены, потому что рушится наш дом, но для серых призраков, как и для их предков — тартариан, чужан и орилоунов — изменение нашего континуума не является катастрофой принципиально. Они уцелеют при любом изменении законов.

— Не при любом, — качнул головой Грехов. — Если вакуум «поползет» по флуктуационной шкале вверх, возможен спонтанный разряд их континуума, энергетически более насыщенного, чем наш.

— И все же для них это не будет катастрофой, они выживут и в том мире, что придет на смену нашему, но нас в нем уже не будет.

— Прогноз, к сожалению, точен, — появился у стола Человек, который, конечно же, слышал весь разговор. — Однако будем оптимистами, друзья, мы еще не использовали все свои возможности. Отдыхайте, слуги

[1] Герман Мелвилл.

ФАГа здесь не появятся, хотя их можно увидеть в... скажем, в особые телескопы. Не хотите?

— Позже, — выразил общую мысль Грехов.

Они ждали решения инка заставы четыре дня — по своим внутренним меркам.

В «телескоп», предоставленный хозяином в распоряжение гостей, в который превращалась верхняя надстройка «часовни», все полюбовались на систему джезеноидов — Джезен-фанталлах, двойную звезду с четырьмя искусственно созданными плоскими кольцами, вращающимися, как перстни вокруг пальца, по два вокруг каждой звезды. Планет система не имела, очевидно, джезеноиды их «разобрали» на части, чтобы построить кольца, на которые потом и переселились.

В самой системе нагуалей не оказалось, но всего в десятке световых лет от скопления джезеноидов начинался войд, полностью заросший «паутиной» Большого Ничто, смотреть на которую было интересно и жутко. «Телескоп» Сеятелей позволял видеть все ее ветви и сгущения, напоминающие сложнейший геометрический узор «мороза на стекле». Кое-где хрупкие на вид «веточки» нагуаля уже вонзались в звездное скопление, ближайшее к «стене» потенциального барьера, и некоторые звезды, нанизанные на шипы Большого Ничто, напоминали взрывающиеся ракеты фейерверка, кипящие фонтаны ядерного огня, искусственно созданные «новые» звезды, сбрасывающие оболочку. Но и вдали от нагуалей происходили события, ранее невозможные с точки зрения местной физики. Константы, ответственные за эволюцию форм материи, медленно, но непрерывно изменялись, вселенная в этом районе «корчилась» от боли и пыток чужого закона, порождая макроквантовые флуктуации вакуума вроде гигантских «мыльных пузырей» — сферических «абсолютных зеркал», причудливых искажений формы звезд, потоков странных частиц типа тахионов, объектов с отрицательной массой и плотных гравитационных облаков без центральных силовых источников.

Сотрясения ландшафта с равниной и стеной были не частыми, но пейзаж они каждый раз меняли радикаль-

но, хотя автоматика заставы после землетрясений все же восстанавливала прежние конфигурации рельефа, поддерживая оптимальный уровень физики в пределах своих технических возможностей. Конечно, гости понимали, что выглядит погранзастава Сеятелей, да и местный уголок домена, совершенно иначе, а «равнина», «часовня», «стена» барьера — лишь иллюзии, внушаемые им аппаратурой заставы, но бесконечный пейзаж казался таким реальным, что Ставр не преминул сходить к Стене и пощупать ее «каменную» твердь. Серо-зеленая поверхность каменного блока была пористой, шероховатой на ощупь, холодной и ощутимо плотной, но стоило нажать на нее сильнее, и рука по локоть вошла в «камень», преодолев упруго-колючее сопротивление.

Ставр сосредоточился, подключив пси-резерв, вошел в поток Сил и на мгновение увидел-почувствовал натуральную явь, действительность данного участка пространства: Стена не исчезла, но из каменной превратилась в Стену Мрака, на которой как на гигантском плато вырос волшебный город света. Этим городом была сетчатая структура звездных скоплений, образующая вблизи потенциального барьера, разделяющего метавселенные, красивейшие, эстетически потрясающие завершенностью форм гроздья галактик и волокнистых «пейзажей». Но существовали в этой гармонической феерии света и мрачные провалы, соединявшиеся со Стеной Мрака черными, плотными, вихревыми рукавами, и похожие на хищных медуз черные образования, и просто пылевые тучи, размывающие общую панораму, и грандиозные ветвистые ультрачерные молнии, то ли вонзающиеся в Стену из глубин домена, то ли порожденные самой Стеной. Звездный ландшафт возле них искривлялся, искажал очертания, плыл и распадался на косые полосы затухающего огня, на искры и дымящиеся «угли».

Складка «сверхструны» — перегиб пространств, созданная Сеятелями, была и здесь видна перламутрово светящейся трубой, одним концом уходящей в бесконечность, а вторым вонзающейся в Стену Мрака, в Дно Мира...

Наваждение прошло. Ставр снова стоял на песчаном холме у Стены, лицо его овевал свежий ветер с равни-

ны. Рядом стоял Человек и рассматривал его прозрачными умными глазами.

— По-моему, вы рискнули выйти за пузырь индуцированной реальности, файвер. Что вам удалось увидеть, если не секрет?

— Граничное взаимодействие, — помедлив, сказал Ставр. Вспомнил любимые сказки. — «Тут все в одном место скучено: заветы прошлого, и яд настоящего, и загадки будущего»[1].

Человек усмехнулся.

— Вы абсолютно правы, воин. Мы ждали только вашего в з г л я д а на реальность, это все, — он широко повел рукой, — тест на готовность к следующему шагу. Вы тест прошли, поздравляю.

Ставр, не спуская глаз с хозяина заставы, отступил на несколько метров, коснулся машинально ладонью Стены. И вдруг стремительно покраснел, понимая все недосказанное Человеком.

Не стоило спрашивать: прошли ли тест его друзья.

Человек кивнул.

— Пойдемте, нас ждут.

И снова Ставр понял его, хотя не удержался от вопроса:

— Сеятели?

Ответом был слоган, непереводимый на человеческий язык, но сопровождаемый вполне человеческим одобрением.

Рядом оказались все члены команды, молча выразили свое отношение к случившемуся: Ян похлопал Ставра по плечу, Диего улыбнулся, Грехов просто кивнул.

— Пора прощаться, кабальеро, мы и так задержались.

— К-как прощаться? — не понял Ставр.

— Мне пора возвращаться домой. Не переживай. — Экзоморф хмуро улыбнулся. — Я оставлю замену, свое второе «Я», ничем не отличимое от первого. — Он вдруг раздвоился, и оба Греховых одинаковым жестом вскинули вверх кулак.

— До встречи на Земле. — Один из них посмотрел на Человека, и оба они исчезли. Второй Грехов задумчиво разглядывал Ставра, медленно приходившего в себя.

---

[1] С а л т ы к о в - Щ е д р и н М.Е. Вяленая вобла.

— Ничего, файвер, и ты научишься многократному дублированию, запасы у тебя есть. Кстати, учти, что Диего и Ян — тоже «половинки». Оба остались на Земле, а это — двойники. Надеюсь, ты не слишком расстроишься от этого известия?

— В зобу дыханье сперло, — сказал Ставр в том же тоне. — Заранее предупреждать надо, а то я уже начал подозревать в вас «переодетых» агентов ФАГа.

— Он мне нравится, — сказал Ян Тот.

ДРУГАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Бросок по «суперструне», выводящей команду путешественников за пределы домена в соседнюю метавселенную, ничем Ставру не запомнился. Во время перехода отключилось не только сознание, но и вся сфера паранормальных чувств, поэтому показалось — прошел всего один миг, в глазах потемнело, и тут же зрение восстановилось вновь. И хотя помещение, в котором «воскресли» путешественники, ничем не отличалось от прежнего: тот же купол с перламутровым мерцанием стен, тот же черный пол, тишина, — все сразу поняли, что они в д р у г о м мире. Ощущения у всех были, конечно, субъективными, отличающимися нюансами в зависимости от настроения, опыта, знаний и эмоционального наполнения, однако тонкий «запах» инородности, просачивающийся под купол, почуяли все.

«Приветствую вас в моей обители, странники, — раздался медленный, раскатистый, звучный пси-голос. — Надеюсь, переход прошел без личностных потерь?»

«Переход прошел нормально, — ответил Грехов-два. — С кем имеем честь разговаривать?»

«Я инк погранзаставы Ньюреал, можете называть меня Ньюменом. А вы, насколько мне известно, файверы из пограничного домена, откуда пришли и мои создатели. Я также знаю о цели вашего визита и уже послал донесение по трансгрессу о вашем желании встретиться с Инженерами. То бишь Сеятелями, как вы их называете. Как только они ответят, я вас извещу. Ваши пожелания?»

«Осмотреться», — флегматично отозвался «второй» Ян Тот. Впрочем, для Ставра они остались прежними,

так как ничем не отличались от своих прототипов, и он продолжал звать их, как и прежде.

«Нет ничего проще. Как информационно-адаптирующее устройство я весь к вашим услугам. Если желаете, предоставлю каждому отдельный канал или консорт-линию, но базисное знание можно получить и в приватной беседе».

«Пожалуй, я бы пообедал, — сказал Диего Вирт. — Может быть, составите компанию?»

Ставр недоуменно взглянул на Диего, и Грехов хладнокровно пояснил, перейдя на личную пси-волну:

«Диего человек из плоти и крови, так что не удивляйся. Хотя, конечно, искусственник, слегка усовершенствованный генинженерами по его же просьбе. Относись к нему потеплее, он чувствует все не хуже нас с тобой».

— Интерьер земного ресторана, будьте добры, — сказал Габриэль вслух. — И присоединяйтесь к нам, побеседуем.

Ян Тот хотел было возразить, но Грехов его опередил:

— Ян, вы вольны поступать так, как сочтете нужным. Если не хотите есть, включайтесь в местную информсеть и работайте.

В то же мгновение Тот Мудрый исчез. Видимо, он общался с инком заставы на другой частоте и уже заказал «отдельный кабинет». Вслед за ним исчез и чужанин, не нуждающийся в застолье земного типа.

Ставру тоже хотелось подключиться к информационному каналу напрямую, но он пересилил себя, понимая, что у Ньюмена, как и у Грехова, есть какие-то свои резоны посидеть за столом и «побеседовать».

Через несколько секунд появилась обстановка земного кафе, вернее, отдельного модуля с цветомузыкальным сопровождением, с удобными креслами и низким столиком с шампанским и десятком напитков. Музыка, звучавшая в помещении, напомнила Ставру ту, что он слышал на Орилоухе. Невыразимо сладкая, прекрасная и зовущая, она очаровывала и погружала в транс, кружила голову и пробуждала великое множество непередаваемых эмоций. Это была «белая музыка», выражающая бездну чужих пространств, доступная лишь тем,

чья эмоциональная сфера не ограничивалась пятью-шестью чувствами.

Инк заставы возник за столом в облике обыкновенного землянина, черты которого напоминали всех гостей сразу. Оглядел компанию, приветливо развел руками и откупорил бутылку шампанского.

— За встречу в новой реальности, друзья!

— Давно я не пил шампанского, — проворчал Диего Вирт, поднимая свой фужер. — За преодоление!

Шампанское было великолепным, и все же Ставру снова показалось, что пили они другой напиток, а все, что видел глаз и чувствовало тело, — лишь прекрасно созданная псевдореальность.

— По-моему, в вашей вселенной я еще не бывал, — небрежно сказал Грехов. — Иначе запомнил бы вас. Но и Конструктор здесь тоже не проходил, насколько я понимаю.

— Не проходил, к сожалению, — подтвердил Ньюмен. — Но я, конечно же, знаю, кто он и как появился на свет. Он ушел так далеко, что даже мои создатели не знают, где его искать. Знает лишь один... э-э... серый призрак, тот, который ушел вместе с ним, но он до сих пор не вернулся.

Грехов опечалился. Ставр смотрел на него с некоторым недоумением: Габриэль явно играл, демонстрируя чувства, которых никогда раньше не выказывал ни при каких обстоятельствах. Зачем это ему понадобилось, приходилось только гадать.

— Я надеялся, что Сеятель уже вернулся. Нам очень нужна его помощь.

Ньюмен кивнул.

— Понимаю, не спешите, что-нибудь придумаем. А как получилось, что вы расстались с Конструктором?

— Первыми не выдержали К-мигранты. Конструктор высадил их на одной из таких же, как ваша, погранзастав, но в другом домене, откуда они могли вернуться в нашу метавселенную самостоятельно. Но на них, очевидно, вышел местный эмиссар ФАГа и... — Габриэль сделал глоток шампанского, посмотрел сквозь фужер на собеседника. — Это тема отдельного разбирательства. К-мигранты вернулись на Землю, но уже в качестве агентов ФАГа. Потом попросился назад чужанин, чья

оболочка — слой его пространства жизни — истощила все запасы энергии. Мне пришлось его сопровождать. К тому времени мы забрались в такие дебри доменов Универсума, что выбраться в свою вселенную без помощи чужанин бы не смог... да и со мной вместе тоже. Сеятель сопроводил нас до «нервного канала» Универсума, пронизывающего все клетки-домены, но куда ушел потом, я не знаю.

— Он мог догнать Конструктора, — кивнул инк заставы. — А мог и сам отправиться путешествовать. Он был выдающимся чело... э-э... существом с очень большим энергоинформационным и этическим запасом. Среди людей таких называют гениями. Ну, хорошо, вы вернулись. И как же вы оцениваете условия существования в других метавселенных-клетках Универсума?

— Мои оценки и сравнения достаточно субъективны, но все же я пришел к выводу, что наилучшая из вселенных та, которая заставляет преодолевать препятствия, где выживание возможно, но не слишком легко. Больше всего подходит данному определению моя родная метавселенная, остальные, где я побывал, реализуют иные принципы и жить там я бы не хотел. Одна из них, например, достигла абсолютной симметрии формальных законов, что, естественно, привело к существенному сокращению разнообразия структур и к стагнации развития. В другой местные Архитекторы-Конструкторы-Инженеры создали нечто вроде рая, где жить очень легко, но не очень-то хочется, и в результате там и без вмешательства Фундаментального Агрессора наступил аксиологический коллапс.

Грехов помолчал. Ньюмен подождал продолжения, потом осторожно спросил:

— Не хотите ли вы сказать, что Универсум... болен?

Габриэль бросил на него острый взгляд.

— Вас это беспокоит?

— Не меня, моих создателей.

— Пожалуй, тревога их имеет основания, хотя делать выводы на основе трех-четырех посещений других доменов некорректно. Я думаю, если бы вернулся Сеятель, он смог бы развеять наши сомнения. В каждом домене ФАГ действует по-разному, но суть при этом остается одна — изменение закона! Может быть, вообще пришла пора

перемен, и ФАГ — лишь отражение этого нового Вселенского, на уровне всего Универсума, закона?

— Вы делаете очень интересные предположения, — вежливо улыбнулся Ньюмен. — Теперь я не удивляюсь, почему Сеятель дружил с вами. Гении быстро находят общий язык, даже если они принадлежат разным расам. Ну, а что вы думаете о войне, развязанной ФАГом в вашем домене?

— Я не называю этот процесс войной, хотя для человечества он выглядит именно так. Всякая война подразумевает борьбу Света против Тьмы, или Добра против Зла. Но во-первых, Свет — лишь вид Тьмы! А во-вторых, что такое Добро и Зло в масштабе Универсума? Всей Вселенной? По какому критерию их можно разделить? Мы даже на Земле не смогли определить абсолют добра, что же говорить о масштабах, несравнимо больших? Как-то лет двести назад люди решили уничтожить комаров, клещей и прочих кровососущих, мешающих жить. Но вместе с комарами тут же исчезли — вымерли! — десятки вдов птиц и животных, которых люди убивать вроде бы и не хотели.

— Я понял вашу мысль. В вашем домене ФАГ начал уничтожать «комаров»... так?

— Не совсем, все гораздо сложнее, уровней вмешательства ФАГа — около десятка, но как один из аспектов Войны «борьба с комарами» имеет место. И я, естественно, на их стороне. А разве в вашей вселенной ФАГ не проявил себя, как реорганизующая, отменяющая местные законы сила?

— Он пытался расщепить время, хотя в нашем мире оно и так трехмерно. Однако Сеятели, ставшие Инженерами местной вселенной, не дали ему развернуться. Правда, моим создателям пришлось самим изменять внутренние законы и встраивать во вселенную «амортизаторы зла», смягчающие любое внешнее вмешательство. И все же ваш взгляд на вещи очень близок идее Инженеров: пришла Пора Перемен. Да, вероятно ФАГ объективно существует и где-то успешно проводит в жизнь свои стратигемы, как Игрок, равный по мощи Универсуму, но он не является носителем зла, каким стал в представлении многих ваших соотечественников. К тому же Игра между Универсумом и ФАГом ведется

очень давно, миллиарды лет, изредка достигая пика перестройки вселенных, но никто никогда не называл ее Войной.

— Погодите, у меня кровь стынет в жилах, — сказал Ставр, не сводя потемневших глаз с лица Ньюмена. — Вы хотите сказать, что после достижения очередного коллапса игровых отношений... вселенные перестраиваются? Не может быть!

— Фома Неверующий, — засмеялся Диего Вирт. — Как сказал очень древний мудрец: «Ничего не происходит без причины. Чего не может быть, того и не бывает. Если же что-то случается, значит, это возможно»[1].

— Кажется, он понял, — кивнул на Панкратова благожелательно настроенный хозяин заставы.

— Что же ты понял? — поднял брови Диего.

— Не может быть! — повторил Ставр, поражаясь простоте своей догадки. — Значит, и Архитекторы и Конструкторы перестраивали наш домен не по своей воле, а в соответствии с концепцией... Игры?!

— Примерно так, эрм. Игра — эргодический процесс, который уничтожает следы своего протекания и к данному состоянию приходит через серию сильно отличающихся состояний. До появления человека ваша метавселенная изменялась дважды — Архитекторами и Конструкторами, пришла пора новых перемен.

Ставр настолько был оглушен новостью, что не скрывал этого.

— Тогда зачем все это? Наша возня... борьба... война с ФАГом?.. Все равно мир изменится — что под влиянием ФАГа, что под влиянием других сил, тех же Сеятелей. Человечество не уцелеет ни в том, ни в другом случае.

— И все же будет лучше, если мы поучаствуем в процессе преобразований, — мягко сказал Грехов. — Существует закон, который игнорирует ФАГ: абсолютно правильная этика отождествляется с классом решений, динамически оптимальных. И Архитекторы и Конструкторы действовали в рамках этого закона, подгоняя параметры существования домена под необходимые для нормального развития условия жизни всего Универсума.

---

[1] Цицерон.

Если этого ФАГ не учтет, домен-клетка станет Универсуму не нужен, как неизлечимо больной орган, и будет отторгнут. Вот почему наша... хм... Война останется для нас войной со всеми вытекающими последствиями, и мы должны ее выиграть... или уйти в небытие.

— Такие случаи уже бывали? — спросил Диего, ничуть не встревоженный нарисованными перспективами.

— Много раз, — ответил Ньюмен. — Именно поэтому Универсум потерял некоторую вероятностную свободу мотиваций при определении концепций выигрыша в каждом конкретном случае, то есть в каждой конкретной своей клетке-вселенной. О человеке в этой ситуации мы бы сказали, что у него температура.

— Воспалительный процесс, — подсказал Диего.

Инк заставы посмотрел на него, но продолжать не стал.

— У вас ко мне лично нет вопросов?

— Расскажите о своей вселенной. — Диего сделал вид, что не заметил взгляда. — Я человек простой, масштабы, уровни, цели Универсума меня не волнуют, однако оценить условия жизни в домене я, наверное, смогу.

— Нет ничего проще, — подыгрывая ему, ответил Ньюмен. — Пространство нашей метавселенной имеет дробную размерность — три и четырнадцать сотых[1], из-за чего фигурами равновесия являются фракталы[2]. Звезд и планет, подобных Солнцу и Земле, нет, хотя атомы и молекулы существуют. Но это не знакомые вам протоны, нейтроны, электроны и другие частицы, а возбужденные состояния местного вакуума, представляющие для нашей вселенной элементарные «кирпичики» мироздания. Зато устойчивых изотопов — конфигураций местных «протонов» и «нейтронов» — существенно больше, чем в вашем мире. Время здесь тоже имеет дробную размерность, что наглядно человеку Земли представить невозможно. Процесс эволюции напоминает в нашем мире синтез и распад одновременно, расщепление и слияние струек воды с «разным временем». Фигура симметрии из-за этих эффектов — нечто вроде трезубца с шипами разной длины.

---

[1] Число π («пи»).

[2] Ф р а к т а л — непрерывная нерегулярная последовательность, принципиально не поддающаяся интегрированию.

— Очень любопытно, — оживился Диего. — Возле нагуалей в нашем мире появились эдакие трехголовые «змеи-горынычи», уж не аппараты ли Сеятелей?

— Возможно, — улыбнулся Ньюмен. — Хотя я лично ничего об этом не знаю. Хотите увидеть, как выглядит наш космос?

Ответом было общее молчаливое согласие.

Интерьер земного бара исчез, компания ненадолго оказалась в темноте, а потом со всех сторон проступила удивительная картина: тысячи, миллионы пушистых ажурных шаров сверкали вокруг, как необычные новогодние елки, украшенные гирляндами огней!

Форма «елок» не везде была идеально круглой, но их ветви образовывали нечто вроде перекати-поля, сгустка травы или мха, кончики которого и светились разноцветными огнями, создавая впечатление «включенного освещения».

Некоторые из «елок» были очень большими и невероятно сложными, хотя можно было заметить, что их веточки не пересекаются, действительно напоминая геометрическую загадку — фрактал, но встречались и вовсе простые «кустики» — из трех-четырех веточек. Это были новорожденные «звездопланеты» здешней вселенной. Концы их светились потому, что шла реакция синтеза из местного вакуума плоти «звездопланет». Они по сути и были «звездами», источниками тепла, света, энергии, а «планетой» становилась уже остывшая «веточка», при определенных условиях дающая жизнь удивительным существам, в том числе и разумным.

Космос здешней вселенной не был темным, потому что его вакуум не был континуумом с наинизшим уровнем энергии, — он искрил, флуктуировал, постоянно рождал новые «кусты звездопланет», многие из которых тут же гасли. Вселенная мерцала, вспыхивала, бликовала, пускала зайчики в глаза, пенилась, взрывалась и гасла, и любоваться этим многокрасочным неистощимым фейерверком можно было вечно...

— Да-а! — с шумом выдохнул Диего Вирт через несколько минут. — Жить здесь весело!

Картина космоса Сеятелей исчезла. Люди снова оказались сидящими в креслах за столом в окружении вполне земных вещей. Правда, к ним теперь прибавился Ян

Тот. Поприветствовал всех бокалом с ярко-оранжевой жидкостью.

— Не скучаете?

— Здесь не заскучаешь, — ответил Диего, поднимая свой бокал с шампанским.

Грехов смотрел на Тота вопросительно, и Ян ответил на его невысказанный вопрос:

— Ваш приятель сюда не возвращался. — Тот имел в виду серого призрака, с которым Грехов отправлялся в путь «верхом» на Конструкторе. — Он поставил себе задачу: найти родную метавселенную, где они родились, откуда их предки — тартариане были катапультированы и внедрены в нашу.

— А если до сих пор он не вернулся, — закончил Диего, — то не нашел. В таком случае придется распрощаться с идеей встречи с ним, а заодно и с надеждой на помощь.

— Не совсем так, — возразил Ньюмен. — Я устрою вам встречу с одним из моих создателей, а вам придется доказать ему важность ваших целей.

— Спасибо, этого достаточно, — кивнул Грехов. — Сколько вам потребуется... — Он не договорил.

Ставру вдруг показалось, что черная лапа сжала ему голову, тут же отпустила, но, исчезая, попутно искривила пространство вокруг, создала волну леденящего ветра.

Инк заставы исчез. Какая-то сила продолжала колебать пространство, размывать знакомые контуры объектов, затуманивать сознание.

— Что, черт возьми, здесь про... — начал Диего, вскакивая.

Ставр, прислушиваясь к своим ощущениям, понял первым:

— Может, я и ошибаюсь, но это — погоня!

— Ты прав, эрм, — медленно проговорил Грехов, становясь полупрозрачным. — Нас настигла погоня второго рода... а я надеялся, что мы ушли тихо. — Он посмотрел на Диего. — Тебе это ни о чем не говорит?

Диего Вирт сжал руки в кулаки и сунул в карманы.

— Странно все это... если не сказать больше. Неужели они добрались до моего первого «Я»?

— Увы, так оно скорее всего и есть. Хотя не понимаю, как «Я»-первый допустил это.

— А может быть, за нами следили?

— И это возможно. Факт остается фактом: нас достали.

— Будем уходить на цыпочках?

— Как раз наоборот, устроим шум. Пусть Игрок убедится, что мы все вместе и продолжаем путь.

Рядом возникла живая глыба Мориона.

«Враг вползать... решение успеть... делать отпор?»

«Что значит — погоня «второго рода»? — спросил Ставр.

«Пси, — ответил Грехов. — Эмиссар ФАГа, отвечающий за весь наш домен, пустил по следу «пси-собак». Но поле Сил этой вселенной ему не подчиняется... как и нам, впрочем. Зато у нас есть шанс его остановить».

«Зачем надо поднимать шум, если мы можем уйти незаметно?»

«ФАГ не должен догадываться, что мы начали играть с ним по своим правилам».

«Не понимаю».

«А ты подумай на досуге, зачем в Системе остались наши первые «Я», — сказал Ян Тот. — И давайте поспешим с ответом, иначе наша реакция покажется кое-кому подозрительной».

Ставр понял подсказку сразу: Грехов и Тот вернулись в свой домен, чтобы помочь выжить оставшимся.

Боя с просочившимися на заставу «пси-собаками» эмиссара не получилось.

«Собака» была одна — настоящий пси-дракон, вылезший из-за произвольно открывшейся «заслонки» в мигающем тоннеле «сверхструны», который соединял метавселенные. Пока «дракон» осматривался в незнакомом мире и вынюхивал беглецов, инк заставы, не уступающий в скорости мышления серым призракам, хотя и не стал вмешиваться в события, но создал своеобразный подвал, куда и соскользнул «пси-дракон».

Команда Грехова могла его просто уничтожить, загнать в «бутылку» размером с элементарную частицу, но этой задачи она себе не ставила, затеяв хорошо разыгранный спектакль отчаянной атаки. Пси-фантом ФАГа не выдержал нападения и, ворча и огрызаясь, уполз в

переходный тамбур «сверхструны», все еще открытой в обе стороны. Ньюмен с удовольствием выдавил его за барьер, разделяющий метавселенные, как пасту из тюбика, и закрыл «заслонку».

После этого инцидента люди несколько часов отдыхали, кто как хотел. Ян Тот и чужанин Морион снова удалились, подсоединившись к информационным каналам заставы, Грехов тоже куда-то выходил, появлялся, опять уходил, а Ставр и Диего, потренировавшись около часа в прекрасном спортзале, понежились в сауне до полного расслабления, пообедали и побеседовали, найдя общие темы.

Диего рассказал о своем последнем рейде на планету Эниф, родину стражей и скалогрызов, где едва не погиб. То есть он там и погиб — как человек, но остался жить, как личность, хотя и в облике машины, инка. Ставр же в ответ поведал свою историю с исследованием Тартара, как он стал контрразведчиком и начал работать «двойным агентом». Они посмеялись над этим обстоятельством, а потом погрустнели, вспомнив павших в странной Войне, затеянной Фундаментальным Агрессором: Степана Погорилого, отца Виданы Веселина Железовского, старейшин синклита, пограничников и безопасников, родных и близких.

Позже к беседующим присоединился Ян Тот, хотя больше слушал, чем говорил.

А потом на заставе появился серый призрак, один из Инженеров, кем стали в этой метавселенной бывшие Сеятели.

Появился он без всяких эффектов и «пространствотрясений» — просто возник рядом с сидящими людьми, похожий на обычного человека в сером унике, подтянутый, молодой, симпатичный, незагорелый, кареглазый, с шапкой вьющихся русых волос. Ставр поначалу даже не понял, кто перед ними, показалось — вернулся инк заставы. Но стоило заглянуть в глаза незнакомца, в которых горел огонь Величавого Терпения, как становилось понятным, что этот человек здесь — хозяин!

— Добрый день, — учтиво сказал незнакомец. — Мое имя невозможно адекватно перевести на человеческий язык, но для определенности зовите меня Иерархом Пути, в какой-то мере это будет соответствовать одной из

граней моей деятельности. Кто и от имени кого уполномочен вести переговоры?

— Я, — сказал появившийся мгновением позже Грехов, — от имени друзей, доверивших мне эту миссию.

— Мы помним вас, Габриэль Грехов, — сказал Иерарх Пути, поклонился. — Вы мало изменились с момента нашего знакомства. Я посвящен в события, подвигшие вас тронуться в неординарный поход. Но для того, чтобы решить — чем мы можем помочь вам, необходимы аргументы. Этическая ценность данного шага пока представляется нам сомнительной.

— Нас предупредили о возможности отказа.

— Присядем. — «Серый призрак» кивнул на появившиеся два кресла рядом с креслами Яна и Ставра. — Не торопитесь с формулировкой ваших доказательств, пока я — на линии ожидания, время, которое мы затратим на переговоры, для внешнего мира не существует. Итак, цель вашего поиска.

— Нейтрализация влияния Фундаментального Агрессора, по нашей терминологии, или Игрока на родную метавселенную. Без помощи извне мы не справимся, хотя по сути многие из нас являются зародышами будущих Инженеров.

— Файверы, — задумчиво проговорил Иерарх Пути. — Интегральная раса. Эта история нам известна. В вашем домене не произошла смена творцов по линии Архитекторы — Конструкторы — Инженеры, и даже мы не решились заменить последних... по многим причинам, не имеющим значения для данной беседы. Ну, хорошо, допустим, вы уничтожите посланников ФАГа и следы их пребывания в домене, но знаете ли вы, что независимо от этого в мир пришла Пора Перемен? Вселенная уже никогда не будет такой, какой была.

— Знаем, — твердо сказал Грехов.

— И все же решение судьбы Игрока — не цель. Даже спасение человечества и других цивилизаций в вашей метавселенной не является абсолютной, этически выверенной ценностью для игроков такого уровня, как Универсум и Логос... ну, или ФАГ. Да, для вас это, возможно, Война, жестокая и беспощадная, война на выживание, но для них — интереснейшая, захватывающая, многовариантная Игра, со всеми вытекающими послед-

ствиями. Любая ценность предполагает иерархию целей и градацию трудностей на пути к достижению целей. Если вас, отдельных представителей человечества, я могу понять, то человечество как целое — нет! Там, где все можно получить целиком и сразу, ничто не имеет ценности, в том числе и сама жизнь, а именно это и происходит на Земле с вами, людьми. Почему бы вам не взглянуть на проблему Войны-Игры с другой стороны? С той, что Игра призвана переоценить ценности, изменить ориентацию большинства людей, и потому она — безусловно полезна?

— Может быть. — Грехов остался спокоен. — Но это — лишь точка зрения стороннего наблюдателя. Для нас жизнь имеет не абсолютную, но все же огромную ценность, и мы, естественно, будем стремиться ее сохранить. Человечество уже подошло к реализации технологий следующего уровня, преследующих не материальные, а духовные цели, но если Войну не остановить, — выйти на другую ступень, перейти из биологического вида в культуротворящий, мы уже не успеем.

— Что ж, допустим, я приму этот аргумент, хотя он аксиологически слаб. Мы не верим в адаптивность человеческой популяции, несмотря на то что она и способна рождать файверов. Для того, чтобы выжить в чужой Игре, человечеству необходимо срочно создать технологию этической нейтрализации межчеловеческих отношений, рассчитать «амортизаторы зла», изменить биологию и так далее, и так далее. Вы уверены, что это возможно?

Ставр с ужасом, затаив дыхание, ждал ответа Габриэля, как и Диего Вирт, но ответил не Грехов, а Ян Тот:

— Это возможно.

Иерарх Пути с тем же задумчивым выражением лица взвесил Яна, кивнул:

— Похоже, вы знаете, о чем говорите. В какой степени вам доступен футур-анализ?

— До предела насыщения с удвоением кванта на каждые десять квантов времени.

— В таком случае вы должны знать, чем закончится Игра в вашем домене.

— Конечно, мы знаем, — сказал Ян Тот с беглой улыбкой. — Я знаю даже то, что вы согласитесь помочь.

Иерарх Пути изобразил ответную улыбку.

— Видящие суть вещей даже среди файверов встречаются нечасто. Но вернемся к сути проблемы. Вы меня пока не убедили. Почему я или другой Инженер в совершенно чужой метавселенной должны спасать человечество, к которому мы, мягко говоря, равнодушны? В такой технологически ориентированной культуре, как земная цивилизация или культура гуррах, изменчивость условий жизни нарастает по экспоненте, что далеко не безразлично для обычаев и морали. Пример — цивилизация джезеноидов. Скорость изменений ее социума превысила некий предел, появились непреодолимые помехи на пути социального наследования норм и моральных принципов: нормы родителей оказались анахроничными и неприменимыми в ситуации, которую застали дети, — и социальный дрейф ценностей привел к вырождению цивилизации. Без войн и вмешательства извне. То же самое ждет и человечество.

— Не совсем, — качнул головой Ян Тот. — То есть в принципе — да, процесс почти необратим, но шанс есть. И шанс этот — вы правильно сказали только что — Игра. Мы не просим у вас оружия или материальной помощи для борьбы с ФАГом, нам нужен Метод, принцип, Закон, с помощью которого можно на некоторое время стабилизировать игровую ситуацию в нашей метавселенной, очистить ее от «шлаков» и «примесей», привнесенных извне локальными изменениями законов. Дальше мы пойдем сами.

Ян Тот подмигнул Ставру, не сводящему с него глаз, залпом выпил бокал тоника.

— Понимаете, с точки зрения человека, любая игра — процесс столь же увлекательный, как познание и созидание. Для вас значимой целью может быть познание, для нас — игра, пусть и на низком уровне, уровне домена. Однако не посвятил ли себя этой же цели Универсум?

Иерарх Пути откинулся в кресле, оценивающе глядя на Тота Мудрого, повернул голову к Грехову.

— Вы правы, созидание и познание — действительно процессы увлекательные и бесконечные, но этот молодой человек тоже прав: Игра, может быть, еще более увлекательное дело, если ею очарован даже Универсум

Хотя тезис этот спорен и неочевиден, тем более что есть мнение — Универсум болен...

— Температурит, — вставил осоловелый с виду Диего.

— У вас все? — спросил бывший серый призрак.

— Маленькая добавка, — хладнокровно сказал Грехов. — Наш общий друг Сеятель ушел с Конструктором не для того, чтобы любоваться красотами метавселенных, «клеток» Универсума, а в поисках вашей настоящей родины. Ведь ни наш домен, ни этот, где вы остановились, не являются домом, где жили ваши предки. Не так ли?

Иерарх Пути встал, поклонился.

— Вы нас убедили. Через некоторое время мы отправимся на поиски нашего соотечественника и вашего друга. О трудностях похода распространяться не буду, вы должны были их предусмотреть. — И хозяин заставы исчез.

— Что он хотел сказать? — проворчал Диего Вирт, наливая себе полный бокал шампанского.

— Что мы можем не вернуться, — сказал Ян Тот. И все одновременно посмотрели на молчавшего Грехова. Лицо Габриэля было неподвижно, однако всем вдруг стало неуютно.

— Я очень надеюсь, — тихо проговорил экзоморф, — что мы вернемся... что мы вернемся в т о ж е в р е м я и в т у ж е в с е л е н н у ю...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПОЛНОЧЬ

Это была последняя остановка перед решающим броском в Неизвестность.

Они гнались за ушедшим Конструктором уже много дней или даже месяцев — по внутреннему отсчету времени, прошли сотни доменов-метавселенных, где останавливался Конструктор, ужасались и восхищались невиданным устройством местных космосов, много раз теряли сознание от перегрузок — не гравитационных, силовых, а психоинформационных, но шли и шли вперед, понимая, что шансов у них не будет, если Иерарх Пути по какой-либо из причин откажется следовать

дальше. Тем более не хотелось давать ему повод самим, жалуясь на ухудшение физического состояния или вообще невозможность жить в предлагаемых условиях похода. Даже Ставр, «откорректированный» Д-прививкой и способный длительное время обходиться без воды, пищи и воздуха, готов был сдаться, отступить или хотя бы сделать передышку, но терпел, потому что терпели все, в том числе и не слишком с виду готовый к физическим и другим нагрузкам Ян Тот.

Конечно, шли они не своим ходом, а как бы составляли экипаж спейсера, коим стал Иерарх Пути, принявший форму, да и суть серого призрака. Иерарх не баловал их комфортным содержанием, предоставив лишь самое необходимое: защиту, совершенную видеосистему, адаптирующую изображение попадавшихся объектов для восприятия человеческим зрением, минимум удобств для отправления физиологических потребностей. Питались члены экипажа своими продуктами из НЗ продуктового автомата и пили свою воду, умываясь лишь раз в сутки, не помышляя о душах, саунах и речных просторах.

Лучше всех переносил тяготы путешествия чужанин. Иерарху Пути он приходился кем-то вроде прадеда или, вернее, целого «прайда дедов», но главное, что он был защищен от любых перегрузок слоем своего пространства, принявшего форму каменной глыбы под воздействием сил тяготения и законов физики чужого для него мира.

Чем руководствовался серый призрак в выборе траектории полета, не знал никто из его пассажиров. Однако расчет его или «нюх» был безошибочен, ни разу еще он не промахнулся, попадая именно в те метавселенные, где побывал Конструктор, а вместе с ним и Сеятель. Что искал сам Конструктор, оставалось загадкой, очевидно, и для Иерарха Пути, совершенно точно отрабатывающего предназначение, диктуемое этим именем. Ставр даже подозревал, что Иерарх взял себе это имя в предчувствии похода, приняв решение податься на поиски своего товарища задолго до появления команды землян, и уж явно до того, как он заставил их себя «убеждать» в целесообразности этого шага.

Во время полета Иерарх практически не беседовал с людьми, ограничиваясь редкими репликами или корот-

ко отвечая на вопросы членов команды. Остановившись на этот раз и показав панораму местного космоса («звезды» здесь напоминали перья и вихри огня, «планеты» — потоки и тоже вихри текучей субстанции, и вообще этот «космос» кипел, крутился, стрелял смерчами, взрывался и горел), он вдруг произнес странное двустишие:

Вечность, безмятежна и светла,
на распутье звездном замерла[1].

Медленно приходящие в себя после очередных «смерти и воскрешения» люди переглянулись. Иерарх Пути, не появляясь визуально, передал им слоган усталой улыбки:

«Файверы, у нас остался всего один шанс из миллиона, что мы догоним ваших друзей. Мы практически подошли к границе тела Универсума, к его, так сказать, «коже». Еще один слой — и дальше начнется Большая Вселенная. Похоже, я понял, куда стремился Конструктор — в запределье, в Большую Вселенную. Но цели его мне неведомы. Если Сеятель ушел вместе с ним, помочь вам я не смогу.

— Мы все понимаем. Вы и так сделали все возможное и невозможное, — ответил Грехов. — Делайте что считаете необходимым. Два вопроса можно?

— Извольте.

— Каким образом вы ориентируетесь в теле Универсума? Как отыскиваете след Конструктора?

— Сложные объекты проявляются в низших системах измерений в виде следа, проекции или сечения, а Конструктор для всех метавселенных и является таким объектом. След его невозможно не заметить. Даже в вашем домене он оставил след на уровне тонких нарушений симметрии вакуума. Файверы должны чувствовать эти нарушения.

— Конечно, они чувствуют, — кинул реплику Ян Тот.

— Ваш домен очень важен для Универсума, — добавил Иерарх Пути. — Он многослоен, то есть вмещает целый пакет «теневых» доменов, метавселенных с различным ходом времен и так называемым «зеркальным» веществом. Можно сказать, что он — «клетка» наиболее

---

[1] Борхес Хорхе Луис. Дворик.

важных «органов» Универсума, скажем, его «сердца». Или, скорее, «мозга». Вот почему ФАГ стремится изменить его структуру.

— Тогда последний вопрос. В других доменах ФАГ проявил себя так же, как в нашем, или слабее?

— Термин «слабее» не вполне корректен. ФАГ пытается провести фенотипическую коррекцию всего организма Универсума, но в каждой «клетке» это проявляется по-разному. Ваш домен подвергается индуцированному мутагенезу, как и миллионы других подобных метавселенных, «клеток мозга» Универсума. Почему не реагирует сам Универсум, я не знаю. Может быть, он находится «под наркозом», может, надеется на защитные силы «клеток», на вас, на других разумных существ. А может быть, ему важен не результат Игры, а сам процесс, а то, что он при этом необратимо изменяется, — абсолютно не важно».

«Но ведь это по крайней мере неэтично по отношению к существам, населяющим домены!» — не выдержал Диего.

«Мы не уверены, что существует некая универсальная этика Вселенной, Абсолют Добра, Закон морального совершенства, одинаково регулирующий жизнь в разных метавселенных. Единственный закон для Универсума, Миросущества, Миросистемы, есть он сам! Он сам — и Повод, и Действие, и Закон, и Тайна Бытия! Хотите вы этого или нет. Я удовлетворил ваше любопытство?»

«Полностью — нет», — сказал Ян Тот.

Грехов промолчал.

Иерарх Пути снова выдал слоган-улыбку.

«Я думаю, вы знали ответ, когда задавали вопрос. Человек вообще — существо предвосхищающее, устремленное в будущее, а файверам тем более доступно панпсихическое видение мира. Итак, решающий кенгуру? Или отдохнем?»

Ставр оценил предложение «призрака»: вряд ли тот нуждался в каком-либо отдыхе. Останавливался он лишь для того, чтобы могли восстановиться люди.

«Вперед и будь что будет!» — выразил Диего общее мнение.

В том, что время — более сложная фигура, чем линия, они убедились, прибыв в эту метавселенную позже Конструктора, но раньше Сеятеля, которые путешествовали

вместе! Сообщил пассажирам об этом Иерарх Пути, не очень рассчитывая на то, что они примут сообщение на веру. Однако уже через несколько часов после остановки «призрака» в домене, где отсутствовало фоновое пространство и космос представлял собой конгломерат различных геометрических и абстрактно-бесформенных фигур, появился Сеятель. Это почувствовали даже люди, защищенные скорлупой собственных скафандров и оболочкой Иерарха Пути. Потому что Сеятель, перенявший многие тайны бытия Конструктора, при просачивании сквозь барьер, отделяющий домен от домена, бросал вперед оценивающий в з г л я д, колеблющий вселенные, воспринимаемый интраморфами на всех подпланах видения-чувствования. Заметив собрата, он п р о я в и л с я неподалеку — по меркам серых призраков — знакомым туманно-прозрачным шаром.

Одновременно в виде трехметрового гиганта он появился и перед командой землян, ждущей в «салоне-животе» Иерарха. Ему были доступны любые горизонты контакта в любых временных интервалах, и, хотя контакт с людьми в общем-то был и не обязателен, потому что всю информацию в полном объеме он получил от соплеменника, Сеятель все же решил соблюсти этикет. Правда, говорил он с людьми всего минуту, но этого оказалось достаточно всем.

«Я не уверен, что смогу помочь вам, — сказал он без обиняков после обмена приветствиями и ритуала узнавания: он и Грехов действительно были друзьями, несмотря на колоссальную разницу «менталитетов». — Обещаю лишь одно — проанализировать ситуацию и дать рекомендации».

«Значит, мы зря надеялись на вас», — с горечью заметил Диего.

Гигант-Сеятель глянул на него с хмурой отчужденностью.

«Я этого не сказал. Но и вы поймите наконец: пришла Пора Перемен. Не ФАГ — главный враг для Универсума, а закон, диктующий условия Перемен, вернее, условия Игры. ФАГ — лишь инструмент в его руках. Этому закону подчиняются все Игроки, в том числе и Универсум. И не считайте, что Фундаментальный Агрессор или иной Игрок стремится создать внутри Уни-

версума ад. Кстати, для любого Инженера создать ад проще, чем рай, потому что в раю больше запретов».

«Извините, если обидел, — сказал Диего угрюмо. — Уж не хотите ли вы сказать, что наша метавселенная — некое подобие рая? Почти все ее физические законы имеют вид запретов».

Сеятель улыбнулся, изменил облик, превращаясь в копию Габриэля Грехова в черном трико, как бы подчеркивая свое равенство с людьми.

«Нет, ваша метавселенная далеко не рай, насколько мне помнится, и является одной из самых сложных «клеток» Универсума. Вот почему мне будет любопытно взглянуть на те преобразования, которые предложил вам... э-э... Фундаментальный Агрессор».

«Он предложил нам Войну. Смерть. Небытие».

«Что ж, из истории Земли вы должны знать, что смерть одного вида зачастую гарантирует жизнь другому. Да и вообще «всего ошибочнее мерить жизнь мерою смерти»[1]. Давайте не будем дискутировать на эту тему. Отдохните какое-то время. Освобожусь — и мы отправимся назад вместе».

«Без Конструктора?»

«Без Конструктора. Он проходил здесь миллиарды лет назад... и совсем недавно. Таковы парадоксы метавселенной».

«Позвольте задать вопрос, — вмешался Ян Тот. — Что ищете вы лично, мы знаем, но что ищет Конструктор? Куда он направляется?»

«Боюсь, вы мне не поверите, но я — не знаю! Может быть, он ищет своих собратьев. Может, самого себя. Впрочем, у вас на Земле существует поговорка: пути Господни неисповедимы. Но не исключено, что он навсегда уйдет в Большую Вселенную. В принципе, он уже ушел... частично... я сопровождаю его второе «Я».

К Солнечной системе Сеятель с командой землян и чужанином прибыл спустя два месяца — по внутреннему отсчету времени и, как оказалось, почти через год — по времени оставшихся.

---

[1] Вовенарг.

Грехов попросил высадить его на Плутоне вместе с чужанином, пообещав в ближайшие сутки встретиться и обсудить создавшееся положение, а Ставр, Диего и Ян Тот с помощью Сеятеля первым делом оглядели Систему, пытаясь определить наметившиеся изменения в ее планетарном хозяйстве.

С виду все осталось на своих местах.

Орбиты планет не изменились, их количество тоже осталось прежним. Солнце светило практически в тех же пределах, что и раньше. Мчались через Систему кометы с гигантскими хвостами; их было целых девять.

Но исчез Фаэтон-2! Вместо него по старой «накатанной» орбите астероидного кольца неслись два длинных языка пыли и камней, окутанные призрачным электрическим сиянием.

Луна по-прежнему держалась возле Земли, хотя и приблизилась к ней на пару десятков тысяч километров, а вот спутники других планет вели себя иначе, словно по Системе вновь прошествовал Конструктор, взбаламутив ее своим колоссальным гравитационным полем.

Если у Юпитера исчезли только внешние спутники вплоть до Синопе и Пасифе, а у Сатурна — Феба, то Уран потерял даже три из самых крупных — Умбриэль, Титанию и Оберон. Вместо них неслись по вытянутым орбитам скопления мелких и крупных глыб, пыли и газа.

Что с ними произошло, можно было только догадываться. Ян Тот, например, предположил, что нагуаль между орбитами Урана и Нептуна вырос настолько, что его шипы достали до Урана при ближайшем прохождении и развалили спутники.

«Голый» Нептун, который лишился атмосферы еще во времена Конструктора, и без того представлявший собой жалкое зрелище, к тому же потерял и последний свой крупный спутник Нереиду, исчезнувший без следа. Вероятнее всего, Нереида оторвалась от родной планеты и ушла в свободный полет по Солнечной системе.

Серый призрак каким-то образом видел нагуали и показал их людям, сначала схематически — на карте Системы, а потом визуально, во всем блеске ежастогеометрического кошмара. И стало ясно, что предположение Яна о влиянии нагуаля на планеты имеет осно-

вание: размеры нагуаля между орбитами Нептуна и Урана достигли уже трехсот миллионов километров!

Но выросли и остальные «невидимые кораллы». Например, нагуаль на Земле, найденный Ставром в лесу под Владимиром, достиг шестикилометровой высоты!

— Боже мой! — только и сказал Диего Вирт после видеосеанса.

— Поехали домой, — тихо произнес Ставр, также переходя на звук. У него тоскливо сжалось сердце в предчувствии беды. — Сеятель, вы сможете доставить нас на Землю незаметно?

— Не стоит, — покачал головой Ян Тот. — Предлагаю добраться до ближайшего метро и разойтись по домам. Вечером соберемся у меня. Не надо подставлять Сеятеля сразу после прибытия.

«За меня вам не стоит беспокоиться, — ответил Сеятель. — Вряд ли кто-нибудь увидит меня, пока я этого не захочу. Но решение правильное. Нужна информация, пусть каждый получит ее по своим каналам, а потом все вместе мы ее интегрируем и проанализируем. Я высажу вас на Марсе, возле пустующего дома отдыха с кабиной метро».

Через несколько минут путешественники вдыхали запахи великой марсианской равнины Плоть Бога и разглядывали знакомый ландшафт, усеянный мхами и грибами-мутантами.

— До связи, — кивнул всем Ян Тот и первым шагнул в башенку с буквой «М» на острие.

— Чую, плохи здесь дела, — кряхтя, сказал Диего Вирт, нагнулся, сорвал веточку мха, понюхал. — Берегись, эрм, надеяться нам особо не на кого. Даже на Сеятеля...

— Я это понял. Ты тоже берегись.

— Постараюсь, хотя мне проще — я «зарезервирован». Как-то встретит меня «первый» Диего? Может, полетим со мной в дом Габриэля? Моя половина все должна знать.

Панкратов покачал головой.

— Нет, мне надо... в общем, я сам.

— Понятно. Тогда ни пуха ни пера.

— К черту!

Они один за другим нырнули в кабину метро.

Вышел Ставр в бункере Железовского... чтобы нарваться на засаду!

Однако ставили ее в расчете на интраморфов уровня Велизара или Ратибора Берестова, а прибыл паранорм, прошедший огни и воды десятков метавселенных, вооруженный знанием, которое невозможно получить путем размышлений или пересказа очевидца. Поэтому готовый к любому событию уровня-5 Ставр легко одолел компанию пси-брандеров, принявших облик хорошо ему известных людей: Забавы Бояновой, Аристарха Железовского и Анастасии Демидовой. Причем интуиция сработала раньше, чем пси-опознаватель выдал на слуховой нерв короткое: «Враги!»

Три взрыва учинили в гостиной бункера изрядный разгром, и Ставр затратил полчаса на уборку, пока отходил от мгновенного инсайт-перехода в поле Сил и размышлял, что делать дальше. Потом вошел в оперативное поле защитного инка, переориентировал блокировку и считал всю информацию в его памяти. Однако ничего не узнал. Судя по записи, интраморфы не появлялись здесь уже почти полгода. И еще он выяснил одно обстоятельство: последним в бункер заходил Мигель да Сильва и скорее всего имел контакт с засадой. Чем закончилась встреча, можно было догадаться.

Тогда Ставр принял душ, трансформировал свой облик, превратившись в пожилого гуляйвера, одетого в бесформенную хламиду, и стартовал в Рославль. Спустя час, оставаясь дигамбара, то есть «одетым пространством» — греховской «чистой энергией», он входил в свой дом, предварительно «пропустив» его через фильтры всех чувств.

Здесь все было по-прежнему, будто он и не отправлялся в долгое путешествие длиной почти в год. Если кто-то и заходил сюда в его отсутствие, то следов не оставил. Правда, один след был — кодированная запись в оперативном инке, сделанная отцом:

«Ставр, не пытайся выйти в поле Сил! Все верхние горизонты эйдоса под контролем темного эгрегора, тебя мгновенно вычислят и уничтожат. Я оставил тебе рацию с плавающими частотами, это наша новая разработка, выйдешь на консорт-канал «контр-3» и найдешь меня, пароль тот же. Мы с мамой живем в другом месте, как

и остальные наши общие знакомые, не ищи никого. Дома не останавливайся надолго, опасно. До встречи, мальчик».

Записи было месяца два. И ни слова о Видане!

Ставр прослушал письмо еще раз, потом нашел рацию — красивый паучок размером с каплю росы, приклеил ее на виске под волосами и вызвал консорт-сеть.

С тихим шелестом и попискиванием в голове развернулся объем компьютерной пси-связи, из шелеста выплыл бархатно-звучный голос:

«Опознавание-3 включено. Сообщите пароль».

«Контр-ФАГ», — сказал Ставр, сопровождая пароль сложным слоганом — портретом самого себя.

«Опознавание подтверждаю. Кто нужен?»

«Прохор Панкратов».

Шелест в поле связи почти исчез, только равномерно попискивал скремблер консорт-линии, поддерживающий защиту от прослушивания.

«Ставр?» — раздался отчетливый голос отца.

Ставр почувствовал, как заныли стиснутые зубы.

«Я, пап».

«Мальчик мой!.. — Молчание, черная тень от громадного крыла через все пространство связи, чье-то рыдание, з а п а х беды. — Мальчик мой, крепись... мама... умерла!»

Звон в ушах, чей-то вскрик. Может быть, его собственный. Ставр сел на пол, не в силах ни вздохнуть, ни выдохнуть. Прошла вечность, пока он пришел в себя и смог безлико спросить:

«Когда?»

«Месяц назад. Я похоронил ее в семейной усыпальнице...»

«Как это случилось?»

«Эгрегорная векторная трансляция... она вышла в поле Сил и... с тех пор мы перешли на аппаратную связь».

«Чей эгрегор сработал?»

«Какая разница, мальчик, ее уже не вернешь...»

«Чей?!»

«Южномусанский. С подачи Алсаддана они опробовали свое «пси-копье» на первом, кто попался под руку. Она не мучилась, сынок...»

«Кто из наших еще?..»

«Велизар, семья Баренца... вся... Мигель да Сильва. Но с ними все сложней. Встретимся, я дам тебе пакет информации по всем изменениям обстановки. Кстати, не вздумай появляться в бункере под Тибетом».

«Я только что оттуда. Все в порядке, им снова можно пользоваться. Может быть, я поживу там какое-то время».

«Там засада...»

«Была».

«Родной мой».

«Держись, па. Мы вернулись не одни. Я найду тебя вечером, до связи».

Еще с полчаса Ставр сидел на полу, вспоминая маму, ее жесты, улыбку, тихий и добрый голос, плакал, не зная, что плачет, и ни о чем не думал. Потом снова пошел в душ, где вспомнил, что не спросил отца, где Видана. Захотелось сразу выйти в поле Сил и найти ее одним мысленным усилием, но он сдержал порыв. Достаточно пока было знать, что она жива, поскольку отец не привел ее имя в списке жертв.

Вечером они встретились у Яна Тота в его келье, запрятанной в глубинах пирамиды. Дом файвера не пострадал в отличие от многих жилищ интраморфов, подвергнувшихся налетам банд или «правоохранительных органов». К бывшим посланцам Земли Тоту, Диего Вирту и Ставру присоединился старший Панкратов. Не было только Грехова, но его и не ждали, зная манеру экзоморфа появляться в неожиданных местах и в неожиданное время. О том, что в поход уходила команда «запасных личностей», вторых «Я», Прохору решили не говорить.

Спустя полчаса после начала встречи стала вырисовываться полная картина событий в Солнечной системе после ухода команды Габриэля в поисках Сеятеля.

Как и предсказывал Грехов, появление эмиссара второго уровня резко изменило соотношение сил в Системе в пользу ФАГа.

Внешние проявления взаимодействия нагуалей с объектами Системы были уже достаточно заметны из космоса, но они не являлись главными. Самым страшным последствием этого взаимодействия было изменение вакуума, этого «застывшего движения» — по образному выражению Яна Тота. Он стал «рыхлым»,

«пористым», флуктуативно неустойчивым, что сказывалось даже на движении планет: они ни с того ни с сего начинали вдруг «рыскать», сбиваться с траекторий, вызывая у миллионов людей болезненное состояние, которое нередко приводило к инфарктам и гипертоническим кризам. Большинство интраморфов чувствовало «запах» возбужденного вакуума и пыталось предупредить людей о пагубном влиянии «каверн» — областей с наиболее «рыхлым» вакуумом, но, во-первых, никто их не слушал, а во-вторых, эмиссар ФАГа тут же находил пытавшихся помочь и уничтожал. Таким образом численность популяции паранормов на Земле и в Системе сократилась чуть ли не вдвое, как в результате первой и второй волн спейс-эмиграции, так и вследствие гибели многих тысяч оставшихся.

Это сообщение Прохора собравшиеся встретили угрюмым молчанием. Чуть ли не в каждой семье появились жертвы террора, лишь у Диего Вирта не было ближайших родственников и поэтому не оказалось потерь. Но теперь каждый, и Диего в том числе, окончательно поняли, что идет самая настоящая Война на уничтожение, победителю которой досталась бы тяжкая доля восстановления «развалин космоса». Впрочем, ФАГ вряд ли стал бы восстанавливать метавселенную, останься он победителем.

Еще одним следствием появления эмиссара-2 был стремительный рост мощи темных эгрегоров. Не нужно было особенно прислушиваться к полю Сил, чтобы почувствовать угрожающее «жужжание» человеческого пси-океана, возбужденного хитроумным способом для расправы с любым интраморфом, вздумавшим выступать против ФАГа. Человеческий вид вообще сформировался в постоянной борьбе за удовлетворение элементарных потребностей, в борьбе за выживание, а в эпоху избыточного удовлетворения потребностей это обстоятельство сыграло роковую роль в разрушении мотивационного каркаса человеческого поведения. ФАГ указал цель — войну с инакомыслящими, и миллионы молодых и не очень молодых людей, чье умственное развитие не позволяло им рассчитывать на успех в творческой или деловой деятельности, недолюдей по сути, полуобезьян, едва освоивших человеческую речь, захо-

тели в л а с т и, которую им предоставила официальная доктрина «Бей чужих!».

Не каждый из них брал в руки оружие, чтобы охотиться за паранормами, но главным их оружием был мозг, негативная пси-аура, которая при слиянии с другими такими же образовывала «облака» ненависти и угрозы.

И наконец, Прохор Панкратов поделился последним пакетом плохих новостей.

Власть в Вече захватили ставленники эмиссара, впрочем, как и в остальных управленческих и охранительных структурах от отдела безопасности до ресурсно-снабженческих институтов.

Архонт Всевече Велизар был убит прямо на территории Всевече, в парке, во время прогулки: спейсер безопасности «Рама», выполняющий роль щита при возможном нападении на остров Хачин (озеро Селигер) из космоса, дал по нему залп из аннигиляторов. Вместе с Велизаром погибли еще около двухсот человек, и все это было списано на «внезапное помешательство» команды спейсера, состоящей из интраморфов.

Мигель да Сильва погиб в бункере под Тибетом, нарвавшись на засаду уровня-5.

Герцог едва не погиб при попытке захвата Шан-Эшталлана, провалившись в ловушку; не обошлось без предательства. В последний момент, теряя сознание от векторного удара эгрегора, он взорвал метро Всемирной ассоциации магов и спиритов, чем отвлек внимание Шан-Эшталлана, и ушел с острова по запасному императиву — через орбитальный лифт.

Ратибору Берестову пришлось уйти с поста начальника сектора стратегических исследований вследствие инцидента с Еранцевым, после которого комиссар-прима отдела безопасности два дня не мог показаться в управлении.

— Он просто набил ему морду, — с хмурой улыбкой закончил свою речь Прохор. — Таким образом, друзья мои, де-юре мы потерпели полное поражение, тем паче что уровень эмиссара-2 позволяет ему внедряться в любого человека и использовать тело в своих целях. Так что воевать с ним стало невозможно отчасти по этой причине: пришлось бы убивать людей, действующих под чужим сильнейшим волевым управлением.

— А де-факто? — поинтересовался Диего Вирт.

Прохор, мало знакомый с другом Грехова, бросил на него острый взгляд.

— Де-факто мы имеем с ФАГом паритет, хотя он этого, возможно, еще не понял. У вас есть проводка по сети «контр-3»?

— Мне она не нужна, — небрежно ответил Диего.

— Ну-ну. — Панкратов-старший повернулся к сыну. — Что молчишь?

Ставр помедлил, не решаясь задать личный вопрос, и отец понял его колебания.

— Видана работает в аналитическом центре «контр-3», я дам координаты.

— Где она живет?

— Там же: Марс, Плоть Бога, поселок научников под названием Долина Фобоса. В то место свалился когда-то спутник Марса Фобос. Но добраться тебе туда будет сложно.

Ставр повел плечами.

— Доберусь, — посмотрел на Диего. — У меня двойственное впечатление от всего, что я узнал. Тебе так не кажется? Как твое «альтер эго»? Дождался тебя Диего-первый?

Вирт погрустнел.

— Дом Габриэля пытались взорвать, инк не уцелел... метро тоже. А вот чужанское метро почему-то сохранилось.

Кто-то постучался в головы каждого из гостей Яна Тота с безмолвной просьбой войти, и через минуту в комнате неслышно возник Грехов. Поздоровался с Панкратовым-старшим, оглядел остальных.

— Вы уже в курсе событий? Тогда сразу к делу. Велизара убили К-мигранты, после того как обезвредили команду спейсера «Рама». С ними пора кончать, предела их ненависти к людям нет. «Контр-3» поможет мне или придется готовить операцию самому?

Вопрос был к Прохору, и тот после недолгого колебания кивнул:

— Скорее первое, чем второе. Я сообщу.

Грехов повернулся к Ставру.

— Я знаю, что ты готовишь уровень-5 для Алсаддана. Предлагаю повременить с единичной акцией,

через день-два мы проведем операцию «Чистка» во всех высших эшелонах и одновременно разберемся с Хасаном.

Прохор с горестным недоумением взглянул в совершенно спокойное лицо сына. Тот покачал головой.

— Алсаддан — м о й! — И так это было сказано, что в комнате повеяло холодом.

Грехов остался равнодушен.

— Не имею ничего против. Диего, мы уходим.

— А где Морйончик?

— Ушел домой, на Чужую. Ему хватает своих проблем.

— Тогда пошли.

— Э-э... — сказал Прохор с некоторой растерянностью. — Габриэль, по-моему, вы несколько спешите. Нам хотелось бы встретиться с вами и обсудить совместные действия.

— Кому — нам?

— Руководству «контр-3».

— С шерифом Барковичем и патриархом Варфоломеем Иваном I я уже имел беседу, с остальными контакт необязателен.

— Воля ваша. Но вы уходили в поиск и вернулись с Сеятелем. С ним можно наладить контакт?

— Нет.

Наступила тишина. Грехов еле заметно усмехнулся, видя, какое впечатление произвел его ответ.

— Он ушел обратно.

Ставр, который знал, в чем дело, хотел было добавить, но Габриэль сделал это сам:

— Сеятель ушел к своим соплеменникам, а оттуда собирается махнуть за Конструктором, которому, возможно, тоже будет любопытно узнать, что затевает Игрок в нашем мире. Кстати, он подал интересную мысль. Вот его прощальный слоган: «Странные вы существа, файверы, — неисправимые индивидуалисты. Вместо того чтобы объединиться и стать Инженерами в собственной метавселенной, хозяевами своего космоса, вы отправляетесь в странствия, паломничество, просто полюбоваться красотами иных миров... Может быть, это и необходимо для какого-то краткого периода самосовершенствования, но чтобы вечно н и ч е г о н е д е-

л а т ь — это выше моих разумений! Если тебе не нужен космос, зачем ты космосу?»

В келье Тота Мудрого воцарилась тишина.

Грехов кинул горящий взгляд на Ставра и вышел, за ним последовал Диего, оставив в воздухе тихое слово прощания.

— Это камень в мой огород, — сказал Ян Тот.

И в мой, подумал Ставр, но вслух ничего не сказал.

— Файверы, — произнес Прохор, пробуя слово на слух. — О ком это он?

— Обо мне, о вашем сыне, — кивнул на задумавшегося Ставра хозяин. — Обо всех, кто вышел за пределы человечества. Может быть, идея Сеятеля не так уж и утопична?

— Я не совсем...

— Объединиться. Файверам пора объединяться. Нет ничего проще... и сложней.

ГУРРАХ

Радость семейной встречи была горькой и недолгой.

Помянули Ольгу Панкратову, мать — для Ставра, жену — для Прохора, дочь — для Берестовых. Потом выслушали рассказ путешественника по вселенным — Ставр все никак не мог свыкнуться с мыслью, что мамы нет и не будет, поэтому был скуп на подробности, — стали расходиться.

Встреча происходила на Земле, в Новосибирске, но не в доме бабки Ставра, Анастасии Демидовой, а на квартире у одного из интраморфов, ударившегося в бега.

Ратибор и Анастасия ушли первыми, пережив бурю чувств и счастливые минуты от встречи с живым и невредимым внуком. Прохор остался еще на некоторое время, потому что у него здесь было назначено рандеву с кем-то из руководителей «контр-3».

Этим человеком оказался Людвиг Баркович. Как выяснилось, он попросил отца Ставра устроить ему беседу с сыном, и Ставр, в общем-то не желавший ни с кем встречаться официально, не нашел сил рассердиться на отца, понимая, что командиры «контр-3» хотят выяс-

нить, удалась ли миссия посланников. Видимо, беседа с Греховым их не удовлетворила.

Пришлось задержаться на полчаса, хотя сердце рвалось на Марс, в Долину Фобоса, где в условиях строжайшей секретности располагался аналитический центр «контр-3».

Баркович, не изменившийся внешне ни на йоту, выслушал рассказ Панкратова-младшего без комментариев. Он ничего не сказал даже в ответ на философские отступления Ставра, попытавшегося очертить стратегию Игрока — ФАГа, а также идею серых призраков о наступившем Времени Перемен. Впрочем, для Ставра удивительным было не молчание командора погранслужбы, а его состояние флегматичного спокойствия. То ли гибель многих соратников не отразилась на эмоциях шерифа Системы, то ли он их тщательно скрывал, то ли привык считать потери неотъемлемой составляющей противостояния. Единственная реплика, которую он себе позволил, касалась того места в рассказе Ставра, где тот упомянул о погоне.

«Следует полагать, что ФАГ знал о вашей миссии и принял меры».

«Странные меры он принял. Уж очень низок был уровень погони. Если бы ее организовал хотя бы эмиссар типа Джезенкуира, и то результат был бы иным. У меня сложилось впечатление, что Сеятели, ставшие Инженерами, подкинули нам тест на гуманность устремлений. Мы не стали уничтожать «дракона» погони, и этого оказалось достаточно, чтобы нам поверили».

«Сомневаюсь, что это так. А что по этому поводу говорит Грехов?»

«Ничего».

Ставр, испытывающий к собеседнику сложные чувства, ждал еще вопросов, но их не было, и тогда спросил сам:

«Извините, Людвиг, как вам удалось сохранить пост командора и не заронить подозрений у нового эмиссара?»

Губы Барковича искривила знакомая надменно-ироничная ухмылка, деталь его маски-имиджа, однако ответил командор вполне нормально, без ехидства и высокомерия:

«Пришлось пройти через сито пси-зондажа, мальчик. Как видишь, я выдержал. Спасибо за сведения, нам теперь есть о чем подумать. Прохор, он подключен к «щиту-3»?

«Еще нет, но я собирался сделать это».

Баркович кивнул, встал и вышел, передав короткий слоган прощания и пожелания удач.

Отец и сын обменялись взглядами.

«Что еще за «щит-3», куда ты собрался меня подключить?»

«Мы сделали так, что любое эгрегорное нападение на руководителей «контр-3» вызывает ответную реакцию наших эгрегоров. Противоядия против этого эмиссар еще не придумал, потеряв кое-кого из своих помощников».

«Чем занимается Баркович?»

«Ты зря к нему относишься с опасением. Ему пришлось несладко, но экзамен эмиссара он выдержал. В руководстве «контр-3» он занимает пост координатора стратегических линий».

«А ты?»

«А я координатор тактик. Мы готовим операцию «Чистка», в которую входит ликвидация главных помощников ФАГа в Системе и замена руководителей в тревожных службах и правительстве. Подготовлена программа нейтрализации темных эгрегоров. Проработано уничтожение глобальной цензуры средств массовой информации, практикуемой ФАГом, и оповещение о происходящих событиях. Планируется чистка ядер нагуалей от «шубы» Абсолютно Мертвой Материи...»

«И все это базируется на предполагаемом вмешательстве и помощи Сеятеля и Конструктора?»

— Да! — вслух сказал Прохор.

Ставр невесело улыбнулся.

«Оптимисты вы там, в своей «контр-3». Еще неизвестно, захотят ли помочь Сеятель и Конструктор. Может быть, Иерарх Пути прав, и мы просто переживаем действие глобального Закона Большой Вселенной, Закона Перемен. Может быть, единственное, что достойно восхваления при вступлении этого Закона в силу, это — смириться!»

Прохор покачал головой, пытаясь прочитать, что творится в душе сына.

«Ты тоже так считаешь?»

«Нет, я пытаюсь оправдать наши действия».

«Тогда запомни одно: вселенная не стала бы рождать эрмов и файверов без веской причины. Она нуждается в нас, и мы должны ей помочь. Защищая себя!»

«Но Солнечная система и Земля уже никогда не станут прежними».

«Для тех, кто придет после нас, они останутся в памяти такими, какими их оставим мы. Даже если Конструктор откажется воевать с ФАГом, шанс сохранить свой дом, пусть здорово изменившийся, у нас есть».

Ставр смотрел на отца непонимающе, и Прохор докончил:

«Этот шанс — вы сами. Файверы. Ян Тот говорил об их объединении. Ладно, иди во своим делам, сынок. Я вижу, ты сидишь как на иголках».

Ставр поцеловал отца в ухо и стремительно выскочил из комнаты, сразу исчезнув с «экрана» пси-радаров отца.

Поселок Долина Фобоса на Марсе состоял из трех десятков разнокалиберных коттеджей, где могли проживать около сотни семей. Однако в настоящее время все его население состояло их двух десятков человек, в основном — ученых: археологов и физиков, изучающих Плоть Бога. С виду это был тихий поселок, как и сотни других, имеющих одну ветку метро, небольшой парк машин, маленький реактор кварк-стандарт, который обеспечивал энергией пару лабораторий и жилые блоки, на деле Долина Фобоса служила маскировкой одного из центров «контр-3», а именно — аналитического, запрятанного в недра пещерной страны под поселком.

Центр располагал своим энергохозяйством, кодированной системой метро, трехслойной системой защиты, в том числе и «абсолютным зеркалом», а также совершенным комплексом охраны, позволяющим в случае нужды отразить любое нападение или в течение короткого времени эвакуировать работников центра в заранее подготовленные места. Проникнуть в святая святых

центра не только простому человеку, но и разведчику, буде таковой появился бы, не представлялось возможным, однако Ставр шутки ради решил попробовать сделать это, хотя отец включил его в сеть «спрута-3» и дал необходимые пароль-файлы.

К Долине Фобоса, расположенной в ста с лишним километрах от границы Плоти Бога с основной породой планеты, Ставр добирался на флайте местных турлиний вместе с группой школьников, совершающей экскурсию. Внешность он себе подобрал в соответствии с императивом «внутренних кондиций» и с виду казался пожилым толстяком, багроволицым, неповоротливым, страдающим одышкой.

Школьников сопровождал учитель-социоисторик, такой же толстый, как и попутчик, и Ставр даже подивился такому совпадению: выглядели они как братья.

В поселке группа задержалась, что было на руку новоявленному «разведчику». Под видом сопровождения детей, разговаривая с учителем, он обошел поселок кругом и составил объективную картину прикрытия Долины Фобоса силами защитной сети. А когда понял, что тайно проникнуть в центр невозможно, решил действовать просто. Разыгрывать спектакль уже не хотелось, от желания увидеть и обнять Видану сердце то начинало колотиться церковным колоколом, то замирало.

Запасной вход, а вернее, выход из центра находился в квартире одного из старожилов поселка, роль которого играл интраморф Мбвана Мбвуми, африканский негр по происхождению, минералог по образованию, контрразведчик по обстоятельствам. Ничего этого Ставр, конечно, не знал, но личность «сторожа выхода» его и не интересовала. Обнаружив хозяина дома, он предъявил необходимые полномочия и в порядке исключения попросил пропустить его «вниз».

Малоразговорчивый Мбвана Мбвуми сказал «нет» и предложил гостю действовать через инк-опознавательный барьер, то есть официальным путем.

«Не могу, — ответил Ставр. — У меня есть причина появиться там неожиданно».

«Таких причин быть не может», — сказал хозяин, в отличие от гостя похожий на высохший ствол эвкалипта. Лицо его тоже было твердым, непреклонным, с ме-

таллическим серым оттенком и не выражало абсолютно ничего.

«Такая причина есть. — Ставр подумал, вернул себе прежнюю внешность, изрядно удивив хозяина, и, теряя надежду решить проблему мирным путем, добавил: — Девушка. Она работает там и не знает, что я вернулся».

Мгновение старик негр смотрел на Панкратова с тем же непоколебимым видом, потом черты лица его вдруг смягчились, и он улыбнулся.

«Сюрприз? Да, это хорошая причина. И все же я не имею права открывать этот вход. За территорией всех поселков на Марсе ведут наблюдение «глаза и уши» ФАГа, и если вы войдете в дом и не выйдете...»

«Я понимаю, но эту проблему можно решить. Я сооружу «динго», видеофантом, похожий на меня — того, кто вошел. Он выйдет от вас и зайдет в метро».

Улыбка хозяина стал шире. Он покачал головой, сверкнул глазами, вздохнул.

«Молодость, молодость... Хорошо, идите. Желаю приятных сновидений».

«Почему сновидений?

«А разве любовь — не сон? Как и жизнь, впрочем».

Мбвана Мбвуми вышел на «трек» регионального поста охраны и сопроводил «чрезвычайного посла» к лифту, который был одновременно кабиной бесшумного метро. Через минуту Ставр вышел из терминала «контр-3» на глубине в двести метров под поселком Долина Фобоса. Здесь ему пришлось пройти тест на «совместимость» целесмысловых установок с задачами «контр-3» и только после этого получить допуск по уровню советников, имеющих право передвигаться по территории центра и доступ к стратегической информсети.

Адрес эфаналитика Виданы Железовской не входил в объем стратегически важной информации, однако найти ее оказалось непросто. Девушки не было ни в расчетном зале большого инка, ни в личной каюте, а обыскать всю территорию центра, занимавшего восемь горизонтов площадью около десяти тысяч квадратных метров каждый, было нереально. Тогда Ставр рискнул выйти в поле Сил и... вызвал тревогу сторожевой инк-системы, отреагировавшей весьма круто: нарушителя пси-режима тут же в коридоре накрыли силовым пузырем, совмещенным

с пси-фильтром, и в действие пришел механизм адекватной проверки гостя центра. Однако Ставр действовал быстрее, продавил силовой пузырь (интраморфу без Д-прививки сделать это не удалось бы), на сверхскорости преодолел два горизонта и там нырнул в полную неслышимость, включив для верности личный пси-фильтр. Ругать себя не стал. В поле Сил он пробыл всего несколько сотых долей секунды, но успел определить примерный вектор, по которому «светилась» аура Виданы.

Он нашел ее в парке, возле бассейна, в компании четырех молодых людей, очень сильных людей и сдержанных, судя по их беседе и манере поведения. Девушка была одета в свой любимый уник (шорты, блузка), а мужчины, как один, предпочитали свободного покроя летние костюмы в стиле «антик».

Ставр задавил желание пошутить (прыгнуть в бассейн или пристать к компании) и лишь смотрел на сидящую в шезлонге девушку из-за куста роз, не отрывая взгляда. И она п о ч у в с т в о в а л а его, несмотря на задавленную пси-сферу и молчание. Повернула голову в его сторону, глядя на «незнакомого толстяка», медленно встала, сделал шаг навстречу... затем бросилась к нему с тихим вскриком:

— Ставр!

Четверо парней переглянулись, молча смотрели на обнявшуюся пару, не отреагировав даже на преображение незнакомого пожилого человека в русоголового юношу. Лишь один из них нахмурился, потому что Видана давно была ему небезразлична, но и он знал, кого она ждала...

Они были — ураган, тайфун, смерч, цунами...

Они были — падение в жаркую чувственную бездну...

Они были — отдыхающие чайки на волнах океана...

Они были — падающие без сил на гребень бархана путники в пустыне любви...

Они были — пьющие зной и хо́лод, пламя и жидкий лед...

Они были... и снова, и снова, и снова... и сколько это длилось, никто потом вспомнить не мог.

Видана пришла в себя первой.

«Очнись, эрм! Это тебе не виртуальная реальность. Ты меня замучил... Я не думала, что ты такой...»

— Какой? — вслух спросил Ставр.

— Ненасытный, — нежно ответила девушка.

Он привлек ее к себе... и повторилось все сначала, будто они только-только встретились...

Потом они час купались, испытывая невероятное блаженство от струй воды, чистоты тел и прикосновений друг друга, благословляя деда Аристарха, что он догадался установить в своем бункере приличный душ со сменой программ.

Пили чай «по-королевски», то есть из одной пиалы, забравшись вдвоем на трон-кресло Железовского, ели горячие бутерброды, снова пили чай с тоником, затем медитировали, набирая сил без выхода в эйдоинформационное поле, но не удержались и оказались в объятиях друг друга, в спальне... чтобы через некоторое время снова пойти в душ и повторить цикл опьянения друг другом...

А потом в бункер ворвался Аристарх Железовский и, не обращая внимания на пикантную сцену, передал слоган:

«Уходите! Бункер заминирован! Если эмиссар поймет, что его засада провалилась, он его взорвет! Быстрее!»

Ставру не надо было объяснять ситуацию дважды. На то, чтобы накинуть на себя «плащ» из «чистой энергии», ему понадобилось всего две секунды, но включить опознаватель он забыл. Видана собиралась медленнее, и Аристарх помог ей пониже спины, так что девушка с гневным «ай!» вылетела в коридор.

Они втиснулись в кабину метро втроем и скомандовали пуск, но именно в этот момент прошла и команда на подрыв бункера.

Те, кто в это майское утро отдыхал на берегах озера Нгангларинг-Цо, с ужасом увидели гигантскую колонну волокнистого зеленого огня, вырвавшуюся из отрога высившегося поблизости хребта Алинг-Гангри, ушедшую в небо и превратившуюся в столб бурлящего багрово-черного дыма.

Горы содрогнулись, вода в озере закипела, взметнулась кольцевой волной, сметая с берегов отдыхающих, а потом пришел звук, подобные которому слышатся только во время войн, — звук колоссальной мощности взрыва...

Темнота...

Белая темнота!..

И боль! Красно-черная, шершавая, твердая, шипастая боль во всем многосуставчатом теле... Он неосторожно шевельнулся и рассыпался на миллионы отдельных песчинок, камешков, клеточек, ядер и зерен. Начавшее было восстанавливаться сознание померкло...

Следующее воскрешение было чуть легче первого, но и оно не состоялось полностью, потому что любое шевеление вызывало распад тела на россыпи камней и струи пыли. Только на четвертый или на пятый раз он сумел наконец определить границы своего чувствования и выбраться на Божий свет из-под скорлупы разбитого вдребезги сознания.

Пошевелить руками и ногами, равно как и просто повернуть голову, чтобы оглядеться, не удалось ни с первой, ни с десятой попытки. Тогда Ставр освободил одно из «Я» сознания и «вышел» из тела, пытаясь сохранить цветность и четкость зрения.

Себя он обнаружил сразу, свернувшегося клубком и вклеенного, как муравей в янтарь, в прозрачно-голубую стеклянистую массу. Видана отыскалась чуть в стороне и ниже, также закованная в массу стекла и в той же позе. Аристарха Железовского нигде видно не было.

Пси-двойник Ставра обследовал окружающее пространство, и Панкратов сделал вывод: они оказались внутри многогранника, заполненного массой застывшего вещества, похожего на стекло. За стенами помещения просматривались еще какие-то конструкции, машины, коммуникационные сети со слабо излучающими участками, но вызывали они почему-то впечатление мертвой неподвижности, запустения и чужеродности.

Ставр некоторое время рассматривал мигающий фиолетовым светом глаз под потолком многогранника и вернулся в тело. Ощущений стало гораздо больше, причем в большинстве своем негативных. Болели все кости, кожу жгло и кололо, легкие отказывались дышать, потому что воздуха по сути в «стекле» не было. Ставр понял, что без выхода в поле Сил не обойтись. Даже если после этого его засекут наблюдатели ФАГа.

Войти в состояние инсайта оказалось непросто, пришлось настраивать каждый застывший орган тела, не

обращая внимания на тревожные напоминания сторожевого центра сознания об отсутствии резерва. Ставр напрягся — и «стеклянная» масса вокруг стала трескаться, осыпаться на пол помещения, испаряться и таять. Через несколько секунд с деревянным стуком упал и сам Ставр, но способность двигаться приобрел не сразу: тело действительно одеревенело, члены затекли и не чувствовали ток крови. Как только удалось встать, Ставр заковылял до упавшей Виданы и с трудом достучался до ее пси-сферы, еле просвечивающей сквозь саван небытия, как уголек сквозь слой пепла. Во время нештатного запуска, совпавшего со взрывом метро, девушке досталось больше, потому что Ставр был укутан в дигамбара, а на Видане был обыкновенный уник.

Сколько он провозился с ней, пока она не задышала, Ставр не понял. Сеанс энергопереноса отнял у него все силы, после чего пришлось восстанавливаться самому с выходом в поле Сил. Он уже не боялся делать это. Так как стало ясно: находятся они не на Земле и вообще ни на одной из планет Солнечной системы.

Очнулся он от прикосновения. Видана, слабая, дрожащая от холода и бессилия, стояла рядом на коленях и гладила его по щеке.

— Где... дед? — раздался ее тихий, как выдох, голос.

— Не знаю. Поблизости его нет.

— А где... мы?

— Выйдем отсюда — посмотрим. Но это не Земля.

— Я это ощущаю носом — дышать нечем. Как мы здесь оказались?

— Метро сработало одновременно со взрывом. Удивительно, что мы вообще живы. Нас могло рассыпать по «струне» на тысячи парсеков. Сколько ты еще можешь продержаться без воздуха?

— Пока держусь, но сил нет совсем.

— Полежи, я поищу кислород и узнаю, где стоит эта станция метро, куда нас выбросило.

Видана превратила свой уник в комбинезон и улеглась на пол поудобнее. Ей было очень плохо, легкие просили кислорода, все тело зудело и разламывалось на части, в глазах прыгали цветные «зайчики», голова отказывалась анализировать ситуацию, но девушка ни разу не пожаловалась на боль.

Ставр отсутствовал минут сорок. Присел на корточках над Виданой, положил руку на лоб, передавая энергоимпульс. Она открыла глаза, в которых перемешались тьма и мука, встретила его взгляд, попыталась приободриться:

«Я думала, ты меня бросил...»

«Не надейся. Если только сама не сбежишь. Правда, сбежать тебе не удастся, везде найду».

«Особенно не задавайся, файвер, а то становишься похожим на Хинна. Что-нибудь узнал?»

Ставр не стал уточнять, откуда Видана достала информацию о файверах. Кислорода он не нашел, как и защитных костюмов с энергоресурсом и НЗ, а Видана продержаться в этом состоянии долго не могла.

— Судя по моим впечатлениям, нас выбросило на родину гуррах. Метро стоит на территории какой-то базы или военного городка. Все цело, но оборудование очень древнее. Самих кайманоидов не видно, однако кое-какая автоматика работает. Единственный шанс выжить — убраться отсюда тем же путем, на метро».

«Похоже, я останусь тут... навсегда...»

«Держись, малыш! Выкарабкаемся».

«Нечем... дышать... хочу...»

Ставр некоторое время раздумывал, что делать, потом решительно привлек Видану к себе. Костюм дигамбара не только защищал его от внешних воздействий, но и снабжал тело кислородом. Надо было сделать так, чтобы он поработал в этом направлении на двоих, насытил кровь Виданы кислородом хотя бы на некоторое время.

Объяснить костюму его задачу удалось со второй попытки, лишь после того, как девушка потеряла сознание и не отреагировала на электроразряд, сопровождавший его прикосновение к ее коже. А уже через четверть часа Видана очнулась, почувствовав себя значительно лучше. Мгновенно поняла, что произошло, и крепче прижалась к телу Ставра, прошептав:

— Ты — идеальная перина!..

Ставр представил, как они выглядят со стороны, и фыркнул: скафандр растянулся, закутал обоих, образовав нечто вроде спального мешка, и теперь они были похожи на двухголовое существо без ног и рук.

Еще через несколько минут Видана поцеловала Ставра:

— Ты идеальный адаптоген! Мне уже лучше, давай я встану. Если доберемся до дома, попрошу у Грехова такой же костюмчик. Или его может носить только файвер?

Ставр скомандовал скафандру занять стандартное положение, осторожно снял девушку с себя и встал.

— Откуда ты знаешь о файверах?

— Слухом земля полнится... от Пайола Тота, отца Яна. Ну, что, начнем искать выход? — Голос у девушки был бодрый, но Ставр видел, что ей все еще плохо. Надо было торопиться.

Они обследовали территорию базы гуррах, судя по виду — законсервированной для каких-то целей пару сотен лет назад, но полезного для себя ничего не нашли, кроме оружия. Этого добра здесь хватило бы на вооружение целой армии. Но ни запасов кислорода, ни съестных припасов обнаружить не удалось, кайманоидам они были без надобности. Судя по той информации, которую удалось наскрести, гуррах действительно были аммиачными существами: они пили аммиак, дышали азотом и выдыхали циан. Правда, азота в атмосфере планеты почти не осталось, на девяносто процентов она состояла из циана, метана и водорода, и этот факт вполне объяснял причины бегства остатков гуррах со своей загаженной, мертвой планеты.

У Ставра мелькнула было мысль попытать счастья в других районах планеты, благо некоторые из летательных аппаратов базы имели неизрасходованный ресурс и могли передвигаться в радиусе сотен километров, но Видана слабела быстрей, чем хотела, хотя и пыталась бодриться, поэтому пришлось заняться аппаратурой гуррахского метро вплотную.

Принцип действия метро кайманоидов оказался тем же, что и у земного, разве что техническое воплощение было иным. Стеклянистая масса, например, в которой застряли люди после финиша, оказалась аварийной компенсационной подушкой, пришедшей почти в полную негодность из-за старости и сработавшей чудом. Остальное оборудование тоже было уникальным, отличаясь от отечественного по многим параметрам, но метро работало, имело независимый источник энергии, и Ставр сде-

лал вывод, что гуррах оставили его в качестве запасного пути для отступления. Каким образом произошло пересечение «струн» земного и кайманоидского метро, оставалось загадкой, но не принципиальной, разгадку надо было искать все равно не здесь, а на Земле.

Ставр обследовал все, что мог, влез даже в систему компьютерного запуска метро, однако так и не смог установить координаты ближайшей точки выхода. То есть они могли с равной вероятностью выйти не только на Земле, но в любом другом районе космоса, где стояли станции гуррах-метро, в том числе в резиденции эмиссара. Но выбора у них не было, Видана теряла сознание все чаще, не помогали и сеансы энергопереноса. Надо было рисковать. Хотя Железовского разыскать так и не удалось.

Бросив последний взгляд на мрачный пейзаж снаружи — базу окружало оранжево-голубое болото с тысячами струек испарений, над головой темнело серое небо, из которого свисали такие же серые клочья тумана, — Ставр шагнул обратно в здание метро. Подхватил Видану на руки, приказал скафандру закутать их обоих и привел в действие автоматику пуска.

С гулким ударом гонга под ногами распахнулась звездная бездна...

ФАЙВЕР

Галена Боянова, мать Виданы, поседела за ночь. Потерявшая в течение короткого времени мужа и дочь, она не смогла сдержать чувств, и Забаве с трудом удалось успокоить ее известием, что возможен другой вариант исчезновения влюбленной пары. Правда, сама Забава в этот вариант не верила, в отличие от Прохора Панкратова, который надеялся на чутье сына и его возможности файвера. Может быть, молчаливое присутствие в доме Панкратова-старшего и помогло Галене прийти в себя. К тому же у ее постели постоянно дежурили женщины — Забава, Анастасия Демидова, подруги Галены.

Мужчины собрались на другой половине дома, располагавшегося в джунглях Мадагаскара и принадлежащего приятелю Железовского, который большую часть

времени проводил в космосе. Молчали, перекидываясь редкими фразами в ожидании Аристарха: Прохор, Ратибор Берестов, Пауль Герцог. По треку «спрута-3» часто проходили сообщения, касающиеся всех, и тогда в комнате устанавливалась тишина.

Жизнь продолжалась, человечество по большей части все еще не догадывалось о приближающейся катастрофе и жило своими радостями и огорчениями, не желая прислушиваться ни к голосу разума, ни к голову чувств, руководствуясь инстинктами и внедренной в сознание мыслью, что виноваты во всех бедах интраморфы.

Железовский заявился не один, а с Мальгривом. Бывший шеф «контр-2» стал главой аналитического центра «контр-3» и выглядел, как и прежде, флегматично-благодушным дядюшкой, который доволен всем и прежде всего собой. Аристарх сразу прошел к невестке, а Джордан в гостиную. Поздоровался, оглядел всех, наткнувшись на физически ощутимый взгляд Панкратова, ответил на невысказанный его вопрос:

«Ни на одной из контролируемых нами станций они не появлялись. Где они могут находиться, остается неясным. Наши эксперты установили, что взрыв реактора не был мгновенным, а как бы протекал в три этапа, три импульса. Его словно кто-то пытался задержать. И судя по эху, на тонких уровнях поля Сил, в бункере, кроме Виданы и Ставра, находился еще один человек».

Мужчины переглянулись.

«Третий? Не может быть!» — возразил Берестов.

Мальгрив не ответил, наливая себе тоник.

— Никто из наших туда пойти не мог, — сказал Герцог. — Зная, что бункер заминирован».

«Я предупреждал Ставра, — выдохнул Прохор. — Мне показалось, что он понял...»

«Не казни себя, дружище, — произнес из-за стены Железовский. — Ставр ведь сразу заявился туда и уничтожил засаду. Ему могло показаться, что ты предупреждал его именно о ней. Но, хоть убейте, я не вижу их среди мертвых!»

Сказано это было, наверное, ради Галены, но и Прохору стало на душе чуть легче. Хотя он тут же с горечью подумал: если бы они остались живы, уже объявились бы...

«Погодите их хоронить, — пробурчал Мальгрив. — Посыл на «струну» был нештатным, их могло забросить черт знает куда. Оклемаются, осмотрятся и вернутся. Ян Тот сказал, что файвера уничтожить почти невозможно, а ведь Ставр как-никак файвер».

«Зародыш файвера», — уточнил Берестов.

«Ну, так что вам еще надо? Давайте работать, а не сопли распускать. Придет ли к нам на помощь Конструктор, еще вилами по воде писано, я даже в Сеятеля не верю, что-то уж больно быстро он смотался отсюда... значит, полагаться стоит только на себя, и отдыхать рано».

«Что бы мы без тебя делали, монах, — вздохнул Берестов, — без твоих советов и правил. Может быть, ты уже знаешь, где находится база эмиссара?»

«Не знаю. Он везде и нигде. Еще ни одному наблюдателю не удалось проследить за его перемещениями, хотя выходили на него многие. Зато мы вычислили, где находится новый лагерь гуррах».

«Где же? — заинтересовался Аристарх. — Неужели они отважились остаться в Системе?»

«Еще как отважились — буквально под боком Совета безопасности, у всех на виду, на территории Европейского военно-исторического музея».

Герцог присвистнул, выражая общие чувства.

«А что — мудро, — появился в гостиной Железовский. — Территория музея — двести квадратных километров, там полно разного рода техники, в том числе действующей, а также источников энергии, — черта спрятать можно!»

«Да, кайманоиды многому научились».

«У них хорошие учителя — К-мигранты».

«Грехов все обещал покончить с ними, да так и не нашел времени. А что думает голова «контр-3» по этому поводу?»

«Считает ликвидацию К-мигрантов делом второстепенным, но операцию «Чистка» все же готовит. Час «икс» может быть объявлен очень скоро, в зависимости от... э-э... многих обстоятельств».

«В зависимости от согласия Сеятеля помочь».

Мальгрив глянул на говорившего по-отечески благожелательно.

«Как мы все хорошо понимаем».

«Погодите-ка, — попросил тишины Железовский, к чему-то прислушиваясь. — Никак гости пожаловали!»

В коридоре тихо заскулил домовой.

«Вы кого-нибудь ждете?» — насторожился Герцог.

«Никого, все дома...»

«Их только двое, мужчина и женщина, по всей видимости нормалы. Впускай, посмотрим, кто это».

У Прохора екнуло сердце, и не у него одного.

Железовский открыл дверь, и в дом ворвались незнакомые с виду, но узнаваемые по ауре молодые люди — Ставр и Видана. Панкратов-младший сделал это молча, а Видана с воплем:

— Дед! Живой!

В комнату заглянули женщины, мать Виданы бросилась к ней со стоном, началась суматоха, общее столпотворение, раздались возгласы удивления и довольный голос Мальгрива:

— Я же говорил — он вывернется!

Образовались две живописные группы: обнимающиеся, плачущие, квохчущие Железовский, Галена, Забава и Видана — в одной, и молча обнявшиеся за плечи Прохор, Ставр и Ратибор — в другой.

Наконец шок у Аристарха, как и у всех остальных, прошел. Он разнял объятия, отодвинул Видану:

«Ну, хватит реветь, в чем дело?»

«Как в чем? Ты здесь... живой!»

«Живой, живой, что мне сделается?»

«Мы с ума сошли, обыскались, думали — пропал! Куда ты делся после старта? Где тебя выбросила «струна» метро?»

Железовский и Прохор обменялись взглядами.

«Постой, постой, ты о чем? Ничего не понимаю!»

«Как о чем? — Видана с недоумением оглянулась на Ставра. — О взрыве! Мы же с тобой вместе стартовали... во время взрыва... а оказались только вдвоем. Ты что, разыгрываешь, дед?»

«Ну-ка, расскажите подробней».

Запинаясь, Видана поведала историю о появлении в бункере Аристарха Железовского, их бегстве и взрыве.

По дому разлилось молчание, притихли даже обезумевшие от счастья женщины.

— Дело в том, что меня с вами не было! — объявил Железовский.

— Что ты говоришь, дед? — беспомощно пролепетала Видана.

— Значит, спас вас кто-то другой, — хладнокровно констатировал Герцог. — Может, Грехов?

— Грехова я бы узнал, — покачал головой Ставр.

— Н-да, задали вы загадку! — Панкратов-старший пришел в себя и вспомнил о деле. — Рассказывайте, что было дальше.

Женщины понемногу успокоились, хотя Галена никак не могла оторваться от дочери и продолжала плакать, не вытирая катившихся по щекам слез. Расселись кто где мог, и Ставр коротко довершил начатый Виданой рассказ...

Он был готов ко всему, вплоть до встречи с эмиссаром, но бросок по «струне» чужого метро закончился без эксцессов, тихо и мирно, в недрах какой-то станции, работающей в автоматическом режиме, причем на планете с меньшей силой тяжести, чем на Земле.

Через несколько минут стало ясно, что станция расположена на Венере в одной из тессер и является запасным эвакопунктом ФАГа. Управлялась она стандартным инком типа Знаток, и Ставру ничего не стоило войти в оперативное поле компьютера, задавить его сторожевые функции и выяснить, кто и зачем устанавливал станцию на дне жаркого и плотного океана атмосферы Венеры.

Можно было тут же убираться отсюда, благо метро разблокировать на старт не составило бы труда, но Панкратов потратил еще некоторое время на поиск НЗ, кислорода и на лечение Виданы. А потом с полчаса копался в памяти инка, пока не обнаружил след странной записи: кто-то недавно побывал здесь и стартовал на Землю, но не в обычном режиме, а по сложному коду.

— Это все, — закончил Ставр. — Наружу я не выходил, но на станции есть все, чтобы можно было долгое время находиться в аду Венеры.

«А ты не смог бы воссоздать тот код? — заинтересовался Железовский. — Я имею в виду старт того, кто посетил станцию до вас».

Ставр помедлил.

«Я не уверен, что правильно прочитал... — Он продиктовал цифры в сопровождении слоган-символа. — Но стоит попробовать пощупать вектор».

«Попробуем, — кивнул Герцог. — Это код базы эмиссара или лежбища К-мигрантов. Надо признать, вам здорово везет, ребята. Даже слишком здорово».

Железовский исподлобья глянул на Ставра.

«В такое везение я не верю. Им определенно кто-то помог... не только уберег от взрыва, но и навел на гуррах. Если это Грехов...»

«Увы, не я, — вторгся в пси-поле разговора чей-то уверенный голос. — Разрешите войти?»

«Входите», — с заминкой сказал Железовский, оглядывая насторожившуюся компанию.

Несколько минут прошло в молчании, пока в дом не проник Габриэль Грехов. Все смотрели на экзоморфа, как на посланца дьявола, и на губах его промелькнула тень улыбки.

«Рад видеть вас живыми, мадам и мсье. Я на минутку, хочу предупредить, что сегодня вечером или ночью мы будем иметь честь встретиться с двумя... э-э... организмами, которых вы хорошо знаете: с Конструктором и Сеятелем. Возражений нет?»

«Где состоится встреча?» — ответил за всех Прохор.

«Везде, где бы вы ни были. Специально готовиться не надо, собираться вместе тоже. Вас найдут. — Грехов кинул взгляд на Ставра. — Эрм, ты мне нужен».

«Прямо сейчас?»

«Прямо сейчас. Прошу прощения, друзья, у меня как всегда мало времени».

«Но как же...» — начала Видана.

«Значит, ребят спас кто-то из них? — перебил ее Ратибор. — Сеятель? Конструктор?»

«А не суть важно. — Грехов и Ставр, оглянувшись на Видану, вышли, остался звучать только голос Габриэля. — Главное, что они здесь. И мой вам совет: не собирайтесь такой большой компанией, вас в и д н о очень далеко, а ФАГ может накрыть ради вашего уничтожения весь остров».

Шаги смолкли, наступила тишина, в которой раздался бесстрастный голос Забавы Бояновой:

— Боюсь, это не главный сюрприз, милые мои...

Ставр не спросил, куда они идут и зачем, а Габриэль (двойник, естественно) не счел нужным объяснять. Спустя сорок минут они вышли из метро на территории Такла-Маканского ксенозаповедника, где их встретил Герман Лабовиц. Он тоже ничего не сказал, молча пожал руку Панкратову и повел гостей за собой.

Будка сторожевого поста, в которой стоял инк охраны бестиария, оказалась лифтом, который опустил их под землю. В помещении, защищенном, как определил Ставр, слоем «абсолютного зеркала», их ждал Диего Вирт, Грехов-первый и незнакомый Панкратову интраморф, желтолицый, узкоглазый, с модной прической под «тигра», небольшого роста, но буквально круглый от развитых мышц.

«Привет, мальчик. — Диего с улыбкой легонько прижал Ставра к себе. — Знакомься, Левон Акутагава».

Ставр подал руку внимательно разглядывающему его «тигру» и внезапно понял, что перед ним эрм. В свою очередь и тот оценил гостя правильно, сказал на бархатно-звучном пси-арго:

«Наслышан. Рад поработать вместе».

«Взаимно», — ответил Ставр, и они церемонно раскланялись, вызвав довольный смех Вирта.

Грехов-второй влился в Грехова-первого, поднял бровь. Смех стих.

«За дело».

Ставр выжидательно глянул на него, и Габриэль сунул ему «платиновый» браслет интенсионала.

«Читай, идем брать К-мигрантов, а то твои родственники думают, что я забыл о своем обещании. Я предупреждал К-мигрантов, думал, они остепенятся... а они дошли до беспредела».

Панкратов послушно нацепил браслет, всосавшийся дымком под кожу, и через несколько секунд знал план атаки на «лежбище» К-мигрантов. В отличие от остальных членов группы ему не нужно было экипироваться в спецкостюм, поэтому, пристроив выданное Греховым оружие — аннигилятор и гуррахский уничтожитель, он позволил себе на минуту расслабиться. И почти тотчас же услышал тоненький, прерывающийся детский голосок:

«Панкратов, как слышишь?»

Не сразу сообразив, что это пси-вызов, а не запрос по рации и уж тем более не звуковая передача, Ставр мысленно ответил, не выходя в поле Сил:

«Кто говорит?»

«Ян говорит. Я нашел частотную полосу вне диапазона пеленгуемых линий связи, держи слоган — сам поймешь, как это делается».

В голове всплыл сложнейший слоган гиперпередачи, который Ставр принял только со второго раза, напрягаясь, как во время выхода на сверхскорость, облившись холодным потом.

«Ну, как?»

«Нормально, — не сразу ответил он в том же диапазоне, что и Тот Мудрый. — Этим этажом поля Сил кто-нибудь из наших пользуется?»

«Грехов, Баркович. Короче, файвер, я собираю тут кое-кого в двадцать три по среднесолнечному...»

«Файверов, что ли?»

«Догадливый. Не опаздывай».

Журчащий детский голосок пропал. Ставр обнаружил, что Грехов посматривает на него искоса, пробормотал:

«Ян пригласил на рандеву...»

«Знаю, успеем. Итак, диверсанты, задание понятно всем?»

«Так точно, енерал!» — вытянулся «во фрунт» Диего.

«Пойдем одни, не уведомляя «контр-3»? — уточнил Ставр.

«Я из «контр-3», — ответил Акутагава бесстрастно.

Грехов первым шагнул в коридор и...

...и первым шагнул в коридор...

...и застыл...

...первым шагнул...

...что-то лопнуло в груди Ставра, словно разорвалась аорта, и горячая струя крови хлынула на грудь, в желудок, ударила в голову, глаза застлало пеленой слез, сквозь которую почти ничего нельзя было разглядеть... и все же он увидел, что тело застывшего Грехова разделилось на два силуэта. Один остался стоять, второй шагнул в сторону, оглянулся, сделал приглашающий жест...

Ставр осознал, что он тоже застыл, как и остальные члены команды, не в силах двинуться с места. Напряг-

ся изо всех сил, почувствовав новый удар «лопнувшей артерии», теперь уже в голове. От боли едва не потерял сознание... или потерял?.. нет, просто планов сознания стало больше — два или три, и перейдя на тот, что позволял двигаться, Ставр вышел из своего тела, как до этого Грехов из своего.

Время... что-то произошло со временем... он его не ощущал... Впрочем, пространства не ощущал тоже. Он оказался внутри странного, невидимого, но плотного кокона, отделившего его от мира, который продолжал жить по своим законам. И еще чувства... они стали другими, и было их больше, чем раньше... вполне естественным, например, казалось чувство осязания струящихся молекул воздуха... или осязание излучений — от фотонов видимого света до сверхчастотных волн гравитации, искривляющих свет...

«Очнулся, файвер?» — раздался в голове шелестящий бестелесный голос.

Ставр понял, что принадлежит он второму Грехову, который разглядывал его, становясь то маленьким, то огромным, прозрачным или сияющим серебром, плывущим, меняющимся, зыбким... лишь глаза экзоморфа не изменялись — черные, огромные, выражающие с и л у и безмерную волю, в то время как лицо словно ушло в тень, изредка озаряемое вспышкой внутреннего пламени...

«Кто... ты?!»

«Да Грехов я, Грехов, только настоящий».

«Что... это... значит?»

«Это значит, что вся ваша жизнь — твоя, твоих друзей и близких, проконсулов синклита, работников «контр-3» — и н с ц е н и р о в а н а! Все ваше поведение закодировано Игроком — ФАГом, и не только ваше, всего человечества в целом. В Системе работают девять трансляторов воли ФАГа, контролируя всю ее жизнь! Тебя спас Сеятель и перебросил на планету кайманоидов, чтобы завершить корректировку гена файвера. Теперь ты сможешь у в и д е т ь реальную картину Игры, отраженную уровнем Солнечной системы, уровнем ее социума, и убедиться в сценарном таланте ФАГа».

Ставр прислушался к себе. Странно, у него даже не возникло желания воскликнуть что-нибудь вроде «бред!»

или «чушь!». Он чувствовал, что Грехов говорит правду.

«Значит, всего, что я пережил, — не было?»

«В том-то и дело, что почти все было, но преломлялось в твоем сознании и сознании других людей таким образом, что вам казалось, будто вы действуете самостоятельно».

«А наш поход... за Сеятелем?»

«Прекрасный спектакль, разыгранный ФАГом на уровне, который недоступен даже мне. Команда под «моим» руководством дальше Дна Мира, то есть границ домена, не прошла. ФАГ допустил здесь лишь один прокол — ввел в сценарий сцену погони. Она явно была лишней. Хотя ты до конца свои подозрения не проанализировал».

«Получается, все наши беседы с Иерархом... и Сеятелем... липа?»

«Нет, ФАГ в этом спектакле не рискнул выдавать дезинформацию. Все, о чем вы беседовали, существует на деле, как и «перегиб пространства», оставленный Сеятелями. А сам Иерарх и Сеятель — гипнофантомы, созданные вашим воображением. Я предполагал нечто подобное и остался на Земле, послав вместо себя двойника. Как и Ян. В принципе мало что изменилось бы, пропусти вас ФАГ за пределы домена. Инженеры все равно не стали бы отвлекаться от своих дел ради нас».

«Какой пассаж!.. Я чуял, что-то не так, но мне и в голову не могло прийти... что мы воюем сами с собой! Но тогда Баренц — не предатель?»

«Баренц начал догадываться о реальной событийной канве раньше всех, но он не смог отличить, кто в этой Войне друг, а кто враг, и мне пришлось его выключить из процесса... на время. Он жив, не переживай».

«Диего Вирт... тоже фантом?»

«В смысле персонажа — реальная личность, но для экспедиции мы записали ему в память не все, что знал настоящий Диего».

«А Ян Тот?»

«Тот Мудрый — файвер, он знал все!»

«Почему же пошел на этот... розыгрыш?»

«Это входило в планы организации... скажем, «контр-4», которую создали файверы. Скоро ты встре-

тишься с ними. Надо было заставить ФАГа поверить, что мы реально ушли на поиски Сеятеля и Конструктора. Но, как ты уже знаешь, в экспедицию отправился «второй состав», двойники... кроме тебя. Ты должен был «дозреть».

«Мда, дозрел... А не проще было бы ФАГу уничтожить команду?»

«Нашлась бы вторая команда. А так он убил сразу двух зайцев: заставил поверить, что Сеятель согласился проанализировать состояние Игры в домене, и задержал момент его появления, потянул время, что несомненно сыграло в его пользу. Если бы его замысел удался полностью, человечество никогда бы не узнало, что произошло на самом деле».

«А нагуали?..»

«К сожалению, они так же реальны, как и сам Игрок, имя которому не ФАГ, а Закон Перемен. О котором, кстати, старательно втолковывал нам посланец ФАГа Иерарх Пути. Впрочем, в какой-то мере его можно назвать и разумным существом, и Фундаментальным Агрессором, и собственно процессом Перемен. Смотря с какой стороны посмотреть. Ты в состоянии анализировать информацию?»

«Да... н-нет... трудно... эмоции кипят!.. мы все под контролем — чудовищно!.. ФАГ знает все... мы играли по его правилам...»

«По большому счету Игра велась на полном серьезе, иначе интраморфы давно поняли бы, что ими кто-то управляет. Большинство событий происходило так, как вы видели, лишь некоторые, ключевые, так сказать, разыгрывались иначе. ФАГ только корректировал действия обеих сторон, создавая «фигуры достоверности». Он не пожалел даже своего эмиссара Джезенкуира, хотя мог, конечно, его уберечь от гибели. Но глобально он, конечно, почти переиграл человечество, создав «виртуальную реальность» невероятной сложности и надежности. Он в состоянии внушить любому даже «факт» прибытия Сеятеля, не говоря уже о моем появлении».

«Почему — почти?»

«Потому что человечество — не только аморфная масса, толпа, подчиняющаяся в основном желаниям

«жить красиво», не думая, наслаждаясь без меры, человечество — это еще и паранормы, живущие познанием самих себя, и эрмы, способные постоять за себя, и файверы, занятые с о з и д а н и е м себя».

«Значит, Сеятель... не появится?»

«Он давно в домене... и в Системе. Наверное, даже раньше меня. Если возникнет необходимость, он сам присоединится к нам».

«Он... действительно ищет... искал свою родину... свой метагалактический домен?»

«Мне кажется, он его давно нашел, хотя я не уверен. Зато знаю точно, что Сеятели в самом деле стали Инженерами в одной из соседних метавселенных. Но у них есть и другие цели».

«А Конструктор?»

Из тени золотом просияло лицо Грехова.

«Конструктор далеко... но может быть, нам еще доведется встретиться с ним. Итак, ты готов к д в о й н о м у видению?»

Ставр напрягся, рождая еще одного «призрака», колеблющегося, как и фигура «второго» Грехова.

«Последний вопрос: возможна ли корректировка... еще одного человека... паранорма?»

«Виданы Железовской, — закончил Габриэль. — Меня иногда умиляет чувство привязанности файверов...»

«Я люблю ее!»

«Чувство любви — тоже умиляет... хотя нет утраты болезненней и кратковременней, чем утрата любимой женщины, как сказал мудрец[1]. — Он замолчал на мгновение, и Ставр обострившимся чутьем уловил его мысль об Анастасии Демидовой. — Впрочем, все мы — дети человеков, и никуда от этого не деться. Попробуй сделать корректировку сам, файвер. Счастлив тот, кто добивается цели, а не получает ее в подарок».

Ставр понял, что ответит ему Габриэль, еще до того, как тот сформулировал свой ответ. Расправил плечи, тверже стал на ноги, задержал дыхание — если перевести его состояние на человеческий язык, посмотрел вокруг и у в и д е л истинное положение вещей...

---

[1] Вовенарг.

К-МИГРАНТЫ И ФАЙВЕРЫ

Логово К-мигрантов пряталось в кальдере древнего вулкана Эбеко, расположенного на острове Парамушир, который принадлежал Курильской островной гряде. Около двухсот лет назад вулкан заговорил в полный голос, из трех кратеров: Южный, Средний и Северный — образовал один, нарастил конус до трехкилометровой высоты, а когда извержение закончилось и он остыл, в кратере образовалось чрезвычайно горячее — с температурой воды до девяносто трех градусов Цельсия — озеро диаметром около трехсот метров. Из-за общей высокой температуры, а также из-за мощных групп фумарол, из которых с шумом и ревом выбиваются пар и газы с температурой до ста двадцати градусов, ни внутри кальдеры, ни на склонах вулкана ничего не росло, и он остался угрюмым и черным, как обгоревший, обуглившийся пень. Туристы и любители экзотики не часто посещали это место, еще реже в его окрестностях появлялись вулканологи или витсы, обслуживающие регистрирующую шумы недр аппаратуру, и Ставр оценил расположение базы К-мигрантов по достоинству. Лучшее место сыскать было трудно.

Действовала команда Грехова (теперь уже настоящего) достаточно просто.

Сначала над вулканом появился аэр с двумя «вулканологами», Акутагавой и Лабовицем (все интраморфы изменили внешность и настроили пси-фильтры соответствующим образом), которые на весь эфир объявили о своей решимости провести исследования озера. Не таясь, они связались с Петропавловским институтом геофизики и вулканологии, сообщили, что прибыли по назначению и теперь выбирают место для установки лагеря. В ответ они получили «добро» и пожелание встретить грузовой неф с необходимым оборудованием и остальными тремя членами экспедиции.

К-мигранты, за которыми следил орбитальный Тихоокеанский комплекс гидрометконтроля, могли после этого сняться и уйти, благо у них в кратере было установлено метро, но они этого не сделали, уверенные в своем интеллектуальном и физическом превосходстве, в надежности маскировочных устройств и мощи оружия.

Они не обратились даже за помощью к Шкурину, который мог бы позвонить в Петропавловск и запретить исследования под предлогом стратегической важности района для работы УАСС. Тогда Грехову пришлось бы ломать голову над другим вариантом штурма, но, зная характер своих бывших попутчиков, он в своих предположениях не ошибся, и операция продолжалась по разработанному плану.

Пока рекогносцировщики кружили над вулканом и во всеуслышание препирались, где лучше поставить палатку, объявился обещанный неф с оборудованием вулканологов. Грехову и Ставру достаточно было одного «взгляда» настроенной на объективное видение мира психики, чтобы определить местоположение базы К-мигрантов, после чего, присоединившись к хору спорщиков, они посадили машины прямо на берегу парящего, фонтанирующего озера, рядом с дымящимся буро-коричневым утесом, под который замаскировали свое убежище не боящиеся высоких температур К-мигранты.

Если бы К-мигранты догадались еще до посадки скорлупой «абсолютного зеркала», выковырнуть их оттуда было бы непросто, но они и этого не сделали. Лишь развертывание палаток «вулканологов» в непосредственной близости от базы заставило их предпринять кое-какие защитные меры, хотя было уже поздно: Грехов и Ставр, в и д я щ и е глубинные структуры реальности, уже определили численность К-мигрантов, типы их сторожевых систем, виды вооружения и методы подстраховки. Можно было начинать штурм.

Грехов не собирался устраивать образцово-показательные бои на всех уровнях — от физического контакта до пси-дуэлей, честные поединки — один на один — с К-мигрантами были невозможны. Эти существа, бывшие людьми, стали психомутантами с абсолютно извращенной моралью. И все же Ставру было не по себе, словно он обманывал кого-то, готовил удар в спину, хотя, с другой стороны, помнил, как действовали сами К-мигранты и что они уже успели натворить.

Палатки с оборудованием «вулканологи» ставили будто бы в беспорядке, споря друг с другом о местах установки до хрипоты, на самом деле все было просчитано заранее, и каждая герметичная палатка устанавливалась

таким образом, чтобы при взрыве накрывала лучом энерговыброса весь «утес». Три палатки образовывали «звезду уничтожения», а три другие — завесу шумового пси-подавления, чтобы никто из предполагаемых наблюдателей ФАГа не догадался, что здесь произошло.

«Их там пятеро, — сказал Грехов. — А по моим подсчетам должно быть семеро».

«Будем ждать? Все вместе они могут не собраться и через год».

«Ждать не будем, они и так заволновались».

«Ставр и сам чувствовал шевеление пси-поля внутри резиденции К-мигрантов, хотя точно сосчитать их количество не сумел.

«Может быть, все-таки предупредим? Среди них есть женщина...»

«Одна женщина тебе уже попадалась на пути».

Грехов имел в виду пси-брандер, которому эмиссар ФАГа придал облик Анны Ковальчук. Ставр почувствовал прилив крови к щекам и заорал во все горло:

— Да не хочу я ставить анализаторы здесь! А кто будет следить за северной стороной соммы?

— Ты и будешь, — ответил Диего Вирт.

— Идите проверьте береговую линию, — повысил голос Грехов. — Фумаролы слева, по-моему, активнее.

Отряд перегруппировался якобы для выполнения неотложных задач, но так, что все пятеро оказались за пределами энерговыхлопа каждого взрывного устройства. Взрывной волны они не боялись, экипированные в соответствии со своими возможностями интраморфов. Из всех пятерых только Акутагава носил «бумеранг», остальные были защищены «чистой энергией» дигамбара.

«Они почуяли нас! — проговорил Диего Вирт. — У них тоже есть инк-сторож, который мог проанализировать наши маневры. Сядут в метро — и ищи-свищи!»

В то же мгновение Грехов дал команду подрыва, которую услышали и К-мигранты. Правда, за те мгновения, которые оставались до взрыва, они не успели ни воспользоваться метро, ни закуклиться под «абсолютным зеркалом», зато успели включить индивидуальные системы, как оказалось, спасшие жизнь двоим: Эндрю Ловеру и Павлу Шустову.

Взрывы были направленными, точно выверенными и не очень эффектными, но они сделали свое дело ювелирно — от «утеса» К-мигрантов не осталось и следа. Однако дом бывших спутников Габриэля имел не один этаж, а четыре, два из которых располагались под землей. Взрыв уничтожил только три, правда вместе с метро, но и последний подземный этаж оказался полон сюрпризов, что выяснилось уже через минуту, когда в дымящуюся котловину, образовавшуюся на месте «утеса», прыгнул Акутагава, не отреагировав на крик Грехова:

«Назад! Там ловушка!»

Акутагава был очень хорошим интраморфом и великолепным спортсменом, но он не представлял себе всех возможностей К-мигрантов. К тому же существовали боевые системы, о которых даже специалисты «контр-3» не имели понятия. И, найдя ход вниз, миновав оплавленные, пышущие жаром крепления шахты лифта, Акутагава нарвался на одну из таких систем. Он успел выстрелить в отделившуюся от стены двухметровую «опухоль», но выстрел «универсала» ее не задержал...

Ставр почувствовал смерть товарища мгновенно и уже собрался было последовать за ним, но его остановил голос Грехова:

«Панкратов, не пори горячку! Ему уже не поможешь. Там полным-полно живых мин и «слизняков»... вы с подобными уже сталкивались, когда штурмовали базу эмиссара на Солнце. Мигрантов осталось двое, никуда они не денутся».

«Они могут подать сигнал своим...»

«Только через поле Сил, а выход в поле заблокирован местными эгрегорами по моей просьбе».

«Уж не эгрегорами ли якудза?»

«Эгрогор якудза — сказка, выдумка ФАГа, но тем не менее эгрегоры нам помогают национальные — японские и чукотский. Тебе еще многое придется переосмыслить, отделить семена от плевел, правду от лжи, объективную реальность от «виртуальной, внушенной гипноизлучателями ФАГа».

«Что будем делать?»

Вместо ответа Грехов подошел к краю трехлучевой воронки, увеличил диапазон частот своего пси-голоса:

«Выходите, сапиенсы. Без оружия. Я, Габриэль Грехов, экзоморф и файвер, рожденный людьми не воином, но вынужденный стать им, предлагаю вам почетный поединок: двое на двое. Это для вас единственный шанс остаться в живых».

«Гарантии?» — донесся ответный пси-импульс из-под земли.

«Победите — я отпущу вас, естественно, под слово: никогда больше не убивать людей. В противном случае я залью ваше логово расплавленным камнем и воздвигну обелиск, символизирующий зло».

«Мы выходим».

На дне воронки появились две тени.

«Они вооружены!» — быстро проговорил Ставр.

В то же мгновение раздались три выстрела (хотя слово «раздались» отражает лишь традицию описания выстрелов, уходящую корнями в глубь веков, когда оружие было преимущественно огнестрельным и шумным): К-мигранты, верные своей тактике имморализма, стреляли из нейтрализатора и уничтожителя, Грехов — из какого-то неизвестного Ставру оружия, оставляющего бурлящий черный след. И бой на этом закончился.

Разряд уничтожителя миновал всех и прошелся по одной из дальних палаток с пси-генератором, проделав широкую борозду в плите берега. «Паук» нейтрализатора достал Грехова, но пройти слой дигамбара не смог. Зато черная молния Габриэля пробила стену кратера навылет, по пути уничтожив двух К-мигрантов, не оставив от них ничего! Молния сопровождалась инфразвуком такой мощности, что всем стало дурно.

«Из чего это ты стрелял?» — подал голос Диего спустя некоторое время.

«Из пальца, — угрюмо пошутил Грехов. — Сейчас сюда прибудет старший Панкратов со своей технической обоймой, помогите ему разобраться с хозяйством бункера. Только будьте осторожней, внизу еще могут быть «слизняки» и другие сюрпризы».

«Акутагава... погиб? — спросил приблизившийся Лабовиц, заглянул в дымящуюся воронку на месте башни К-мигрантов. — Может быть, его еще можно спасти?»

Никто ему не ответил.

Встреча файверов происходила в доме Яна Тота.

Ставр насчитал семерых, но знал только четверых: самого Яна, Грехова, Барковича и Патриарха Православной Церкви Варфоломея Ивана I. Ярко выраженного монголоида средних лет и кряжистого могучего мужика с бородой и усами, с сединой в мощной шевелюре, видел впервые. Монголоида звали Нагарджуна, а не Гаутама, как ожидал Ставр, вспомнивший, что одним из первых файверов был Будда. Бородач оказался князем Орестом, предводителем одного из первых праславянских племен, появившихся на территории будущей Киевской Руси. С содроганием Ставр прикинул их возраст: около полутора тысяч лет прожил Орест и столько же, если не больше, Нагарджуна.

Овладевший с помощью Грехова объективным состоянием сознания Ставр теперь мог выходить в поле Сил без риска быть запеленгованным аппаратурой ФАГа. Мало того, он теперь свободно пользовался запасами поля Сил, которое было не чем иным, как мировым энергоинформационным континуумом сознания, памятью Универсума в данной метавселенной. И все же коечто для Панкратова оставалось загадкой. Вот почему Ян Тот, свободно проникавший в мысле-сферу Ставра, начал встречу с обмена информацией.

«Друзья, в наших рядах появился новый Идущий. Он только что открыл глаза, многого не знает, но хочет получить ответы на некоторые важные для него вопросы. Дадим ему возможность задать их?»

«Рад приветствовать!» — сунул Ставру огромную ладонь могучий князь Орест.

Остальные, благожелательно глядя на смутившегося Панкратова, выразили свое согласие теплым «свечением» слоганов. Ставр едва не растерялся, не зная, что спрашивать в первую очередь, и ему пришел на помощь Баркович, знакомо глянув на него «издалека».

«Вероятно, молодому человеку не слишком приятно видеть в этой славной компании шерифа Барковича».

Ставр покраснел. Грехов, бросив на него косой взгляд, пояснил без улыбки:

«Командор Баркович сделал все, чтобы его считали слугой ФАГа, и даже пытался «отбить» девушку Панкратова».

«Но не вышло», — под смех присутствующих развел руками Баркович. И Ставр внезапно успокоился: его понимали и принимали, он был среди своих.

«Благодарю, знающие. Действительно как файвер я еще только родился и не вижу всего сразу. У меня к вам всего несколько вопросов... кроме личных...»

«Он скромен, — усмехнулся Варфоломей Иван I, одетый в обычный уник. — Оказывается, есть еще и личные вопросы?» Ставра замечание не смутило.

«Я не каждый день встречаюсь с учеником Будды и князем Древней Руси. Хотелось бы побеседовать с каждым из них... если они не возражают».

Нагарджуна, бесстрастный и всепонимающий, как и положено сыну своего народа, только наклонил голову, а могучий Орест гулко сказал вслух:

— Я загляну к вам в гости.

«Первый вопрос: кто сейчас является эмиссаром ФАГа в Солнечной системе и как можно его отыскать?»

Грехов покачал головой.

«В парне все еще говорит эрм...»

«Эмиссаром уровня-2 является Закон, диктующий ход процесса перемен в данной области пространства и привлекающий средства соответствующего уровня, — сказал Ян Тот. — А исполнителем этого закона в настоящее время является коллективное сознание тысяч людей, сотен тысяч людей, не имеющих свободы воли».

Как ни был готов Ставр услышать нечто неожиданное, открытие ошеломило его. Патриарх Варфоломей, Нагарджуна, Орест смотрели на него с терпеливым сочувствием, лишь Грехов, куда-то вечно торопящийся, отключил себя от общего поля разговора.

«Да, мой юный друг, — кивнул Баркович. — Воевать нам не с кем».

«С кем же я сражался... там, на Солнце?»

«В тот момент ты сражался с исполнителем Закона первого уровня, которого в принципе можно было назвать эмиссаром. На уровне-2 такого боя у тебя не будет, потому что убивать тогда придется каждого второго жителя Земли. С эмиссаром этого уровня надо воевать иначе».

«Как?»

«С помощью другого Закона, Над-Закона, регулирующего свободу воли на многих, в том числе на атомарном, уровнях. ФАГу удалось зомбировать людей в массовом порядке, внедриться в их сознание, скрыть от них реальный мир за стеной воображения, а нам придется внедряться еще глубже — в подсознание, в психику людей, в мир атомарных структур, чтобы, не отнимая у людей право быть разными, вернуть им свободу воли, свободу мысли».

«Но до этого нам предстоит уничтожить гипноиндукторы ФАГа и сеть нагуалей, масса которых приблизилась к критической, — добавил Орест, используя обороты и понятия, неуместные в устах князя. — Игрок... э-э... ФАГ стремится перебросить триггерное состояние нашего домена в другое, что приведет к резкому изменению состояния всего блока доменов — клеток Универсума, его «нервного узла». Вы должны знать, как работает нервная клетка любого живого организма: допороговое раздражение не воспринимается, а выше его — скачок: возбуждение, нервный импульс».

«И как же мы решим проблему свободы выбора... на атомарном уровне?»

«Возможны два варианта. — Баркович поглядел на ушедшего в себя Грехова. — Формирование Над-Закона, всеобъемлющего Принципа, способного изменить или отменить любые действующие законы вселенной. Или помощь Сеятеля и Конструктора... если Габриэлю удастся уговорить их, конечно».

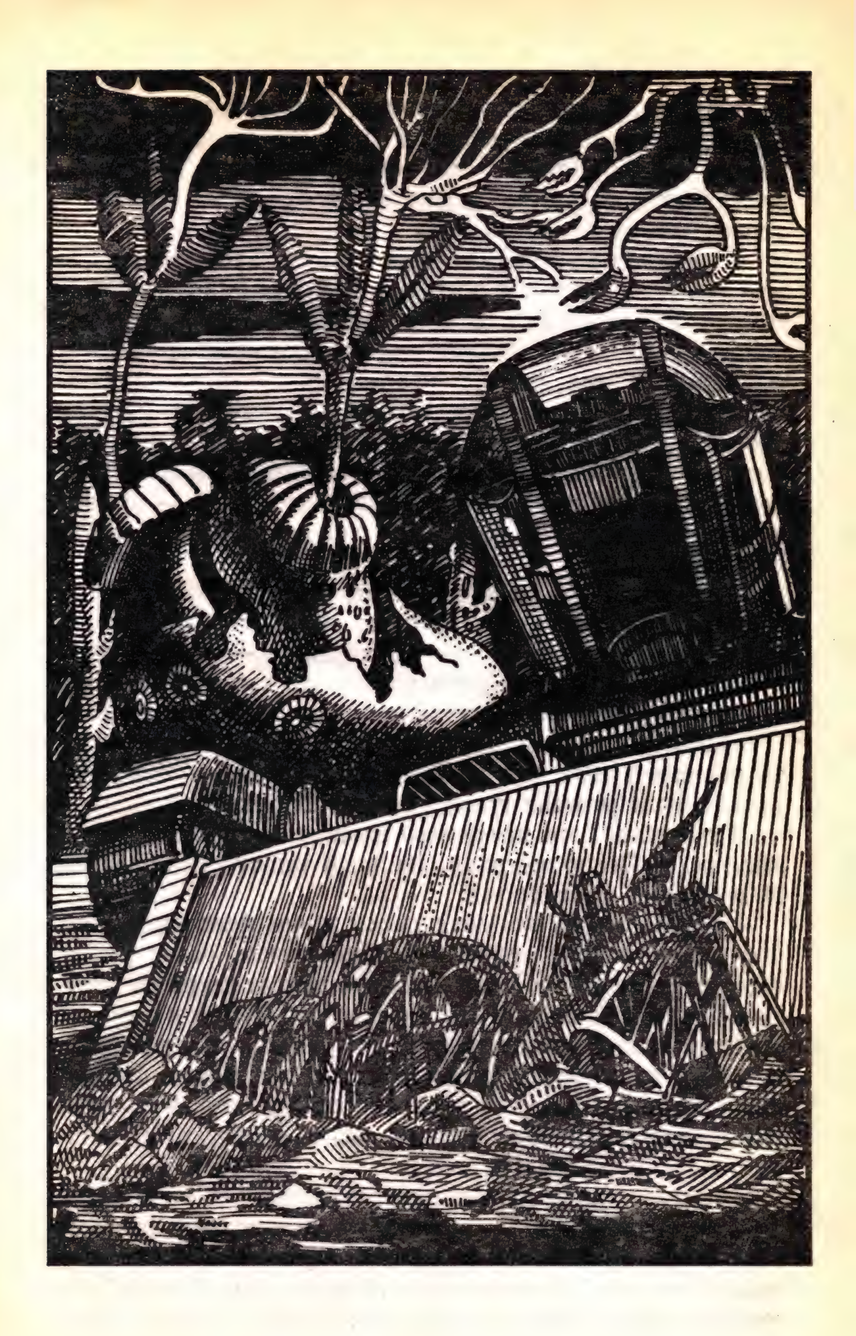
Ставр прикинул последствия вмешательства Конструктора.

«А уцелеет ли человечество после этой... Войны Законов, которую затеет Конструктор? Сохранится ли Земля, Солнечная система, Галактика?..

— На войне как на войне, парень, — пожал широкими плечами Орест. — Бог даст, победим супостата и малой кровью.

Остальные файверы промолчали, вполне понимая и чувствуя переживания друг друга.

«Мальчик прав, — очнулся Грехов. — Нет никаких гарантий, что мир уцелеет таким, каким был. Нам предстоит еще пройтись по малым — физическим законам, восстановить флуктуации величин, принципи-

ально необходимые для существования сложных структур домена. Это и увеличение гравитационной постоянной до прежнего уровня, и уменьшение массы электрона — «очистка» его от «вирусной добавки», внедренной Игроком, и многое другое. Сможете вы с этим справиться, файверы?»

«И все же мне представляется, что это не главные проблемы, — впервые заговорил Нагарджуна. — Стратигема Игрока-ФАГа мне до конца не ясна, однако больше всего меня волнуют два ее принципа. Первый — внешний: пешки, то есть игровые фигуры, устраняются, когда Игра закончена. Второй — внутренний: навязанное добро есть зло! Если с внешним еще можно побороться, попытаться сохранить родной космос и даже социум, то со вторым мы не совладаем. Он — внутри нас, внутри морали, и каждый должен решить его для себя сам».

«Не понял», — сказал Ян Тот, подумав.

«Я не хочу брать на себя ответственность «прочищать мозги» людям даже во имя благой цели — возвращения свободы воли. Надо сделать проще: сказать им правду, и пусть каждый решает, нужна ему эта свобода или нет».

«Конечно, никто добровольно не захочет, чтобы кто-то лез ему в психику, — сказал Баркович. — И в один прекрасный момент придет новый Игрок...»

В обители Тота наступило молчание. Мнения разделились, и Ставр не знал, на чьей он стороне. Потом Нагарджуна проговорил:

«В отношении космоса своей души человек до сих пор представляет собой муху на стекле окна: рядом створка распахнута, а муха упорно ползет вверх по стеклу и соскальзывает... и падает. Взлетая, бьется в стекло... и снова падает... и не видно этому конца. Я прихожу к выводу, что человек действительно не нужен вселенной... во всяком случае таким, какой он есть. Ведь даже мы, файверы, будущие Инженеры, не свободны от колебаний, рефлексий и ошибок».

«Давайте на этом закончим официально-философскую часть собрания, — предложил хозяин. — У нас есть глобальная проблема — сохранить гигантскую флуктуацию в домене — жизнь, для чего надо совместными усилиями всех заинтересованных сторон стабилизировать в

домене потоки энергии, вещества и информации. Вот и давайте решать ее, привлекая тех, кто может помочь. Ставр, вы удовлетворены?»

«Еще бы парочку вопросиков, — сказал Панкратов, чтобы разрядить обстановку. — Это не по сценарию ли ФАГа мне отвели роль не очень удачливого «охотника-перехватчика»? До сих пор не понимаю, почему мне на первых порах ничего не удавалось».

«Ты сам ответил на вопрос, дипломат, — буркнул Грехов. — ФАГ пытался нейтрализовать наиболее потенциально опасных противников и в общем-то справился с этим хорошо. Правда, ты все же сумел определиться, хотя и поздновато для эрма и файвера».

«Спасибо за комплимент. Теперь последнее, чего я еще не знаю: что такое лемоиды и горынычи? Какое отношение они имеют к нагуалям?»

«Никакого... и, если подумать, самое прямое: лемоиды и горынычи — пси-фантомы, своеобразные тестовые программы. Пока люди их видят, ФАГ может спать спокойно — его гипнотрансляторы работают нормально. Если же они исчезнут — значит, что-то произошло, нужна корректировка программ. Помните, лемоиды одно время исчезли? В работе двух Ф-трансляторов произошел сбой... я попытался кое-что там «исправить»... и появились горынычи — после настройки».

— Чтоб мне лопнуть! — медленно произнес Ставр.

— Вот теперь клиент окончательно созрел, — развеселился Ян Тот. — Ну что, пообедаем и начнем встречу?

Ставр очнулся, под насмешливо-мрачным взглядом Грехова подтянулся и вызвал отсчет времени: во внешнем мире истекла лишь вторая секунда с момента их знакомства.

CONTRA MUNDUM[1]

Утром стало известно о гибели Артура Левашова.

Ставр выслушал сообщение внешне спокойно, потом связался с информслужбой «контр-3» и выяснил подробности трагедии. Затем полчаса работал с инком Грехова в его доме, где и жил последнее время. На вопрос Дие-

[1] Против мира *(лат.)*.

го: «Куда это ты собираешься?» — Ставр ответил: «На кудыкины горы», — чем, естественно, того не успокоил.

— Пошли вместе, — предложил Диего. — Мне все равно делать нечего, а сидеть и ждать у моря погоды я не люблю.

Панкратов закончил свои расчеты, глянул на обманчиво сонное, добродушное лицо друга Грехова.

— Ты знаешь, куда я иду?

— Догадываюсь. Вдвоем сделать это будет легче, а еще лучше втроем. Дождись Габриэля и...

Ставр молча двинулся в душевую, потом в спальню, где «переоделся» в дигамбара. Диего наблюдал за ним, сунув руки в карманы.

— Ну, так как, берешь?

— Я иду... к Алсаддану. Потом к Еранцеву.

— Левашова убили по их приказу?

— Не только Левашова, но и... мою маму.

— Прости, я не знал. — Диего потемнел, передавая слоган соболезнования, хотя и понимал, что Ставру это не поможет. — Где ты мыслишь устроить перехват?

— Алсаддан сейчас отдыхает в горах на Алтае. Там у него ранчо, охотничий домик.

— Нас к нему на пушечный выстрел не подпустят.

— Я десантируюсь сверху в режиме «ракетный залп». А ты, если хочешь помочь, отвлеки охрану.

— Поехали, по пути уточним детали.

По дополнительным сведениям, поступившим запросчику по системе «спрут-3», президент Совета безопасности имел коттеджи, ранчо, спортивные и охотничьи домики почти во всех регионах Земли, а также на Марсе и на Венере. Приходилось только удивляться, где он находит время для их посещения, а было известно, что в каждом он появляется с регулярностью, достойной зависти.

Для постройки охотничьего домика на Алтае Алсаддан выбрал берег Телецкого озера, расположенного в котловине тектонического происхождения с крутыми лесистыми, а кое-где скалистыми бортами.

Место, где стоял домик, разделяло горно-лесную зону с ее черновой тайгой и горно-луговую с великолепными субальпийскими лугами. Чуть ниже домика по берегу шла тайга с преобладанием сибирской пихты, кедра, ели и лиственницы, чуть выше начинались луга с травой

по пояс, а то и в рост человека, заросшие ковылем, астрагалом, типчаком, сибирским эспарцетом и борщевиком бородатым.

Если бы Ставр был охотником, он высоко оценил бы расположение охотничьих владений Алсаддана, который мог охотиться либо в тайге — на медведя, рысь, лисицу и соболя, либо на лугах — на кабаргу, рябчиков и глухарей. Но Ставр охоту не любил, охотников презирал и поэтому оценил лишь красоту местности, где сам отдохнул бы с удовольствием.

Начали перехватчики операцию с вторжения на одну из станций СПАС, контролирующих из космоса обстановку на Земле. Станция была подвешена над Южным Уралом на высоте трехсот шестидесяти километров и обозревала гигантскую территорию в двести пятьдесят тысяч квадратных километров, готовая определить район стихийного бедствия или координаты попавшего в беду человека с точностью до метра.

Дежурный диспетчер станции удивился, обнаружив двух «инспекторов технического состояния» в зале контроля, но тут же уснул под взглядом Ставра, так что никто «инспекторам» не мешал рассматривать будущий плацдарм во всех ракурсах и со всеми подробностями. Они увидели даже две группы охраны домика на птеранах и засекли расположение контролирующей аппаратуры. Алсаддан не показывался, но, судя по трем высококомфортным машинам, ожидавшим неподалеку от домика на поляне, он был здесь, проводя время с гостями.

После рекогносцировки Ставр и Диего переместились на борт производящего профилактический ремонт над Землей спейсера Даль-разведки «Волхв», который на самом деле принадлежал «контр-3» и был готов стартовать в любую минуту и в любой район Системы. Поскольку у Ставра был допуск «нон-стоп», его ни о чем не спрашивали, и по его просьбе спейсер тихонько подполз к указанному району Земли. Командир спейсера заволновался лишь после просьбы пассажира десантировать его в нужный квадрат в режиме «ракетный залп», да еще без силовой защиты.

«На это я пойти не могу, — сказал он сухо. — От вас останется мокрое место, а меня потом затаскают по комиссиям».

«Не затаскают, — тихо сказал Ставр, глядя в карие глаза драйвера-прима. — Я эрм, и режим мне не страшен».

«Но возьмите хотя бы «пузырь». Ускорение катапультирующего поля достигает в «залпе» ста десяти «же»! Вы что, с ума сошли?!»

«Делайте свое дело, капитан, — улыбнулся Ставр. — Я не самоубийца, поверьте, но вниз я должен попасть незамеченным, понимаете?»

«Может быть, мы высадим вас в озеро? Все безопаснее».

«Нет, мне нужен домик. Видите более светлый участок тайги в двухстах метрах от него? Осинки, березки... Вот сюда и сажайте, а там я разберусь».

Сомнения в глазах командира спейсера остались, но уверенность странного десантника подействовала и на него.

«Хорошо, попробуем, но... лучше бы вы не рисковали. Могу подстраховать возвращение, если хотите. По вашему сигналу катапультирую в это же место «голем».

Ставр подумал и согласился.

«Ждите два часа на частоте «девяток» по треку-3, потом можете уходить со спокойной совестью».

«Совесть у меня всегда спокойна, — проворчал командир, — я своих в беде не бросаю. — Он вдруг смущенно почесал горбинку носа. — Извините, эрм, вы, случайно, не Габриэль Грехов?»

Ставр засмеялся, повергнув стармена в еще большее смущение.

«Что, похож?»

«Да... н-нет... я не знаю, говорят, мы можете принимать любой облик... В общем, удачи вам!»

Ставр кивнул и не стал разочаровывать молодого командира «Волхва».

Через несколько минут он кометой влетел в атмосферу Земли, запеленутый капсулирующим полем дигамбара и пропал в зеленой шкуре тайги, преодолев триста с лишним километров за считанные секунды.

Диего не видел, как Панкратов молнией слетел с небес и финишировал в лесу, но свою часть операции начал вовремя. В десять минут пятого по местному време-

ни он сел в патрульный птеран и двинулся по прямой к домику Алсаддана со стороны озера.

Первой на его демарш обратила внимание служба ГАИ, предупрежденная, естественно, охраной Алсаддана о прибытии высокого гостя. На призыв остановиться или изменить маршрут Диего ответил стандартным кодом отдела безопасности, и гаишники отстали.

Затем забеспокоилась внешняя сторожевая линия, которой не понравился маневр Диего: он увеличил скорость и снизился до полусотни метров. Из мрачных зарослей кедрача выскочил такой же птеран и устремился за нарушителем, призывая его на волнах инспекции, погранслужбы и отдела безопасности «немедленно свернуть!».

Диего еще больше снизился и увеличил скорость, фиксируя шумы пси-поля, чтобы вовремя среагировать на залп, если охрана все же решится стрелять.

До охотничьего коттеджа президента Совета безопасности оставалось уже не больше километра, когда преследующий Диего птеран решил нанести удар. Но и Диего не дремал, рванув свой аппарат в пике одновременно с выстрелом.

По мгновенному уколу холода он понял, что стреляли из компакт-преобразователя, и поежился. Ребята шуток не понимали и сами шутить не любили. Второй выстрел проделал узкую просеку в тайге впереди машины Диего, и по точности попадания он понял, что огонь ведет не человек, а инк или витс. Следующий выстрел, несмотря на маневрирование, мог оказаться последним, и Диего не стал рисковать, выпрыгнув из птерана на одном из виражей.

Падая, он посмотрел вслед машине и увидел, как она исчезла, не долетев до склона сопки, заросшей кедрачом, последней перед террасой, на которой стоял дом отдыха Алсаддана.

Хотя падал он с высоты сорока метров и с приличной скоростью, приземлился Диего удачно — на ствол пушистой сосны. Ломая ветви, соскользнул на землю, сориентировался и побежал. Он не обладал полным пси-видением, как Грехов или Ставр, но тоже прекрасно чувствовал полевую обстановку. По плану он должен был отвлечь часть сил охраны президента на себя, что

ему и удалось сделать без особого труда. Теперь предстояло решить более трудную задачу — отступления, причем по возможности с шумом, чтобы охранники почуяли азарт преследования и забыли о своих прямых обязанностях.

Шум получился неплохой, когда Диего «унюхал» видеокамеру и на бегу расстрелял ее из «универсала». После этого на его движение обратила внимание и вторая — внутренняя цепь охраны, выслав для перехвата группу в семь человек. Диего почувствовал и это изменение ситуации, но продолжал бежать в прежнем направлении — как бы к домику, но одновременно и в сторону озера, до которого было всего триста метров с небольшим.

Ставр в и д е л все маневры Диего и его преследователей, не выходя в поле Сил. Новые возможности отстройки от гипервнушения, которые ему раскрыл Грехов, позволяли выходить в поле Сил свободно, без опасения попасть под векторный пси-удар, но заявлять о себе столь громко было еще рано.

Его «ракетный» финиш никто не заметил, что было, с одной стороны, хорошо, с другой — создавало странную убежденность в ошибочности плана. Но поскольку все пока шло в соответствии с ним, Ставр не стал анализировать свои футур-предчувствия, пришла пора действовать.

Для начала он вышел на уровень ощущений природных эгрегорных систем — леса и луга, и с точностью до сантиметра вычислил местонахождение всех охранников; всего в цепи внутреннего кольца он насчитал одиннадцать человек и трех витсов, не считая тех семи, которых отвлек на себя Диего. Перешел на сверхскорость и, невидимый и неслышимый даже аппаратурой контроля, пошел по кольцу, за четверть часа отключив всех одиннадцать охранников. Двух витсов удалось перепрограммировать, третьего пришлось уничтожить, потому что он представлял собой боевую систему класса «волкодав» с одной обратной связью типа «фас!» или «взять его!». Витс и тело имел собачье, даже скорее рысье, вызывающее жуткое ощущение угрозы.

Остановившись на мгновение, Ставр снова включился в мысленно-эмоциональное поле тайги, оценил шансы Диего — тот шел хорошо и скоро должен был обойти домик и выйти к озеру — и обратил внимание на охотничье строение Алсаддана.

Что его заставило выйти в поле Сил, он не понял, сделав это инстинктивно на добрых пять минут раньше, чем хотел, и сразу осознал всю бесперспективность своего замысла.

Дом Алсаддана только с виду был скромным двухэтажным строением, сложенным из деревянных брусьев и обитым деревянными планками, на самом деле это был четырехуровневый укреп-пункт типа «дот», защищенный почти от всех мыслимых катаклизмов, имеющий свое энергохозяйство и станцию метро.

Да, Хасан Алсаддан там присутствовал, но пройти к нему можно было только на «пузыре» с абсолютной защитой. Любая другая машина не имела никаких шансов, поскольку ее вели бы на прицеле мощнейшие огневые комплексы, имеющие на вооружении аннигиляторы, уничтожители и компакт-генераторы.

Вряд ли прошел бы открытое пространство до коттеджа и Ставр, несмотря на свою невидимость. Инк защиты вычислил бы его по гравитационным искажениям, а дежурный офицер наверняка проверил бы, что еще за «привидение» приближается к дому, выстрелив по «пустому месту» из своих «мортир».

Несколько секунд Ставр боролся с искушением броситься в водоворот событий, а там будь что будет, но вовремя остановился: он был не один, а Диего уже исчерпал свои возможности и был близок к гибели.

«Маяк! — передал Ставр товарищу и одновременно вызвал по пси-рации спейсер «Волхв». — Перехват по пеленгу!»

После этого он отступил, поклявшись, что еще вернется.

Через пять минут он догнал Диего у штабеля бревен, куда того загнали развлекающиеся стрельбой по бегущей мишени охранники, отвлек их внимание двумя взрывами сзади, и в это мгновение с неба свалился дымящийся тетраэдр «голема». Еще через несколько минут их принял на борт спейсер «Волхв».

Левашова хоронили на родине, в Нижнем Новгороде, согласно старинному обряду, со священником и оркестром народных инструментов, с отпеванием и разбрасыванием еловых веток.

На кладбище древней Варварки его провожали немногие родственники, друзья и приятели, да почти вся смена пограничников с заставы «Стрелец», всего человек пятьдесят, но Ставр, присутствующий на похоронах, в и д е л еще две группы провожающих — из агентуры ФАГа и подразделения «контр-3». Последние имели надежное прикрытие и вели себя значительно тоньше, чем боевики-наблюдатели эмиссара ФАГа, привыкшие к безнаказанности. В поле внутреннего зрения попадал еще один наблюдатель, однако Ставр опознать его не смог, только уловил слабое колебание поля Сил. Это мог быть сам эмиссар, контролирующий р е а л ь н ы е события, а мог быть и Сеятель.

Когда над могилой покойного вырос холмик земли, Ставр побрел к выходу с кладбища, отмечая, как его п о в е л и наблюдатели заинтересованных служб. Он мог бы просто закрыться полем Сил, стать невидимым, но не захотел истратить силы и время. Его и так вряд ли смогли бы узнать даже близкие друзья, потому что в общественных местах он появлялся, только сменив облик.

В голове кто-то тихо тронул гитарную струну. Ставр открыл личный канал связи.

«Зайди, поговорим», — появился и нырнул обратно в тишину пси-голос Грехова.

Через полчаса Ставр выходил из метро нового дома Грехова, спрятавшегося под кронами сахалинской пихты и саянской ели на границе Тымь-Поронайского дола и Западного хребта Сахалина. Это было уже третье убежище экзоморфа, и Ставр не удивился бы, узнав, что Габриэль подготовил себе таких еще с десяток по всей Земле.

Обстановка в этой деревянной с виду избе ничем не отличалась от прежней, разве что комнат было поменьше, да метро располагалось как бы в подвале, под землей.

В гостиной Ставра ждали сам хозяин, Диего Вирт и Герман Лабовиц, занятые какой-то работой с оперативным инком: перед ними медленно поворачивался кра-

сивый, сотканный из искрящихся паутинных сеточек, сверкающий огнями светящийся объем, в котором не сразу можно было угадать модель метагалактики.

«Прежде, чем мы займемся делом, — сказал Грехов, не глядя на гостя, тоже связанный с инком файлом визуального расчета, но уже — с фигурой более сложной, — я хотел бы предупредить тебя, малец. Н и к о г д а больше не предпринимай сомнительных, не просчитанных авантюрных акций, да еще с привлечением дорогих сердцу людей. Пусть они и дороги только мне. Договорились?»

Жаркая волна крови прихлынула к щекам, но взгляда от профиля Грехова Ставр не отвел и досаде овладеть собой не дал.

«Левашова убили по приказу Алсаддана».

«Допустим. И что? Твоя месть его воскресит? Твою мать убили по приказу Еранцева. Его смерть, вздумай ты запланировать операцию, ее воскресит?»

Ставр сжал зубы.

«Алсаддан, Еранцев и Шкурин приговорены, и не надо мне читать мораль, отговаривать, приводить примеры и пугать антиэтикой мести. Дело даже не в мести, а в той маленькой детали, которую вы упускаете из виду: перечисленные мною лидеры п р о д о л ж а ю т свою негативную деятельность! Сколько еще хороших людей, которые ни в чем не виноваты, они приговорят к смерти?»

Грехов оторвался от созерцания своей необычайно красивой структуры, глянул на Панкратова с насмешливо-мрачным интересом.

«Я никогда не упускал эту деталь из виду, эрм. Но все же н а д о з н а т ь, когда стоит рисковать жизнью, даже своей. Пора сбрасывать личину индивера, ты нужен не только себе, но всем твоим друзьям и близким. Живой ты принесешь больше пользы. Или я ошибаюсь? Операцию надо готовить тщательней, по уровню-5 или шесть, только тогда она будет иметь шанс завершения в тех условиях, которые предложил нам Игрок».

Ставр, собравшийся уйти с «гордо поднятой головой», подумал и сел на диван в углу. Диего Вирт оглянулся на него с пониманием.

«Габриэль, это я уговорил парня взять меня с собой. Но они даже не маскируются, сволочи, работают внаглую! Знаешь, кто за мной гнался? Гуррах! Алсаддан и иже с ним считают, что могут теперь делать все, что вздумается. А этот его «охотничий домик» — крепость, рассчитанная на долговременную осаду! Пора брать этих деятелей за жабры».

«Мы все еще живы именно потому, что деятели «работают внаглую», — тихо вставил свой слоган Лабовиц. — С одной стороны, все наши близкие и мы сами находимся под ударом, с другой стороны, эта ситуация создает у помощников ФАГа ложную уверенность в абсолютной власти».

«Устами экзоморфа...» — проворчал Грехов, и в это время в доме сработало метро. Гостем на сей раз оказался Пауль Герцог, в душе которого шел тоскливый дождь и свистел ледяной ветер. Ставр чувствовал его состояние остро и явственно как никогда.

«Габриэль, я знаю все о файверах и трансляторах Игрока, а также о вашем влиянии на события. Почему вы не вмешаетесь? Неужели не видите, что творится?!»

«Вижу».

«Вероятно, вы тоже не все видите и знаете. Нагуали растут как грибы и уже весьма существенно мешают движению планет. В управлении социумом царит полный беспредел, террор стал государственным, охота на интраморфов почти узаконена... Сколько можно терпеть?!»

«Сколько нужно. Вы пришли от имени руководства «контр-3» или по собственной инициативе?»

Пауль словно погас, сгорбился, закрыл лицо руками, постоял и пошел к двери.

«Извините, Габриэль. У меня погибла жена... я сам не свой! Извините...»

«Подождите. — Грехов встал, подошел к Герцогу, обнял его за плечи. — Присядьте. Я знаю, что у вас еще остались кое-какие сомнения, и их надо разрешить».

Герцог после некоторого внутреннего колебания прошел в гостиную, сел рядом со Ставром, пожав ему руку.

Грехов сходил на кухню, принес на подносе тоник, предложил гостю, вернулся в кресло. По команде инк развернул объем со схемой Солнечной системы. Схема отражала динамическое состояние системы, и все ее

объекты медленно двигались по своим траекториям, орбитам и спиралям.

Ставр видел расположение объектов Системы и без помощи синтезированной картинки, но тоже разглядывал схему с интересом, вдруг осознав реальные масштабы изменений. Светящиеся рубиновым светом кляксы и нити нагуалей пронизывали уже четверть объема Системы и продолжали плести свою сложную и страшную сеть, кое-где создав непроходимые заслоны для спутников и планет, а также для космофлота землян.

«Такую схему разработал и аналитический центр «контр-3», — сказал Герцог пренебрежительно. — В ближайшие пять-шесть дней следует ожидать столкновения с нагуалями Земле, Меркурию и Марсу, последствия которых легко предсказуемы. И вопрос, который задал вам я, волнует и руководство «контр-3». Почему вы медлите? Неужели правда, что вы намеренно не вмешиваетесь в ситуацию, а иногда и противодействуете работе «контр-3»?

«Давайте посмотрим, — сказал спокойно Грехов, — на реальную расстановку сил. Такой схемы «контр-3» не имеет. — Он снова мысленно поговорил с инком, и сквозь прозрачно-льдистый объем схемы проросли еще три светящиеся разным цветом «паутинки»: оранжевая, желтая и вишневая. — Этого достаточно для примера, хотя для создания полной картины потребовалось бы показать весь домен. Я не хочу обидеть руководство «контр-3» и ее научно-оперативный коллектив, но реальная обстановка в Системе хуже, чем они себе представляют. Существует семь степеней проникновения нагуалей, привязанных каждая к своей области влияния на уровне физического закона. Планетарный и пространственный — самые наглядные из них для людей. Однако нагуали проросли в нашу метавселенную на всех ее этажах. Первый — план элементарных частиц. Увеличение массы электрона — следствие этого просачивания. И это, кстати, главный фронт Войны с ФАГом, поверьте мне на слово.

Второй этаж просачивания нагуалей — план биологических структур. Вы не анализировали рост заболеваний среди населения Земли и Системы в целом с момента возникновения нагуалей? Так вот резко — в сто

пятьдесят раз! — возросла смертность от кровоизлияний в мозг, тромбозов и инфарктов миокарда. Все это следствие внедрения нагуалей в тела людей, да и животных тоже.

Третий план — планетарный: нагуали появляются на планетах и координатно привязаны к ним. Четвертый — вакуум-пространственное просачивание, но уже привязанное при этом к звездам. То есть нагуали «сидят» внутри звездных систем, как тот, что прострелил лайнер «Баальбек», или нагуали в системах Тартара и Чужой. Затем пятый и шестой планы — уровня галактик и скоплений галактик. И наконец седьмой отражает уровень просачивания нагуалей в домен».

Грехов помолчал, чтобы слушатели переварили сказанное. Судя по реакции Лабовица и Диего, они тоже не знали всех масштабов внедрения нагуалей во вселенную.

«ФАГ contra mundum... — сказал потрясенный Герцог, покачав головой. — Черт возьми, таких масштабов я и представить не мог! Но ведь это означает, что в любой момент при движении в Галактике Солнце может наскочить на галактический нагуаль...»

«Такой вариант не исключен. Я советовал некоторым руководителям «контр-3» прекратить играть в войну и сосредоточить усилия на поисках альтернативных ответов ФАГу. Меня не поняли».

«И что из этого следует?»

«Уровень социума, все эти войны с эмиссарами и слугами ФАГа, — в и д и м о с т ь Игры, не имеющая перспективы и полезная ФАГу. С ним надо воевать на уровне з а к о н а, а не с помощью оружия. В конце концов вы должны понять, что Война ваша — лишь следствие Закона Перемен. Конечно, изолированное отделение Закона, то есть временная стабилизация Игры на нынешнем уровне возможна, но нельзя вернуть то, что было раньше».

«То же самое нам говорил Тот Мудрый... но даже его отец не поверил ему. Неужели это правда и Манапралайя — великое уничтожение Космоса и всех Богов, в том числе Брахмы или Универсума, предсказанное еще индийскими мудрецами, — реальность?!»

«Наш ум — не мера замыслов Бога, — улыбнулся Грехов, — как говаривали встарь. Даже в с я Вселенная —

всего лишь искра вечности[1], чего уж говорить о человеке! Но вы правы, Пауль: жизнь — это борьба, и человек иначе жить не может. Боритесь, воюйте, пытайтесь объять необъятное и достичь недостижимого, и может быть, когда-нибудь вы поймете замысел Игры».

«Это следует понимать как ваш отказ помочь нам?»

«Это следует понимать, что у каждого свой путь. Могу только добавить: в настоящий момент наши пути в какой-то мере совпадают».

Герцог залпом выпил бокал тоника, встал.

«Я понял, спасибо. Делайте свое дело, мы будем продолжать свое. Вероятно, принцип — вернуть былое счастье и благополучие невозможно — наиболее оптимален, однако стоит побороться за то, чтобы в будущем наши дети были счастливы».

Он ушел, но еще долго по комнате бродило молчание.

«А ну-ка, поясни мне свои слова, милорд, — проговорил наконец Диего, — о совпадении путей».

«Я имел в виду не себя и человечество, — сверкнул глазами Грехов, — а себя и Сеятеля! Я никогда не отделял себя от человечества, ты это знаешь».

«Откуда уверенность, что Сеятель знает о нашем бедственном положении... впрочем, знает, конечно, но вот поможет ли?»

Грехов вдруг исчез. Причем физически, на всех диапазонах чувствования! Затем одна из стен комнаты вспучилась, поплыла, выдавила из себя прозрачную фигуру с человеческими очертаниями, фигура прошествовала до другой стены, влилась в нее, но тут же выдавилась из потолка, вошла в пол... Раздался смешок, и посреди комнаты появился Грехов... нет, двое Греховых!

Ставр догадался первым, поднялся с дивана.

«Здравствуйте, Сеятель».

Один из двойников снова засмеялся, влился в соседа, тот поднял вверх руки:

«Прошу прощения, друзья. Я — не Сеятель, но... скажем так, его представитель. Впрочем, и Габриэлем Греховым назвать меня тоже нельзя, скорее, его вторым или сорок вторым «Я».

---

[1] Е. П. Блаватская.

Диего медленно поднялся, подошел к экзоморфу, глядевшему на него снизу вверх, обошел кругом и так же медленно обнял.

— Не пугай. Ты — Габриэль!

«Я его человеческая часть», — кивнул Грехов.

И СПАСИ ЕСИ ВСЯГО МЯ ЧЕЛОВЕЦЕ

Несколько дней в Системе ничего особенного не происходило.

Грехов исчез и не появлялся даже на своих «конспиративных» квартирах на Сахалине, под Брянском и в Петербурге, хотя его искал не только Ставр, но и Диего, и руководители «контр-3».

Поскольку файверы тоже не подавали признаков жизни, Ставр увел Видану из аналитического центра и все эти дни колесил по Земле, тренируя девушку в и д е т ь истинное положение вещей и тренируясь сам в многократном дублировании, то есть создании волевым усилием своих двойников, отличимых от оригинала только материалом. В конце концов это у него стало получаться неплохо, и он научился, не выходя из отеля, видеть и чувствовать все, что видел и чувствовал его «альтер эго».

Видана была вполне счастлива, судя по цвету ее ауры и бурным ночам любви, однако что-то ее тяготило, и Ставр в конце концов обратил на это внимание.

«Что случилось? — спросил он ее ранним утром тринадцатого мая, проснувшись и обнаружив, что девушка не спит. — Что тебя мучит?»

На эти сутки они остановились в Берне, в отеле «Клаас», недалеко от дворца Совета безопасности. Что предопределило выбор, понять было нетрудно: Ставра не покидало желание уничтожить Алсаддана и он все время решал проблему, как это сделать. В принципе и его экскурсии по Земле подчинялись этому замыслу, потому что они с Виданой посетили все места, где хоть раз появлялся президент Совета безопасности.

Видана придвинулась по широкой кровати к Ставру, поцеловала его в ухо, но он не дал ей начать игру, которая нравилась обоим.

«Рассказывай, не то прозондирую!»

Девушка замерла, потом зарылась лицом в его волосы, прошептала на ухо:

— У нас будет ребенок...

Ставр несколько секунд не двигался, оглушенный сообщением, потом резко отстранил ее от себя:

— Не шутишь?!

— Нет! — удивленно и испуганно ответила она. — Почему ты спрашиваешь?

— Потому что мы с тобой прошли Д-коррекцию, — медленно проговорил Ставр. — Которая по некоторым предположениям ученых нарушает гормональный баланс...

— Ну и что?

— Если этого не произошло, у нас родится... файвер!

Видана недоверчиво глянула в горящие глаза Ставра, пожала плечами.

— Разве это плохо?

Ставр засмеялся, бережно придвинул девушку к себе, начал целовать... и очнулись они через час.

Выпили по две чашки горячего шоколада, ни о чем друг друга не спрашивая, живя в одном поле эмоционального насыщения, потом Ставр сказал:

— Но тебя еще что-то волнует, я чувствую.

Видана отставила чашку, лицо ее стало грустным и виноватым.

— Дед пропал...

— Что?! — поперхнулся Ставр. — Аристарх? Когда? — Он почувствовал острый укол стыда. Со времени своего возвращения он с Железовским не общался и даже не интересовался, где тот и что с ним. — Говори: где, когда, что делал? Почему мне об этом никто не сообщил!

— Никто ничего не знает толком. Он никогда не предупреждал, ничего особенного не затевал... но вот уже больше четырех дней не дает о себе знать. Может быть, ничего плохого и не случилось, но... сердце подсказывает, что он в беде.

Ставр с минуту размышлял, потом стал одеваться.

«Подожди меня здесь, никуда не уходи. Буду часа через два».

«Я с тобой!»

«Я не иду искать твоего деда, мне надо кое с кем посоветоваться. Жди». — И не ожидая возражений, он вышел из отеля, превратив себя в «крутого индивера с львоокрасом».

Ян Тот по обыкновению принял его в своей «монашеской келье» для размышлений. Судя по запаху, у него только что побывал кто-то из файверов, но Ставр не стал уточнять, кто именно.

«Ян, мне нужно выйти через поле Сил на Алсаддана».

«Зачем?» — Тот Мудрый усадил гостя в кресло и предложил соленые орехи с безалкогольным пивом.

«Исчез дед Виданы. Предполагается, что его захватили боевики Хасана».

«Это не причина, чтобы использовать поле Сил».

«Он... не должен... жить!»

Ян Тот внимательно глянул в невозмутимое лицо Ставра.

«Файвер, этот путь неперспективен».

«Я воин и свой путь выбираю сам».

«В таком случае и ищи способы выхода на Алсаддана самостоятельно. Если ты действительно файвер...»

«А что, есть сомнения?»

«Честно говоря, есть»».

Ставр вышел в поле Сил, образовал персональную конфигурацию поля, выбросил «сеть» в сторону Яна и... столкнулся с такой же ответной конфигурацией, только многомерной и многовариантной. Несколько мгновений они танцевали в иной реальности, в сложнейшей круговерти рождающихся игровых ситуаций, ничем не отличимых от реальных миров, затем Ставр отступил. Невидимый вихрь фантомных преобразований погас.

Ставр молча поклонился, исчез, словно испарился в воздухе. Ян Тот прищуренными глазами глянул на пустое кресло, улыбнулся, подумав: доброго пути, файвер!

Вернулся Панкратов действительно через два часа. Видана бросилась ему на шею.

«Что?!»

«Ничего. Возвращайся к своим, я найду тебя».

«Но я хочу с тобой...»

«Понадобится твоя помощь, я позову. Без возражений!»

И Видана, никогда не видевшая друга таким, отступила.

Проводив ее до метро. Ставр переместился на борт спейсера «Волхв», некоторое время работал с инком информационной сети «контр-3», потом уединился с командиром корабля в его личной каюте, и вскоре после этого спейсер ушел в кентуру без всяких диспетчерских проводок и лоцман-карт. Вышел он возле Фаэтона-2, где «шепотом» катапультировал «пузырь» с пассажиром в сторону «раздробленной» планеты, уже потерявшей свою шарообразную форму от столкновений с нагуалями. Мысль спрятаться здесь от посторонних глаз и поэкспериментировать со своим пси-резервом показалась Ставру настолько удачной, что он даже не стал ее анализировать.

На этот раз пробраться внутрь Фаэтона, превратившегося в два длинных языка из камней и пыли, оказалось легче. Не помешали даже кварковые кластеры, послужившие ядрами нескольких массивных конденсаций астероидов. Ставр «уютно» устроился в центре одного такого маскона и сосредоточился на самом себе, настраивая тело в резонанс с колебаниями вакуума. Сознание съежилось, потеряло власть над телом, область чувств, наоборот, скачком расширилась, слилась с космосом, и огромный энергоинформационный океан поля Сил распахнулся перед человеком, разумом которого овладело подсознание или, скорее, с в е р х с о з н а н и е...

Ориентироваться в этом океане было непросто, однако Ставр уже имел опыт и вскоре добился необходимой четкости гипервидения и точности попадания в необходимые узлы данных. Грехов открыл ему глаза на главную возможность — переходить в состояние инсайта в режиме «привидения», быстро преодолевать «нижние» этажи информационного поля, где его могли запеленговать стерегущие выход в поле эгрегоры ФАГа.

Космос вокруг перестал дрожать, раскачиваться, взрываться, корчиться, изменяться каждое мгновение и стал прозрачным вплоть до границ домена. Ставр почувствовал себя, как человек, который вышел из душного помещения в зимний морозный день, яркий и

солнечный, и вдохнул холодный, кристально чистый воздух.

Черная бестелесная тень, похожая на крыло гигантской птицы и лапу зверя одновременно, пала сверху, но свободно прошла сквозь голову-тело-сферу чувств Ставра, растаяла где-то внизу. Кто-то пытался зацепить его, разглядеть и схватить — и не смог.

Ставр перестал отвлекаться, сосредоточил внимание на Системе.

Сначала он бережно «повертел в руках» Землю, ощущая все ее «опухоли» и «раны». Как раз в этот момент Земля наткнулась на небольшой, размером в полметра, наугаль, и столкновение породило землетрясение силой в семь баллов и две волны цунами: точка удара пришлась на середину Атлантического океана, а точка выхода нагуаля из тела планеты — на окраину океана Тихого. Ставр даже почувствовал боль — будто его самого насквозь проткнули иглой через грудь, сердце, лопатку, спину. А таких столкновений Земля испытывала до десятка в неделю! Что случится с ней при столкновении с нагуалем километровой длины или больше, можно было судить по трагедии Плутона и Марса.

Если о Плутоне Ставр уже знал — самая дальняя планета Солнечной системы развалилась на три снежно-ледяных кома, которые образовали вместе с Хароном, спутником Плутона, «группу толкающихся борцов сумо», — то результат столкновения Марса с нагуалем видел впервые.

Многострадальный сосед Земли, наказанный дважды Конструктором, получил теперь «нокаут» от ФАГа. Нагуаль, встретившийся на орбите, пробил его навылет, проделав в теле планеты огромную столкилометровую дыру! Однако Марс не разрушился полностью, как Меркурий до этого, видимо, Плоть Бога, «ремонтная нашлепка» Конструктора, сцементировала его и добавила прочности. И все же Марс перестал быть домом для людей. Окутавшись пыльными бурями и смерчами, потеряв часть атмосферы, содрогаясь от марсотрясений, он потерял скорость и стал приближаться к Солнцу.

Только теперь Ставр вдруг окончательно осознал всю трагическую суть Закона Перемен, сформулированного

Греховым: мир н и к о г д а не будет таким, каким был прежде!

Эмоции мешали в и д е т ь, как слезы человеку, навернувшиеся на глаза, и Ставр отключил сострадательный контур сферы переживаний. Оглядел Систему, находя новые нагуали, затем кинул взгляд на Галактику.

Со стороны казалось, что она еще держится, сохраняя спиралевидную структуру, но нагуали уже сплели внутри нее свою колючую «вирусно-паучью» сеть и начали разъедать форму, разрушать ветви и даже звезды, за многими из которых потянулись многомиллионокилометровые дымно-плазменные хвосты.

Понаблюдав, как один из невидимых «кораллов» проходит сквозь звезды, разбивая ее на гигантские капли жидкого ядерного огня, Ставр перевел в з г л я д на скопление галактик, обнаружил и там звездно-туманный сулой[1], рожденный объемным волокном сросшихся вместе нагуалей, и вернулся в свое логово.

Несколько минут он отдыхал, ощущая течение космоса через голову и все тело, чувствуя дисгармонию, несмотря на отключенный эмоциональный центр. Попытался осторожно «пошевелить» своим гигантским телом в пространстве пси и неожиданно обнаружил посторонние вкрапления, уплотнения пси-поля, испускающие нездоровый «жар», протянувшие по всей Солнечной системе когтистые лапы зла и насилия. В следующее мгновение одна из лап потянулась к глазам и горлу Ставра, уцепилась за нервные узлы, попыталась войти в голову, и Панкратову пришлось прятаться на высших горизонтах поля Сил. Он уже понял, что увидел гипнотрасляторы ФАГа, установленные им по Системе и создающие «виртуальную реальность», которую люди принимали за объективное состояние мира. И еще он понял, что трансляторы эти — живые существа! А может быть, даже скопления живых существ, образующие эффект эгрегора.

Отдышавшись после своего бегства, Ставр попытался вспомнить расположение трансляторов. Четыре из них явно сидели на Земле, по одному находились на Венере,

---

[1] С у л о й — всплески, водовороты, толчея волн от встречи двух течений.

на Марсе, в системе Сатурна и на одном из спутников Урана, но Грехов говорил о девяти центрах, а Ставр насчитал только восемь. Где же девятый?

Он снова спустился на более энергонасыщенный уровень поля Сил и столкнулся с чьей-то волей, обозревающей Систему. На этот раз противник был опытнее, мощнее и действовал молниеносно, едва не воткнул в «глаз» Ставру копье пси-разряда. Панкратов отбил выпад своим пси-щитом и отступил, соображая, кто бы это мог быть. Грехов, да и Ян Тот отрицали появление в Системе эмиссара ФАГа в виде личности, носителя интеллекта и тела, но это мог быть только эмиссар.

Ничего, мы еще встретимся, дьявол! — подумал Ставр с холодной угрозой. Мне бы потренироваться еще немного с переходами по «зданию» Сил. В третий раз он рискнул выглянуть за «окна здания» в отраженном псисвете, пассивно, не обнажая вектора внимания, лишь собирая энергию пси-излучений «антенной» тела. Миновал ждущих на разных этажах «здания» давешнего гиганта и многолапых хищных «пауков»-трансляторов и почти сразу наткнулся на слабый высверк пси-ауры Железовского. Спустя несколько мгновений Ставр определил координаты местонахождения Аристарха и выяснил, кому принадлежит этот комплекс зданий.

В принципе можно было попытаться выйти на мысленные сферы начальников и сторожей данного района, чтобы выяснить все детали захвата Железовского и, может быть, с помощью гипервнушения приказать освободить его, но в этот момент в поле ясного надсознания Ставра вторглась чья-то энергичная мысль:

«Уходи оттуда, файвер! Немедленно! У тебя всего несколько минут!»

Ставр не сразу узнал Грехова, да и не Габриэль это был, а интегральная личность Сеятель-Грехов.

«Я в «пузыре»...

«Он тебя не спасет, а приемов защиты от «черной музыки» ты еще не знаешь. Уходи».

И Панкратов, поверив доброжелателю сразу, начал действовать.

Он выбросился из «пузыря», задав ему траекторию движения в противоположном направлении, выстрелил во все стороны «уши» своих пси-антенн, чтобы опре-

делить возможного противника, который выследил его, а сам полез через плотную массу астероидов к «поверхности» Фаэтона, надеясь успеть выйти в открытый космос и вызвать спейсер «Волхв».

Он преодолел две трети расстояния до «поверхности», когда понял, что не успевает. Перешел в гиперрежим, щедро расходуя пси-резерв, и работающий в бешеном темпе мозг нашел решение проблемы: время послушно замедлило ход, остановилось совсем. Это не означало, что Ставр еще больше ускорил темп своей жизни. Он просто в ы ш е л из энтропийно-вероятностного потока по «другому вектору», как бы возвысился над д в и ж е н и е м вселенной, сам стал в с е л е н н о й, способной сосредоточиться на любом участке своего тела и даже изменить деталировку.

Глубокий, всеобъемлющий, приносящий облегчение покой всепонимания снизошел на Ставра, вдохнул в него уверенность и мощь, приобщил к чему-то еще более глубокому, беспредельному и вечному. Это «беспредельное» как бы погладило его по плечу, и в ответ душа Ставра отозвалась благодарным трепетом.

В следующее мгновение он сосредоточился на транспортном отсеке спейсера «Волхв» и «проявился» там тихо и незаметно, не поколебав даже атомов воздуха. Еще через несколько мгновений он стал свидетелем реакции ФАГа на его эксперименты с полем Сил.

Внутренняя судорога, невидимая ни приборами технических систем, созданных людьми, ни самыми людьми, охватила часть Солнечной системы от орбиты Земли до орбиты Сатурна, прошлась по двум длинным каменным струям Фаэтона-2 и слизнула их как языком, не оставив даже пыли. Почему этот удар Грехов назвал «черной музыкой», Ставр понял спустя секунду: внутри спейсера родился странный и страшный молекулярный резонанс, от которого останавливались сердца и лопались сосуды головного мозга. Слышен этот резонанс был действительно как музыка, жуткая, диссонирующая, рождающая дикий страх и судороги, музыка смерти!..

Седина отца бросалась в глаза, и Ставр обнял его с болью в сердце. Прохор переживал смерть жены до сих

пор, хотя умело скрывал свои чувства под маской вечно озабоченного делами человека.

Встреча их состоялась дома у Прохора, куда старший Панкратов вызвал сына для важного разговора по заданию центра «контр-3».

«Мы знаем, что Сеятель давно бродит по Системе. Почему он не хочет встретиться с нами, обсудить проблемы, помочь? Хотя бы с анализом ситуации?»

Вопрос был, что называется, на засыпку, потому что руководство «контр-3» не знало истинного положения дел, а объяснять им его было еще рано, ФАГ мог узнать об этом и нанести упреждающий удар.

Ставр прошел в свою бывшую спальню, отметив, что там все осталось неизменным с момента его «отделения» от семьи. Постоял в комнате мамы, пытаясь проглотить ком в горле, вернулся в гостиную.

Прохор налил в рюмки темно-коричневого «Кристалла», и они выпили. Ольга стояла между ними, обнимая их и улыбаясь, и оба чувствовали ее тепло.

«Па, у тебя скоро появится внук, — сказал Ставр, чувствуя легкое головокружение. — Или ты желаешь внучку?»

Отец смотрел на него с изумлением и недоверием, и Ставр добавил:

«Во всяком случае, невестка появится точно. Ты ничего не имеешь против Виданы Железовской?»

Прохор потянулся к нему через стол, и тень Виданы обняла их обоих, как обнимала только что тень Ольги; обе тени слились.

«Только у меня просьба. Загрузите ее какой-нибудь работой в вашем аналит-центре. Она рвется в бой вместе со мной, а я буду ходить там, где ей не пройти».

«Хорошо, нет проблем. Когда ты?..» — Прохор не договорил, Ставр остановил его жестом: кто-то «ощупывал» дом со всех сторон недобрым взглядом. Но это был не эмиссар ФАГа, а деятель рангом пониже.

«Ты никого не ждешь, отец?»

«Должен был прийти Герцог».

«Это не Герцог. — Ставр сосредоточился, выходя на уровень инсайта. — Это К-мигрант Григ и представители отдела безопасности. Видимо, по твою душу, отец. Тебе нельзя было появляться дома. Хорошо, что я здесь».

«У нас еще есть время...»

«Не торопись, я хочу кое-что выяснить, пусть войдут».

В течение следующих двух-трех минут дом был окружен со всех сторон силами отдела безопасности, настроенными весьма решительно, и в дверь позвонили. Первыми в прихожую вошли два офицера службы общественного порядка, удивленные радушным приемом, и К-мигрант в форме официала безопасности.

— Проходите, проходите, — позвал их Прохор из гостиной, — не стойте на пороге.

— Так, и младший здесь, — констатировал Григ, появляясь в гостиной. — Очень хорошо, можно закрывать розыск. Господа, вы обвиняетесь в террористической деятельности и подлежите задержанию. Вот ордер на арест. — К-мигрант вытащил белый квадратик, над которым сформировалась светящаяся эмблема прокурорского надзора. — Дом окружен, сопротивление бессмысленно.

— А если мы будем сопротивляться? — поинтересовался Прохор.

— Будете уничтожены. — Григ кивнул одному из офицеров, тот вышел и вернулся с небольшой аэроплатформой, на которой лежал омерзительно живой на вид «слизняк».

— Младший знает, что это такое, — сказал Григ. — Какие-нибудь разъяснения еще требуются?

Это был тот самый «слизняк», пожиратель материи, что напал на Акутагаву во время боя с К-мигрантами, но сейчас он был свернут и ждал команды.

— Что же это вы постеснялись взять с собой гуррах? — с иронией спросил Прохор. — Это ведь их оружие.

Трехзрачковые глаза Грига затуманились. Иронии он не понял и силился разгадать ее смысл.

— Выходите, поговорим в другом месте.

— Позвольте задать только один вопрос, — тихо проговорил Ставр. — Зачем вы взяли Аристарха Железовского и держите на базе гуррах?

К-мигрант некоторое время стоял неподвижно, мигнул дважды, соображая, потом отступил в сторону:

— Взять их!

В то же мгновение комната заполнилась людьми, вернее, двойниками Ставра и Прохора, образовавшими внушительную толпу.

— Берите, — сказали они хором. — Кого именно брать будете?

Офицеры нерешительно остановились, оглядываясь на К-мигранта. Тот исподлобья оглядел «толпу», выбрал двоих:

— Этих!

Он ошибся, и Ставр мог бы отпустить безопасников с фантомами, но у него возникла другая идея.

«Стоять!» — скомандовал он на уровне рефлекторного управления органами человеческого тала, и офицеры застыли, скованные «браслетами» временного паралича мышц.

На Грига эта команда не подействовала, и Ставр, напрягшись, «влез» в его мозг и «отключил» связь с двигательным аппаратом, а заодно выяснил, как управлять «слизняком».

Прохор посмотрел на сына понимающе.

«Что ты с ними сделал?»

«Уходим, — ответил Ставр. — Эти ребятки побудут здесь, пока мы не исчезнем. Но вам в «контр-3» стоит подумать, почему тебя застукали дома сразу же после твоего появления. Если бы за домом велось наблюдение, я бы почуял».

Усилием воли он толкнул «слизняка», направляя его на нужный объект, и тот, развернувшись в двухметровую «простыню», прыгнул на К-мигранта.

«Черт! — сказал Прохор, глядя на то место, где только что стоял Григ. — Никак не привыкну! Может, не стоило с ним так... сурово?»

— Они... убили маму! — хрипло ответил Ставр. — И многих других.

Прохор кивнул, переводя взгляд с застывших офицеров на сына.

— Значит, ты и в самом деле... файвер?

Вместо ответа Ставр убрал двойников, оставив двоих, преобразовал облик отца и свой так, что они стали неотличимы от офицеров безопасности, вырастил фантом К-мигранта, и все «пятеро» потопали к выходу.

В саду они сели в патрульный птеран, освободив его от оперативников, взлетели. Сопровождавшая их обойма конвоиров поняла, что происходит что-то не то, ког-

да птеран с задержанными сел возле метро и его пассажиры исчезли в общем зале.

Вышли Панкратовы в хижине Грехова на Сахалине.

Прохор ничего не спрашивал, только думал о чем-то, изредка посматривая на сына внимательно и с какой-то печалью. Ставр не мешал ему, исподволь готовясь к сеансу связи с Греховым. Большой эйдос теперь не пугал его, но требовал глубокой концентрации.

Грехов ответил быстро, словно ждал Панкратова:

«Файвер, не выходи больше в Большое поле, на тебя охотится эгрегор Алсаддана. Где ты?»

«У тебя на острове. Отец хочет поговорить с Сеятелем, устрой им встречу».

«Сейчас буду».

Ставр почувствовал затылком дыхание чужой воли, знакомой по эмоциональному насыщению и внушаемой угрозе, быстро свернулся и вышел из поля Сил.

«Сейчас прискачет Габриэль».

«Я так и понял, что это его обиталище. Соки у него какие-нибудь есть? Во рту пересохло».

Ставр скомандовал домовому принести напитки и с удовольствием выпил сам два стакана клюквенного морса. Грехов прибыл, когда они принялись за фрукты.

Он вошел стремительно и бесшумно, заполнив собой сразу весь дом, и Ставр понял, что экзоморф отыскал Сеятеля и теперь соединял в себе две личности.

«Задавай свои вопросы, па, — сказал Панкратов-младший. — Перед тобой Сеятель».

«Скорее проекция Сеятеля на матрицу Грехова, — уточнил Габриэль. — Вопросы задавать поздно, Прохор. «Контр-3» расшифрована эмиссаром ФАГа, и он готовил полное уничтожение всей сети, чтобы, образно говоря, впредь не забивать себе этим голову и не ждать удара в спину».

«Ты же говорил, что эмиссара в Системе нет», — бросил подобравшийся Ставр.

«Его и нет... такого, каким все его представляют. Эмиссар второго уровня есть существо коллективное, опирающееся на эгрегоры, вернее, составляющее массивы этих эгрегоров. Разве ты этого не понял, когда ворочался в поле Сил, как... слон в посудной лавке?»

Ставр покраснел.

«Я понял, что гипнотрансляторы ФАГа — и есть эгрегоры. На Земле они помощней, на других планетах послабей...»

«Соображать надо быстрей, файвер. Эмиссар появляется в нужном месте, в Системе, например, когда это необходимо, концентрируя волю всех людей, образующих эгрегоры. Он состоит как бы из миллионов ячеек-умов, собираясь в один гигантский мозг, а точнее — рой! И он уже готов появиться, ты разбудил его своей неосторожной возней в Большом эйдосе».

«Я... я... не хотел...»

«Черт побери, объясните мне наконец, что происходит!» — сказал Прохор.

Сеятель-Грехов посмотрел на него, как бы припоминая, перестал сновать из спальни в кабинет и обратно, присел на деревянный стул у стены.

«Извините, Прохор. Времени у нас, как всегда, очень мало, поэтому буду предельно краток». — И Грехов в нескольких слоганах передал Панкратову-старшему суть происходящих в Системе событий.

Наступившую тишину нарушил Ставр:

«Габриэль, почему я... слон в посудной лавке? Я ходил по эйдосу очень осторожно...»

«Выходить в эйдос надо в режиме мерцания, а не лезть напролом через все этажи и стены. Лови подсказку».

Ставр поймал сложнейший слоган, содержащий приемы проникновения в эйдос в форме «привидения», на несколько секунд ушел в подсознание, исчезнув даже визуально. Правда, отец не обратил на это внимания.

«Как все... жестоко! — сказал он, закрыв глаза.— Кое у кого из нас были сомнения... уж слишком гладко проходили наши операции... А мы грешили на Алсаддана, что он — главный реализатор воли эмиссара... если не сам эмиссар».

«Алсаддан — личность сильная и страшная, и добивается он абсолютной власти в Системе. Еранцев и Шкурин для него конкуренты в данном аспекте. Пока они делают общее дело, он их не тронет, но потом...»

«То есть они обречены».

«Но сам Хасан находится в таком же положении. Пока он действует в нужном направлении, эмиссар его

поддерживает, а потом выбросит за ненадобностью. Самое страшное, что даже если Алсаддана поставить диктатором Системы, он не сможет удержать власть такого объема».

«Что же нам делать?»

«Немедленно эвакуировать женщин и детей за пределы Солнечной системы! Остальным готовиться к эгрегорному отпору, то есть настроить все светлые эгрегоры к пси-войне на этом уровне. Только в этом я вижу шанс для «контр-3» выжить».

«Мне поверят не все...»

«Вы же координатор!»

«Не имеет значения, кое-кто в руководстве «контр-3» тоже видит себя диктатором».

— Я могу переместить вас в будущее, — медленно сказал Сеятель голосом Грехова; даже Прохор понял, что предлагал свою помощь именно «серый призрак». — Или в другие времена.

Прохор вздохнул, расправил плечи.

— Спасибо. Времена не выбирают. В них живут и умирают. — Он повернулся к Ставру, обнял его, похлопал по спине. — Держись, мальчик, еще свидимся.

Ушел.

Оставшиеся в комнате проводили его пси-взглядами до метро, глянули друг на друга.

«Готовься к драке, файвер, — сказал Сеятель-Грехов (больше — Грехов). — Зови остальных. Попытаемся изменить Прибытие, область потенциально возможного, в соответствии с нашими законами. Игроку действительно наплевать, сколько погибнет — даже не людей — цивилизаций! — при его очередном ходе, но мы ведь — люди! И защищаем людей, какими бы они ни были».

— Мы были звездами. Истоки наши в них. Все в мире скроено из их горячей ткани[1], — продекламировал Ставр.

Грехов-Сеятель улыбнулся.

«А ты романтик, файвер. Не обижайся, это комплимент. Но все же опасайся подниматься по лестнице Сил выше своих возможностей. Для человека, пусть он даже трижды файвер, существует биологический предел, до

---

[1] Л. Вышеславский.

которого он в состоянии держать форму... и контролировать психику».

«Я сам себе предел!» — выпрямился Ставр.

В глубине дома гулко всхлипнуло чужанское метро, раздалось знакомое тумм-тумм-тумм, и в гостиную вполз чужанин Морион.

— Привет, дружище, — сказал он голосом Диего Вирта.

— Привет, — растерялся Ставр, ожидая обычной огненной пси-речи, а не слов человеческого языка.

Грехов хмыкнул.

— Как видишь, чужане сложа руки не сидят, совершенствуются. Пошли, дружище, нам пора делать свое дело.

— Куда? — спросил Морион.

— Выключать из действия гуррах.

— А дружище Ставр?

— У него свои заботы — «спаси еси всяго мя человеце...»

ВОЙНА АБСОЛЮТОВ

Солнечной системе грозило полное разрушение: она медленно, но неумолимо приближалась к мощному кусту сросшихся нагуалей, способному разорвать на куски любую звезду, планету, искусственное сооружение.

Но и без того Система уже потеряла Меркурий, Плутон и десятки крупных спутников. Многие планеты, в том числе Марс и Венера, сошли со своих орбит. По Системе потянулись длинные хвосты из обломков, пыли и дыма, напоминающие дымные струи пожарищ.

Земля натыкалась на шипы нагуалей все чаще. Одна из таких встреч не прошла для нее бесследно. Нагуаль размерами в сорок метров пропахал гигантскую борозду по Ливийской пустыне, развалил надвое нагорье Тибести и снес полностью гору Эми-Куси высотой в три с половиной километра.

Землетрясение от этого столкновения разрушило все близлежащие города с их системами коммуникаций, а число жертв превысило восемьдесят тысяч человек.

Паника, охватившая население Африки, перенеслась на другие континенты, и началось великое повальное бегство землян, грозившее перенаселением других планет, также не гарантированных от столкновений с нагуалями.

На фоне этой битвы за место под Солнцем, за беспрепятственный подход к станциям метро произошла другая битва, почти незамеченная нормальными людьми, но более важная в любом отношении: битва темного эгрегорного воинства эмиссара второго плана с эгрегорами интраморфов.

Началась она атакой на работников «контр-3», которых успел выявить штат помощников ФАГа во главе с Еранцевым и Шкуриным. Однако предупрежденные Прохором Панкратовым и Пайолом Тотом интраморфы «контр-3» сумели прикрыть себя групповым пси-полем светлых эгрегоров, хотя и не объединенных в единую систему, но организованных не хуже.

Битву эту невозможно описать словами. Для каждого из ее участников она складывалась по-разному, в зависимости от характера, физического и психического состояния, опыта, знаний и фантазии, каждый испытывал разные эмоции, переживая одни и те же воздействия неодинаково.

Так, например, для самого Прохора этот иллюзорный бой (с реальными последствиями) происходил в космическом пространстве (сказалась выучка стармена): на него напало целое семейство чужан — поток раскаленных до рубинового свечения камней, и ему пришлось расстреливать их до тех пор, пока не кончился боезапас в аннигиляторе. С последним роидом он вынужден был бороться, как с борцом сумо, заставляя того промахиваться при попытках тарана.

Конечно, Прохор понимал, что никаких чужан на самом деле не было, однако сражаться с гипновнушением надо было на полном серьезе, любое уклонение или попытка самоанализа были чреваты психической травмой, а то и смертью.

Битва закончилась вничью. То ли эмиссар «явился» в Солнечную систему частично, не активизировав все свои «ячейки» пси-организма людей, их эгрегоры, своих живых гипноиндукторов, то ли он провел еще одну развед-

ку боем для окончательного выявления противостоящих ему сил. К последнему мнению склонялись и руководители «контр-3», которые попытались отстроиться от гипноволны, излучаемой трансляторами ФАГа. Волна «иной реальности» продолжала действовать на людей и паранормов, не обладающих достаточной пси-защитой, и даже сильным интраморфам, таким, как Герцог и Пайол Тот, удалось очистить свое сознание с трудом.

Во время битвы, происшедшей утром двадцать пятого мая, случился странный скачок плотности чужого пси-поля, отмеченный всеми, кто участвовал в бою. Впечатление было такое, будто произошел внезапный выход из боя целого «подразделения» ФАГа. А двадцать шестого мая стала известна причина этого явления.

Ярополк Баренц, которого усыпил Грехов накануне похода за Сеятелем, очнулся в одной из «явочных» квартир Габриэля, проанализировал свое положение и вышел оттуда с намерением кое-что изменить. Проникнув в арсенал управления, он взял четыре заряда типа «Пустыня», превратил себя в сверхмощную бомбу и заявился в резиденцию Шан-Эшталлана на Тиморе. Когда его остановили витсы охраны, Баренц привел в действие взрыватель. В результате на месте культового комплекса Всемирной миссии магов и спиритов образовалась цилиндрической формы впадина диаметром в девять километров и глубиной в сорок метров. Искусственная пустыня. Шан-Эшталлан, естественно, перешел в состояние пара вместе во своими приближенными, а так как он был лидером местного эгрегора, то с его исчезновением отключился и эгрегор, ослабив пси-кулак эмиссара.

Файверы в сражении эгрегоров почти не участвовали, собираясь вступать в бой только в случае крайней необходимости, отведя себе место в резерве. Они-то сразу определили, что эмиссар вышел в Системе не полностью, «в половину мощности», как бы одной из своих Я-систем. Оставалось тайной, зачем он это сделал, какую цель преследовал, объявляя о своих намерениях уничтожить противника в пси-диапазоне.

Ставр готов был подключиться к отражению атаки в любой момент, но его отговорил от этого шага Грехов, передав ему откуда-то (не с Земли) слоган:

«Не суйся в свалку! Они обойдутся и без тебя. Выручай Аристарха, забирай Видану, других женщин и выводи их на Орилоух через мой канал метро на Сахалине. Там они будут в безопасности. Относительной, конечно».

«Но мы можем задавить эмиссара...»

«Не теряй времени». — Пси-голос экзоморфа оборвался, как натянутая струна.

Ставр некоторое время прислушивался к «шуму» сражения в пси-эфире и принялся действовать, как советовал Грехов.

Он остановился в Ялте, в одном из пустующих коттеджей для отдыха высокопоставленных лиц, на берегу моря. Коттедж он забронировал через координатора жилфонда, представившись «помощником президента Совета безопасности», да и внешность изменил, хотя мог бы любому нормалу при встрече внушить любой образ.

Подготовка к переходу на метасознание не заняла много времени. Ставр уже понял, что такое «режим мерцания», подсказанный ему Габриэлем, и проникновение в поле Сил считал основной формой жизни файвера, хотя сам еще не совсем был готов к ней.

Он легко преодолел первые «этажи» Большого эйдоса, где сидели и ждали интраморфов пси-сторожа ФАГа, обнаружил еще одного слухача, чья воля ощущалась почти физически на всех планах сознания, но не стал играть с ним в пятнашки, чтобы выяснить принадлежность к одному или другому лагерю.

Пси-облако, соответствующее эргегору гуррах, он почувствовал, не особенно напрягаясь. Да кайманоиды и не прятались за стеной «абсолютного зеркала», уверовав в свою безнаказанность и всесилие эмиссара, которому подчинялись слепо, не размышляя, как роботы. Ставр побродил возле облака, приглядываясь к обстановке (Берн, парк фон Бюлова, аттракцион эйдоигр, и Военно-исторический музей), ловушек не обнаружил и перешел в гиперрежим.

Спустя незначительное время (сотые доли секунды) он нащупал Аристарха (бункер под землей, накрытый колпаком «зеркала», охрана — полувзвод гуррах, сам Железовский слаб, но в сознании, хотя пытали его здо-

рово — от химии и психоделитиков до гипногенераторов) и вошел с ним в контакт:

«Привет, патриарх».

«Кто... кто это?! Что нужно?»

«Аристарх, я Ставр. Через минуту войдет кайманоид, сил хватит скрутить его?»

«Силы найдутся. Где гарантии, что ты... Ставр?»

«Снимите с него костюм, он растягивается, и выходите как ни в чем не бывало. Метро у них на третьем этаже, чуть вышел стартуйте сразу в Софию, к Забаве. Ждите меня».

Железовский еще что-то спросил, но Ставр перешел на другие частоты пси-поля и начал искать тех, кто командовал опорным пунктом гуррах. К счастью, К-мигранта там не оказалось (из всей их обоймы остался, по расчетам, лишь один К-мигрант, малыш Стенсен), иначе Ставр не рискнул бы ломать его волю на расстоянии. С кайманоидами же сделать это было проще. Внедрив необходимые установки в сознание начальника «гарнизона», Ставр вышел из гиперрежима, устав, будто сутки ворочал тяжелые камни.

Отдохнул в приятной прохладе, чувствуя движение всех подозрительных пси-аур в пределах Симеиза. Расслабился до полузабытья, потягивая тоник. Прикинул, сколько времени потребуется Аристарху, чтобы добраться до дома, и начал собираться.

Последующий час ушел на поиски бабки Анастасии, деда Ратибора, отца, Забавы Бояновой и Виданы. Приказав отцу (тот удивился, но возражать не стал) собрать всех близких на квартире Железовского, Ставр добрался до аналитического центра «контр-3», все еще продолжающего работать в прежнем темпе, забрал ничего не подозревающую Видану и доставил ее к Железовскому.

Дом Аристарха напоминал разбуженный пчелиный улей: все любили Железовского и поздравляли с освобождением больше себя, чем его. Он же, осоловевший от неожиданного подарка судьбы, все еще не веривший в свободу, принимал поздравления, успокаивал Забаву и бережно обнял прижавшуюся к нему внучку.

Когда в гостиной появился Ставр, все замолчали.

— Рад видеть вас в здравии, — улыбнулся Панкратов-младший.

Железовский, мягко отодвинув женщин, подошел к нему, постоял мгновение и облапил по-медвежьи:

— Я твой должник, мальчик.

— Что происходит? — подал голос Ратибор. — Зачем ты нас здесь собрал?

Ставр напрягся, передавая всем слоган подготовленной информации, подождал, пока новость впитается в головы присутствующих. Тишину после этого нарушило только сдавленное восклицание Виданы:

— Никуда я отсюда не побегу!

— Пойдешь, — ласково погладил ее по волосам Железовский, повернул голову к Ставру: — Почему Орилоух? А не, скажем, одна из погранзастав дальнего космоса?

— На Орилоух власть эмиссара-2 не распространяется. С какой-то стороны Орилоух является родиной серых призраков, и, уходя из домена, Сеятели побеспокоились о его безопасности. Но главное, что орилоуны — наши друзья, вернее, друзья Грехова. Он договорился, чтобы вас там приняли.

Видана вырвалась из рук Забавы, подошла к Ставру, умоляюще глядя на него.

— Я с тобой!

Ставр отрицательно качнул головой, скосил глаза на ее живот, сказал шепотом:

— Побереги его... нашего будущего файвера.

— Если все обстоит таким образом... — начал Ратибор.

— Пошли, нечего рассусоливать, — проворчал Железовский. — Мы уже однажды уходили и вернулись. Женщины, собирайтесь, берите только самое необходимое. Я возьму НЗ и оружие.

— Но я все же хотел бы...

— Не дергайся, старик. — Анастасия взяла под руку Ратибора. — Я верю, что мы вернемся.

Прохор подошел к сыну, которого обняла Видана.

— Я останусь. У меня еще есть возможность уберечь сеть «контр-3» от разгрома. Координатор я или нет?

Ставр знал, что такой возможности у отца не будет, но знал также, что уговорить его спасать только себя и своих близких не удастся.

— Будь осторожен, па. Чтобы уберечь «контр-3», надо все время прикрываться полем эгрегора, хотя это и не гарантия безопасности. Как только почувствуешь, что пришло время, уходи на Орилоух.

Прохор обнял сына и Видану одновременно, попрощался с остальными и ушел. За ним ушел Ратибор, заявивший, что у него есть кое-какие неотложные дела и что он всех догонит. Остальные, примолкшие и потерянные, собрав вещи, ждали команды, и даже Аристарх Железовский вдруг оробел отчего-то, осознав, что это п р о щ а н и е! Прощание с домом, городом, Землей, Солнцем, с другими людьми, с образом жизни, со всем тем, что он любил и защищал.

— Время! — тихо напомнил Ставр.

Заплакала Галена, мать Виданы, женщины бросились ее успокаивать, сами с трудом удерживаясь от рыданий. Ставру сделалось больно, однако он был воином и показывать свои переживания не имел право.

Он проводил их до метро в доме Грехова, где был установлен орилоухский вариант метро. Видана никак не хотела уходить, цепляясь за него, пока он сам, поцеловав до боли в губах, не отнес ее в кабину. А потом, когда дом опустел, долго стоял возле метро, опустив руки, и ни о чем не думал...

Ян Тот нашел Ставра в поле Сил почти сразу же после ухода группы Железовского на Орилоух:

«Файвер, начинаются главные события. Эмиссар-2 не смог реализовать план ФАГа, и ему на смену придет эмиссар третьего уровня, а это, сам понимаешь, уже уровень влияния на галактические скопления, что нам пока недоступно».

«Не уверен».

«Я знаю, что ты научился выходить из потока событий, но все равно это уровень четырехмерного континуума. Эмиссару-3 ты не ровня, не заблуждайся на этот счет. С ним может справиться только Над-Закон, для формирования которого у нас уже нет времени».

«Что предлагаешь?»

«Он появится не внезапно, слушай эйдос, а как только произойдет интеграция эгрегоров, ликвидируй Алсаддана. Это сразу ослабит...»

«Понял. Надо выбить лидеров, эгрегоры без них перестанут быть управляемы и выйдут из борьбы. Я могу взять на себя и Шкурина, и Еранцева».

«Минздрав предупреждает: эйфория от успехов вредна для здоровья. До встречи, эрм».

Не выходя из поля Сил, Ставр огляделся, отметил присутствие в поле еще одного файвера, ответившего ему «подмигиванием», и поднялся над Солнечной системой, взирая на нее с высоты, как орел на горы под ним. Однако оценить бедственное положение Системы ему не удалось. Некто огромный, как Вселенная, появился из-за спины, из мрака, отодвинул в сторону созерцателя-Ставра, чтобы глянуть на родину человечества.

Ощущение нависшего сзади гиганта было настолько реалистичным, что Ставр попытался «оглянуться», хотя и так смотрел во все стороны сразу, обладая миллионами глаз, став пространством, планетами и астероидами, потоками излучений, скоплениями полей, сооружениями землян, всем человечеством сразу.

Гигант «сзади» покачал головой и, не обращая внимания на замершего «рядом» человека, как бы шагнул вниз, к Солнцу, ушел, растворился в темноте, в сложных завихрениях бегущей по своим орбитам материи и колючих зарослей нагуалей.

Ставр еще не успел отдышаться, уже догадываясь, кто выглянул из многомерности и появился в Системе, как вдруг второй толчок поколебал поле Сил, так что оно «завибрировало», отзываясь фантомным эхом, перестраивая информационную матрицу в связи с рождением нового действующего лица. И это был уже явно посланец ФАГа, эмиссар третьего — галактического уровня, потому что основным впечатлением от его «фигуры» было впечатление холодной, беспощадной, прицельной угрозы.

Сжимаясь под страшным взглядом, Ставр скользнул назад, на Землю, в свое тело, чтобы предупредить друзей о новом «явлении» эмиссара, собраться с силами и сделать свой ход в начинавшейся Игре-Войне.

На этот раз «явление» эмиссара было гораздо мощней первого. Он задействовал, интегрировал, собрал воедино в один гигантский пси-конгломерат не только подвластные ему темные человеческие эгрегоры, но и большое количество интраморфов, подчинившихся давлению чужой воли, а также эгрегоры гуррах и более низких рангов — сообществ животных и растений. Мало того, у эмиссара оказались припрятанными в Системе искусственно созданные гипногенераторы, нечто вроде витсов, но на биологической основе — те самые «живые» пси-узлы, которые засек Панкратов во время своих тренировочных вылазок в поле Сил. Возникла колоссальной сложности, протяженности и мощи разная система пси-связей, представляющая собой единый организм. Он мог в с е! Или почти все — от внушения любому человеку, коллективу, всему человечеству самой абсурдной идеи до их физического уничтожения. И он бы пошел на этот шаг, будучи частью Игрока, абсолютно не сомневаясь в допустимости уничтожения возникающих препятствий, выражая один абсолютный Закон — волю господина! Если мастера-исполнители, участвующие внутри пространства Игры, подчинялись ее высшим законам, то сами Игроки подчинялись только себе! Эмиссар, воплотившись в Солнечной системе, став ее полновластным хозяином, мог позволить себе не думать о последствиях разрушения человеческой цивилизации, для него она была п р е п я т с т в и е м на пути к цели.

Неизвестно, предполагал ли он встретить сильное сопротивление, обладая информацией, поставляемой ему помощниками более низкого ранга, но, судя по его реакции, т а к о й отпор получить не ожидал.

Это нападение ФАГа на защитную систему человечества не шло ни в какое сравнение с прежними. Очевидно, его прошлогодняя атака на интраморфов синклита, да и недавняя попытка уничтожения «контр-3» были только пристрелочными выстрелами, пробой сил. Но самым крупным просчетом ФАГа была уверенность в том, что люди не знают истинного положения вещей, не видят, что космос превращается в забитое «тиной» нагуалей болото, что звезды, планеты, весь миропорядок — обречены. Эмиссар ФАГа понадеялся, что его

гипнотрансляторы, внушающие людям «виртуальную, неадекватную реальность», не будут раскрыты. В результате он получил ответный удар организованной «контр-3» системы эгрегоров, заставивший его с удивлением взглянуть в лицо неожиданно возникшему сопернику.

У «контр-3» не стояла задача уничтожения эмиссара, что было равнозначно гибели миллионов людей, и это, конечно, ослабляло позицию контрразведчиков, возглавляемых лидером мексиканского эгрегора Пайолом Тотом. Просто же «вышвырнуть» пси-сущность эмиссара за пределы «тела» человечества, за пределы Солнечной системы, не хватало сил. Наступило томительное равновесие, сопровождавшееся человеческими потерями с той и другой стороны, а по сути — с одной, потому что и в том, и в другом случае умирали люди, не выдерживающие энергоинформационных перегрузок.

Именно в этот момент в битву вступили файверы, поколебав чашу весов не в пользу чудовищного пришельца.

В течение секунд были уничтожены лидеры многих темных эгрегоров: Алсаддан, Еранцев, Шкурин, Файле ибн-Канна, Кравчук, Римский, Духан Духанович, Етоев, Чадвич, Рэй Смит, Пак Ен Чон и другие, — что, конечно, сразу вывело из-под контроля эмиссара значительную часть эгрегоров. Однако этого было мало, эмиссар имел резервы и немедленно привел их в действие, то есть форсированно включил гипногенераторы, состояние которых контролировали кайманоиды (для чего они, по сути, и предназначались). На короткое время потенциалы пси-полей выровнялись, после чего неизбежно должна была наступить развязка...

И снова человечество получило помощь, которую не ожидал никто, даже лидеры «контр-3». В сражение вмешались Грехов, чужанин Морион, команда орилоунов и Диего Вирт, четырьмя молниеносными ударами разрушив четыре гипногенератора — два на Земле, установленные в Берне и Осаке, один на Марсе и один на Венере. Диего, орилоуны и чужанин при этом погибли: один — во время отступления, после взрыва, остальные — сами послужив бомбами, создавшими на Плоти Бога на Марсе и на Венере гигантские кратеры...

Несколько мгновений после этой вести Ставр провел в горестном оцепенении, не желая верить, что товарищей Грехова, ставших и его друзьями, нет в живых. Потом выпрямился во весь свой немалый рост — по пси-понятиям, естественно. Стряхнул с себя вцепившихся было в тело сторожевых «псов» эмиссара и отодвинул в сторону рать светлых эгрегоров, чтобы встретить воинство эмиссара и его самого лицом к лицу.

Чередой пронеслись в памяти подобные противостояния в истории человечества: богатыря Яна Усморя и печенегского исполина Калга, русского князя Игоря и половецкого князя Кончака в Диком поле, Челубея и Пересвета на Куликовом поле, тевтонских рыцарей и русское войско на Чудском озере, Петра I и шведского короля Карла, Кутузова и Наполеона, фашистских полчищ и славянских воинов, исполинских фанатиков и простых людей практически во всех странах света, террористов и стражей порядка, охраняющих жизнь и покой людей. И вот новое противостояние, гораздо мощней и серьезней прежних, грозящее уничтожить не человека, не войско, не страну — все человечество! Цивилизацию! И какая разница была для Ставра, для воинов, сражавшихся за свободу и жизнь, — рассчитал ли кто-то из богов-Игроков эту Войну или просто сработал Закон Перемен? Ни в том, ни в другом случае людей не спрашивали, хотят ли они жить. Ярость, поднявшаяся в душе Ставра, гнев и обида вдруг освободили скрытые запасы сил, открыли тайники души и психики, о которых он не подозревал.

Исполин, что родился в результате проснувшегося в человеке метасознания, конечно, не мог победить эмиссара, но остановить его на время сумел. А потом к Ставру присоединились файверы, Габриэль Грехов и орилоуны, и наступил миг взаимного уничтожения! Потому что эмиссар в принципе был равнодушен к своей судьбе и вариант уничтожения его устраивал. Он все равно добивался при этом поставленной цели, а цена достижения цели его не волновала. Как не волнует, скажем, игрока в шахматы жертва пешки.

Из дальних далей прилетел вдруг зов-стон Виданы:

«Любимый, держись!..»

Ставр не успел ответить. Внезапно все изменилось!

Частью своего гигантского тела, которая когда-то была человеком, Ставр осознал себя сидящим на вросшем в землю валуне, посередине поляны в лесу, в окружении друзей. Здесь были Ян Тот, Баркович, Железовский, Пайол Тот, Варфоломей Иван I, будда Нагарджуна, князь Орест, Герцог, Берестов, то есть все те, кто принял на себя ответственность за исход событий, за исход Войны. Все молчали, словно ожидая того, кто собрал их здесь, и он появился из-за деревьев — обыкновенный молодой человек в льняной рубашке, подпоясанный кушаком, загорелый, белозубый, со шрамом на щеке. Он шел, нагибался, собирал землянику и ел.

Земля то и дело вздрагивала и колебалась, из-за холмов и лесов доносился приглушенный гул небывалой битвы — как отражение настоящего сражения, объявшего все планеты Солнечной системы, весь социум, всех людей от мала до велика, а незнакомец спокойно брел по лесу и собирал ягоды. Остановился на краю поляны, словно только теперь увидел толпу людей. Доел ягоды, аккуратно вытер губы и руки и поклонился:

— Здравы будьте, крестные.

Но каким бы простым и доступным ни казался этот парень, даже на расстоянии чувствовалась его внутренняя, непреодолимая, не по-человечески чудовищная мощь.

Захолонуло сердце. Ставр понял, что это Конструктор!

— Вы звали меня, я пришел.

— Пресапиенс, человечество гибнет! — хрипло выговорил Ставр. — Помоги спасти его... и нас...

Конструктор, принявший человеческий облик для контакта на этом уровне, подошел ближе, оглядел молчаливую компанию, кивнул кому-то, как хорошему знакомому. Ставр оглянулся: из-за спин выглянул Грехов:

— Ты тоже так считаешь, Инженер? — спросил Конструктор.

— Нет, не считаю, — ответил Грехов с обычной угрюмой сосредоточенностью. — Я не намерен спасать все человечество, создавшее себе удобный потребительский рай, но в данный момент решается судьба моих друзей, а я всегда был на их стороне.

— Что ж, эту позицию я уважаю. А вы как думаете, отец? — Конструктор нашел глазами Варфоломея Ива-

на I. — Вы ведь духовный наставник человечества и знаете его потенциал.

— Мне трудно принимать решение в таких условиях, сын мой. С одной стороны, мировые религии, послужившие грандиозным фундаментом культурных традиций человечества, до сих пор служат разделяющим мир фактором. С другой стороны, пути к Богу могут быть различными, согласно верованиям и учениям, ибо многообразие систем лишь подтверждает неисчерпаемость и совершенство Божественного мира, непознаваемость Универсума. Нынешняя действительность жестоко и непримиримо противопоставила наши лагеря, но все же я верю в людей, сын мой, и не отвернусь от них в гордыне.

— И вашу позицию я уважаю, отец, хотя у нас разные взгляды на совершенство Божественного мира и на пути его достижения. А насчет просьбы спасти человечество... почему вы все думаете, что его надо спасать? С момента рождения человечества прошло достаточно времени, чтобы оно образовало метацивилизацию, объединившись с другими разумными существами, однако оно этого не сделало. И смею считать, не сделает. Не способно! Ваш расчет, Инженер, на синергическую связь[1] людей и негуманов тоже не оправдался, не так ли? Люди не нашли общий язык с чужанами и орилоунами. Ваш единичный опыт не в счет.

Грехов промолчал.

— Так за что же спасать человечество? Разве файверы, будущие Инженеры, не в состоянии без него обойтись?

Ответом Конструктору снова было молчание.

— И если, допустим, я приму такое решение, к а к его осуществить? Нейтрализовать эмиссара? Можно, однако он уже с д е л а л свое дело и практически не нужен.

— Уничтожить нагуали, — сказал Ян Тот.

— Уничтожить нагуали можно, только изменив законы данной метавселенной, причем для ликвидации нагуалей разного уровня надо изменять р а з н ы е законы. К примеру, чтобы очистить электроны от «вирусных» кварков, составляющих электроны. А чтобы из-

---

[1] При совместном действии элементов системы синергическая связь обеспечивает увеличение общего эффекта.

бавиться от нагуалей третьего уровня, растущих в пространстве звездных систем, необходимо изменить закон о необратимости времени. И в том и в другом случае неизбежно изменится состояние метавселенной, а уцелеет ли при этом человечество, гарантии никто дать не может. Даже я. Даже Универсум! Повторюсь еще раз. Допустим, я попытаюсь что-то сделать. Но вот здесь в чем заковыка: уверены ли вы, что *это соответствует желанию* Универсума?

Среди окружавших Ставра людей прошло движение, но ни один из них не произнес ни слова. Все они мыслили быстро и поняли Конструктора мгновенно.

Парень со шрамом виновато развел руками.

— К сожалению, это правда. Универсуму не нужно изменение домена, подготовленное ФАГом с помощью внедрения нагуалей, но его не устраивает и резкое освобождение домена от нагуалей, потому что он ответил на ход Игрока в иных пространственных областях, на иных уровнях Абсолюта. Поиск адекватного ответа Игроку в вашей метавселенной для него уже не очень важен. Единственное, что было важным, — сохранить от взрыва Тартар, для чего он и послал сюда представителей.

— Кого именно? — заинтересовался Ян Тот.

— Меня, — ответил Грехов.

— И меня. — Раздвинув людей, вперед вышел еще один незнакомый молодой человек, чем-то похожий на Конструктора.

Без особых усилий Ставр понял, что это Сеятель.

— Почему Универсуму более важным оказалась судьба Тартара?

— Потому что Тартар — сверхген другого Игрока! — оглянулся на Тота Мудрого Сеятель. — По каким-то причинам Архитекторы не позволили ему развернуть свою генетическую программу, и Тартар остался «соринкой» в глазу великана — Универсума, хотя и пытался проявить себя. Эти попытки вы знаете: цивилизация чужан, потом орилоунов, потом наконец появились мы, серые призраки. Мы ушли отсюда, из вашего домена, лишь по той простой причине, что поняли — реализовать себя в полной мере не сможем.

— Почему?

— Это равносильно было бы тому, что делает сейчас ФАГ, хотя, может быть, все происходило бы гораздо медленней и казалось бы естественным процессом. Но если бы Тартар в те времена начал выход в домен из-под свернутых измерений, не поздоровилось бы и всему Универсуму. Естественно, он не мог этого допустить. Да и я приложил немало усилий, хотя целью моего вмешательства было сохранить мир Тартара и Чужой для реализации в Большой Вселенной. Скоро мы уйдем отсюда, из «клетки» Универсума. Надеюсь, вы нам не откажете в помощи? — Сеятель посмотрел на жующего травинку Конструктора. — Впрочем, мы справимся сами. Но я хотел бы, чтобы вы представились моим друзьям. В большинстве своем они не знают, кто вы, принимая за другого.

Парень со шрамом кивнул, грустно улыбнулся в ответ на сверкнувший взгляд Грехова, снова слегка развел руками.

— Я — это я, Конструктор. И я же — Игрок! Не в оправдание, а для объяснения могу добавить, что я не предполагал, что моя Игра с Универсумом, клеткой плоти которого является ваша метавселенная-домен, отразится на судьбах вашей вселенной, на судьбах существ, давших мне жизнь.

Долго, долго толпа людей немо взирала на смущенно-печальное лицо Конструктора, озаряемое изнутри всполохами неведомых эмоций. Потом Ставр сошел с валуна, вышел вперед, обернулся к остальным (все это время, конечно, схватка с эмиссаром продолжалась на других горизонтах метасознания):

— Я, Ставр Панкратов, ратный мастер и файвер, г о т о в к формированию Над-Закона, способного остановить ФАГа (Ставр спиной ощутил тяжелый высверк взгляда Конструктора, но не обернулся) в пределах Солнечной системы. Готовы ли вы помочь мне?

— Это может стоить тебе жизни, — очень тихо сказал Грехов.

— Мы за ценой не постоим, — так же тихо ответил Баркович, становясь рядом с Панкратовым.

Потом к ним после недолгих колебаний присоединился Ян Тот, придвинулись ближе будда Нагарджуна и князь Орест, но их остановил Варфоломей Иван I:

— Не надо делать красивые жесты, друзья, мы все плывем в одной лодке. Что надо делать, сынок?

Панкратов повернулся к стоящим вместе Сеятелю и Конструктору, вдруг почувствовав, как эмиссар — там, в реальности боя — и с п у г а н н о посмотрел на своего задумавшегося повелителя.

— Пожалуй, я все-таки предпочту сделать красивый жест, — с улыбкой сказал Сеятель, шагнув к остальным, повернулся к Конструктору, разглядывающему людей. — В принципе, мы в вашей власти, Игрок. Да, мир изменится в любом случае, таков закон власти, Закон Перемен. Но... пусть он изменяется в соответствии с волей тех, кто его населяет. Вам доступна логика этого уровня? Делайте свой очередной ход.

И Конструктор...

7.02.95
г. Орехово-Зуево

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИКТ

Роман

Книга пятая. КОНТРРАЗВЕДКА

Часть первая. Террористы. Ставр Панкратов
Прорыв инфернальности 7
Нагуаль 14
Оценка положения 28
Мужские игры 45
Пойди туда, не знаю куда 57
Визиты сатаны и к сатане 72
Марс-тартар 86
Появление к-мигрантов 99
Нападение на шале 109
Вернувшийся из вечности 122

Часть вторая. Укрепрайон. Габриэль Грехов
Лемоиды и горынычи 138
Пас в борьбу 152
Тихий омут 163
Инцидент 176
Эскалация 187
Контрразведка-2 197
Бегство 209
Фаэтон-2 230
Запасной командный пункт 241

Книга шестая. ЗАКОН ПЕРЕМЕН

Часть первая. Инфекция закона. Ставр Панкратов
Рандеву с рондом 259
Тот Мудрый 266
Нырок в Чужую 280

Тибет—Меркурий 293
Меркурий—Солнце—Земля 307
Уровень-5 317
Бой местного значения 330
Бой местного значения (продолжение) 343
Контр-3 355
Закодированный 360
Прорыв 369
Конец эмиссара 381

Часть вторая. Война законов. Панкратов—Грехов

Команда 391
Орилоух — М13 402
Дуккха 415
Дно мира 422
Другая Вселенная 434
Возвращение в полночь 448
Гуррах 463
Файвер 475
К-мигранты и файверы 487
Contra mundum 497
И спаси еси всяго мя человеце 510
Война абсолютов 524

Головачев В.В.

Г61 Реликт: Роман. В 3-х томах. — Т. 3. — «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». — М.: Центрполиграф, 1996. — 541 с.

ISBN 5-218-00083-3 (Т. 3)

Это остросюжетный фантастический роман-эпопея в шести книгах, показывающий развернутую панораму жизни человечества в двадцать втором — двадцать четвертом веках.

Начинается роман встречей землян с реликтовой формой жизни в космосе, спора которой сохранилась со времени рождения Вселенной, а заканчивается грандиозным противостоянием разумных Вселенных, в котором люди пытаются отстоять свое право на жизнь.

Это роман о мужестве и бесстрашии, просчетах и ошибках людей, об их любви и ненависти, безумии и надежде.

Это роман, воспевающий жизнь во всех ее проявлениях, о воспитании человека в экстремальных условиях, об отношениях людей с космосом и с теми, кто его населяет.

Это роман приключений, полный активного действия и философских размышлений о смысле жизни, отрицающий равнодушие к последствиям любого шага человека.

ББК 84.Р7

Литературно-художественное издание

Василий Васильевич Головачев

РЕЛИКТ

Роман в трех томах

Том 3

Редактор *Т.П. Редько*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *В.Ф. Нефедова*

Корректор *Т.С. Дмитриева*

ЛР № 064206 от 10.08.95 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 21.06.96.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56.
Уч.-изд. л. 29,7. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2499.

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

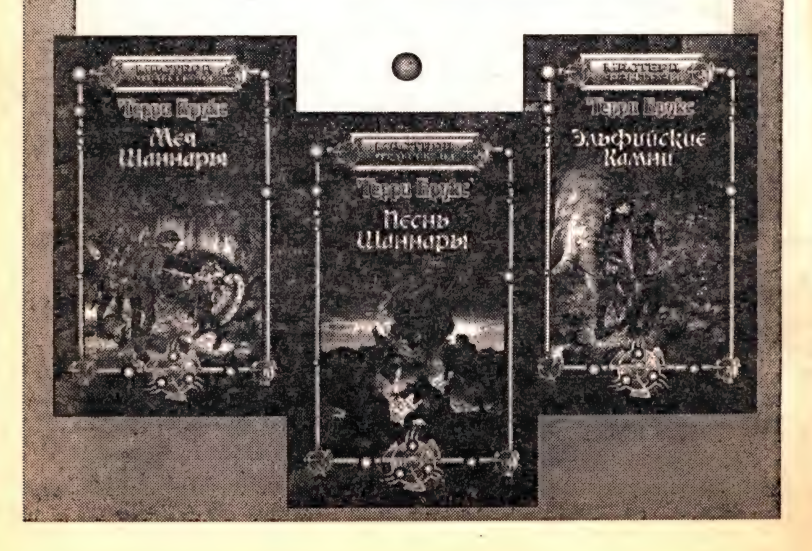
ГМП «Первая Образцовая типография»
113054, Москва, Валовая ул., 28

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ

Фэнтези — это жанр сказочной фантастики, в основе которого, как правило, увлекательный мифологический сюжет. Традиционная тема борьбы добра со злом раскрывается на материалах наиболее популярных древних народных саг. Серия открывается «Летописями Шаннары» Терри Брукса — широко известного мастера фэнтези. С их страниц сойдут сказочные персонажи: эльфы, гномы, тролли, дварфы, которые введут читателя в свой таинственный и жутковатый мир. Они сражаются с демонами и злобными тварями призрачного мира, но благодаря своему мужеству и помощи друзей, неизменно побеждают.

Т.Брукс «Эльфийские камни»
Т.Брукс «Меч Шаннары»
Т.Брукс «Песнь Шаннары»
Т.Брукс «Потомки Шаннары»
Т.Брукс «Друид Шаннары»
Т.Брукс «Королева эльфов Шаннары»
Т.Брукс «Талисман Шаннары»

В твердом целлофанированном переплете, формат 135 х 210 мм, объем 500—600 страниц.

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ
РЕЛИКТ
ТОМ ТРЕТИЙ